

Валентин Пиккуль.
Николаевские Монте-Кристо

Иногда будто разматываешь клубок запутанных ниток...

Однажды в герценовском «Колоколе» я встретил упоминание о некоем Политковском. Затем в воспоминаниях пушкиниста П. В. Анненкова наткнулся на это же имя («три миллиона, украденные Политковским у инвалидов»), причем в комментариях сказано: смотри «Дневник» А. В. Никитенко. Что ж, раскрываю том Никитенко, из записей которого заключаю, что в 1853 году Политковский крупно проворовался, бюрократия столицы пребывала в страхе от множества ревизий, а Николай I выдавил из своей железной души небывало откровенное признание:

— Конечно, Рылеев и его компания никогда бы *так* со мной не поступили...

Теперь мне интересно знать о Политковском *все*. Он уже попал в засаду. Логово вора обвешано красными флажками. Капканы на него расставлены. Пройдет год или два, может, даже десять лет, но я уверен, что Политковский непременно станет моей добычей. И он... стал! Первые мои записи о нем относятся к 1957 году, а сейчас на дворе 1974-й¹ — вот и считайте, сколько лет ушло на отслеживание этого редкого и крупного зверя.

Отныне о нем можно смело писать! Но прежде скажу два слова, предупреждающих события. Когда историки говорят о «прогнившей эпохе Николая I», то иногда с этим мнением не все соглашались. Ведь внешне все обстояло благополучно. На рубежах империи возводились мощные крепости, города отстраивались в камне, флот бороздил океаны, величие России никем в мире не оспаривалось, Брюллов и Пушкин, Глинка и Каратыгины — эти люди творили как раз в эпоху, которую как-то не хотелось бы называть «прогнившей». Но вот дело Политковского — удивительно сочный мазок на полотне царствования николаевского. На время забудем про императора, отложив сторону и «политковщину». Перед нами проплывает сонный и жирный карась — Саввушка Яковлев, с которого и следует начинать эту историю.

Савва Яковлев — миллионер, владелец золотых приисков и заводов. Когда он служил в гвардии, то в год тратил больше миллиона на забавы, причем отец угрожал ему — страшно:

— Вот, скотина безрогая, выдам тебе на год только сто тысяч рублей — будешь кость, как собака, глотать...

Николай I прощал Саввушке все его скандалы, ибо миллионер! Но однажды Савва завернул в кулек дохлую кошку, обвязал ее розами и, придя в театр, щедро бросил этот «дар восхищения талантом» к ногам актрисы Нерейтор, когда она раскланивалась перед публикой. Понюхав розы, заморская дева ощутила и некоторый запах, отчего тут же упала на сцене в обморок, а Саввушка был отставлен из гвардии.

— Шалить можно, но знай меру, — сказал император... Великосветский хулиган, окруженный легионом кутил и подхалимов, ничего не ценил — ни людей, ни вещей. Когда цирковая наездница Людовика Сполачинская ушла от него к полковнику Вадковскому, самодур перестрелял из пистолетов драгоценную коллекцию старинного саксонского фарфора. Со своими прихвостнями он поступал бесцеремонно. Однажды черт занес его в парикмахерскую на Невском проспекте, где он, развалясь в кресле, сказал им:

— Вы, огрызки моей судьбы, подождите меня. А ты, куафер, стриги мою башку под самый корень — так, чтобы на ней ничего не осталось. Стриги — не бойся, тысячу рублей дам...

Обовняли его наголо (а надо сказать, что «под ноль» тогда никого не стригли, даже преступникам каторжанам выбривали лишь половину головы). Савва Яковлев оглядел себя в зеркале:

— Ну, огрызки, как вы меня находите?

А что можно сказать человеку, который не ведает счету деньгам? И потому все мерзавцы и мерзавчики дружно восторгались:

— Превосходно! Изумительно! Ах, как вам к лицу...

— Значит, вам такая прическа нравится?

— Очень!

— Если вам понравилась моя прическа, — здраво рассудил Саввушка, — так тут, стало быть, и разговоров лишних не надобно... Эй, куафер! Валий их всех, как и меня, под самый корень!

Однажды Савва притащил гроб в фотографическое ателье, разлегся в гробу, взял в руки свечку и велел в таком виде снимать его. Дагерротипы «со смертного одра» он разослал по почте сановникам и министрам, все короли Европы и даже президент США получили изображение Саввы Яковлева, лежащего в гробу; кто такой — непонятно, но видно, что умер... Вскоре после этого миллионер вставил пистолет себе в рот и выстрелил. Это случилось в 1847 году.

Даже самые верные его забулдыги не пошли на кладбище провожать покойника, и за пышной траурной колесницей торжественно и одиноко вышагивал невысокий пузатенький господинчик—это и был герой головного процесса, Александр Гаврилович Политковский.

— Смотрите, — указывали на него прохожие с тротуара, — идет русский Монте-Кристо... Вы случайно не знаете ли, сударь, ради чего он плетется сейчас за гробом этого отпетого негодяя?

— А как же! Конечно, знаю. Покойник ему больше миллиона просадил в карты. Оттого Политковский и богат, аки Крез.

— Везет же людям, как поглядишь. Тут играешь-играешь и редко когда полтинник домой притащишь...

Политковский — да! — обыгрывал Яковлева, но, желая заручиться поддержкой на случай аварии в жизни, он тут же проигрывал эти денежки... Кому бы вы думали? Самому генералу Дубельту, что был правой рукой графа Бенкендорфа. Теперь кое-что уже ясно.

Россию войнами не удивишь, а войны не бывают без жертв, без инвалидов и пенсионеров. В солдаты брали тогда на долгий срок службы. По сути дела полк становился для рекрута родным домом, а деревня, семья, невеста — все это забывалось. Случись, искалечат на войне солдата — кому он нужен? Вернись он домой, так его там забыли уже здоровым и не станут кормить калеку... Вопрос сложный. На улицу ветерана тоже не выставишь из казармы. Надо как-то устроить его судьбу, чтобы он не стоял с протянутой рукой. А потому для увечных воинов издавна существовали в России инвалидные дома, где их кормили, одевали, снабжали табаком и протезами, и увечные ветераны жили все вместе, вспоминая по вечерам, как «били турку», как «ходили по Парижу и обратно». А для обеспечения инвалидов в столице существовал особый «инвалидный капитал», которым и ведал А. Г. Политковский.

Все в Петербурге знали о его кутежах с Саввой Яковлевым, знали, что он содержит балерину Волкову, осыпая ее бриллиантами, знали, что Политковский задает роскошные балы, которые никак не по карману чиновнику, пусть даже в чине тайного советника. Но при этом в бумажнике Политковского всегда хранилась сильная доза яда! Современник, бывавший в его доме, пишет так: «Несмотря на проявление такого поразительного богатства, конечно, никто не находил забавным останавливаться на соображении источников, из коих оно исходит. Большинство думало, что тут главную роль играли *карты*... А император Николай I подозревал всю Россию и всех своих верноподданных.

— Глаз да глаз! — сочно говорил он. — Кстати, не пойму, с чего это Политковский столь неслыханно богатеет?

Военный министр князь А. И. Чернышев вызывал к себе генерал-адъютанта П. Н. Ушакова, занимавшего в империи почетный пост председателя «Комитета о раненых»:

— Павел Николаевич, надо бы провести ревизию в инвалидном капитале, где владычит наш Монте-Кристо.

— Ваше сиятельство, стоит ли нам беспокоить почтенного человека? Недавняя ревизия никаких недочетов не обнаружила.

— Однако... глаз да глаз!

Ушаков неохотно вызывал к себе Политковского:

— Александр Гаврилович, завтра инвалидный капитал ревизовать станем... Ты уж, голубчик, не подведи меня. Расстайся! Сам знаешь, какие теперь всюду строгости. Глаз да глаз!

Политковский возвращался в свою канцелярию, где нужды инвалидов империи обслуживали его чиновники-счетоводы: Рыбкин, Тараканов и Путинский (последний — ближайший друг своего начальника, «страшный гуляка и голова забубенная!»).

— Взвейтесь, соколы, орлами, — призывал их Политковский к бдительности. — Завтра нас ревизовать станут...

Когда являлась комиссия, сундуки с миллионами красовались, заранее открытые настежь, все ведомости уже разложены для проверки, на отдельном столике призывно торчали горлышки откупоренных бутылок, закуски дразнила генеральское воображение, а «соколы», как им и приказано, реяли «орлами» между ревизорами.

— Милости просим, — скромно говаривал Путвинский. — Конечно, в таком деле, как наше, может, какие-то десять — пятнадцать копеек и завалились, но мы ведь тоже не боги... Считайте!

Политковский с ловкостью циркового prestидижитатора манипулировал перед комиссией разбухшими пачками ассигнаций. Ловко, словно шулер картишки, он тасовал пухлые колоды «пеликанок» — ценных билетов опекунского совета империи, на коих красовался в эмблеме пеликан — символ самоотверженной любви.

— Один миллион триста тысяч, миллион семьсот...

— Много там у вас еще, Александр Гаврилыч? — спрашивали ревизоры, с вожделием поглядывая на отдельный столик.

— К ночи управимся! Два миллиона четыреста...

— Не угодно ли перекусить? — клином входил в это скучное дело Путинский и ногтем постукивал по бутылке (темной, как и все тайны финансовых ухищрений инвалидного капитала).

Теперь, читатель, несколько слов утонченной лирики: жизнь была хороша, инвалиды довольствовались тем, что дают, а ревизии сумм, как правило, кончались вынесением «императорского благоволения» лично Политковскому, который, будучи в высоком звании камергера, частенько являлся ко двору:

— Молодец, Политковский! Служи и дальше так... Мне приятно сознавать, что мои инвалиды могут спать спокойно.

— Ваше величество, — отвечал Политковский, растроганный, со слезою в голосе, — я помню ваш мудрый завет: глаз да глаз!

Вскоре светлейший князь Чернышев, некогда бывший обворожительным шпионом в ставке Наполеона, прогнал сам и прогноил насквозь военное министерство: все блистательные плоды грабежа и тупости были вручены «при знаках монаршего внимания» новому министру — князю В. А. Долгорукому, о котором столичные остроумцы тогда говорили: «Если хотите быстро разбогатеть, купите князя Долгорукого за истинную его цену в десять рублей, а продайте кому-нибудь за три миллиона, в какие он сам себя оценивает!» Что-то там не учли при смене богов на Олимпе, и вот однажды явилась к Политковскому ревизия не от военного министерства, как обычно, а от госконтроля. Люди здесь штатские, настырные, знатоки всяких бухгалтерских подвохов. Стали они методично листать отчеты, вливаясь в каждую цифру глазами, и выкопали откуда-то 10 000 рублей, нигде не заприходованных в прежних ведомостях.

— Откуда они могли здесь взяться? — спрашивали. Казнокрад, как известно, улавливается на недостатке.

Но когда в казне обнаружены лишние деньги, то это тоже подозрительно.

— Сам не знаю, — отвечал Политковский, подмигнув Путвинскому: — Вы, сударь мой, случайно свои личные деньги сюда не вложили... просто так? Ради большей сохранности.

Путинский (жулик бывалый) треснул себя по лбу:

— Ах, какие мы все дураки!

— Только не мы, — сказали ревизоры из госконтроля.

— Помню, помню... — бормотал Путвинский. — Появились у меня лишние деньги. Ну, думаю, куда их деть? Еще украдут. Народ, знаете, какой. Вот и вложил. Здесь они, как в храме божием.

— Постойте, — придержали его контролеры. — Разве вы настолько богаты, что можете вложить в казенный сундук десять тысяч и забыть о них? Сколько имеете годового жалованья?

— Сто двадцать рублей, — сразу приуныл Путвинский.

— Это ваша коляска с кучером стоит за углом?

— Моя... Но если молодой человек посредством разумной экономии, ведя высоконравственный образ жизни, откладывая копейки...

Госконтроль лирики в финансах недолюбливал:

— Не городите чепухи! Капитал следует опечатать... Моментально, будто они с потолка свалились, нагрянули мастера своего дела. В канцелярии запахло сургучом, капавшим над пламенем свечи. На сундуках с деньгами разом ярко запыхали, как сгустки крови, контрольные печати.

— Мне можно идти домой? — спросил Политковский, а лицо его стало серым-серым, будто гипсовая маска.

— Пожалуйста, — отвечали ему ревизоры...

Тайный советник пришел домой и, не откладывая дела в долгий ящик, сразу же принял яд, с которым никогда не расставался.

Семья объявила в газетах о скоропостижной смерти кормильца и благодетеля, а в инвалидных домах служили молебны. Политковского нарядили в расшитый золотом мундир камергера и отвезли для отпевания в собор Николы Морского, где гроб утонул в цветах, а вокруг катафалка расставили массу табуреток, на которые возложили бархатные подушки с орденами покойного. Редакция газеты «Русский Инвалид» уже набирала высокопарный некролог, в котором воспевались заслуги Политковского перед престолом и отечеством. Но тут в собор проник пьяный Путвинский, который долго смотрел на своего начальника, лежавшего в гробу, как алмаз в табакерке, среди цветов и орденов, потом он громко сказал покойнику:

— Ай да Сашка, молодец! Навеселился и вовремя ушел от виселицы, а нам-то ее не миновать!

Очевидец пишет: «При этом Путвинский, к ужасу окружающих, хлопнул труп по раздутому животу и удалился». Политковский отравился 1 февраля, Путвинский хлопнул его по животу 2 февраля, а 3 февраля в кабинет Ушакова явились Тараканов и Рыбкин, которые еще от порога встали перед генералом на колени:

— Сибири все равно не миновать. Мы тут ни при чем. Это все Политковский, но его уже не схватить. Берите нас...

Ушаков в ужасе вцепился в свои густые бакенбарды.

— Звери, — топал ногами в ярости, — да вы же меня погубили! О боже, что скажет теперь князь Василий Андреич?

Военный министр князь В. А. Долгорукий сказал ему:

— Карету! Едем во дворец... А что скажет государь? Николай I оборвал с груди Ушакова аксельбант генерал-адъютанта, с мясом вырвал из плеча генеральский эполет.

— Вор! — сказал он. — В крепость его... за Неву! Неусыпная полиция бодрствовала. Из собора поспешно выкидывали табуретки с орденами. Политковского, словно куклу, вывернули из гроба на пол и, сорвав с него пышный мундир камергера, облачили труп в арестантскую куртку. Тут же забили в гроб гвозди, и ломовые извозчики отвезли тело на кладбище. Все вещи, убранство дома и сбережения Политковских — все было мигом описано, а семья сразу сделалась нищей... Николай I, всегда любивший поактерствовать, не удержался от этой слабости и ныне.

— Возьми мою руку, — сказал он князю Долгорукому. — Чувствуешь, как она холодна? Так же холодно и в сердце моем, и... кто может утереть мои слезы? Ах, мои бедные инвалиды...

Ревизия госконтроля обнаружила очень простую вещь. Пачки с «пеликанками» лежали лишь по верху сундуков. Под ними был выставлен слой денежных пачек, в которых ассигнации были сложены надвое, и надо обладать немалым талантом фокусника-иллюзиониста, чтобы, демонстрируя деньги ревизорам, ни разу не обернуть их тыльной стороной, где зияла зловещая пустота. А на дне сундуков величественно покоился просто *хлам* — старые газеты, какие-то тряпки, галоши и веники. Если бы ревизии проходили без панибратства, законно и внимательно, воровство Политковского и его приятелей вскрылось бы сразу. Но они безмятежно воровали с 1833 по 1853 год — и за двадцать лет так и не попались!

Ревизия обнаружила недостачу в 1 200 000 серебром. По тем временам на такие деньги можно было снарядить и отправить в кругосветное путешествие эскадру кораблей.

Дело Политковского совпало с обострением политической обстановки в Европе; летом того же 1853 года, когда в верхах столичной бюрократии искали следы казнокрадства повсюду, когда срывались с генералов аксельбанты, а казначеи травились и вешались в полном недоумении от того, что происходит, в это же самое время Николай I решил ввести войска в Дунайские княжества. 18 ноября адмирал Нахимов в блистательной победе при Синопе уничтожил флот турецкий, но в Черное море сразу вошла англо-французская эскадра. Началась Крымская война, которая и вскрыла перед миром все язвы николаевской эпохи. Даже буржуазные историки не щадят Николая I: «Ему пришлось воочию убедиться в несовершенстве своей системы и в отрицательных сторонах того режима, который ознаменовал конец его царствования». Но это еще слишком мягко сказано!.. Даже беспредельный героизм защитников Севастополя не мог спасти от неизбежного поражения. Не Россия и не русская армия были побеждены в этой войне — был побежден сам император!

«Недели за три перед его кончиной видели его ехавшим в санках по Дворцовой набережной: он был мрачен и, зорко устремив глаза на Петропавловскую крепость, не сводил глаз с этого жилища успокоения своих достославных предков...»

Так сообщает очевидец. К этому следует добавить, что в этот момент Николай I взирал не столько на свою будущую могилу, но и на то узилище, где сейчас сживали по камерам Алексеевского равелина друзья-приятели Политковского.

В эти дни, когда в Зимнем дворце с трепетом ожидали курьеров из Севастополя, Николай I принял Ивана Яковлева (брата Саввы Яковлева), и тот сделал императору заявление:

— Ваше величество, в дело прохвоста Политковского оказалась замешана и священная память моего брата Саввы, отчего и прошу, ради пресечения вздорных слухов в столице, принять от меня в инвалидный фонд ДВА МИЛЛИОНА РУБЛЕЙ...

Николай I подачку принял и наградил дарителя золотым ключом камергерства, отнятым у мертвого Политковского.

— Благодарю, — сказал он, вытирая набежавшую слезу. — Теперь мои инвалиды опять могут спать спокойно...

Царствование кончилось крахом! Николай I не нашел ничего умнее, как последовать по стопам Политковского — он принял яд и умер, причем хоронили его с такой же обоснованной поспешностью, с какой погребали и жулика Политковского, ибо его величество разлагался столь быстро, что даже близкие не могли выстоять подле гроба больше минуты. А перед смертью Николай I зловеще предупредил сына — будущего императора Александра II.

— Крепись, Сашка! — сказал он наследнику. — Я сдаю тебе команду над Россией не в добром порядке...

Трагедия жизни этого самоуверенного человека заключалась как раз в том, что он и сам понял всю истину своего царствования.

Но довольно: спи спокойно,

Незабвенный царь-отец.

Уж за то хвалы достойный,

Что скончался наконец!

Так писал на смерть царя демократ Дмитрий Писарев...

Теперь читатель и сам может прийти к выводу, что историки не ошибаются, когда говорят о «прогнившей эпохе Николая I».

Политковщина — как волшебный фонарь, который высветил из мрака всю мерзость разложения николаевского царствования.

ФАЙБЫШЕНКО ЮЛИЙ

РОЗОВЫЙ КУСТ

Повесть

В Горны я попал случайно. Бродил по знакомому с детства Затормы, обошел кладбище со старыми, не поддающимися времени отполированными цоколями купеческих памятников, вышел за ограду, спустился по Заварной и вдруг увидел пруды, поросшие ряской, наглухо замкнутые с двух сторон высокими заборами, на которых, навалься, дремали яблоневые ветви. Буйно зеленел на противоположном берегу травянистый бугор. По стежке я выбрался туда, огляделся. Со всех сторон подступали к укрытой недалеке за насыпью железнодорожной линии кварталы пятиэтажных типовых зданий. Горны лежали внизу, обойденные новыми микрорайонами, но пока не тронутые. Дома там стояли вразброд, как попало. У некоторых не было даже заборов. А там, где они и были, за их дощатой неприступностью крылись отнюдь не сады и оранжереи. В Горнах всегда жили люди пришлые, не собиравшиеся оседать здесь надолго, и теперь, когда новостройки обкладывали поселок, как победоносные армии ветхую крепость, еще яснее была его обреченность. Но прямо на взгорке, за которым они и начинались, собственно, эти самые Горны, ударил мне в глаза внешний розовым цветением могучий куст шиповника. Я стоял перед ним, удивляясь его нездешности и рокошущей под ветром ветвистой мощи, сумасбродству самого его красочного явления на скудной и угрюмой земле Горнов. Откуда он? Какой ветер развеял в этих местах розовое семя? Неужели дикая воля природы закинула сюда крохотное зернышко, давшее потом такие цепкие рослые всходы?

Нет, оказалось — куст этот посажен здесь человеком. Давно. Почти полвека назад. Тогда он был розой. Но годы шли, умер человек, присматривавший за ним до самой своей смерти, и вот теперь цветет в Горнах шиповник. Но шиповник — это всего лишь одичавшая роза. А лет прошло много, было с чего ему одичать.

Вот она, эта история.

Глава I

Рабочий день в бригаде по особо тяжким преступлениям заканчивался. Ветер заносил в открытое окно томительный запах сирени. За оградой угрозыска в соседних садах шумели яблони. Кроны, опушенные белым цветением, делали их похожими на гимназисток в форменных фартуках. Закат порой проливался на них, и белые их наряды начинали лиловеть в наступающих сумерках:

- В карты, что ли сыграем? — спросил Селезнев. Он осмотрел остальных и ни в ком не нашел поддержки.
- В азартные игры не играю, — сказал Стае, поднимая свою взъерошенную кудрявую голову, — и тебе не советую.
- Это почему же? — насмешливо полюбопытствовал Селезнев.
- Как партийцу, — сказал Стае.
- Ах, какие ужасы! — захохотал Селезнев. — Яйца курицу учат!

Климов хотел было срезать Селезнева, сказав, что тот давно напоминает ему каплуна, но дверь распахнулась, и дежурный завопил:

— Особо тяжкие! На выезд!
Они кинулись вниз.

Дежурный, топоча по ступеням подкованными сапогами, на ходу криливо излагал:

— Позвонила и орет: «Скорее! Скорее! Скорее!» Я говорю:

«Что случилось?» А она: «Скорее! Скорее!» Я говорю: «Адрес давай!» А она опять: «Скорее!» В общем, у парка, Белоусовский проезд, дом два. Особнячок такой...

- Погоди, — сказал Климов, останавливаясь, — да там же доктор живет, Клембовский.
- Вот оттуда и звонили...

«Фиат» у шофера Коли долго фырчал, пыхал дымом, но не заводился. Поочередно крутили ручку. Климов уже хотел бежать за извозчиком, но мотор вдруг зарычал, и они вскочили в машину. Через ворота на Тургеневскую, затем по Базарной, разгоняя кур и собак, прыгая по булыжникам выщербленной мостовой, пугая старух на завалинках. Затем поворот на улицу Свободы, дальше по Алексеевской, и на углу перед первыми кустами парка встали у двухэтажного особняка с приветливым палисадником.

— Климов, за понятиями! — приказал Селезнев, а сам со Стасом помчался на второй этаж.

На первом жил ювелир Шварц. Открыла бледная горничная, семейство стояло в столбняке, с выпученными глазами. Старик Шварц в расстегнутой визитке сидел в кресле, прикладывая платок ко лбу.

— Гражданин Шварц и вы! — сказал Климов, ткнув ладонью в горничную. — Попрошу быть понятиями.

- Это они ко мне приходили! — объявил Шварц и уставился перед собой.
 - А вы кто такой? — вдруг закричала его жена, толстая, набеленная женщина с громадными глазами, опухшими от слез.
- Климов показал им удостоверение.

— Угрозыск, — сказал он, — и давайте, граждане, без паники. Не к вам они приходили, а к доктору. Они в таких делах не ошибаются.

— Скажите, — сказал вдруг растерянно, по-старчески завертев головой, Шварц, — можно здесь выставить охрану? Я заплачу!

— Мы вас и так охраняем, — сказал Климов. — Пройдемте, граждане наверх.

— Вы нас охраняете? — закричал Шварц, с внезапной прыткостью вскакивая на ноги. — Да вы рады, что нас укокошат! Вы рады! Вы их даже не ловите! Они же убивают нэпманов! А кто для вас нэпман? Это наживка на удочке! Вы не согласны? Когда убивают рабочих, вы казните! А когда нэпманов, то все равно что червяка! Нэпман для вас не человек! Тогда для чего вы нас разрешили?

— Мы вас всех защищаем, — ответил Климов. — Пошли наверх, папаша. Наши ждут!

Наверху в комнатах все было перевернуто. Стеллажи, опоясывающие коридор и другие комнаты, были частью выворочены, книги свалены в груды, диваны взрезаны, письменный стол в кабинете зиял пустотами нутра. Ящики вынуты и брошены тут же. Зубоврачебное кресло и бормашина в кабинете сдвинуты с места.

В кухне, прислонившись к стене виском, застыла светловолосая девушка. Молча, огромными глазами, в которых еще плавал неугасший ужас, смотрела она на двигавшихся вокруг людей. Это была дочь Клембовских.

— Климов! — крикнул из комнат Селезнев. — Сюда!

Он толкнул дверь и вошел в одну из комнат. Стас и Селезнев стояли над трупами. Убитых было четверо. Они лежали лицом вниз, затылки были у всех разможены чем-то тяжелым. Пол и стены сплошь были забрызганы кровью.

— Веди понятых! — приказал Селезнев и, кивнув Стасу, стал приподымать трупы для опознания.

Шварц и горничная вошли. Старик, скорчившись и открыв рот, не мог оторвать глаз от убитых.

— Это кто? — спрашивал Селезнев, морщась и поворачивая голову рослого мужчины с искаженным криком лицом. Мужчина был в жилете и выпущенной из-под него ситцевой рубашке, сапог на босых ногах не было. Почти раздеты были и остальные.

- Кто это, спрашиваю? — уже с раздражением вы крикнул Селезнев и отпустил голову. Она звонко ударила в паркет пола. Все вздрогнули.
 - Дворник... — пробормотал Шварц. — А я все думаю, почему Кузьма с субботы не заходил...
- Горничная, мутно-белая, стояла, раскачиваясь всем телом, и вдруг медленно начала оседать на пол. Климов едва успел подхватить ее.

— Воды! — сказал он.

— С-сатана! — ощерился Селезнев. — Какая тут вода! Оттащи ее на кухню. Там отдышится.

Климов отнес горничную в кухню, положил там на стол. Дочь Клембовских, оторвавшись от стены, подошла, всмотрелась в лежащую, потом принесла воды, набрала в рот и брызнула ей в лицо. Веки у горничной затрепетали.

Климов вышел.

Инструктор по научной части сметал на свои бумажки слой пыли в коридоре. Фотоаппарат и тренога стояли в углу.

- Сняли, Потапыч? — спросил Климов.
- Увековечил, — Потапыч обернулся и дунул себе в усы. Оба конца вскинулись и осели. — Почерк знакомый.
- Те, что на хуторе поработали? — спросил Климов.
- Они. — Потапыч снял и, внимательно оглядев, вытер пенсне. — Очень беспощадно работают. Нет, это не здешние.

Наши кодекса боятся. По возможности не убивают. Это залетные.

- Вы мне дело говорите! — гаркнул Селезнев за дверью. — Что лепечете? Я говорю: вы что, шума не слышали?

Чуть слышно зашелестел голос старого Шварца.

- На понятых кричит, на арестованных кричит! — поудивлялся как бы про себя Потапыч. — Нет, господа красные сыщики, не одобряю я ваши методы.

Климов заглянул на кухню. Дочь Клембовских сидела за столом и пристально разглядывала что-то на противоположной стене. Казалось, она даже не осознает случившегося. Солнце плавил золото ее волос. Коричневые зрачки медленно коснулись Климова и вновь бездумно отвлеклись к прежней точке.

Приехал эксперт судебной медицины. С ним оставались Стае и Селезнев. Им предстояло опросить соседей. Климов и Потапыч могли возвращаться в управление.

- Красотку эту прихватите! — приказал Селезнев, указывая подбородком на кухню. — Климов, сними допрос.

Климов растерянно кивнул. Было совершенно непонятно, как снимать допрос с человека в таком состоянии. Он вошел на кухню. Девушка сидела в той же позе, что и раньше. Худые локти были уперты в стол, глаза высматривали что-то на противоположной стене.

- Гражданка, — беспомощно затоптался рядом с ней Климов, — вам надо... В общем, поедете с нами.

Девушка с усилием вслушалась в его слова, казалось, она осваивает незнакомую чужеземную речь.

- Тут... недалеко, — мучился Климов, оглядываясь назад, — машина ждет.

В этот миг на кухню бочком скользнул Потапыч, оттер Климова и, не говоря ни слова, взял девушку за локоть и повлек ее к двери. Клембовская прошла, взглянув на Климова с немой и бессмысленной покорностью.

Пока ехали, не обменялись друг с другом ни единым словом. В подотделе Климов наконец взял себя в руки. Жалость жалостью, а дело делом.

- Ваша фамилия, имя, отчество?
 - Клембовская Виктория Дмитриевна, — пробормотала девушка. Взгляд у нее стал осмысленнее. — Вы их найдете?
- Глаза ее сузились. В них появилась странная, почти сумасшедшая настойчивость, от которой Климову стало не по себе.
- Вы вот поможете, — сказал он, не выдерживая силы ее взгляда, — думаю, поймает. — Воротничок был хоть выжми. Он пересилил себя. — Где вы работаете?
 - Учусь, — она опустила ресницы, и что-то в лице ее сразу постrojело, — в Москве на медицинском факультете.
 - Расскажите, как вы обнаружили... — он все время подыскивал слова, — как вы...
- Она подняла веки. Глаза ее опять ушли куда-то. На виске пульсировала жилка.

— Открыла дверь, — она задохнулась, секунду помолчала, но справилась с собой. — Открыла дверь... Никто не встречает... Вошла в папин кабинет. — Бдительный Потапыч подскокил со стаканом воды. Она пила, зубы лязгали о стекло.

- Отдохните пока, — сказал Климов, злясь на Селезнева за скоропалительность этого допроса. В конце концов, допросить можно было бы и через час.

В полном молчании они просидели минут пятнадцать. Входил и уходил Потапыч. Ветер из открытого окна подобрался к золотым волосам Клембовской и затрепал над узким лбом тонкие, светящиеся пряди. Сквозь окно доносились шумы двора. Переговаривались возчики, ржала лошадь, фыркал мотор «Фиата». Протарахтели колеса, процокали копыта. Раздался голос Селезнева, и через минуту он уже входил в подотдел, стягивая на ходу кепку с круглой головы. Он сдвинул Климова со стула, сел на его место, прочитал протокол и взглянул на Клембовскую.

- Замок открывали, легко поддался?
 - Как всегда, — ответила она.
 - Из вещей что унесено?
 - Не знаю, — она посмотрела на него с досадой, — кажется, ковры, верхняя одежда... Не интересовалась...
 - Ясно, — с полусмешкой на непонятно ожесточившемся лице пробормотал Селезнев, — не до низменных материй, так сказать.
- Клембовская вскинула ресницы. Зрачки ее сфокусировались на переносице Селезнева. Все лицо ее враждебно напряглось.

- Золотишко-то водилось у папаша? — небрежно оглядывал ее Селезнев.
 - Золотишко? — переспросила она. Неотрывные ее глаза что-то выискивали на селезневском лице. Климову показалось, что на минуту сквозь враждебность на лицах обоих проступило нечто вроде взаимопонимания, Клембовская зло улыбнулась: — Золотишко отец давно сдал...
 - Уважал наши законы, — хмыкнул Селезнев, — золотишко сдал, а все эппманы города его золотыми коронками сверкают!
- Климов изумленно смотрел на Селезнева: что он делает? О чем он спрашивает?

Хлопнула дверь, вошел начальник управления Клейн.

- Здравствуйте, товарищи!
 - Здравствуйте, — Селезнев кивнул на Клембовскую, — вот по делу об убийстве на Белоусовском, два.
 - Клембовская Виктория Дмитриевна? — спросил Клейн, присаживаясь сбоку на стул. — Соболезную, мадемуазель.
- Клембовская перевела на него тяжелый взгляд, установила что-то для себя и опять всмотрелась в Селезнева. Клейн в секунду оценил ситуацию.

- Устроим перерыв, — сказал он, четко, как всегда, выговаривая русские слова, — вы можете отдохнуть, мадемуазель, потом продолжим. — Ряд русских звуков не давался Клейну.
- Вы в самом деле заинтересованы узнать что-нибудь кроме того, не утаил ли отец от государства золото? — Клембовская встала. Голос у нее был напряжен, как струна.
- Гражданка, — тоже встал Клейн, — мы же хотим помочь вам!
- Я обойдусь! — уже от двери отрезала она. — Как-нибудь выясню все и без рабоче-крестьянского розыска. — Дверь за ней хлопнула.
- Буржуйская дочка! — сквозь зубы просипел Селезнев. — В восемнадцатом мы таких на принудработы гоняли, а теперь я что, нанялся им прислуживать?

— Товарищ Селезнев, — жестко взглянул на него Клейн, — ви должны научиться отбрасывать все личное при допросах. Объявляю вам вговор. Он будет в приказе.

— Объявляйте, — набылчился Селезнев, — но я им не дешева, чтобы перед нэлманами на задних лапках прыгать!

— У нее семью перебили! — почти крикнул возмущенный Климов. — А ты...

— Жалостливые стали! — Селезнев с презрением оглядел Климова. — Погодите, дождаетесь. Они вам революцию живо в отхожее место переделают!

— Внимание, — перебил Клейн, — к этой теме есче вернемся. Сейчас о деле: убийство на Белоусовском, два, редкое по жестокости. Таких преступников ми упустить не имеем права. Пока у нас нет следов. Однако план есть. — Он оглядел всех прищуренным взглядом. — Ми давно готовили чистку гнилых углов. Теперь она назрела. Привлечем части ЧОНА и пехотни курсы. Бьем сразу по сами опасни место — по Горни. Затем переключаемся на беженски бараки у Воронежски тракт. После них очередь притонов на Рубцовской.

Климов и остальные слушали его молча. Клейн умел мыслить широко и точно. Это был высокий черноволосый австриец, с черной щеточкой усов под изящным носом, с умными серыми глазами на худом интеллигентном лице,

В пятнадцатом под Перемышлем во время отражения кавалерийской атаки лейтенант Клейн был взят в плен русскими драгунами и оказался в туркестанских лагерях для военнопленных. Революционная пропаганда прорывалась сквозь проволочные заграждения и тесовые стены барак. В начале восемнадцатого года вооруженные русские рабочие распахнули ворота лагерей для военнопленных. И многие тогда связали свою судьбу с русской революцией.

Тяжелое, опасное настало время. Почти два года шагал теперь уже коммунист Клейн по выжженной, встречавшей пулей и казачьим гиком земле фронтов. Дрался под Иркутском и Омском, под Царицыном и Лозовой. На русскую землю падала кровь дважды раненного в боях за революцию австрийского студента и бывшего лейтенанта.

В девятнадцатом его вызвали в отдел по работе с военнопленными.

—Принято решение отправить на родину часть наших товарищей,— сказал ему пожилой человек в кепи австрийского солдата.— Согласны ли вы вернуться, чтобы и там продолжать борьбу?

Клейн кивнул. Виски его вдруг обдало жаром волнения.

—Я согласен,— сказал он.

В конце девятнадцатого он вернулся на родину. Его высокую тонкую фигуру видели на венских заводах, глухой его голос слышали на митингах в Линце, Зальцбурге и Вене. Потом перешел границу соседей Венгрии. Через год за ним захлопнулись ворота будапештской тюрьмы.

В двадцать первом товарищи вырчили Клейна. Он бежал.

А через несколько недель страна, ставшая его второй родиной, вновь приняла его к себе. С тех пор прошло два года, и вот теперь он снова пошел туда, где было жарко,— бороться с бандитами. Он руководил губернским розыском. Слово его ценилось дорого. Розыск при нем повел широкое наступление на местную уголовную братию. Но бороться было трудно. Город лежал на пути с юга к Москве. Залетные бандюги появились здесь неожиданно, как чума в средние века. После них оставались трупы и чудовищные слухи. Но Клейн осторожно и уверенно вел свою игру. Он походил на шахматиста, когда, склонив голову, как это было сейчас, излагал свои тщательно продуманные планы.

— Самое важное — информация, — заканчивал свое сообщение начальник, — кто-то знает про убийство. Знает и его участники. На Горни знают многие. Раскидываем бредень. Загребем один голавль — неплохо, выудим карась — хорошо. — Он замолчал, потом оглядел всех повеселевшими глазами и чуть улыбнулся.

— А поведет на операцию вас Степан Спиридонович. Наконец и он с нами. Это есть мой сюрприз... Сбор в одиннадцать. Все.

В одиннадцать на тускло освещенном дворе губрозыска собралось полтора десятка сотрудников. Вечер обдавал холодным ветром. Большинство было в шинелях. От конюшни до ворот в линию стояли пять фазтонов. У забора переговаривались возчики. Парни из бригады по особо тяжким поджидали своего начальника и глухо поминали Горны.

Когда-то, несколько веков тому назад, была там Гончарная слобода. Еще и сейчас виднелись на этих местах развалины каменных горнов, на которых обжигали когда-то глину. От них и получила слободка свое название. Теперь это была вольная слободка Горны — приют налетчиков и воров.

Вечерами выползали оттуда волчьи стаи. К рассвету сходились с добычей, делили ее у костров, пили, расшибали тьму гармониями и гитарой. По утрам по канавам и скверам города подбирали трупы обобранных до нитки людей. В прошлом году впервые дошли у властей руки до Горнов. Чоновцы и курсанты, окружив их со всех сторон, с боем ворвались в поселок. После стрельбы и повальных обысков увели с собой несколько десятков захваченных бандитов, унесли пять тел убитых и восемь раненых товарищей.

Но слишком удобно разлеглись они, Горны, — на самой границе города, железной дороги и степи. Было куда идти на дело, было куда ударить при опасности — рядом Москва, в другой стороне дорога на юг. И опять полнились Горны махровым цветом уголовной бражки.

Об этом и толковали ребята из бригады по особо тяжким, когда наконец появился и начальник.

Клыч, плотный, широкоплечий человек в кожаной куртке, поглаживая короткие светлые усы, объяснял что-то возчикам. Клыча в бригаде любили. Он умел быть своим, оставаясь при этом начальником. В схватке первый, он не лез на глаза начальству, держал слово и резал правду-матку всем и всегда, не думая о последствиях. Он был моряк, на английских и русских торговых судах обошел моря и океаны, повидал мир, побывал в передрягах и умел их встречать, не теряя соленого матросского юмора и твердого своего нрава. Перед этим за месяц Клыч был ранен в перестрелке. Брали банду Ванюши. Ванюша отстреливался до конца, банду взяли, а частью перебили, и только помощник атамана Тюха удрал. Он и ранил Клыча.

Стае, Селезнев и Климов топтались в углу двора. Дул западный ветер. Селезнев был в штатском. Остальные в шинелях и суконных шлемах. Подошел Гонтарь, огромный парень с улыбочивым лицом, на котором сапожком выдавался крупный нос.

—«Прага»,— голосом конферансье объявил он.— Арбат, два, телефон один шесть — три девяносто пять. Ежедневно. Новая грандиозная программа. Гражданин Афонин: обозрение Москвы, А. Рассказова, Рене Кет Арман, Фокстрот. Шимми. Николаева, Горский, Орлов.

— Протокол, а ну попридержи язык!— крикнул Селезнев.

Клыч, стоя под фонарем, поманил их рукой. Всей группой окружили его. Он осмотрел собравшихся.

— Братишки,— сказал он, разглаживая короткие усы,— чистить Горны сегодня не пойдем.— Он помолчал, небольшие глаза его зло блеснули под густыми светлыми бровями.— На Горнах,— он приостановился и снова оглядел каждого,— на Горнах нас ждут.

Все молча смотрели на него. Возчики позади причмокивали языком. Хрупали лошади.

— Как так?— вырвалось у Климова.

— Так!— сказал Клыч.— Объявлено в шесть вечера. После убийства Клембовских. А к вечеру на Горнах уже ждали. Все остолбенело паялились на начальника.

—Что это означает, мне вам толковать ни к чему,— глухо сказал Клыч,— или среди нас есть шпанка, которая все доносит своим. Или... со стороны кого-то допущена неосторожность. Поэтому маршрут у нас иной. Будем проверять чайную и бывшие беженские бараки на Воронежском тракте. Там тоже шпаны что грязи. Не промахнемся. Кто у нас в штатском?

Вперед протолкались Селезнев и еще двое.

— Поедете со мной,— приказал Клыч,— в первом фэзтоне. Остальные — разберись по тройкам и по местам!

Толкаясь и переругиваясь, разместились в фэзтонах. Со скрипом открылись ворота, и возки с цоканьем выкатили в ночной, тускло освещенный город. В передних колясках были места, но особо тяжкие не пожелали разделяться. Вчетвером они теснились на сиденьях, и, полужадушенный огромный тушей Гонтаря, Стае делал тщетные попытки выкарабкаться из-под него.

— Все люди как люди,— рассуждал широкоплечий Филин, ворочаясь между Гонтарем и Климовым,— отработали смену и дрыхнут или там любовью занимаются, одних дундуков этих — сыскарей — в любую погоду и в любой час на операцию гонят.

— Тебя что, на аркане в розыск тащили?— придушенным голосом возмущился из темноты Стае.

— Да вишь ты,— сплюнул куда-то во тьму Филин,— оно вроде и добровольно, только дюже накладно.— Он помолчал, потом хрипло рассмеялся:— А вообще служба заметная. Раньше был кто? Ванька Филин, и все. Только и шуму что хулиган. А теперь по Затормажу идешь, только что собаки не здороваются. Хозяин мастерских Гуляев Семка шапку ломит: Ивану Семенычу! А раньше, как после армии я к нему устроился, так чуть не за шкуру таскал...

— Темный ты, Филин, как душло,— выбрался наконец из-под Гонтаря Стае,— на нашей службе каждый должен понимать идею. А тебе только галуны да нашивки подай! Знал бы, с какими мыслями к нам идешь, перед коллегией вопрос поставил бы: отчислить.

— Бона!— обиделся Филин.— А в деле я не показался? От пули прятался? И Ванюша не от моего нагана в пыль зарылся? Плох Филин, плох, что толковать...

— В деле тебя проверили,— уже менее уверенно заговорил Стае,— тут ничего не скажешь... Только вот мысли твои... каша у тебя в голове, Иван.

—Гримасы фортуны,— прорезал цокот и тарактение экипажа высокий голос Гонтаря,— взять вот меня. О чем мечтал на фронте? Не поверите: устроиться в цирк и стать чемпионом по французской борьбе. Демобилизовали, а в цирке на пробу выпустили на меня самого Кожемякина. Крах карьеры. Где, думаю, подойдут мои физические совершенства? Пошел в розыск.

—А вот меня ячейка послала,— с обвинительной ноткой в голосе сказал Стае,— стал бы я со всякой мразью возиться. А ребята говорят: уголовщина, бандитизм сейчас — один из самых трудных фронтов республики, я и пошел. А ты, Климов?

Стае и Климов уже около двух месяцев жили на одной квартире, но Климов был так немногословен, что Стае, где только мог, стремился вызвать его на разговор.

Луна выползла и осветила улицы. Ночь, полная звезд и городских щекоцущих запахов, смутным ожиданием будоражила души. Под скрип колес в тесноте, но не в обиде уютно было разговаривать, вдыхая крепкий шинельный и табачный дух друзей.

— Ехал я с польского фронта,— заговорил Климов,— ехал с другом, бывшим моим комроты. Приехали в Москву, у меня план верный: университет. Как-никак бывшее реальное за спиной. Кончал, правда, его уже как школу имени Карла Либкнехта, но это не мешало, наоборот, помогало. Короче, приехали. Поселились на Воздвиженке, у его родственников. Ему еще до Самары ехать. Жена его там ждала и девочка. Голод страшный, да и родственники косятся: из армии голяком... Пошли на Сухаревку закладывать или продать мой польский офицерский ремень — трофей — и его часы. Именные были часы, с монограммой. Народу на Сухаревке погибель.

— Кипень!— встрял Филин.— Палец не просунуть.

— Раскидало нас,— продолжал Климов,— гляжу вокруг: нету друга. Ходил-ходил, затосковал. Через час с лишком гляжу: у палаток столпотворение. Бегу туда, продаюсь сквозь толпу: труп. А лежит мой комроты голый, как перед медицинской комиссией.

Климов замолчал. Дробно стучали копыта. Выезжали на Первогильдейную, за ней лежал Воронежский тракт.

—Шесть лет человек на фронтах отбухал,— с трудом сдерживая дрожь губ, говорил Климов,— ранен был несчетно, выжил, девчонку на свет произвел. И умер ни за понюх... Часы его с монограммой кому-то понравились...

Климов перевел дыхание.

—Вот тогда и решил: буду уничтожать эту мразь!— Он глубоко, до кашля, затынулся.— Эгоизм, братцы, много проявлений имеет, не знаю, избавится ли человечество когда-нибудь от него...

—При социализме избавимся,— вновь подал голос Стае,— при социализме человек будет заботиться прежде всего о других, а не только о себе.

—Не знаю,— сказал Климов.— Хорошо бы, если так... Но думаю, страшнее эгоизма, чем уголовщина, нет! Убить человека, чтобы денежки его в тот же вечер спустить в притоне,— нет, ребята, такую сволочь вывести, и помереть не жалко. Считаю, служба наша — вполне на уровне. Полезная она людям.

Все молчали под дребезжание фэзтона.

Отстали последние домики. Впереди забелела полоса тракта. Что-то черное и извилистое змеилось по шоссе. Долетел звук мерного солдатского шага.

—Чонов нагнали!— определил Филин.— Гля, ребята, церемониальный марш!

Передовые коляски остановились.

—Рота,— донеслось издалека,— стой!

Дважды шлепнули и замерли подошвы. Клыч в первом фэзтоне разговаривал с кем-то невидимым в темноте. На подножку последнего экипажа вскочил человек. На курчавых волосах высоко стояла фуражка со звездой. Два веселых глаза смеялись с узкого горбоносого лица.

— Здорово, сыскари! Ильина тут случайно нет?

— Яшка?— Стае окончательно отвалил от себя Гонтаря.

— Докладываю, как бывшему члену ячейки,— курчался курчавый,— два взвода ЧОНа с механического завода изъявили желание участвовать в операции. Явка стопроцентная — и все ради ваших прекрасных глаз, Станислав Иванович, в качестве личной охраны бывшего отсека ячейки. Видал, как стоят?— несмотря на юмористическую интонацию, в голосе парня была гордость

Действительно, чоновцы стояли, не ломая строя, ровно глядели в небо дула винтовок. А Яшка Фейгин, балагур и оратор, преемник Стаса на посту секретаря комсомольской ячейки мехзавода, смотрел на них с подножки фэзтона, счастливо и гордо щурясь.

— Ро-о-таН— запел командир.

Яшка прыгнул. Фэзтоны тронулись. Сбоку в ногу шла колонна. Молодые ребята в кепках и суконных шлемах четко отбивали шаг. Ахали мерно вшиваемые в пыль сапоги и солдатские ботинки.

Замелькали огоньки наверху. Начиналась Мыльная гора. За ней лежал Воронежский тракт. Чоновцы разбились на группы. Двигались тихо. У приземистых, длинных, тускло отсверкивавших огнями построек остановились.

— Трое во двор,— распорядился Клыч.— Все, кто не при форме. Как войдем, двое у входных дверей, остальные по комнатам. По одному ни в коем разе. ЧОН, окружай бараки, никого не пропускать. Пять человек с нами!

...Окончательно разделились с бараками только часам к двум ночи. Нашли и оружие, и несколько самогонных аппаратов, и трех беглых из домзака. Коляски, набитые трофеями, арестованными и охраной, отправили в город. Чоновцев Клыч тоже отпустил. У них смена начиналась в семь. К чайной Брагина пошла вшестером.

Луна взошла и широко осветила пустую, с редкими стеблями ковыля степь. Впереди мерцал огонь. Это и была чайная Брагина. Она стояла на самом краю города, у Воронежского въезда. Около не было никаких других строений, лишь где-то далеко чернели развалины.

— Кто тут бывал?— негромко спросил Клыч.

— Я,— подал голос Филин.

Все шестеро быстро шагли по майской влажной траве и отчего-то говорили приглушенными голосами.

— Селезнев и ты, Филин, вы обходите сзади,— прика-
зывал Клыч.— Там второй выход есть?

— Есть.

— Что во дворе?

— Сарай и клетки.

— Двор — ваше дело. Кто выскочит — брать. Остальные в чайную!

Они перескочили ковет и подошли ко входу. На крыльце кто-то валялся, пьяно рыгая. Клыч, переступив через него, отворил дверь и шагнул внутрь. За ним втиснулись остальные.

— Угрозыск! Не шевелиться!— объявил Клыч.— Проверка документов.

Самые разные фигуры замерли за столами. Армейские шинели, крестьянские кожухи, городские пальто, полуголые пропойцы в грязных лохмотьях. Большинство вцепились руками в бутылки на столах. Климов давно замечал, что в минуту опасности люди хватаются за самое дорогое.

— Патент на продажу вина есть?— спросил Клыч, поглядывая на хозяина, застывшего у стойки. Рядом замерли двое половых в заляпанных салными пятнами рубашках, подпоясанных шнурами с кистями.

— Патент?— переспросил могучий толстяк за стойкой. В распахе рубахи под жилетом была видна волосатая грудь.— А как же, гражданин начальник!

Он нагло и весело смотрел, Брагин, но зря он так смотрел. Еще перед облавой Клыч знал, что патента на продажу спиртного у владельца чайной не было. А уж на продажу самогона не давал права никакой патент.

Климов подошел к столу, где сидела компания бородатых мужиков в брезентовых длинных плащах, по виду извозчиков, и отобрал у одного бутылку.

— Самогон?— спросил Клыч.

— Он самый.

— Документики попошу!— Клыч решительно шагнул к столу. Извозчики дружно зашевелились, заскорузлыми лапами полезли за пазуху, раздирая негнувшиеся плащи.

В тот же миг грохнулась посуда, брякнул упавший поднос, и, опрокинув входившую хозяйку, на кухню промчался человек в брезентовом плаще и фуражке.

—Сидеть!— приказал вскочившим из-за стола Клыч.— Климов, к дверям. Все равно не уйдет.

Климов, вырвав из кармана шинели револьвер, встал у кухни. Ноздри его жадно впитывали запах жаркого. Сладко закружилась голова.

Во дворе сухо ударили пистолетные выстрелы.

Клыч приказал другому сотруднику занять место у кухонной двери и послал Климова во двор.

Тот промчался мимо кастрюль, издававших немисливо сытный чад, мимо скамей с нарубленным мясом, толкнул дверь и вывалился во мрак двора. Тотчас треснул выстрел, и Климов уловил огненную вспышку. Стреляли из сарая.

—Селезнев!— крикнул он и отпрыгнул. Опять выстрелили.

—Туты мы!— отозвался Филин.— Обходи его, гада!

Из сарая больше не стреляли. Климов двинулся было по двору и тут же наткнулся на телегу. Около мирно жевала лошадь. Климов обошел эту и вторую подводу, сбоку вдоль стены подкрался к сараю. Дверь его была открыта, в черном ее зеве непроглядная тьма. Шагнув еще раз, он наткнулся на кого-то

— Филин?— шепнул он.

Селезнев ответил тоже шепотом:

— Брать надо!

Опять треснуло. Слышно было, как из стены сыплется древесная труха.

Они дышали друг другу в лицо, у обоих громко стучали сердца.

—Как брать будем? — шепнул Селезнев.

У Климова от возбуждения сел голос. Он не мог даже ответить. Надо было принимать решение. Касаясь досок стены, чтобы не потерять дороги, он тронулся вдоль сарая. За углом луна светила прямо в лицо, озаряя серые доски до самых стыков. Довольно высоко над землей чернело окно.

Климов оглянулся — поблизости лежало бревно. Он поднял его, подтащил к стене, осторожно приставил и, обхватив всем телом, стал медленно вползать по нему наверх. Вот и окно. Он ухватился за него, дряхлая рама хрястнула, у самого уха свистнула пуля, и только потом дошел треск выстрела и сразу же повторился, но стреляли уже не в него. Там, внизу, в сарае, шла борьба. Он, упираясь сапогами в сучья, подполз к самому окну и взглянул вниз. Матерясь и хрипя, ворочалась во тьме куча тел. Ничего нельзя было разобрать. Неловко перебросив вперед ноги, он просунул их в окно и спрыгнул.

Перед ним возились трое.

—Петро, где ты? — крикнул он, и в тот же миг кто-то, расшвыряв остальных, вскочил. Не отдавая себе отчета, Климов ударил его рукояткой револьвера, и тот, охнув, осел.

Двое навалились на него, крутя и выворачивая локти.

—Выходи!— прохрипел Филин. Тяжело дыша, они поволокли оседающего бандита к выходу.

У двери в дом уже ждали остальные. Луч фонаря ударил в обросшее широкое лицо задержанного. Тот заморгал, попытался отвернуться.

— Здорово, Пал Матвевич,— сказал Клыч.— Достали тебя все-таки.
— Ништо,— сказал Тюха.— Пуля на пулю, баш на баш.
— В тебе нашей что-то не вижу,— сказал Клыч.
— А ты скажи своим легавым, пусть отпустят,— выхрипел Тюха и стал опускаться.— Под ребро пульнули, гады.
— Взять!— приказал Клыч.— Климов, позови хозяина.
Тюху поволокли за дом. Климов ринулся было в кухню, но хозяин, отдуваясь и утирая пот, спешил уже сам.

—Начальник зовет.— Климов распахнул перед ним дверь.

Во дворе свистел ветер. Пахло помоями и вылитым в окно самогоном.

—Что, Брагин,— сказал Клыч, поглядывая на луну, — понял, чем дело для тебя пахнет?

—По какой статье паяешь, начальник?— Хозяин угрюмо смотрел в грудь Клычу.

—И за незаконную торговлю самогоном, и за укрывательство уголовного элемента.

Оба помолчали. Слышно было, как шумят внутри дома ожившие после ухода сотрудников гости и как шумно дышит хозяин.

— Может, избенуть есть тропка?— спросил изменившимся голосом Брагин.
— Избенуть — нет. Отсрочить могу,— Клыч сунул в карман куртки наган,— а потом, может, суд и скостит по амнистии.
— Освети, начальник.
— Могу,— Клыч помолчал. Потом посмотрел на хозяина.— И чайную твою до другого раза погожу запирать. Вопрос есть. Ответишь, ходи в козырях.
— Ну?— Брагин перестал дышать.
— Кто пришил Клембовских?
— Не взыщи,— развел руками Брагин.— Не знаю.
— Климов,— сказал Клыч,— начнем опечатывать. Ты, Брагин, собирайся.
— Побойся бога, начальник,— застонал Брагин.
— Кто пришил Клембовских?
— Кот,— после долгого молчания сказал Брагин и испуганно обернулся. Никого не было. Только дверь кухни подрагивала от ветра.
— Сообщи, когда появится,— сказал начальник.— Климов, пошли.

Глава II

В семь его растолкал Стае.

—Службу проспишь,— сказал он и умчался.

Климов, с трудом продав глаза, стал собираться. Майское солнце било в окно. По комнате медлительно двигался золотой водоворот пылинок. Дерево подоконника было теплым от падавших лучей. Из распахнутых створок окна широко входил запах цветущего сада и свежевскопанной земли.

Он вышел на крыльцо. Стае бегал по саду, и за ним с лаем носился щенок. Потом Стае стал наклоняться, раскидывать руки и приседать. Каждый день с неумолимой строгостью Стае развивал свое щуплое тело гимнастикой Мюллера. Климов сбежал во двор, размялся, поиграл полторапудовичком, сохранившимся у хозяйки от былых торговых времен, потом ополоснулся водой из ведра и быстро оделся. Голубая рубашка с галстуком и штатский костюм стесняли его, но костюмы им всем были куплены угрозыском с процентов, полученных от продажи имущества банды Ванюши. Клейн считал, что агент губрозыска должен быть одет, как большинство населения города. А теперь все больше входила в моду штатская одежда, хотя в губкоме, губисполкоме и в некоторых других учреждениях все еще не решались изменить френчу и галифе. Война только что кончилась, да и кончилась ли? На севере добивали Пепеляева. Владивосток лишь полгода как стал советским. Подошел Стае.

— Поедим?
— Есть что?
— Хозяйка в кредит дала.

Пока ели, Стае листал книжку по цветоводству. В последнее время он бредил цветами. Добыл где-то семян и под смешки хозяйки засадил ими угол сада. Не было на свете более рачительного цветовода.

—Мне вчера Селезнев втык сделал,— говорил Стас, жуя горячую картофелину и морщась от ее жара,— говорит, я должен политпросветработу усиливать. А то, говорит, всякие там Гонтари черт знает какую бузу разводят, а мы им отпора не даем.

—Не знаю,— сказал Климов,— за что Гонтарю давать отпор. Нормальный парень... А вот Селезнев твой...

—Селезнев человек идеи,— перебил его Стас. — А нот Гонтарь и Филин — это точно: сознательности в них не вижу.

— Плохо свое дело делают?— спросил Климов.— Не припомню, чтобы тот или другой на дежурство не вышли, с опасной операции сбежали...
— Разве только в этом человек познается?
— В чем же, Стас?— спросил Климов, подчищая тарелку.— Объясни ты мне: живет на свете человек, хорошо делает свое дело, не подставляет другим ногу, смотрит на мир, видит его радости и с ними радуется, видит его недостатки и пытается их исправить. Разве это плохой человек?
— Эх, Витя,— с горечью сказал Стас,— не идейно ты мыслишь, не социально. Главное дело, на чьей человек стороне, за чью идею он готов голову положить!
— А если за свою собственную?— засмеялся Климов.
— Вот такой человек и есть индивидуалист и негодный для общества элемент.
Стае не умел жить без политработы, зря его в этом упрекал Селезнев.

— Вечером увидимся?— спросил Климов, дожевывая последнюю картофелину.
— Дежурю в танцзале Кленгеля.
— Тогда до завтра.
Бегом, потому что опаздывал,— а Клыч этого не любил,— Климов вылетел из калитки.

...В комнате подотдела на подоконнике сидел Селезнев в роскошном сером костюме, белой сорочке и «бабочке», туго стягивающей красную жилистую шею. Кепкой он сбивал пылинки с отглаженных брюк. За столом писал что-то Потапыч, дымя короткой обкуренной трубкой. В галифе и спортивной фуфайке, обрисовывавшей мускулатуру, прохаживался Филин.

- Не, ей-богу,— говорил, морща низкий лоб и самолюбиво поглядывая на остальных.— Если что, я отсюда сматываюсь и открываю спортзал для гиревого спорта.
- Капиталец накопил?— спросил Селезнев, усмехаясь.
- Капитал найду!— упрямо трянул челкой Филин.— А без гирь жить человечеству невозможно.
- То-то вчера со всеми твоими бицепсами Тюху удержать не мог,— смешливо щурился на него Селезнев.

Филин, набычась, смотрел на него.

- А ты мог?
- Не будь Климова,— снисходительно повествовал Селезнев,— Тюху бы только и видели. Молоток Климов! Климов не поверил своим ушам. Он уже полгода работал в угрозыске, но похвала Селезнева его изумила. Селезнев хвалить товарищей не любил.

- Вы и сами б его взяли,— сказал он.
- Факт, взяли б,— тут же ответил Селезнев,— но и ты вовремя случился.
- Ты, Селезнев, конечно, здорово вчера на него кинулся,— сказал, багровея, Филин.— Это я ничего не говорю. Но только чего это ты тут награды раздаешь? И сами знаем, кто чего стоит.
- Не любишь, Филин, критику,— захохотал Селезнев. Его крутоскулое сероглазое лицо было полно чувства собственного превосходства.— Вот за это и в комсомол тебя не берут. Не выйдет из тебя человека, Филин.
- Зато из тебя уже вышел,— со злобой сказал Филин, сплевывая.— Коммунист, а вырядился, как фазан. Правильно это, а? Ответь вот тут трудящимся.

Селезнев соскочил с подоконника и прошелся по комнате.

—Я тебе так скажу, гражданин Филин,— резко повернулся к оппоненту Селезнев.— Во-первых, много себе позволяешь, пытаешься критиковать партийца. Вот первый тебе ответ.

Вошел Клыч, кивнул всем и ушел к себе за перегородку.

- Во-вторых, скажу тебе вот что,— продолжал Селезнев, раскуривая папиросу «Ира»,— я так считаю: мы — авангард мировой революции, мы ее пружина, нерв. Это правильно?
- Ну, правильно,— настороженно глядел на него Филин.
- А раз так, то имею я право во всем и всюду занимать первое место. В стране недород. Тяжело. Но меня это не должно касаться. Меня надо кормить, обувать и одевать. Потому что я обязан быть готов к последнему, решительному бою, ясно? Я должен выглядеть на все сто! Потому что я, если хочешь знать, вроде как бы правофланговый, а по нему всех нас меряют и оценивают.
- Значит, тебя обеспечить и принарядить, а остальные хоть умри, потому что по таким, как ты, и нас должны мерить?— подал голос от своего стола Потапыч.
- Давно замечаю,— жестко и раздельно для большей внушительности проговорил Селезнев,— буржуазным духом попахиваешь, дед. И несешь в массу разброд и шатания.
- Я человек старый,— сказал Потапыч, выдохнув дым,— и вполне могу ошибаться. Тем более времена так перевернулись. Но не могу все-таки сообразить: революция была потому, что одни имели все, другие ничего не имели. А теперь ты требуешь, чтоб ты имел все, опять-таки даже когда у других нет ничего. Что же, революция для одного Селезнева делалась?

—Уравниловку тебе подай,— негромко сказал Селезнев, что-то обдумывая.

В это время из-за своей перегородки вышел Клыч.

—Я с тобой, Потапыч, согласен,— объявил он,— в тридцатом году работал я на английском угольщике. Вел понемногу пропаганду. Но англичане, они народ другой. Они прямую выгоду во всем ищут. И вот как-то раз мне один приятель говорит: «Принципы ваши, друг, очень высоки. Но погибнут они,— говорит,— потому, что человек немислим без жадности стяжательства. Вы победите,— говорит,— и опять кто-то захочет жить лучше других...» А я тогда ответил: «Человек меняется, старина. Мы воспитаем такого человека, который — надо будет — голову сложит за счастье других». А ты, Селезнев, тут проповедуешь черт знает что. И за всеми твоими словами та же пошленькая идея: я лучше других и хочу жить лучше их. А на каком основании, раздери свою печенку? Чем и кого ты лучше?

Селезнев стоял совершенно прямо. Крутоскулое лицо его было белым, челка прилипла ко лбу.

- Ваше выступление, товарищ Клыч, да еще в среде беспартийных,— медленно произнес он,— я расцениваю как политически вредное. Обо всем этом буду ставить вопрос на ячейке.
- Валяй,— отмахнулся Клыч,— а теперь, ребята, об судим вчерашние события... Такого дела, как убийство Клембовских, у нас, можно сказать, и не было, кроме, пожалуй, случая на хуторе Веселом. Но как ни верти, а за последние три месяца таких нещадных убийств уже два. Кто докладывает?
- Селезнев, уже усевшийся за свой стол, поднялся.

—Лежали они три дня. Соседи Шварцы слышали, что наверху ходят, двигают мебель. Но Клембовский принимал на дому, поэтому они к шуму наверху привыкли. Обнаружила трупы дочь. Учится в Москве в медицинском. Приехала и подняла тревогу. Все четверо: Клембовский, жена, кухарка и дворник убиты ударом лома или обухом...

- Дочь допрошена?— спросил Клыч.
- Допрошена,— ответил Селезнев,— буржуйская барышня. Сквозь зубы с нами говорит. Не верит рабоче-крестьянскому угрозыску.
- Что унесено из квартиры?
- Она говорит, что только верхняя одежда и ковры.
- Клембовский состояние имел?
- В банке есть вклады, но чтоб он дома хранил большие деньги, едва ли.
- Добавишь, Потапыч?— поглядел на старика Клыч.
- Потапыч встал.

—Характер ранений точно такой, как в случае па хуторе Веселом. И еще одно важное добавление. Кухарка изнасилована. В точности так, как на хуторе были перед убийством изнасилованы все женщины. Следов особенных преступники не оставили. Но все же в кладовке обнаружил я полный отпечаток мужских туфель. Это туфли «шмими» — с узким носком. Их носят модники и франты. Размер говорит о принадлежности их рослому мужчине.

—Работаем так,— подумав, сказал Клыч,— по делу Клембовских ответственный Селезнев. Помогает ему Климов. Вчера я Брагина прижал, он слегка поддался. Иран, его не будем, да и не за что. Можно только чайную прикрыть, но это, считаю, не мера. А пока Гонтарь поедет к Брагину и продолжит вчерашнюю беседу. Надо вытянуть из него все, что знает. А ты, Климов,— закончил Клыч,— давай-ка пошерсти нашего крестника Афоню да промерь, кстати, как там он... Опять недавно с блатными его мидели.

Климом подошел к цирку. Толпа здесь не убывала ни днем, ни вечером. На всех афишных тумбах города ядовито-красные аршинные буквы кричали: ФРАНЦУЗСКАЯ БОРЬБА. ЧЕМПИОНАТ НА ГЛАЗАХ ПУБЛИКИ. ТОЛЬКО ДВАДЦАТЬ СХВАТОК! РАЙНЕР ПРОТИВ СМИРНОВА. КОЖЕЯКИН ПРОТИВ ПОБЕДИТЕЛЯ. ПРИОБРЕТАЙТЕ БИЛЕТЫ! БЕСПОДОБНОЕ ЗРЕЛИЩЕ! ТОЛЬКО ДВАДЦАТЬ СХВАТОК.

Вторую педелю людские скопища штурмовали деревянное круглое здание с высоким куполом. Барышники и перекупщики наживались больше, чем на ипподроме.

От цирка надо было пройти через местный кремль, а там и проходные механического завода. Афоня несколько месяцев назад попался на деле с убийством. Сам он стоял на страже и думать не думал, в какую его втянут историю. Дружки клятвенно заверили его, что все будет чисто, без каких-либо «мокрых» дел. Они, возможно, и сами не предполагали застать в квартире, пустой по их сведениям, полупарализованного старика. В розыск позвонили из аптеки. В квартире дома напротив, обычно пустынной, царило странное ночное оживление.

Афоня мерз в подъезде и понял, что происходит, лишь когда железные лапы Гонтаря зажали ему рот. Дружков взяли прямо при упаковке вещей, рядом с трупом хозяина. На первом же допросе Афоня рассказал все, что знал, и дружки подтвердили, что этот среди них случайно. Клыч выхлопотал у суда смятения срока наказания. Афоня отделался двумя годами условно. Потом его устроили на механический завод, и ребята из первой бригады следили за его дальнейшим поведением. Изредка он был нужен и по делу. Так, как Афоня, местную уголовную братию не знал никто в городе.

Двор завода, еще недавно заваленный металлическим хламом и щепьем, теперь сиял чистотой. Между приземистыми кубастыми зданиями цехов знобко покачивались тоненькие саженцы. Тяжело и низко гудели моторы, изредка их мычанье прорезал высокий высвист шлифовального станка.

Мимо Климова то и дело проносились чумазые парни и девчонки с тачками и носилками. От здания к зданию переходила группка людей, очевидно кто-то из заводоуправления. Климов только собрался подойти, решив выяснить у них про Яшку, как сам Фейгин вылетел из дверей сборочного и понесся по двору к заводоуправлению. Климов кинулся за ним.

— Яшка!
— Ну? — на бегу повернул к нему голову Яшка. Глаза у него сияли, вид был шалый.
— Узнаешь? — на бегу кричал Климов. — Я из губро-зсыка.
— Климов! Знаю! — Яшка прибавил ходу.
— Я насчет Афони! — кричал Климов, пытаясь выдерживать темп.
— Плохие дела, браток!
Теперь оба они неслись, как кровные жеребцы на последнем кругу ипподрома.

— Подробно давай! — кричал Климов, отдуваясь.

— Погоди!

Домчавшись до здания заводоуправления, Яшка кошкой взлетел на второй этаж. Климов остался ждать внизу. Через минуту они уже дружно неслись обратно.

— Что Афоня? — кричал Климов.
— Лодырь! — тяжело дышал Яшка, наддавая ходу. — Прогульщик! И с блатом не порвал.
— Бросил работу?
— К тому идет...
— Погоди! — взмолился Климов, осаживая Яшку за локоть. — Объясни ты мне, что тут у вас такое происходит? Все как полоумные летают!
— Пресс пускаем! — счастливо зорал Яшка и обхватил Климова за плечи. — Первый пресс! Своими руками собрали, — глаза его плавились от жгучей гордости, — сами пускаем! Понял, браток?
Он отпустил Климова и сгинул, но через минуту, вытирая фуражкой черное от копоти лицо, опять появился и подскочил к Климову.

— Сегодня Афоня нужен?
— Сегодня.
— Ищи у «позорных» касс. За деньгами небось придет, позорник! В пять! — И Яшку опять смыло волной бурлящей заводской жизни.

До встречи с Афоней еще было время, и Климов побрел куда глаза глядят. Глядели они в определенное место, потому что минут через двадцать он оказался на базарной площади, рядом с трактиром Семина, в котором весь розыск обедал, когда бывали деньги. Через окно он увидел за одним столом Гонтаря, Филина и Селезнева. Он хотел было войти, но вспомнил, что денег нет, и постеснялся. Ребята, конечно бы, накормили его, но, во-первых, он сегодня завтракал, что не так уж часто случалось, а во-вторых, хоть есть и хотелось, Климов не любил долгов и очень редко соглашался на одалживания.

Он встал под расцветшей акацией и загляделся на неумную суету базара, заслушался музыкой его галдежа и гомона, задохнулся в терпких его запахах. От торговых рядов мужики в синих сатиновых рубахах волокли к своим телегам какие-то узлы и кули. Сгибаясь под тяжестью мануфактуры, семеня бабы с коричневыми лицами, обрамленными белыми платками. Азартно торговались возле сивой рослой кобылы бородатый прасол, в картузе, белой рубахе, подпоясанный кушаком, в черных, спавших на смазные бутылочные сапоги штанах, и низконогий крепкий цыган с ядреными зубами, сверкающими в безбрежной улыбке. Они хлопали по рукам, разбивали сговор, расходились и сходились опять, а лошадь лениво жевала, кося лиловым мокрым глазом, мерно отмахиваясь хвостом от мух.

В коляске на дутых шинах проехал сам Фирюлин, хозяин десятка мельниц и сепараторов.

Мимо Климова то и дело сновали мальчишки из скобяной лавки, пронося на плече длинные узкие ящики с чем-то тяжелым, и хозяин, выходя время от времени на улицу, подгонял их отборным ядреным словом.

«Позорные» кассы были в Кремлевском сквере. Официально они назывались «кассы общественного позора». Там выдавалась получка только тем, кто прогулял или пролодырничал несколько дней. Остальные рабочие получали зарплату в цехе. Сегодня как раз был день получки. Перед тоненькой цепочкой получателей стояла немая толпа и хохотом приветствовала каждое новое лицо, примыкавшее к очереди.

— Ванюха, — орал кто-то, — четверть с тебя, курий сын! За почет — при всем народе получаешь!
— Почет и влечет! — вмешивался кто-то еще.
— Работнички «золотые руки!» — потешались в толпе.

Стоящие в очереди или окаменело тарасились в затылок товарищу по позору, или, нервно вертя головами, отругивались и пересмеивались с любопытными. Афона, белобрысый, маленький и вертлявый, появился минут через пять. Он влез в толпу, дурашливо кривясь, встал в очередь, пнул стоящего последним и начал выкидывать коленца перед толпой, затем снял кепку, обошел зрителей, делая вид, что хочет получить за труды. Порезвившись, опять встал в очередь.

«Артист пропадает, — думал, глядя на него, Климов. — Куда бы его пристроить к самодеятельности? В клуб какой-нибудь? Может, лет так через пяток знаменитостью станет».

В это время внимание любопытных обратилось на новый предмет. Вдоль чугунной витой ограды сада, гремя по булыжнику подковами и железами колес, двигался обоз. Могучие владимирские тяжелоозы, опустив головы в полотняных, украшенных звездами налобниках, влекли за собой плоские, накрепко сбитые телеги. В телегах, широко раскинув рослые тела и заглушая все уличные звуки, храпели ломовики. Густейший сивушный дух доносило до заполнившего тротуар народа.

— Нанюхаешься, и штофа не надо, — острил кто-то.
— Получку в кооперативе получили, — делились догадками в другом месте. — Ничо, у них животины выучена. Точно к воротам доведет.

—Ишшо бы, всю жизнь с ею упражняются.
Афоня уже расписывался. Климов протолкался и взял

его за локоть. Афоня обернулся. Лихое курносое лицо под кепкой подмигивало и лукавило:

—Айда под башню, там потолкуем.

Афоня нырнул кому-то под руки и исчез в толкотне гуляющих. Климов прошел по аллее, завернул за кусты и вышел к башне. Там на камне уже сидел Афоня.

—Афоня,— сказал Климов,— такие у нас, брат, дела, что нужна помощь: кто такой Кот? Кто в его шайке, где они обитают?— Он тоже присел на камень,

Солнышко пригрело, сытный запах навевал дрему, ярко раскрашенные «царьки» планировали и взлетали вокруг них. Афоня задумался. Веснушчатое курносое лицо стало взрослым и угрюмым.

— Хошь верь, хошь нет,— сказал он,— а про этих что знаю — одна липа. Ни в личность не видел, ни о делах ничего...— Он огляделся.— Слушки о них страшные идут. Это верно. Кот этот, о нем даже в блате говорить страх. Имя! Одно знаю,— вдруг заторопился он,— Куцего Кот прижал. Это вот как на духу. Тот пьяный сам проболтался. Говорит: «Каждая сука будет грозить!» Я говорю: «Тебе? Да где они такие найдутся?» А он говорит: «Нашлись уже. Слышал про Кота?» Я говорю: «Слышал». Тот-то и зубами аж закрипел. «Никому,— говорит,— в жисть не спускал, а тут...»

— А из-за чего?

—Так я понял, что Куцый хотел одного танцора поучить. Оттянул на него на танцах... Это на Куцего-то! Одна девочка им обоим понравилась... Короче говоря, какой-то Красавец. И тут явился в Горны Кот и говорит: «С Красавца брать хочешь?» Куцый говорит: «Возьму».— «Гляди,— говорит Кот,— решай как знаешь, только голову береги». Куцый было рыпнулся, а Кот говорит: «Красавец — мой человек, усек?»— и ушел. Ну, Куцый, конечно, усек. Маруху уступил!— Афоня звонко расхохотался:— Не, ты понял, а? Куцый какому-то Красавцу маруху уступил? Конец света!

— А на каких танцах они сцепились?

— У Кленгеля небось, где же еще!

— Слушай, Афоня,— сказал Климов, помолчав,— я еще вот о чем: опять ты работу забросил, опять со шпаной дружбу свел, забыл, куда такая дорожка ведет? Оживление на курносом лице паренька пропало.

—Так я ж для пользы дела,— сказал он, отводя глаза,— вам вот могу помочь.

— Брось,— сказал Климов,— работать надо, парень. Иначе жизни не будет.

— Да неохота!— закричал вдруг Афоня визгливо.— Неохота, понял? Я, может, эти станки в гробу видал! Не могу я завод выдерживать: гром, лягз, железо! Воротит меня!

— Там главная жизнь страны...

— Пушай,— перебил Афоня,— какая хошь там жисть: главная, подчиненная — не могу я там, пойми ты, Климов! И ребята хорошие, а в глаза им смотреть не могу! Работать там не буду! Уволюсь. Вот!

— Ладно,— в раздумье сказал Климов,— работу мы тебе, может быть, подыщем другую, раз эту так нервно воспринимаешь. А когда с блатом порвешь?

Афоня молчал. Ногой в драном тапке ковырял замусоренную землю.

—Скажу,— не выдержал наконец он.— Вот вы все обо мне хлопочете: на работу устраиваете, слова всякие говорите... Да как же я с ними развяжусь? Это ж два дня до финяря. Ты думал, они что? Безглазые? Они знаешь как все секут? «Что-то непонятно,— говорят,— кореш, парни сидят, а ты гуляешь?»— Он вскочил.— Идти надо. Спасибо вам. Только больше не заботьтесь. Афоня сам дорогу найдет.

В помещении бригады сидел Гонтарь. Белая рубаша-апах открывала бронзовую мощную шею. Он смотрел в окно и не глядя попадал бумажными комками в корзину для бумаг.

— Отработываешь гранатометание?— спросил Климов, садясь за свой стол.

— Ни дня без боевой подготовки!— провозгласил Гонтарь и тут же перешел на серьезный тон:— Пока ты там разгуливал, дела в бригаде такие: первое, Брагин сгинул. Жена клянцется-божится: знать не знает, ведаць не ведаец, что с ним. Но по разным признакам, главным образом по душевному покою всех служащих, ясно, что исчез по собственной инициативе, а не по чужому глазу. Да и дела у него веселые, направо поедешь — пулю найдешь, налево — к нам завернешь, домзак близко. Решил, видно, по искать третьей дороги.

Дальше, наши парни из второй бригады сообщают об активной и не совсем активной в свете материалов вашего допроса деятельности мадемузель Клембовской: бродит по самым подозрительным притонам и пытается завязать знакомство с блатными.

Климов еще только обдумывал эти новости, как явился похмыкивающий в усы Потапыч.

—Приказ висит,— сказал он с некоторым удивлением, отставляя руку с дымящейся трубкой,— и кандидату в вожди товарищу Селезневу черным по белому прописан выговор за грубость и бестактность, несовместимую с работой следователя рабоче-крестьянского угрозыска.

— Я, братцы, Селезнева не люблю,— сказал, улыбаясь чему-то своему, Гонтарь.— Но скажу, что в этом случае почти на его стороне. С чего это нам церемониться с нэпманами?

— При чем здесь это?— у Потапыча раздулись усы.— Селезнев грубил Клембовской — какая она нэпманша? Студентка, будущий врач. И отец был врач, и какой! Он и в старые времена бедняков лечил бесплатно... Это во-первых, а во-вторых, не понимаю., что они, из воздуха взялись, нэпманы? Им же разрешили таковыми стать! И почему вы, сударь мой, забываете, что без их появления вы, может быть, валялись бы по госпиталиям, а кое-кто был бы и в могиле. Голодуха, она ведь страшнее холеры.

— Понял!— сказал, не сгоняя с лица привычной улыбки, Гонтарь.— Кое в чем убедительно, папаша. Но вот как ты меня научишь их любить, когда я три года убивал на фронте их защитников и сам дважды валялся по лазаретам от их буржуйских свинцовых подарков? И как мне ты прикажешь к ним относиться, когда я возвращаюсь с фронта героем, я, в прошлом телеграфист Гонтарь, а теперь комвзвода Красной Армии. Я победил! Встречайте меня с оркестрами! А что я вижу, победивши толстопузых во всероссийском масштабе? Я вижу, что вокруг меня швыряют деньгами — они! На работу берут, а то и не берут — они! Самые удачливые — они! Уж не за их ли удачу я дрался?

— Я у тебя одну только логику сознаю,— сказал задумчиво, затягиваясь, Потапыч,— логику неудачника. Временно ты неудачник, Гонтарь. И это тебя тревожит. И правильно тревожит, потому что крепость любого строя и устойчивость любого государства в конечном итоге определяется тем, удачниками или неудачниками осознает себя самая активная часть населения. А у нее, как я вижу, иной взгляд на вещи, чем у тебя. Но скажи мне, а чего лично ты, собственно бы, хотел? Высокого поста? Зажитка? Капитала?

—Я?— переспросил Гонтарь.— Философ ты, как я погляжу, папаша. Хотел бы я семьи, вот чего,— он вдруг стал серьезен,— сына бы я хотел. Чтоб на руках его носить, нянчить, французской борьбе учить и верности революции. Вот чего бы я хотел. А семьи я завести пока не могу, потому что на нашу получку можно только голубей кормить, и то не каждое утро.

Они замолчали.

Гонтарь что-то яростно насвистывал за своим столом. Лицо у него было расстроенное. Обычная улыбка куда-то пропала.

— Стас не заходил?— спросил Климов.

— Заходил,— кивнул Гонтарь, с радостью отвлекаясь от своих мыслей.— Поговорили. Что-то, Витя, не нравится мне Стас.

— А что такое?— удивился Климов.

—Понимаешь, цветы эти... Конечно, хорошо... Но какое-то это болезненное. Мы сегодня толковали. Я говорю: «Ты, Стас, предмет увлечения нашел какой-то стариковский. Я понимаю, красивое дело цветы, но ты ж молодой — девушки нужны, любовь». Он так, знаешь, горько улыбается. «Любовь,— говорит,— дело тяжелое. Неохота увязать. Кто,— говорит,— меня полюбит, такого хлюпка? Это тебе,— говорит,— о любви самое время думать. А у меня, кроме мировой революции, невесты нет и не предвидится».

— Станный он бывает,— сказал Климов, вспоминая Стаса,— от женщин действительно бежит, как Клемансо от красного флага. Не верит в себя, самоед несчастный. Но вообще, Мишка, он, знаешь, по-моему, живет в ожидании случая. Готовит себя к героической смерти за дело пролетариата.

— Все к этому себя готовим,— неожиданно серьезно сказал Гонтарь.— Только подвиги в армии совершают. А мы с такой мразью имеем дело, что, как тут ни рискуй, какой там подвиг...

— Я вот о чем все время думаю,— сказал Климов.— Есть ли все-таки в человеке какая-нибудь преступная наследственность? Или врет все Ломброзо? Смотришь на блатных — сколько из них могло бы людьми оказаться, если б не война, не голод, не гибель матери, да мало ли что другое. В человеческих условиях были бы людьми.

— Эх,— сказал Гонтарь,— я про Клембовскую-то зря так, конечно, говорил. Хорошая девчонка. И красивая. Что-то есть в лице... Благородство, что ли. Она, по-моему, с бывшей нашей секретаршей Шевич дружит... Попадись мне Кот или кто-нибудь из его шайки, разорвал бы.

Климов встал. Его занимало другое — надо попытаться найти этого Красавца у Кленгеля.

—Осиянный решением,— сказал, поглядывая на негр и улыбаясь, Гонтарь,— небось опять наполеоновский замысел идешь исполнять?

Климов улыбнулся, пожал Гонтарю руку и вышел. Хорошие у них все-таки ребята в бригаде.

Глава III

Уже издалека было слышно, как тоскует саксофон, подхватывает, уносит в высокие нежные дали труба, и страстно рушится сладостным свершением ударник. В танцзале «Экстаз», как именовалось заведение Кленгеля, играл джаз — новейшее и современнейшее музыкальное достижение эпохи.

Здесь, на темной глуховатой улице, где теснились низенькие аккуратные домики с такими же тихими и аккуратными их обитателями — чиновничьими семьями, на узкой, поросшей пыреем между булыжниками мостовой, стиснутой щербатыми гнилыми заборами и переполненной запахами сена, навоза и псины улочке, в единственном на ней белом трехэтажном угловом здании, ревел и задыхался в топоте и рыках джаза танцзал «Экстаз». Летели высь и ухали оттуда вместе с синкопами сердца посетителей. Каждый день Кленгель собирал в своем заведении не менее шестисот человек. Не было девчонки в городе, не мечтавшей побывать в «Экстазе». Там театр самолюбий, выставка туалетов и физического совершенства.

При входе мышиный костюмчик и непрезентабельный вид Климова были оценены швейцаром и администратором, и, не тревожимый их вниманием, предназначенным для совсем иных лиц, он двинулся дальше, оглядываясь на стук дверей на первом этаже — здесь, видимо, был ресторан с отдельными номерами. Впрочем, Филин и Гонтарь утверждали, что номера в подвале. По их сведениям, там было все — и буфеты, и музыка — только иная, цыганская, и женщины, от которых кружилась голова. Но это все было для тузов, для коммерсантов, и то не из средних. Утверждали, что к Клен гелю наезжали даже из Москвы люди, чековые книжки которых неплохо выглядели бы даже в Америке.

А вообще, это был длинный, хорошо освещенный коридор с зеркалами вдоль степ и дверьми между зеркалами, а между зеркалами и дверьми, с одной стороны, и посетителем — с другой, стояли два саженных человека в ливреях и молча смотрели На входящих. Обладатели обычных танцевальных билетов при взгляде на их лица теряли всякое любопытство и поднимались по лестнице выше, где на втором и третьем этажах было их царство — царство рядовых танцоров, правда одобренное довольно густо толстосумами, которые, прежде чем двинуться в номера, заряжались здесь необходимым настроением и желаниями.

На втором этаже были буфеты. Около зеркал пудрились и причесывались женщины, и, едва посмотрев на них, Климов увидел около вертялой, без умолку болтающей особы тяжелую фигуру Филина, его сдавленную галстуком багровую шею.

—Витька!— заорал Филин.— Поди-ка, представлю!

У Климова тягостно сжалось сердце. Во-первых, Филин был пьян в публичном месте, а это было противопозказано Сотруднику розыска. Во-вторых, он собирался знакомить его с женщиной, а по требованию Клейна в публичных местах они должны были не замечать друг друга. Но Филин уже вел, вернее волок, свою остроносу птаху с галочьим лицом, в блузке с галстуком и коротенькой юбке.

—Таська,— сказал он, отдуваясь,— вот, знакомься. Витя, сослуживец. Свой в доску. Одним словом, че-ла-эк...

— Сослуживец Ивана?— пропела подруга Филина, вытянув вперед лисий подбородок и жеманно улыбаясь, не раздвигая губ.

— Виктор,— сказал Климов, пожимая ее влажную узкую ладонь.— Сослуживец? А где он, кстати, служит? Ни разу мне так и не сказал.

Филин размяк, заулыбался, стал подмигивать, демонстрируя всем своим видом, что все понял и что все в порядке — не подведет. Шустрая подружка презрительно окинула его взглядом, приложила палец к губам.

— Все знаем, все понимаем, никому ни звука.

— Как вас зовут?— спросил Климов.

— Анастасия,— пропела птах.— Витенька, запомните это имя. Надо будет — услужу.

Климов посмотрел в ее острое личико с прищуренными серыми глазами, еще раз тряхнул ей руку и удалился.

Танцы шли на третьем этаже. Климов поднялся туда. Джаз свирепствовал. Аргентинское танго струилось в стоячем душном воздухе. У самого входа одышливый толстяк в перстнях уговаривал высокую красавицу:

—Малютка, пользуйтесь случаем. У нас мало времени. Мы все заложники у большевиков. Скоро час расплаты. Надо спешить жить.

Пожилые толстячки с жирными пальцами, унизанными перстнями, кидаясь приглашать на танец, резвостью соперничали с юными красками в шуршащих ремнях; каникулярные студенты конкурировали с совслужащими, улакивая в буфет смеющихся своих девчонок, чтоб выпрасти там с купеческой лихостью последние бумажки из нищих карманов.

Оркестр грянул тустеп. Выстроилась длинная линия пар и понеслась по навозенному паркету. Мотив был вызывающий и дразнящий.

Что он знал о Красавце? Кот не берет к себе в банду слабаков — у него рецидивисты, владеющие и пистолетом, и финкой. Ладно, будем смотреть на лица. У бандюги-налетчика есть свое характерное выражение лица: на нем прежде всего начертана наглость. Налетчик — парень нахрапистый. На этом качестве основывается вся его профессия.

Вот этот длинный, с придавленным носом, смотрит на девчонку рядом с ним, как коршун... Да, впрочем, тут, только поглядеть, коршунов хватает! А вот этот, тоже рослый, тоже на лице наглость и вызов, лицо алчное, толстая шея подперта манишкой, во фраке — фу-ты нуты!— прямо старые времена! Ну погоди, дорогой, мы тебе еще покажем, что

времена новые... И еще один — тоже остроносые ботинки, тоже наглость на морде и пошиб низменный — ей-богу, этот вполне мог бы быть Красавцем. И рядом такая девчонка, а он над ней как волк облизывает губы. Эх, девчонка, где у тебя глаза?..

И вдруг, когда они проносились мимо, Климов глазам своим не поверил. Так вот оно что-о! Так вот оно что! Таня, Танюшка! И с кем?!

Да, это была Таня, любовь. Бывшая секретарша их управления. Тонкая, с нежно-смуглым овальным лицом, с начесанной на лоб темной челкой, большеглазая, затаенная в себе двадцатилетняя девчонка, возле которой вечно толпились парни из всех бригад. Но никому не повезло, и только ему, Климову, дважды удалось по несколько часов смотреть в эти утнутые к вискам печально-понимающие, добрые, но и безжалостные своей добротой глаза. Нет, и Климов был третий лишний. Да он это и знал с самого начала.

Одесские джазники совсем сошли с ума, они не могли ни одного танца играть в одном темпе, они гнали всю кавалькаду по залу, как будто это уходила из-под выстрелов разбитая конница.

А он все искал этого чуть ссутуленного парня с завитой пшеничной укладкой и рядом с ним тонкую, с печально опущенными плечами, потухшими глазами, ту, единственную...

Кто-то, подойдя, стал рядом. Голос Стаса, перекрывая оркестр, сказал:

— Ты чего тут?
— По делу,— сказал он, не оглядываясь.
— Ну?
— Один из шайки Кота здесь.
— Кто такой?
— Красавец. Кроме клички, ни примет, ни зацепок.
— Поищем... В следующий раз придешь разговаривать во второй буфет, присядешь ко мне за столиком...
— Да ладно, конспираторы... Филина видел?
— Видел. Он за это погорит.

Тут же кончился. Толпа повалила к дверям. Стае исчез. Климов смотрел, как мимо него проталкивались пары. Полагалось после такой скачки смачивать горло в буфете. На эстраде суетился maestro и за что-то разносил своих джазников.

Они проходили, краскомы в новеньких френчах, молодые, сияющие, напманы с их красавицами, студенты с их простоволосыми, коротко стриженными девчонками, но где же...

И вдруг увидел, как пшеничная укладка, выделяясь над остальными головами, двинулась к дверям. И вот они прошли. Какой измученный у нее вид, как белы ее щеки; где она, смугло-здоровая бледность тех времен, когда она сидела в приемной у Клейна; где дальний внезапный свет ее глаз? Словно повинувшись упорству его взгляда, ресницы ее затрепетали, она повела плечиками под блузкой и искоса взглянула на него, как-то виновато, как-то обреченно и умоляюще. Узнала — и тогда холодная, никогда раньше не виданная им надменность распрямила ее спину, она резко отвела глаза и прошла мимо него, далекая и недоступная, уже с увлечением слушая, что говорит ей рослый человек лет тридцати в коричневом костюме и желтых «шимми».

...Собрание, на котором все и произошло, до сих пор стояло перед его глазами во всех подробностях. Клейн как раз выступал по вопросу об утере революционной бдительности и зачитал циркуляр из Центропрозиса о более решительной проверке кадров. Едва он кончил, как на сцену выскочил Селезнев и попросил слова. Он был сдержан, и только жесты, которых он не мог удержать, своей торопливостью указывали на его волнение и предчувствие торжества.

—Верные слова говорили, товарищ начальник,— сказал он, обращаясь к Клейну,— беспощадно надо пресекать!— Он остановился и вздохнул, чтобы сдержать ярость. Желваки явственно проступили на скулах, и лицо его с русой челочкой на лбу все напряглось. — Мировая революция не за горами, товарищи,— продолжал он,— и нам тут нянчиться некогда. Гражданка Шевич!— он посмотрел в зал, где в самом конце его, неподалеку от Климова, сидела, подперев кулачком подбородок, Таня, и она растерянно встала с добро- непонимающим, изредка появлявшимся на ее милом, смешливом лице выражением.— Пусть пройдет сюда!— уже не ей, а кому-то приказал Селезнев, и весь зал обернулся и смотрел на Таню, которая шла, чуть наклонив голову, с тем же непонимающим, но уже тревожным лицом.— Пройдите к столу!— сказал Селезнев, и Климов с инстинктивной враждебностью и ожиданием какой-то неприятности посмотрел в президиум, где молчаливо следили за Селезневым и Клыч, и начальник второй бригады, и сам Клейн. Он почувствовал, что, как весь зал, как Таня, как и он сам, руководство тоже терроризировано активностью Селезнева и тоже, готовясь к чему-то неприятному, ожидает разгадки всей этой сцены.— Я прошу, не откладывая, решить, как мы поступим с гражданкой Шевич,— медленно и весомо сказал Селезнев,— скрывшей свое дворянское происхождение и благодаря этому пробравшейся в розыск.

Таня, высоко вскинув голову, стояла прямая, оцепенелая и смотрела в зал. И зал на нее смотрел. Ее все знали и любили. Она второй год уже работала с ними. Все привыкли видеть ее тонкую, спешащую по коридорам фигурку, привыкли к стуку ее машинки, к ее смеющемуся юному лицу, к ее доброте, к возможности занять у нее на обед и даже забыть потом о долге (а ведь она жила скудно, это все знали). Так уж ведется, что доброта всегда оплачивает чужую наглость. Она была с ними, переживала их потери и победы, была даже раз на операции, и Клейн ее потом отчитывал за безрассудство... И вот она стояла перед ними уже в другом качестве, уже как враг, и, хотя Селезнев ничего еще не пояснил, всем было ясно, что за жестокостью этого невысокого человека с запавшими, горячечно светящимися глазами стоит какое-то знание.

—Кто по происхождению ваш отец, гражданка Шевич? — в ошеломляющей тишине спросил Селезневу а Таня, не отвечая, все так же смотрела в зал, и на белом лице ее проступало выражение горькой и отрешенной усмешки.— Ваш отец дворянин,— четко проскандировал Селезнев,— а в анкете, написанной вашей рукой, сказано, что отца своего вы не знали, но что он был трудового происхождения. Так или не так?

—Так,— сказала Таня,— я его не знала, он умер, когда мне было два года.

—Откуда у вас эти сведения, товарищ Селезнев?— официально спросил Клыч.

Клейн сидел рядом с ним, бледный и спокойный.

—Я допрашивал по делу Мальцева ее тетку — проходила как свидетель,— обстоятельно и уже не волнуясь, пояснил Селезнев, — она прямо сказала, что хоть сейчас и портниха, но сама дворянского происхождения. Даже, понимаешь, гордость этим проявляла. Тогда я вспомнил и спросил про самого Шевича, отца этой гражданки. Ну, и, конечно, он тоже дворянин. И теперь я обращаюсь к президиуму с просьбой проголосовать: может ли оста ваться в нашем учреждении классово чуждый элемент?

Все молчали, а Таня все стояла впереди президиума и смотрела перед собой. Уже не в зал, а только перед собой.

—Прошу проголосовать!— настойчиво сказал Селезнев.

Клейн встал.

—Кто за то, чтобы гражданку Шевич вычистить из наших рядов как классово чуждый элемент?

Таня оглянулась на него с таким детским ужасом, что у Климова все оборвалось внутри. Вот так, должно быть, смотрела Красная Шапочка, когда вместо бабушки вдруг волк...

—Товарищи,— сказал Селезнев, яростно обводя глазами ряды,— сейчас не время миндальничать. Скрыла одно, потом скроет другое. Мы — розыск, и мы не имеем права,— он почти кричал,— не имеем права терять бдительность!

Таня стала спускаться по ступенькам, не ожидая, пока проголосуют.

—Кто за?— спросил Клейн и посмотрел в зал. И Селезнев тоже смотрел в зал. И Клыч.

Большинство подняло руки. И тогда, чуть замедленно, поднял руку Клейн. И только Клыч в президиуме не поднял руки.

—Кто против?— спросил Клейн, а Таня уже выходила.

Климов кинулся за ней, начал говорить что-то, она только взглянула — и он осекся, только повела плечом — и он отстал. А ведь тогда, на вечеринке, он поцеловал ее. Поцеловал, вобрал в себя трепет ее близкого тела, вдохнул ее запах, нежный, юный девичий запах...

Теперь это все не имело значения. Теперь для нее он был один из тех, из непонявших, из бывших друзей, в одно мгновение, из-за одного слова ставших врагами...

...Стас дернул его за руку, и он очнулся. — Учудим штуку,— шептал, глядя на танцующих, Стас, — выгорит — можем выйти на Красавца.

— Нарушаешь конспирацию,— с трудом возвращаясь в действительность, проговорил Климов.
— Плывать,— Стасе проследил загоревшимися глазами за вытекающей в двери публикой. — Во втором буфете сидит Куцый. Пьян в лоскуты. Если ему польстить, он должен про Кота что-нибудь бракнуть. Не любит шпана конкуренции, а рядом с Котом он — дохлая крыса. Точно говорю, надо попробовать его на эту наживку, а? Климов встряхнулся. Дело есть дело. План был хорош. Особенно с учетом того, что говорил ему днем Афonia.

—А как подсесть?

—Нас тут один тип подсадит.
Климов согласился.

Издаലെка улыбался золотыми зубами незнакомый разодетый парень. Стас шепнул ему пару слов, и тот закивал головой.

Во втором буфете стоял галдеж, перекрыть который можно было лишь из трехдюймовки. Один столик был почти свободен. За ним сидел низкорослый крепыш с русым чубчиком и пьяно смотрел перед собой. За Куцым шло подозрение в трех убийствах, но доказать ничего было нельзя, и розыск ждал своего часа. Новый знакомый Стаса кинулся к буфету, волчком ввернулся в толпу, криком закрыл какому-то возмущенному студенту рот. И через минуту вел уже Стаса и Климова к столу, за которым сидел Куцый.

Климов повернул голову влево — неведомая сила заставила его сделать это, — за столом в компании нескольких мужчин и девиц сидела Таня. Ее партнер расставлял по столу бутылки, около вертелся официант с салфетками, вилками и ложками. Во втором буфете трудно было дожидаться официанта, действовали в основном сами посетители, и, если официант оказывался у столика, это была большая честь, свидетельствующая либо о высоком положении кого-то из сидевших, либо о немалом его капитале.

Стас подтолкнул Климова к столу. Он сел, продолжая чувствовать Танин напряженный и какой-то вызывающий взгляд.

— Куцый,— говорил сверлящим голосом знакомый Стаса,— знакомься: свои ребята. По одному делу мокрели год назад.
— Водка есть?— спросил Куцый, с трудом раздирая веки. Серые глаза его не глядели, в них плавала дымка. Тоска и тупость были во взгляде Куцеого.
— Куцый,— сказал златозубый,— ты готов? Или для смазки?
— Для смазки,— промычал Куцый, и слюна повисла в углах рта.
— Принес,— златозубый разлил по рюмкам.
Куцый выпил и уронил голову на руки.
Златозубый угодливо заулыбался обоим:
— Перебрал братуха!
Куцый поднял голову, разлепил веки и сказал трезвым голосом:

—Брысь!

Златозубый секунду всматривался в него и вдруг исчез.

—Дело ко мне?— спросил Куцый. Взгляд у него был дымчатый, но слюна у рта исчезла.

Климов сосредоточился. Взгляд от столика слева тревожил его, но он уже мог соображать.

—Куцый,— сказал он,— Кот пришил нашего человека. Хотим взять за него.

Куцый отвел взгляд и опять упал головой в локти. Стас и Климов молча ждали. Похоже, он был все же пьян. Куцый опять выпрямился, глаза его были трезвы.

—Вы?— спросил он. — Хипесники, вы хотите взять с Кота! Не заставляйте меня улыбаться.

— Куцый,— настойчиво сказал Климов,— ты нас не знаешь, мы сюда двое суток назад залетели...
— Одесса-мама?— совсем уже дремотным языком пробормотал Куцый.
— Ростов-папа!
— Уважаю!— сказал Куцый и очнулся. Он внимательно оглядел обоих и одобрил. — Этот,— сказал он, глядя на Стаса,— этот вообще. Не похож... Мне бы таких парочку. А то за версту разит феней...
— Куцый,— сказал Климов,— мы хотим взять с Кота, сведи нас с его ребятами.
— Не,— сказал Куцый и помотал головой. Снова на подбородок сползла слюна. — Без пользы дело. С Кота не возьмете.
— Кончай шуршать с шестеркой!— вдруг вмешался Стас. — Трухает, не видишь? Они тут все перед ним задом вертят.
Куцый снова открыл полный ясности взгляд и сказал:

—Пережали, менты! Узнал я вас. Пережали.

Климов хотел было уже встать, но Стас наклонился и что-то шепнул Куцему. Тот коротко поглядел на него, потом устался в стол.

— Пусть этот ушлепает,— сказал он.

Климов покорно встал и, протолкавшись, вышел в дверь. У двери его поймал пьяный Филин.

—Климов!— раскрыл он ручищи.— Витя! Хоро-шо!

- Куда уж лучше,— Климов с трудом высвободился из его объятий.
- Климов!— кричал Филин, толкая его в грудь.— Хо-ро-шо!

В это время Климов увидел высокую девушку, светловолосую, с траурно выделяющимися на белом лице черными ресницами, и рядом с ней златозубого. «Это же Клембовская,— успел подумать он.— Что она делает тут с этим типом?»

—Климов!— орал, восторженно обнимая его, Филин.— Хо-ро-шо!

Вдруг рука Филина слетела с плеча Климова, и перед ним встала черноволосая подруга Филина. На галочьем лице цвела наркотическая улыбка.

—Витя, вас зовут.

Он оглянулся. У трюмо, глядя на него в зеркало, припудривалась Таня.

Он подошел, заглянул в это милое осунувшееся лицо с резкими морщинками в углах рта, потупился.

- Как живешь?— спросила она, оглядывая его с новым в ней женским вниманием.
- Живу,— сказал он неопределенно.
- Как остальные?
- Кто именно?
- Ну... хотя бы Клейн?

И в ту же минуту он вспомнил. Клыч послал его зачем-то к Клейну, и он вошел в приемную начальника, когда тот додиковывал что-то Тане.

- ... Начальник губрозыска Клейн,— закончил тот. И она, непохожая на себя, с лихорадочным румянцем на нежно-бледных щеках, вынула и протянула ему листы, и рука ее дрогнула, и листы затрепетали в воздухе, и рука Клейна, взявшая листы, дрогнула в ответ, и Климов, незамеченный стоя у двери, поймал взаимную горестную мольбу их глаз: застенчиво сдавшийся взгляд Тани и взгляд Клейна, мужской, страстный.
- Товарищ начальник!— сказал он тогда злобно, и безгласное соединение двух душ оборвалось.
- Пройдем ко мне!— приказал, выпрямляясь, Клейн, и Климов прошел за ним в кабинет, бешено и подчеркнуто громко стуча сапогами, ненавидя ее, ненавидя себя, уничтоженный в самой вере в себя, ссутуленный от собственного ничтожества и ревности.
- Что-нибудь ему передать?— спросил он теперь, пробуя улыбнуться и закладывая руки в карманы.
- Нет,— сказала она, задумчиво и взросло вглядываясь в него.— Что передать! У вас же изобретено много отговорок. Я хотела быть с вами. Вы выбросили меня. Я хотела быть с ним, он бросил меня в самую тяжкую минуту жизни. Его не проймешь, у вас это называется принципиальностью. Он мог спасти меня, мог повернуть всю мою судьбу, он струсил.
- Ясно,— сказал Климов.— Дальше неинтересно. У тебя ко мне все?
- Все,— сказала она, усмехаясь.— Ах, сколько решительности.— Она вдруг затихла, потом потянулась к нему лицом.— Климов, я верю, ты настоящий. Не прикидывайся со мной. Меня сейчас можешь спасти только ты...
- Но в это время из двери одновременно вывалились двое. Гигант с пшеничной укладкой волос и Стас. Гигант подскочил к Тане, Стас — к Климову.

—Пошли! — шепнул Стас, и Климов с солдатской готовностью бросился за ним. Уже из-за поворота коридора он оглянулся. Гигант уводил безвольно повисшую на его руке Таню.

Глава IV

Утром была оперативка. В бригаду по особо тяжким пришел Клейн.

—Товарищи, — сказал он с мягким своим акцентом, — вчера ми продолжали выполнять задуманное. Притони на Рубцовской прикрити. Взято трое знакомих — налетчики. С поличным попались содержатели этих уютных уголков. Это звено в большой цепи чистки города. Это есть так. Но о Коте мы ничего не выяснили, хотя ребята из второй бригады очень интересовались именно им. Теперь о нашем вчерашнем промахе. Кто докладчик?

Стас встал.

—Это я виноват, — сказал он. — Куцый нас провел. Я думал, что, раз нас подсадит Ферзь, Куцый примет за своих. Была хорошая идея выдать нас за блатных, которые хотят взять с Кота и его парней за кого-то из своих, кого те будто бы убили. — Стас замолчал, поглядел в стол и стал алым до корней волос. — Я ему сказал, что это мы банк в Новочеркасске очистили. Но Куцый раскусил нас. Когда он пообещал быть через час на Вознесенском рынке с Красавцем, мы поверили. Вернее, я поверил. — Стас опустил кудлатую голову и замолчал, потом вновь поднял глаза на остальных. — Мы взяли трех оперативников из дежурной группы. Но на пустыре никто так и не появился.

Климов сидел, не поднимая глаз. Он вспоминал, как они ринулись со Стасом по коридору, как он оглянулся и увидел Таню, безвольно повисшую на руке гиганта в коричневом костюме. Нет, теперь уже она никогда не простит ему. Она не простила Клейну, когда он выступил на собрании и не защитил ее. Теперь не простит Климову, хотя бы сто Красавцев проходило на расстоянии трех метров от него. Женщины не прощают... Он посмотрел на Клейна. Тот внимательно слушал, что говорил Клыч, но глаза у него были далекие, отсутствующие. В густых волосах Клейна уже засеребрилась седина, и вообще в последнее время начальник как-то высох и ушел в себя, раньше он любил пошутить на оперативках, теперь этого почти не случалось.

—На полундру хотели взять, — говорил Клыч, постукивая пальцами по столу. — А Кота на полундру не возьмешь. Это хищник матерый. Мы же почти раскрыли карты. Кот знает, что его ищут, и будет вдвойне хитер. Селезнев, что у тебя накопилось по убийству Клембовских?

— Поначалу я вот о чем, — пригладил волосы Селезнев. — Товарищей наших, устроивших вчерашнюю панику и получивших кукиш в результате, полагаю, надо наказать. — Он взглянул на Клейна.

Клейн холодно и любезно улыбнулся.

- Рад услышать ваше мнение, но постараюсь решить это сам.
- По делу Клембовских, — озлобляясь от тона Клейна и как-то сразу старая от этого, продолжал Селезнев, — никаких новостей нет. Факт, что действовали Кот и его шайка. Надо его брать, в этом все дело. Прибавилась лишь одна деталь: дочь Клембовских непрерывно шляется по подозрительным местам, сводит знакомство с самой жуткой бражкой. Не она ли навела Кота на папашу? Предлагаю установить за ней наружное наблюдение.
- Клейн помолчал. Потом положил на стол сухую длиннопалую руку и поиграл пальцами, как на фортепьяно.

— Товарищ Клич, — сказал он, — товарищи. За вчерашнюю ошибку сотрудникам Ильину и Климову виношу взыскание. По поводу вашей работы могу сказать одно: мало психологии, товарищи. Товарищ Селезнев говорит: не могла ли Виктория Клембовская участвовать в убийстве своих родителей? Я отвечаю: не могла. Почему? Потому что чем больше знакомишься со свидетелями, тем вернее узнаешь, что Клембовские очень любили дочь и она любила родителей. В семье били, я би сказал, нежные отношения. Эта версия отпадает совершенно. Далее, по действиям Ильина и Климова заметна полная недооценка психологии преступника. Блатной всегда подозревает. Он

подозревает всех: знакомых, товарищей, родную мать и отца, даже пьяный, или, скорее, пьяный в особенности. Искать Красавца надо было медленно и серьезно, всеми путями немного больше внимания о нем. Пути у нас есть. Блат внутри себя не мольчит. Он говорит. А у нас есть источники информации. Теперь о будущих действиях. Считаю, что у нас есть возможность выйти на Кота, прежде всего через Тюху. Тюха знал и местни, и столичные блат. Что у нас с Тюхой, товарищ Клич?

- Молчит, — сказал Клич, грызя ногти, — никак не подъеду.
 - Надо думать, — мягко сказал Клейн. — Сначала думать, потом действовать.
- Позвонил телефон на стене. Филин встал, взял трубку.

— У нас, — сказал он. — Товарищ начальник, вас.
Клейн подошел, послушал, потом сказал:

— Пришлите его в первую бригаду. Там и поговорим. Надо заставить заговорить Тюху, — сказал Клейн и потер двумя пальцами лоб. — Нет смысла повторять вам, что только средствами морального принуждения...

Открылась дверь.

— Сюда, — сказал дежурный.

Вошел длинный высушенный старик с горбоносом белым лицом, с седой головой.

- Садитесь, гражданин Шварц, — сказал Клейн. — И вот здесь, среди товарищей, изложите снова то, что вы мне говорили вчера. Вы ведь по тому же делу?
- Я по тому же делу, — уныло сказал старик и сел на подставленный Климовым стул. — Граждане из угрозыска, я очень прошу вас... — Он склонил голову, и пряди длинных седых волос свесились вдоль щек. — Бандиты приходили ко мне, а не к Клембовскому. Клембовские — случайная жертва. Я прошу вас выставить охрану у моего дома. Я боюсь за свою семью.
- Но какие доводы у вас? — спросил Клейн. — Почему я должен выставить охрану к вам, а не к остальным ста тысячам граждан нашего города?
- Вы не понимаете! — закричал, внезапно багровея и начиная задыхаться, Шварц. — Что думают люди? Они думают, что Шварц — богач. Эта публика не понимает, что я лишь маленький ремесленник. Я могу оправить бриллианты, но я не владею ими. А кто такой бандит? Разве он умный человек? Он такой же! И он думает, что Шварц богат, как четыре испанских короля. Они придут! Я знаю...
- Все молча смотрели на него, Филин фыркнул и отвернулся. Остальные молчали.

- Смеются, — с горечью сказал Шварц, — он смешон, старик Шварц! Он так боится за свою драгоценную жизнь! Но старик Шварц боится не за свою драгоценную жизнь, уважаемые. Он умрет, а его семье надо кушать. А кто будет кормить четырех пожилых женщин, для которых я работаю? Без меня им долго не протянуть. Приставьте ко мне охрану, гражданин главный начальник, я заплачу.
 - Гражданин Шварц, — медленно сказал Клейн, — я понимаю вас... Но мы не можем приставить охрану к вам или вашей квартире. Не можем.
- Шварц опустил голову, долго думал, потом встал.

— Они убьют меня, — сказал он, — это здесь. — Он приложил ладонь к сердцу. — Я знаю, я не придумал это. Они убьют меня. А вам будет стыдно. — И сгорбленный, длинный, он медленно вышел в коридор. Филин захохотал:

— Вот чуело!

Клич и Клейн одновременно взглянули на него, потом друг на друга и опустили головы.

— Товарищ Клич, ко мне, остальным на работу! — приказал Клейн и вышел из комнаты.

На обед Стаса и Климова повел Потапыч. Старик почему-то был привязан к этим двоим. Решили идти не в нарпитовскую столовую, а в «Культурный отдых» Семина. Место было подозрительное, но кормили там хорошо.

В плохо освещенном помещении столы стояли далеко друг от друга. Поэтому было здесь приятно разговаривать о делах интимных и конфиденциальных. За столами, округло обходящими кухню и буфетную стойку, оживленно беседовали люди в толстых пиджаках, в брезентовых плащах, сплошь в пыльных сапогах — приезжие. В трактире этом собирались по большей части лошадиные барышники и конокрады.

- И по расстегайчику! — говорил Потапыч, нежно поглядывая на полового.
 - Выпить чего не прикажете?
 - Чаю! — отрезал Потапыч. — И поторопись, любезнейший.
- Половой исчез.

- Эх, Потапыч, Потапыч, — сказал Стас. — Он член профсоюза небось, а вы ему, как при царизме, «любезнейший».
 - Это не оскорбление, — отбилась Потапыч. — А потом, милостивые государи, я человек старый, и перековать меня полностью невозможно.
- Подали первое. Климов и Стас так навалились на щи по-крестьянски, что некоторое время не могли принимать участия в беседе. Потапыч же ел мало, зато много рассуждал.

- Война, как и всякий долговременный период насилия, порождает огромное количество человеческих отходов, шлаков — всякого рода злодеев, вот хоть того же Кота... Вот скажи мне, ты за любую революцию? Где бы она ни была? Какая бы ни была?
- А как же! — чувствуя какой-то подвох, сказал Стас. — Но за пролетарскую, конечно.
- А не кажется тебе, что революция — это только средство, а цель — совсем иное.

— Какое средство? Чего ты мне поешь? — обиделся Стас. — Революция — это цель!

- А разве не цель — счастье людей?
- Ну и это! — сказал Стас. — Оно сюда входит...
- Никуда оно не входит, — сказал Потапыч. — Счастье — это свобода, равенство, братство, материальное благополучие. А если это цель, то ее в разных условиях можно достигать разными путями, и эволюция тут ничем не хуже. К тому же при ней меньше затрат, меньше погибает людей и культурных ценностей.
- Оппортунист ты, Потапыч, — сказал Стас. — Да сколько ждать-то ее, твою эволюцию? Раз одни могут ждать до упаду, а другим остается лишь с голоду дохнуть, выход один — революция. Она-то и дает и счастье, и свободу, и равенство, и братство.

— Поглядите-ка, братцы, в угол, только не очень пристально, — прервал их спор сидевший лицом к двери Климов.

Стас, сделав вид, что хочет позвать полового, оглянулся, потом тоже будто бы за этим, помахав рукой, обернулся Потапыч. За столиком около двери сидел Гонтарь и уныло прихлебывал пиво. Заметив глдевших на него товарищей, он едва заметно покачал головой. Они отвернулись. Климов, у которого осталась возможность наблюдать, комментировал.

— О, — сказал он, — ребята, а ведь он знает кого «ведет»? Клембовскую!

В дверь трактира действительно вышла Клембовская в сопровождении женщины лет пятидесяти в длинном платье и шляпке. Через секунду исчез и Гонтарь.

— Значит, Клейн установил за ней наблюдение, — сказал Климов.

— Но почему наших на этих делах используют?

— Начальник знает, что делает,— ответил Стас. — У ребят из других бригад тоже дел по горло.

Возвращаясь в управление, они зашли во двор и обнаружили там спортивные состязания. Филин боролся около конюшни с рослым парнем из третьей бригады. Филин зажал противника двойным Нельсоном, потом перебросил через себя и после недолгого сопротивления припечатал лопатками к траве. Во дворе стоял закрытый экипаж для перевозки заключенных. У дверец томились двое охранников, а в помещении бригады за своей перегородкой Клыч кого-то допрашивал. Скоро стало ясно, что начальник допрашивает Тюху.

—В ограблении и убийстве Филипповых?— спрашивал голос Клыча.

— Было дело, участвовал,— солидно соглашался Тюха,— это, гражданин начальник, как на духу.

— Ладно. Налет на лавку потребкооперации в Жорновке?

— Ни единым пальцем. Это мне, начальник, не клей.

— Значит, Ванюша руководил?

— Как есть он.

— Пал Матвейч,— с укоризной говорил Клыч,— ты вот твердишь, что в бога веруешь. А по библии врать-то — грех. Ранен перед этим Ванюша был. Другой налетом-то руководил.

— Може, кто и другой, я запоматывал, начальник.

— От статьи бережешься, Пал Матвейч, а уберечься-то нельзя. Вот читай.

За стеной замолчали, слышно было, как сопел Тюха, шелестя листами. Просунула в дверь голову секретарша.

—Филин, к начальнику!

Филин затянул галстук на распахнутом ворота, отряхнул брюки и вышел за дверь.

—Так как, Пал Матвейч?— опять спросил голос Клыча.— Будем и дальше вола за хвост вертеть?

— Да пиши, начальник, пиши! Сопляков похватили, они варежки и раззявили! Суки!

— Так и пишем: принимал участие в нападении на лавку потребкооперации в селе Жорновка. Ладно, теперь сам добавь, что еще не записано.

— Я себе не враг, начальник.

— Тебе, Пал Матвейч, стесняться нечего, и того» что есть, хватит.

— Мне что вышка, что пышка, начальник! Кто за наше дело берется, тому жизни мало остается.

— Дурное ваше дело, Пал Матвейч.

— Оно и ваше не больно хорошее. Легавое ваше дело, начальник.

— Зато не душегубы.

— Замолчи!— вдруг фистулой вскрикнул Тюха.— Чего душегубством мне тычешь? Ты людей же губил?

— Задаром? Опупел, бандюга?

— А на войне?

— То не людей, а врагов,— сказал серьезный голос начальника.— Это другое дело.

— А кроме врагов, так ни одну невинную душу и не кокнул?

За перегородкой засопели. Потом Клыч сказал:

—Ладно, скажу.— Он на секунду смолк и медленно заговорил снова:— В восемнадцатом сполнял я решение трибунала. Приговор. Офицера в расход пуская. Молоденький офицерик. Стоит, слезы катятся, а смотрит гордо. Пожалел я его, вражину: «Давай хоть глаза завяжу». А он: «Стреляй,— говорит,— твое дело собачье». Оскорбил он меня. Не собачье мое дело было, человечье. Был он мне классовый враг. Уж стнил он небось, дьявол глазастый,— сорвался вдруг голос начальника,— я ночи из-за него не сплю. Снится мне. Слезы его снятся. Думаю: оголец ведь. Не будь войны, перековался бы, понял... А на войне какая же жалость...

Опять наступило молчание. Слышалось тяжелое дыхание Клыча. Потом он сказал подчеркнуто ровно:

— Последний к тебе вопрос. Расскажи о шайке Кота.

Вы там поблизости орудовали.

— Про Кота пуцай он тебе сам расскажет,— хохотнул Тюха.— Он дюже разговорчивый.

Опять помолчали, потом Клыч сказал:

— Ладно, Пал Матвейч, ты иди, мы еще с тобой потолкуем.

— Прощевай, начальник.

Тюха, коротконогий, крепкий, в арестантской робе, но в своей пока еще кепке, вышел из-за перегородки. За ним показался бледный Клыч.

—Ильин,— сказал Клыч,— проводи.

Тюха помедлил, оглядывая присутствующих, потом, сопровождаемый Стасом, доставшим свой кольт, прошел к двери, издевательски раскланялся со всеми:

—Нашего вам со звоном!— и вышел.

Немедленно после этого просунулась в дверь голова

секретарши.

—Товарища Клыча к начальнику.

—Есть!— Клыч прошел через комнату, с силой саданул дверь.

Вернулся Стас. Светлые волосы его стояли дыбом, все лицо выражало изумление.

— Филина взяли!

— Что?— к нему повернулась вся бригада.

— Только сейчас сунули в конвойку Тюху, смотрю, ведут Филина. Я только рот раскрыл.

Вошел Клыч. Он смотрел себе под ноги. Прошел к своей конурке и встал у дверей в нее. Не оборачиваясь, глухо сказал:

—Товарищи, наш с вами сотрудник Филин оказался злостным нарушителем революционной морали. Своей сожительнице, содержательнице тайного притона Анастасии Деревянкиной, он выболтал все наши секреты. Операцию по чистке Горнов сорвал он. Кроме того, шпана слишком многое знает о нас. Филин и Деревянкина арестованы. Будем проверять, по глупости он все это насоввершал или с целью.

Клыч прошел за перегородку и засел там. В комнате установилось пасмурное настроение.

— Как же он мог? — недоумевал Стас. — Жил с нами, в операциях участвовал...

— Да в нем всегда мелкий буржуйчик проглядывал!— резал Селезнев.— На ипподроме играл, порицание получил. То гимнастический зал мечтал открыть...

— Селезнев всегда рад другого вымазать, — зло посмотрел на него Климов.— Филин с тобой вместе Тюху брал. Жизнью рисковал не меньше остальных. Об этом

забыл?

- Жизнью рисковал! — усмехнулся Селезнев, — Жизнь, брат, копейка! Вопрос, на какой кон ее ставить! А он, видно, не на наш ставил, раз с такой связался!
- Надо узнать, потом говорить, — жестко сверлил глазами крутоскулое, зло-насмешливое лицо Селезнева Климов. — Не обязательно предательство, может, просто глупость!
- Да уж умом не блистал дружок твой! — захохотал Селезнев. — Если б за глупость прощалось, многим бы можно амнистию объявить.
- Ладно, — сказал Климов, — я не обижаюсь. Пусть он мой дружок. Он им не был, но раз тебе нужно — пусть. Но скажу тебе, Селезнев: мужик ты храбрый, но дурной.
- А мне плевать, что там обо мне твои мозги сварят! — сказал Селезнев, презрительно усмехаясь. — Кто ты мне, Климов? Товарищ по ячейке? Соратник по идее? Всего-навсего сослуживец. Нынче ты здесь, завтра тебя нет! Так что чихал я, что ты там обо мне думаешь!

И тогда неожиданно поднял голос Стае.

— Я твой соратник по идее, Селезнев, — сказал он своим глухим от застенчивости голосом, — а говорю тебе так же, как друг мой Климов: дурной ты человек! И плохой товарищ!

— Вот об этом поговорим в другом месте, — сказал Селезнев, и серые глаза его с открытой враждой осмотрели обоих собиравшихся. — Но и тебе отвечу: мне неважно, что обо мне вы думаете! Я живу для идеи, а все, что болтают разные обывательские элементы, от меня, как дробь от брани, отскакивает! — и, увидев, что Стас опять было открыл рот, отрезал: — Все! Разговорчики... Ваш дружок продавал. А не мой! Тут не ячейка, и я слушать вас не собираюсь!

В этот момент ворвался Гонтарь. Он хрюпал огурцом и расплывался всем своим мускулистым лицом с привздернутым сапожком носа. Нечесанные темные патлы свисали на уши.

— Братцы! — сказал он, падая на стул. — Слыхали? Цирк наш выезжает, — он откашлялся. — Оглашаю: «Борьба борьбе». «Развившаяся в городе цирковая борьба приняла за последнее время нездоровый уклон и разлагающе влияет на рабочие массы.

Сами рабочие указывают на вред и разлагающее влияние борьбы в массовых письмах в редакцию и заявлениях в горсовет. Учтя волю рабочих, президиум горсовета обратился в губком РКП(б) с просьбой воздействовать на соответствующие организации в деле принятия ими мер к скорейшему удалению из городского цирка борьбы и оздоровлению цирка художественно-сатирическим репертуаром», — Он засмеялся: — Нет, граждане, уважая горсовет, я все же против этого постановления. У нас в городе даже пьяные перестали драться, стали бороться! За что бороться с борьбой? Нет, это огорчительно, братцы-новобранцы!

- Филипа арестовали, слышал? — спросил Селезнев.
- Фи-ли-па? — в изумлении привстал Гонтарь.
- За разглашение служебной тайны, — пояснил Стас. — Он своей любовнице проболтался. Из-за него операцию в Горнах отменили.

Гонтарь сокрушенно помотал лохматой головой и несколько минут сидел молча. Но вот зубы опять блеснули на загорелом лице, опять заискрились глаза.

— Нет, граждане, жизнь удивительная штука, как сказал поэт! Топая сегодня за Клембовской. Надрело хуже горькой редьки. Куда эта мамзель лезет, чего она ищет? Во все притоны суется, отовсюду ее или деликатно выпрут, или вышибут. Просто жаль становится. Физиономия отчаянная, а чуть что — глаза на мокром месте, и все же опять рвется, я иду позади, индифферентно держу дистанцию и думаю: «Барышня, чего вы хотите от шпаны? Спросите у меня, старого сыскаря, я вам все выложу на голубом блюдечке». И целый день ходит как ненормальная... Впрочем, ребята, не вру, а она немного тает... чего-то в ней есть этакое... Из палаты номер шесть.

- И понятно, — сказал Климов. — Я как вспомню тех-четверых у нее на квартире, аж озноб берет. Ну и волк этот Кот. Такого мы еще и не брали.
- Ничего, найдется и на этого волка своя Красная Шапочка, — сказал Гонтарь. — Прижмем гада! — и запел, похлопывая ладонями по столу. Он весь так переполнен был ощущением силы и здоровья, что просто не мог воспринимать ни дурных, ни печальных известий.

Зазвонил телефон. Гонтарь кинулся к нему, взял трубку.

— Яшка? Ну да, я. Где? На Камчатке, у бакалеи Нилина? Ладно. А она не выйдет? А то вы скроетесь, я вообще вас не найду. Ладно. Возьму пролетку. Выезжаю. — Он дал отбой и повернулся к остальным: — Адьо и авант. Сменщик ждет. Опять буду шлепать за красотой Клембовской, вдруг она выведет нас на след Кота или какого-нибудь тигра! Не хнычьте, парнишки! Жизнь продолжается. — Он грохнул дверью и исчез, унося с собой свою улыбку и неистребимую жизнерадостность. Снова зазвонил телефон.

Стас снял трубку.

- Что? Разборчивее говорите. Так, — он жестом руки вызвал к себе внимание Климова и стал тыкать в сторону перегородки: «Зови Клыча».

Климов сбегал за Клычом, тот подошел и стал рядом.

— Передаю инспектору бригады, — сказал Стас.

Клыч взял трубку, выслушал первые булькающие звуки, весь построжел, подтянулся.

— Подробнее, — сказал он.

Минуты две он слушал не перебивая, потом повесил трубку, дал отбой и обернулся к остальным:

— При перевозке в тюрьму Тюха вышиб в дверь конвойного и попытался бежать. Филин кинулся за ним и свалил его. Тюха все же отбросил Филина и побегал. Второй конвойный выстрелил. Ранил его под левую лопатку. Пуля пробила легкое. Ранение тяжелое, может быть, смертельное. Оба заключенных доставлены в тюрьму.

Клыч оглядел всех и чуть улыбнулся:

— Во всей этой истории одно небезнадежно, братишки: Филин вел себя, как подобает сотруднику угрозыска. Пусть и бывшему.

Он ушел за свою перегородку. Пришел Потапыч.

— Старость не младость, судари мои, — сказал он, садясь за стол Гонтаря. — И приходят всякие неутешные мысли. Например, правильно ли распорядился я со своими шестьюдесятью четырьмя годами? Мог ли я прожить по-иному и лучше?

- Ну и? — спросил Стас, поднимая голову. — Ведь если бы ты, Потапыч, был революционером с юности, разве это было бы не прекраснее?
- Революционером? — поразмыслил Потапыч и по привычке подул на концы усов. Секунду они парили в воздухе. — Нет, — сказал он, — рискуя вызвать в вас, молодые люди, полное отвращение, должен сказать, что я не хотел быть революционером. Понимаете, я участвовал в студенческом движении, сидел в «Крестах». Правда, всего три дня, нас потом выпустили. На этом революционная часть моей биографии кончается. Ни темперамент мой, ни характер не подходили для этого рода деятельности. Не то любовь к человечеству во мне выражена очень узко, не то честолюбие отсутствует. Мне отчего-то обнаружение преступников всегда казалось не менее важным делом, чем любое общественное переустройство.
- Нет, ты, дед, все-таки договорись когда-нибудь, — прищуренно вонзился в него Селезнев серыми клинками глаз. — Все, что ты тут несешь, — сплошное буржуазное разложение. И я как марксист...
- Вы, друг мой, весьма самоуверенный и нетерпимый человек, — спокойно сказал Потапыч, — вы уже не способны выслушивать изложение чьих-либо мыслей. И потом: откуда такая самонадеянность — «я марксист»? Выучить десять цитат из Маркса и потому уже считать себя умнее других? Согласитесь, образованному человеку это несколько смешно.
- Я вот соберусь как-нибудь и позвоню в ГПУ, — безмятежно сказал Селезнев, — и попрошу знакомых ребят порыться в твоей анкете. Похоже, там кое-что интересное для них отыщется.
- Селезнев, — спросил Потапыч, закуривая трубку, — скажи, что бы ты делал, если бы тебя и таких вот, как ты, перестали бояться? Твоя жизненная функция, на мой

взгляд, была бы исчерпана, ты предстанешь голым для посторонних взглядов, и тогда окажется, что ты лишь свирепое ничтожество, которое способно в этой жизни делать лишь одну работу: пугать!

Климов не выдержал и торжествующе захохотал, Стас слушал задумчиво, и как-то непонятно было: одобрял он Потапыча или осуждал.

— Что ж,— сказал, вставая и расправляясь во весь свой далеко не гвардейский рост, Селезнев.— Я ведь не так уж рвался, ты вынул меня к этому, старик.— Он пошел к телефону, но тот в этот миг прорвался звонком.

Селезнев снял трубку и тут же закричал:

—Тревога! Товарищ начальник, машина ждет!

Клыч кинулся из-за своей перегородки к дверям, на ходу доставая из кармана галифе кольт.

—Селезнев на месте. Принимает сообщения. Остальные — за мной!

Они с грохотом пронеслись по коридору, ураганом слетели по лестнице. «Фиат» уже тарахтел во дворе. Трое сотрудников из других бригад теснились на задних сиденьях. Стас и Климов еще потеснили их. Клыч вскочил на подножку.

—Жми!

Мотор взревел. Вахтер отскочил с дороги, ринулся навстречу ветер. Авто пронеслось мимо толпы у цирка, прогрохотало по мосту, распугивая игравших в лапту ребятишек, пролетело по улицам Сосновой слободки. Уже слышны были хлопки выстрелов. Выехали на поросшую травой площадку у старой часовни, и шофер затормозил. В пыли между двумя рядами глухих заборов лежало тело женщины, в нескольких шагах от нее катался и корчился мужчина, третий все время приподнимался, упираясь рукой в землю, и падал вновь. Прижавшись вплотную к доскам забора, какой-то человек в штатском стрелял в другой конец тупика, а оттуда, изредка высовываясь, отвечал ему второй.

Человек у забора, обернувшись на звук мотора, замахал рукой.

— Товарищи, за ним!

— Гонтарь!— крикнул Стас, узнав того, кто катался в пыли.

Они с Климовым выпрыгнули через борта, не ожидая, пока распахнутся дверцы. И, едва выпрыгнув, услышали треск выстрелов. Они дружно кувыркнулись в пыль, вывали из карманов пистолеты и приподняли головы. Бандит, высунувшись из-за угла, прицельно бил в сидевших в машине. Оттуда ему ответило сразу несколько пистолетов. Тогда, отпрянув за угол, бандит еще раз выстрелил, и тот раненый, который все время пытался встать, вскрикнул и упал.

— Гони!— услышал он команду, и «фиат» ринулся к тупичку. Все сидящие в нем стреляли наперебой. «Фиат» почти врезался в забор, с него прыгнуло четверо. Один — на заднем сиденье — не поднялся. Голова его лежала на коже заднего валика. Клыч и остальные исчезли за забором. Климов и Стас кинулись к раненым. Женщина лежала, запрокинув голову в канаву. Климов бегом осмотрел ее. Это была Клембовская. Она дышала. Золото волос потемнело от крови. Климов разорвал носовой платок, положил ее голову на колени и стал перевязывать. От угла возвратился Клыч. Остальные копошились в машине возле оставшегося на сиденье. Клыч подошел к третьему, упавшему в пыль лицом, перевернул его и сел перед ним на колени. Клембовская что-то пробормотала. Климов приложил ухо к ее губам:

— Пи-ить!

— Сейчас,— сказал он,— погоди минутку.

Он снял с колений ее голову и вновь положил на траву, затем бросился к Стасу. В руках того бился огромный Гонтарь, ладонями он хватался за живот, раскрывал горячие глаза, на животе его, присыпанном пылью, сверкала черная густая влага.

—Ма-а-ма!— мычал Гонтарь костенеющим языком, и глаза его были полны ужаса и неистовой жажды жизни.— Ма-а-ма-а!

Всех их положили в машину, где уже вытянулся на заднем сиденье мертвый сотрудник из второй бригады Ленька Ухачев. Климов и Клыч встали на подножки, Стас и два других сотрудника остались опрашивать население и выяснять подробности. Машина взревела и мягко тронулась.

В помещении бригады все сидели по своим столам и молчали. Только Селезнев злобно ругался между затылками. Слышно было, как ходит за перегородкой Клыч, изредка сквозь простенок слышался тягостный, как мычанье, стон.

Через час после возвращения опергруппы в бригаду пришел Клейн. За ним — невысокий парнишка с рукой на перевязи. Климов узнал в нем того парня, что перестреливался с бандитом, когда они примчались к часовне.

—Товарищи!— сказал Клейн, дождавшись, когда вышел и сел на стул Клыч.— Мы несем потери. Это тяжело. Замечательни люди били Миша Гонтарь и Леня Ухачев из второй бригады. Храбри, честни и верни своему долгу товаричи. Война окончилась для всех, но не для ГПУ и не для нас. — Он оглядел сидящих. Все они бледны. У Клыча на лбу испарина. Клейн потер висок, закрыл веки.— Товарищи, Миша Гонтарь умер.— Он встал, встали все. Минуту помолчали. Потом Клейн продолжал:— Товарищи, сотрудник угрозыска не имеет права относиться к смерти товарища или собственной как к чему-то из ряда вон выходящему. Ми на войне, а на ней стреляют. И убивают. Перехожу к делу. Важни подробности. Гольцев, сообщайте.

—Я сменщиком с Гонтарем ходил,— сказал парень с перевязанной рукой.— Как раз Клембовская в дом одна вошла и не выходит. Я и позвони Гонтарю: Миш, мол, смени. Его очередь подходила. Ну, он на извозчике и приехал. Только я ему сдал, значит, смену, глядь, она выходит и идет себе. Ну, я задержался. Дальше. Смотрим, из тупика выходят двое. Она мимо нас, они навстречу. Один на другую сторону перешел — такой дохленький, рыженький, а второй идет встреч Клембовской и, как она поравнялась, чем-то ей как-ак рубанет по затылку. Я-то еще губами шлепал, а Гонтарь как кинется. Тот-то хотел, видно, уже лежащей ей добавить, но Гонтарь его раз — и сломал. Тот упал, а второй с той стороны бежит, и я бегу. Он в меня трах — я и остановился, а он к Гонтарю. Тот еще только руку в карман, а этот почти в упор ему в живот. Я раз стреляю — мимо, второй — мимо, а он ширк — за тупичок, оттуда в меня и бьет, главное, зараза, до чего точно. Мишка катается там, Клембовская лежит. Гляжу, тот, дружок этого, стал вставать — я в него. Упал. Тут постовой откуда-то взялся. Я кричу: давай, мол, браток, беги звони в розыск, я пока отобьюсь. Минут через пять вы... Вот...

— Наделал этот рыжий делов,— сказал Селезнев.— Значит, тебя в руку, Гонтарь совсем, Ухача из второй бригады совсем, Клембовскую ранил...

— Товарищи,— сказал Клейн.— Сейчас ваша бригада становится оперативки группой. Ночевать будете здесь. Пока у нас только неудачи. Но вот удача — человек, которого взяли рядом с Клембовской. Он дважды ранен, но в сознании. Говорить отказался. По тому, как его напарник пытался вывести его из игры, заключаю, что он теперь становится чрезвычайно опасным для них. Вполне возможно, что он не из их шайки, а бить нанят для убийства Клембовской. Но знать о них он кое-что должен. Так что первый успех, пусть и добытый тяжелой ценой, у нас есть. Какие предложения?

— Надо было дом тот обыскать, откуда Клембовская вышла,— сказал Клыч.— Теперь как бы поздно не было.

— Селезнев, возьмите двух людей из второй бригады. Ви проводите!— кивнул Клейн раненому.— Действительно, странная связь: почему они покушались на Клембовскую именно у этого дома? Идите, товарищи. Селезнев и раненый ушли.

—Клембовская ранена неопасно,— сказал Клейн.— Завтра уже сможет говорить... Очень странная комбинация, очень странная... Зачем она им понадобилась? Впрочем, я подозреваю зачем.

— Когда Мишу хоронить будем?— спросил Клыч.

Клейн посмотрел на него, опустил голову.

— Через два дня, Степан Спиридонович.
Все помолчали.
— Все,— Клейн встал и вышел.
Клыч ушел за перегородку. Опять нависло молчание. В конце рабочего дня приехал Селезнев.

—Убита,— сказал он входя,— тяжелым предметом в висок Прасковья Моисеевна Кубрикова, торговка.

Клыч вышел из-за перегородки, усы топорщились, глаза блестели.

— Бешеная собака, — сказал он. — Братишки, жизни надо не пожалеть, но такую гадину уничтожить.
— Ему все равно вышки не миновать, — сказал Селезнев, садясь. — Вот и стреляет, режет.
— Чего он эту-то? — спросил Стас. — От нечего делать, что ли?
— Разгадка у Клембовской, — сказал Клыч. — Предполагаю, дело в ней. И вообще... Не вмешивайся эта деваха, неизвестно, как и куда нас бы увело, а сейчас, по всему видно, дело тянет к концу. Скоро будет ему амба!
— Коту?! — усмехнулся Селезнев. — Возьми его вначале.
— Возьмем, — сказал Клыч и обвел всех запавшими, горячее блестящими глазами. — Не знаю, кто останется жив, но этого дикого Кота мы возьмем, братишки. И по всей форме представим правосудию. Вот тогда я посмотрю, как он повертится, сволочуга.
— Сначала надо взять, — сказал Селезнев, — а потом хлестаться.
— Ребята, у нас три часа свободного времени, — не обращал внимания на слова Селезнева, распорядился Клыч. — В девять быть здесь как штык. Стас и Климов, накинув пиджаки, пошли к дверям.

Глава V

Солнце уже садилось, за куполом цирка медленно проливались алые струи заката. Народ схлынул, улицы в этот предвечерний час были пустынные, лишь у рюмочной толкалось несколько фигур в лохмотьях, выпрашивая у редких прохожих по тыщонке на выпивку.

Климов, как пленку в фильме, не отрываясь, прокручивал одни и те же кадры: пыльный пустырь между глухими заборами, Клембовскую, уронившую голову в канаву, катающегося в пыли Гонтаря... Он жил вокруг, город, ходил в цирк на борьбу, работал, торговал, заседал, а где-то рядом, неуловимый и страшный, как бешеный волк, готовый укунить, и укунить насмерть, бродил Кот.

— Мать у Гонтаря где? — спросил он Стаса.
— В Курске, кажется, — ответил Стас.
Они брели без видимой цели, куда-то к мосту, к своей слободке. Но домой обоим не хотелось, да и что было делать там, дома?

— В семь у меня ячейка, — сказал Стас, — объединенная: партийно-комсомольская. Ты что будешь делать?
— Не знаю, — сказал Климов. — Потолкаюсь где-нибудь.
С грохотом и звоном процокала конка. С крыши свистели беспризорные,

— Ты на фронте сколько был? — спросил Стас.

Они теперь спускались к реке по узкой стежке, со всех сторон поросшей лопухами и крапивой.

—Год, — сказал Климов.

—Страшно на фронте? — спросил Стас.

Вечерняя свежесть реки обдула их, заставила поежиться в легких пиджаках.

—На фронте и страшно и не страшно, — пояснил Климов. — Там, Стас, всегда почти на людях. Перед атакой, верно, страшно. А потом, когда побежали, заорали, даже не страшно, а так — безумеешь. Орешь, стреляешь, бежишь, рядом тоже орут, бегут, стреляют. Все как в тумане, ворвались в окопы — вроде была драка, орудовал штыком, но вспомнить трудно. Иногда про другого вспомнишь, а про себя ничего. Да, вообще говоря, редко до рукопашной доходит. Там в каждом бою бывает момент такой: одна сторона вдруг понимает, что не удержит. И знаешь что: понимают сразу — и командиры, и солдаты. И наоборот, иногда все ревет вокруг, кажется, все, хана, а почему-то вдруг чувствуешь: наша берет. И точно. Глядь, огонь ослаб, мелькают спины, вот тогда даешь! И наша победа!

Они помолчали. Шелестела трава под ветром. Чуть слышно плескала волна. Тьма окружала их, враждебная тьма, и в ее бездонной жуте негромко и словно бы о них самих пел с той стороны реки дальний и звучный голос: «Вы-хо-жу-у оди-ин я на до-ро-о-гу...»

—Помереть не страшно, — сказал Стас. — Нет, честно, я не боюсь. Страшно только, что умер, и все. Никакой памяти о тебе. Сгинул. Был — и нет. Ну, ты там вспомнишь, может, еще кто-то, а потом и вы забудете...

Климов улыбнулся в темноте. Чужак он, Стае, милый, родной чужак.

—Вот хотел я быть художником, — опять заговорил после паузы Стас, — не вышло. Нет таланта. После художника, Витя, остается красота. Настоящая красота, так что сердце дрожит и плачет. Если, конечно, был у него талант. А у меня нет. И вот цветы... Все равно вся красота мира ничего прекраснее цветов не изобрела. Я бы после смерти каждому не памятник ставил, а цветы на могилу сажал. И каждому свои — по заслугам и по характеру. Одному лютики — за тихость и простоту, другому тюльпаны — за гордость и решительность, третьему — розы. Это за чистоту и вообще за все, за служение идее, людям... Потому что розы — сама красота, Витя... И знаешь, если бы я вывел такой сорт роз, чтобы он не нуждался в цветниках и оранжереях, а рос всюду и не боялся наших морозов, вот, честное тебе комсомольское, я бы помереть мог спокойно...

«И дыша, вздымалась ти-хо гру-уды!» — пел голос на той стороне.

Темнело. Усиливался ветер. С неожиданно жалобной интонацией закричала в прибрежных кустах какая-то птица.

— Ну а мне на могилу что бы ты посадил? — спросил, усмехаясь, Климов.
— Да ну, Витя, на какую могилу!
— Ну а все-таки?
— Тюльпаны, — нерешительно пробормотал Стас, — или гладиолусы там...
— Нет уж, — сказал Климов, — если такое случится, ты уж надо мной лютики посади. Ну хотя бы за тихость и Простоту.
Они помолчали.

- В семь ячейка, — встал Стас. — Партийно-комсомольское объединенное заседание.
- Встретимся в розыске, — сказал Климов.

Стас ушел, а он лег на влажноватую еще, не совсем росную траву и стал смотреть в небо. Оно было звездным, темным, безмерным. «А я, — думал Климов, — что после себя оставляю? Вот мы, сыщики, ловим бандюг. Это, конечно, правильная профессия, но почему же я иногда становлюсь перед чем-то, словно башкой о столб ударился, словно я только делаю вид, что совершаю полезное и нужное дело, а сам понимаю, что этого дела мало для оправдания моей жизни на земле? Но что же еще я тогда должен сделать?.. И вообще, откуда сегодня эти мысли у меня, у Стаса? Это, видно, из-за Мишки...»

Кто-то зашуршал позади. Он скосил глаза вбок, но не пошевелился. Затем рядом с ним появилась тоненькая фигурка и села на камень, где только что сидел Стас. Он смотрел на нее внимательно и отрешенно. Это оказалась девчонка лет пятнадцати. На ней было черное платье, продранное под локтем так сильно, что когда она поворачивалась, то в прорехе явственно мелькало белое тело. Она несколько раз нервно оглянулась на него, в глазах ее было возбуждение и страх. Так они провели вместе и далеко друг от друга минут десять.

— Деньги-то есть, дядь? — спросил глуховато-звонкий девчоночный голос. Лохматая голова повернулась к нему, опять испугом и возбуждением блеснули темные глаза.

- А что? — спросил он.
 - А то... пойдём за два «лимона».
- Он привстал. Она искоса взглянула на него и отвернулась, ожидая.

- Одна живешь? — спросил он, чувствуя такую жестокую горечь, что слова с трудом проходили через гортань.
 - Сама живу, — сказала она и повела худенькими плечами. — Не бойсь, никто с тебя не спросит... Пойдем, что ли?
- Он опять упал на траву и опять всмотрелся в звездное небо. Шел шестой год революции, а голодная девочка становилась проституткой, чтобы хотя бы прожить.

- Как зовут тебя? — спросил он.
 - Манькой, — сказала она. — Идешь или как?
- Он сунул руку в карман, вытащил краюху хлеба — неприкосновенный запас.

— Возьми, Маня, — он протянул ей хлеб.
Она всмотрелась, схватила, стала жадно есть.

Он лежал, думал: «А если со мной что случится? Неужели Таня пойдет по рукам? Конечно, та взрослее, ей уже двадцать. И все же». Он опять увидел, как беспомощно повисла тогда она на руке у завитого гиганта. Нет, Мишкина смерть требовала другого отношения к жизни. Самолюбие? Но до него ли сейчас? У него нет более близкого человека, чем Таня, и он пожертвует своей гордостью и всем, что потребует, но уведет ее из того мира, куда ее столкнуло чье-то равнодушие и тупое пристрастие к форме.

Он резко вскочил. Девчонка вздрогнула и согнулась, обхватив колени.

- Маня, — сказал он. — Я тебя в приют отведу.
- Не пойду! — Она, не оглядываясь, наотрез закрутила головой.

«Таня, — думал он. — На этот раз я все-таки поговорю с тобой, чего бы мне это не стоило».

— Ладно, — сказал он. — Живи как хочешь. Но вот что, — он нагнулся и положил руку на дрогнувшее худенькое плечо. — Меня зовут Климов, и, когда тебе станет плохо, позвони по телефону двадцать — двадцать два... Позвонишь?

Она, не оглядываясь, кивнула. Он пошел вверх по откосу.

- Эй! — крикнул сзади девичий голос. — А как звать?
- Так и скажи: Климова к телефону.

Глава VI

В «Экстазе» громыхал фокстрот. Ребята из джаза выделяли черт знает что: высоко пели трубы, низко стлались баритоны саксофонов, убийственно выстреливали очереди ударника. В танцзале наверху толпа бешено топотала на одном месте, потому что сдвинуться в толкучке было некуда. Климов, протискиваясь между пустыми стульями у стен и танцующими, всматривался в колышущуюся толкотню голов. Узнать и найти здесь Таню было почти невозможно. Тогда он стал искать пшеничную укладку. Рослых мужчин здесь было немало, но тип в коричневом костюме выделился бы даже среди рослых. Нет, и его не было видно. «Но разве Таня обязательно с ним?» От этой мысли Климов весь похолодел. «Неужели темноглазая тоненькая чистая девочка могла пойти по рукам? По этим потным, алчным, бесстыдным рукам?»

Старушка не спеша, —

пел на эстраде маленький толстый человек в чувшемом костюме с пестрым широким галстуком, —

Дорожку перешла.

Ее остановил миль-ци-о-нер!

Навстречу Климову пробирался невысокий паренек в дешевом костюме с пышным галстуком. Они столкнулись, вплотную с ними отчаянно работали ногами танцоры. Климов узнал парня, это был свой, из третьей бригады.

— Слушай, друг, — он потянул парня за лацкан. — Ты тут Шевич не видал?

Парень дисциплинированно делал вид, что незнаком с ним, и пытался пролезть мимо.

— Да ты не дури, — раздраженно сказал Климов. — Я тебя по службе спрашиваю.

Тот сразу вскинул глаза:

- По службе? Другое дело. Шевич? Это что у Клейна была, а потом вычистили?
- Эта самая.
- Была на танцах. Потом вниз ушла.
- Одна?
- Был с ней какой-то. Здоровенный. Волосы прикудрявлены.
- Вниз ушла?
- В номера.

Климов повернулся и, расталкивая танцующих, кинулся к выходу из зала.

На первом этаже в длинном коридоре, по стенам которого стояли трюмо, отчего каждый проходивший двоился в отражениях, переминались два типа в позументах. Климов подошел к ним, они сомкнулись перед ним, образовав непроходимый заслон из ливрей и мощных торсов. Климов взглянул в разбойно-почтительные лица, вынул удостоверение.

— Розыск! — сказал он.

Позументы дрогнули и расступились. Климов почти бегом бросился по коридору, отражаясь во всех зеркалах сразу. При повороте вниз на лестницу он увидел, как один из вышибал тянет какой-то шнур на одном из трюмо, услышал отдаленный звук звонка внизу и понял, что обитателей номеров предупредили о его появлении. Торопиться смысла не было. Он медленно спускался по застеленной ковровой винтовой лестнице и думал о том, как отыскать Таню в этом лабиринте тайных удовольствий и эппмановских секретов. Лестница кончилась, начинался коридор.

Где-то за тонкой стенкой всхлипнула женщина. Климов вдруг почувствовал такую усталость, что сразу решил уйти. Он повернулся, и в тот же миг прямо перед ним распахнулась дверь, и человек в коричневом костюме с решительным клювоносым лицом, с мелко завитыми светлыми волосами встал в дверях. Он смотрел прямо на Климова, и Климов узнал его.

— Таня здесь? — спросил он, подавшись навстречу завитому.

- А! — сказал, узнавая его, завитой. — Таня? А что вам до нее?
- Пусть войдет! — раздался позади знакомый голос.
- Ну что ж, заходите! — сказал завитой и посторонился.

Климов шагнул в душный, настоянный на аромате духов и цветов полумрак номера. Высокая настольная лампа царствовала над столом, уставленным шампанским. На цветных диванах и креслах вокруг стола сидело пятеро. Две женщины — одна блондинка, другая южанка со смелым и нежным одновременно лицом, с влажно мерцающими большими глазами. Рядом с ней юноша в студенческой тужурке старых времен, смотревший на Климова со смешанным выражением интереса и неприязни, могучий толстяк с седой шевелюрой, и в углу Таня. На лоб ей косо падала прядь, блузка тесно охватывала маленькую грудь и прямые плечи. Она смотрела на Климова спокойно и казалась такой чужой, что усталость, сменившаяся было волнением, теперь опять вернулась.

— Меня ищешь? — спросила Таня.

Завитой прошел мимо Климова, подставил ему стул и сел за стол рядом с Таней.

- Поговорить хотел, — сказал Климов.
- Говори, — сказала она.
- Здесь? — спросил он.
- Да, — сказала она. — Кого нам с тобой стесняться?
- Уйдем? — попросил он, опуская глаза под настойчивым ее взглядом, в котором уже замелькали искры вражды и гнева.
- Куда же? — спросила она с непонятным интересом. — Куда же ты меня хочешь увести?

Он сел на стул и посмотрел на студента, потом на толстяка. Те слушали и разглядывали его с холодным любопытством.

- Выпьете с нами? — спросил завитой и разлил всем шампанское.
- Таня, — сказал Климов. Ему вдруг стало все равно, слушают его эти пятеро или нет. — Ты пойми, — сказал он, — я не мог тогда. Убийцу брали...
- Прежде всего долг и общественные обязанности! — засмеялась Таня звенящим смехом. — Товарищ Климов и товарищ Шевич. Хватит! Я хотела быть вам товарищем, вы меня выкинули как собаку. Теперь я не хочу быть товарищем, слышишь? — Она смотрела на него своими темными, гневно сияющими глазами. — Я хочу быть женщиной! Любимой! Ты можешь меня ею сделать?

Климов вдруг улыбнулся. Она очень еще юная. Вот когда злитсЯ, это особенно ясно.

- Чему это вы? — спросила Таня, и в голосе было удивление.
- Любимая, — сказал он, — уйдем отсюда!
- Общество вы, Танечка, выбрали себе весьма низкопробное, — издевательски пояснил толстяк. — Утонченный вкус советского сыщика возмущен вашим выбором.
- Ничего, — сказала Таня, опять поднимая голос до звенящей высоты. — Потерпит. Так ты говоришь: любимая? А на что ты мог бы решиться ради меня?

Он снова внимательно вгляделся в ее бледность. В сухой блеск глаз и вдруг понял, как ей трудно живется. Надо было бы многое объяснить, но он не мог, не хватало слов.

— Вы гость, — сказал завитой резким тоном, — и прошу вас быть как дома. Выпьем?

Климов взглянул на него и снова перевел глаза на Таню. Там, за стенами этого дома, бродила Маня и тысячи голодных, а эти сидели здесь в тепле и уюте, играли в любовь, пили и еще обижались, что их смеют не понимать. И Таня среди них, среди этих...

Таня вздрогнула и обхватила плечи руками вперекрест.

— Так зачем ты пришел? — спросила она. — Просить меня отсюда уйти? Я здесь с друзьями, мне некуда уходить. Я однажды уже пробовала уйти из своего круга и расплатилась за это. Что еще ты можешь сказать? Вот Константин, — она показала ладонью на завитого, — ради меня обворовывает свое акционерное товарищество! — Завитой, как лошадь, дернул головой, но смолчал. — Вот Дашкевич ради Этери промотал все свои миллиарды, а что можешь сделать ты для любимой женщины?

- Увести ее отсюда, — сказал он. — Только это!
- Не в твоих силах! — крикнула она. — Потому что, если бы ты и смог это сделать, завтра бы опять нашлась причина — общественная, государственная, какая угодно, — и меня бы для тебя не стало! Потому что для таких, как ты, Клейн и все остальные из вашей компании, я не существую. И совершенно непонятно, как ты решился прийти сюда, чтобы заняться столь личным делом, как выяснение наших отношений!
- «Уже обучили своей логике», — он, наливаясь тяжелой яростью, оглядел остальных. Завитой косил на него испуганным глазом, ерзал на стуле. Другие ждали его ответа, мужчины — с неприязненными усмешками, женщины — с каким-то жалостливым любопытством.

—Значит, для доказательства моих слов я еще ни чего не украл?— спросил он, поворачивая голову и с едкой злостью оглядывая Таню.— Подскажи где. У меня опыта мало, до этого больше ловил тех, кто крадет...

Наступила тишина. Завитой замер на стуле. Танино лицо полыхнуло краской. Она закрыла глаза, спутулилась, потом вновь взглянула на него. В глазах были гнев и беспомощность. Сейчас она опять что-нибудь скажет, и уже ничего невозможно будет поправить. Он встал.

- Мишку Гонтаря убили! — Он посмотрел в последний раз в глаза ей, запоминая навсегда это милое, бледное, большеглазое лицо, и пошел к двери.
- Ми-и-шу?— ахнул сзади ее голос.

Он вышел и пошел по коридору. Навстречу ему спешил высокий человек в черном костюме с «бабочкой», с официальной улыбкой на ничего не выражающем желтоватом лице.

- Товарищ из угрозыска?
- Да,— сказал он.
- Кленгель,— он пожал руку Климова холодными, вялыми пальцами.— Я вам нужен?
- Нет,— сказал Климов.— Я по личному делу.
- По личному?— Кленгель понимающе кивнул.— Могу я помочь?

—Не можете!— сказал Климов.

Он обошел Кленгеля и пошел по коридору. За тонкими стенками уже шумели голоса, гремел граммофон, слышались крики, пьяные звуки поцелуев, хохот. Он почти бегом выскочил на улицу. Зашагал по булыжной мостовой. Позади слышался цокоток чьих-то шагов. «Зачем все это было нужно?— думал он.— Почему я решил ее откуда-то извлекать? С чего я взял, что она хочет быть рядом со мной? Она ведь с ними во всем: воспитание, общение, мысли — все их; это к нам, а не к ним она попала случайно».

—Витя!— позвал за спиной женский голос.

Он встал, словно оглушенный. Подошла Таня.

- Я на минутку,— сказала она, опять охватывая себя руками за плечи.— Как это случилось... с Мишей?
- Тут ранили одну,— роя сапогом землю, пробормотал он.— Дочку зубного врача... Он хотел ее спасти от бандитов.
- Вику?— вскрикнула Таня.

Он поднял на нее глаза.

- Ну, Клембовскую!
- Вику?— повторила она.— Она жива?
- Она-то жива,— сказал он, нехорошо усмехаясь: «Вику ей жаль, а про Мишку уже забыла». — Гонтарь умер.
- Ужас!— сказала она и провела ладонью по лбу.— Витя, какая у вас страшная работа!

Он молчал. Даже радости не было оттого, что она догнала его и заговорила. Не было радости. Потому что «на минутку». Потому что сначала Вика и лишь потом о Мишке.

- Витя,— сказала она, не глядя на него,— можно, я провожу тебя? У тебя есть время?
- Ты ж на минутку,— сказал он зло.
- Да... я и забыла...

Она все стояла на ветру, подрагивая в своей белой легкой блузке. Горькая нежность ударила в сердце, пронзила, затуманила, обожгла. Но он не сделал ни шага, ни движения.

Я... пойду?— полусказала-полупросила она.

Ее там ждали друзья. Те самые друзья, с которыми дружить — значило раздружиться с ним, с Климовым.

—Иди!— сказал он жестоко.— Иди! Расскажи им еще раз, как ты ошиблась, когда пошла с нами, а не с ними. Расскажи, им это узнать полезно.

Она вздрогнула, вдохнула воздух, на высокой шее запульсировала жилка, она взглянула на него — взгляд был затравленный, больной, молящий,— повернулась и побежала, слабо поводя локтями. А он смотрел, смотрел...

Вечер был. Звезды прорывались сквозь клочковатые облака. Климов шел по мостовой, сторонился от редко пронесившихся пролеток. Горечь томила сердце.

Далеко на окраинах рокотали заводы, гремели где-то пролетки. Уже еле слышно доносил сюда свое томление оркестр из «Экстаза». Он свернул к управлению. В дежурке усталыми глазами глядели трое. На втором этаже из бригадного помещения доносился голос Селезнева. Климов решил было войти, но не хотелось никого видеть. Он отошел в конец коридора, с треском открыл окно. Душный вал сиреневого запаха обдал и словно омыл его. Г Таней — все, но жизнь продолжается. Он высунулся в окно. Городской вечер. Синева, простроченная гирляндами огней, грохот повозок и пролеток на улицах. Редкий выкрик автомобильного рожка. Шорохи близких садов.» Надо жить и делать свое дело.

Резко хлопнула дверь. Кто-то вышел в коридор, постоял и двинулся к нему. Климов не обернулся.

—Климов?— спросил хрипловатый бас Клыча.— Вахту несешь? Там ребята матрасов натащили. Иди отдыхай.

Климов повернулся, посмотрел на Клыча. Начальник, в тельняшке, сквозящей в распахе кожаной тужурки, с папироской в зубах, смотрел через плечо Климова в окно, от него крепко пахло табаком и кожей.

- Тоскуешь, браток?— спросил Клыч.
- Просто настроение какое-то...— сказал Климов, отворачиваясь к окну.
- И у меня настроение,— сказал начальник.— Он тронул Климова за плечо.— Витек, айда выпьем? У меня немного есть.

Климов, изумленный тем, что услышал, резко обернулся. У Клыча было печальное лицо, русая полоска усов в сумерках странно посветлела и придала Клычу вид растерянного коммивояжера, у которого отказываются брать его товар.

- Айда?— позвал снова Клыч.
 - Можно,— сказал Климов, и они, пройдя по коридору, вошли в комнату третьей бригады.
 - Садись,— сказал Клыч и вытянул из бокового кармана тужурки начатый штоф водки.
- Климов сел, осмотрелся и обнаружил на столе графин и стакан. Клыч вытянул из кармана две краюхи хлеба, затем аккуратно завернутую в бумагу соль.

— Поехали,— скомандовал он и налил в стакан.— Пей!— посмотрел он на Климова горячими глазами.— Пей, Витек, за мировую революцию и правду На земле.

Климов дернул головой и выпил. Водка обожгла горло, он закашлялся. Клыч протянул ему посыпанную солью краюху:

—Ешь.

Пока Климов закусывал, Клыч тоже выпил, потом уперся грудью в стол и заговорил:

—Понимаешь, братишка, было у нас собрание, и чего-то после этого все нутро у меня затосковало. Захотелось выпить. А я ведь с двадцатого года как бросил, так к зелью и мизинца не протягивал.

— Расстроили вас?— спросил Климов. Он любил Клыча. Тот был хороший начальник — не мелочный, смелый, несмотря на внешнюю простоту, нередко поражал незаурядным умом и дипломатичностью. Сейчас ему было не до Клыча, но того тянуло к разговору, и Климов старался поддерживать беседу.

— Расстроился, точно,— сказал Клыч и повернул голову к окну.

В темноте выражения его лица не было видно.

—Я, братишка, в партии с шестнадцатого года,— медленно, словно вдумываясь в собственные слова, заговорил Клыч.— Все углы посчитал, всем сомнениям отдал долг, но курс выдерживал без уклонов. А чего не было: Брестский мир! Мать моя богомолка! Я был в отряде на Украине, мы свету белого невидели! Уйти, отдать все немцам! Потом наш флот потопили!.. До сих пор вспоминать не могу... Да, всяко было. Но не колебнулся. Не потому, что сам думать не умею, а просто крепко верю тем, кто у нас в командирской рубке. Они туда не за красивые байки поставлены, и в тюрьмах, и на каторгах бывали. И на фронтах под пулями не гнулись. Я верю. Но вот ты мне скажи, почему это такое: встает дрючок этот, Селезнев, и начинает поливать: революция, бдительность, беспощадность... «Клыч не имеет права при посторонних обсуждать высокую политику». Какую такую «политику»? Селезнева, выходит, я не имею права обсуждать? И разве ты посторонний?.. «Потапыч — буржуазный элемент, и его надо изъять!» Почему? Старик иной, у него жизнь была иная, да и не рабочий он, ясно, он по-иному мир понимает. Но свой старик-то. Пользы от него — вагон! Он и в преступниках понимает, и дело свое знает как облупленный. Так отчего же контра?

Клыч снова налил в стакан и придвинул его Климову. Тот выпил и в темноте осторожно поставил, потом нашарил недоодевшую краюху, стал жевать. Клыч тоже быстро и умело проделал всю процедуру. Стукнул о край стола его стакан.

—И вот что я тебе скажу,— опять зарокотал его голос,— обидно, что, только начинает он свои обличения, сразу кое-кто в его сторону тянет. Потапыча мы, правда, отстояли. Но авторитет у нашего «борца за беспощадность» вот таким путем как на дрожжах пухнет. И вот, браток, интересная штукавина: почитал я кое-что по французской революции: Блосса там, Минье — чего улыбаешься? Такой, мол, дуб, как твой начальник, книжонками увлекается? Это я только кажусь эскимосом, я, брат, книги давно люблю и привык из них уже разные соответственные нашему времени истории вытягивать. Вот, скажем, разные люди: Марат, Робеспьер и в особенности Дантон. Все разные. А Дантон — так тот и на руку нечист бывал. Так когда они наибольший успех у массы имели? Как только начинали ратовать за беспощадность. Факт. И думаю, потому масса на этот лозунг отзывалась, что для революции он поначалу очень важен. Она ведь как? Босая, голая, почти что с голыми руками против конторы с ее пушками и офицером, против всего привычного прет. За нее вперед всех сознательные, за ними сочувствующие, а прочие — кто сомневается, а кто окончательно против. Поэтому, чтобы победить врагов, работать, строить, нужны зоркость и дисциплина.

А тут — взять у нас вот в России — белые, зеленые, черные, желтоблакитные, коты разные людей, как мышей, душат, и получается, что к таким нужна беспощадность. Но сама революция, она за доброту. Ей только никак не дают доброй стать. Сколько раз у нас смертную казнь отменяли? Раз пять, не меньше. И когда? Война шла, а мы ее отменяли. Но ведь как ее отменишь, «вышку», когда такая сволочь, как Кот, по земле ползает? И я в таких делах беспощадность одобряю. Без нее порой никак дело не протолкнута.

Но только есть горлопаны вроде Селезнева, которым та беспощадность — не боль, не временное явление, а вроде бы хлеб насущный. Они о ней громче всех орут и авторитет на ней же наживают. И сверху его отмечают за бдительность, и начальство, не разобравшись в этом типе, берет его на положительную заметку, и из прокуратуры требуют его к себе, как преданного и бдительного кадра. И он идет вперед, Селезнев, и, по всему видно, рвется наверх. Как думаешь, не наломает он там дров, наш беспощадный товарищ Селезнев? Что скажешь, менее беспощадный товарищ Климов?

— Я б его вверх не пускал,— сказал Климов,— демагог он.

— То-то и оно,— сказал Клыч.— Такого человека раскусить трудно. За слова прячется и для своей пользы на все готов. На все, понимаешь?

Открылась дверь, что-то зашуршало, и лампочка у потолка сначала заадела тонкими волосиками, потом вспыхнула и осветила комнату. В дверях в белом френче и белой фуражке стоял Клейн.

— Беседуете, товарищи?

— Беседуем,— сказал Клыч, смущенно отводя глаза от начальника. Тот коротко покосился на бутылку, и Климов, понимая, что запоздал, сдернул со стола и осторожно поставил ее на пол.

Клейн подошел, придвинул стул и сел.

— Оперативная группа вехала,— сказал он.— Вокзаль — стрельба.

— О Коте никаких вестей?— спросил Клыч, оправляясь от смущения.

— Надеюсь на Клембовскую и того раненого бандита,— сказал Клейн, трогая пальцем черные усики. Лицо его было бледно, полно утомления и печали.

— Думал я, расколю Тюху,— сказал Клыч.— Понимаешь, Оскар Францевич, задел я его на последнем допросе, чем — не знаю, а чую, задел. И вдруг — на, попытка к бегству!

— Мало данных,— вздохнул Клейн.— Центроорозыск молотит телеграммами, МУР высылает людей. Такого зверя еще не било. А взять не можем. Цум тойфель!— по-немецки выругался Клейн.— Какой-то чепуха!

Наступило молчание. Потом Клейн оглянулся на дверь, сходил прикрыл ее, вернулся к столу и попросил, горячо и по-мальчишески света глазами:

—Степан Спиридонович, выпить осталось?

—Есть!— тут же откликнулся Клыч.— Давай, Климов.

Они опять выпили по трети стакана, поочередно передавая друг другу посудину.

—Что, товарищ Климов?— спросил Клейн, устало улыбаясь.— Все судить меня за Таню?

— Когда я вас судил?— спросил, нахмурясь, Климов.

— Ти меня всегда судил,— сказал Клейн.— Я видель. И все-таки не мог я, не мог. Зачем она нам лгала? Почему прямо не сказать: отец — дворянин. Ми приняли бы к сведению. Дали большой срок на проверку, а потом она была бы с нами.

— Ну, соврала раз, так что?— вдруг прорвалось у Климова.— Она ж девчонка, а среди нас разве Селезневых мало?

— Э, майн либе кинд,— сказал Клейн,— у тебя все очень просто. А партия нас учит: нельзя лгать. Солжешь — нет тебе вери. Так и вишло с Таней. — Но глаза он уводил, начальник. И Климов отвернулся.

— Спать надо!— вдруг сказал Клыч.

— Что ж,— вздохнув, сказал Клейн.— Можно и спать. Покойной ночи, товарищи.

Но спокойной ночи не было и быть не могло. Климов спать не мог, да и остальные ворочались на брошенных на пол матрацах. Внизу изредка гремел звонок тревоги, и слышно было, как, прочихиваясь, выезжает за ворота автомобиль. Каждый раз Стас садился на своем матраце и молча смотрел в окно. Оно было озарено светом близкого фонаря. Стае ждал чего-то, потом встряхивал кудлатой головой, вздыхал и снова ложился.

В середине ночи, поворочавшись, Селезнев встал и подошел к окну. Климов поднял голову. Селезнев курил. От мыслей о сегодняшнем разговоре с Таней, от сумятицы в голове из-за Мишкиной смерти смертельно захотелось курить. Климов рывком поднялся и, как был, в майке и трусах подошел к Селезневу. Тот, медленно выпуская дым, смотрел в окно. Луна высеребрила листву садов, протянула светящуюся паутину вдоль деревьев.

—Дай курнуть,— попросил Климов.

Селезнев, не глядя, протянул ему пачку, сунул папиросу — прикурить.

— А Кота я уважаю, — сказал он, словно продолжал какой-то давний разговор. — Не телится он, Кот. Согласен? Кто не подходит, он — шлеп и пошел дальше. А мы телимся. В общем масштабе телится, оттого и социализм пока не построили, — он затынулся. — А надо чистить, понял? — Он взглянул на Климова и отвел взгляд куда-то вдаль. — Кто не подходит новой жизни, того перековырять — терять время. Кончать надо эту музыку. Чистить страну в общем масштабе.

— А если ты не подходишь, — озлобляясь, спросил Климов, — с тобой как?
— Я? — усмехнулся Селезнев. — Я не подлежу новой жизни? — Он засмеялся, потом стал серьезен. — А если уж и я не подлежу, и меня к стенке, и точка! А ты как думал? — Он помолчал, потом, улыбаясь почти застенчиво: — Только я-то, Климыч, как раз к ней подлежу. На людей я посмотрел: в большинстве дрянь народишко. И по анкете, и по направлению поступков... Так что именно мне и таким, как я, порядок наводить, дорогу для новой жизни прочищать, а ты говоришь — не подлежу!
— Одно все время думаю, — сказал Климов, — страшное будет время, если ты и такие, как ты, получат возможность «чистить» землю, как ты хочешь.
— А ты как думал? — сказал Селезнев с глубоким спокойствием. — Конечно, страшное. Для некоторых. Зато выскоблим. И до дна.

Глава VII

Он открыл глаза. Вокруг скатывали матрацы. Селезнев добирался, макая помазок в железную мыльницу на подоконнике. Климов вскочил и принялся за дело. Через пятнадцать минут, когда вошел Клейн, бригада была уже готова к рабочему дню. Побледневший, но свирепе поглаживающий усы Клыч провел начальника к себе за перегородку. Через несколько минут они появились в комнате, и Клыч объявил:

— Товарищи, работаем так. Товарищ Клейн едет в военный госпиталь, где лежит Клембовская. С ним едет Селезнев. Он должен расколоть раненого бандюгу. От этого, Селезнев, зависит очень многое.

Селезнев хмуро окинул его взглядом:

— Лучший кусочек предложили ...

Клыч взглянул на него и тоже нахмурился:

— Ты, братишка, работаешь в военизированном учреждении. И слушал сейчас приказ, а не бабий треп. Продолжаю. Я еду в домзак, занимаюсь Тюхой. Там у нас некоторый успех. Вчера Тюха просил прислать к нему священника. Я прислал, хоть вроде не по уставу. Так что исповедался грешник, теперь сам просил, чтобы я приехал. Климов едет со мной. Тут остается Ильин. В случае необходимости — действовать вместе с оперативной группой. Все.

Прибежал запыхавшийся Потапыч с пачкой фотографий в руке.

— Судари мои, уже собрались? А карточки-то, карточки-то!

Он быстро раздал всем фотографии широкоскулого чубатого хлопца с узкими глазами, мощными надбровными дугами и губастым ртом.

— Всем покажите, всем. Может, узнает кто?
— Благодарю за службу, — сказал Клейн, и Потапыч порумянел.

В домзак их знали, и через минуту они уже шли по узкому мощеному двору, со всех сторон охваченному каменными стенами. Несколько арестантов скребли метлами по каменным плитам. Один, широкоплечий и чем-то знакомый, оглянулся. Климов остановился: Филин! Клыч прошел через двор тюремного лазарета, а Климов подошел к бывшему сослуживцу. Филин ждал, косо улыбаясь, лицо было серое, глаза смотрели угрюмо.

— Здорово, — сказал Климов. — Ну как ты тут?
— Загораю вот, — сказал Филин, кивнув на метлу — Там-то у вас что? Кота поймали?
— Ловим, — Климов погладел на раздолбанные тюремные ботсы Филина, и жалость уколола его. — И как тебя за язык потянуло?
Филин враждебно взглянул на него, потом выражение тяжелого лица его смягчилось.

— Баба продала, — сказал он, вздохнув. — Я к ней всей душой, а она, выходит, там притон держала. Телок я, Климов, точно, телок. Верил я ей. И про все с ней делился. И про облаву в Горнах сказал. Ревновала уж больно: куда едешь мол? По бабам небось? Вот и тянула она из меня. А сама со шпанкой путалась. И, считаю, правильно, что в домзак меня запечатали. Мало еще ... А выйду, ее, суку, найду — убью!
— Она сама под следствием!
— Все равно! — тряхнул головой Филин. — Перед товарищами себя гадом чувствую... — Он вдруг жалобно, как-то по-детски скосив глаза, попросил: — Ты там ребятам скажи: случайно, мол, Филин-то. Промашка вышла. А предателем не был.
— Все так и думают, — сказал Климов. — Ты, Филин, держись! У нас весь подотдел знает, что ты Тюхе не дал сбежать.

Филин смущенно хмыкнул и взялся за метлу.

— Ладно, прощевай. Работать надо.

В бокс тюремного лазарета, где лежал Тюха, Климов вошел во время самой душевной беседы между убийцей и своим начальником.

— Планида моя такая, — хрипел Тюха. Его темная бритая голова выделялась на белой подушке. Глаза слепили возбужденным и отчаянным блеском. — Я, Степан Спиридонч, для хозяйства был рожден, для семейственности. А тут война, в разведке служил. На третьем году — что в коровью лепеху штыком ткнуть, что в человека ... Пришел в деревню, баба у меня была — нету, уехала, а куда? Никто не знает, детишков нам бог не дал. Хозяйство старшие братья под себя приспособили. Ушел в город, ходил без дела, а тут этих встретил. Выпили, а потом пошли на дело. Ослобонили один магазин от товаров, потом кооперативную лавку очистили. Спирт, гитара, бабье — так и потекло. Задуматься некогда, да и к чему оно? Дошел так до Ванюши. Тот живорез был. А меня томило. Не поверишь, Степан Спиридонч, а томило меня. На войне сколь людей на тот свет отправил, не знаю, да тут и не моя вина. А вот по «мокрому» имею на себе восемь душ опосля. Это как на духу. Мне теперича врать не к чему!
— Понимаю, — сказал Клыч. — Да, видишь, поздно ты, Пал Матвеч, каяться начал.
— Оно и не тебе каюсь, Степан Спиридонч, — спокойно ответил Тюха. — Богу каюсь. А тебя по другое звать послал.
Тюха захрипел и весь словно провалился в подушку. Клыч поддержал его голову. Тюха отдышался и вновь захрипел.

— Ты, брат, Степан Спиридонч, пронзил меня. Пронзил. Офицериком своим. Ты вона кого вспоминаешь, а у меня и похуже есть что вспомнить... Но ладно обо мне. А вот про душегубца настоящего я тебе скажу. Про Кота. Понял я прошлый раз: до него вы добираетесь. И пора, братцы, пора! Я Кота почему знаю: с одной мы с ним деревни, с Тверской губернии, деревня Дикий Бор. Он молодой, Кот-то. Ему теперича двадцать седьмой годок. Отец его из деревни годков в двенадцать в трактир служить

отправил. Ларивонова трактир был в Твери, Ларивонов сам-то из нашенских, из дикоборцов. Яво потом перед самой войной — слухок был — полиция взяла, Ларивонова-то. Быдто краденое где укрывал или чего еще. Климов у двери, а Клыч — склонившись над кроватью Тюхи, слушали, боясь пропустить хоть одно слово.

— А причастный был Кот али непричастный к тому делу — не знаю. Только исчез он. А уж годами потом стакнулся Ванюша с одной шайкой. Рядом работала. Да работала-то больно угрюмо — никого в живых не оставляла. Это Кот был. С Ванюшей он сладился. Только Кот, он больше не в наших местах работал, это по случаю у него вышло. А потом он в Москву убрался. А вот с полгода назад опять к нам. Теперича уже с женой, а остальные все те же.

— Сколько их всего? — спросил Клыч. Он тоже охрип от волнения.

— Всего их четверо. Жена Котова, Аграфена, та навроде в самих делах не участвует. Она по имуществу у них заведующая. Но при деле бывает. Только что не режет, черепки не проламывает. Привычка у Кота такая. Выберет себе хозяина — хуторского или городского побогаче, — приходят с обыском. Есть у них лица, вроде они ГПУ. Как тут не отворишь? Отворяют. Тут он всех в одну комнату, эт как и другие делают. Только Кот — он ни бога, ни кодекса не боится. Ему что лишняя душа на совести, что ноги о половицу обтереть — одно. Всех кончает. Он и укрывателей своих потом пришивает. У него манер такой: чтобы о ем знающих на этом свете не было. Вот как вы Ванюшу убрали и я тебя, Степан Спиридоныч, подвалил, мне все равно бы хана выходила. Пока я при Ванюше был, Кот не трогал. У Ванюши людей много было, Кот хитрый, с такими не вьется. А как я один из бражки остался, тут мне решка. Не вы, так он бы пришил. Секретно живет, душегубова его душа!

— Ты, Пал Матвейч, про всех их по порядку.

— Расскажу, будет час, слаб стал больно, — Тюха тяжело дышал.

Клыч шепотом позвал Климова и послал его за мокрым полотенцем. Климов привел медсестру, та послушала Тюху и объявила, что продолжение разговора опасно для здоровья пациента.

— Ты уж не умирай, Пал Матвейч, — попросил Клыч, вставая. — Твой рассказ тебя от многих грехов очистит.

— Стой! — сказал задыхающийся Тюха. — Не уходи! — Он опять часто задыхался, медсестра махнула посетителям, чтобы ушли, но Тюха с трудом поднял голову и сделал запрещающий жест. Медсестра развела руками и вышла. Клыч и Климов вновь присели у кровати.

— Слушай, — хрипел Тюха, пожелтев и кося глазами. — Пока не доскажу, не ходи ... — Он закашлялся, потом захрипел, отлежался и заговорил с каким-то присвистом в горле: — Всего их у него трое. Про Аграфену уже сказал. Ему ее Красавец под Курском у отца за тыщу рублей купил. Два года назад было. Она и приклепалась к нему. И хошь верь, хошь нет, она у Кота при полном доверии. Второй — Красавец. Его весь блат знает. Он и при Николашке сидел. Знаменитый убиец. Сам маленький, а копыта огромные. Модный такой, из себя рыжий, в конопушках, нос острый, баб любит страшно. Перед тем как пришить, насилует. Сам Кот — ни-ни. Хозяин. Кроме денег, ничего не любит. С женой живет честно. Третий у них Губан, шальная голова, в кавалерии служил. Тот особо всякие заварухи любит со стрельбой. Вот и все.

Клыч достал карточку, протянул ее Тюхе. Тот попытался поднять голову, но упал на подушку, оттуда скосил горячечный глаз, закивал:

— Точно, Губан!

Клыч вздрогнул, и они с Климовым впились в глаза друг другу. Удача!

— Пал Матвейч, я тебя еще потирано, — сказал Клыч, и Тюха кивнул. Лицо его было землисто-бледным. Глаза провалились глубоко и оттуда смотрели, теряя блеск, тускнея и закрываясь.

— Где прячется Кот? Где у него основная хаза? — наклонился над Тюхой Клыч.

— Я с ним говорил под Клебанью, в селе Решетовке. Навроде там он грабленое прячет, ходил такой слухок, — шептал бескровными губами Тюха. — А кроме ничего... не знаю... В Горнах бывает, а у кого — тьма...

Они встали. Тюха смотрел на них мутнеющими, неживыми уже глазами, дыхание его было чуть заметно. Клыч натянул на него одеяло, и они вышли.

— Вот так братишка, — сказал Клыч, когда они шли через двор тюрьмы. — Жила в человеке какая-то правда. Загубил он ее в себе, залил чужой кровью, ан выползает она, хочешь, не хочешь. Вот после этого и суди человека.

Из домзака их подбросили на машине, в здании управления они расстались. Клыч поспешил к начальнику, Климов пошел в бригаду. В коридоре у окна перекуривали ребята из других бригад. Окно пламенело солнцем, и лица курильщиков светились, волосы и брови у всех казались огненными или золотыми. Папиросный дым плавал вокруг их голов клубами, и прогорклым запахом табака был полон весь коридор.

В подотделе Стае и Потапыч слушали Селезнева. Тот сидел на подоконнике и, кура, небрежно ронял слова:

— Вхожу к бандюге. Он посмотрел и закрыл глаза. Даже храпит. Я говорю: «Хватит кемарить!» Ни в зуб ногой. Спит. «Подъем, — говорю, — мент пришел!» Открывает глаза: «Чего, говорит, легавый, выпендриваешься? Я раненый, имею право». — «Я тебе, — говорю, — покажу сейчас право, бандюга! Разевай шнифы, протокол составлять будем». Ладно, глаза раскрыл, смотрит. Я устраиваюсь, лист кладу, начинаю задавать вопросы. Он только смотрит. Я: «Имя, фамилия, где родился?» Он смотрит, гад ползучий, и — молчок. Напрасно бился, короче: сказал ему и что «вышка» его ждет, и что может облегчить свою вину чистосердечным признанием. Ноль внимания. Только смотрит, сволочь, разбойными своими глазами. Так и ушел. Выхожу, а высокое наше начальство стоит в коридоре и пытается что-то втолковать этой лишенке, что у него секретаршей работала, — Шевич. Навестить, понимаешь, пришла подругу. Клембовская, видишь, подруга ее, оказывается... Он ей хочет сказать, а она — фунт презрения, смотрит мимо. Клейн меня увидал, сразу исчез.

Климов, не отрываясь, смотрел на Селезнева. Тот обеспокоенно взглянул на него и отвел глаза. Косо усмехнулся:

— Чего смотришь, Климов? Плохо допрашивал?

Климов с трудом оторвал от него взгляд. Уставился на носки сапог. Да, права Таня, права, иногда стоит бить, а ты не можешь: все время помнишь, что вы служите одному делу... И тут он вспомнил слова Селезнева, и боль тонко прошила сердце. Так они разговаривали — Клейн и Таня? ... Надо было немедленно забыть об этом. Кот бродил на воле, а он, чем он, Климов, занимается — мелко, по-мещански ревнует своего начальника к своей девушке... Впрочем, она и не была его девушкой. Две вечеринки, один поцелуй, и тот от возбуждения, от паров портвейна... Климов стиснул зубы, сел и стал раскладывать на своем столе листы. Ему надо было записать допрос, или, скорее, разговор Клыча с Тюхой.

— Плохо ты Губана допрашивал, — сказал Стас.

— А что за Губан? — спросил Селезнев.

— Тип этот... Его несколько человек уже опознали; Губан — из шайки Кота.

— Так и думал, — усмехнулся Селезнев, медленно выпуская дым из ноздрей. — Они мне нарочно самый твердый орешек подсунили. Никак не простят выступления на ячейке.

— Не знаю, сударь мой, — сказал Потапыч, жуя губами, — что вы такое изволили сказать на ячейке, но ни Клейн, ни Степан Спиридонович не таковы, чтобы осуществлять личную месть через служебные отношения.

Селезнев насмешливо покачал головой.

— Да-да, — повторил Потапыч, — не способны. Я много всякого начальства видел на веку. Эти совсем иные. Оба революционеры-с. Вот.

— Чья бы корова мычала, — сказал Селезнев, — ты, старик, о революции рассуждать не смей.

— А кто ты такой, чтобы всем указывать, что смей, что нет? — внезапно даже для себя ввязался Климов.

Селезнев удивленно скосил на него глаза. Распахнулась дверь, вошли Клейн и Клыч.

— Оперативка, товарищи.

Все расселись по местам. Клейн оглядел сидящих воспаленными глазами, остановил взгляд на Климове. Тот тоже смотрел на него, пытаясь узнать, что же успел он все-таки сказать Тане. Но что можно узнать по худому, замкнутому лицу такого человека, как Клейн! Они ответили друг от друга глаза.

— Товарищи!— сказал Клейн. — Итак, дело за нами. Благодаря сообщениям Тюхи и Клембовской много выясняется. Во-первых, шайка Кота действовала по разработанному плану. Клембовские были ограблены и убиты, потому что это заранее было намечено. У Клембовского золото, необходимое ему как дантисту, хранилось в сиденье зубоорачебного кресла. Найти его могли только люди, знавшие о месте его хранения. Виктория Клембовская не доверилась нам. Из-за этого и пострадала, питалась наладить слежку и месть преступникам собственными силами. Она бродила по притонам и кабакам, думая там услышать об убийцах. Но вместо этого лишь привлекла к себе их внимание. Тем не менее она знала, что путь к золоту мог указать бандитам только человек, близкий к их семье. Она вспомнила, что совсем недавно от отца ушла его медсестра, много лет помогавшая ему в работе. Долго пришлось искать медсестру, потом Клембовская обнаружила ее. Та заперлась и все же призналась, что о золоте она говорила только одному человеку — своей квартирной хозяйке. Хозяйка торговала на рынке, ее иногда навещал рыжий человек небольшого роста. Его медсестра несколько раз видела. Клембовская направилась к Кубриковой — так звали домохозяйку. Она вошла к той и наткнулась на труп. Сначала питалась принять ... э... как это... помочь. После возни поняла, что это есть труп. Вишла оттуда напуганная и растерянная, и в этот момент на нее было совершено покушение. Ми потеряли в том деле двух сотрудников. Но Губан в наших руках, а вторым бил, по всей видимости, Красавец, тот самый рыжий, что стрелял в наших людей, а потом питался ликвидировать Губана. Видимо, не хотел оставить его в наших руках. Таким образом, ми идем по следу Кота. Больше того, в руках у нас его сообщник. Он, правда, молчит, но ми постараемся, чтобы он заговорил. Надо только придумать ход.

— Не заговорит он,— сказал с места Селезнев. — Их, гадов этих, пытать бы с огнем, как в старые времена, тогда бы небось развязали языки.
— Питать ми не можем, ми революционная страна, а заговорить он должен,— сказал Клейн,— Тюха тоже молчал, но Степан Спиридонович нашёл к нему ключ... Итак, начнем обдумывать операцию.
В дверь вскочил дежурный.

— Товарищ начальник,— закричал он,— ломится к вам эта сумасшедшая баба, не могу ее удержать!
— Кто такая?
— Да эта, Шварцха! Кричит: немедленно подавай ей начальника!
— Момент,— сказал Клейн,— Через несколько минут я буду у себя...

Но дверь, отброшенная сильным толчком, загрохотала пружиной, и грузная черноволосая женщина в платье с бесчисленными рюшами и оборками ворвалась в комнату.

— Не медлите!— кричала она. — Прошу вас, не медлите! Его не оказалось! Вы слышите? Его не оказалось в поезде!

— Момент, мадам,— сказал Клейн. — Говорите подробнее. Кого не оказалось в поезде?
— Мужа! Он ехал в Москву. Он вез бриллианты! Его не оказалось в поезде!
— Он ехал один?
— С ним был этот Митька Федулenco с пистолетом, но что он может сделать? Я ему говорила! О боже, боже, что ты такое делаешь со всеми нами? Спасите, гражданин начальник! Умоляю!
— Каким поездом ехали?— спросил Клейн и тут же кивнул Клычу: — Выясните все о поездах на Москву.

Клыч вышел.

— Рассказывайте как можно пунктуально,— попросил Клейн.
— Что же будет? Что будет?— Из глаз женщины по напудренным щекам, оставляя на них тоненькие стежки, катились слезы. — Он получил заказ — оправил два алмаза и решил сам везти заказчикам. Заказчики из Москвы — Кулиши, торговый дом «Кулиш и сыновья». Я просила его: пусть сами приедут, но разве его удержать? Муж никому не мог доверить такое дело. Сам повез, старый идиот. Взял с собой Федулenco с пистолетом. Вы знаете Федулenco?
— Я не знаю Федулenco,— прервал ее Клейн,— продолжайте.
— Поезд приходит в два. Я просила его позвонить мне из Москвы, что приехал. У меня сердце беспокоилось. — Женщина опять затряслась и заплакала навзрыд. — Два часа, он не звонит. Я позвонила Кулишам. Мне говорят, что его встречали, но его нет, а проводник поезда говорит, что он их давно не видел. После посадки внес им чай, а потом видел Федулenco в коридоре. А потом уже через часикого не видел. Гражданин нача-альник!— закричала женщина, хватаясь за рукав клейновского френча. — Спасите его! Я отблагодарю! Спасите его!
— Ильин,— сказал Клейн,— отведите даму к врачу. Гражданка,— он мягко снял с рукава ее руку,— я обещаю вам, что ми сделаем все, что можем.

Стас смущенно взял женщину под руку и потянул к выходу. Она, что-то бормоча, покорно побрела за ним. Еще входя, она была просто пожилой женщиной, уходила уже большой полубезумной старухой.

— Селезнев, позовите Клича,— распорядился Клейн и подошел к телефону. Он вызвал телефонистку, заказал ей дорожно-транспортный отдел милиции Южной дороги и сел у телефона ждать.

Вошел Клыч.

— Неприятное дело, Оскар Францевич,— сказал он. — Проводника надо допросить. Пусть это москвичи сделают и нам сразу сообщат. Над нами Кот висит, а тут еще это.

— С Москвой я буду говорить,— задумчиво сказал Клейн,— но дело это наше, его с себя... как это? ... не скинешь. Думаю так: придется бросить на него вас. Всю бригаду.

— А Кот?— спросил Клыч.
— Я так думаю,— как всегда аккуратно выговаривая окончания русских слов, пояснил Клейн. — Кот, он теперь затаился. Ми много про него узнали. Не узнали лишь самого главного — места, где он прячется.
— Про Решетовку-то забыли?
— Решетовка — да. Но там действовать надо осторожно. Пошлем вначале людей. В селе замечен каждый новый человек. Лучче так. В Решетовку пойдет один наш. Ви срочно едете на железный дорога, выясните все про дело Шварца. Это особо тяжкое Преступление. Кота мы будем обкладывать, будем трясти Губана, а новое убийство надо раскрывать по свежим следам. Впрочем, пока не убийство — исчезли два человека. Придется и это вам взять на себя, уважаемый Степан Спиридонович... — Он опустил голову в ладони, секунду сидел так, глухо сказал: — Помните, как он просил об охране? ...
Зазвонил телефон.

Клейн вскочил и схватил трубку. Он долго говорил с транспортным отделом милиции. Договорились, что Москва создаст оперативную группу, а Клыч со своими людьми идет им навстречу до пограничной между губерниями станции; на двух промежуточных пунктах, в Клебани и Товаркове, они по телеграфу свяжутся с москвичами, сообщат друг другу о результатах. Проводник говорит, что не видел двух пассажиров спального купе уже после Андреевского, то есть отъехав всего пятьдесят километров от города. После Серпухова он заглядывал в купе, там уже никого не было. Не было и чемоданов. Но ему в голову не пришло ничего страшного, он счел, что пассажиры перешли к соседям перекинуться в пульту или покер. Многие пассажиры в спальных вагонах так и проводят большую часть пути. По мнению его, человек, сопровождавший старика, невысокий плотный мужчина в летнем пальто и котелке, вел себя спокойно. Долго маячил в коридоре. Клейн договорился о связи и простился с москвичами.

— Все,— сказал он, устало глядя на Клыча. — Начинайте, Степан Спиридонович. Пошарьте по станциям. Они маленькие. Там много глаз. Часто каждый приезжий бивает ими примечен. Мне звоните со всех пунктов. Кто от вас останется в бригаде?

— Селезнев,— сказал Клыч, приглаживая усы. — Смотри, браток,— повернулся он к Селезневу,— от твоих указаний теперь вся история с Котом зависит.

Селезнев усмехнулся, ничего не ответил. Вбежал По-тапыч, со штативами под мышкой, с неизменным своим чемоданчиком.

— Меня беретё?
— Без тебя как без рук,— сказал Клыч. — Разрешите Потапыча с нами, Оскар Францевич.
— Разрешаю. — Клейн пожал всем руки и вышел.
— Ильин, Климов, Потапыч,— сказал, подтягиваясь и застегивая тужурку, Клыч,— полчаса на подготовку, сбор на вокзале, у транспортного отдела милиции. Я тут пока еще кое-что у старушки выясню. Ты, Климов, по приезде на вокзал возьми расписание, по которому шел поезд, выясни все места остановок. Ильин, позвони в магазин Шварца, потолкуй о Федулenco. А лучше съезди туда сам. Даю тебе на это пятнадцать минут сверх положенных. Все.

Глава VIII

Путейский рабочий орудовал рычагами, и дрезина ходко бежала по рельсам. С обеих сторон вдоль насыпи густо стояли сосны. Места были глухие. Темная тяжелая зелень бора изредка перебивалась косяками молодых берез, когда запах хвой уступал свежему запаху вешней, молодой еще листвы и птицы с майской страстностью запевали над полотном дороги. Черные подгнившие шпалы скрипели. Проржавленные рельсы гудели под колесами дрезины. Изредка пролетали будки путевых обходчиков, и опять шли леса. На редких переездах перед закрытыми слагбаумами стояли впритык друг к другу телеги. Лошади, поднимая морды, ржали в небесную синеву. Возницы в домотканых пиджаках, поднося ладони к глазам, долго глазели вслед пролетевшей дрезине.

— Начнем от Андреевского, — сказал Клыч, пытаясь закурить на ветру бешеной езды. — И пойдем обратно, к городу. Климов, твое дело только смотреть. Местность, подозрительное поведение, личности... Ильин, ты расспрашиваешь. Сначала путейцев, потом всех, кто там будет по дороге встречаться... Не видели ли; не слышали ли... Тут, черт его раздери, братишки, как бы не спугнуть. Может, он где на станции и прячется.

— Вы Федуленко подозреваете? — спросил Стасе — Анкета у него такая. Кончил перед войной гимназию, из чиновничьей семьи. Потом юнкерское училище, два года фронта. В гражданской войне принимал участие на нашей стороне. Работал в нродарме Восточного фронта.

— Ин-тен-данты! — хмыкнул Клыч. — Хотя, конечно, разные бывали.

— С двадцатого года безработный. В двадцать втором стал работать у Шварца старшим продавцом. Пьет умеренно. В карты не играет, в воровстве замечен не был, отношения с хозяином хорошие. Состоял в профсоюзе. Человек молчаливый, скрытный, но суетливый. Всегда много ходит, толчется на месте, как будто у него на душе беспокойно. В общем, тип неопределенный. Никто о нем ничего точного не знает. Я позвонил Селезневу, попросил к Федуленко на квартиру направить ребят, пусть потолкуют с хозяйкой. Жил, кстати, один. Семья была когда-то, но исчезла.

Путеец за рычагами, обернувшись, что-то крикнул. Ветер отнес слова. Клыч шапнул к нему, держась за поручни, выслушав, кивнул.

— Уже Клебань, потом Пахомово, за ним Андреевское. Обдумывай, ребята, как будем работать. Ничего не понятно: когда исчезли, как исчезли... Может, они и правда, где в другом вагоне сидели после Андреевского, все может быть.

— А не мог Шварц сам сбежать? — спросил Стас, подняв к начальнику синеглазое задумчивое лицо.

— Что он, граф Толстой, этот Шварц? — хмыкнул Клыч. — С чего ему бежать? Семейно любил, детей, зарабатывал им на приданое... Нет, ежели и сбежал, то не по своей воле.

Опять за соснами замелькали дома.

— Пахомово, — сказал Клыч. — Скоро и Андреевское.

В Андреевском на станции было пусто, запасные пути поросли травой. У водокачки, привязанный к ее основанию веревкой, паяли на приезжих веселые глаза бычок. У входа на станцию сидел инвалид, отгоняя мух. Картуз его с несколькими медяками лежал на обрубках ног.

На другой стороне путей у развешанного белья звонкими свежими голосами ругались две бабы.

— Я к начальнику, — сказал Клыч, спрыгивая с дрезины. — Ильин, поспрошай публику. А ты, Климов, секи!

Стас подошел к инвалиду. Тот пьяно дремал, изредка клюя носом и вздрагивая.

— Отец, — сказал Стас, — ты давно тут прохлаждаешься?

— С пятнадцатого года, — уставился на него продыmlенными алкоголем глазами безногий. — Как из госпиталя явился после Стрыпа, так досе тут и прохлаждаюсь. Поддай «лимончик», служивый!

— Какой я тебе служивый? — сказал Стас. — Я у тебя вот о чем: ты с утра тут сидишь?

Глаза у инвалида приняли осмысленное выражение, он смигнул и хитро прищурился.

— Видал, видал, — сказал он, — поддай «лимончик», все как есть сообщу.

— Да откуда у меня «лимоны», отец? — сказал Стас, оглядывая станцию. — А о чем это ты мне сказать собирався?

— Это я-то собирався? — опять прикрыл оба глаза безногий. — Может, кто другой, обознался ты, парень.

— Как знаешь, — сказал Стас, отходя. Слова инвалида его заинтересовали, но ясно было, что чем больше будешь любопытствовать, тем меньше услышишь.

— Эй, — позвал безногий. Его снедало одиночество и желание пообщаться. — Вали обратно, скажу.

Стас подошел.

— О чем это?

Инвалид усмехнулся и погрозил ему корявым пальцем.

— Кому мозги крутишь, милот? Ай я не знаю? Ты из-за Феньки суды явился?

— Какой Феньки? — засмеялся Стас, подмигивая подошедшему Климову.

— Ка-а-кой? — укоризненно затряс головой безногий. — Дурак ты, парнишка! Я ж тут про всех знаю. Вы к ей из Клебани, а она с начальником станции в лесочке плироду изучает.

— Вот оно как! — сказал Климов.

— А ты думал! — подскочил безногий. — Я ее, стерву, насквозь вижу! Она вишь замуж задумала! У нас-то в Андреевском про ейную биографию все знают, вот она вам, сторонним, дыму напущает. Знаем! Все знаем!

— Дед, ты был, когда тут московский курьерский проходил? — спросил Стас.

— Кульерский! — с презрением плюнул перед собой старик. — Кульерские раньше были, а энтот как муха по стеклу ползет. Раньше, почитай, сотнягу, а то и больше — и на николаевки бабы зарабатывали — огурики али там пирожки домашние к звонку приволокут, а тут три калеки выглянули, «лимоном» только погрозились.

— Сходил тут кто-нибудь? — спросил Стас.

— Здесь? — инвалид заткнулся так, что слезы выступили на бурых веках. — Тута отродясь один Коля-дурачок сходит. В Серпухов на богомолье ездит, а сходит — каждый раз станцию путает.

Из дверей вокзального строеньца вышел Клыч, поманил Стаса рукой.

— Здесь никто не сходил, — сказал Клыч. — И никто на станции из посторонних вообще не объявлялся. Что у вас?

— То же самое, — сказал Стас.

— В Пахомово, — скомандовал Клыч и вспрыгнул на дрезину.

Но в Пахомове тоже никто не сходил. Дело шло к семи вечера. Начинало смеркаться. Клыч высчитывал.

—Если поезд был здесь часов в одиннадцать утра, то у нас еще есть время,— кричал он на ухо Климову. Тот, держась за железные перила дрезины, только кивал в ответ.

Выпрыгнули навстречу первые полисадники Клебани. У длинного вокзального барака путеец затормозил. Клыч кинулся внутрь. Стас пошел болтать с двумя парнями с роскошными чубами из-под низко надвинутых картузов, лениво лузгавшими семечки на травянистом пригорке за путями. С одной стороны железной дороги изрытыми выбоинами улиц и кособокими домишками начиналась Клебань, с другой шел лес, разрезанный на двое проселком. В старых лужах, поросших зеленой осокой, валялись свиньи, лаiali вдалеке собаки. Потапыч курил трубку и поглядывал с дрезины на Климова, тот бродил между рельсами, оглядывая потрескавшиеся шпалы, думая о том, как хлипка эта связь между городами. Как эти шпалы еще держат рельсы, как эти стертые до половины железяки еще несут составы?

В выбоине перед насыпью был четко врублен след колеса и видны свежие отпечатки копыт. «Прямо по путям кто-то шпарил,— думал Климов,— как будто нет переезда! Долго еще изживать в народе эту расхлябанность, нежелание и отрицание любого порядка... Но откуда же он ехал, этот возчик?! Пьяный был, что ли?» Климов примерился по направлению колес, перешел рельсы и вышел к поселковой стороне. Здесь отпечатков колес не было. Правда, земля тут шла суше. Хотя почему суше — вот они, лужи, через них никак не проедешь, след останется. Значит, кто-то подъезжал чуть ли не к самым путям, потом повернул обратно? Он опять перешел пути, дошагал до первых деревьев. У съезда на проселок по краям лужи четко просматривался двойной след колес. Колеса были не тележные, а дутые шины. Экипаж? Наверное, кто-то из сельских богатеев. Он услышал свое имя. Стае бежал к двери вокзального барака, махал ему рукой. Потапыч осторожно спускался с дрезины. Путеец, до этого дремавший, проснулся и с интересом следил за происходящим. Из вокзального здания вышел Клыч с высоким человеком в путевой форме. Климов, охваченный предчувствиями, кинулся через рельсы.

—Сходило три человека,— на ходу шепнул Стас. — Один в летнем пальто. Похож на Федулenco.

Они ходко шли за Клычом и железнодорожником, сзади торопился Потапыч. Свое оборудование он оставил в дрезине и все время оглядывался.

—Иван Фомич!— густо басил худой железнодорожник.— Мельник. Я его как облупленного знаю.

Клыч что-то спросил.

—Другие? Нет, те неизвестные. И с ним ли они, сообщить не могу. У него расспросим... У меня к вам, товарищ, международный вопрос: вот англичане ультиматумом грозят, в этом году война будет?

На скамьях вдоль улицы посиживал разный народ. Некоторые по деревенской привычке здоровались с незнакомыми. Несколько ребятишек бежали сзади. Две дворняги с блудливо косящими взглядами и опущенными хвостами заключали шествие.

Клыч остановился и подозвал Климова и Стаса.

—Идите отдельно,— сказал он вполголоса.— Отстаньте. А то целая полундра. Нас за километр видать и слышать.

Они отстали. Мальчишки потолкались около них и вновь побежали за Клычом и железнодорожником, дворняги с опаской обнюхивали чертыхавшегося Потапыча. Тот попал в лужу и теперь вытряхивал из ботинка черную воду.

Подшли к двухэтажному доминe, нижний этаж был каменный.

— Тут!— как в бочку бухнул высокий железнодорожник
— Потапыч!— позвал Клыч.
Присеменил Потапыч.

— Сейчас нас московская опергруппа будет вызывать по телеграфу, — сказал Клыч негромко.— Иди и передай наши дела: Скажи: еще ничего не известно. Если через час их не вызовем, пусть едут в Клебань.
— Есть!— Потапыч бодро засеменил обратно, обе дворняги потянулись за ним.
— Ильин!— сказал Клыч.— Встань тут, у ворот. В случае стрельбы или шума действуй по обстоятельствам.
Стас кивнул и встал, прислонившись плечом к косяку дома.

Клыч и Климов вслед за высоким железнодорожником вошли в калитку. Огромный волкодав, глухо зарывав, поволок навстречу им тяжелую цепь. Через штакетник видно было буйное белое цветение яблонь, одуряюще пахло весной и нежным яблочным цветом.

Железнодорожник, оглядываясь на волкодава, удержанного цепью и потому у самого крыльца с порывиванием и злобой разглядывавшего пришельцев, потянул за шнур звонка. В доме было тихо. Потом раздалися шаги, и толстый мужик, лохматый, в рубаше враспояску, в лакированных сапогах, отворил дверь.

—Здорово, Иван Фомич, — сказал железнодорожник.— Вот гостей тебе привел.

Мельник оглядел неизвестных маленькими свирепыми глазами, потом отстранился от двери.

—Пушай войдут, коли нужда до меня.

Он закрыл за ними дверь, взял с полки огарок свечи и, света им, повел наверх.

В низкой комнате, душной, с горящей в красном углу лампадой, за столом сидели двое. Стол был уставлен бутылками, цветастая скатерть кое-где уже залита и измазана вином. Старинные сулеи и узкие блюда для рыбы, тарелки с соленьями и едой стояли так густо, что трудно было понять, как можно извлечь из этой тесноты хоть что-нибудь, не уронив или не опрокинув посуды.

Двое сидящих за столом людей в отлично сшитых костюмах смотрели на вошедших недружелюбно.

—Вот гости мои,— сказал хозяин, показывая на них рукой.— Члены правления акционерного общества «Хлебопродукт». С кем честь изволим иметь?

—Угрозыск!— сказал рослый в коричневом костюме, и укладка на его голове заколебалась. Климов узнал Таниного ~~воздъкателя~~.

Клыч зорко оглядывал сидевших и хозяина.

— Раз представляться не надо, такой вопросик,— сказал он.— Вы с московским поездом приехали?
— С московским,— подтвердил низенький мужчина рядом с завитым,
— Вы народ торговый, Шварца знаете?
— Отчего же не знать, одним поездом ехали,— сказал завитой.
— С кем он ехал, не помните?
— Служащий у него в магазине. Федулenco, сопровождал. А что, случилось что-нибудь?— спросил низенький, с интересом приглядываясь к сыщикам.— Иначе чего бы вы этим интересовались?

—Вы их в вагоне видели?— не отвечая, расспрашивал Клыч.

Климов, не отрываясь, смотрел на завитого, и тот повернул свое остроносое решительное лицо к нему и тоже смотрел враждебно и вызывающе.

— Мы в другом вагоне ехали,— отвечал низенький, оглядывая Клыча и, видимо, оценивая его.— Федулenco раз прошел по нашему вагону, потом мы их не встречали.
— А в Клебани они не сходили?
—Здесь, кроме нас, по-моему, никто не сходил.

—Ваши документы, пожалуйста!— Клыч протянул руку.

Оба вынули документы и подали ему. Климов отошел в угол к божнице, оглядывая старорусское убранство комнаты. К нему медленно приблизился завитой.

— Добились своего?— спросил он свистящим шепотом.
— Чего именно?— повернулся к нему Климов.
У стола негромко разговаривали хозяин, низенький и Клыч.

— Таня ушла. А куда?
— Куда?— спросил ошеломленный Климов.
— Пошла благодетельствовать. К этой Клембовской. Чтобы та втянула ее в свои авантюры.
У Климова кругом пошла голова. Ушла, ушла все-таки от этих.

— Какие такие авантюры у Клембовской?— спросил он, чтобы только что-нибудь ответить.
— Она авантюристка,— злобно шептал завитой, обдавая его запахом вина.— И ее видят в самых гнусных притонах... Чего вы, собственно, добились, уважаемый товарищ?
— Витя,— окликнул своего помощника Клыч,— идем.
Они спускались по лестнице, а в Климове все пело: ушла! Они шагали по улице, их сопровождали ребятишки, пылал закат, окрашивая в алое и накаляя стекла, а Климов был хмельной: «Ушла!— звенело у него в ушах.— Ушла!»

На станции Потапыч что-то рассказывал Клычу о переговорах с москвичами.

—Климов! — приказал Клыч.— Узнай точно о поездах: будут ли еще сегодня? Были ли? И в какую сторону? Когда будут завтра?

Климов очнулся. У Клыча ввалились щеки, проступила серая щетина. Стас стискивал зубы. День догорал, а удачи не было.

Он быстро все разузнал у железнодорожников. Поездов сегодня не будет. Если только нанесет какой-нибудь шалый южный. Иногда так бывает. Завтра московский поезд в одиннадцать, а перед ним рабочий поезд до Андреевского в девять сорок пять.

Клыч уже сидел на дрезине, рядом с ним светлела легкая, почти пуховая шевелюра Стаса. Потапыч о чем-то беседовал с мотористом. Было еще светло, но солнце уже догорало за лесом, сумерки таились где-то за горизонтом. Климов пошел было к дрезине, но опять вспомнил про следы и повернул к путям. Все-таки странная эта была коляска. Почему она доехала только до рельсов? Не переехала их, да и не смогла бы в этом месте, не взгромодилась бы на такую крутизну... Он вновь прошел до самого поворота проселка в лес, рубчатые шины хорошо отпечатались па ослизлом краю лужи. Он втянул ноздрями ночной воздух. Оглянулся на дрезину. Клыч и Стас смотрели на него. Он махнул им рукой. Клыч сказал несколько слов Потапычу и спрыгнул, за ним спрыгнул Стас. Они быстро прошли через пути и через минуту стояли перед ним.

—Что?— спросил Стас.

Климов молча показал им двойной след шин на грязи и повел к полотну железной дороги. Снова показал им од-печаток шин на влажном боку взлобка у насыпи. Они долго стояли, разглядывая следы.

—Ан-той-спро-сегу-ей?

—Там нет,— сказал Климов.— Вот я голову и ломаю: след свежий. Обязательно сегодняшний. Значит, подъехали к самой линии, а потом повернули и обратно? Это для форсу, что ли?

Клыч быстро пошел к лесу. Стас помчался к станционному строению. Климов ждал. Вернулся Клыч.

—Если бы поезд стоял на этом пути, то коляска могла оказаться почти рядом. В двух шагах от него, внизу.

Подошел Стас, ведя железнодорожника.

— На каком пути стоял московский поезд?— спросил Клыч.
— На этом самом, где мы стоим.
— Так... А на коляске к станции кто-нибудь подъезжал, когда московский здесь стоял?
— Кому же подъезжать? У нас и у мельника коляски нет. У нас в Клебани народ небогатый, знаете.
— А в деревнях есть коляски на дутых шинах?
— В селах? Может, и есть. У нас по уезду торговые села. Возницыно вот или другие...
— Значит, вы не видели коляски на дутых шинах?
— Нет.
— Вы давали отправление московскому?
— Да.
— И всех, кто был на станции, разглядели?
— Да кого тут разглядывать. Два калеки, три дворняпи...
— Пошли в Совет,— приказал Клыч.— Климов, сгружай Потапыча. Скажи мотористу: пусть едет.

Глава IX

Через полчаса на сельсоветской линейке они уже рысили по пыльному проселку, с двух сторон стиснутому подступившими к самому кювету березами и осинами. Лес гудел вокруг. Сумерки гущались. Возница, изредка оборачиваясь к седам, жаловался:

— Нету порядка. Середь ночи вызывают в Совет, говорят: вези! А куда? А может, у меня нету никакой моей возможности? А?

— Ты, дядя, вези. Потом поговорим,— отвечал Клыч. Остальные помалкивали. Минут через сорок услышали лай собак, потом замелькали огоньки.

— Решетовка,— сказал возница, оборачиваясь.— Дальше я вас, ребята, ни в жисть не повезу. Никакой такой моей возможности нету.

Проехали первую избу за глухим забором. Она стояла у самого леса. Сквозь дощатую ограду не было ничего видно. Потом избы пошли гуще, кое-где палисаднички, кое-где вообще никакой ограды. Сады были не у всех. Но седе, видать, не бедное — много железных и цинковых крыш. У церкви остановились. Рядом с ней над небольшим домиком реял по ветру флаг.

—Совет,— сказал возница.— Так я возвращаюсь, граждане товарищи.

— Вот что, дядя, — внушительно сказал Клыч и сунул к самому лицу возницы удостоверение.— Сиди тут тихо и дуй в сопелку. Ежели исчезнешь, я тебя из гроба выну, понял?

Бородка мужика взъехала наверх, и он затряс головой:

—За что томите, граждане начальники? Отпустите!

—Может, и отпустим,— сказал Клыч и спрыгнул с подводы,— а ты жди. И чтоб никакой инициативы.

Климов и Стас тоже слезли с подводы, приморенный Потапыч дремал, привалясь к спине возницы.

—Мой трудовой день на етом считаю законченным,— кричал тощий человек в солдатской рубаше и фуражке, когда они вошли в Совет,— Будут тут все приезжать и командовать. Я при исполнении служебных обязанностей и не потерплю!

—Слушай, браток,— сказал Клыч.— Ты сядь! А то неудобно. Я вроде гость — а ты власть, я сижу — а ты стоишь!

Председатель грохнул о стол кулаком и сел.

—Михеич!— крикнул он.— Волоки лампу!

Сторож, согнутый длинный старик, внес керосиновую лампу. Выплыли из мрака стены с плакатами и заклеенные газетами углы.

—Почитай наши корки,— протянул Клыч председателю удостоверения.

Тот взял, прочитал, потом отодвинул в сторону и заулыбался:

—Другое дело. Теперя понятно. Раз служба такая, вас и носит по ночам, черти полосатые.— Он закурил головой.— Скажи пожалуйста, и мы, значит, под ваш прицел попали?

—Скажи мне, председатель,— Клыч внимательно присматривался к нему,— у вас в селе есть у кого-нибудь коляска на дутых шинах?

Председатель поерзал па стуле, наморщил лоб.

—Откуда? У меня тут особо больших богатеев нету. Может, из Возницына кто? Там у них и Королев Сила Васильич — мукомол и прасол на три губернии, там и Ванюхин — кирпичный завод имеет. У тех точно есть коляски. У нас нету.

— Утром никто по деревне в такой коляске не проезжал?

— Не видал. Вот, может, Михеич знает? Михеич, не видал: утром у нас никто на экипаже по деревне не прокатывал? Чтобы дутые шины?

Михеич долго думал. Его худое солдатское лицо с длинными седыми усами было почти величаво.

— Так что,— сказал он,— за мое, значит, дежурство при вверенном... етом... значит... долге службы... не видал. Я днем бабку свою, зверя неистового, прости и помилуй, царица небесная, чтоб ей три раза лопнуть и кишков не собрать, ее, значит, милостилицу, навещал. Так что не приметил.

— Вот,— развел руками председатель,— нету у нас колясок.

Клыч внимательно следил за ним. На лице председателя лежала тень от козырька, глаза он все время водил в сторону.

—Скажи-ка мне, председатель,— Клыч придвинулся вместе со стулом к окну,— много у вас по селу Аграфен будет?

Председатель заерзал на месте, потом забарабанил пальцами по столу.

—А чего Аграфены?— спросил он с недоумением.— Ну есть. Так что?

— Есть у тебя в селе Аграфена, чтоб не местная, пришедшая была и чтобы к ней посторонние люди из города ездили?

Председатель забеспокоился:

— Село, понимаешь, товарищ, торговое. Тут много людей к нашим ездит.

— Это, тово-этого, они про енто говорят,— забубнил Михеич,— ето про крайнюю, что на околице поселилась... Что, тово-этого, Ваньки Макарова дом летошний год укупила. Про ее, точно. К ей из городу ездютъ.

— Про Груздеву нешто?— поразмыслил председатель.— Ну тут я ни при чем. Дом при купле мы ей оформили. Документы в порядке были. Мы тут ни причем.

— Кто, дедок, навещает-то ее?— спросил Клыч.— Людей-то этих видел?

— А нешто нет?— сказал Михеич.— Как я при сполнении своего, значит... тово... этого... я всех видел. Как же без этого.

— Какие из себя люди-то?— допытывался Клыч.

— Обнаковенные,— равнодушно ответил Михеич, почесывая затылок,— один навроде лысый. Побрит весь. Здоровый мужик. Молчит все. А при ем рыжий давеча приезжал — соплей перешибешь. Разряженный. Видать, при торговле состоит.

Теперь все трое стояли. Клыч натягивал кепку, ощупывая в кармане кольт. Климова пробрал озноб. Стае был белее стены.

—Веди!— приказал Клыч председателю.— И гляди, никому ни слова!

Председатель, захваченный возбуждением, только ошалело пялился на приезжих. Потапыча и возницу будить не стали.

Они быстро прошагали всю деревню и подошли к тому одинокому дому, на который они обратили внимание при въезде. За серым высоким забором было тихо.

—Постучишь, скажешь: насчет налога!— наставлял вполголоса Клыч председателя.— Климов, заходи с тылу. Ильин, со мной!

Климов пошел вдоль забора, щупая рукой занозистые сучковатые доски. Может, где есть щель. Слышно было, как в ворота застучали. Издалека откликнулась собака, но со двора не раздалось ни звука. Стук усилился. По-прежнему ответа не было, Климов ухватился за острые клинья забора, подтянулся, забросил вверх ноги и спрыгнул во двор. Окна дома были темны. У риги и клетки никого. Он прошагал по двору, чувствуя дикое напряжение, исходящее от темных молчаливых стекол, за которыми чудились револьверные стволы. Ни звука. Он поднялся на крыльцо и тут вздохнул облегченно. Огромный замок висел на двери. Он спрыгнул с крыльца, подбежал и открыл створ калитки. Ключ и Стае ворвались во двор.

- Кто в доме?— спросил Ключ, поводя дулом кольта.
- Замок!— сказал Климов.

Все трое направились к дверям. Ключ попробовал замок, йотом досадливо зажмурился:

—Пока такой оторвешь, сто потов сойдет,— посмотрел на председателя:— Выстрел далеко слышен?

Тот пощупал замок, бодрость к нему постепенно возвращалась.

—На мой ответ!— махнул он рукой, залез в карман, вынул браунинг, снял предохранитель и выстрелил в скважину. Замок раскрылся. Все прислушались. Собаки залились гуще. Но уже через минуту все успокоилось.

- Айда,— сказал Ключ и снял замок. — Еще один понятой нужен, да ты его потом приведешь.
- Приведем!— пробормотал председатель. Зубы у него щелкали, весь он подрагивал, но вид имел геройский. Ключ чиркнул спичкой, толкнул дверь, и они вошли в сени.

Дрожащий огонек выхватил из тьмы пустоту пола, голые доски антресолей.

—Светите там!— приказал Ключ.

Председатель чиркнул спичкой, тотчас же зажег какую-то бумагу Стас. Ключ толкнул видную теперь дверь, и они один за другим вошли в горницу. Пламя дрожало и срывалось. В огромной пустоте комнаты метались тени, отблески огня ложились на отполированные долгим служением лавки у стен, на высокобленный стол. Ключ позвал Стаса и шагнул в кухню. Они повозились там с минуту. Председатель судорожно жег перегоревшие спички, косноязычно матерился, держался рядом с Климовым, не отходя ни на шаг. Когда гасла спичка, Климова охватывала жуть. Из темных углов, от высокого потолка полз страх. Только возня товарищей на кухне успокаивала. Изба была огромная, а комната одна да кухня за перегородкой. Бумага на кухне погасла. Кто-то вышел в комнату. Председатель подрагивающими руками никак не мог зажечь спичку.

— Эй, власть,— сказал в темноте Ключ.— Вот что, браток: вали сейчас к себе, гони сюда нашего, что на подводе остался, да возьми с собой двух свидетелей и тоже сюда.

- Иду!— председатель ринулся к двери, на ходу сшибая табуреты.
- Вы нашему там его имущество помогите донести!— крикнул вслед Ключ. Стукнула дверь.

Ключ опять зажег спичку и стал осматривать углы.

—Что, навек они отсюда убрались?— вслух спросил Ключ.— Даже керасиновую лампу не оставили?

Действительно, дом был пуст, как после грабежа, только после грабежа не остается такого благоустройства. А тут лавки стояли по стенам, табуреты у стола — все словно в ожидании гостей.

—Порядок любят, черти!— ругнулся Ключ.

Вдруг все застыли. Какой-то звук, неизвестно откуда дошедший, стегнул по нервам. С минуту все молчали.

Климов вдруг почувствовал тяжелый запах, стоявший в избе.

—Показалось?— шепотом спросил Стас.— Вроде кто-то шепнул что?

—Молчи!— приказал Ключ. Они застыли, как стояли, по углам. Теперь уже все чувствовали тяжелый, удушливый запах.

Звук повторился. Он был низок и непонятен.

— А ведь стонет!— пробормотал Ключ.— Стонет кто-то!

Снова донесся звук. Это был какой-то хрип.

— Внизу!— шепнул Стас. — Где тут подпол?

Ключ зажег спичку и заходил, нагнувшись, всматриваясь в доски. Стас, а за ним Климов шарили на кухне.

—Кольцо!— сказал Климов

В углу к доске было приделано медное кольцо. Он рванул его, тяжелая плаха поднялась, и сразу их обдало духом сырой земли и еще тем же удушливым запахом, что стоял в горнице. Стас опустил руку в подпол, но там лежали какие-то тюки, слизью поблескивала близкая стена — и только. Вдруг прямо в уши им ударил стон. Он шел откуда-то от тюков.

— Свети!— приказал Климов, отстранил Стаса и спрыгнул вниз. Подпол был глубокий, выше человеческого роста. Климов подскользнулся, но устоял. Стас зажег наверху спичку и вытянул руку как можно ниже. Климов шагнул, и под ногой что-то загнуло. Он протянул руку и уперся в округлый холодный металл. Сверху спрыгнул Ключ, Стас менял спички. Ключ зажег свою. Климов подошел вплотную к какой-то баррикаде. Стальной блеск ударил в глаза. Подсвечивая спичкой, придвинулся Ключ, взглянул и выругался:

— Куркулье поганое!

В несколько рядов в половину человеческого роста стояли надраенные, вставленные одна в одну кастрюли, ушаты, ведра. Отдельно, сложенные строго один на другой, лежали подносы. Опять долетел стон. Он шел откуда-то совсем рядом. Ключ зажег очередную спичку и прошел вперед. За ним, осторожно ступая, двигался Климов. Стас наверху раскурил, наконец, найденную где-то головню и спрыгнул к ним. Теперь отблески пламени заплесали на стенах, высветили груды жестяной посуды, потом Стас продвинулся к остальным, и все они остановились. Под каким-то рядом угадывалось человеческое тело, рядом, прикрытое мешками, лежало второе. Стас высоко поднял головню. Рука у него дрожала. Ключ отплюнулся, присел перед рядом и сбросил его. Мертво блеснул остекленевший глаз. Лицо, залитое сукровицей, было искажено. Седые волосы разметаны и перемешаны с темными засохшими комьями крови.

—Шварц,— сказал Клыч.
Опять донесся стон.

Клыч перешел ко второму, смахнул мешки. Раскинув руки, перед ними лежал низкорослый широкоплечий человек в сером костюме, в сорочке с галстуком, на груди темнели три больших пятна. На меловом лице сверкал пот, изо рта изредка вылетал хрип.

— Федуленко,— сказал Клыч,— скорее всего он. Давай за водой!— толкнул он Стаса в плечо. Стас позвал:
— Климов! Помоги вылезти!

Климов подошел, прихватил Стаса за ноги и поднял. Тот ухватился за края отверстия, вылез, ушел. Через минуту нагнулся вниз, света спичкой, другой рукой передал Климову ковш с водой. Климов шагнул и вдруг остановился. Удушье стиснуло горло, голова кружилась. Он с трудом пересилил себя и, обойдя баррикаду кастрюль, подошел к Клычу, тот стоял над Федуленко, светил головней.

—Шварцу они голову раздробили. А этому три пули в грудь вогнали — что-то новое... Он снова присел над раненым.— Подними его голову и дай хлебнуть.

Климов помочил платок, положил его на лоб Федуленко,— даже через платок чувствовался жар. Опять закружилась голова от прежнего запаха. И тут только Климов понял, что это запах крови. Федуленко что-то забормотал. Климов поднес ковш к его губам, пролил в рот несколько капель воды. Раненый забормотал громче, приоткрыл глаза. Они сверкали сумасшедшими огоньками.

—Добить пришли!— шептал он.— Добивай! Давай! Большого не стою!— Он вдруг дернулся, но тело не подчинилось, он разинул рот, и все лицо его искажилось судорогой.— Бей!— шепотом крикнул он.— Чего ждешь?

Вылезавшие из орбит глаза его с диким выражением ужаса и странной радости смотрели на Климова. Тот отпрянул. Клыч приблизил горящую головню к лицу Федуленко.

—Успокойтесь,— сказал он,— мы из розыска. Слышь?— Он присел и склонился над самым лицом раненого.— Федуленко, не бойся ничего. Мы из розыска.

Раненый закрыл глаза и минуту лежал молча, потом веки его затрепетали. Он всмотрелся в склоненные над ним лица и опять закрыл глаза. Лицо его окаменело. Клыч переглянулся с Климовым. Подошел Стас.

— Слушайте,— прошептал Федуленко,— мне тянуть недолго. Все скажу... — Он опять закрыл глаза.— Если вы эту тварь, Кота и всю его компанию... прихватите... я отомщен... буду... — Он облизал губы. Климов прижал к его рту ковш, и тот жадно втянул в себя воду, в груди его захрипело. Клыч поддержал раненому голову, и он пил долго, медленно, пока не выпил полковша. Клыч отпустил его голову, и Федуленко зашептал:— Связался я с Котом давно... из-за семьи... У меня дочь и жена в Архангельске... Мечтали уехать за границу... Денег не было. Тут меня и застукал Красавец... Они за Шварцем давно следили... Договорились со мной насчет магазина... А старик словно чувствовал... Вдруг вывез все ценные вещицы... Куда... неизвестно... Тогда решили ждать... А тут... эти бриллианты привезли оправить... Кот знал... Я сказал ... Договорились... Я до Клебани должен был его оглушить... Завернуть в портьеру... Они подъедут на шарабане... Я спускаю окно, просовываю им его... Он им живой был нужен... Они прихватывают меня, а потом делимся...

— Мог бы и в одиночку,— не сдержал ярости Клыч.— Со стариком сам бы справился.

— Не хотел руки пачкать,— шептал Федуленко, не раскрывая глаз.— Да и... Если б я его убил в купе и скрылся, меня б искали...

— И так вас искали бы!— сказал Клыч.

— Не хотелось руки пачкать,— пробормотал Федуленко и облизал губы.

— Где сейчас Кот и остальные?..

— Решили выехать, как стемнеет... в город... а там в Москву... На возы все уложили. Потом сюда спустились... Шварца пытали... Про всех зажиточных людей города...

Какое у кого состояние... Где держат деньги... Потом старика пристукнули... Потом Красавец подходит ко мне и смеется... В долю, говорит, хочешь?.. Я сразу понял... А он выстрелил, и все... Они думали, убили. Да я и сам думал... Они знают, что вы на них вышли...

Наверху затопали сапоги. Раздался говор. Клыч ринулся к отверстию:

—Климов, подсади!

Когда Стас и Климов вылезли из подпола, Клыч отдавал последние указания:

— Значит, лошадей нам самых хороших, пусть хозяева хоть волком воют. Раненого и труп в Клебань. Нашего человека тоже доставишь в город.

— Один здесь остаюсь?— тоскливо спрашивал Потапыч.

— Один!— ответил Клыч.— Тут, старичок, надо тебе все осмотреть. Завтра увидимся.

— Да чего так спешите-то?— уговаривал председатель.— Тут без вас и не разберемся...

— На войне был?— спросил Клыч.— Так вот, считай, друг, что опять тебя война зацепила. Гони подводу! И лошадей самых лучших!

— Слушаюсь!— председатель выбежал.

— Товарищ начальник,— сказал Потапыч, провожая их,— я вас очень прошу: берегите себя и этих молодых людей. Знаете, если с ними, что-нибудь случится... — Он махнул рукой и вернулся в дом.

Глава X

... Уже полчаса они неслись по вечерней дороге. Промчались через Возницыно. Стас хотел было расспросить местных мужиков, не видели ли они проезжавший экипаж на дутых шинах, но Клыч не позволил.

— Газу!— кричал он, молота по широкой спине возчика.— Наддай!

Мужик отругивался, но нахлестывал и без того шедших в полный мах коней. Линейка под ними кряхтела и стонала. До города оставалось километров восемнадцать. По вычислению Клыча, тяжело нагруженный шарабан должен был ехать не торопясь, и на таком ходу они могли настигнуть его километрах в пяти-четыре от города. Мужик-возчик ворчал.

— Ему что! Ему давай! — оборачивал он к ним бритое лицо с пышными усами.— А мне — лошади-то не казенные. Свои. С чего мне их уродовать, али навар какой буду иметь?

— Будет и навар,— шипел сквозь зубы Клыч.— Гони! Все будет, только нахлестывай ты своих кляч, матери твоей утроба!

— Какие энто клячи?— негодовал возчик, щелкая кнутом и обжигая им спины откормленных крепеньких саврасок.— Ты таких кляч у других поищи! На киевской ярмарке покупал, на отборном зерне кормленные!

Светлая лента дороги, четко выделяясь посреди темных стен леса, извилисто улетала вперед. Опять показалось село. Снова пронеслись без остановки, вызывая неистовство собак. У трактира стояли какие-то подводы. Клыч послал Стаса осмотреть их и публику в трактире, тот вернулся через несколько минут: тех, кого искали, тут не было.

Опять тарахтела и тряслась всеми частями прочная российская линейка. Стас стискивал зубы. Климов, сам возбужденный до того, что, когда начал было говорить, заикался, чувствовал спиной дрожь близкого Стасова тела. Азарт погони и опасности натягивал нервы.

Вот уже остались позади леса. Впереди, очень еще далеко, замаячили бесчисленные огни. По ровным их рядам угадывались улицы. Но этот четкий порядок был перемешан массой других огоньков. До города оставалось километров пять. Лошади стали уставать. В ответ на удары только тихонько ржали. Мужик-возчик взбунтовался. Натянув вожжи, он приостановил лошадей.

—Я вам животных мучить не дам!— сказал он решительно. — Хочь стреляй, хочь что! А то уселись — вона! Гони! А мне на их пахать! Вozить! Они кормилицы.

Клыч, поняв, что тут приказом не возьмешь, сменил тактику.

— Друг,— просил он, прикладывая к сердцу убеждающую ладонь.— Ты такое дело сделаешь — вся Россия тебе поклонится.
— На кой мне ейные поклоны,— бормотал возчик.— Заплатил бы червонными, тады посмотрел бы еще!
— Три червонца дам!— решительно сказал Клыч.— Гони, мужицкая ты моя колдобина, гони, серость ты разнесчастная! Гони!
Возчик оглянулся, всмотрелся в жесткое лицо Клыча и погнался.

Пошли какие-то строения, за ними начиналось поле. На крайнем доме электрическая лампочка освещала вывеску «Постоялый двор Бархатнова».

—Стой!— скомандовал Клыч.— Давайте, ребята, оба. Пошарьте там внимательнее, поглядите.

Стас и Климов прыгнули с телеги, стремительно кинулись к входной двери.

Климов завернул во двор. Стас вошел в помещение. Во дворе мирно жевали овес лошади, стояло несколько подвод. Климов подошел поближе, взгляделся. Два огромных воза обтянутых брезентом, приткнулись у самых ворот, лошади из них были выпряжены. Остальные подводы не привлекали внимания, на одной были навалены дрова, на другой сено. Лошадей не было. Оглобли торчали вверх. У конюшни светились огоньки самокруток, разговаривали мужики. Климов подошел к упакованному возу, попробовал поднять брезент. Он был плотно затянут веревками. Но край брезента треском поддался. Он пошарил рукой, нарвался на что-то мягкое. Перины, что ли? Приподнял повыше брезент — верно, перины: на них спрессованно давила какая-то мануфактура. Он встал на колесо, пощупал вверх. Какие-то пальто, манто, накидки, костюмы. Купец переселяется, что ли?

Он соскочил с колеса, еще раз прошелся по двору. Шарабана на дутых шинах не было. Даже если он завезен в этот вот сарай, его было бы видно. Ничего там не стоит. Шагах в пятнадцати лениво судачили мужские голоса.

— Как королевна сидит,— говорил один,— а посмотришь — ни кожи ни рожи.
— А добра-то, добра,— вторил ему другой.— Я давеча брезент задрал, а там и сундуки, и чего только нет. И посуда, пра слово, царская...
— Лихая, скажу, баба! По нонешним временам да с таким богатством ночью развезжать...
— А ты тех-то не видал?— у конюшни перешли на шепот.

Нет, шарабана не было. Климов вышел из ворот, на дороге светлой шерстью выделялись лошади. От взошедшей луны силуэты сидевших на телеге были четко вырисованы в лунном сумраке. Стас был уже на подводе.

— Что?— спросил Клыч.— Никого не обнаружили?
— Шарабана нет,— сказал Климов.
— Газу!— крикнул Клыч.

Савраски рванулись. Отдохнувшие лошади резко взяли с места. Огни приближались.

—Сидит какая-то бабенка,— рассказывал Стас. — Хозяин перед ней расстилается, а из углов такие рыла смотрят, что дрожь берет. Как можно сейчас женщине одной ездить?

«Возы, обтянутые брезентом, барахло... — что-то смутно заворочалось в мозгу Климова. Он вспомнил пустую, как нутро гитары, избу Аграфены. — Да разве они могли вывести все на шарабана?»

—А в городе мы его упустим!— вдруг хлопнул по колену Клыч.— Прозевали гада!

— Стоп!— скомандовал Климов и дернул за плечо возчика.— Да стой ты!
— Ошалел?— повернулся к нему Клыч.
— Товарищ начальник!— Климов чувствовал, что глазами своими он мог бы прожечь железо. — Товарищ начальник! Надо обязательно взять эту женщину.
— Ты что?— Клыч пощупал его голову.— Береги, браток, здоровье. От таких переживаний и рехнуться легко.
— Трогать, что ли?— спросил возница.
— Возвращаемся!— приказал Климов.— Товарищ начальник, мы их нагнали. Они на постоялом. Это их возы,— и он, торопясь, рассказал, что обнаружил под брезентом. Клыч секунду раздумывал, потом приказал повертывать. Возчик уже не гнал лошадей. Они не торопясь катили по дороге. Навстречу им тоже двигалось что-то. Клыч всмотрелся. Два высоких воза медленно вырастали из темноты. Когда до них осталось шагов пятнадцать, Климов, не дожидаясь команды, прыгнул с телеги и побежал навстречу. Первым возом правила женщина в платке.

— Аграфна Ивановна?— спросил он.
— До днесь Дмитриевной была,— ответила женщина и наклонилась с воза.— От Алексея Иваныча?
— От него,— вдохновенно согласился Климов.
—Ай чего передать послал?
— Встретить просил.
— Ничего, добралась почти. Где сам-то?
— Там, куда собирался.
— Ну и слава богу,— сказала она,— а это кто?— голос ее дрогнул.— Кто энти-то идут?
— Свои,— сказал Климов.— А вас-то куда прикажете сопроводить?
— Как куда?— в голосе женщины зазвенела тревога.— Ай он вам не сказал? Да вы кто будете?— сорвалась она на крик.— Я с постоялого-то без его воли снялась!
Клыч что-то приказал шепотом Стасу, тот пропал во тьме.

—Слезайте, Аграфна Дмитриевна!— сказал Климов.— Угрозыск!

Женщина ударила по лошадям, они рванули, но Клыч одним прыжком оказался впереди и повис на поводьях. Климов сдернул женщину с воза.

—Легаые!— крикнула она тоненько и замолкла.

Климов поднял ее на ноги. Она была небольшая, щуплая, но жилистая. На бледном лице сверкали испуганные глаза.

Подошел Стас.

—Второй воз привязан,— сказал он.— На возах — никого.

Клыч в раздумье остановился перед пленницей.

— Как ее обыскивать?— сказал он.— Баба, поди.— Он обошел ее вокруг. Женщина уставилась под ноги, глаз не поднимала.
— Оружие имеешь?— спросил Клыч.
— Отродясь не носила!— ответила Аграфна глухим голосом и перекрестилась.

— И муженек не носил?— усмехнулся Клыч.
— Ему бог судья,— женщина подняла глаза.— Я тут непричастная.
Луна опрокинула их тени на пыльную полосу дороги. Тени возов и лошадей казались чудовищно огромными. Звякали мундштуками кони.

— Что ж он тебя бросил тут одну ночью, муженек твой?— допрашивал Клыч.
— Не бросил. Завтра велел ехать, спозаранку, а я вот вечером решилась.
— Ослушалась самого Кота?
— Так страховито на постоялом-то,— сказала женщина и поежилась.— Мужики смотрят, по возам шарят.
— Что ж, не знал он этого?— спросил Клыч.— Вozy-то с двухэтажный дом.
— Так хозяин-то знакомый, он ему меня на руки сдал.
—А сам куда же?

Женщина промолчала.

—Аграфена,— сказал Клыч,— ты в молчанку не играй. Кровопийце твоему решка приходит. Мы сегодня весь город подыдем, а его возьмем. Тогда наравне отвечать придется.

Женщина молчала. Климов стоял к ней вплотную и чувствовал, что она дрожит.

—Людей вместе убивали,— сказал Стас,— теперь вместе и ответят.

— Я к тому непричастная,— сказала Аграфена.— Я никого вместе не трогала.
— А убивал кто?
— Алексей Иванович на дело с собой брал. Не могла ж я послушаться.
— Как же, мужняя жена,— сказал Клыч.— Домострой, растуды твою качель...
— Что он велел, то я и сполняла,— опять сказала Аграфена.— А людей не трогала. Мужики своим делом занимаются, а я по хозяйству...
— Что ж из дому-то все забрала?
— Не все...— Она помолчала, потом перечислила:— Которую посуду пооставляла, в сараюшке ободья, колес три пары новых, мешки, мануфактуру — тоже аршин сто сорок.
— Места, что ли, на возах не нашлось?
— И места. Да и Алексей Иванович говорит: ишшо, мол, вернемся. Все заберем.
— Та-ак,— сказал Клыч.— А куда ж ты спозаранку хотела ехать?
— В Затормжье.— Аграфена крепче закуталась в платок.— Там на Вознесенской у меня сестрица живет в собственном доме, к ней мы...
— Знает она, откуда у вас это добро?
— Откуда же... Думает, что крестьянствуем мы...
— Ладно буду в ступе толочь,— сказал Клыч и шагнул вплотную к Аграфене:— Где сейчас Кот?
Она вздрогнула:

—Да откуда ж мне знать?

— Говори, баба, на суде зачтется.— Клыч чиркнул спичкой и осветил темное узкоглазое лицо с высокими скулами и сухими, по-старушечьи подобранными губами. Глаза спрятались под ресницы от света.— Только этим и спастись можешь.

Аграфена молчала.

Клыч зажег от первой вторую спичку, вгляделся в женщину.

— Потанет тебя за собой твой Алексей Иванович. Потом поздно будет прощения просить.
— В Горнах он,— глухо сказала Аграфена, защищаясь от огня спички ладонью.— А где — сама не знаю. Он мне никогда не сказывал.
— Смотри!— Клыч еще немного посветил спичкой и погасил ее.— Сovernь — всю жизнь жалеть будешь. Климов! Садись с ней рядом. Гони к первому посту, звони нашим. Давай-ка, Стае, и ты. Я жду у Тростянского колодца.
Климов кивнул. Колодец этот пользовался славой целебного. Вода в нем действительно была очень чистой и вкусной. Расположен он был у линии, на задах Горнов.

—Ежели наши задержатся, валяйте оба ко мне, начнем сами.

Климов вскочил на облучок. Стас подтолкнул в нему Аграфену, сам сел с другого бока, неприметно держа у бедра свой браунинг. Лошади понесли. Через полчаса бешеной скачки домчались до швейной фабрики. От ее заборов и начиналось Затормжье. Климов соскочил с облучка:

—Стас, сторожи!

Он ринулся в проходную. Старичок вахтер оцепенел от его вида и стал шарить за спинкой стула, винтовка его с грохотом упала.

—Телефон!— крикнул Климов и сунул старику удостоверение угрозыска. Пока тот читал, Климов уже звонил.— Барышня,— кричал он,— двадцать — двадцать два!

Скоро ответил сонный голос Селезнева.

— Селезнев!— закричал Климов.— Поднимай ребят, звони к Клейну, пусть поднимает курсы. Кот в Горнах. Идем по следу.
— Крепко!— Селезнев сразу возбудился.— Сейчас сделаю. Молодцы, ребята!
— Плохо только, не знаем, как его выманить. Известно, что в Горнах, а где — ничего не ясно. На какую-то приманку надо брать.
— Вы вот что!— Вы — это!— возбужденно кричал Селезнев.— Вы сами не пробуйте...
— Слушай!— кричал, перебивая его, Климов.— Вышли сюда людей, на швейную фабрику, я тут жену Кота оставлю.
— Взяли?
— Да! Поспешай.
— Климов! Ты тут популярным у слабого пола стал!— кричал Селезнев.— Почти как вы уехали, пошли звонки. Требуют тебя, и все. Я говорю: «Может, я замену?» Даже не пожелали ответить. Спрашивают, будешь ты сегодня? Я говорю: «Он на операции, должен быть». Сказали, что будут звонить каждый час, мол, надо сказать что-то важное.
Климов вспомнил девочку у реки. Он же дал ей; телефон. Видно, она.

— Передай, что скоро буду!— крикнул он.— Высылай людей за Аграфеной и ее пожитками. Мы ждем наших у Тростянского колодца!

— Через полчаса обязательно еще звони. Я к тому времени всех подниму!

Климов бросил трубку и поднял вахтера на ноги.

— Дед,— сказал он,— ты тут один охранник?
— Нет,— во все глаза пялился на него дедок.— Ишшо двое есть.
— Зови!
Вахтер как ошпаренный кинулся из проходной. Вскоре пришли двое. Один был молодой, другой лет пятидесяти.

—Гражданин,— сказал Климов,— сдаю вам опасную преступницу с ее пожитками: через полчаса за ней приедут из угрозыска. Не укараулите — суд и высшая мера наказания.

У всех троих глаза полезли на лоб.

— Это... нам не положено,— начал было один.
— Име-нем пролетарской диктатуры,— раздельно сказал Климов,— отчиняй ворота!
Молодой кинулся на улицу. Слышно было, как, громыхая колесами, въехали возы, как со скрипом закрываются ворота. Стас ввел со двора Аграфену. Та шла спокойно, и на лице ее было выражение тупой терпеливости.

— Не спускать глаз!— приказал Климов.— Сдать только под расписку. Пока документы угрозыска не предъядут, никого сюда не допускать!
— Есть!— рявкнул пожилой.
Климов, за ним Стае выскочили из помещения.

—Бегом!— скомандовал Климов, и они понеслись.

От фабрики надо было пробежать квартала два, потом начинались огороды. Горны оставались сбоку, впереди была линия железной дороги и около нее Тростянский колодец. Они мчались, изо всех сил работая локтями. Вот и линия. Они скатились с насыпи. Увидели колодец. У его сруба сидели, покуривая, двое.

Они тяжело дыша, подошли. Рядом с Клычом, удобно пристроившись спиной к срубам, сидел возница.

— Коли заплотно, я хочь до утра служить буду,— объяснял тот.— Оно теперича и ехать тревожно. Ночь, как ни толкуй!
— Слыхали?— хохотнул Клыч, освещая затяжкой крепкое лицо с полоской светлых усов.— Вот и транспортом обзавелись. Ну что там?
Климов доложил. Стас только кивал, подтверждая. Клыч поразмыслил, огляделся. Луна высоко тянула по темному небу оранжевый ореол. Трава на боковине насыпи была высветлена мертвенно-золотыми отсветами. Далеко пахло польностью и гнилью. Неподдалеку лежала свалка.

—Подождать можно,— сказал Клыч.— Я тут сидел кумекал, братишки, как их взять... Положим, поднимем мы пехотные курсы, начнем облаву. Могут уйти. Не выход это. Надо Кота без шухера брать. А как?

Климов присел на корточки, рядом присел Стас.

— Вот что,— сказал Клыч, отбрасывая чинарик.— Иди-ка, Климов, звони опять и говори с Клейном. Если нет, втолкуй Селезневу. Время у нас есть. Сейчас одиннадцать. До рассвета ему из Горнов выходить некуда. Надо нам туда проникнуть. Курсы трогать пока не стоит. А вот наших нужно туда направить как можно больше. И без шума, без стрельбы, по одному. Чтоб все были в штатском. А начнем обладывать — народ в ЧОНе разный, есть и без опыта которые. Кот в суматохе уйдет. В прошлом году, как чистили Горны, пошли в наступление чуть не с музыкой. И что? Стрельбы много, убитых и раненых много, а толку чуть. Пока сеть заводили, крупную рыбу упустили, осталась одна плотва. Так что передай: главное, чтоб без грому и стрельбы. Я жду здесь. Понял?

— Есть,— сказал, поднимаясь, Климов,— бегу.
— Чего бегать,— сказал Клыч.— Этому вот мелкособственническому элементу завтра заплатим, а нынче пусть возит, слышь, дядя?
— Коли заплотно,— сказал, поднимаясь, возчик — я всегда.

Они полезли вверх, где пощипывали траву саврасые. Через минуту лошади уже несли их к фабрике. Где-то пели пьяные голоса, проскакал Ванька, нещадно нахлестывая заморенную клячу. В пролетке неистово целовалась пара.

У фабрики Климов соскочил на ходу, влетел в проходную. Аграфена дремала на стуле. Пожилой стоял перед ней, чуть не упираясь ей в грудь дулом винтовки. Во всей его фигуре было неумолимое служебное рвение. Молодой рассказывал у стола. Старик дремал, опершись на винтовку.

Климов подскочил к телефону.

— Гражданин агент,— повернувшись к нему, зашептал, вытаращивая от усердия глаза, пожилой,— так что сполняю приказ. Когда ваши будут?
— Будут!— бросил ему Климов и закрутил ручку телефона.— Барышня, дайте двадцать — двадцать два.
Селезнев отозвался тут же.

—Дежурный по первой бригаде слушает.

—Селезнев!— закричал Климов.— Клыч велел передать: курсов не надо. Где Клейн?

— Курсов и нету!— кричал в ответ Селезнев.— Они в лагерях. Клейн пока с ЧОНам связывается.
— Клыч говорит: не надо ЧОНа,— кричал, перебивая, Климов.— Сами будем брать. Наших надо как можно больше и чтоб все в штатском. Он у Тростянского колодца будет ждать.

— Передам!— кричал Селезнев.— Главное, не зарывайтесь, ждите нас. Я тут одну штуку учудил, сам не знаю: к лучшему или наоборот... Из-за этих твоих звонков...— голос Селезнева стал глуше.— Тут, понимаешь, Климыч, такая история. Опять тебя спрашивают, звонят, а голос другой. Я говорю: «Кто его спрашивает?» Тут мне и говорят: «Клембовская». Я и говорю: «А вам зачем Климов понадобился? Он сейчас вашего приятеля Кота на Горнах ловит, а вы тут телефон мне обрываете!» И, понимаешь, сказал, а потом вдруг всплыло, что ты говорил: выманить их надо. Думаю, отчаянная она девка, поедет ведь. Я и говорю: мол, если хотите смертельного вашего друга повидать, можете немедленно отправиться на Горны и там его поискать. И что, ты думаешь, она мне отвечает?

— Что?— в ужасе закричал Климов.
— Еду, говорит.
— Селезнев!— завопил Климов в трубку.— Ты скот, понял? Скотина! Клейну сообщи об этом немедленно...
— Ты мне смотри, Климов! Ты до моих начальников еще не дослужился!
— Давно ты с пей говорил?
— Нсрвы-то не расхoduй, они для Кота понадобятся!
— Давно ты с ней говорил?
— Минут пятнадцать назад!

Климов на секунду отнял от уха трубку, растерянно огляделся. Аграфена дремала, старик вахтер, сначала вздрагивавший от его крика, теперь откровенно спал, навалился грудью на стол. Молодой щурился на свет лампочки, пожилой был начеку, неся охрану. В трубке журчал голос Селезнева.

—Селезнев!— крикнул он, перебивая.— Запомни! Клыч ждет у Тростянского колодца. Сбор там. Торопи Клейна!

Он повесил трубку и зачиркал карандашом по клочку бумаги, лежащему на столе: «Тов. Клыч, Клейн будет у Тростянского колодца как сможет. Все передал. Сам должен немедленно идти в Горны. Климов».

Он выскочил на улицу. Возчик дремал. Он ткнул его кулаком в бок.

— Найдешь то место, откуда приехали?
— Аи безглазый совсем?— сказал мужик, зевая.— Найду.
— Вот записка, передай тому, с усиками.
— Старшому?
— Да .

— Передам.

Климов зашагал по улице. К Горнам тут можно было выйти двумя путями. Через свалку, где ждали Клыч и Стас,— кружной дорогой,— или через окраину Затормья мимо прудов. Второй путь был короче. Главное — быть уже в Горнах, когда там окажется Клембовская. Ну Селезнев, Селезнев! Спровоцировал! Зачем Клембовской понадобился он, Климов? Сначала одна женщина, потом другая!

Затормье кончилось. Вот последние дома с потухшими окнами, с накрепко задвинутыми ставнями. Он свернул вдоль забора. Вот они, пруды! Черная вода в них серебрилась. Пробираясь вприпрыжку к забору по узенькой стезе, он услышал бессонное бормотанье Горнов. Ржали лошади, кто-то пел, слышался раздерганный дребезг гитары, голоса. Доносило дым костров. Цыганский табор. Он вышел на бугор. Отсюда Горны были как на ладони. Горели костры, в их свете виднелись лица сидевших вокруг них. Бродили неясные силуэты. Из окон вразброс поставленных беззаборных домов светили огни. В середине небольшой площадки, заставленной подводами и палатками, одиноко высился шатер. Климов спустился вниз и пошел к этой площадке, где было особенно много движения. Он шагал, небрежно сунув руки в карманы, опустив до переносья кепку. От одного костра кто-то оглянулся на его шаги, позвал:

—Костяра, мы нонче кемарить будем?

Он прошел мимо. Казалось, что вслед ему оглядываются, но он не убавил шага. В центре около шатра звенела гитара, и хриплый женский голос пел:

А потом загу-ля-а-ли, запе-ли, братва,

Впе-ре-межку ба-я-ан да гита-ара-а!

Сколько девушек было в тот ве-е-чер у нас,

В этот ве-э-чер хме-льного уга-ра!

. Он подошел, постоял позади сидевших. Беспризорники в лохмотьях, одутловатые пропойцы с высеченными пламенем багровыми лицами, хорошо одетые молодые люди с перстнями, высверкивающими от падавших отсветов. Он должен был искать Рыжего и самого Кота. Но как найти их ночью, когда все кошки серы?

Какой-то пьяный выскочил плясать и чуть не упал в костер. Его с хохотом оттащили от пламени. Климов пошел дальше. У другого костра играли в «железку». У третьего, передавая круговую бутыл, пели вразнобой «В Ростове-городе открылась пивная». Сзади пьющих стояли несколько оборванцев и собачьими глазами следили за бутылкой, переходившей из рук в руки. Но тут гулял народ безжалостный — деревенские конокрады. Да и кто, кроме них, осмелился бы ночевать в Горнах? Климов обошел телеги, палатки, вышел к домам. Около них было тише. Возле одного на бревнах сидели какие-то люди, переговаривались вполголоса.

Климов прошел, независимо покачивая плечами. За его спиной разговор оборвался. Он встревожился. Но там уже опять заговорили. Впереди, у входа к насыпи, за которой совсем неподалеку был Тростянский колодец, горел костер. Оттуда шел тошнотворный запах паленой шерсти и мяса — коптели коровью ногу.

У костра какой-то парень, раскачивая ногами, плясал на руках. Климов подошел и вдруг остановился. С перевернутого лица смотрели дико вытаращенные глаза. Парень упал. Грохнул смех. Упавший поднимался, не сводя глаз с Климова. Тот вдруг по тельняшке, угловатости плеч и белесой шевелюре угадал Афоню. В глазах Афона был ужас. Климову стало не по себе. Он повернулся и пошел. Почему Афоня так перепугался? Не предал бы еще, чего доброго. Он прислушался. Но от костра долетали лишь мирные звуки чавканья да лопалась от жара шкура коровьей ноги.

Климов повернул к площадке с шатром, прошел мимо двух близко стоявших друг к другу домов с темными стеклами и остановился. Спинай к нему, к площадке, где горели костры, шли две девушки. Одеты они были в темные платья, головы в платках, но Климов стоял, потрясенный этим зрелищем. Их выдавали даже походки, они не умели ходить так, как женщины из Горнов — проститутки и боевые подруги налетчиков. Там в самой поступи был вызов и наглость, а здесь шли две молоденькие девушки-интеллигентки, держась под руки. Климов смотрел, обливаясь потом. Одна из них была Таня. Ему не нужно было заглядывать под платок, он за километр отличил бы этот ее шаг, эту робкую, еще не расцветшую женственность движений. Девушки шли к кострам, а он смотрел в их спины и вдруг каким-то звериным, обостренным чутьем понял, что смотрит на них не один. Из-за косяка дома вышел человек. Маленький, щуплый, он переступал как-то странно, словно на протезах. Человек полелся за девушками, и, когда они вышли к кострам, обошел их сбоку, и с минуту пристально смотрел на них. Костер качнулся под рывком ветра. Человек попал в полосу света, и Климов увидел рыжину пышной прически, острый нос и цепкие сощуренные глаза. Человек обошел костер и куда-то пропал. Климов стоял как прикованный. Красавец видел девушек. От костра на стоявшую неподалеку пару стали оглядываться. Огромный босой мужик, поднявшись, пошел к ним. Девушки отступили несколько шагов и встали, прижавшись друг к другу. Оборванец, пошатываясь, подошел. За ним неторопливо подошли двое красавчиков в модных костюмах.

—Не ко мне в гости пришли?— спросил босой и вдруг схватил обоих за плечи. Тотчас же парни в модных костюмах оторвали его и пинками погнали к костру.

—Чи марухи?— деловито спросил один из них.

—К Куцему пришли?— спросил второй. — А то он канает второй день.

Девушки молчали.

Подошли еще двое. Климов уже двинулся было к ним, как вдруг откуда-то появился Рыжий. Он что-то шепнул молодчикам в пиджаках, и те испарились. Рыжий подошел к девушкам шага на два, и тут одна из них (Клембовская — по резкости движений узнал Климов) дернула рукой, но. Рыжий, прыгнув, выбил у нее из рук пистолет.

—Пошли!— просипел он и дулом погнал перед собой обеих. От костров оглянулись, но никак не отреагировали. Видать, не посмели.

Климов, стараясь ступать как можно тише, пошел за ними. Рыжий уже проконвоировал девушек между последних домов и вывел их на бугор. Дальше были пруды. Климов побежал, стараясь заглушить дыхание. Выскочил на бугор.

Девушки в смутном свете луны пятились к пруду, а Рыжий с выставленной вперед рукой надвигался на них. Климов выстрелил дважды, и Рыжий, прыгнув, повернулся и упал. В ту же секунду Климов, почувствовав чье-то присутствие рядом, резко повернулся. Сзади, почти рядом с ним стоял рослый костистый человек с голым черепом и безглазым лицом. Рослый шагнул, и Климов вдруг понял, кто перед ним. Это был Кот. Тот придвинулся вплотную. Климов почувствовал запах его пота и сразу ударил. Он ударил дулом пистолета и тут же рухнул и откатился от жестокого удара головой. Но вскочил он прежде, чем бритый оказался рядом с ним. Страшная боль переломила руку. Браунинг его упал, но он тоже изо всей силы пнул ногой, и бритый скорчился. Левой рукой Климов поднял пистолет и, прежде чем Кот разогнулся, изо всей силы, так, что отдалось в руке, рубанул рукояткой по бритому черепу. Противник осел.

Рядом с Климовым вдруг оказалась Таня.

—Климов!— шепнула она. — Я тебя искала!

Клембовская тоже подросла и теперь стояла рядом, с сумасшедше сверкающими глазами, держа в руке «бульдог». Из-под сбившегося платка видны были бинты на голове.

Климов наклонился над осевшим на колени бритым, толкнул его ногой. Тот завалился на бок, руками он зажимал рану на голове. Климов, корчась от боли, сунул браунинг в карман и обшарил лежащего. Из-за пазухи он вынул парабеллум, из кармана — браунинг. Рассовал все по карманам. Бритый стонал, перекатываясь по земле. Внезапно чувство

опасности заставило Климова поднять голову. Таня и Клембовская медленно пятались за его спину. Со всех сторон, стараясь отрезать его от прудов, подступали люди. Свет луны слабо высвечивал их лица, но по цепкой осторожности их шагов Климов понял, что Горны разобрались, кто тут враг, кто друг. Он сунул руку в карман, вытащил браунинг и выстрелил трижды поверх голов. Бритый, держась за голову, стал подниматься. Наступающие остановились. Потом кто-то сзади выпалил, и грохот обреза разом стряхнул оцепенение со всех остальных. Они завопили и пошли на Климова. Тот крикнул:

—Таня, Вика, уведите этого!— и снова выстрелил поверх голов. Он не знал, кто эти люди. Может быть, просто подгулявшие парни из Заторжья. Не все же они бандиты.

Какой-то паренек вдруг прошелся колесом между Климовым и нападавшими. Он что-то отчаянно вопил. Его поймали и отбросили куда-то за спины. Но Климов успел понять, что это последний трюк Афони. Может быть, этим он хотел спасти его, Климова? Во всяком случае, Климов был ему благодарен. Сейчас главное — время. Но Горны уже опять шли на него.

Климов прислушался и уловил далекие звуки автомобиля. Наши. Он расстрелял, целясь поверх голов, все патроны из браунинга и, отбросив его, тут же вынул парабеллум бритого. Сбоку медленно подходил к нему огромный оборванец, который первым атаковал девушек у костра. Климов выстрелил. Тот присел, и это дало Климову возможность оглянуться. В трех шагах позади бритый, не отрывая рук от головы, рассматривал Клембов-скую, грозившую ему пистолетом. Климов снова поймал на мушку огромного оборванца, но тот не двинулся. И вдруг Климов увидел, как позади цепочки нападавших появилась знакомая коренастая фигура в тускло блестящей кожанке и рядом светловолосая голова Стаса.

— Клыч!— шепнул он радостно, и в тот же миг сзади что-то случилось. Он повернулся на женский вскрик. Клембовская держалась за руку. Таня, закрыв глаза ладонью, отступала. Но что-то словно опахнуло его живот, опахнуло — и только. Потом вдруг слабость подкосила ноги, он хотел шагнуть навстречу злобно-готовному лицу бритого, но Стас и Клыч уже держали того за руки, а весь живот содрогнулся от боли, и Климов почувствовал, что ударился спиной о землю, что лежит уже, что кружится небо, и лицо Тани, и лицо Клыча, и лицо Стаса, и лицо Клейна... Потом вдруг наступила тишина, и он увидел рассыпавшиеся вокруг кожаные куртки и пиджаки. Клейн командовал, кого-то вели. Бритого волокли по земле, от пруда несли на шинели чье-то тело. Совсем рядом качнулось лицо Тани.

— Витя!— шепнула она, по щекам ее текли слезы. Они падали ему на щеки, попадали в глазницы. — Витенька мой, единственный! Выживи, я все объясню! Выживи, прошу тебя! Я целый день звонила, чтобы сказать...

Он улыбнулся ей. Боль раздирала живот, поднималась выше. «Таня,— думал он,— Таня, что это она говорит: единственный. Неужели? Нет, этого быть не может, этого не может быть, нет! За что меня любить?»

—Климов, ну как, живой?— Селезнев виновато морщился над ним. — Ты прости, Климов, меня за этих девок.

Он и ему улыбнулся. Теперь уже ничего не исправишь. Проклятый человек ты, Селезнев! Проклятый... «Таня,— подумал он,— Таня-а!— И еще подумал:— Все!.. Не успел!.. Кончено...»

—Взяли мы его, Кота-то, — тряс его за плечи Селезнев, но он уже улыбался сквозь липкую, глущую, тяжелую мглу. Уже ни до чего ему было, ни до кого.

Арестованного допрашивал в помещении бригады по особо тяжким сам Клейн.

— Куда вы спрятали золото, взятое у Клембовских?

Тот повел бритой головой, пощупал темя, на котором явственно приметна была кровавая запятая, сказал буднично:

— И даже не знаю, об чем это вы толкуете.

— Будете отвечать, Кот?

— На клички не отзываюсь.

Клейн посмотрел на залубневшего в ненависти Стаса.

—Введите гражданку Груздеву.

Стас вышел. Бритый сидел спокойно, серая гимнастерка на широкой груди ровно вздымалась от дыхания. Глаза его с ленивым любопытством оглядывали присутствующих. Клыч, не отрываясь, смотрел на него, шевеля ноздрями. Потапыч, положив голову на руки, плакал. Селезнев двигал желваками на крутых скулах.

Вошла Аграфена. Бритый посмотрел на нее, она поклонилась.

—Здравствуйте, Алексей Иванович... Уж вы извините, коли что не так...

Он дернул бритым черепом, сказал придушенно:

—Дура!— Потом прикрыл тяжелыми веками глаза. — Ладно. Запишите в протоколе: даю чистосердечные показания.

Клейн дернул верхней губой, стиснул зубы.

— С какой целью вами похищен Шварц?

— Камушки вез,— дорогие камушки. И знал много. От него про всех нэпачей в городе мы узнали... Запишите, гражданин начальник, что собственность государства мы ни разу не тревожили. Только частных.

— Почему вы не уехали сразу, а вернулись в город? Не знали, что ми за вами охотимся?

— Знали, как же. — Кот помолчал, потом солидно объяснил:— Имущество хотели припрятать. Не пропадать же... Сколько лет работаем.

— Убийство и грабёж — это вы называете работой? Кот прищурился:

— У кого какое понятие. Вы у богатеёв все в государственном масштабе грабили, я в личном.

— Теорию даже подвел,— с ненавистью прошептал Стас.

Клейн взглядом остановил его.

— Почему вы всегда всех, кто присутствовал при грабеже, убивали? Из принципа, что ли?

— Да какой принцип... Языки ж — они длинные. Вот и укорачивал.

— Значит, из-за имущества остались в городе?— продолжал допрос Клейн.

— Из-за него,— подтвердил Кот,— да и не думали мы, что так быстро вы нас загребете. Губана сразу не расколешь. И знал он мало. А где хаза — совсем не знал. А когда Красавец сказал, что дочка Клембовских тут бродит, я сразу так и раскумекал: берут на живца. Послал Красавца следить, а сам вылез к линии поглядеть: может, уже оцепление, облава. Вижу, нет. Тогда и сам пошел.

— Не могли поручить кому-нибудь другому?

— Сам все делаю,— пояснил Кот и положил на стол короткопалую широкую руку. — На людей полагаться по нынешним временам нешто можно?

— А как вы напали на Климова?

— Обежал все Горны, думаю, где ж они, не иначе, на прудах. Красавец-то... Он без какого-то кренделя отродясь не может. Топить удумал. Вылажу на бугор, а там пальба. Смотрю, а девки у самой воды, отпятил их туда Красавец-то, а энтот ваш Красавца подвалил... И запишите, гражданин начальник не я первый, а он меня в дых дурехой двинул. А потом сюда — вот они, знаки. — Кот наклонил черен, чтоб всем была видна подсохшая рана на черепе. — Будь другой кто, свободно бы ухайдакал. Хорошо кость у меня плотная... Так что я его пырнул в порядке самообороны. — Он замолчал и оглядел всех спокойными глазами. — Пушай суд учтет.

— Суд учтет, — сказал Клыч. — Суд все учтет. Но хоть тебе и дадут «вышку», а даже если и сотню таких, как ты, отправить с тобой вместе, все равно это Климова нашего не окупит.

— Алексей Иванович, аблакаты нанять можно? — спросила, утирая рот, Аграфена.

Был солнечный день в конце мая. Над прудами, затененными заборами, колобродил ветер, морщина темную, бутылочного оттенка водную толщу. Высокая молодая женщина в черном платье с раскинутыми по плечам темными волосами поднялась на холм. Впереди лежала безлюдная после недавней облаты пустыня Горнов. Почти на самой вершине холма, у небольшого, вытянутого вдоль бугорка, работал, взрылая землю, щуплый светловолосый паренек.

Женщина, неслышно ступая по траве, подошла почти вплотную к нему. У светловолосого было отчаянно-упрямое выражение лица.

— Нет, Витя, — бормотал он, зарывая в землю семена, — не лютики над тобой зашумят, а розы. Ослушался я тебя. Ослушался. — Он резко оглянулся и увидел женщину. На лице у него мелькнуло выражение неприязни, он отвел взгляд: — Вам тут чего? — спросил он, глядя мимо нее. — Пришли отмаливать? Так поздно...

Василий Веденеев Дальше живут драконы

Часть первая ПРАВИЛА ИГРЫ

Глава 1

Аркадий Андреевич Лыков считал себя типичным москвичом, хотя родился и вырос в маленьком городишке далеко от столицы. Поступив в московский вуз, он вскоре обзавелся семьей, прописался у жены, а устроившись после окончания учебы в НИИ, без сожаления расстался с супругой. Тем более что и она искренне желала этого, надеясь подыскать более достойного, с ее точки зрения, спутника жизни. В результате развода и удачного размена жилой площади, у Лыкова появилась небольшая однокомнатная квартирка в блочной пятиэтажке.

Здоровье пока еще ни разу не подводило, и будущее представлялось обязательно счастливым. Впереди Лыков видел несколько вариантов достижения заветного благосостояния. Первый был достаточно тернист, требовал подготовки кандидатской диссертации и значительно осложнялся длинной негласной очередью на защиту, установленной руководством лаборатории. Да и написать «дисер» не так-то просто: сколько сил уйдет, пока в бухгалтерии тебе начнут начислять заветные «кандидатские» проценты.

Второй вариант тоже требовал усилий, но иного свойства – подыскать богатую невесту и вступить в более удачный брак. Однако подходящие невесты на улице не валялись, а чтобы добиться расположения состоятельных родителей возможной избранницы, необходим соответствующий антураж в виде цветов, подарков и респектабельный внешний вид. Поэтому Лыков постоянно искал приработка – не пыльного, но денежного. Так, судьба свела его с неким Витей Жедом, работавшим на пункте приема стеклотары, и Олегом Кисловым, имевшим возможность договориться насчет грузового автомобиля.

Их отношения окрепли после того, как Аркадий между делом рассказал об одном, уехавшем на отдых, знакомом – человеке не бедном, имеющим денежки и импортную технику. Жедь, подумав, предложил навеститься на квартиру к знакомому в период его отсутствия. Аркадий отказался, но, где живет знакомый, объяснил и потом получил от Витьки долю – плотную пачечку хрустящих двадцатипятирублевых. Долго не отпускал страх, но обошлось, и Аркадий решил – уж если рисковать, занимаясь подобными вещами, то по крупному. Зачем зарабатывать неприятности? Их и так в жизни предостаточно.

С мыслью о возможных неприятностях он и проснулся летним утром, искренне недоумевая – отчего в голове спозаранку вертятся подобные мысли? Сегодня в институте долгожданная распродажа – уже отложены денежки на этот случай. Профсоюзное собрание состоялось на прошлой неделе, и его в докладе не упоминали, а членом других общественно-политических организаций Лыков не состоял, выбыв из одной по возрасту и не вступив в другую. Но отчего так погано на душе и чешется правый глаз?

После завтрака он оделся и вышел из дома, чтобы проделать обычный путь к родному НИИ – сначала на автобусе до метро, потом в душном вагоне до центра, там пересадка, потом еще несколько остановок – и маленькая прогулка пешком.

Войдя в комнату, Лыков улыбнулся коллегам и сделал рукой неопределенный жест, должный означать приветствие.

– Что нового? – откинувшись на стуле, спросил он.

– На сено отправлять будут, – буркнул один из сослуживцев. – Ты вчера в министерство ездил, а к нам из профкома приходили, предупреждали.

– Правильно, – согласился Лыков, – сейчас самое время. А ты чего всполошился? Твоя очередь ехать?

– Моя, – печально вздохнул сослуживец.

– Не тужи, выручу, – пообещал Аркадий, быстро прикинув, что уехать в подшефный колхоз можно недели на две, а то и на месяц. Там будут кормить, на сенокосе успеешь загореть, и получится недурной дополнительный отпуск. А здесь сохранится зарплата: толковый человек всегда найдет выгоду!

Весело прищелкнув пальцами, он повернулся к двери и увидел начальника отдела, прозванного Котофеичем за круглые зеленоватые глаза и рыжеватые усы.

– Лыков, зайди, – проскрипел Котофеич и закрыл дверь.

– Щас... – попытался оттянуть неприятный момент Аркадий. Неужели шеф дознался, что вместо министерства Лыков вильнул по своим неотложным делам?

– Футбольчик вчера смотрел? – поинтересовался другой коллега, разворачивая бумагу с бутербродами и опуская в стакан кипятник.

Оставив вопрос без ответа, Лыков вышел: не стоит томить Котофеича долгим ожиданием. Кабинет начальника располагался в самом конце длинного коридора, в комнатке, переоборудованной из женского туалета.

Аркадий поправил узел галстука и без стука открыл дверь – Котофеич любил играть в демократию и на собраниях называл свой коллектив «сплоченной семьей», что вызывало у сидевших в последних рядах иронические улыбки.

– Присядь, – начальник неторопливо открыл сейф, достав из него тонкую папку. – Поедешь сейчас к главному шефу, отвезешь бумаги. Если захочет с тобой пообщаться, не отказывайся, но лишнего не болтай. Понятно?

Главным шефом называли директора института – человека пожилого, несколько лет тяжело болевшего и уже не ожидаемого обратно. В его кабинете давно по-хозяйски расположился Афанасий Борисович, считавший себя полноправным и неоспоримым преемником шефа. Но пока приходилось блюсти субординацию, сохраняя видимость, что советуются, хотя все решал ставший всесильным заместитель.

– Почему я? – спросил Лыков. У старика можно застрять надолго, а машину не дадут. – Пусть Сагальский или Кучумов поедут.

– Ездили, – вздохнул Котофеич. – Ну чего тебе стоит, сгоняй, а если раньше освободишься, можешь не возвращаться. И потом, это не моя прихоть, сам Афанасий Борисыч велел.

– Именно в отношении меня распорядился? – недоверчиво прищурился Аркадий, безошибочно почувствовав слабинку в голосе начальника, – ну, еще нажим, мы ломим, гнутышведы и личное присутствие на распродаже будет обеспечено.

– Не именно, а приказал отправить с бумагами молодого интеллигентного научного сотрудника. Главному будет приятно, что его не забывает молодежь.

– Молодежь, – не удержавшись, фыркнул Лыков. – У нас большая часть молодых относится к нему как к сказочному персонажу: все слышали, но никто не видел. И вряд ли теперь уже увидят.

– Не заговаривайся! – сурово одернул его Котофеич. Он взял со стола папку и сунул в руки Лыкову.

В коридоре Аркадий постоял у открытого окна, делая глубокие вдохи, чтобы немного успокоиться, и тщательно осматривая горизонт – нет ли на нем тучки, не обкладывает ли город пеленой затяжного дождя? Тогда можно затянуть выезд к старику и, сославшись на проливной дождь, остаться в институте до распродажи. Но, как назло, ярко светило солнце.

«Может, оставить денежки Кучумову? – думал Лыков, медленно направляясь к своей комнате. – Объяснить, что надо купить, и оставить? Нет, все перепутает, козел безрогий, возьмет не тот размер, а то и ничего не купит. Вот невезуха!»

Взяв со стола кейс, он сунул в него папку, защелкнул никелированные замочки и, прощально помахав рукой, направился к выходу, кляня в душе последними словами Котофеича, Афанасия Борисовича и болящего главного шефа...

До сегодняшнего дня Аркадию еще ни разу не доводилось бывать в доме главного шефа – только в последнее время, окончательно поняв, что старик не сдюжит с болезнью, начальство стало отправлять к нему мэнэзсов, а до того предпочитало личные контакты, демонстрируя преданность и озабоченность состоянием здоровья директора. Излишним любопытством Лыков не страдал, но взглянуть, как живет заслуженный товарищ, было любопытно.

Шеф жил в районе, прозванном «дворянским гнездом», – кирпичные дома с широкими окнами, заботливо политые дворниками тротуары, много зелени, тенистые дворы с ухоженными газонами и цветниками около подъездов, нет привычного, надоедливой гула грузового транспорта. Во дворах стояли личные автомобили, кричали играющие дети, женщины в модных курточках выгуливали откормленных, породистых собак.

Отыскав нужный дом, Лыков вошел в подъезд и, назвав хмурой усатой старухе номер квартиры, в которую он направляется, поднялся на лифте. Дверь ему открыла седая женщина.

– Вы к Ивану Сергеевичу? Проходите, он ждет.

Вытерев ноги об узорчатый половичок, Аркадий прошел в большую комнату. У окна, в глубоком кресле, укрытый до пояса пледом, полулежал главный шеф. Слабо улыбнувшись, он показал желтой высохшей рукой на кресло напротив и тихо попросил:

– Маша, сделай нам, пожалуйста, кофе.

– Что вы, не стоит беспокоиться, – опускаясь в кресло и открывая кейс, попытался отказаться Лыков. Стоит ли распивать здесь кофе? Вдруг еще удастся вернуться к распродаже?

– Вы мой гость, простите, не знаю, как вас величать, – улыбнулся шеф, – поэтому давайте все же попьем кофейку.

– Лыков, Аркадий Андреевич, – чуть привстав, представился гость. – Я у Конырева работаю.

– Знаю. Привезли? Давайте...

Аркадий отдал папку и услужливо подал шефу очки со стола. В комнату вошла седенькая Маша, вкатила столик с кофейником, чашками и вазочками с печеньем и сахаром.

– Скучно, – небрежно бросив папку на широкий подоконник, доверительно пожаловался шеф. – Пейте кофе, бразильский...

– Что скучно? – осторожно беря тонкую фарфоровую чашечку, переспросил Лыков.

– Да это... – Иван Сергеевич кивнул на папку. – Напускают туману, раздувают научную истерию там, где проблема не стоит выеденного яйца. Что нового в институте?

– Так, ничего особенного... – Вопрос шефа застал врасплох, и Лыков не знал, что ответить: Начать рассказывать, как переставлял мебель в кабинете шефа Афанасий Борисович, а сотрудники потели, перетаскивая тяжеленные шкафы с этажа на этаж? Или доложить, как бы ненароком, о новых строгостях и отмене библиотечных дней? Да зачем об этом говорить с высыхающим от старости и болезней академиком, нужно ли ему теперь все это?

– Читали то, что привезли? – пытливо поглядел на него Иван Сергеевич. – Или так, подменяете почту?

– Подменяю, – не стал скрывать Аркадий.

– Я сейчас как машина, остановившаяся около нефтяной скважины, – грустно усмехнулся шеф. – Горючего пропасть – а заправиться нечем. Проклятая болезнь, сахарный диабет, недостаток инсулина. Поэтому и получается, что нефти хоть отбавляй, но она еще не бензин, в моем случае – не сахар.

– А инъекции?

– Это хорошо, когда человек молод и у него нет целого букета болячек, – тихо посмеялся академик. – Зато у старого масса времени для переосмысления прожитого. Как вы думаете, почему они не поехали ко мне сами, а послали вас? Ну не стесняйтесь, говорите. Я знаю, что меня давно списали.

– Ну что вы, – Аркадий изобразил на лице смущение.

– Научились лгать, – печально констатировал Иван Сергеевич. – Хотите, открою секрет, почему не поехал Афанасий Борисович или другой заместитель? Я всю жизнь стремился заниматься чистой наукой, а на администрирование меня не хватало, не оставалось времени. Потому и подбирал себе в замы бюрократов. А что такое бюрократ в науке? Это сплав дурной нравственности с мыслительной импотенцией, поскольку они, как правило, люди мало одаренные в научном плане. Если их освободить от руководящих кресел, то научные бюрократы окажутся не у дел. Поэтому братцы бюрократы всегда держатся тесной кучкой, объединяясь в сообщества ничего толком не умеющих, но страстно желающих иметь ценности, которых сами создать не могут. Теперь они боятся, как бы я их напоследок не пнул под зад, и не едут, подлецы.

– Но Афанасий Борисович доктор наук, – робко возразил, не ожидавший подробных откровений Лыков. Шеф его не на шутку озадачил: тихий желтый старикан, укрытый толстым пледом, а поди же ты, кусается.

– Формальный признак, – небрежно отмахнулся академик. – Такие, как Афанасий, не могут жить без регалий и полагающихся к ним дотаций, а потому, всеми правдами и неправдами их получают. Соответственно, вместе с дотациями. Именно их стараниями защиту диссертаций превратили в поточный процесс: ежегодно даем на гора три тысячи докторов и тридцать тысяч кандидатов. Прямо как шахтеры, стахановцы от науки. Находят бесприкрытые темы, заполучают научных руководителей-корифеев и лепят горбатые работенки. А настоящих ученых раз-два – и обчелся! Сейчас много говорят и пишут о «ворах в законе». А натуральные воры в законе – многие научные руководители, поскольку им глубоко плевать на качество работы соискателя, а денег, заплаченных государством за научное руководство, потом никто обратно не требует.

Иван Сергеевич взял с подоконника пачку «Казбека», вытряхнул из нее папиросу и прикурил. Лыков беспокойно ерзал на стуле – ну, дает дед, всех по костям раскладывает. Неужели сам никогда душой не покривил, не получил денежки зря? Или сейчас, по прошествии многих лет, ему все представляется в ином свете, особенно собственная жизнь и судьба в науке?

Бросились в глаза пальцы академика, зажавшие мундштук папиросы – тонкие, с отливающими синевой ногтями. Сколько же лет Ивану Сергеевичу? Раньше Аркадий об этом не задумывался – что ему главный шеф? Они существовали как бы в разных измерениях – тот на симпозиумах, в президиумах, в собственном кабинете, а Лыков – всегда в общей массе. И вот судьба, капризная и ветреная дама, выкинула неожиданную штучку – сидит мэнээс Аркадий Лыков в квартире академика и слушает его излияния. Неужели шефу надо было серьезно заболеть, чтобы снизить до такой беседы?

– Чем занимаетесь у Конырева? – докурив, Иван Сергеевич принял папиросу в пепельнице.

– Информационно-вероятностными моделями.

– Извечная проблема, – закашлялся академик. – Бывали за рубежом? Впрочем, зачем я спрашиваю. Вряд ли и сейчас это стало возможным для людей вашего положения. Простите великодушно, но что поделает? Еще одна издержка нашего пресловутого бюрократического застоя: едут те, кому ничего не надо, кроме магазинов. Так вот, как-то в одном зарубежном игорном заведении я встретил интересную пару. Этикие старички с толстой тетрадкой в руках, куда они записывали цифры с барабанов игровых автоматов, создавая свою, доморощенную теорию игр. Я долго с грустью наблюдал за ними, не ведавшими того, что этой серьезнейшей математической проблеме отдали многие годы жизни такие умы, как Нейман и Моргенштерн. И то не решились до конца!

Лыков слушал Ивана Сергеевича, тщательно скрывая раздражение – раскудахтались дед. А там, в институте, уже наверняка вовсю идет распродажа. Афанасий Борисович и его притч первыми вняли сливки и теперь в конференц-зал запустили второй «слой» – завлабов и заводделами, а у дверей, готовая взбунтоваться, гудит алчущая толпа остальной братии. А дедок словно не замечает, что за окнами темнеет и вешает, вешает.

Заметив, что гость его не слушает, академик недовольно поджал губы, но любезного тона не изменил:

– Заговорил вас? Скучно старику, простите. Мысли заняты больше не прибылью, а убылью самого ценного из того, чем располагает человек: убылью времени и чувств. Прощайте, Аркадий Андреевич, жду вашего нового визита.

– Всего доброго, Иван Сергеевич, – поклонился Лыков и направился в прихожую.

В конце длинного коридора появилась жена академика, открыла дверь, и Аркадий вышел на лестничную площадку. Сзади щелкнул замок...

Торопиться на распродажу более не имело никакого смысла, и Лыков решил пройти пешком до метро через дворы – тихо, нет баб с противно визжащими детьми и любителей игры в «козла»: не тот райончик, здесь не распивают на троих и не стучат костяшками домино по доскам столиков. Живущая здесь публика проводит вечера в тиши огромных квартир, если, конечно, не уезжает на дачи.

В одном из дворов Аркадий наткнулся на беседку из тонких, увитых плющем реек. Внутри светляками вспыхивали огоньки сигарет и слышался смех. «Молодежь собралась», – понял Лыков. Прибавив шаг, он свернул по дорожке в сторону, но тут его неожиданно окликнули:

– Эй, куда спешишь?

Оглянувшись, Лыков увидел двух девчонок лет по шестнадцать, с большими овчарками на поводках.

– Чего надо? – останавливаясь, буркнул Аркадий.

– Сердитый, – нехорошо засмеялась одна из девчонок, и, сунув пальцы в рот, свистнула.

Из беседки высыпала куча юнцов, двое или трое тоже держали собак на поводках. В мгновение ока Аркадий оказался в окружении.

– Ну, ну! Дайте пройти! – Он попытался вырваться из круга, но одна из овчарок злобно оскалила клыки и угрожающе зарычала. Лыков попытался загородиться от нее своим кейсом, что вызвало новый приступ истерического веселья.

– Не то закрыл, – хохотал кто-то из парней, – ниже опусти!

– Тут наше место, – заявила высокая девица в очках, державшая на поводке бульдога. – Чего ты здесь вынохиваешь?

– Я иду к метро, – беспомощно оглядываясь по сторонам и уже поняв, что влип в дурную историю, промямлил Аркадий.

– Он был невежлив с нами, – сказала одна из девчонок.

– Таких учить надо, – сурово изрекла очкастая под одобрительный шум остальных. – Распустились! Будешь просить прощения, понял? – обратилась она к Аркадию.

Тот кивнул – шут с ними, язык не отвалится, можно и попросить, пока собаками не начали травить, с них станется. Место глухое, ждать помощи от прохожих нечего, а юнцы хмелеют от собственной безнаказанности и вседозволенности.

– Извините, – сказал Лыков. – Я осознал. Могу идти?

– Не так, – усмехнулась очкастая. – Вставай на колени!

– Еще чего? – набычился Лыков.

– Считаю до трех, – прошипела девчонка, а собачьи морды с оскаленными клыками придвинулись ближе.

– Раз... Два...

«Собаки без намордников, точно порвут... – Аркадий почувствовал себя жалким и слабым. – Рискнуть?»

– А-а-а! – дико заорал Лыков, размахивая кейсом, и, зажмурив глаза, рванул напролом через кольцо обступивших его парней и девчонок.

Не ожидавшие такого, они невольно расступились, и Аркадий побежал, не разбирая дороги. Через несколько минут он вылетел на оживленную улицу и перешел на шаг, тяжело отдуваясь и вытирая выступивший на лбу пот. «Сволочи», – дрожащей рукой засовывая в карман волглый от пота платок, заключил Лыков. – Имеют старт, какой не снился другим, а от жиру бесятся. Чего им не хватает? Жрут от пуза, в любой вуз дорога открыта, а после еще на работу за кордон определяют. Не надо годами горбатиться на службе за квартиру, машину, дачу, диплом, не надо унижаться, выпрашивать. Им собачек покупают породистых, любовь к животным прививают, а они?

Дома он набрал номер телефона Кислова:

– Олег? Привет! Аркадий. Помнишь, ты мне как-то говорил про секцию каратэ? Ну, не важно что... Нет, морду не набили, а вот я хочу кое с кем посчитаться.

Утром следующего дня Лыков проснулся с головной болью. Сохло во рту, противно скребло в носу – видно, начинался насморк. За окном зарядил мелкий морозящий дождичек. На работу жутко неохота, а воспоминания о вчерашнем унижении и собственном страхе портили настроение.

Подтянув поближе телефон, Аркадий упорно набирал номер районной поликлиники: просто так не пойти на работу нельзя – Котофеич и одного дня дома посидеть не даст. Придется вызвать врача и получить больничный. Правда, у них там тоже социалистическое соревнование за снижение нормы больничных человеко-дней – придумают же такой термин! – но не прогуливать же?

Дозвонившись, он вызвал врача, нехотя встал и спустился вниз за газетами. Из свернутых газетных листов выпал конверт. Аркадий прочел обратный адрес – от сестры.

Вернувшись в квартиру, он завалился на диван, и, прикурив сигарету, начал читать послание. В общем, ничего нового: как жила провинция, так и живет – в магазинах нет ни зеленого лука, ни свежей капусты, мясо круглый год по талонам. За последние несколько лет ни разу не было на прилавках колбасы. И на детей ничего не купить – нет шуб, пальто, платьев, а у сестры двое. Пишет, что на новый год детям дали на елке подарки, положили в кулечки и по два мандарина, а дочка спрашивает, как их есть, и начала кусать прямо с кожурой, будто яблоко. Зефира уже лет десять не видели, а бананов и персиков никогда не пробовали. Ждут обещанного улучшения жизни, а когда-то оно будет?

Аркадий поиграл желваками на скулах – чем он может помочь, когда сам гол, как сокол?

Газеты читать чего-то расхотелось – опять о недостатках и призывы к активности, а как ее проявишь, например, у себя в НИИ, если все в руках Афанасия Борисовича, а над тобой Котофеич сидит. Впрочем, в любом НИИ не лучше – сплошные «жоры», «лоры» и «доры», что остряки расшифровывают, как «жены ответственных работников», «любовницы ответственных работников» и «дети ответственных работников», а случайно уцелевшие научные кадры тянут за всех...

Провалившись с полчасика, он встал, сварил суп из пакета и опять завалился на диван, не зная, чем заняться в ожидании врача. Благо, тот не заставил себя ждать.

Участковым врачом была неразговорчивая, замотанная пожилая женщина. Измерив температуру и быстренько перекрестив Аркадия стетоскопом, она выписала больничный на три дня, поставив сакраментальный диагноз ОРЗ.

Закрыв за ней дверь, Лыков вернулся на диван: делать совершенно нечего, остается только валяться и курить одну сигарету за другой. Были бы деньги он нашел бы себе достойное развлечение. А так... Вот если бы получить денег сразу и много! Мечта...

Может, бросить все к чертям, уволиться из института, податься в слесари или токари? Вон, везде таблички на досках объявлений: требуется, требуется, требуется! Вспомнился замполит в армии, проводивший нудные занятия. Один из солдат, желая разыграть его, спросил отчего безработные на Западе не поедут к нам, на наши стройки и предприятия? Ведь у нас профсоюз силен и блага социализма...

Капитан вытер платком побагровевшие залысины и ответил:

– Денег у них нет на дорогу! – чем вызвал дружный хохот.

М-да, но это так, мысли по поводу, а делать-то чего, болеть? Сидеть дома и ждать у моря погоды? А может, это самое верное? Ничего не предпринимать, ни о чем не задумываться и покориться судьбе? Когда-то она должна смиростивиться, повернуться лицом, одарить удачей...

Первое, что бросилось Аркадию в глаза, когда он переступил порог родного института, – обтянутая красным материалом тумбочка с цветами, среди которых почти потерялся большой портрет главного шефа в траурной рамке. Вокруг суетились деловитые женщины из профсоюзного комитета, в отдалении стояли Афанасий Борисович и секретарь парткома, беседуя вполголоса и сохраняя на лицах приличествующее обстоятельствам выражение. Приносили новые букеты, кто-то бегал с банками в туалет за водой.

Аркадий прошмыгнул мимо начальства, и, не дожидаясь лифта, взбежал по лестнице на свой этаж.

В кабинете все шло по обычному утрреннему распорядку – Сагальский с кислой миной неторопливо раскладывал бумаги; Кучумов уже опустил в стакан кипятильник и разворачивал бутерброды; Ленька Суздальцев опаздывал, а Никифоров курил.

– Читал? – вместо приветствия обратился он к Лыкову. – В газете пишут, что у наших артистов, после гастролей за рубежом выдирают по девяносто процентов из гонораров. Жалуются, бедняги. Меня, вон, вообще за границу никто не посылает, а я и десяти процентам был бы до смерти рад. Это же валюта!

– Ты петь не умеешь, – откусывая от бутерброда, хмыкнул Кучумов. – Плясать тоже – на твое пузо глянуть, так ни одна «Березка» не возьмет. Кстати, Аркадий, ты чем болел?

– ОРЗ, – буркнул Аркадий и подсел к Сагальскому. – Скажи, Сева, когда главный шеф это... Ну, помер?

– Вчера, – не отрываясь от газеты, промычал тот.

– Все определено, старичок! – заржал Никифоров. – Король умер, да здравствует король!

– Да, – сметая со стола крошки, согласился Кучумов. – Теперь Афанасию открывается прямая дорога в академики.

Аркадий вернулся за свой стол и закурил. Интересно, что сказал о нем главный шеф после визита и, самое основное, кому: Афанасию Борисовичу или Коныреву-Котофеичу?

– Больших перемещений не предвидится, – авторитетно вещал Никифоров, поглаживая живот, туго обтянутый клетчатой рубашкой. – Все решено заранее.

– Не скажи, – отозвался Кучумов, пряча в сейф кипятильник, – на «палубе» кое-кто кое-кому за кресло пасть порвет.

«Палубой» в обиходе именовали второй этаж, где размещались кабинеты руководства, и привычно говорили: пойду на «палубу», вызвали на «палубу».

– Порвут, как пить дать порвут, – захихикал Сагальский...

Глава 2

Лежа долгими ночами без сна на жесткой койке, Виталий Николаевич Манаков день за днем вспоминал всю свою пока еще не очень длинную жизнь, и только под утро он забывался, смежив усталые веки. Но опять вскрикивал во сне и просыпался, чувствуя, что лицо мокро от слез – за что же его так судьба? Становилось нестерпимо жаль себя, жизни своей, так хорошо начавшейся...

Погорел Виталий нелепо. Все вроде шло хорошо: сестра удачно вышла замуж за делового и обеспеченного человека с положением; а при родственничке и Виталику стало жить легче – помог, устроил, пригрел. Это только потом Манаков понял, что муж сестры Миша Котенев живет по своим законам, где лежачего, может, и не добивают, но переступают через него и идут дальше не оборачиваясь. Виталик начал потихоньку помогать родственнику в делах, появились деньги, купил машину, обставил квартиру, завел видео, набил бар импортными бутылками и «упаковался» в фирму. Вот тут и появился на горизонте Анатолий Терентьевич Зозуля.

С Котеневым, мужем сестры, Зозуля знаком не был. Обходительный, вальяжный, он умел расположить человека к себе, не скупился на угощение, охотно поддерживал компанию, если предлагали пригласить «вешалок», – манекенщиц из Дома моделей, – чтобы веселее скоротать вечерок. Как Котенев узнал о приятельских отношениях Зозули и Виталия, уму непостижимо – Зозуля бывал в Москве наездами, поскольку постоянно обретался на Украине. Однажды вечером после ужина, Михаил, как бы между прочим, бросил Виталию:

– Чтобы Зозули с тобой рядом больше не было. Повторять не буду. Потом пеняй на себя.

Виталий только досадливо дернул плечом и ушел. Поехал к себе – хватит с него Мишкиного деспотизма: карьера, положение, нужные люди, заграникомандировки. Так вся жизнь пройдет, оглянуться не успеешь, а второй никто еще не купил. Чем Мишке Зозуля поперек горла встал? Анатолий Терентьевич мужик что надо, не жмот – за услуги всегда расплачивался аккредитивами на предъявителя, сообщая, что не любит таскать с собой наличность.

В один дождливый вечерок, когда Виталик подвозил Зозулю на своей машине в аэропорт, тот попросил достать валюту. Оплата щедрая, но нужно быстро и много.

Следя за дорогой, Манаков тянул с ответом, раздумывая. Нет, о предупреждении шурина он тогда не вспоминал, просто высчитывал: сколько можно отгрызть у Зозули, если хорошо повертеться и выполнить просьбу? Мошна у Терентьевича тугая, стоит ее помассировать; – не обедняет. Наконец, поняв, что дальнейшее молчание будет истолковано как отказ, Виталий пообещал сделать все возможное.

Зозуля повеселел и поставил условие – купюры должны быть крупными.

Виталик согласился и пообещал позвонить, как только подготовится к новой встрече.

Последующие дни Виталик носился по городу как угорелый – хотелось скорее получить свои проценты. Недели через две он позвонил из междугородного автомата Анатолию Терентьевичу.

На встречу в аэропорту Манаков приехал заранее, положив в карман спичечный коробок с плотно втиснутыми в него крупными купюрами валюты. Побродив по залу и не заметив ничего подозрительного, он устроился неподалеку от буфета.

Зозуля появился в толпе пассажиров, держа во рту незажженную сигарету. Манаков знал, что в кармане у Терентьевича билет на первый обратный рейс и, едва они обменяются спичечными коробками, в одном из которых валюта, а в другом аккредитивы, тот вновь улетит.

Обмен прошел гладко. Анатолий Терентьевич попросил прикурить и, получив спичечный коробок с валютой, опустил его в карман пиджака. Виталик иронически намекнул на школьную привычку заигрывать спички, и ему вернули коробок, но уже другой, с аккредитивами. Извинившись, Зозуля улыбнулся и удалился, не оглядываясь...

Довольный Манаков украдкой заглянул в коробок – все без обмана. Виталик поспешил к выходу. Сейчас он сядет в автомобиль, отъедет подальше, а потом переложит аккредитивы в бумажник и обменяет их на наличные в первой попавшейся сберкассе.

Однако получилось не так, как он рассчитывал: его остановили прилично одетые молодые люди, предъявили красные книжечки и предложили следовать за ними. От испуга и неожиданности Виталик потерял голову – оттолкнув неизвестных, он бросился бежать, лавируя между сновавшими по залу пассажирами. Коробок жег карман, надо было его выбросить, но останавливала жадность. Когда он решился наконец бросить проклятую коробочку, его уже схватили, заломили руки и под любопытными взглядами зевак потащили в комнату милиции. Лица окружающих слились для него в одно светлое пятно, в голове гудело, ноги сделались ватными – казалось, отпусти милиционеры его руки, и он осядет на пол, как тряпичная кукла...

Увидев в комнате милиции смиренно сидящего перед барьерчиком дежурного Зозулю, разом потерявшего всю франтоватость и вальяжность, Виталику сделалось дурно...

Следственный изолятор подавил Манакова сразу и бесповоротно – запах дезинфекции, супчик из килек, грязно-зеленый цвет стен и длинный ряд дверей камер. Шаркая по полу туфлями без шнурков, Виталик под конвоем контролера подошел к дверям «своей» камеры. Щелкнул замок, и его подтолкнули внутрь.

Лиц сокамерников он не увидел – они казались ему размытыми пятнами, как там, при задержании в аэропорту. Безвольно опустив руки, Манаков потерянно стоял у двери, не зная, что делать дальше. Может, поздороваться?

– Здравствуйте...

Его приветствие повисло в воздухе. Никто не ответил, только продолжали внимательно разглядывать, как диковинное животное.

К Виталию подошел коренастый малый в застиранной темной рубашке и критически оглядел новичка.

– Статья? – засунув руки в карманы брюк, буркнул он.

– Валюта, – горько вздохнул Манаков.

– Восемьдесят восьмая, – брезгливо поправил парень. – Правила знаешь?

Виталик отрицательно помотал головой – какие правила? Он никогда не сидел в тюрьмах и не привлекался к суду.

– Слушай и запоминай, – покачиваясь на носках, менторским тоном начал парень, – перед контролерами не шестери, уважай старшего по камере, утром в туалет по очереди, а твоя очередь последняя. Получишь передачку, поделись с товарищами и не жмотничай. Иначе «опустим». Осознал? Спать будешь у параша.

Манаков машинально кивал – слова парня едва доходили до него. Какое значение имеет, где спать, есть, когда ходить в туалет, если все они в тюрьме и выйдут отсюда не скоро?

– Рубашечка у тебя вроде моего размера? Махнемся? – Парень начал расстегивать свою застиранную сорочку. – Ну ты чего? – усмехнулся он, глядя на неподвижного Виталика. – Снимай, меняться будем.

– Но я не хочу меняться, – удивился Манаков. – Зачем?

– Ты чего? – в свою очередь, удивился парень и протянул растопыренную пятерню, намереваясь мазнуть ею по лицу Виталика. Тот uklonился, резко отбив руку парня в сторону.

Первый удар противника Манаков парировал, закрывшись локтем, и по привычке, ударил в ответ – когда-то, еще в школе, он ходил в секцию бокса, а потом не избежал модного увлечения каратэ. Не ожидавший отпора парень осел на пол.

– Ну погоди, сука, – просипел он, пытаясь подняться.

– Брось, Моня, – лениво остановил его кто-то, лежавший на нарах. – Вернется Юрист, разберемся. А ты, новенький, иди на место.

Виталик послушно уселся на краешек нар, раздумывая, как нехорошо начинается новая полоса в его жизни: не успев перешагнуть порог тесной, переполненной людьми камеры, где ему предстоит ждать суда, он уже вступил в конфликт с ее обитателями.

Парень, предложивший обменяться рубашками, поднялся с пола и забрался на нары, стараясь не смотреть в сторону Манакова. Придя в себя после неожиданной стычки, Виталий осмотрелся. В камере на четверых сидело семеро.

Двое пожилых людей, тощий и толстый в очках, похожий на шеф-повара. Молодых в камере трое, не считая самого Манакова. Один – тот самый парень, с которым он успел подраться, второй – патлатый, в линялой футболке и рваных джинсах, дрыхнувший на нарах, третий – с татуировками на мускулистых руках – усевшись за столом, читал газету.

Снопа лягнул замок, и в камеру вошел средних лет человек в вельветовом костюме. Растирая затекшие от наручников запястья, он сел напротив татуированного и кивком подозвал к себе Виталия. Тот подошел, поняв: вернулся Юрист.

– Новенький? Статья?

– Восемьдесят восьмая, – запомнив первый урок, ответил Манаков.

– Куришь?

Виталик достал пачку «Мальборо» и протянул ее Юристу.

– О, – взяв пачку, тот провел ею около носа. – Богатенький. Еще пришлют?

– Не знаю, если разрешат, – пожал плечами Манаков.

– С Моней подрался, – складывая газету, буднично сообщил татуированный. – Отказался от менки. Определили место у параша.

Юрист окинул Манакова изучающим взглядом, отметив тщательно скрываемую растерянность, напряженное ожидание и жажду общения, поддержки. В глазах новенького затаился страх, мелкий, подленький, – страх одиночки перед уже успевшей сложиться в камере общностью людей.

– Зря, – доставая из пачки сигарету, усмехнулся Юрист. – Парень, по всему видно, свой. Как зовут? Виталий? Можно без отчества, здесь не дипломатический раут. Раз судьбина забросила нас сюда, придется смириться. Моне дашь из передачки что-нибудь получше и курева, а то у него здесь ни одного кореша нет, да и родни не осталось. На этом будем считать инцидент исчерпанным, а у параша ляжет наш старикан. Ему все равно завтра-послезавтра на судилище, потом в собачник – и по этапу. Все!

Обитатели камеры молча выслушали своего старшего и освободили Манакову место в середине нар. Тощий пожилой человек с морщинистой шеей безропотно переместился поближе к параше...

Потянулись долгие тюремные дни, полные вынужденного безделья и мучительной неизвестности, прерываемой вызовами на допросы к следователю. Там Манаков узнал, что Зозуля давно был на примете у милиционеров и его все равно бы арестовали, но тут в поле зрения органов, на свое горе-злосчастье, попал и Виталик. Вспомнилось предостережение шурина – Мишки Котенева. Хотя чего уж теперь? Благо, сестра не забывает, регулярно от нее поступают передачи – сало, чеснок, лук, фирменные сигареты. Все это делил Юрист.

Постепенно Виталий привык к камерному бытию, если, конечно, к нему можно привыкнуть.

Подъем, уборка камеры, очередь к параше и умывальнику; завтрак, игра в шахматы и шашки, надоевшая болтовня с соседями по камере – каждый ежедневно убеждал себя и других, что он лишь несчастная жертва обстоятельств и несколько не виновен в том, что ему пытаются «пришить» бездушные следователи.

Потом обед, тянущееся, как патока, время до ужина, прием пищи, – если ей можно назвать то, что шлепали из черпака в миску, – а там и отбой. Хорошо еще, научился забываться в условной, нарушаемой стонами и храпом тюремной тишине, а в первые ночи никак не мог уснуть, все ждал мести Мони – бродяги и хулигана, неизвестно зачем прикатившего в Москву из города Ташкента, столицы всех бродяг.

Многому научился Манаков и многое узнал. Научился есть то, от чего бы раньше брезгливо отвернулся; научился жить и заниматься своими делами, когда кто-то восседал на унитазе на глазах всей камеры; научился молчать на допросах или изворотливо лгать следователю. И все время мучила, не давала покоя мысль: а что же драгоценный шурина, почему не хочет помочь? Ведь стоит только Виталику открыть рот, и следователь будет готов простить ему многое, если он расскажет хотя бы часть того, о чем даже не догадывается жена Котенева, в девичестве Манакова. Но Виталий молчал и ждал – не может же Мишка напрочь забыть о родственнике.

Узнал Манаков тоже весьма многое – как «опускают», ставя человека на самую низкую ступеньку в негласной внутренней тюремной иерархии, заставляя его делать противное природе полов. Узнал, как переводят «опущенного» в разряд «обиженных» и, приклеив ему этот страшный ярлык, отправляют с ним в зону. А тюремный телеграф работает без перебоев, и все знают все и обо всех – ничего не утаить, ничего не скрыть. Узнал, как надо говорить с адвокатами, чего опасаться на допросах, как скрывать недозволённые предметы при внезапных обысках в камерах...

Менялись обитатели нар, но Юрист оставался – дело его оказалось длинным и запутанным, многоэпизодным, с «картинками», как говорил он. Время от времени на него находила блаж поразглагольствовать на правовые темы, и тогда вся камера с интересом прислушивалась к суждениям старшего...

– Законодатель мудр, – покуривая «Мальборо» Манакова, авторитетно вещал Юрист. – Знаете ли вы, что в проклятой царской империи суды присяжных выносили до сорока процентов оправдательных приговоров? А наши сколько? Ноль целых, ноль десятых. Журналисты пишут в газетках об особых тройках времен культа. Но разве сейчас в суде не та же самая тройка, состоящая из зависимого от властей судьи и неграмотных в правовом отношении заседателей? Адвокаты? А я отвечу – блеф! Внесут в последний день следствия хилое ходатайство, которое через полчаса отклонят. Они не имеют права самостоятельно собирать доказательства, истребовать документ, допрашивать свидетелей защиты и процессуально оформлять их показания, не могут обжаловать действия следователя, отклонившего ходатайства защиты или обвиняемого. А почему? Потому, что у нас процессуальный кодекс лишает возможности защищать свои интересы всех, кто участвует в процессе. В том числе и нас с вами. Вон, Манакову нашли модного адвоката, а тот только бумажки строчит, да жалобно вздыхает. Как пить дать, впяют Виталику срок. На суде огласят резолютивную часть определения, а само определение напишут потом. И жаловаться некому потому, что в законе одно, а на деле совсем другое. Можешь, конечно, дописаться со своими жалобами аж до Верховного суда. Ну и что? Там раз в три месяца собираются солидные дяди для рассмотрения протестов на судебные решения по делам. Но рассматривают до сорока дел сразу! Вылезет какой-нибудь заслуженный правовед на трибуну и бодро изложит другим, сладко дремлющим в креслах, суть дела, а те, открытым голосованием, решат – удовлетворить протест или нет. Никто из них самого дела в глаза не видел и никогда не увидит. О какой презумпции невиновности можно говорить здесь, в камере следственного изолятора? Вернее говорить о презумпции виновности каждого, попавшего сюда.

Манаков слушал и кивал головой – все так, кругом прав Юрист. Адвокат действительно только тяжко вздыхает и репетирует речь, а судебное разбирательство неумолимо приближается

Суд в памяти Виталия почти не отложился – только запомнилось заплаканное лицо сестры, сидевшей в первом ряду, почти рядом со скамьей подсудимых. Ее полные отчаяния глаза неотрывно смотрели на брата, и жалкая улыбка кривила губы.

Судьей была полная пожилая женщина с растрепанным пучком на затылке, сжавшая в нитку и без того на редкость тонкие губы. Прежде чем сесть в судейское кресло с высокой спинкой, она тщательно расправила складки платья – строгого, темного, туго обтягивающего ее расплывшую фигуру.

«Ведь у нее, наверное, есть муж, дети, – внутренне сжавшись от ожидания тягостной процедуры, размышлял Виталий. – Возвращается она вечерами домой, готовит ужин, кормит семью, давится, как все, в транспорте, выстаивает длинные хвосты очередей в магазинах, а по утрам втискивается в траурное платье и едет решать судьбы неизвестных ей людей, которых она, может быть, никогда больше не увидит. Поставит свою подпись под приговором – и решена судьба на много лет. И опять домой? Неужели она может спать спокойно, неужели ей никогда не снятся лица тех, кого она осудила? Возможно, даже к высшей мере? Ведомо ли ей чувство сострадания и жалости или все давно заслонили сухие строчки параграфов и статей? Возник ли некий раздел между тем, что она делает здесь, в зале суда, и тем, как живет за его стенами?»

Заседатели ему тоже не понравились. Слева от судьи сидел худощавый мужчина с повадками отставного военного и рядами разноцветных орденских планок на сером пиджаке. Справа ерзала в кресле молоденькая девчонка с неестественно ярким румянцем на щеках – от волнения раскраснелась или неумеренно нарумянилась?

– Слушается дело... – глуховатым голосом начала судья, и Манаков опустил голову, уставив глаза в плохо помытый пол.

Зачитывали какие-то бумаги – с точки зрения Виталия, совершенно никчемные, – но его адвокат довольно кивал лысаватой головой, тщательно записывая что-то в блокнот. Бездумно следя глазами за быстрым бегом его шариковой ручки, Виталий вдруг почувствовал, что все происходящее вдруг перестало волновать его. Перегорел?

Судья вела заседание в бодром темпе, словно торопилась поскорее отправить Манакова в отдаленные места, освободив себя, присутствующих в зале и огромный город за его стенами от преступившего закон человека.

Речь прокурора была краткой. Говорил он высоким, звонким голосом любимца учителей, хорошо вызубрившего урок. Глядя поверх голов сидящих в зале, он просил суд назначить Манакову срок – пять лет лишения свободы.

Виталий отвечал на вопросы, особо не задумываясь над тем, как выглядит и что говорит, правильно отвечает или делает себе хуже. Допросили свидетелей, зачитали характеристики и объявили перерыв. Сестра рванулась к барьерчику, отделявшему брата от свободных людей, и милосердные конвоиры дали ей возможность перекинуться с Виталием несколькими словами.

После перерыва заседали долго: выступал адвокат, просивший суд о снисхождении с учетом положительных характеристик подсудимого. Он проникновенно говорил о целях и задачах уголовного наказания, должного помочь осужденному осознать вину и твердо встать на путь исправления.

Судья слушала адвоката с непроницаемым лицом, отставник-заседатель морщился, как от зубной боли, и слегка массировал кончиками пальцев левую сторону груди. Молоденькая заседательница прижимала ладони к щекам, и видно было, что ей тоже хочется что-то сказать, но она не решается.

Прокурор иронично улыбался, а сестра, по-прежнему сидевшая в первом ряду, внимала адвокату с видом неопита, приобщившегося к истине. У Виталия создалось впечатление, что защитник выступает специально для нанявшей его сестры, честно отработывая гонорар, но ни на йоту не веря в действенность своих слов.

Суд удалился на совещание, и Манаков почувствовал себя жутко усталым, вконец опустошенным. Хотелось одного – скорее бы все кончилось!

Приговор слушали стоя. Виталий пытался заставить себя сдержать нервную дрожь, судорожно глотал тягучую слюну.

– Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики...

До чего же противный голос у судьи. Отчего она теперь совершенно перестала торопиться, хотя за окнами уже синеет вечер и нормальные люди заканчивают рабочий день? Тянет и тянет слова, будто стремясь отдалить момент, когда произнесет:

– К четырем годам лишения свободы...

– Виталик! – Сестра зарыдала в истерике.

Манаков закаменел. В голове вертелись цифры: он пытался сосчитать, сколько же это будет дней, но никак не получалось – мешало нечто непонятное, все время отбрасывавшее его назад, к словам «четыре года лишения свободы». Полторы тысячи дней? Как долго придется жить за проволокой, где свои законы и понятия о целях и задачах наказания, совершенно отличные от писанных на бумаге людьми, никогда не хлебавшими тюремной баланды...

Этап для отправки в колонию общего режима собрали на удивление быстро. Очередной медосмотр – и вот поздно вечером Манакова вывели и под конвоем доставили из пересылки на глухой, скрытый от посторонних глаз перрончик железнодорожного узла на Красной Пресне. Там уже стоял спецвагон, а с ним другой конвой. Вагон прицепили к нужному поезду, направлявшемуся к Уральским горам, и осужденный Виталий Николаевич Манаков поехал к месту отбывания наказания.

Дорогой, оказавшийся с ним в одной клетушке старый бродяга-алкоголик, делился воспоминаниями об ЛТП, где ему довелось побывать «на лечении».

– Худо, – показывая в жалкой улыбке синеватые беззубые десны, доверительно жаловался он Виталию. – Водочки, знаешь, как хочется? Аж скулы сводит, и дрожь. А тебя обыскивают, жратву, какая от родни передана, силком отбирают. Голодно. Работашь частенько по двенадцать часов, а только заерепенился, попробовал права качать, так вгонят насильно двадцать кубиков сульфазина и «задеревенел». Не приведи господь, так лечиться. Выходных, почитай, и не бывало, а вечером, того и гляди, на «продленку» погонят, то бишь на сверхурочные. Но денежек, какие ты заработал, если начальство прижало задницей картотеку и «сидит» на ней, и не думай потом получить!

– Но там же не тюрьма? – удивился Манаков.

– Не тюрьма, – горестно вздохнув, согласился бродяга, – однако, иные ЛТП похуже, чем крытки.

– Чего? – не понял Виталий.

– Крытка – тюрьма значит, – с усмешкой пояснил невольный попутчик. – Ты лучше скажи, чего делать умеешь? Без рукоделия, парень, в зоне худо. Я вот, к примеру, раньше художником по металлу был, потому надеюсь нормально пристроиться. Чеканку отобью для клуба или начальника отряда, замполиту помогу стенгазетки нарисовать на три года вперед. За это мене и пачка чайку перепадет, и сигареток дадут.

– Ничего не умею, – отвернулся к решетке двери Манаков.

– Худо, – опять вздохнул бродяга, устраиваясь подремать...

В зоне опять медосмотр, неизбежный изолятор – для карантина. Холодно, голые, давно не крашенные стены, остывший суп из вонючего сала, который хочется выплеснуть в парашу, но приходится есть, чтобы не потерять силы. Изучение правил внутреннего распорядка учреждения, тоска, бессонные ночи, заглядывающие в узкое, зарешеченное оконце чужие колючие звезды и злобный лай сторожевых собак.

Через десять дней он попал в отряд, получил место на двухъярусных нарах и «прописку» – ночью потихоньку вставили между пальцев ног скрученные жгутиками бумажки и подожгли, устроив новичку «велосипед».

Вскоре его зачислили в разряд «мужиков», покорно тянущих лямку и не примыкающих ни к активу – группе осужденных, входивших в секцию профилактики правопорядка, ни к верховодившим в отряде «культурным мальчикам» – крепким ребятам с накаченными мышцами, исповедовавшим культ грубой физической силы. Все теплые места – в каптерке, банщиком, нарядчиком, – были захвачены ими, и зачастую офицеры прислушивались к мнению этой группы, своими методами помогавшей им держать отряд в повиновении. И вообще, отрядные офицеры с осужденными старались почти не общаться, опираясь на бригадиров и завхозов. Не общались до тех пор, пока осужденный не совершит проступок. Тогда, в наказание, – шизо, – штрафной изолятор, или ПКТ – помещение камерного типа. Близкие к начальству не забывали выдвинуть себя на доску передовиков, что казалось Манакову жутким извращением и кощунством – зона, осуждение и Доска почета? – внести свои фамилии в список на поощрение, получение разрешения на свидания.

Посылки, приходившие от сестры, как правило, отбирали «мальчишки», но Виталий не пытался вступить с ними в конфликт: он видел, как заставляют выполнять норму за себя, принуждают к гомосексуализму. Однако нервы начали сдавать, он понимал, что может не выдержать, сорваться, и тогда неизвестно как повернется все дальше. Оставалась единственная надежда – сестра может уговорить, умолить своего муженька, а у того есть связи. Он должен хоть чем-то помочь: перевести на хорошее место, замолвить слово перед начальством. Но как дать знать сестре, как попросить ее о помощи?

Начинаешь в редкие свободные минуты писать письмо, а в голове бьется мысль, что все твои послания пройдут через чужие руки. Как забыть об этом? Да и скажешь ли все в письме? Получить свидание? Практически несбыточная мечта – кто же его даст, если не можешь выбиться в «передовики», не получается контакт с начальством, которое похоже маленько сдвинулось умом от многолетнего общения с эсками. А войти с начальством в контакт, не одобряемый другими осужденными, и того хуже...

Но ведь он смолчал, ни разу не вякнул о Мишке – «никого не взял с собой», как говорят в зоне, Неужели Котенев этого не оценит? Где же выход?

В производственной зоне он долго присматривался к Вороне*г Гришке Анашкину, прозванному так за разлапистую походку, напоминавшую походочку помойной птички-санитара. У Гришки уже начали отрастать волосы – через месячишко выйдет на свободу и вернется в Москву. Статья

у него не слишком тяжелая – угон транспорта, дадут прописку. Краем уха Виталий слышал, что Ворона не столь уж безобиден и был связан с серьезными людьми, промышлявшими перепродажей краденых автомашин. Но, попавшись, Анашкин никого не выдал и в зоне пользовался определенным авторитетом. Конечно, Гришка груб, хамоват, но раньше него никто из зоны не выйдет. Рискнуть?

Анашкин знает с контролерами – те, втихую, снабжают его чаем, из которого, используя тщательно скрываемые от чужого глаза самодельные кипятильники, варят чифир. С воли иногда тоже «подпитывают», перебрасывая через забор зоны грелки с вином, – не просто так ведь это делают? А Гришка и здесь на первых ролях. Но кому еще довериться?..

Решиться на разговор Манаков смог только через неделю. В производственной зоне, где заключенные изготовляли ящики для упаковки каких-то деталей, он, уловив момент, подошел к Вороне:

– Есть разговор.

– Ко мне? – Григорий в недоумении повернул голову: какой еще разговор может быть к нему у этого «мужика»? Но тем не менее отошел в сторону. – Чего тебе?

– Хочу попросить об услуге: надо позвонить одному человеку в Москве и, если удастся, встретиться с ним.

– Зачем? – Анашкин заинтересовался, достал сигару ты и даже угостил Виталия, чего раньше никогда не делал.

– Расскажи ему, как прекрасно живется в нашем санатории, – грустно усмехнулся Манаков. – Он должен мне помочь.

– Бона, – ощерился Гришка. – Ну, во-первых, ничего не делается «за спасибо». Осознал? А во-вторых, этот твой друг свободно может послать меня.

– Не пошлет. Скажешь ему, что я никого не взял с собой, хотя мог это сделать. И тебе этот человек заплатит.

– Сколько? – быстро спросил Анашкин.

– Много, – прикрыл глаза Манаков. Он блейфовал, не зная, как отреагирует на неожиданный телефонный звонок Котенев.

Ворона задумчиво курил и, казалось, совсем забыл о стоявшем рядом с ним Виталии. Наконец, Анашкин бросил в жестяную урну окурки:

– Так, ты говоришь, хорошо заплатит?

– Да! Главное, позвонить и сделать все так, как я прошу, – многозначительно понизил голос Виталий. На Гришку должно подействовать: ум у него недалекий, зато жаден без меры.

– Записывать телефон нельзя, – задумчиво протянул Анашкин. – Обшмонать могут. Найдут бумажку – и все пропало. Давай говори, попробую запомнить...

В очередь на обшмон при выходе из производственной зоны, – контролеры искали запрещенные предметы, опасаясь, чтобы кто-нибудь из осужденных не пронес с собой заточенную отвертку или нечто подобное для использования в ночных «разборах», происходивших время от времени в бараках, – Манаков специально встал за Вороной. Уставив глаза в немую шею Анашкина, думал, правильно ли поступил, доверившись ему. А что остается делать? Ждать? Чего? Пока окончательно превратиться в скота, или когда «мальчики» переведут тебя в разряд «обиженных», сломают или доведут до последней стадии отчаяния? Ждать, когда будет освобождаться более приличный человек, чем Ворона?

«Приличный, – горько усмехнулся своим мыслям Виталий. – Оглянись вокруг, идеалист! Где здесь приличные люди? Все, в том числе и ты, названы самым гуманным в мире судом преступниками, и каждому отмерено за содеянное полной мерой. Один украл, другой угнал чужой автомобиль, что равносильно хищению, но, по непонятным причинам, квалифицируется законом – вернее, людьми, написавшими этот закон, – как «завладение» транспортом без цели хищения. Сзади согит хулиган, именуемый на жаргоне «бакланом», испугавшийся голым в фонтане на центральной площади города, за ним стоит пьяница-дебашир, надевший на голову соседу помойное ведро. Хочешь отыскать среди них приличного? Нет уж, если и ждать, то только ответа с воли, когда проклятый Анашкин доберется наконец-то до Москвы и позвонит Котеневу».

Пройдя уже ставшую привычной процедуру обыска, когда по тебе настырно шарят чужие, сноровистые, как у профессионального карманника, руки, Виталий вышел из производственной зоны. Человек ко всему привыкает, даже, говорят к повышенному уровню радиации. Но стоит ли привыкать к насилию над собой; пусть даже с благословения закона? Нет, он привыкать не желает и сделает все, чтобы облегчить собственную участь.

В ночь перед освобождением, Анашкин не сомкнул глаз. Уже отдана приятелю новенькая роба, уже почти со всеми обо всем переговорено и не по одному разу, во всех подробностях обсуждено, что выпить на воле и чем закусить, какого фасона и цвета справить брюки и какую завести бабю. Даже придурок Манаков несколько раз напомнил номерок телефона, который Григорий и так крепко запомнил – авось пригодится, ведь жизнь штука круглая: сегодня ты пан и при деньгах, а завтра гуляешь босиком.

Все, завтра кончится этот кошмар, когда на улице минус тридцать, а в производственной зоне гуляют злые сквозняки, но санчасть не освобождает от работы, если у тебя нет температуры «тридцать восемь», и ни одного санинструктора в отряде. Перестанут делать замечания за плохое пение в хоре, да еще материть при этом. Брань, конечно, на воротах не виснет, а петь он с детства не умеет. Но кого это интересует? Отрядного, капитана Михалева? Черта с два!

Прощай принудительная утренняя гимнастика в любую погоду, хождение строем, никогда не открывающиеся одновременно двери, хмурые контролеры, зануда замполит, хитроватый «кум» – оперативник, недоступный начальник колонии, соседи по барaku, обрыдшие нары и вьезший во все поры запах свежих стружек в производственной зоне. Так и чудится, что целыми днями не ящики там сколачиваешь, а ладишь коробочку для себя.

До утра Анашкин пил чифир с приятелями и говорил, говорил без умолку – не так, как для потехи заставляют по ночам говорить разных додиков, принуждая рассказывать во всех подробностях о связях с женщинами, – а хмелея от собственных речей и близости желанной свободы. Пусть все завидуют ему, как он недавно завидовал другим, справлявшим праздник последней ночи в зоне, если, конечно, это тайное пиршество можно назвать праздником. Он теперь выше всех, остающихся здесь; он отбыл свой срок и выйдет завтра за ворота.

Утром, чуть пошатываясь от усталости, Григорий пришел в сопровождении контролера в клуб. Предстояло переодевание в гражданскую одежду. Получив свои вещи, присланные из следственного изолятора, Анашкин придирчиво осмотрел их: взяла его милиционеры осенью, а сейчас поздняя весна, тепло – и куртка не нужна. Он аккуратно свернул ее – свое ведь добро, не дядино. Переодевшись, потоптался на месте и, пройдясь туда-сюда между рядами стульев, решил – сойдет. Брюки нормальные, только слегка помяты, воротник рубашки можно не застегивать.

Провели к начальнику колонии. Он подал Анашкину руку, предложил присесть и сухо осведомился о планах на будущее. Опустив голову и глядя в пол, чтобы не встречаться взглядом с начальником – средних лет седоватым майором, – Григорий буркнул, что намерен поехать домой, в Москву. Там у него есть тетка. Да, конечно, гражданин начальник может ни минуты не сомневаться – сразу по приезде Анашкин отправится в отделение милиции и подаст документы на прописку, а как только получит заветную красную книжицу, тотчас пойдет устраиваться на работу. И урок, полученный по собственной глупости, он тоже никогда не забудет. Как говорится? «на свободу с чистой совестью».

Сказав это, Гришка понял, что несколько переборщил – майор недовольно поджал губы.

– Не паясничайте, Анашкин, – вздохнул он, – вам, теперь действительно надо хорошенько подумать, как жить дальше.

Потом майор долго наставлял выходящего на свободу осужденного. Ворона беребил лежавшую на коленях куртку и молча слушал, в нужных местах привычно кивая в знак согласия.

Наконец, распрощались. С чувством облегчения Анашкин отправился в канцелярию – получать билеты и деньги на дорогу. Там же предстояла и другая приятная процедура – оформление перевода заработанных в зоне денег на книжку в Сбербанк по месту будущей прописки.

«Общакowej кассы» – подпольного банка осужденных, создаваемого в целях оказания помощи освобождающимся и поддержания заключенных, – в зоне не было: администрация твердо следила за тем, чтобы не возрождались старые воровские традиции. Поэтому деньги – это дело, на первое время хватит.

Но вот и эта процедура закончена. Сунув в карман документы, Ворона обвел глазами стены канцелярии, казенные портреты на стене, столы с бирками инвентарных номеров, стандартные металлические шкафы и усмехнулся – все, прощайте, отмучился Григорий Елизарович Анашкин. Теперь выйдет отсюда уже не гражданин, а товарищ Анашкин, имеющий право избирать и быть избранным, вновь располагающий собой по собственному усмотрению и вольный принимать любые решения в отношении своей будущности.

Выводил его к проходной отрядный – капитан Михалев, донельзя опротивевший Гришке за время отбывания срока. Но провожатых к свободе здесь не выбирают, и пусть капитан откроет ему заветные ворота в рай. Капитан шагнул к проходной неспешно, поскрипывая разношенными сапогами, в которых ходил зимой и летом. Шагнул, сохраняя на лице невозмутимое выражение, но, дойдя до первой внутренней двери проходной, обернулся:

– Все, Анашкин, прощаемся. Надеюсь, навсегда?

– Все, – согласился Григорий, – прощайте...

В душе он пожелал капитану того, о чем не мог сказать вслух, но душа требовала, и он мысленно высказал Михалеву все, что о нем думает. Хорошо еще, отрядный не экстрасенс, о каких пишут теперь в газетах. Правда, заметив какую-то тень, мелькнувшую в глазах Анашкина, капитан на мгновение задержал его руку в своей, и это мгновение показалось Вороне вечностью.

Последняя мелкая формальность – и открылась другая дверь. Прищурившись, как от яркого солнечного света, Анашкин шагнул за порог и остановился на крылечке перед тремя щербатыми ступеньками, не решаясь спуститься. Какой он будет, его первый шаг по вольной земле?..

Глава 3

Ужинали, как всегда вдвоем. Приняв поданную женой тарелку, Михаил Павлович благодарно кивнул и, не отрываясь от газеты, начал есть тушеное мясо. Лида положила себе и уселась напротив.

– Ты бы хоть дома поел спокойно, – попросила она.

– Да... – Котенев раздраженно отбросил газетный лист. – Пишут, пишут, когда в стране не хватает самых элементарных вещей!

Лида не ответила. Конечно, муж как всегда, прав – плохо в детских домах, плохо с продуктами, устанешь перечислять, с чем плохо или недостаточно хорошо... Но, честно говоря, мысли ее были заняты другим. Она видела, чувствовала, знала, что муж ее, утратив надежду иметь детей, замкнулся, перестал об этом говорить и постепенно отдалялся от нее. Прежних отношений не было. Была привычка и привычное раздражение. Тягостно... А еще сидит занозой другая боль – брат Виталий. Случившееся Лида считала трагическим стечением обстоятельств и не могла примириться с услышанным на суде – нет, ее брат – не такой!

Глядя, как Михаил размешивает в чашке сахар, Лида сказала:

– Вчера Виталик письмо прислал. – Сказала и напряглась, ожидая ответной реакции мужа.

– Что же он пишет? – иронично хмыкнул Котенев. – Дают ему, наконец, свидание? Поедешь? Только скажи заранее, я позвоню, закажу билеты.

– Нет, свидания ему по-прежнему не дают, – Лида почувствовала, что начинает заводить: почему Михаил иронизирует? Он равнодушен к ее страданиям, равнодушен к несчастному Виталию. Какая жестокость! – Я столько раз тебя просила, умоляла. – Губы ее начали кривиться и дрожать, хотя она старалась сдерживаться, – Неужели ты не можешь ему помочь? Или не хочешь? Сейчас даже церковников пускают в тюрьмы, проявлять милосердие к несчастным...

– Ну, знаешь ли! – Муж вскочил и начал мерять кухню шагами. – Связаться с валютой?! зачем ему надо было добывать эти грязные бумажки, чтобы перепродать их такому же нечистоплотному проходимцу, только иной породы.

– Как ты можешь? – с ужасом глядя на него, Лида прижала кончики пальцев к вискам. – Миша!

– Что, Миша? – упреком кулаки в бока, остановился напротив нее муж. – Что? Он опозорил нас! С какими глазами я должен отправляться к солидным людям на поклон и просить за него, тем более сейчас, в наше-то время? Что я скажу? Что мой близкий родственник, брат моей жены в тюрьме?

– Миша, не говори со мной так, пожалуйста.

– Ага, не говори, – распалился Котенев. – Ты, наверное, плохо понимаешь, на что хочешь меня толкнуть? Я должен трепать свое честное имя, поставив его рядом с именем осужденного преступника?

– Не смей так говорить о моем брате! – тонко вскрикнула Лида. – Слышишь? Не смей! Он просто несчастный человек!

– Вот как? – издевательски поклонился Котенев, – бедненький, несчастненький...

Сунув руку за отворот пиджама, он начал массировать левую сторону груди, плаксиво сморщив полнощечное лицо. – Пойми, я не могу, – тихо сказал Михаил Павлович.

– Не могу поставить себя в ложное положение, понимаешь? У меня ответственный пост, я долго и тяжело работал, чтобы добиться положения в обществе, и теперь вдруг всем станет известно, что мой родственник – валютчик. Да об его художествах надо молчать в тряпочку. Я же не возражал против посылок? Хоть каждый день посылай, отправляй все: икру, кофе, сигареты, туалетную бумагу, наконец. Но просить, уволь!

– Миша, я готова на коленях умолять. Ты мне скажи только, кто сможет решить все, я сама...

– Прекрати, – зашипел Котенев, тяжело опускаясь на стул. – Запрещаю тебе говорить на эту тему. Могу я хотя бы дома иметь покой? Или мне превратить собственную кухню в филиал приемной Верховного суда? Хватит!

Он звонко хлопнул ладонью по столу и ушел. Лида услышала, как скрипнули дверцы платяного шкафа – Михаил одевался. Значит, опять будет пропадать где-то до утра? Боже, нет никаких сил больше это терпеть, но и остановить его нет сил.

Не сказав жене ни слова, Котенев оделся и вышел из квартиры. К чертям, надоело! Разрыв вполне назрел, и бесконечные скандалы, слезы, просьбы за брата-дурака, вляпавшегося в историю с валютой, только ускоряют его. Михаил Павлович и без того пережил массу неприятностей с этим делом и не раз ругал себя последними словами, что хотя бы краем позволил Виталию заглянуть в собственные дела – стоило тому только открыть рот на следствии и... Обошлось, слава богу, сообразил, дубина, что лучше сидеть за меньшее...

Спустившись вниз, Михаил Павлович сел в машину, включил мотор, чтобы немного прогреть его, и закурил. Сейчас, наверное, супруга рыдает на кухне, уронив голову на стол. Нет, к черту! Он плавно тронул с места. Отъехав недалеко от дома, притормозил у телефона-автомата. Набрал знакомый номер. Долгие гудки, потом щелчок:

– Алло?

– Танечка? – ласково пропел Михаил Павлович. – Я сейчас буду, минут через двадцать...

Знакомство Котенева с Татьяной Васильевной Ставич состоялось совершенно случайно. Отправляясь на очередное совещание к смежникам, Михаил Павлович не предполагал, что в этот день в его личной жизни произойдут изменения, со временем преобравшие характер необратимых. Когда ему представили Татьяну Ставич – нового экономиста у смежников, – Михаил Павлович только скользнул по ее лицу равнодушно-приветливым взглядом и одарил молодую женщину дежурной улыбкой. И тут же забыл о ней, вежливо кивнув и отойдя для разговора с главным инженером.

Второй раз они встретились тоже по делу – Котенев приехал отстаивать интересы своего объединения. Директор пригласил для разговора главного инженера и начальника планового отдела, вместе с которым пришла Татьяна Васильевна. Сидя напротив нее за широким и длинным столом в директорском кабинете, Михаил Павлович получил возможность приглядеться к новому экономисту – высокая грудь, красивые глаза, умело наложенный грим. Неброская, но очень привлекательная, уютная и располагающая к себе женщина. Однако Котеневу хватило ума понять, что она не из тех, кто готов на долгие, ни к чему не обязывающие связи. Она не станет благосклонно принимать подарки-откупы при расставании, одновременно подыскивая новый вариант. Нет, она явно не из таких, и надо ли затеваться, топтаться вокруг и распускать крылья? Слава богу, пятый десяток разменял, повидал кое-что в жизни.

Месяц или два они не виделись – не было причин ездить к смежникам, и все ограничивалось телефонными звонками, а на проходивших на «нейтральной почве» совещаниях Ставич не присутствовала. К тому же в семье начались нелады, выяснилось, что Лида серьезно больна, и это просто подкосило Михаила.

Когда Лиду в очередной раз положили в больницу на обследование, Котенев промаялся несколько дней, потом решился и набрал номер служебного телефона Татьяны Васильевны. Растягивая слова, сбиваясь и ругая себя за нерешительность, Михаил Павлович пригласил ее поужинать. К его удивлению, она согласилась.

В ресторане он сунул метру четвертную и получил столик на двоих, заказал ужин и, – неожиданно для себя, – начал выкладывать Ставич все как на духу: пронеудачную женитьбу в молодости, долгое одиночество, счастливо обретенную Лиду и про ее ужасную болезнь, лишившую их надежды иметь детей.

Татьяна слушала не перебивая. Не кокетничала, не строила из себя черт знает что, а приняла его исповедь просто и естественно, словно они были добрыми знакомыми или случайными попутчиками, когда скорое расставание как бы усиливает порыв искренности. Она тоже рассказала о себе: недолгое и неудачное замужество, детей не было, разменялись, и живет теперь одна. Сама родом не из Москвы, дома остались родители, и вообще, ее жизнь – как у среднестатистической Марии Ивановны.

– Почему Марии Ивановны? – не понял Котенев.

– Я так называю обобщенный социальный портрет нашей женщины, – засмеялась Татьяна. – Знаете, однажды «Комсомолка» перепечатала заметку из «Ньюсуик» о некоей средней американке Мэри Смит: рост, вес, длина юбки, доход более семнадцати тысяч долларов в год, свежие фрукты, покупки и так далее. Так вот, мой средний доход куда меньше, а покупательная способность рубля и доллара резко отличаются. Позволить себе купить приличное платье можно раз в три года, поскольку надо еще пальто, сапоги, плащ, надо есть, платить за квартиру, подоходный налог и тому подобное. А про свежие фрукты я вообще молчу. Поэтому и говорю о средней Марии Ивановне, имеющей небольшую квартиру и жестко экономящей на всем, вынужденной рукодельничать по вечерам, чтобы сохранять приличный внешний вид...

После того вечера они начали встречаться, тщательно скрывая это от всех. Через год Татьяна родила ему дочь. Михаил Павлович зарегистрировал ребенка на свою фамилию, но настоял, чтобы девочку отправили к родителям Ставич. Если выдавалась свободное время, они вместе ездили на машине проводить дочку, скрывая и от Татьянинных родителей, что не состоят в браке. Он видел, как двойственное положение тяготит ее, да и Лида о чем-то догадывалась, но не находил в себе сил оборвать семейные узы, а Татьяна терпела и не подталкивала его. Он умасливал ее подарками и деньгами, завалил роскошными игрушками дочь, а на душе день и ночь скребло – ну когда же ты, наконец, решишься? А тут еще посадили брата Лиды, занявшегося валютными операциями. Жена была просто не в себе, и он серьезно опасался за ее психическое состояние. Так и жил на два дома, разрывая сердце на части...

Татьяна встретила его в длинном черном халате с вышитой на груди фиолетовой розой. Поцеловав ее в шею и ощутив запах духов, он в который раз дал себе слово решиться переехать к ней окончательно.

– Поужинаешь? – Она подала ему тапочки.

– Нет, пожалуй, только чаю.

На кухне Котенев с удовольствием принял из ее рук чашку и почувствовал, что он дома, в тихой обители, защищающей от любых невзгод. Татьяна рассказывала о своих новостях, а он, мелкими глотками прихлебывая чай, наслаждался покоем.

Завонил телефон, и Михаил Павлович досадливо повернул голову – как некстати. Татьяна сняла трубку и, недоуменно подняв тонкие брови, сказала:

– Это тебя. Какой-то мужчина...

– Да, я слушаю.

– Извините за беспокойство, уважаемый Михаил Павлович, – голос был явно незнаком, – но не хотелось беспокоить вас на работе или дома. Поэтому пришлось позвонить сюда.

– Кто это? – поинтересовался Котенев. – Что вам надо?

– Вас беспокоит Лука Александриди. Хотелось бы с вами встретиться, предположим завтра, и обсудить некоторые взаимноинтересные вопросы. Надеюсь, не откажетесь?

– По-моему, мы не знакомы?.. – Михаил Павлович тянул время, пытаясь догадаться, кем инспирирован этот телефонный звонок. Жена отпадает: она уже получала анонимные письма и даже с фотографией, на которой были Михаил, Татьяна и их маленькая дочурка. Конечно, не обошлось без слез, упреков и скандалов, даже пришлось уезжать из дома, чтобы не присутствовать при очередной истерике. Тогда кто? Партнеры по «деловым играм»? Им-то зачем, они давно и хорошо знают друг друга. Милиция или более серьезное ведомство? Нет, те предпочитают действовать иными методами. Но кто же тогда? – Как вы получили номер телефона, от кого?

– Что мы пока не знакомы, верно – с готовностью согласился Александриди. – А насчет номерочка позвольте оставить вопрос открытым. Считайте это маленькой тайной.

– Вот как? – несколько озадаченно отозвался Михаил Павлович. – О чем вы хотите переговорить и где?

– У меня есть к вам ряд предложений. А встретиться я предлагаю на нейтральной площадке. Предположим, в «Арбате», часов в семь. Устроит?

– Возможно. Оставьте номер своего телефона, я вам перезвоню и скажу, буду ли свободен в это время.

– К сожалению, я гость столицы и звоню из автомата, – вздохнул Александриди. – Поэтому и хочу договориться заранее.

– Допустим, я приеду, но как вас узнаю?

– Все предельно просто: подходите к метру, и он вас проводит к столику. И еще, хочу заранее попросить о маленьком одолжении. У меня множество дел, потому могу несколько запоздать. Не откажите в любезности подождать минут десять – пятнадцать. В таком случае простите заранее.

– Хорошо, – решил Котенев...

Утром, приехав на службу, Михаил Павлович долго раздумывал: позвонить ли жене? Решившись, он все же позвонил, поговорив с ней довольно сухо и ничего не объяснив – такой тон уже вошел в привычку, да и она старалась сохранить на работе реноме замужней женщины и была сдержанна. Мы вообще давно приучили женщин к тому, что они считают себя счастливыми только в том случае, если у них есть штамп в паспорте о регистрации брака и диплом о высшем образовании. Но счастливы ли они на самом деле?

С облегчением положив трубку, Михаил Павлович вытер вспотевший лоб и закурил – одно тяжелое дело свалено с плеч. Теперь надо решить еще один вопрос – ехать сегодня на встречу с неизвестным Лукой Александриди?

Неожиданный звонок, неизвестный человек, подозрительно странные условия встречи, да еще предупреждение о возможном опоздании. Почему-то это вызывает чувство беспокойства и тревоги. В то же время любопытно, какие предложения хочет сделать невеста откуда появившийся гость, добывший телефон тайного убежища Котенева – Татьяна Ставич была его тайной, оберегаемой от всех. Правда, судя по письмам, полученным женой, информация давно просочилась, но этот-то как узнал?..

Придвинув к себе бумаги, Котенев погрузился в чтение, потом звонил по телефону, обедал в маленьком зале для руководства, обсуждая с равными по рангу текущие дела и недоумевая – отчего у нас считается хорошим тоном даже за обедом говорить о производственных проблемах? После обеда опять завертела текучка, позвонила Татьяна, сказала, что дочка приболела и она поедет к родителям дня на два. Это было неприятно – придется вернуться домой, к Лиде.

От дел он оторвался, когда в приемной затих стук пишущей машинки, – неужели уже шесть? Да, действительно, шесть часов.

Ну что – ехать на встречу в «Арбат» или послать Луку Александриди по известному адресу? Если ехать, то, наверное, надо позвонить Лиде, предупредить, что задержится. С другой стороны – начнется тягостный разговор, а дома все равно предстоит объясняться. Не лучше ли отложить противное и неизбежное мероприятие на поздний вечер, когда можно будет завалиться на кровать и повернуться к супруге спиной? Собрав со стола бумаги, Котенев открыл сейф, положил в него папку и закрыл дверцу. Немного подумав, вновь открыл ее и достал небольшой японский диктофон. Проверив, есть ли в нем кассета с пленкой, опустил коробочку в карман пиджака...

Найти место на стоянке оказалось делом сложным, и Михаил Павлович покружил, высматривая, где бы поставить машину. Наконец, припарковавшись в переулке, отправился к ресторану. Поднявшись по ступенькам, Котенев вошел в вестибюль. По лестнице вниз – путь в «Лабиринт», а двери верхнего зала «Арбата» слева. Отыскав взглядом метра, он направился к нему:

– Мне здесь назначено свидание.

– Минутку, – молодой метр достал блокнот и перелистал страницы, – фамилия ваша?..

– Котенев.

– Да, пожалуйста. Прошу!

Он повел гостя к столику у окна и предупредительно подвинул стул. Михаил Павлович сел. Пока все идет так, как договорились. Шустрый официант принес закуски и бутылку коньяка. Признаться, у Котенева до последней минуты имелись сомнения, он думал, что метр недоуменно вытаращит глаза в ответ на вопрос. Однако, Александриди похоже совсем не шутник? На столике появилась копченая осетрина, тонко нарезанный лимон, салаты, мясное ассорти, икра, зелень.

– Скажете, когда подавать горячее? – доверительно наклонился официант.

– А что можете предложить?

– Сегодня хорошая говядина. Рекомендую и цыплят.

– Ладно, – небрежно махнул рукой Михаил Павлович. – Откройте пока минеральную.

Вяло пожевав осетринки и запив ее минеральной, – коньяк пить не хотелось, да и за рулем все же, – Котенев оглядел зал. Обычная публика: приезжие из Закавказья, размалеванные девки, компания пожилых людей, видимо, отмечавших какое-то торжество, многие столики еще не заняты. Сам зал – длинный, стеклянный, неуютный – напомнил ему зал ожидания аэропорта. Сравнение царапнуло по душе, напомнил о Виталии Манакове: ведь дурака поймали именно в аэропорту.

Михаил Павлович знаком подозвал официанта – теперь ясно, над ним подшутили и заставят раскошелиться за роскошный ужин. Кто это мог сделать: Рафаил или Саша Лушин? Как близкие и наиболее доверенные компаньоны, они знали телефон квартиры Ставич, правда, никогда туда не звонили.

К удивлению Котенева, официант взять деньги отказался:

– Все оплачено, не беспокойтесь. Заходите к нам еще.

– Непременно, – пообещал Михаил Павлович.

Уже половина восьмого, даже без двадцати восемь, сколько еще можно ждать? Если Александриди так надо с ним увидеться, пусть приходит вовремя. Через заполнившийся посетителями зал он шел неспешно, втайне надеясь, что Александриди вот-вот объявится, подойдет с извинениями – любопытно все же, чего он хочет? Котенев даже постоял немного в дверях, наблюдая, не направится ли кто к оставленному им столику?

Остановившись на ступеньках подъезда, Михаил Павлович достал сигареты, закурил и хотел уже сойти вниз, но увидел притормозившую около тротуара черную персональную «Волгу» и выезжающего из нее Сергея Владимировича Курова. Встретаться с ним не очень хотелось, и Котенев заторопился уйти, но глазастый Куров его уже заметил и раскинул руки в стороны, словно готовясь обнять.

Подойдя, он пожал Котеневу руку и улыбнулся:

– Гуляем?

– Да так, – уклончиво ответил Михаил Павлович.

– А я думал, собрались поужинать или уже вкусили от благ сего заведения, – посмеялся Сергей Владимирович, беря Котенева под руку. – Еду мимо, гляжу – стоит на ступеньках.

– И решили остановиться? – покосился на него Михаил Павлович. С чего бы вдруг вечно торопящемуся по делам Курову останавливать машину и высаживаться, заметив стоящего у входа в ресторан знакомого? Темнит, Сергей Владимирович.

– Нет, не решил, – обезоруживающе улыбнулся Куров. – Просто совпадение – в машине что-то стучит. Водитель решил ехать ремонтироваться. Думаю, выйду около стоянки такси, а тут заметил вас и вспомнил, что Михаил Павлович никогда не ходит пешком. Вы за рулем?

– Стало жалко денег и хотите попросить подвезти? – не удержавшись, съязвил Котенев.

– Угадали, – Сергей Владимирович скорчил покаянную мину, – ну правда, Михаил Павлович, что вам стоит? Подбросьте.

– Вы домой? – с деланым озабоченным видом поглядел на часы Котенев.

– Не угадали. У меня небольшое дельце неподалеку отсюда, и долее, чем на десять – пятнадцать минут, я вас не задержу.

Он просительно заглянул в глаза Котеневу и снова улыбнулся. Михаил Павлович обреченно вздохнул:

– Хорошо, поехали. Только придется немного пройти пешком – машину я оставил в переулке.

– Какой разговор? Куда, направо?

Дорогой Куров болтал о каких-то пустяках, вспоминая общих знакомых и пересказывая состоявшийся у него сегодня разговор с одним высокопоставленным чиновником. Михаил Павлович вежливо кивал и думал о своем – будет еще звонить Александриды или нет?

Увидев собственные «Жигули», Котенев не поверил глазам – за рулем его машины сидел незнакомый человек, а из выхлопной трубы вился синеватый дымок, свидетельствующий, что двигатель работает. Угонщик?!

Михаил Павлович рванулся вперед: надо задержать вора, пока тот не тронулся с места. И как только умудрился найти секретку и включить зажигание? Подбежав к машине, он рванул дверцу водителя, но она была заперта изнутри.

– Открывай! – не помня себя, заорал Михаил Павлович, но почувствовал, что его сзади крепко прихватили за локти.

Недоуменно оглянувшись, он увидел двух рослых парней. Один, нахально подмигнув, свободной рукой открыл заднюю дверь машины и предложил:

– Садись.

Еще больше удивительным было то, что Куров, спокойно обойдя машину, сел на заднее сиденье и позвал Михаила Павловича:

– Действительно, садитесь, поехали.

– Пустите, – рванулся Котенев, но парни не выпустили, а легко подтащили к машине и впихнули внутрь.

Заставив Михаила Павловича потесниться, на заднее сиденье влез один из парней, фамиллярно обняв Котенева тяжелой лапой. Второй сел рядом с водителем. Тот немедленно тронул с места и лихо вырвался на оживленную трассу.

Котеневу вдруг стало смешно – ну разве не глупый сегодня день? Даже идиотский: сначала несостоявшаяся встреча с телефонным анонимом, назвавшимся Лукой Александриды, затем случайная встреча с Куровым, чужой человек за рулем «Жигулей», поездка неизвестно куда. Ну шуточки у Сергея Владимировича.

– Это что, похищение? – повернувшись к Курову, с натянутой усмешкой спросил Михаил Павлович.

Ему никто не ответил. Незнамец за рулем уверенно гнал «Жигули». Лежавшая на плече Котенева лапа чутко сторожила каждое его движение, а Куров смотрел в окно. Михаил Павлович притих, поняв, что рассказывать о сегодняшнем приключении ему вряд ли захочется, даже если представится такая возможность...

Глава 4

Долго петляли среди одинаковых кварталов Теплого Стана, пока не остановились около подъезда ничем не отличавшегося от других дома.

– Пошли, пообщаемся, – миролюбиво предложил Куров. – Звонили по моей просьбе, но, извини, надо было проверить, какотреагируешь. А на людях, в кабаке, какой разговор?

– Значит, Лука Александриды, это вы? – приободрившись, недоверчиво хмыкнул Котенев. – Занятно.

– Нет, не я, – вылезая из машины, ответил Куров.

Светлоглазый нахальный парень, сидевший рядом с Михаилом, слегка подтолкнул его плечом – давай, не задерживайся, когда тебя приглашают. Котенев недовольно покосился на него, однако смолчал и послушно вылез.

– Машинака твоя будет в целости, – успокоил Сергей Владимирович и, взяв Котенева под руку, повел к подъезду.

Вошли, дождались лифта. В кабину вместе с ними влезли и два бугая, прихвативших Михаила Павловича около «Жигуленка» в переулке. Решив ничему не удивляться, Котенев снова промолчал. Поднялись на шестой этаж, и Куров нажал кнопку звонка одной из квартир.

Открыл пожилой модно одетый мужчина. Радужно улыбаясь, пропустил гостей в прихожую, распахнул двустворчатую дверь гостиной. Небрежно кивнув хозяину, первым вошел Куров, за ним последовал Михаил Павлович, с интересом оглядывая убранство комнаты – большой стол, чешская хрустальная люстра, бар с множеством разноцветных бутылок, длинные мягкие диваны, плотные гардины на окнах. Открыв перед гостями дверь в другую комнату, седовласый хозяин сделал приглашающий жест:

– Все готово, прошу...

Парни Курова остались в первой комнате, а Сергей Владимирович и Котенев прошли во вторую – удобные кресла, дорогой торшер, богато сервированный столик с закусками и бутылкой марочного коньяка.

– Спасибо, – опустившись в кресло, Куров махнул рукой, отпуская хозяина квартиры. Предложил присесть Котеневу и откупорил бутылку.

– Давай по маленькой? Домой отвезут, не волнуйся.

– Это кто же повезет? – усаживаясь напротив Сергея Владимировича, усмехнулся Михаил Павлович. Ничего себе, попал в переплетец. Интересно, куда это его приволокли?

– Кто привез, тот и отвезет, – разливая коньяк в пузатые рюмочки, ответил Куров. – Что, гадаешь, где оказался? Не гадай, скажу – это катран.

– Катран? – опуская руку в карман за сигаретами, Михаил Павлович скользнул пальцами по гладкой металлической поверхности диктофона и похвалил себя: ай да Мишка, молодец, знал что прихватить! Осторожно сдвинув рычажок включения записи, он достал пачку сигарет и закурил.

– Ну да, катран. Игровой дом для состоятельных людей. Наверное, никогда не был заядлым картежником и не знаешь жаргона? Правильно, деньги лучше тратить на удовольствия.

– Каждому виднее, на что и как их тратить, – отделался несколько неуклюжей шуткой Котенев. – Если, конечно, есть, что тратить.

– Сюда ходят только те, у кого есть, – заверил Сергей Владимирович, – клиенты солидные, но и цены хозяин держит на высоте.

– Весьма любопытно, – притворно зевнул Котенев, – но, позвольте узнать, зачем вы мне это рассказываете?

Куров откинулся на спинку кресла и, прищурив глаза, поглядел на Михаила Павловича, словно оценивая, стоит ли выкладывать на стол козыри или подождать? А может быть, совсем не показывать своих карт, превратив все в шутку?

– Нервы твои проверял. Я человек коммерческий, лишнего рисковать не люблю. Сейчас все объясню, а ты пей и слушай.

– Помилуйте, Сергей Владимирович, – сделал недоуменное лицо Котенев, – какой же риск? На вашу выходку я совершенно не обижен и даю слово никому о ней не распространяться. Выпьем и, как вы обещали, пусть меня доставят до дома.

– Налим, – весело засмеялся Куров, – скользкий... Ладно, не будем тянуть. Я тут недавно интересовался, каково вознаграждение у директоров средних фирм в Англии? Представь, они получают более сорока тысяч фунтов стерлингов в год. Примерно дюжина менеджеров зарабатывают по полмиллиона, а пять человек имеют более миллиона фунтов в год. Теперь вернемся на родную почву. Неужели мы работаем меньше или ответственность у нас ниже? Отнюдь нет! Разве смиритесь с таким положением коммерческий и умный человек? Нет, и еще раз нет! Он начнет добирать недостающую сумму, эквивалентную затратам его мозга. Желаете еще немного статистики?

– Извольте... – Котенев поудобнее устроился в кресле.

– По оценкам экспертов, причем не состоящих на государственной службе, в нашей стране насчитывается порядка десяти тысяч подпольных миллионеров. Правда, Минфин объясняет интересующимся, что честный трудящийся миллионером стать не имеет возможности, а в Сбербанке не зарегистрировано вкладов на миллионные суммы.

– Да, но еще есть мир шахматистов, писателей, художников, – усмехнувшись, возразил Михаил Павлович.

– Есть, – снова наполняя рюмки, согласился Куров, – но писателей-миллионеров у нас раз-два и обчелся, как и художников. Среди песенников, конечно, имеются люди богатые, но все они на виду, и круг их весьма постоянен. А независимые эксперты настойчиво твердят, что имеются в первой стране социализма не только миллионеры, но и миллиардеры.

– Только не я, – небрежно отмахнулся Михаил Павлович.

– Не ты, – поднял рюмку Сергей Владимирович. – Ты пока миллионер!

– Я?! – Котенев округлил глаза, а потом смеялся, вытирая выступившие на глазах слезы. – Ну, уморил...

– А чего? – Куров выпил коньяк и подцепил вилочкой ломтик лимона в сахарной пудре, – я к тебе давно приглядываюсь: хорошо добираешь! Толково, я бы сказал. Деловой ты, Михаил, человек, причем умело расширяющий сферу своего влияния. Вот, к примеру, твой дружок Лушин. Он связь с торговлей отлаживает, а другой компаньон – Рафаил Хомчик, по части кооперации заправляет. Сколько ты сейчас кооперативов контролируешь, вкладывая в них денежки для «отмывания»?

– Простите, Сергей Владимирович, но вы, по-моему, перебрали лишнего, – Котенев встал, и застегнул пиджак.

– Сядь, все одно не выпустят, пока не закончим разговора, – почти ласково посоветовал Куров, и Котенев послушно опустился в кресло. Разговор перестал ему нравиться, но диктофон он все равно не выключил.

– Господь велел делиться, – наливая Котеневу коньяк, заметил Сергей Владимирович, – особенно с тем, кто сильнее. Но зачем применять силу? Два разумных коммерческих человека всегда могут спокойно договориться. Тем более ты, дорогой Михаил Павлович, настырно вторгаешься туда, где все давно принадлежит другому человеку.

– Это кому же?

– Мне! – просто сказал Куров.

– Вот это да! – воскликнул ошарашенный и возмущенный Котенев. – А как же насчет прав человека?

– Каких прав? Как нарушать то, чего нет? Это все на бумаге писано, а на деле? Это ты нарушаешь законы бизнеса. Дай мне процент и жируй себе, как карась в пруду. А я тебе обеспечу защиту и поддержку, вместе с режимом наибольшего благоприятствования. Короче, предлагаю стать моей дочерней фирмой на обуюдовгодных условиях. Соглашайся, не прогадаешь.

– Фантастика, – развел руками Михаил Павлович. – Позвольте спросить, на чем основывается ваша уверенность, что предложение сделано по адресу? Вдруг вы заблуждаетесь?

– Ну-ну, – улыбнулся Куров, – не надо передергивать и строить из себя невинную девочку-гимназисточку. Я же сказал, что давно за тобой наблюдаю, и не просто наблюдаю, а документирую наблюдения. Могу предоставить для ознакомления некоторые копии, если есть желание убедиться.

– Есть... – У Михаила Павловича нехорошо заняло под ложечкой и возникло чувство незащищенности, словно он, как глупый мышонок, привлеченный запахом сыра, влез в западно-мышеловку, а она захлопнулась.

– Артем! – позвал Куров.

В комнату вошел тот самый парень с наглыми светлыми глазами и подал Курову темную папку. Слегка наклонившись, шепнул что-то своему хозяину на ухо, а тот ответил слабой улыбкой, движением руки отослав Артема прочь.

– Прошу, – Сергей Владимирович подал папку Котеневу.

Михаил Павлович взял ее. Чувство недоверия сменилось страхом. Неужели у Курова существует собственная служба информации? И все было продумано заранее, даже знакомство пойманного в западню Котенева с компрометирующим материалом?

Открыв папку, Михаил Павлович быстро пролистал несколько страничек – люди Курова не зря ели свой хлеб и получали вознаграждения: если эти материалы передать определенным органам, то какой-нибудь майор или капитан вполне может делать дырку на мундире, ожидая награды за раскрытие крупного дела.

– Серьезная работа, – захлопнув папку и положив ее на колени, вынуждено признал Котенев. Признал с горечью терпящего поражение, что не укрылось от Курова. Но он не выказал торжества победителя. Напротив, его лицо обмякло, стало даже как-то добрее.

– Недооценка противника всегда губительна, – тихо заметил он. – Сейчас иная атмосфера, и, если хочешь иметь крепкое дело, приходится создавать организацию со своей разведкой, контрразведкой, репрессивным аппаратом и даже микроармией. Некое маленькое теневое государство, которого у вас нет! Все просто: толковые люди потихоньку продвигались в разные нужные эшелоны, а оттуда расставляли своих, то есть моих, людей в правоохранительные органы, торговлю и тому подобное. Блатный мир преступности не дремлет, часть его пошла на тесный деловой контакт с нами, другая – нет. А кроме своих людей в правоохранительной системе, есть абсолютно чуждые нам, и надо признать, что их подавляющее большинство. Враг со всех сторон, враг делового человека! Надо выбирать в жесткой конкуренции и постоянной опасности – встать на сторону сильного или пасть в неравной борьбе с желающим отнять все! Кстати, если хочется, оставь папочку себе, считаешь на досуге: у меня все равно есть подлинники, а сделать с них копии не составляет труда.

– Полагаете, я не стану защищаться? – пустил пробный шар Котенев.

– Как? – искренне удивился Сергей Владимирович. – Ты полагаешь, что тебя будут пугать горячим утюгом? Бог мой, какая глупость! Правда, некоторые, ни черта не смыслящие в наших делах авторы и киношники используют подобные штучки, нагоняя страху на слабонервного зрителя, но кто им это может запретить? Предположим, ты убьешь кого-то из моих людей. Тогда отправишься в тюрьму и надолго, а в зоне обязательно узнают, за какое дельце ты получил срок, и ты умрешь сам: ошпарят кипятком в бане, удавят на лесоповале, или еще какая неприятность приключится. Разве дело, так заканчивать жизнь? Объявишь нам финансовую войну? Бред, сомну, вот так – он взял бумажную салфетку и скомкал ее в кулаке. – Пойдешь заявлять? Но в первую очередь заинтересуются тобой, а потом остальными. И главное, где возьмешь доказательства?

«Это ты, голубчик, зря так думаешь, – зло усмехнулся про себя Михаил Павлович, – доказательства у меня считай уже есть. К сожалению, ты меня вычислил и взял под колпак, а я недооценил твоих методов, пребывая в преступном благодущии относительно конкурентов. Всегда опасался внимания финансовых органов, оперативников из милиции, тривиальных уголовников, а вот таких, как ты, бездарно проморгал, за что теперь и потею тут, как в кресле у дантиста. Ну, ничего!»

– Предположим, сгорит кооператив Хомчика, Лушина замучают ревизии, нанятые тобою отбойщики не выстоят против чужаков или их перекупят? Как тогда? – продолжал Сергей Владимирович, затягиваясь сигаретой. – Сейчас модно всякие общественные организации создавать. Можешь вступить в одну такую. В нашу! Плати взнос, Михаил!

– Хорошенькая общественность, – вскинулся Котенев. – Гангстеры. Мафия, да и только. Это же коррупция!

– Не бросайся громкими словами. Журнальчик «Огонек» читаешь? Там один детский писатель чудесно рассказал про ВААП – всесоюзную ассоциацию авторских прав. Вот где гангстеры – они обдирают и без того нищих авторов, ничего не делая для них, но получая дикие проценты с чужого таланта и труда. Мы честнее! Они не дают гарантий, а я дам, поскольку времена меняются, а люди на своих местах остаются.

– Ну, хорошо, – сдался Котенев, распуская узел галстука, – что конкретно хотите предложить?

– Я уже говорил об изменении ситуации, – тоном лектора начал Сергей Владимирович. – Кризис, друг мой, кругом кризис! Причина не только в изменении ситуации, но и в самих людях: проблемы изменений в экономике, постоянная обеспокоенность, усиление насилия, рэкета, наркомания, распады семей. Наблюдается снижение духовного уровня индивидуала. Как в наших условиях может воспользоваться свободой деловой человек, имеющий деньги? Он хочет жить цивилизованно и с должным достоинством, он уже не может и не хочет жить так, как живут остальные рабы тарифов и окладов, поскольку у них могут отнять и то, и другое. Я же могу познакомить с людьми, которые дадут телефоны очаровательных женщин, ждущих звонка в отдельных, прекрасно обставленных квартирах. Могу ввести в дом, где играют в рулетку, почти как в Монте-Карло или Лас-Вегасе.

– Или отвезете на ипподром? – усмехнулся Михаил Павлович.

– А что, он тоже под рукой, – ничуть не смутился Куров. – Глупо упускать букмекерство. Давно назрела необходимость создания более широкой инфраструктуры развлечений и удовольствий для состоятельных людей. И ты, со своими компаньонами, способен в этом помочь, поскольку уже занимаешься таким делом, помогая переводить накопления в алмазно твердую валюту. Раньше было проще, определенная категория руководителей позволяла себе даже запустить лапу в Алмазный фонд, не говоря уже о казне. Теперь сложнее, и надо кооперироваться. Я не требую ответа сразу, подумай. Но лучше, если прямо сейчас ударим по рукам.

Котенев не ответил, задумчиво вертя между пальцев ножку коньячной рюмки. Наконец, он поднял на Курова глаза:

– А если я все же заявлю о нашем разговоре?

– Не поверят, – спокойно ответил Сергей Владимирович. – К тому же у нас и там свои люди, которые примут меры. Я пошел на риск, решив встретиться с тобой сам и говорить напрямик, поскольку верю, что глава фирмы и глава ее дочернего предприятия обязаны иметь взаимопонимание и доверие друг к другу. А ты недоверчив, ох недоверчив. Зачем разговор пинешь?

– Что? – сделал непонимающее лицо Михаил Павлович.

– Отдай диктофончик, – протянул руку Куров. – Давай, давай, у моих ребят японская техника, она не ошибается. Не заставляй тебя обыскивать.

Стиснув зубы, Котенев полез в карман и вынул диктофон. Сергей Владимирович вынул из него кассету, положил на стол, а диктофон вернул:

– Забери, денег не стоит. Когда будешь со своими компаньонами общаться, не называй, пожалуйста, никаких имен.

– Как говорить, когда сам всего не знаешь, – пряча диктофон, протянул Котенев. – И потом, обещали дать время подумать, а теперь что же, на попятную?

– Почему, думать можно, только не слишком долго, а условия сейчас обсудим, определим, так сказать, правила игры...

Мерно гудел кондиционер, тюкала на машинке в приемной секретарша, высказывали на табло настольных электронных часов зелененькие циферки... Все было как обычно. Михаил Павлович снимал трубку трезвонившего телефона, пил поданный секретаршей кофе, а мысленно был все еще там, в квартире, превращенной в игорный дом.

Проклятый Куров! Как он вчера сразу расслабился, поняв, что намертво зажал противника, загнал в угол и может нанести решающий удар, но не сделал этого, продемонстрировав лояльность к будущему вассалу.

Вспомнив о вчерашнем поражении, Михаил Павлович в сердцах пристукнул кулаком по полированной столешнице: Куров – олицетворение начальственного права, призванный единолично решать, когда поощрять, а когда запугивать до икоты, пряча угрозы за улыбочкой внешне благопристойного и воспитанного человека. Его, видите ли, обязаны слушать, а он, в атмосфере полного бесправия подчиненных, восторженного чинопочитания и животного страха, будет, привычно используя административную силу, давить и диктовать. Сколько лет Котенев бился, чтобы осознать себя независимым, сохраняя лишь видимость подчиненности административной системе, но на самом деле будучи свободен от нее? Однако, как оказалось, Курову и компании, всем им подобным, уже мало официальных постов, наград и руководящих кресел, они хотят иметь то же самое и в сфере теневой экономики, чувствуя себя кем-то вроде принцев крови.

«Перестань, – покусывая ноготь большого пальца, остановил себя Михаил Павлович. – Чего городишь? Сам такой, но завидуешь сейчас ему, поскольку он тебя насадил на булавку, как таракана запечного, а не ты его. А вот если бы наоборот, то, наверное, ты сейчас радостно потирал руки, вспоминая разговор».

Так, надо принимать решение. Бездумно глядя невидящими глазами в бумаги, разложенные на столе, и выкуривая сигарету за сигаретой, он сосредоточенно размышлял. Подождать, поглядеть, как начнут дальше разворачиваться события? Но захочет ли ждать Куров, не перейдет ли в новую атаку, еще более жесткую? Нет, отдавать Котенева в руки закона он не станет – ему другое нужно.

Поколебавшись, Михаил Павлович снял телефонную трубку и набрал номер Лушина. Услышав его бодрый тенорок, поздоровался:

– Привет, это я. Слушай, Александр Петрович, есть необходимость срочно повидаться и перетереть кое-что. Нет, лучше прямо сегодня. Чего ты заладил о делах, я тоже занят по горло. Позвони Рафаилу и предупреди, а то мне некогда...

Повесив трубку, Котенев почувствовал, что напряжение несколько спало – сделан первый шаг, и компаньоны сегодня узнают о предлагаемых новых правилах игры. Да, по просьбе сверхосторожного Сергея Владимировича, надо придумать для них правдоподобную легенду. Встретятся, поговорят, обсудят сложившуюся ситуацию. К тому же Сашка и Рафаил не дураки, присоветуют чего, поскольку дело касается их шкуры вместе с карманом. Пусть тоже поломают головы, не все же ему одному отдуваться?

Да, в каждой игре свои правила, их вырабатывают сами игроки, они же определяют требования к играющим с ними в одной команде и противнику. Причем, эти требования постоянно меняются, как и состав игроков, – одни уходят на скамью подсудимых, другие из жизни, третьи продолжают самозабвенно биться за свое... Но одно правило всегда неизменно – если можно что-либо сделать чужими руками, именно так и поступи. Пусть твои счета оплачивают другие! Ведь и тебя заставляют оплачивать счета чужих ошибок. Такие, как Куров, загоняют государственные деньги в никуда, а потом берут их с народа и еще призывают открыть счета для помощи. А что такое государственные деньги? Это же деньги любого из нас, но ты не можешь предъявить счет Курову и компании – всегда только они тебе предъявляют.

При мысли о Сергее Владимировиче, Котеневу стало мутно – вдруг Куров уже успел переговорить с кем-то из его компаньонов и склонил того на свою сторону? А сегодня эти хорьки будут глядеть на Михаила Павловича невинными глазами и раскрывать рты, слушая его рассказы. Как проверишь, как узнаешь правду в этой игре, где еще одним из основных правил является предательство?!

Встреча компаньонов произошла в закрытой для посторонних сауне. Лушин и Хомчик уже ждали, встревоженные неожиданным звонком Котенева. Александр Петрович вяло ковырял вилкой в тарелке с закусками, а Хомчик нервно курил, расхаживая по роскошно обставленному предбаннику. Увидев вошедшего Михаила Павловича, он подался к нему:

– Что случилось? Может быть, ты будешь любезен?..

– Буду, – присаживаясь к столу, ответил Котенев. Трусит Рафаил, тихий наш мышоночек, который всего опасается, и в этом его сила: на страхе и держится много лет.

– Звонишь, понимаешь, срываешь все дела, – отбросив вилку, забубнил Лушин. – Неужели нельзя подождать?

– Нельзя, – вздохнул Михаил Павлович и начал рассказывать о вчерашнем.

– Вот такие пироги, – заканчивая рассказ, невесело усмехнулся он. – Что будем делать?

– Как его зовут? – спросил Рафаил. – И почему мы должны тебе верить? Надо было записать разговор и принести кассету, дать нам прослушать. Или тебя прихватили внезапно?

– Какая внезапность? – отозвался катавший по столу хлебные шарики Лушин, скривив отекавшее лицо. – Ему же заранее звонил этот грек Александриди, приглашал на встречу.

– Тебя бы туда, – огрызнулся Котенев. – Я пошел с диктофоном, но у них есть прибор, засекающий запись. В общем, кассету пришлось отдать, а диктофон вернули.

– Слабое утешение, – хрустя пальцами, желчно заметил Хомчик. – Но техника – это серьезно!

– Еще бы, – фыркнул Михаил Павлович. – Как я понял, у них своя разведка, контрразведка, есть и боевые отряды или отряд. Это организация, но я не представляю, насколько они действительно сильны и какова степень их опасности для нас.

– Дела, – потерянно вздохнул Лушин, ероша сильно поседевшие волосы. – В ярмо к этому другу мне не хочется. Кстати, как там его кличут? Михаил Павлович представил себе, как вытянулись бы рожи приятелей, назови он Курова, но сдержался, вспомнив предупреждение, – кто знает, как в дальнейшем повернутся дела?

– Он называл себя Тятя, – поняв, что дальше молчать нельзя, сказал Котенев.

– Крестный отец, – невесело засмеялся Рафаил. – Такой клички я никогда не слышал, а ты? – Он повернулся к Лушину.

– Нет, – буркнул Александр Петрович, – среди крупных деловых людей я не знаю никого с подобной фамилией или прозвищем. Надо навести справки, вдруг он приезжий?

– Какие у него к нам предложения? – не выдержал Хомчик и, вскочив, заметался по предбаннику. – Грабеж, натуральный грабеж! Полная или почти полная потеря самостоятельности!

– Тихо ты, банщик услышит, – цыкнул Михаил Павлович.

– Он на улице, охраняет наш покой, – усмехнулся Лушин. – А Рафаил прав, как не крути. Давайте лучше выждем, поглядим, что дальше будет. Если этот Тятя пустышка, то все выяснится само собой. Потяни время, Миша, согласиться всегда успеем.

– Я тоже за это, – озабоченно поглядев на часы, заявил Хомчик. – Если пока все, то мне пора: надо сына забрать от преподавателя английского.

– Оптимист, – засмеялся Котенев. – Сына английскому обучаешь? Знаешь, сейчас оптимисты учат английский, пессимисты долбят китайский, а реалисты осваивают автомат Калашникова.

Рафаил брезгливо выпятил нижнюю губу и прищурился. Лушин захохотал, хлопая себя ладонями по огромному животу.

– Я ухожу, звоните, если что, – поклонился Хомчик и вышел.

– Париться будешь? – расстегивая рубашку, спросил Александр Петрович у Котенева. – Не зря же сюда приезжал.

– Но и не за тем, чтобы париться. Дел по горло, поеду.

– Давай, – скидывая туфли, равнодушно отозвался Лушин.

Он подал Михаилу Павловичу потную мягкую ладошку. Пожимая его руку, Котенев слегка поморщился – непробиваемый Сашка, как есть толстокожий бегемот. Ему про важные дела битый час толковали, а он еще париться надумал. Господи, с кем приходится работать и решать проблемы бытия!..

На улице накрапывал дождь. Шустро пробежав к автомобилю, Котенев сел за руль и выехал за ворота, на прощание небрежно помахав рукой служителью бани, распахнувшему перед ним створки.

Впереди образовалась пробка – женщины в ярких оранжевых куртках сбрасывали с машины горячий асфальт прямо в глубокие лужи на проезжей части. Коток вминал дымящиеся кучки в выбоины, выдавливая вверх грязную, с потеками масла и нефти, воду. Несколько дорожных рабочих чистили щетками ограждения, отделявшие тротуары от мостовой, другие готовились их красить.

«Комуфляж и показуха, – обозлился вдруг Михаил Павлович. – Потратят силы, деньги, а толку на три дня. Только видимость работы, видимость порядка и благополучия. Наверное, готовятся к встрече высоких гостей...»

Дома он поужинал, молча принимая поданные Лидой тарелки и тихо радуясь, что она тоже молчит. Потом посмотрел телевизор, ответил на пару незначительных телефонных звонков и лег спать.

Глава 5

Виктора Ивановича Полозова в доме Куровых всегда принимали радушно. Высокий, даже к шестидесяти годам сохранивший юношескую стройность, элегантно одетый, он постоянно пребывал в веселом расположении духа и имел запас свежих пикантных анекдотов. Виктор Иванович умел быть в центре любой компании, сохраняя, однако, достоинство и дистанцию.

Вручив хозяйке дома букет алых роз, он поздравил ее с семейным торжеством и вручил подарок, извинившись, что вчера дела не позволили ему присутствовать за общим столом. Прощение было даровано милейшему Виктору Ивановичу незамедлительно.

После непродолжительного застолья Сергей Владимирович получил возможность увлечь гостя в кабинет.

– Присаживайся, – раскрывая коробку бразильских сигар, предложил Куров. – Жалко вчера не приехал, у меня нужные люди собирались, мог бы вырваться на часок.

– Не мог, – обрезая кончик сигары, улыбнулся Виктор Иванович. – А ты уже поговорил?

– Естественно, – наливая коньяк, отозвался Сергей Владимирович. – Зачем тянуть? Знаешь, в нашем деле как в той поговорке: кто с ножом, тот и с мясом. Есть запись. Этот подлец притащил с собой диктофончик. Будешь слушать?

– Куров достал магнитофон, вставил в него кассету и отрегулировал громкость звука.

Секретов от Виктора Ивановича у Курова не было – они знали друг друга давно и хорошо. К тому же Полозов был женат на сестре Сергея Владимировича, ныне покойной. Правда, овдовев, Виктор Иванович недолго оставался безутешен, но что поделать – живые должны думать о живых, и Куров не обижался.

Биография у Полозова была пестрая – в молодости он чуть не угодил за решетку, участвуя в аферах с трикотажем, но, проявив недюженную изворотливость и отличное знание законов, вырвался, как он сам любил говорить, из «лап советского правосудия». Дело оказалось запутанным, но юридический консультант трикотажной фабрики Виктор Полозов – по сведениям БХСС, продавший одному из дельцов целый подпольный цех вместе со станками и рабочими, – сумел доказать свою непричастность, отделался легким испугом и несколькими месяцами в следственном изоляторе. Этого урока хватило на всю жизнь – Виктор Иванович более никогда не попадал в поле зрения правоохранительных органов.

Со временем он «оброс» учеными степенями и званиями, став признанным специалистом по социологическим исследованиям в экономической сфере. О его давних грехах все забыли, а многие просто не знали. Тем более, грешки приходились на начало пятидесятых годов.

Учитывая новые веяния, хитроумный Полозов раздобыл себе бумаги, свидетельствующие о гонениях на него в период культа личности и при первом же признаке какой-либо опасности, готов был незамедлительно их представить.

Истинную цену изворотливому и хитрому гостю знал, пожалуй, только Сергей Владимирович, да еще два-три его ближайших подручных, пользовавшихся особым доверием, поскольку Полозов являлся главой юридической службы в подпольной «империи» Курова.

– Как? – выключив магнитофон, поинтересовался Сергей Владимирович.

– Нормально, – бросив в пепельницу недокуренную сигару, довольно потер руки Полозов. – Ты хорошо его вел, достаточно жестко и в то же время не пережимая.

– По твоему совету, Витя, – сделал гостю комплимент хозяин. – Твои прогнозы на будущее?

– Прогнозы? – переспросил Полозов. – Трудно так сразу, я же его мало знаю, чтобы составить полное мнение о человеке из делового мира.

Там у всех не одно и даже не два лица.

– Ну-ну, – улыбнулся хозяин, – не скромничай

Виктор Иванович отхлебнул из чашки кофе и разочарованно потчокал губами:

– Остыл... Что я тебе скажу? Надо полагать, причем, учти, это сугубо мое личное мнение, он не побежит ни в КГБ, ни к милицеским операм.

Будет встреча компаньонов – и долгий базар... Кстати, среди них у тебя нет своего человека?

– Они соберутся узким кругом, – отмахнулся Сергей Владимирович, – мой человек туда не сможет попасть. Но идея мне нравится: я подумую, как прикормить кого-нибудь из основных компаньонов Мишки.

– Это на будущее, – раскуривая новую сигару, кивнул гость.

– А сейчас, надо полагать, они захотят выждать, про

верить силу противника. Ты слегка нажми, но не грубо: зачем обострять отношения и запугивать раньше времени? Никаких жертв и насилий, будем бить рублем. Объявить открытую войну всегда успеется, но тогда – прощай деньги!..

Все вроде бы входило в привычную колею – отношения с женой, работа. Тревога, порожденная разговором с Куровым, таяла, как мартовский снег под порывами теплого ветра. И еще одна радость – звонила Татьяна, дочка поправляется. Надо бы летом отправиться отдохнуть, взять дочурку, побыть вместе у теплого моря: ребенку это пойдет на пользу.

Мысли об отпуске невольно напомнили о Лидии – черт возьми, помирился, забыв о будущем: теперь опять придется выворачиваться и лгать.

А Куров – что Куров? От него ни слуху ни духу, ушел в подполье, не напоминает о себе, не звонит, не торопит, а сам Котенев старается с ним не встречаться. Шевелятся, конечно, сомнения в душе, но так уж устроен человек: ему свойственно сомневаться. Лушин и Рафаил по ноздри в делах, молчат и ждут, надеясь, что все разрешится само собой. Шут с ними, пусть куют копейку.

Михаил Павлович вынул записную книжку, размышляя, кому позвонить насчет родственничка, отбывающего срок. Так, это телефончик нужного человека в автосервисе, это мебель, это насчет стройматериалов, а вот этот, пожалуй, сможет помочь.

Михаил Павлович протянул руку к аппарату, намереваясь снять трубку, но резкий звонок телефона заставил его вздрогнуть от неожиданности. На секунду им овладел суеверный страх – уж не Сергей ли Владимирович звонит?

– Да, – мысленно обругав себя, Котенев все же снял трубку.

– Михаил Павлович? – Голос совершенно не знаком.

– Я. Кто это?

– Приветик от родни привез, – хихикнули на том конце провода.

– От какой родни? – не сразу понял Котенев.

– Разговор есть, – сообщил незнакомец, – а приветик тебе от Виталика Манакова, если он еще родня.

Михаил Павлович вытер ладонью покрывшийся испариной лоб – неужто происки проклятого Курова? Провоцирует, подослал какую-то шавку звонить по телефону, надеется еще больше грязи нарыть и измазать по уши? Хотя зачем ему размениваться на мелочи? Но тогда кто это, неужели пришелец оттуда?

– Откуда вы взялись? – спросил Михаил Павлович.

– Откинулся недавно, сейчас колодки проколол, и все по закону, а звоню из Сокольников. Так чего?

Котенев невольно поморщился, слушая жаргонную речь, – ну и приятели завелись там у Виталия, почти невозможно понять, что говорит, хотя вроде и на русском языке. Впрочем, чего удивляться, не из-за границы человек приехал, а совсем из другого мира.

«Сколько же у нас на самом деле миров, в нашей родной стране? – невесело усмехнулся он, свободной рукой вытягивая из лежавшей на столе пачки сигарету. – Трудно сосчитать, и, зачастую, один мир совершенно не приемлет другой, хотя они сосуществуют в одном времени, на одной территории, да и представители их внешне почти ничем не отличаются друг от друга».

– Где хотите встретиться и когда? – прикуривая, поинтересовался Михаил Павлович. – У меня мало свободного времени. И что вы мне до этого сказали? Я не совсем понял.

– Освободился, говорю, – с расстановкой, как недоумку, начал пояснять мужчина, – паспорт получил, прописался. Подъезжай сюда, в Сокольники, я тебя у метро встречу.

– Приеду на машине через час, – пообещал Котенев. – Вы один? Хорошо. Как зовут? Григорий? Ладно, запомните номер машины, я остановлюсь у магазина «Зенит».

Дорогой он раздумывал над неожиданным звонком – что там приключилось с Виталием, почему он дал его телефон неизвестно кому и что этот уголовник хочет передать? Припарковавшись около магазина, Михаил Павлович положил руки на баранку и огляделся – где посланец из ада?

По стеклу задней дверцы машины постукали. Котенев оглянулся – около его «жигуленка» стоял среднего роста парень с наглым взглядом, скривив в улыбку губы. Ничего особенного, только под глазами желтеют не до конца сошедшее синяки.

– Ты Михаил? – сплюнув в сторону, спросил парень.

– Я. Вы звонили? Что нужно?

– Есть хочется, – усмехнулся Григорий.

– Хорошо, пошли, – выругавшись про себя, Котенев направился ко входу в парк. Посланец Манакова поспешил следом.

Молча дошли до шашлычной. Котенев дал Григорию денег, велел взять шашлыков и сухого вина, а сам сел за столик – не выступать же ему в роли официанта?

Анашкин быстро принес салаты, вилки, граненые стаканы, пять порций шашлыка и две бутылки портвейна. Разлил, не дожидаясь Котенева, выпил и начал жадно поглощать мясо.

– Чего не пьешь? – поднял он на Михаила Павловича глаза.

– Я за рулем, – коротко объяснил тот. – В чем дело, объясните мне, наконец!

– Родственник твой, – принимаясь за вторую порцию шашлыка, начал Григорий, – обещал, что ты мне заплатишь за услугу.

– Какую услугу?
– За то, что передам, как велено.
– Сколько? – Котенев сунул руку в карман. Интересно, насколько развита фантазия у этого голодного и пьющего животного? Сколько он запросит и за какую информацию?

– На первый случай меня устроит тысяча, нет, полторы, – быстро поправился Григорий и протянул через стол руку.

Михаил Павлович покорно вложил в нее радужные бумажки:

– Говори!

– Виталик просил напомнить, что он никого не взял с собой, – тихо сказал посланец. – Ты должен его вытащить оттуда или перевести. Велел рассказать, каков там санаторий, однако, стоит ли? Это и так любой знает, что не курорт, а вот насчет его молчания подумай, Михаил Палыч.

– Так, значит? – Настроение у Котенева резко испортилось: сидит за проволокой, щенок, и лает на луну, брешет, кому ни попадя о делах родни, да еще требует помощи, угрожает. Соображал бы, подлец, что язык головы лишать может.

– Спасибо за сообщение, – Михаил Павлович застегнул пиджак, собираясь уйти. – За все уплачено, доедайте и допивайте.

– Это как? – удивился Григорий. – Погоди, еще не все. У меня тоже просьба есть. Приткнуться надо на приличное место, чтобы с деньгой и не горбатиться лишнего. Но с моей биографией не очень-то жалуют в отделах кадров.

– К сожалению, я не располагаю такими возможностями, – встал Котенев. – Всего доброго.

– Постой, – поднялся Григорий. – Тогда ссуди денег.

– Сколько?

– Двадцать тысконок дашь – и разбежимся, – нагло улыбнулся Ворона.

– Обкакаешь от жадности, – почти ласково сказал ему Котенев. – Держи еще за хлопоты – и гуляй!

Он сунул в нагрудный карман рубашки Григория купюру, но тот ловко прихватил его руку:

– Дешевку нашел?

– Послушайте, милейший, – вырвал руку Михаил Павлович.

– Здесь не место и не время. Люди оглядываются. Пошли на улицу.

Григорий с сомнением поглядел на Котенева – чего это вдруг тому приспичило разговоры заводить на улице, уходя от стола с недопитым вином? Или это для него так, мелкие брызги? Привыкли шиковать тут, но сейчас не на такого нарвался! Анашкин своего шанса не упустит – жирный карась бьется на крючке, и не наколоть такого фраера, еще не нюхавшего, почем фунт лиха, все равно что себя не любить.

– Зачем на улице? – набычился Ворона.

– Я же сказал, люди на нас оглядываются, – понизив голос, миролюбиво ответил Михаил Павлович. – Излишнее внимание ни к чему. Пошли, пошли, – и он потянул Григория за собой к выходу.

На крыльце шашлычной Котенев огляделся и, быстро сориентировавшись, завел Ворону за здание харчевни.

– Так, за что я должен платить? – спросил Михаил Павлович.

– Родня твоя за валютку сел? – Анашкин облизнул языком пересохшие губы: жалко оставленной на столе недопитой бутылки портвейна, но выигрыш от разговора мог стать неизмеримо больше.

– Короче, ближе к делу.

– Ты тоже человек, как я вижу, не бедненький... Не боишься, что Виталик разматываться начнет? Помоги ему и помоги мне, чтобы и я язык за зубами держал крепко...

Договорить он не успел – Котенев резко двинул его в солнечное сплетение, а когда согнутый его ударом Ворона сломался пополам, добавил сверху по затылку.

Анашкин рухнул, захлебываясь блевотиной, корчась от жуткой боли и кривя рот в беззвучном крике.

– Забудь навечно мой телефон, – наклонившись к его лицу, прошипел Михаил Павлович. – Еще раз объявишься, приблю!

Выпрямившись, он с размаху пнул ногой еще не до конца оправившегося Григория и, не оглядываясь, пошел прочь...

На остановках автобусов все также толпился народ, взблескивали стеклами двери магазина «Зенит», впуская и выпуская покупателей, бойко торговала мороженница в обшарпанном киоске, клонилось к закату усталое солнце...

Слегка подрагивавшей рукой Котенев отпер дверь машины и тяжело плюхнулся на сиденье – экое несурзное получилось свиданище. Угрожает еще, вымогатель, шантажист несчастный! И Виталий хорош, нашел, с кем передать приветик, отыскал гнусную блатную рожу, дал телефон, совершенно не соображая, кому и что он доверяет. Настроение было поганым, и всякое желание хоть чем-то помочь бедному Виталику Манакову пропало...

Вопреки надеждам и ожиданиям Манакова, Ворона позвонил Михаилу Павловичу далеко не сразу по возвращении в Москву. До их встречи в Сокольниках, столь неожиданно закончившейся на задворках шашлычной, произошло еще множество событий.

В Москве из родни у Гришки осталась только тетка – немолодая, прижимистая и пьющая. Она приняла неласково – поджала губы провалившегося беззубого рта и уставилась на племянника сухими маленькими глазками. Поздоровавшись, Григорий выставил на стол купленную по бешеной цене бутылку и, скинув куртку, уселся. Тетка молча собрала закусить, подала стаканчики, вилки, нарезала хлеба. Выпили.

– Жить-то у меня полагаешь? – сложив руки на животе, поинтересовалась женщина.

– Где же еще? – изумился Гришка. – У меня тут площадь.

– А тебя пропишут?

– Пропишут, если ты поперек не станешь. Да и тебе чего одной мыкаться. Небось, персональной пенсии не заслужила?

– Кормилец, – презрительно фыркнула тетка, – живу, как видишь, с голоду не померла. Но ты на мои деньги не зарься, я тебя кормить не собираюсь.

– Ладно тебе, – миролюбиво сказал Анашкин.

Ссориться с теткой раньше времени в его планы не входило: сначала надо прописаться, осмотреться. Да и настроение было шоколадное – воля, Москва, с детства знакомая квартира, в которой, похоже, так ничего и не изменилось за годы его отсутствия. Да и чего бы тут произойти изменениям? Пенсия у тетки пятьдесят восемь рублей, ходит в старье, а надо за квартиру платить, есть, пить, одеваться, обуваться, да и на лекарства, небось, тоже деньги идут.

– Вот пропишусь, на работу устроюсь, – мечтательно протянул племянник.

– Знаю я твои работы, – хмыкнула тетка, наливая себе еще, – опять загремишь в тюрьму.

– Не, больше туда ни ногой, – покрутил начавшей тяжелесть головой Гришка. – Хватит, нахлебался. Картошка в доме есть? Пожарила бы, а то жрать охота...

Вечером, лежа на старом диване, Ворона меланхолично глядел на темнеющее небо за окном и, покуривая, раздумывал над дальнейшим житьем-бытием. Нет сомнений, что милиция знает о его приезде, – из колонии послали сообщение, а бабки-общественницы, видевшие его у

подъезда, обязательно сегодня же настучат участковому. Если не явиться к ментам самому, то непременно приползут сюда и начнут нервы мотать – когда приехали. Почему сразу к нам не пришли, не подали заявление на прописочку? Придется пойти и гнутья перед ними. Иначе в столице не пропишешься. И защитит тебя, сироту, некому. Кто захочет заниматься его трудоустройством и пропиской? В лучшем случае девица или лысый дядька в юридической консультации зачитает тебе статью из кодекса и начнет ее мутно толковать, чтобы ты поскорее отвалил. Клиент Анашкин явно не выгодный, стоит только на рожу поглядеть, как сразу ясно – денег тут не выжмешь. Откуда у него деньги? За нанесенный потерпевшему ущерб из заработка в колонии высчитывали, за содержание тоже, а сам заработок курам насмех – что заработаешь на ящиках? В отделах кадров тоже кислые физиономии состроит – путевой специальности нет, да и не с ударной комсомольской стройки прибыл в город Москву гражданин Анашкин.

В общем, куда ни кинь – всюду клин. Правда, есть одна толковая зацепочка – шепнул в зоне надежный корешь адресок, по которому готовы принять и помочь таким, как Гришка: денжат дадут, к делу пристроят, пособят по возможности, но паспорт все равно надо получать.

Утомленный размышлениями, он незаметно заснул. Утром Григорий попил чаю, умылся, наскоро побрился и потащился в отделение милиции.

Принял его занудливый капитан средних лет, одетый в мятую форму с засаленными погонами. Пыхтя зажатой в прокуренных зубах «беломориной», он внимательно перечитал поданные Григорием документы.

– Ну, как дальше будем, дорогой Анашкин? – прищурился капитан. – Желаете прописаться у тетки?

– Желая, – глядя в покрытый истершимся линолеумом пол, буркнул Ворона.

– А как с работой будем?

– Пойду устраиваться, – вздохнул Гришка, представив себе лица кадровиков. – Я, когда сюда к вам шел, объявления видел. Везде люди требуются.

– У тех, кто требуется, паспорта есть, – многозначительно бросил капитан.

– Дак надо бы и мне получить, – просительно Начал ловить его ускользающий взгляд Анашкин.

– Зайди ко мне через две недельки, – отодвигая бумаги на край стола, велел капитан.

– Долго больно ждать, – пожаловался Ворона.

– Мы тут тоже без дела не сидим, а такие дела я один не решаю, не положено.

– До свидания, – слегка поклонился ему Григорий и вышел...

Некоторое время он покурил, сидя на лавочке в чашке скверике неподалеку от отделения. Напротив скверика образовалась стихийная стоянка машин автолюбителей, и Григорий жадно разглядывал чужие «аппараты». В кончиках пальцев даже появился знакомый зуд, словно сейчас он просунет тонкую отвертку в замочную скважину автомобильной двери, пошурует там – и она распахнется. Завести чужую тачку для специалиста – левое дело, труднее отыскать секретку или избавиться от разных противоугонных устройств.

Однако Ворона и в этих делах поднаторел. В группе, занимавшейся хищением автомобилей, он выполнял роль отгонщика. Один человек высматривал «объект», который готовились увести, потом сообщал о результатах – и в дело вступал Анашкин. Частенько информация о новой машине поступала прямо от людей из магазина, и тогда задача упрощалась – устанавливали, где хозяин оставляет свою красавицу. Григорий вскрывал дверь, заводил мотор и угонял машину, передавая ее в условном месте другому члену группы. Дальнейшее его уже не касалось – получал свою долю и ждал следующего случая. Перекрашивали автомобили, ставили на них новые номерные знаки, перебивали маркировку мотора и кузова, добывали документы на право владения автомобилем и техпаспорта уже другие. Когда Анашкин попался, он «сознался», что хотел угнать машину, но ни словом не обмолвился о тех, других. Поскольку к тому времени Григорий совершил угон автомобилотранспортного средства без цели хищения повторно, а такие действия подпадали под часть вторую статьи двести двенадцатой прим, суд определил ему наказание в два с половиной года лишения свободы, с отбыванием срока в исправительно-трудовой колонии общего режима.

«Ласточка, – лаская взглядом формы новой модели «Жигулей», млел Ворона. – Хороша! Кругом пишут об инфляции, а машинки в цене не падают. Угнать такую, с руками оторвут».

Однако, прежде чем решаться на подобное, надо знать, кому отдать машину. Ну, угнал, покатался, а дальше что? Где взять для нее номерные знаки, техпаспорт, где перекрасить?

Оторвавшись от созерцания чужих машин, Ворона докурил и, нашарив в кармане двучку, отправился на поиски телефона-автомата.

– Алло, Голубсва мне пожалуйста.

– Слушаю, – заурчал в наушнике густой бас. – Это кто?

– Гриша Анашкин, не признал?

– Гришка, ты? Откуда свалился? Давно пришел?

– Третий день, – неохотно ответил Ворона: чего распространяться о своих делах по телефону. – Повидаться бы надо.

– Подъезжай к гаражам, – предложил Голубев.

...До кооперативных гаражей Анашкин добрался на автобусе. Сойдя на последней остановке, преодолел широкую, полную грязной воды канаву и начал пробираться через захлащенный пустырь.

Голубева он нашел около ободранной и подготовленной к покраске машины – приятель тщательно зачищал мелкой шкуркой заднее крыло, мурлыкая под нос какую-то песенку. Увидев, как сзади выросла чужая тень, он обернулся:

– А, это ты? Привет

– Здорово. – Ворона пошарил глазами по сторонам: время раннее, в гаражах пусто.

– Какие дела? – выпрямился Голубев, вытирая руки ветошью. Он был на голову выше Григория, плотнее, из брюк вываливалось огромное пивное пузо, сияя в прорехах майки белой, не тронутой загаром кожей. Зато лицо, шея и руки приятеля были как ошпарены, за что он и получил кличку Свекольный.

– Петьке звонил, – сплюнув в сторону, сообщил Ворона.

– Съехал он куда-то. Вот, решил тебя побеспокоить.

– Решил, так решил, – равнодушно ответил Свекольный, доставая сигареты. – Хочешь делом заняться? Тогда возьми к себе. Поломаться придется, но деньги заработаешь, правда, не сразу. Сейчас в автосервисах очереди, и дерут они, сволочи, а я всегда тут. Или у тебя чего другое на уме?

– Другое, – не стал скрывать Анашкин. – Я сегодня мимо стояночки шел: отличные машинки стоят, так и просятся. Люди нужны. У тебя я всегда успею наломаться.

– С людьми плохо, – поморщился Голубев. – Многие следом за тобой отправились, где Петька, я не знаю, уже с год не объявлялся, а кто остался – оборвались отсюда на юг.

– Неужели никого? А Ручкин?

– Пупок греет у теплого моря. Карла и Крапива с ним уехали, нету никого из старых, а с новыми я дела водить опасаясь.

Свекольный смял окурочку и отбросил в сторону, показывая, что перекур закончен, а с ним и разговор – чего Ворона навязался, ведь русским языком сказано: нету никого из старых подельников?! Неужели, если бы была такая возможность, сам Голубев упустил бы ее? Да ни в жизнь! Он

запросто перебьет номера на двигателе, перекрасит за считанные часы, и будет чужая машина выглядеть совершенно по другому, но... Риск слишком велик, а в гаражах и так сыт, пьян и нос в табаке.

– У тебя все? – взяв с капота кусок шкурки, спросил он. – Ко мне клиент сейчас должен подойти.

– Ты это, коли такой богатый, ссудил бы денюжат, – попросил Анашкин. Раз сорвалось одно, хотя бы надо попытаться отгрызть от доходов Свекольного. Неужели не даст?

– На, – сунув руку в карман, Голубев вытащил не сколько скомканных пятерок и трояков. – Отдашь, когда будут. Ты заходи, если что. Адресок-то у тебя старый будет?

– Старый, – буркнул Гришка и, не оглядываясь, пошел к воротам.

Куда теперь подаваться? Домой идти неохота – там сейчас тетка опять начнет нудить, считать медяки и вздыхать, попрекая куском хлеба, будто он не выделил ей денег на хозяйство.

Доехав до центра, он долго болтался по магазинам, глаза на толпу и выставленные на продажу товары – особенно порадовать глаз было нечем. Купив бутылку сухого вина, в доброе старое время за такую цену литр водочки можно было взять, – Ворона зашел в первый попавшийся подъезд и, проткнув пальцем пробку внутрь, встал в позу горниста. Вино оказалось кислым и отдавало перебродившим виноградом. Поставив пустую посуду на грязный подоконник, Анашкин закурил и стал смотреть в окно, на пробегающие внизу машины.

Когда он уже собирался уходить, внизу что-то смешалось, автомобили начали принимать в сторону, и по проезжей части пронеслась группа мотоциклистов – мощные машины, огромные цветные шлемы, девицы на задних сиденьях, облепленные западными этикетками бензобаки, рев, грохот и синий дым выхлопных газов. Григорий скатился вниз по лестнице и выскочил из подъезда.

– Это кто? – повернулся он к незнакомой девушке.

– Рокеры, – брезгливо поморщилась она, уловив исходящий от Вороны запах спиртного.

– Да? И куда они гонят?

– На площадке в Лужниках собираются, – ответила девушка.

Мысль отправиться в Лужники на метро Анашкин отбросил сразу – не в его положении, да еще выпивши, рисковать: лучше наземным транспортом. Да и торопиться совершенно незачем – если мотоциклисты съезжаются на площадку, то сразу они оттуда не разъедутся, а вот кого-либо из нужных людей среди них стоит поискать...

По периметру площадки выстроились патрульные машины ГАИ, что очень не понравилось Вороне – там, где милиция, добра для себя он не ждал. Однако, патрульные вели себя спокойно и Григорий немного расслабился.

Смешавшись с толпой рокеров, он начал переходить от одной группы мотоциклистов к другой, приглядываясь к мотоковбоям, – кожаные и нейлоновые куртки с цепями, значки, огромные шлемы, давно не стриженные волосы. Возраст разный – от семнадцати до тридцати, мотоциклы тоже разные, как и умение справляться с ними. Некоторые лихачи, демонстрируя класс, поднимали мотоциклы «на козла» и проезжали по сотне метров на одном заднем колесе, что вызывало бурный восторг остальной братии.

Спустя полчаса Ворона установил, что среди собравшихся есть учащиеся профессионально-технических училищ, рабочие сцены из театров, автослесари, шоферы, продавцы, грузчики, медики и даже один негр. Но более всего его заинтересовала компания явно приклатненных парней. Безошибочно определив в Анашкине своего, один из них угостил его сигаретой:

– Ты чего, без колес? Не обзавелся?

– Думаю, – неопределенно ответил Гришка.

– Если бабки есть, парни из частей соберут, – пообещал новый знакомый, назвавшийся Валерой.

«Угоняют и разбирают, – понял Ворона, – а потом из разных частей собирают. Мелочевка! Не те люди».

Подскочил какой-то парень в радужно полосатом шлеме и старых гаишных галифе из искусственной кожи. Заорал:

– Едем! Голову не обгонять, не отставать, держаться кучей!

– Давай с нами? – предложил Валера.

Ворона бросил окурки и сел на мотоцикл, обхватив Валеру сзади за пояс руками. Взревели моторы, кавалькада рокеров вытянулась уродливой рычащей гусеницей и вылетела с площадки. Оглянувшись, Гришка увидел, что в хвост их рычащей орде незамедлительно пристроились несколько патрульных машин милиции.

Выскочили на Тверскую и понеслись по направлению к метро «Сокол». Пряча голову за спиной своего водителя, Гришка прикидывал: когда кончится это сумасшествие? И зачем, вообще, его занесло к придуркам на мотоциклах, неужто сухонькое ударило в голову на старые дрожжи? Нет, не те это люди!

Остановились на площадке у Аэровокзала, быстро спешили и толпой ринулись вверх, в буфеты. Гомон, шум, топот, грязные руки хватили с прилавков жареных кур, бутерброды с копченой колбасой, булочки, пачки сигарет, пирожки...

Потихоньку ретировавшись, Ворона вышел на улицу и сел на трамвай. Пора подгрести к дому, давно стемнело, день кончился, не принес с собой, желанного удовлетворения. Нет, не те все люди, с которыми он сегодня общался, не те. Надо рвануть кусок побольше и нырнуть в тину, а с Голубевым или дурачками на мотоциклах каши не сварить.

Воскресным утречком Ворона отправился на ипподром. Сойдя с троллейбуса, он влился в толпу. Народу хватало, бойко торговали программками, радио объявляло один заезд за другим – по звуку гонга срывались со старта и неслись по кругу лошади, запряженные в легкие коляски-американки. Прекрасные животные – караковые, чалые, соловые, вороные, – а на трибунах вставали с мест знатоки и просто болельщики, оглашая чашу ипподрома дружным криком: «Давай»!

Удар колокола, конец заезда, и тянется ручеек людей к кассам тотализатора, где кассир, как правило, округляет сумму выигрыша в собственную пользу, небрежно недодавая рубль-другой.

Потолкавшись в толпе, Ворона понаблюдал за завсегдатаями, не расстававшимися с потертыми блокнотами, в которых выписаны результаты, показанные лошадьми на протяжении этого сезона, сезона прошлого года, а то и предыдущих.

– Не надо меня убеждать, – стуча по асфальту инвалидной палкой, запальчиво спорил старичок-завсегдатай, – не показал себя сегодня Аперитив!

– Но вот же, вот, – возражал другой, тыча под нос оппоненту замусоленный блокнот с корявыми записями, – смотрите, что он выделял в прошлом году. Он себя еще покажет!

– Я и не предполагал такой резвости у Зодиака, – сокрушенно жаловался прилично одетый молодой человек своему приятелю. – Видел, как он пришел? У столба победу вырвал.

– М-да, – кисло соглашался приятель, – а я денег пожалел на него сегодня поставить. Если бы не жадность, сидел бы сейчас в «Бегах»...

Услышав этот разговор, – Гришка желчно усмехнулся – дурачки! Тототшка, как завсегдатаи называли тотализатор, – только для додигов. На самом деле крупная игра идет не здесь, а в других местах, и выигрыши там давно распределены – все заранее куплено и продано: заезды, призовые места, наездники и лошади.

– Могу помочь? – неопределенного возраста личность с красными, слезящимися глазами, просительно тронула Ворону за рукав.

– Подскажу, на кого поставить в «ординаре» или если желаете, в «тройном экспрессе». У меня все родословные выписаны.

Высвободив рукав из цепких пальцев прилипчивого продавца советов, Гришка прошел ближе к трибунам – некогда ему тут слушать сопливые обещания, дело есть...

Анашкин побродил около касс тотализатора – там нужного ему человека не оказалось. В стороне стояли букмекеры – неприметной внешности люди, охраняемые рослыми парнями. Ворона знал, что эта публика всегда в крупном выигрыше – если ипподрому остается четверть денежного оборота, проходящего через тотализатор, то в карманах у букмекеров оседает такое количество денежных знаков, что руки задрожат, если увидишь. У них есть свои люди на конюшнях, связанные с наездниками, подставные лица, готовые предложить хорошие барыши судьям и жокеям.

Нет, связываться с букмекерами Гришка не собирался – ему нужен был человек, заслуживший здесь кличку Мясо.

Тот нашелся около буфета. Поздоровались. Мясо не выразил ни радости, ни удивления при виде Вороны – его выцветшие голубые глазки только оценивающе скользнули по лицу Гришки, и тут же последовала просьба:

– Пузырь возьмешь?

– Об чем звук, – дружески похлопал его по плечу Анашкин, еще не потерявший надежды на удачу. Мясо тут всех знает, и все знают его, конюшни ему открыты, наездники доверяют, букмекеры частенько просят об услугах: неужели он не сможет помочь приятелю пристроиться при хлебном деле?

Сначала хотели отметить встречу в баре, но там полно народу – между заездами почти получасовой перерыв.

– Пошли на трибуны, – предложил Мясо.

Забрались на самый верхний ярус, подальше от патрульных милиционеров. Расстелили на лавке газетку, выложив на нее нарезанную толстыми ломтями колбасу и четверть буханки черного хлеба. Мясо протер граненый стакан несвежим носовым платком. Слегка сполоснув стакан водкой, он разлил, щедро предоставив Вороне право выпить первым.

– Дело у меня к тебе, – решился начать Гришка.

– Дело? – покосился на него Мясо. – Хочешь разбогатеть и надеешься через меня получить хорошую наколку на лошадку?

– Не совсем, – разливая остатки водки, криво усмехнулся Ворона. – Разбогатеть и не работать мне, конечно, никак бы не помешало, но я о другом. Знаешь, где я отдохнул пару лет? А теперь горбатиться не желаю, да и какую копейку зашибеешь на заводе? На бутылку не заработаешь.

– Это если пить каждый день, – уточнил Мясо. – А ты пей с перерывами или по праздникам.

– Советчик, – сплюнул Гришка, незлобливо ругнувшись для связки слов. – Лучше бы помог здесь ближе к денежкам пристроиться. Помощник тебе не нужен?

– Ты, что ли? – допивая водку, крикнул Мясо.

– Хотя бы.

– Не возьмут. – Мясо погрузился, с сожалением глядя на пустую бутылку.

– Почему не возьмут, – удивился Ворона, – горлышко целое. Разве у вас тут посуду не собирают?

– Я про тебя говорю, – собутыльник посмотрел на Гришку с жалостью. Можно было бы, конечно, пообещать Вороне переговорить насчет него, выжав еще одну бутылочку, но Мясо считал себя честным человеком. К тому же видно, что приятель не шибко богат.

– Чего так? – помрачнел Анашкин.

– Изменилось многое, – вздохнул Мясо, меланхолично ковыряя в носу. – Раньше каждый за себя был, а теперь кто-то силу взял. Понимаешь, я сам тут всю жизнь провел. Помню, объявился у касс совсем зелененьким, просто поглазеть захотелось. А потом мне один деятель билет дал. Я тогда и значения этому не придавал – играют люди, выигрывают, проигрывают, а мне-то что? Да на мой билетик выигрыш выпал в пятьсот рублей. Они-то и сгубили, пошло-поехало. То круто брал куш, то спускал все до нитки, а после и дальше пошло – наездников подкупал, с кассирами шуры-муры заводил, с букмекерами свел знакомство. Сейчас знаю: тут свои силы, а они не хотят известности. Понял? Сюда из Питера, из Киева, из Харькова, из других городов едут играть и проигрывать. Деньги рекой текут, а я выпиваю сильно, шестеркой держат, на жизнь дают – и ладно, я на большее уже не зарюсь. Но те люди, что в силе, свой интерес жестоко блюдут и чужого не подпустят. Не смогу я тебе ничем помочь, изменилось все, извини.

– Чем же я чужой? – удивился Ворона.

– Не любят они отсидевших, – снова вздохнул Мясо и поднялся, давая понять, что разговор закончен. – Да и нет у меня тут старого авторитета. Времена меняются.

– А если мы с тобой вдвоем попробуем? – не отставал Гришка, пробираясь следом за знакомым к лестнице, ведущей вниз. – Начнем с мелочи, а там и...

– Шею свернут, – не оборачиваясь, бросил Мясо, – конкурентов здесь давят без жалости. Сходи за забор, погляди на двугривенную тототку. Там алкаши собираются, которые давно спились, а бросить играть не могут, но и денег на ставки нет. Один предприимчивый для них и организовал развлечение по двугривенному. Так его уже от этого дела отшили, и теперь там свой человек ставки принимает: пусть гроши, но, кому положено, идут, а не в чужой карман. Монополия!

По кругу снова летели разномастные кони, ревели трибуны, глухо стучали копыта, в один сияющий круг сливались спицы в колесах колясок, рябило в глазах от разноцветных камзолов и шапочек наездников, слепило яркое солнце...

– Я тут давно никому не верю, – глядя в сторону, сказал на прощание Мясо. – А ты заходи, посидим, побалакаем.

– Ладно, – буркнул Ворона и поплелся к выходу.

Перекусить он решил в столовой. Жевал, не чувствуя

вкуса пищи и мрачно раздумывая о постоянных неудачах. Сунулся в одно место – пусто, теперь прокатился в другое – и, как оказалось, тоже мимо денег. Сплошная невезуха, хоть волком вой! Кругом все прибрано к рукам, и у каждой кормушки свои свиньи, никто не хочет потесниться и дать место у корыта.

Доев, он отнес грязную посуду к окну мойки и, услышав разговор, приостановился.

– Неужели не был? – спрашивал у приятеля лохматый парень.

– Ну, старик! Натуральный нэп, паноптикум нравов, звериный оскал конкуренции. Сходи, не пожалеешь.

– Прямо у метро? – уточнил собеседник.

– Ну да, доедешь до Рижской, а там тебе рынок любой покажет, не заблудишься...

«Рижский рынок», – понял Ворона. А что, не съездить ли и ему туда поглядеть, как выразился лохматый, на звериный оскал?..

Рынок его оглушил гомоном толпы, обилием ларьков и прилавков, пестротой товаров и бешеными ценами. Люди сновали взад-вперед, толкались, приценивались. Анашкин слегка ошалел. Какие же перемены произошли на воле, пока он парился в зоне! Нет, читал в газетках, слышал, конечно, но надо было увидеть... Продавали чуть ли не все, что только можно придумать, но цены, цены!

В углу, окруженный любопытной толпой зевак, молодой щербатый мужичок предлагал сделать любому желающему цветную татуировку по избранному трафарету – хочешь, профиль бывшего «вожды трудящихся всей земли», хочешь, хризантему, а если позволяют средства, то разукрасят спину картиной в семь цветов.

– Модню на Западе, – авторитетно разъяснял щербатый, – даже миллионеры с наколками. У нас все, как положено, с гарантией от СПИДа. Машинка японская, иглы и тушь остались в прошлом веке. Красители импортные, цвета от времени не теряют.

Вороне отчего-то стало стыдно за свои блекло-синие разводы татуировки, и он ретировался.

«Нет, – подумал Гришка, – как не вертись, а жопа сзади. Придется, видно, сползть по адресочку, который шепнули в зоне. Среди братии на рынке мне явно делать нечего, и тут я чужой».

Адресок, по которому он надумал отправиться, внушал сомнения в своей достоверности – Выставка достижений народного хозяйства, детский фотограф Леонард Дмитриевич. Хотя чего гадать и раздумывать – до Выставки отсюда рукой подать.

Верный своим принципам, до ВДНХ Ворона поехал на троллейбусе, а на территорию проник без билета, проскользнув мимо бабок-контролеров с толпой экскурсантов. Увидев молодого парня с фотоаппаратом, поджидавшего клиентов около Чебурашки и крокодила Гены, сделанных в человеческий рост из папье-маше, Анашкин подошел к нему.

– Леонарда Дмитриевича знаешь? Тоже фотограф. Где он?

– Прямо, – не удостоив Гришку даже взглядом, лениво ответил парень. – У фонтана работает, не заблудишься.

Ворона полпелся к фонтану, злобясь на собственную неудачливость, усталость в ногах и припекающее солнце – вот она, свобода, о которой он днем и ночью мечтал в зоне. Обиваешь без толку ноги то на ипподроме, то в гаражах, то в отделении милиции, то на Выставке. Надоело. А дома тетка встретит вопросом: как дела? Какие у него дела, что он, прокурор или министр? Все ждет от него чего-то, старая дура, может, думает, что он будет ее поить каждый день в знак признательности за долготеление?

Леонарда Дмитриевича он приметил сразу – средних лет тощий мужичок в старомодной шляпе-сеточке. Фотограф ставил детишек около старинного экипажа, щелкал затвором, затем переводил их к Микки-Маусу, снова щелкал затвором и получал деньги, а в стороне ждала очередь. Улучив момент, Ворона подошел ближе и потянул Леонарда за рукав полотняного пиджака:

– Я от Колчака.

– М-да? – иронично хмыкнул фотограф. – Адмирала давно шлепнули.

– Этот живой, ляжку тянет, – ответил Гришка, услышав отзыв на пароль.

– Погуляй часок, – показав глазами на очередь, попросил Леонард Дмитриевич, – потом поговорим.

Чертыхнувшись, Ворона потащился в тень и сел на лавку.

Когда он вновь подошел к фотографу, тот был свободен. Заметив Анашкина, он приветливо улыбнулся, показав золотые коронки на передних зубах:

– Погуляй? Ну как там наш общий приятель?

– Трудится, – присаживаясь на корточки по привычке заключенных, коротко ответил Ворона.

– На свободу с чистой совестью, – снова улыбнулся фотограф. – А ты давно откинулся?

– Недавно. Колчак сказал, помочь можете, к делу пристроить.

– Можем, – покосился на него Леонард Дмитриевич, словно оценивая возможности неожиданного посетителя.

Понимая недоверие фотографа, Гришка коротко описал ему знакомого по зоне, прозванного Колчаком, назвал адрес тетки, рассказал, за что получил срок и чего он хочет от Леонарда Дмитриевича. Тот молча выслушал, полуприкрыв набрякшими веками глаза и никак внешне не реагируя на услышанное, потом спросил:

– Права на вожделение машины у тебя есть?

– Нету, – вздохнул Анашкин. Были бы права, он нашел бы себе местечко, а не шлялся по выставкам и ипподромам. – Любую тачку водить могу, а прав нету, и отдадут еще только через год.

– Плохо, – пожевал губами фотограф, раздумывая о чем-то своем. – Денег я тебе дам, но надо будет отработать.

– Сделаем, – повеселел Ворона: кажется, лед тронулся?

– Скорее получай паспорт и приходи. – Опустив руку в карман необъятно широкого пиджака, фотограф вытащил пачку червонцев и сунул Гришке. – На, отработаешь потом, но с паспортом не тяни, понял? Поручитель у тебя серьезный, хочу надеяться, что не подведешь. А люди по жизни должны ходить как волки, стаей! Один пропадешь, запомни, сынок!...

Получение паспорта прошло буднично – молодой майор из паспортного стола вручил красную книжицу в полиэтиленовой обложке и пожал руку, пожелав всего доброго.

Уже на улице Ворона почувствовал облегчение – наконец-то и он полноправный гражданин. А все-то, оказывается, заключается в красной книжице, именуемой паспортом. Никого не интересует, что па самом деле у тебя в голове, куда ведут тебя жизненные дороги, к чему стремишься и чего избегаешь, хочешь ты работать или нет, – главное, у тебя есть паспорт, уравнивший в правах с остальным населением.

Дома он отметил это событие с теткой, купив бутылку водки. Выпили, потом он сгонял за портвейном, снова выпили и завалились спать. Утром, наскоро попив чаю, побрившись и сполоснув лицо холодной водой – одеклона в доме не водилось, поскольку его тоже можно пить, а к тетке захаживали разные люди, – Ворона заторопился на Выставку, к фотографу...

– Молодцом, молодцом, – листовая новенький паспорт Анашкина, ласково щурился Леонард Дмитриевич, – как есть молодцом, не подвел старика. Хвалю. А я тут уже успел кое с кем парой словечек перекинуться, просил за тебя, бедолагу. Цени.

– Век буду благодарен, – убирая паспорт, заверил Ворона.

– Погляди, – усмехнулся фотограф. – Ты вроде малый тертый, людей понимать должен, вот и определю тебя в помощь к одному уличному крупье.

– Чего? – непонимающе выкатил глаза Гришка. Ни как свихнулся дед: какие тут, в Москве, могут быть крупье, да еще уличные?

– Да-да, – дробненько посмеялся Леонард Дмитриевич, – именно крупье. Наперсточки теперь дело прошлое, сильно взялись за них, закон издал и указ, для меня разница не велика. Важно другое: подрезали крылышки деловой инициативе. Пришлось на рулеточку перейти. Отправься ребяткам помогать, должок отбавывать и на жизнь копеечку ковать, а там видно станет.

Крупье оказался молодым курчавым мужчиной крепкого сложения. Пожав Гришке руку, он отрекомендовался Бобом и посвятил нового помощника в тонкости ремесла. Все оказалось просто – за что и кому отдавать свои кровные деньги, личное дело каждого гражданина. Азартных людей в огромном городе хоть отбавляй, это еще и наперсточки показали – многим охота померяться силами с изменчивой фортуной.

Игрушечная рулеточка приобретается за гроши, но в умелых руках становится просто-таки золотой, особенно если руки принадлежат человеку, обладающему хитростью и инициативой. Можно просто играть и обирать простаков, можно замаскировать игры продаж лотерейных билетов «по выигрышу», продажей книг, всякой мелочи – в зависимости от обстоятельств. Приходится опасаться милиции, конкурентов из противоборствующих кланов – те опаснее стражей порядка: если нет своей охраны, то намнут шею, отнимут выручку и поломают инвентарь,

чтобы не раскладывал столик с рулеткой в чужом районе. Задача у Вороны проста – стоять на стреме и вовремя предупреждать о появлении постовых, патрульных машин и конкурентов. Охрану несут другие люди, держит банк на рулетке сам Боб, а по завершении работы каждый получает долю.

Первый выход назначили на завтра. В действительности первым он был только для Анашкина, но не для остальной компании. Выходили к площади Белорусского вокзала, раскидывали столик, и Боб хорошо поставленным голосом ярмарочного зазывалы привлекал внимание прохожих. Как только их собиралось достаточное число, начиналась игра, вернее – действие. Каким образом Боб умудрялся обжужливать лопухов, Гришка так и не смог понять, но вечером получил свою долю, из которой тут же предложили отдать «чирик» в счет погашения долга Леонарду.

Через несколько дней Ворона привык к «работе» – высматривал милиционеров, предупреждал, вместе с компанией обедал в шашлычной, распивая бутылочку сухонького винца, ездил подыскивать новые места для работы, получал «бакшиш» и отдавал «чирики» за долги. В общем, жить стало веселее и не так обременительно, даже тетка приутихла и не донимала нытьем.

Беда пришла совершенно неожиданно. В один из вечеров, раздав положенный заработок, Боб приказал:

– Завтра отправись в Текстильщики вместе с Пятаком.

Пятак, низкорослый крепыш с борцовской шеей, похлопал Ворону по плечу тяжелой лапой:

– Не робей, нас больше!

Все это Гришке очень не понравилось, но делать нечего, и утром пришлось ехать в Текстильщики. Пятак уже ждал. Вместе с ним еще с десяток парней.

– Сейчас двигаем к магазину, – объяснил Пятак, имени которого Анашкин так и не узнал. – Там чужие затеяли игру, надо поучить. Бить не жалея. А ты чего, пустой? – Он поглядел на руки Гришки.

Вороне немедленно выдали металлический прут, завернутый в газетку. У парней было, чем проучить конкурентов: нунчаки, кастеты, короткие резиновые дубинки.

– С другой стороны тоже зайдут, возьмем их в коробку и отметим как бог черепаху, – по дороге наставлял Пятак.

Анашкину сделалось тоскливо. Подраться в подпитии, когда водяра шибает в голову, – это понятно. А тут могут и самому звездануть в глаз или по тыковке – у чужих охранников тоже наверняка есть кастеты и нунчаки, иначе кто бы их держал? Впервые у Вороны возникло желание увидеть рядом с магазином усиленные наряды милиции. Тогда все разойдутся миром.

Но милиции не было. Орали репродукторы, и вечно молодой Карел Гот высоким голосом выводил знакомую мелодию, а на углу, хорошо видимые сквозь стекла витрин, расположились конкуренты, раскинув столик с рулеткой. Пятак напрягнулся, играя мускулами и взвинчивая себя перед дракой.

– Вон они, – свистящим шепотом сказал кто-то из парней.

– Вперед! – скомандовал Пятак. – Ворона бьет крупье!

Это Анашкину показалось самым лучшим в сложившейся ситуации – вряд ли сидящий за столиком с рулеткой парень ожидает нападения. Подскочить, врезаться по рулетке, разбив ее вдребезги, а потом рубануть крупье по плечу и быстро отваливать. Потеря столика и рулетки для конкурентов левое дело, а вот после удара прутком по плечу рука у крупье надолго повиснет, а без нее, какой он работник?

Шустро растолкав зевак, Гришка размахнулся и ударил по рулетке. В стороны полетели осколки, люди закричали, сзади уже началось побоище – Пятак и его приятели налетели на охрану конкурентов, а с другой стороны спешила еще одна группа бойцов, нанятых Бобом. Но ударить крупье Вороне не удалось, тот успел ловко увернуться, и прут врезался в витрину, на асфальт посыпалось стекло, а Гришку кто-то сильно ударил по спине.

С трудом повернувшись, он начал бестолково размахивать прутком, ничего не соображая и боясь упасть под ноги дерущихся. Куда-то попадал, кто-то взвыл, перед шалыми от боли глазами мелькали чужие кулаки и потные, разбитые в кровь физиономии.

– Обрываемся! – услышал Гришка и, бросив прут, побежал прочь от месива тел, подгоняемый звуком сирен: приближались патрульные машины...

Вечером встретились у Боба. Пятак со смехом рассказывал, как разбили витрину и как дали по шее конкурентам, а остальные поддакивали и обменивались впечатлениями. Мрачный Гришка не поддался всеобщему праздному веселью – выпив стакан портвейна, он, неожиданно для самого себя, заявил:

– На разборки больше не пойду.

– То есть как? – удивленно уставился на него Боб. – Бабки получил? Получил. Должок еще не отработал, а хочешь слинять? Забыл, что рубль вход, а выход чирик?

Анашкин не успел ничего понять, как в голове у него словно взорвался снаряд, и он очутился на полу. У Боба, как он и предполагал, оказался тяжелый кулак.

Подскочил Пятак, схватил за грудки и, приподняв, врезал с другой стороны. Комната поплыла перед глазами Вороны, ноги не держали. Он хотел поднять стул и опустить его на голову Боба или Пятака, но руки отказывались служить.

В лицо плеснули водой, потом дали пинка под зад и вышибли за дверь, приказав явиться завтра для продолжения работы...

Дома Гришка приложил к подбитым глазам мокрую газетку и долго лежал на старом диване, размышляя о превратностях судьбы. Куда теперь податься? Боб и компания могут заявиться завтра с утречка и продолжить «учебу». Этого не хотелось.

И тут вспомнился придурок Манаков, попросивший позвонить одному человеку и передать нужные слова. Мало того, Манаков твердо обещал, что за эту услугу хорошо заплатят. Может, попробовать? Виталик-то за валютку присел на четыре годика. Как же зовут этого мужика, которому надо позвонить, – Михаил точно, а дальше как? Ага, вспомнил – Михаил Павлович! И номерок телефона выплыл из гудевшей головы. Не доверяя себе, Ворона встал, записал номер и имя на клочке бумаги – так, пожалуй, надежнее.

Утром действительно появился Пятак, рассмеялся, увидев лицо Гришки, и согласился дать неделю-другую передышки – все равно с разбитой мордой только людей на улицах пугать. И так, есть две недели, а потом его снова возьмут в оборот. Ну, Михаил Павлович, выручай!

Через несколько дней, когда синяки немного поблекли, Ворона выбрался из дома и, найдя уютную уединенную телефонную будку, набрал заветный номер. Все оказалось правильно – ответил сам Михаил Павлович, судя по голосу, мужик солидный. Договорились встретиться сегодня же, в Сокольниках...

Когда Ворона пришел в себя, Михаила Павловича рядом уже не было.

«Козел безрогий, – зло подумал Анашкин, вставая на четвереньки. – Бьет, как лошадь копытом, сволочь. Где же я промахнулся с ним, в чем обмшурился?» Во рту был противный привкус меди – наверное, разбил губы, и теперь они кровоточат.

Боясь нового приступа боли и головокружения, Ворона похлопал ладонями по брюкам, стряхивая пыль и грязь. «Ну, Михаил Палыч, погоди, придет срок, посчитаемся», – решил Гришка. Он еще не знал, как удастся посчитаться, но уже горел желанием мести за унижение, побои и особенно за то, что рухнул план легкой и беззаботной жизни. Позвать на помощь парней Боба? Нет, это не выход. Да и что такое ребята Боба? Оставляют в стороне от денег, а тут желательнее соблюсти выгоду, поэтому стоит еще разок подкатиться к Михаилу. Может, разузнать, где он

обитают, и подкараулить в подъезде с трубой в руках? Войдет любезный Миша в парадное, а его – хрясть по кумполу, потом обшмонать карманчики. Или пойти хорошо знакомым путем? Мишка катается на новенькой и дорогой тачке. Номер известен, цвет и модель тоже, а по телефону можно установить, где работает Михаил Павлович, подвалить туда, выследить и угнать машину.

Ноги, наконец-то, перестали дрожать, и Анашкин поплелся за угол, вошел в зал шашлычной. Как он и ожидал, ни закуски ни выпивки на столе не оказалось – за плохо протертым пластиковым столиком пристроилась другая компания. И тут же ожгла мысль – а где деньги, что дал Михаил Павлович? Лихорадочно пошарив по карманам, Гришка отыскал смятые бумажки и почувствовал успокоение – не забрал, гад. То ли не посчитал нужным, то ли шибко торопился. А может, для него это и не деньги вовсе?

Стараясь не смотреть на столик, за которым он недавно сидел, Ворона разменял в буфете одну купюру. Получив пачку засаленных трояков и пятерок, рассовал их по карманам и вышел на улицу. Сел в первый попавшийся троллейбус, даже не посмотрев на номер маршрута, – не все ли равно, куда он идет. Заметив вывеску пивного бара, вышел, пролез без очереди и выпил пару кружек. Стало легче на душе, но захотелось продолжения.

Тогда Ворона оставил пивной зал и снова сел в троллейбус. За окнами мелькали улицы, водитель не объявлял остановок, и потому понять, где он сейчас находится, Гришка не мог. Да и не слишком стремился – он высматривал очередь у винного магазина или недорогого кабака.

Заметив вывеску дешевого кафе, он вышел на ближайшей остановке. Потоптался перед закрытой дверью с вывеской «свободных мест нет», пока не догадался сунуть швейцару. Как по волшебству, двери распахнулись, и он очутился в зале – прокуренном, с сияющим музыкальным автоматом и выкрашенными в непотребный сиреневый цвет стенами.

Большинство столиков оказалось действительно занятыми. Помыкавшись, Ворона спросил разрешения и присел за столик к молодому рослому парню, усердно накачивавшему вином размалеванную девицу с бойкими, многообещающими глазами.

Сделав официантке заказ, Гришка закурил и мрачно уставился на скатерть. Сидевший напротив парень налил ему рюмку вина:

– Давай с нами! Принесут, отдашь, чего душу томить?

Анашкин молча кивнул в знак благодарности и опрокинул рюмку в рот – спиртное показалось безвкусной водой.

Когда официантка принесла заказанное, Ворона попросил еще две бутылки и угостил соседей по столу. Парень назвался Олегом, а имени его девицы Гришка то ли не расслышал, то ли сразу же забыл: какая разница, как ее зовут?

Олег рассказал анекдот. Выпили, слегка закусили и снова выпили. Девица хихикала – наверное, ухажер тискал под столом ее ноги – и часто уходила в туалет, а мужчины пили рюмку за рюмкой, и на душе у Вороны становилось все светлее, а в мозгах все туманнее. Недавние невзгоды и неприятности тонули в вине, росло желание общаться с такими милыми и понимающими его с полуслова людьми. Снова пили, говорили, куда-то исчезла девица, и остался только Олег, подливавший и подливавший Гришке и рюмку, а потом в памяти наступил провал...

Проснулся Ворона с чувством крайней обеспокоенности – что-то было не так, как всегда. Нечто еще неосознанное, заставляло тревожиться и мучительно вспоминать вчерашний день. За окном светло, но что это – утро, день, вечер? И где он вообще лежит? С трудом сев на постели, Гришка помотал головой.

– Проснулся?

Ворона повернул голову на голос – в комнату вошел странно знакомый парень с бутылкой пива в руках. Черт, где же он его уже видел? Неужто тоже вчера?

Опустив глаза, Гришка увидел на себе мятые брюки и сунул руку в карман – деньги целы, слава Богу. Тем временем парень отхлебнул из бутылки и щедрым жестом передал ее Вороне, Анашкин схватил бутылку и присосался к горлышку.

– Попей, попей, – присев на стул и доставая сигареты, усмехнулся парень. – Тяжелый ты вчера был.

– Да? – Ворона отставил пустую бутылку. – Ты кто?

– Здравствуйте, – шутовски поклонился парень, – приехали! Олег меня зовут. Забыл, что ли?

– А-а, – облегченно засмеялся Гришка, – вчера... И эта с тобой, как ее, Клава?

– Не имеет значения, – небрежно отмахнулся Олег, – женщины приходят и уходят, а дела остаются. Еще пива хочешь?

Где-то в глубине квартиры раздался звонок, и Олег ушел. Вернулся он в компании с другим парнем – постарше возрастом, модно одетым, с внимательно-насмешливыми глазами. Поставив на пол сумку с бутылками, он начал разглядывать Гришку.

– Чего уставился? – с вызовом спросил Ворона. – Дай пивка.

Парень подал бутылку пива, предупредительно открыв ее и даже обтерев горлышко ладонью. Это Гришке понравилось.

– Сервис, – хохотнул он.

– Даром тебя поить никто не будет, – спокойно заметил незнакомый парень. – Давай, рассказывай про миллионера.

– Чего? – поперхнулся Гришка. – Чего буровишь, какие миллионеры? У тебя с утра крыша поехала, что ли?

– Не придуривайся, – оборвал незнакомец. – Болтал вчера про Михаила Павловича? Даже расписал, как он тебя отделал около шашлычной, а теперь память отшибло? Или натрепался? Чего голову опустил, отвечай! Ты ведь даже номерочек его машины, помнится, упоминал?

– Вот так вот, да? – искренне удивился Ворона, оставляя бутылку с недопитым пивом. – А почему, собственно, я тебе должен наизнанку выворачиваться? Ты что, опер-исповедник?

– Перестань, – брезгливо поморщился незнакомец, а стоявший рядом с ним Олег захохотал. – Одному тебе все равно этого человека не съесть, подавишься. А в компании с умными людьми, глядишь, перепадет на бедность. Ну?!

Анашкин вытащил мятые сигареты и прикурил. Опять поворот в судьбе: занесла его нелегкая в какой-то кабак и дернула молоть языком, а теперь... Надо решать, как быть.

– Это ты, что ли, умный? – фыркнул он.

– Вот твой паспорт, – показал незнакомец, и Гришка дернулся выхватить свою красную книжицу, но Олег ловко отбросил его назад, больно стукнув по ребрам. – И номер машины ты нам сказал, и телефончик назовешь, а потом помозгуем, как быть. Иначе паспорта тебе не видать, да можем и здесь оставить отдохнуть, пока не передумаешь.

– Положим, я скажу. И что? – прищурился Ворона, прикидывая как бы улизнуть отсюда. Олег – как лось, под притолку вымахал, да и второй не мелкота, отметелят, и харкай потом кровью. И квартиру не найдешь, где тебя изувечили. Самое страшное, что у них паспорт, адрес, фамилия, имя-отчество!

Но кто они? На блатных не похожи. Может, современные «вольные стрелки», еще не нюхавшие зоны, но готовые заняться рэкетом?

– Говори, – поощрительно улыбнулся незнакомец. – Только правду. Ты, как я слышал, желал найти приличное место под солнцем? Дадим.

– Заранее договориться надо, – Анашкин почувствовал себя спокойнее, и все происходящее перестало казаться страшным.

Действительно, отчего не попробовать столковаться с этими парнями? Они правы: один он зубы сломает об Михаила Павловича, а эти ничем не хуже и не лучше парней Боба. Хотя нет, может, и лучше: пивка дают, место обещают и практически без рук разговор идет, а обвести их вокруг пальца – плевое дело. Сейчас пошел торг, задели ребяток за живое чужие денежки, а они у Мишки есть. Но сразу их не выжмешь, время нужно.

После долгого разговора, когда выпили все пиво и выкурили почти все сигареты, Олег пошел проводить Лыкова. В полутемной прихожей придержал его за локоть:

– Что скажешь, Аркадий?

Лыков приостановился, раздумывая, – когда Олег Кислов позвонил ему и рассказал об услышанном от случайного знакомого, с которым вчера оказался за одним столиком в кафе «Парус», он хотел повесить трубку, но что-то удержало. Сомнение или неясное чувство – вот оно, горячо, рядом, только думай, как взять... Купив пива, он приехал, предварительно отпросившись на работе, а теперь надо обмозговать все услышанное, раскладывая интересные факты по полочкам и сортируя их по значимости.

В том, что некий богатый человек Михаил Павлович действительно существует, Аркадий не сомневался – такое придумать невозможно, да и извилины для подобных фантазий у примитивного Анашкина маловато. Но действовать с бухты барахты нельзя – так просто денежки современный Кореико не отдаст. Надо работать тонко, перехитрить, запутать. Господь велел делиться, так пусть пока неизвестный Михаил Павлович поделится со страждущими. Но сначала надо точно выяснить: велико ли его богатство?

– Из дома его пока не выпускай, тебе все равно делать нечего, – посоветовал Лыков. – Возьми бабкины снотворные и сыпани в пиво, пусть отдохнет, полезно.

– Сделаю, – улыбнувшись заверил Олег. – А потом?

– Вечерком сгоняю к Жедю, переговорю. Думаю, без него нам не обойтись. Если, конечно, этот не наврал. Может, пристроим дурачка на бутылки? Будет у Витька на глазах и при деле. Извини, я должен уйти. На работе хочу нарисоваться хоть ненадолго, да и подумать не мешает обо всем. Созвонимся.

Когда Олег вернулся в комнату, Ворона лежал на кровати, блаженно щурясь и покуривая сигарету.

– Сходи за пивом, – нахально велел он.

– Схожу, – легко согласился хозяин, вспоминая, где лежат бабушкины порошки от бессонницы...

Глава 6

На работу Лыков возвращался как на автопилоте – не видел лиц попутчиков, машинально выходил из вагона метро на нужной станции и шагал на пересадку. Неужели то, о чем он мечтал долгие годы, теперь само приплывает в руки, и капризная судьба дарует ему шанс, приведя к Олегу Кислову, сидевшему за столиком в кафе, невзрачного пьянчужку, недавно освободившегося из тюрьмы? Воистину, сколько лиц у фортуны – встретишь такого около пивного ларька и отвернешься. Ан нет, судьба оказалась хитра и облекла своего посланца в неприметную оболочку, заставив идти по заранее начертанному пути и приведя именно к нему, Аркадию.

На работе все было по прежнему – одни играли в карманные шахматы, спрятав их в выдвинутый ящик письменного стола, другие жевали и читали газеты, третьи трепались по телефону.

– Меня Котофеич не спрашивал? – бросил вопрос Лыков.

– Нет, – буркнул Кучумов и передвинул в ящике стола шахматную фигурку. – Шах!

– А мы пешечкой, – гнусаво пропел Сагальский.

Не слушая их перепалки и взаимных уличений в ошибках, Аркадий курил, размышляя о собственных заботах. Да, Михаил Павлович штучка не простая, придется изрядно попотеть, пока расколешь орешек. Так, чем мы располагаем, вступая на путь войны? Витя Жедь – человек с пестрой биографией, непревзойденный мастер по стеклотаре, уже успевший сколотить на бое посуды деньжат на «Москвича». Тертый мужичок, с жизненным опытом и хваткой, жадный до денег и удовольствий. Придется его приглашать в долю, как и Олега. Тем более Гришку хотели пристроить на работу именно к Вите. Ну, конечно, и сам Анашкин. Тоже не новичок, уже срок отмотал, да и как его теперь от дела отставить? Не убивать же в самом деле, не волки они, люди.

– Значит, выступим в поход вчетвером? Голова – сам Аркадий, хитрость и опыт – Витя Жедь, железный кулак – Олег Кислов, а руки для грязных дел – Гришка Анашкин? Не густо, прямо скажем.

Вечером, выпив на своей крохотной кухне чаю, Аркадий позвонил Олегу Кислову и поинтересовался, как там Гришка.

– Дрыхнет, – хохотнул Олег, – бабушку во сне видит...

Ночь Аркадий провел в тревожных сноведениях – чудился Гришка Анашкин, сидевший на кровати, поджав под себя ноги, как турок, и игравший с Олегом Кисловым в подкидного дурачка. Но только вместо карт у них в руках были купюры, а где-то в глубине слабо освещенной комнаты, почти скрытая мраком, вырисовывалась фигура никогда ранее не виденного Лыковым подпольного миллионера Михаила Павловича.

Поблескивая белками глаз, он наблюдал за играющими и что-то шептал невнятно, тревожно. Потом вдруг, откуда ни возьмись, появился Витька Жедь с полной авоськой пустых бутылок в руках и начал ловко жонглировать ими, а Михаил Павлович вытянул из мрака длинную руку и поймал Витьку за горло – тот дернулся раз-другой и исчез в темноте, а бутылки совершенно беззвучно попадали на пол. Гришка соскочил с кровати, подобрал одну и тоже нырнул в темноту, где уже пропали Жедь, Михаил Павлович и кто-то еще – неясный, как призрак.

Олег, сидя на кровати, подравнивал стопочкой сотенные купюры, и Аркадий хотел закричать ему, предупредить, что и Кислова может сейчас схватить протянувшаяся из темноты рука, но не закричал – рот открывался, не издавая ни звука...

Ночью Олег Кислов ходил выстаивать очередь за театральными билетами – в столицу приехали на гастроли несколько театров, и ребята из института попросили его поучаствовать в «бизнесе». Обычно студенты сколачивали большую компанию, с ночи занимали очередь и скупали все билеты, а потом перепродавали их с «наценкой» или оптом загоняли перекупщикам. В очередях частенько возникали потасовки между противоборствующими группами, поэтому и звали Олега, владевшего приемами каратэ.

Отстояв положенное, он забежал домой, принял душ, переоделся и направился в тихий переулочек, где притаилась малоприметная хибара Витьки Жедя: пункт по приему стеклотары.

Сидя на пустых ящиках и поставив один между собой, – «стол», покрытый вместо скатерти газеткой, – устроились Витя Жедь и его новый помощник Гришка Аиашкин. На «столе» бутылка водки, мутные граненые стаканы, горка соли на клочке бумаги, пучок редиски, черный хлеб и рыба иваси.

– Привет, – улыбнулся Олег.

Ворона молча налил ему водки и щедро дал редиску.

– Выпиваете? – услышал он сзади знакомый голос и, обернувшись, увидел Аркадия.

– Тары нет, – melancholично отозвался Витек и разлил по стаканам остатки спиртного. – А когда тары нет, какая работа?

– Кончайте богадельню, – поморщился Лыков. – Надо о деле поговорить. Как твои проблемы? – повернулся он к Гришке.

– Тетка говорит, приходили старые приятели, – осклабился тот. – Я пока у Витьки ночую.

Он быстро сходил в сарай и вернулся с номерами в руках.

Аркадий взял один. Лихая работа, – на прямоугольнике плотного картона наклеены цифры и буквы из пластилина, а потом все раскрашено в нужные цвета. Издали не отличишь от настоящих.

– Молодец, – похвалил он Ворону.

– А-а, – отмахнулся тот, забирая номер, – надо будет с пары-тройки чужих тачек номерки поснимать, пригодятся.

– Садись, – подавая Лыкову ящик, предложил Жедь.

– Я тут посоветовался, – опускаясь на предложенный ящик, сказал Аркадий, – есть смысл достать пару стволов.
– Это можно, – согласился Жедь, – в таких делах есть свои правила игры. Полагаешь, так просто не отдадут денежки?
– А ты как думал? – вдруг обозлился Кислов, – на тарелочке поднесут? Шантаж не пройдет, не та публика. А потери тоже ни к чему, вдруг начнут отбиваться?

Ворона слушал их с затаенной тревогой – чуют «вольные стрелки», к мокрому делу тянутся, не вполне соображая, на какую дорожку выходят. Может, бросить их, пока не поздно, да и полинять? С другой стороны, не дурни же они, чтобы открывать пальбу? Первый же выстрел поднимет на ноги всех ментов.

– Есть у меня одна мыслишка, – задумчиво протянул Жедь, – только бы удалось нужного человека отыскать.
– Обсудим, – пообещал Лыков. – Григорий добудет машину, но с предельной осторожностью. И начинаем! Время идет, а мы топчемся на месте.

– Сдвинемся, – заверил Олег.

Аркадий не ответил. Взяв свой «дипломат», он пошел к калитке. Стукнула сколоченная из старых досок дверца в заборе – и как будто и не было здесь инженера Лыкова.

– Тачку я уже присмотрел, – сообщил Ворона, доставая еще одну бутылку. – Ну давайте, что ли, со свиданьем?..

Михаил Павлович не любил вокзалы: грязь, толпа немых людей, приобретающих за время болтанки на поездных полках неистребимый дорожный запах, сырые простыни, похожие на камень подушки, отдающий веником чай. Аэрофлот тоже мало чем отличается от железной дороги. Задерживают рейсы, требуют непременно регистрации бог знает за какое время до вылета, мучают неизвестностью. И нет гарантии, что в салоне авиалайнера рядом с тобой не окажется террорист с бомбой или обрезом под полкой. А какая техника в аэропортах? Курам на смех! С западными образцами и сравнить нельзя. Стыд! Впрочем, слишком многое не выдерживает сравнения – считал он – и вызывает чувство стыда...

До аэропорта Котенев доехал на такси – лучше, конечно, было бы добраться на своей машине, но где ее оставишь? А если и найдешь местечко, то потом обнаружишь ли по возвращении в полной сохранности? Как минимум, бензин из запертого бака сольют. А виноват все тот же пресловутый дефицит! Запчастей нет, машины дорожают, сервис дерет немислимые деньги, гаражей нет, стоянок нет. Господи, устанешь перечислять, чего нет.

Расплатившись с водителем, Михаил Павлович прошел в здание и встал в очередь на регистрацию. Несколько дней назад он и в мыслях не держал отправиться куда-либо на самолете. Но дела вдруг приобрели неожиданный оборот – множество проверенных долготлетним сотрудничеством людей ни с того ни с сего начали отказывать Михаилу Павловичу в своем благорасположении и требовали немедленной оплаты услуг по немислимо высоким ставкам. Путалась и рвалась издавна отлаженная система поставок и связей, начались перебои у Рафаила Хомчика и Сашки Лушина, на которые каждый отреагировал по-разному: Рафаил помрачнел и замкнулся, а Лушин матерился и размахивал руками.

Не замедлили и убытки, что всегда особенно неприятно. Какая радость терять деньги, тем более еще недавно все шло так хорошо – ближние и дальние компаньоны тянули в одной упряжке. Уж не всемогущая ли длань Курова смешала и переставила фигуры, перетасовала все карты, вынуждая скорее сделать нужный ему ход? Не желает ли он подобным образом показать, что время, отпущенное им Котеневу для размышлений, давно истекло и пора отвечать на сделанные предложения?

К этому выводу Михаил Павлович пришел однажды вечером, сидя за столом в своем кабинете. «А не позвонить ли мне самому?» – сказал себе Котенев, листая министерский справочник.

Однако, к его удивлению, телефон вдруг зазвонил.

– Слушаю.

– Здравствуйте, уважаемый Михаил Павлович! – Черт возьми, удивительно знакомый голос. Ба, да это Александриди!

– Если не ошибаюсь, меня вновь беспокоит Лука? – с сарказмом осведомился Котенев.

– Не ошибаетесь, – без тени смущения прозвучало в ответ. – Сдается, вы хотели переговорить с нашим общим знакомым?

Вопрос насторожил Михаила Павловича – откуда грек это может знать? Думать, что Александриди провидец, по меньшей мере, абсурд. Но тогда как он догадался, почему позвонил именно сегодня, сейчас, а не вчера или завтра? Впрочем, если во всех неприятностях, свалившихся на голову Котенева, виноват именно Сергей Владимирович, то звонок загадочного Луки не просто совпадение – они все достаточно точно рассчитали и прикинули.

– Будем считать, что вы все-таки желали переговорить. Согласны? Тогда у меня есть встречное предложение: как насчет уикэнда? Где вы собираетесь его провести, если не секрет? Ах, никаких конкретных планов? Тогда все чудесно. В почтовом ящике найдете билет на самолет до Риги.

– Снова обманете? – посмеялся Котенев. – Один раз я уже сидел в ресторане, правда, все было оплачено, но зато потом...

– И в Риге будет то же, что после ресторана. Вы поняли? А встречать вас буду я и доставлю до места.

Приехав домой, Михаил Павлович открыл почтовый ящик – в нем лежал билет на утренний субботний рейс до Риги...

Итак, он летит на встречу с Куровым: окольными путями удалось узнать, что тот отдыхает в Прибалтике. Сюзерен решил призвать пред свои очи будущего вассала? Похоже, Сергей Владимирович потребует ответа на свой вопрос и больше не позволит увильнуть. Что ж, придется отвечать, и ответ теперь может быть только положительным – вступая с Куровым в борьбу, больше потеряешь, чем приобретешь.

В Риге его встретил пожилой человек с унылым длинным носом. Подойдя к Михаилу Павловичу, он доверительно взял его под локоть и знакомым голосом сказал:

– Я – Александриди. Как видите, на сей раз все без обмана. – Лука засмеялся и увлек Котенева к машине. Сам сел за руль и предупредительно открыл дверцу. – Прошу. Не стоит задерживаться, – поглядывая в зеркальце на усаживавшегося на заднее сиденье Михаила Павловича, сообщил грек, – вам сегодня же лететь обратно. Не волнуйтесь, доставлю прямо к самолету.

Дорогой молчали. Александриди вел машину уверенно, видимо, маршрут был ему хорошо знаком. Михаил Павлович глядел в окно и думал о своем.

Подъехали к глухим воротам, грек посигналил, и ворота открыли. У крыльца большой дачи машина остановилась, и Котенев вышел. На ступеньках стоял Сергей Владимирович – посвежевший, загорелый.

– Дела осложнились? – хитро прищурился Куров, вводя Михаила Павловича в стилизованную под библиотеку комнату. Небольшой столик был сервирован на двоих: копченый угорь, хрустальная вазочка с икрой, тонко нарезанный белый хлеб, розовая ветчина, масло. – Присаживайся, закусим чем Бог послал, – предложил Сергей Владимирович.

– Я вижу, он вас не оставляет, – хмыкнул Котенев.

– Не оставляет, не оставляет, – разливая по рюмкам коньяк, согласился хозяин. Предваряя вопросы, пояснил: – Дом не мой. Хороший знакомый представляет нам с женой убежище на время отдыха. Но говорить здесь можем вполне свободно. Итак, дела осложнились?

– Осложнились, – вынужден был признать Михаил

Павлович.

– Понимаю, – кивнул Сергей Владимирович. – Хочу расценивать твоё присутствие здесь как согласие на сделанные ранее предложения. Или я поторопился?

– Не поторопились, – выдавил из себя Михаил Павлович, не поднимая глаз. – Я согласен.

И сразу стало легче, как будто камень с души упал и покатился под гору, унося с собой бессонные ночи, раздумья, тревоги и страхи. Пусть теперь за всех у драгоценного Сергея Владимировича голова болит.

– Прекрасно, – хозяин снова наполнил рюмки. – Дела, я полагаю, скоро пойдут на лад. Компаньоны проявят должное понимание, а вам надо потихоньку начинать новое дело. Люди нашего круга хотят хорошо отдыхать и надёжно вкладывать деньги. Вот этим мы с вами и займемся. Лука ответит к самолёту, а как вернусь, мы вновь увидимся и все хорошенько обсудим. Кстати, не забудь, дорогой Михаил Павлович, что теперь с тебя причитается пятьдесят процентов с оборота.

Котенев чуть не подавился рыбой – пятьдесят процентов?! Да это же грабёж среди белого дня!

– Что поделать? – предупредительно подав гостю стакан воды, примирительно произнес Куров. – Таковы правила игры: диктовать условия – право сильного! Зато теперь все пойдет отлично, если, конечно, не будут нарушены соглашения. Поверьте, лучше терять половину, чем все.

– Я верю, – сказал Михаил Павлович и встал. – Спасибо.

– У нас ещё есть немного времени, – поглядел на часы Сергей Владимирович. – Погуляем по саду? Может, на пляж? А то быть рядом с морем и не окунуться...

В город Котенева отвез все тот же Александриди. Видимо зная о положительном результате переговоров, он всю дорогу без умолку болтал, рассказывая занятные истории.

Вручив Михаилу Павловичу билет, Лука проводил его и помахал на прощание рукой, обещав непременно позвонить.

«Видимо, Куров решил приставить ко мне именно его, – понял Котенев, выходя на летное поле. – Что же, Александриди для меня пока ничем не лучше и не хуже других. Поглядим, как все начнет поворачиваться, поглядим»...

В Москве было уже темно. Выстояв в очереди, Михаил Павлович взял такси и привычно назвал водителю домашний адрес. Около подъезда он попросил остановиться и расплатился. Выйдя, немного постоял, докуривая сигарету, – не хотелось сразу подниматься домой, окунаться в привычную обстановку. Да и не оставляло чувство вины перед Лидой: она ведь не знает, что звонил «пришелец» из зоны, и опять начнет ныть, просить за братца.

При воспоминании о встрече с Анашкиным в Сокольниках настроение резко упало – мало он ему тогда врезал, надо было добавить, да не хотелось привлекать внимание. Зато сейчас как отрезало – больше не звонит, не надоедает, не появляется. Видимо, урок пошел на пользу. Рассказать Лиде об этом посланце, чтобы раз и навсегда прекратить ее просьбы о помощи брату? Да, но тогда волей-неволей придется приоткрыть и свои дела, объяснить, почему он так отреагировал на угрозы и шантаж, а этого делать не только не хочется, но и нельзя. Нет, лучше молчать.

Докурив, Михаил Павлович вошел в подъезд. Настоявшие неподалеку «Жигули» с двумя пассажирами он не обратил внимания.

Один из сидевших в «Жигулях» поглядел на часы и буркнул:

– Прибыл. Десять уже. Может, будем рулить к себе? Вряд ли сегодня куда наладится.

Второй согласно кивнул, машина тронулась...

Глава 7

Вот и разгорелось лето – пыльное, городское, с огромными очередями за авиа – и железнодорожными билетами, мороженым, прохладительными напитками. Днем под палящими лучами потихоньку плавится асфальт и висит над магистралями, забитыми транспортом, неистребимая синеватая дымка. Не могут ее разогнать ни ветерок, изредка набегающий на город, ни короткие и яростные летние грозы.

Снова душно и маятно в поездах дальнего следования и электричках, увозящих горожан к их фанерным скворечникам на шести сотках, громко именуемым дачными или садовыми участками. Есть в столице и дачный трест, но только не для всех – нужно обладать достаточным весом и занимать определенное кресло, чтобы в дачном тресте предложили прелестную дачку недалеко от Москвы. Поэтому и мотаются не имеющие кресел горожане аж за сотню километров, чтобы за световой день успеть прибить незнамо как и где добытые дощечки – стройматериалы дефицитны и дороги, а жить все лето в шалаше не хочется...

В погожий летний день серенький «Москвич» пробирався проселком к лесной глуши. Остановился. Хлопнули дверцы, вышли двое – потягивавшийся от усталости Аркадий Лыков и озабоченный Витя Жедь с хозяйственной сумкой в руках.

Жедь тщательно запер двери машины и повел приятеля в лес. Шли молча. Усыпанная порыжелой, прошлогодней хвоей земля, глушила звук шагов. Аркадий зевал – плохо выспался, а вставать пришлось рано. До поздней ночи Лыков ломал голову над данными, которые удалось собрать о Михаиле Павловиче, и прикидывал: как получить еще более достоверные сведения? Олег Кислов обещал собрать хитрый аппарат, дающий возможность прямо из машины подслушивать телефонные разговоры. Пришлось повозиться со схемой, показать ее кое-кому из сведущих людей, тщательно скрывая причины своего интереса, а потом доставали детали. Теперь, вроде, дело пошло на лад, и скоро все телефонные переговоры Михаила Павловича будут известны.

Да, пришлось за последнее время покрутиться – Анашкин добыл машину, сам перекрасил ее и сменил номера, объяснив, что опасно ездить на ней только первые дни, а потом гаишникам и постовым милиционерам станет не до этой тачки: в городе ежедневно совершается множество угонов и краж, постовой не в состоянии запомнить все номера разыскиваемых машин и их приметы, Тем более, цвет кузова уже изменен и номерной знак другой. Теперь можно проследить перемещение Михаила Павловича – по номеру телефона нашли его работу, выследили машину, знают, где он живет, где квартирка его любовницы, известны в лицо его жена, кое-какие знакомые. Но медленно все, ой как медленно.

Витя Жедь шагал торопливо, сдвинув на затылок потертую кепку и крепко сжав толстыми пальцами ручки хозяйственной сумки. Ему было жарко и маятно, от долгого сидения за рулем противно прилипла к спине майка, а впереди обратная дорога, и есть неотложные дела в городе, куда надо обязательно вернуться к обеду. Хорошо, что идут на знакомое местечко, бывал тут как-то, – когда еще горбатился на заводе. Туда, в глухое урочище, и вел Жедь Аркадия.

На перекрестке тропок Витек ненадолго остановился, осматриваясь, – правильно ли держит направление? Убедившись, что все в порядке, он повеселел, начал насвистывать и вскоре вывел Лыкова на опушку поляны.

Присели под кусточком, закурили, шаря глазами по зарослям на другой стороне – нет ли там кого, не забрели ли на поляну сборщики ягод, грибов или целебных трав? Нет, вроде никого. Тогда Витек открыл сумку и вытащил завернутый в промасленные тряпки тяжелый сверток. Развернул, и перед глазами Аркадия тускло блеснула сталь.

– Во! – Жедь подбросил на ладони облезлый наган. – К нему есть шестнадцать патронов. Сплошной расход с этими игрушками, хорошо еще, нужного человека отыскал и перекупил.

Следом за наганом из свертка появился плоский длинный ТТ, а потом пугающий своими размерами парабеллум.

– Парабеллум – это вещь, – вытаскивая из его рукояти обойму, бормотал Витек, – девять миллиметров, не хрен собачий.

Открыв помятую жестяную коробочку из-под конфет, он высыпал на тряпку горку патронов и ловко рассортировал их по калибрам.

– Гляди, – поманил он Аркадия, – из нагана стоит пару раз пальнуть, а на два полных барабана оставить. Мне говорили, что лучше из нагана бить, у него гильзы не выскакивают. Ты себе чего возьмешь?

Лыков перебрал арсенал и остановился на парабеллуме.

– Правильно, – одобрил Витек, – а я с наганом буду. Гришке чего дадим?

– Не хватало еще, его вооружать, – вскинулся Лыков. – Олегу дать пистолет – и достаточно. Кстати, все надо надежно спрятать до дела, нечего раньше времени раздавать.

– Спрячем, – заверил Жеда, – будь спокоен.

– Ну? – Еще раз осмотревшись по сторонам, Витек взял наган и вставил в каморы барабаны желто поблескивавшие патроны.

Лыков, подобрав комок сухой земли, подошел к толстому дереву, начертил на его стволе неровный круг, а в расщелины старой коры впечатал остатки комка, как центр импровизированной мишени.

Отсчитав двадцать пять шагов, Аркадий повернулся и, вскинув парабеллум, выстрелил.

Бум, бум... Метнулась испуганная выстрелами птица, сидевшая в кустах, глухо прокатилось по полянке эхо и умолкло, поглощенное лесом. Брызнули мелкие щепки, взметнулось легкое облачко пыли от разбитой пулями коры, и стали видны две дырки рядом с осыпавшимся комком земли.

– Прилично, – одобрил Жеда и поднял наган.

Бом, бом... Снова прокатилось эхо и снова пропало, с легким шорохом осыпалась расщепленная кора. Рядом с первыми дырками на стволе дерева появились другие, поменьше диаметром.

Светило белое солнце, словно прятавшееся от выстрелов в пелене серого марева, шелестел в листьях робкий ветерок, как будто напуганный неожиданным шумом в столь тихом месте, где даже эхо прячет в себе глухой лес и не отдает обратно. Парило, как перед сильной грозой. Тело покрылось испариной – от духоты приближающейся грозы или от того, что сделан еще один шаг туда, откуда уже нет возврата?

– Хватит! – Лыков придержал руку Жеда, хотевшего снова выстрелить. – Солнышко высоко, давай собираться обратно. Кстати, как с остальными делами?

– Нормально, – бережно упаковывая оружие и пряча сверток в сумку, откликнулся Витек. – Бумажки нам будут, поскольку человечка я отыскал, и деться ему от меня некуда. А вот одежда? Морока с ней, добывать надо, перешивать.

– Ладно, – подумав, согласился Аркадий, – но с бумагами поторопи, время не ждет.

Жеда согласно кивнул и подхватил за ручки клеенчатую сумку. Прикурил, и они пошли по тропинке, торопясь выбраться на проселок, где остался «Москвич»...

В эфире шелестело, шуршало, как будто там, в неизведанных глубинах, старательно пересыпали песок. Крутя ручки настройки, Кислов усмехнулся – вот, неожиданным образом пригодился давний разговор со случайным знакомым, оказавшимся главным инженером телефонной станции.

Ехали, помнится, в одном купе на юг, болтали о всякой всячине, перескакивая с одной темы на другую, пока речь не зашла о телефонах. Собеседник сразу оживился, чувствуется, сел на любимого конька и понес. Тогда-то и узнал Олег, что телефонная связь, оказывается, крайне ненадежна, и умелый человек вполне может сделать приборчик, позволяющий прослушивать разговоры частных лиц – инженер даже набросал примерную схему на бумажной салфетке, которую Кислов, – еще не отдавая себе отчета, зачем, – спрятал в карман.

Нет, государственных секретов при помощи этого приборчика узнать не удастся – такие переговоры ведутся по специально защищенным линиям. Правда, приборчик пришлось усовершенствовать, – спасибо, Лыков помог, – зато теперь все переговоры Михаила Павловича Котенева – уже известна и фамилия – стали доступны.

Настроившись, он терпеливо ждал, когда раздастся характерное потрескивание, означающее, что абонент набирает номер, или зазуммерит, когда его будет вызывать на связь другой абонент.

Олег поглядел на уютно устроившегося за рулем Гришку – тот откинул голову, сладко посапывает. К губе прилип окурок потухшей сигареты, рот полуоткрыт, на плохо выбритой щеке остались кустики неаккуратной щетины. Прост, как амеба, – живет, пьет водку, принимает с Жедем бутылки, угоняет машины, лихо водит их и тоже ждет, когда ему прямо в руки свалится богатство Михаила Павловича. Интересно, если дать оружие Анашкину, пустит он его в дело?

Еще раз, поглядев на дремавшего за рулем Ворону, Олег решил, что Аркадий и Жеда правы, нельзя Гришке доверять пистолет: хлопнет человека – и не поморщится. Чего ему, если уже сидел в тюрьме, а всем известно, какие там нравы и обычаи. Сам Кислов стрелять в людей не намеревался ни при каких обстоятельствах. Но и возможность разбогатеть нельзя упустить – не пойдет же, на самом деле, Котенев жаловаться в милицию?

Если есть деньги, человек чувствует себя независимым, могучим, все ему доступно и все по плечу – не будешь же долгие годы отказывать себе во всем, чтобы жить так, как хотелось бы: купить приличную видеосистему, магнитофон, тачку, иметь девок высшего класса, всегда готовых тебя ублажить. Ну, заработаешь все это годам к сорока, да и то если сильно повезет. Но может и не повезти. Полки в магазинах пустые, и, когда они наполнятся, никто не знает – только газеты полны обещаниями, а жить хочется сейчас, не в двухтысячном году.

Деньги, деньги... Все упирается в них, как бы не пытались внушить обратное на собраниях и в печати. Поди попробуй, сделай чего, если у тебя денег нету. Шишь чего получишь, да еще поглядят, как на придурка. Даже медики теперь лечат только за деньги. Во время обычного приема в поликлинике та же самая врачиха, которая вечером в кооперативе сама предупредительность и внимание, смотреть на тебя не хочет. Брезгливо, с выражением презрительной скуки на лице выслушивает жалобы, а после шести становится другим человеком и классным специалистом, готовым помочь страждущему. Клятва Гипократа? Какая клятва, каждый только и ждет, как бы отгрызть кусок побольше из доходов другого. Вот и попробуй жить без денег, когда, чтобы зуб вырвать, надо хорошо заплатить. А уж за импортную анестезию и укол одноразовым шприцем тем более!

Вот и заботится каждый о себе как может и умеет. И он, Олег Кислов, должен сам о себе подумать. Слава богу, перед глазами пример родителей – гнулись, ломались, недоедали, верили, ходили в телогрейках, только и думали, чтобы не было больше войны, а теперь? Что они в жизни видели, кроме изнурительного труда да убогих развлечений? Что они нашли, кроме болячек да мизерной пенсии? Дачу?! Какая дача, просто доставшийся в наследство от бабки дом-развалюха в деревне. Купить стройматериалы почти невозможно, да и хорошие деньги нужны – опять все те же деньги! Куда ни ткнись, деньги давай, деньги! А где их взять, эти проклятые деньги семье, состоящей из пенсионеров и студентов?..

В приемнике раздался характерный треск – Михаил Павлович или его супруга набирали номер. Сейчас узнаем, кто из них. Кислов подобрался и чуть повернул сильными пальцами колесико настройки, чтобы лучше слышать. Сработало, пошли долгие гудки, потом щелкнуло, и незнакомый голос ответил:

– Слушаю.

– Привет, Рафик... – Это говорил Котенев.

- Объявился? А мы уж думали... – начал неведомый Рафик.
- Перестань ныть, – оборвал его Котенев, – все нормально.

Соглашение достигнуто, даны гарантии. Очень мило пообщались. Недавно мне звонили и сообщили, что прежние договоры с постоянными смежниками остаются в силе.

- Ты не шутишь? – изменил тон собеседник Котенева.
- Какие шутки? Разве этим шутят?
- Ну слава Богу, – повеселел Рафаил, – наконец-то! Ты Сашке уже звонил?
- Нет, позвони сам, не сочти за труд...

Коротко запикало в динамике, и Олег снова покрутил ручку настройки, заглушая надоедливый зуммер отбоя, – противно слышать, вызывает раздражение. И вообще, в последнее время многое вызывает раздражение. Живешь как бы в двух измерениях: в одном родители, привычные разговоры, институтская практика, встречи со знакомыми девчонками, а в другой – показанный Витькой Жедем тяжелый ТТ, Гришка Анашкин с его рассказами о колонии и угнанными машинами, инструктажи Аркадия, подслушивание разговоров Михаила Павловича, встречи во двореке пункта по приему стеклотары и долгие обсуждения предстоящей акции. Ну, будет сегодня их подопечный еще крутить телефонный диск или уже успокоился?

Да, пожалуй, сегодня, драгоценный Михаил Павлович решил отдохнуть, и больше не услышишь характерного потрескивания при наборе номера. И ему никто не звонит,

- Заводи. – Кислов толкнул в спину дремавшего Ворону.
- Че, возвращаемся? – Гришка потер кулаками глаза и включил зажигание, прогревая мотор. – Время вроде еще не вышло.
- Какая разница? – буркнул Олег. – Полчасом раньше или позже? Не до утра же нам здесь торчать? Контролеров нету...

Ужинали, как всегда, на кухне. Тихо бормотал телевизор, мелькали на экране картинка далекой, чужой жизни. Помешивая ложечкой в чашке, Михаил Павлович лениво следил глазами за кадрами телехроники и скептически усмехался. Лида убрала посуду, поставив ее в мойку, села напротив, откинув волосы со лба.

- Виталик письмо прислал...
- Что? – повернулся к ней Михаил Павлович.
- Я говорю, Виталик прислал письмо, – упрямо повторила Лида.
- А-а-а... Письмо... – Он сдержанно зевнул, показывая, что сегодня не намерен обсуждать надоевшую тему. – Ну и что пишет твой братец?
- Михаил, неужели ты не можешь ему помочь? – Губы у Лиды задрожали. – Я столько раз тебя просила, умоляла...

Сунув руки в карманы домашней куртки, Михаил Павлович уставился за окно – судя по всему, неприятного разговора не избежать, а спать еще рано. Если бы Лида знала, как надоел ему ее братец, какие фортели он откалывает, передавая приветы из-за колючей проволоки с непотребными мужичками.

- Ты прекрасно знаешь, что он не виноват, – снова всхлипнула Лида.
- Ну, милая моя... – Котенев нервно хрустнул пальцами. – Есть, в конце концов, всему предел. Торговать из-под полы валютой, когда это запрещено законом? Практически украсть, а потом перепродать такому же жулику!
- Не смей так говорить о моем брате, – вскинула голову Лида. – Он не преступник.
- Да? А кто же? – издевательски переспросил Михаил Павлович.
- Он несчастный человек.
- Вот как? Бедненький, несчастненький. Ничего себе!

Михаил Павлович хотел разразиться новой обличительной тирадой, а потом уйти в спальню и, закрыв за собой дверь, воспрепятствовать продолжению разговора. Но раздался мелодичный голос дверного звонка. Котенев вышел в прихожую.

Лида вытерла ладонью слезы на щеках и, встав, открыла настенный шкафчик. Достав валокордин и рюмку, напряженно шевеля губами, начала отсчитывать капли...

В прихожей гулко хлопнула входная дверь, на кухне появился взбешенный Михаил Павлович.

– Черт знает что! Представляешь, приперся слесарь. Я ему говорю, что не вызывали, а он мне талдычит, что ему диспетчер сказала о протечке в нашей квартире. Когда действительно течет, их днем с огнем не сыщешь!

Он расхаживал по кухне, шаркая тапочками и бережно массируя левую сторону груди. Все один к одному – дурацкий разговор, слезы жены, идиот-слесарь. Надо заканчивать тягостные объяснения и подаваться в спальню.

– Пойми, Лида, – продолжая держаться за сердце, сказал Михаил Павлович, – я не могу поставить себя в ложное положение, не имею права. В конце концов, я занимаю весьма ответственную должность. Нельзя рисковать сейчас, когда постоянно сливают, разукомплектовывают и никак не могут успокоиться. Подожди, пройдет некоторое время – и все как-то утрясется.

– Миша, но я же... – начала Лида, однако муж, в протестующем жесте вытянув вперед руку, неожиданно визгливым голосом закричал:

– Я запрещаю тебе говорить об этом! Запрещаю!

Лицо у него побагровело, глаза бешено выпучились.

Охнув, он снова схватился за сердце и, сделав неверный шаг, тяжело опустился на кухонную табуретку.

Лида вскочила, помогла мужу опереться спиной о стену, судорожно расстегивая пуговицы на пижамной куртке, испуганно приговаривала:

– Мишенька, ну что ты... Сейчас, потерпи маленько...

Полуприкрыв глаза, Котенев наблюдал за ней – нужный эффект достигнут, она уже испугана, больше не будет приставать, а он окажется в положении любимого, избалованного ребенка, которого нельзя тревожить, а только угождать.

Вспомнив о рюмке с валокордином, Лида метнулась, к столу, схватила ее, сунула в руку мужа:

– Выпей, Миша, это лекарство...

– Потом... – Он слабым жестом поставил рюмочку на стол.

В прихожей снова раздался призывный звонок. Коте-нев приоткрыл один глаз:

– Опять этот идиот? Не открывай, – удержал он жену.

Минуто-другую было тихо, потом опять настойчиво позвонили.

– Я открою? – запахивая полы длинного халата, тихо спросила Лида. – А ты выпей валокордин. Слышишь?

– Слышу, – страдальчески откликнулся Михаил Павлович.

Лида побежала открывать. Котенев привстал, взял со стола рюмку с валокордином и, брезгливо сморщившись, выплеснул лекарство в мойку.

Споласкивая рюмочку, он слышал, как жена возится в прихожей с замками и о чем-то переговаривается со стоявшим по ту сторону двери слесарем. В том, что это именно он, Михаил Павлович несколько не сомневался. Открыв дверцы бара, Котенев достал початую бутылку коньяка, налил полную рюмку. Услышав тяжелые шаги, он недоуменно оглянулся.

– Что такое?

На пороге кухни, прижав руки к горлу, словно ей никак не протолкнуть в себя ни глотка воздуха, стояла бледная Лида. Из-за ее плеча выглядывал совершенно незнакомый человек.

– Что такое? – сердито переспросил Михаил Павлович.

– К нам с обыском пришли, – непослушными губами едва вымолвила Лида...

Встретились в кабинетике одного из кооперативных кафе – уютный, маленький зал, тихая музыка.

Когда Михаил Павлович вошел, Лушин уже был там – перед ним стояла откупоренная бутылка коньяка, закуски. Лицо Александра Петровича лоснилось от пота, галстук он положил на свободный стул и расстегнул рубашку на груди. Приветственно помахав рукой Котеневу, он указал ему на кресло рядом:

– Садись. Я тут пока предаюсь чревоугодию. Выпьешь?

– Лишнее, – чуть поморщился Котенев. – Где Рафаил?

– Сейчас будет, – подцепляя вилкой розовый ломтик семги, меланхолично откликнулся Лушин.

Помолчали. Михаил Павлович закурил и сосредоточенно рассматривал ногти на руках, а Лушин усердно ел, тяжело ворочая челюстями.

– У меня это с детства, – с набитым ртом пояснил он, – как нервничаю, так обязательно жрать тянет. А вот и Рафик!

Хомчик запер за собой дверь и поздоровался за руку сначала с Котеневым, а потом с Лушиным.

– Не опоздал?

– Задерживаешься, Рафаил, – наливая ему в рюмку коньяка, буркнул Александр Петрович.

– Нет, я не стану пить, – отказался Хомчик, – тороплюсь.

– Успеешь, дело важнее, – веско сказал Котенев. – Садись, потолкуем. Мы вынуждены собраться по весьма неприятному поводу...

– Ты прямо как городничий у Гоголя, – потирая руки, заметил Александр Петрович.

– Веселиться нечего, – глядя ему в глаза, ответил Котенев. – Ко мне вчера приходили с обыском.

Прикуривавший Лушин уронил горящую спичку на ковер. Хомчик слегка вздрогнул и задергиваясь.

– Что за дурацкие шутки? – тяжело отдуваясь, наконец смог выдать из себя Лушин.

– Какие шутки, Саша? – У Котенева скорбно опустились уголки губ. – Я вполне серьезно. Что молчишь, Рафаил? Хоть бы поинтересовался, кто у меня был, что взяли.

Хомчик медленно повернул к Михаилу Петровичу бледное до синевы лицо и дернул плечом:

– Бог мой! Какое теперь имеет значение, кто был и что взяли? Какое, если они уже были!

Михаил Павлович откинулся на спинку кресла и внимательно посмотрел на подельников. Хомчик не боец, это давно ясно – жаден, хитер, изворотлив, ко может спастись в сложной ситуации. Лушин? Бегемот он и есть бегемот – туповат, агрессивен, готов идти напролом, не считаясь с потерями. Деловая хватка у него есть, имеется опыт подпольной коммерции, лихо может договориться и втянуть в свои дела директора какого-нибудь государственного предприятия, за хорошую взятку заставив того списать, к примеру, дефицитные трубы, а на самом деле продать их за «живые» деньги. Потом Лушин поменяет трубы на джинсовую ткань, ткань на персональный компьютер, компьютер на кирпич и в итоге получит крайне необходимое их фирме, так и не приложив рук ни к трубам, ни к ткани, ни к кирпичу.

Все это хорошо, когда все хорошо, а вот как будет сейчас, когда случилась неприятность? Заглотивший их со всеми потрохами любезный Куров – просто джентльмен. Хотя... Куров – это мысль!

– Что делать? – переспросил Котенев после паузы. – Наложим в штаны и поедем домой стирать бельишко.

– Не дури, Михаил. – Глаза у Лушина покраснели и недобро сузились. – Может, ты нас с потрохами им уже выдал или на хвосте за собой приволок, а? – Его толстые, похожие на сосиски пальцы, шевельнулись, сминая клетчатую скатерть, покрывавшую стол. – Отвечай, чего молчишь?

– Перестань, – взвизгнул Хомчик. – Все слишком серьезно! Хотите передаться?

– Вот именно, – желчно усмехнулся Котенев, – это было бы, как нельзя кстати. Хочу вам еще сообщить, что были не милиционеры.

– Госбезопасность? – охнул Рафаил.

Лушин набычился еще больше и приподнялся из-за стола.

– Сиди, Саша, – небрежно махнул ему рукой Михаил Павлович. – Приходили какие-то уголовники с подделанным ордером на обыск и фальшивыми красными удостоверениями.

Александр Петрович вытер ладонью выступивший на лбу обильный пот и обмяк в кресле.

– Но позволю, откуда же у них удостоверения? – беспокойно завожился Хомчик, прикуривая сигарету. Глубоко затянувшись, он продолжил: – И еще ордер? Они были в форме или в штатском?

– Что ты вцепился в эти удостоверения, – обозлился Лушин. – Сейчас в любой вшивой конторе выдают красные книжечки.

– Черт знает что! – не мог успокоиться Рафаил. – Куда только смотрит настоящая милиция?

– Помолчи, – оборвал его Александр Петрович. – Ты пробовал возмутиться, Михаил?

– Зачем? – скучно спросил Котенев. – Чтобы мне проломили голову в собственной квартире или предъявили калибр?

– У них было оружие? – насторожился Хомчик.

– Я не видел, но мало ли?

– Да, но все-таки, – заторопился Рафаил, – объясни толком, откуда у тебя такая уверенность, что это не оперы?

Лушин и Хомчик напряженно уставились на Котенева, ожидая ответа. Тот объяснил:

– Во-первых, они так спешили, что забыли про понятых. А это, как известно, обязательное условие любого обыска. Они нервничали, дергались, явно торопились, опасались, как бы им что-нибудь не помешало. Во-вторых, я знаю, каковы настоящие милицейские удостоверения. А в-третьих, один из них был в милицейской форме и в то же время не в форме.

– Как это? – не понял Александр Петрович.

– Ну, ботинки не форменные, брюки без кантов, рубашка не такая. Я допускаю, что обувь у них жутко плохая, – усмехнулся Михаил Павлович, – поэтому многие носят свою, но брюки и рубашку никто из них не меняет.

– Т-а-а-к, – протянул Хомчик, барабанив пальцами по столу. – А если, все же?..

– Я тебя умоляю, Рафаил! – засмеялся Котенев. – Не торопись, как голый в бане. Я еще не сказал самого главного. Пока они шарили по квартире, я подошел к окну. Внизу стояла машина. Водитель вышел из нее... Представьте себе, я узнал в нем знакомого уголовника, некоторое время назад обращавшегося ко мне за деньгами.

– Интересные дела! – бросив сигарету, изумленно поднял брови Рафаил.

– Вот-вот, – закивал Лушин, – у тебя появились близкие приятели среди уголовничков? Откуда?!

– Не паясничайте, – оборвал их Котенев. – Помните, как засадили братца моей супруги? Так вот, этот хмырь мне привозил приветик из колонии от драгоценного родственничка.

– Ты не мог обознаться? – нервно хрустя пальцами, спросил Хомчик. – Давно он у тебя был последний раз?

– Он у меня всего один раз и был, да и то не у меня, виделись в Сокольниках. – Вспомнив встречу с Анашкиным, Михаил Павлович безглаголиво скривился. – Обознаться я не мог!

– Может быть, стоит заявить куда следует? – предложил Лушин. – Много они взяли?

– Я не дурной, чтобы дома все держать, – отмахнулся Котенев. – Так, пощипали по мелочам: побрякушки жены, облигации, немного наличными. Ну, а я, вроде бы с сердечным приступом. Сначала прикинулся, а потом и в самом деле сердце схватило. Заявлять, думаю, не стоит. К чему привлекать к себе внимание?

– Господи, зачем я с вами связался? – сморщившись, как от зубной боли, простонал Рафаил. – Уеду, к черту!

– Куда это ты собрался? – покосил на него воспаленным глазом Лушин. – Деньги-то любишь получать, а как что, так в кусты? Нет, дружок, давай уж вместе!

– Да, вместе? – вскочил Хомчик. – А кто мне делал заманчивые предложения? Кто? Кто обещал полную гарантию и защищенность?

– Защищаться надо, – мрачно поддержал Александр Петрович.

– Потребуем защиты от старшего компаньона, – хлопнул ладонью по столу Михаил Павлович. – А сами будем сидеть тихо и не делать опрометчивых шагов.

– Опять убытки? – горестно вздохнул Рафаил, – Где живем? Никакого покоя деловому человеку.

Он твердо решил для себя свернуть дела и срочно уехать из Москвы подальше. Туда, где есть родня или знакомые, и нет приходящих по вечерам уголовников с поддельными ордерами на обыски. Пусть называют трусом, но лучше некоторое время праздновать труса, чем потом лежать в сырой могилке – не зря же Котенев намекнул, что у посещавших его квартиру могло иметься оружие. Зачем такое бедному Хомчику? Но сообщать об этом он не станет. Решил – и помалкивай!

– Наверстаем убыточки, – несколько оживился Лушин. – Главное, бабам своим ни слова! Запаникуют или протреплются, дуры!

Для себя Александр Петрович решил, что все еще не так страшно. Поглощение фирмы более сильными партнерами его не пугало, а что до уголовников, приходивших к Мишке... Когда у человека есть деньги и связи, что стоит нанять, хотя бы на время, надежного отбойщика, готового выкинуть любого незванного визитера за дверь... Ладно, поищем.

– Саша, ты, кажется, кофе обещал? – напомнил Котенев.

– Кофе? – переспросил еще до конца не отошедший от своих мыслей Лушин. – Сейчас сообразим. Может, это. – Он выразительно щелкнул пальцами по горлу.

– Кофе! – повторил Михаил Павлович.

Деловая часть встречи закончилась...

В нагретом солнцем «жигуленке» было жарко и маятно, не спасал и маленький вентилятор, и открытые окна. Парни, сидевшие в машине, часто курили, сплевывая на проезжую часть тягучую, горькую от никотина слюну. Заметив вышедшего из подворотни Котенева, один из парней толкнул другого локтем:

– Вышел. Потянемся за ним или возьмем другого?

– Давай за нашим, – нервно зевнул сидевший за рулем.

– Поехали, – скомандовал сидевший рядом с водителем, когда автомобиль Котенева тронулся с места.

Водитель послушно переключил передачу и тронул «Жигули». Следили за мелькавшим впереди автомобилем Михаила Павловича. Но вот он неожиданно притормозил и начал перестраиваться – мигнули сигнальные бгги.

– Куда его леший песет? – возмутился водитель.

– Еще одну берлогу покажет, – довольно усмехнулся сидевший рядом с ним. – Прижмись к тротуару. Он, видно, кому-то звонить собрался.

Котенев действительно вылез из машины, вошел в будку телефона-автомата, и набрал номер.

– Да, – ответили на том конце провода.

– Добрый вечер, – церемонно поздоровался Котенев. – Есть крайняя необходимость повидаться. Срочно!

– Хорошо. Вы на машине? А где находитесь? Понятно... Справа будет маленький переулочек, поедете по нему до конца, а потом выскочите на Чистые пруды. Там уже рукой подать. Запоминайте адрес, только, я вас прошу, не записывайте. Договорились?

Выйдя из будки, Михаил Павлович сел за руль и, дав газ, резко свернул в переулок.

Машина преследователей, не ожидавших такого поворота событий, проскочила мимо.

– Ах ты, мать его! – разворачиваясь в неполюженном месте, сквозь зубы матерился Ворона – он был за рулем. Рядом – Кислов.

Проскочив через переулок, они не увидели впереди машины Котенева. Вернулись, заезжали во все дворы и тупики, но «жигуленок» Михаила Павловича как сквозь землю провалился...

Глава 8

Александриди открыл дверь сразу, словно нетерпеливо ждал, пока приедет Котенев. Пропустив гостя в прихожую, Лука тщательно запер за ним дверь на все многочисленные замки и провел его в комнаты. Включил торшер, усадил Котенева в большое мягкое кресло и, устроившись напротив, сложил руки на животе:

– Если хотите, можете курить. Спиртного не предлагаю, поскольку неприятностей, как я понял, у вас и так хватает?

– Более чем, – доставая сигареты, криво усмехнулся Михаил Павлович.

– Хотите чаю? – Александриди взял предложенную Котеневым сигарету. – Или кофе? Правда, только растворимый. Впрочем, давайте сначала дело. Что произошло?

В этот момент в душе Михаила Павловича боролись два чувства – одно призывало раскрыться перед Александриди, просить помощи, рассказывать все как есть, начиная со звонка посланца Виталика Манакова, отбывавшего срок в колонии. Другое властно требовало максимальной осторожности, напоминая, что грек – доверенное лицо Курова, которому не стоит давать в руки такие «козыри». Кто может точно знать, когда и каким образом потом используют против тебя полученные сведения? Поэтому внутренний голос назойливо твердил: попридержи язык, Мишка!

Конечно, болтать лишнего не стоит, но и молчать нельзя. Иначе, как рассчитывать на помощь, требовать ее? В конце концов, пусть «старший компаньон» защищает младшего, то бишь оберегает собственные доходы. Итак, решаем: про звончек из мест не столь отдаленных промолчать. Но с чего тогда начинать, чем объяснять приход с самочинным обыском? А надо ли объяснять? Пусть Александриди сам строит версии и докапывается до сути.

Тяжело вздохнув, Котенев начал рассказывать Луке, как вчера вечером наведались ряженные – под милиционера и работников прокуратуры – уголовнички. Рассказывал Михаил Павлович нарочито скуп, стараясь избежать ненужных эмоций, акцентируя внимание только на значимых

деталей. О похищенном под видом обыска имуществе упомянул вскользь, как о вещах достойных сожаления, но не настолько, чтобы потерять голову от жадности и, в то же время, ненавязчиво подчеркнул, что желал бы возместить потери. Тем более, что неприятность произошла как раз после согласия на сотрудничество с «фирмой» Сергея Владимировича.

– Полагаете, это отголоски прежних неприятностей, явившихся следствием вашего долгого раздумья и не нужного упрямства? – прищурился внимательно слушавший гостя Лука.

– Ну, откуда мне знать? – протянул Котенев.

– Мы такими вещами не занимаемся, – отрубил Александриды, – тем более по отношению к партнерам.

– Тогда не знаю, что и подумать.

– В одном древнекитайском трактате, не помню его точного названия, – начал Лука, – говорилось, что труд государя состоит в том, чтобы находить людей. Я не хочу сравнивать Сергея Владимировича с монархом, но можем ли мы – действительно, деловые люди – позволить себе столь убыточные методы? Вас долго вычисляли, дорогой Михаил Павлович, делали все, чтобы склонить к сотрудничеству, а теперь начнем рубить сук, на котором сидим? Признайтесь, не вяжется? Согласны?

– Согласен, – вынужденно признал Котенев.

Александриды поднялся, вышел из комнаты и через минуту вернулся с подносом, на котором стояли кофейник, чашки и вазочки с печеньем. Ловко, как профессиональный официант, расставив все на столе, он налил в чашки дымящийся кофе, продолжил мысль:

– Думается, произошла трагическая случайность. Понимаете? Дело у вас и до встречи с нами было достаточно широко поставлено. Поэтому вы могли попасть в поле зрения уголовного элемента...

– Ладно, – пробуя кофе, буркнул Михаил Павлович, – делать-то все равно что-то надо. Не сидеть же сложа руки?

– Конечно, конечно, – сразу же согласился Лука. – Вы очень правильно поступили, что сразу же позвонили и приехали. Мы примем все необходимые меры. Немедленно.

– Какие меры? – не отставал Котенев. – Приставите охрану? Или прикажете больше не беспокоить меня и моих компаньонов?

– У нас имеются различные возможности, – отставив пустую чашку, заверил Александриды. – В том числе возможность дать вам охрану. Хотите?

– Не знаю, – честно признался гость.

– Не хотите решать сейчас, не надо, – милостиво разрешил грек. – Подумайте, но мы оставим за собой право действовать сообразно обстановке.

– Даже так? И что же вы сделаете?

– Неужели у вас имеется противоестественное желание вновь пережить налет? – засмеялся Лука. – Могу твердо обещать, что наши решения будут направлены только на обеспечение вашей безопасности.

– И моих коллег, – добавил Михаил Павлович.

– Разумеется, – согласился хозяин. – Не откажите в любезности, – грек достал из шкафа японский диктофон, – повторите приметы разбойничков, желательно подробнее.

Михаил Павлович описал приметы приходивших к нему с самочинным обыском, не забыв и проклятого уголовника, стоявшего у машины.

– Вот и славненько, – выключив запись, потер руки Лука.

– Отдыхайте пока, а мне придется заняться делом. И я вас прошу, Михаил Павлович, не делайте опрометчивых шагов. Понимаете?

– Вполне, – выходя в прихожую, заверил Котенев.

– Звоните мне завтра, – отпирая дверь, попросил грек.

– Всего доброго! – гость бодро спустился по лестнице.

Лука вернулся в комнату, сел к столу, налил себе еще кофе и, включив диктофон, прослушал запись. То, что Мишку Котенева обрили под предлогом обыска, его не волновало – добро чужое, да и взяли у него далеко не последнее. Но сам предлог...

Дослушав до конца, Лука выключил диктофон и задумался. Надо звонить Курову и сообщать о происшествии. Но если позвонил, то будь готов предложить Сергею Владимировичу несколько вариантов решения этой, прямо скажем, непростой задачи.

Взяв чистый лист бумаги, Лука быстро набросал несколько строк и, отставив руку с листком подальше, – глаза стали немного подводить, – перечитал написанное. Набрав номер телефона Сергея Владимировича, он попросил срочной аудиенции. Получив согласие, вышел из квартиры и, спустившись вниз, некоторое время стоял, внимательно осматривая из окна парадного улицу. Не обнаружив ничего подозрительного, грек сел в автомобиль: притащить за собой чей-либо хвост к Курову, было бы просто безумием, а Лука рисковать не хотел...

Возвращался он поздно вечером – усталый, измученный, но довольный состоявшимся разговором. Подготовленные предложения шефу понравились, за что он удостоился похвалы. Решение было принято именно такое, как и предполагал Александриды, – посягнувших на людей Курова предстояло примерно наказать в назидание другим.

Свернув в темные, запутанные переулки центра, Лука отыскал нужную подворотню и остановил машину. Порывшись в перчаточном отделении, достал электрический фонарик и, подсвечивая себе под ноги, углубился в темень двора. Остановившись около высокой двери он постучал два раза.

Вскоре выше этажом распахнулось окно, и сонный мужской голос недовольно спросил:

– Кого принесло?

– Открывай! – ничуть не смутившись нелюбезным приемом, ответил грек.

Мужчина захлопнул створки. Через минуту Луке открыли дверь, и он вошел в помещение какой-то конторы. Впустивший его мужчина, почесывая голую мускулистую грудь, устроился за столом секретарши и выжидательно уставился на гостя.

– Вот, возьми, – тот подал ему конверт. – Здесь фотографии и адреса. Поставишь за каждым наблюдение.

– Когда? – рассматривая фото Котенева, поинтересовался мужчина.

– Сегодня, – распорядился Лука. – К ним ненужная публика подбирается, а кто именно, мы пока не знаем. Твоя задача выяснить и принять меры.

– Я сегодня сторожу. – Мужчина убрал фото в конверт и прихлопнул его тяжелой ладонью. – Давай завтра утром? Не горит?

– Горит, – отозвался Александриды. – К одному уже приходили с самочинным обыском. Кому такое понравится? Твою контору только полный дурак может обокрасть, дело делай.

– Дурак, – фыркнул сторож, – работу сейчас трудно найти. Контора что, но если залезут какие охломоны, выгнать меня могут, а потом опять тихую гавань ищи?

– Тогда звони, – не стал обострять отношения Лука, – но чтобы сегодня же все были на местах. Когда нащупаете этих развеселых друзей, то карать без жалости.

– Отделаем, – скучно зевнул сторож, прикрыв рот большой ладонью. – Мама не узнает.

– Мама с цветочками должна на кладбище ходить, – усмехнулся грек. – Я же сказал: без жалости. Охраняемым на глаза не суйтесь, осмотритесь, чтобы потом с ментами неприятностей не расхлебывать. Разбойничков убрать чисто и не в квартирах. По одному вывезете за город, там и закопаете. Звони, – грек кивнул на телефон, – а я пойду. Не провожай, дверь захлопну... Утром позвонишь, доложишь, что сделал.

– Это уж, как водится, – согласился сторож.

– Да, – остановился в дверях Александриди, – используй технику и очертя голову не кидайся. Если при вас к кому из них пойдут, то лучше потом с разбойничками разберитесь, а в квартиры следом за ними не лезьте.

Выйдя в темноту двора-колодца, Лука поглядел вверх, отметив, что свет в окне приемной не погас. Сев за руль, он облегченно вздохнул – кажется, на сегодня успел все сделать, везде побывал, со всеми поговорил. Можно ехать домой, спать...

На стене прихожей висел календарь японской фирмы – загорелые обнаженные красоти с кукольными фарфоровыми личиками. Щелкнув ногтем по животу узкоглазой красавицы, Михаил Павлович прошел на кухню, где Татьяна готовила ужин. Сев к столу, он подумал, что если его Таньку так сфотографировать, она будет выглядеть ничуть не хуже, а то и более соблазнительно.

Таня поставила перед ним тарелку, положила на нее аппетитно пахнущий кусок жареного мяса, налила чаю. Усевшись напротив, развернула газету.

– Чего пишут? – лениво поинтересовался Михаил Павлович.

– Осуждают группу высокопоставленных медиков, пытавшихся получить Государственную премию за разработку нормативов содержания ядохимикатов в продуктах. Даже при отсутствии средств контроля за их содержанием.

– Совсем обнаглели, – отрезая кусок мяса и отправляя его в рот, откликнулся Котенев. – Травят народ и еще хотят за это премии получать?

– Успокойся, премии не дали, – улыбнулась она.

И все же, он без всякого аппетита дожевал мясо, запивая его терпким чаем. Настроение испортилось.

Хотя, и без медиков причин для паскудного состояния души более, чем достаточно. Зачем далеко ходить, стоит вспомнить вечерок с пресловутым обыском. А еще жена, с которой предстоит объясняться, бегемот Лушин, трусливый Хомчик, обходительно-подлый грек Александриди, Сергей Владимирович Куров с хваткой бульдога. Уехать бы отсюда, причем навсегда. Может, прав трусоватый Хомчик? Набрал кое-чего – и не жадничай: собирай вещички – и дуй в иные города и веси, прихватив свою Таньку?

– Слушай, ты как посмотришь, если бы мы уехали? – неожиданно вслух высказал он свои потаенные мысли.

– Куда? – отложив газеты, она удивленно подняла брови. – Ты серьезно?

– Вполне, – заверил Михаил Павлович. Всего он рассказывать не собирался, сейчас важно узнать ее настрой, какие у Татьяны мысли, пойдет ли она за ним и дальше? От этого может зависеть многое. – Что, думаешь, я не решусь расстаться с Москвой? Решусь! Есть города не хуже, а то и лучше, чем столица. Попрошу перевода, осмотрюсь на новом месте, и приедешь ко мне. Согласна?

– Если женой, то приеду. Когда будешь просить перевод? – она лукаво улыбнулась.

– Не знаю, – честно ответил Котенев.

– Пошли лучше спать, – Татьяна взьерошила ему волосы и прижала голову к груди. – Устал мой милый, все заботы, хлопоты, даже к дочке некогда съездить.

– Не травми душу, – высвобождаясь, буркнул Михаил Павлович и отправился в ванную.

Стоя под душем, он вновь вернулся к мысли о выезде из столицы. В самом-то деле, что он, мало имеет? Зато не будет Курова и других, не придут вечером с обыском, да и с Лидой все решится как бы само-собой. Вдруг выход из лабиринта проблем действительно в том, чтобы удрать от них, затоптать память о прошлом и начать жить с начала, как начинают писать с красной строки?..

Когда машина Котенева неожиданно свернула в переулок и исчезла, сидевший за рулем следовавших за ней «Жигулей» Ворона не стал особенно беспокоиться – куда денется, проскочит на параллельную улицу и опять появится. Но машина Михаила Павловича не появилась.

– Тварь безрогая! – зло выругался Анашкин, беспомощно рыская глазами, в надежде отыскать в потоке транспорта машину Котенева. – Вечно темнит, мудрила.

– Чего делать будем? – прервал его Олег Кислов и решил:

– Давай по адресам. Если не найдем, придется подаваться к Аркадию, пусть сам думает.

Около дома Михаила Павловича его машины тоже не было. Ворона начал нервничать, выезжая со двора, чуть было не врезался в столб и долго матерился, поминая недобрыми словами Котенева и всю его родню до седьмого колена. Кислов вжался в сиденье и думал, что они скажут Аркадию – вдруг проклятый миллионер-подпольщик решил удариться в бег или, того хуже, сумел незамеченным проскользнуть в милицию? Денежки у него есть, это точно, и денежки немалые – редко у кого дома тысячи лежат. Когда пришли они к нему под видом обыска, сначала было не по себе: вдруг все догадки Лыкова просто бред и Ворона навел не туда? Но ушли не с пустыми руками. Правда Аркадий без усталости твердит, что взяли сущую мелочь, что должен быть у друзей-мафиози свой казначей – либо Рафаил, либо толстый Лушин. Может, оно и так, может, плохо искали у Котенева – опыта-то, нет. Но куда он, проклятый, сегодня запропал?

Во дворе Лушина опять не увидели машины Михаила Павловича, и тут уже нервная дрожь начала бить и Кислова – неужели влипли?! Торопливо погнали к дому Хомчика и, не обнаружив и там, поехали к Татьяне Ставич. Только увидев около ее подъезда знакомый «жигуленок», позволили себе расслабиться.

– Фу, – вытирая потный лоб, вымученно улыбнулся Олег. – Пронесло на сегодня. Мотаем отсюда. До утра он не выберется.

– Почему? – Ворона прикуривал, от волнения ломая сигарки.

– Разве от такой бабы быстро уходят? Ты ее видел?..

Сколько сразу навалилось забот! Первое – где в мизерной по площади квартире надежно спрятать пистолет? Раньше Аркадий об этом не задумывался – прятать было нечего.

Куда же деть оружие? Под ванной может поржаветь, а машинка и так далеко не новая; в трубу, за решетку вентиляции, – не пролезает; пол не поднимешь – это тебе не паркет в старых домах, тут везде линолеум. Помыкавшись, он решил сунуть парабеллум в диван, предварительно завернув его в тряпки и клеенку.

Второе – куда девать деньги? Взятые у Котенева Аркадий разделил: Кислову были выданы облигации, чтобы он обменял их в разных сбербанках на наличные; Жедю отданы золотые побрякушки, а деньги Лыков взял себе. Их оказалось много, столько в руках Аркадия никогда еще не бывало. Сначала он хотел спрятать их между листов книг, стоящих на полках, но сообразил, что его книг не хватит, чтобы рассовать по ним все купюры. Поколебавшись, сунул толстую пачку в телевизор, сняв с него заднюю крышку панели и потом аккуратно поставив ее на место. Эти заботы как-то отогнали беспокойство и страх, поселившиеся в душе после посещения квартиры Михаила Павловича.

Сначала, когда поехали к подпольному миллионеру, Аркадий нервничал – все время казалось, что Жедь не так надел милицейскую форму, которую он где-то раздобыл; потом чудилось, что двери не откроют, а если и откроют, то могут позвать соседей или усомниться в подлинности

ордера на обыск, который достал тот же вездесущий Жеда. Хотя, какой там ордер – приличная фальшивка. И всю дорогу мешал непривычный пистолет: хотелось его переложить, перепрятать, чтобы не врезался то рукоятью, то стволом в разгоряченное, потное тело. Для себя Аркадий твердо решил не отступать – если что не так пойдет, то забыть про ордер и фальшивые удостоверения, а доставать оружие и требовать деньги. Но обошлось. А теперь отчего-то страшно – вдруг Михаил Павлович надумает заявить?

Лыков старался успокоить себя тем, что побоится Котенев обращаться в милицию или прокуратуру, чтобы не «засветиться». Чего волноваться, если ты пошел ва-банк в непростой игре за собственное благополучие – теперь выгрызай его зубами, дорогой Аркашка, не зря же твое имя означает, в переводе с греческого, «счастливым»...

Спал Лыков плохо. Мучили липкие кошмары, в которых Котенев вдруг оказывался не вялым и покорным, как у него на квартире, а совсем другим: хитрым, неуловимым, злобным и очень сильным. Просыпаясь, Аркадий вытирал выступивший на лбу пот, шлепал босыми ногами на кухню и жадно пил холодную воду, надолго прилипая губами к водопроводному крану. Не чувствуя облегчения, отрывался и снова заваливался на диван, с нетерпением ожидая – пожалуй, впервые в жизни – рассвета и звонка будильника, когда надо будет снова встать, одеться, выйти из дома и чем-то заняться среди людей...

Утро пришло яркое, солнечное, завтрак туриста из баночки показался весьма аппетитным, и Аркадий повеселел. Наскоро побрившись и, по укоренившейся привычке, прочтя вчерашнюю газету в туалете, он отправился на работу.

В отделе словно ничего и никогда не могло измениться – те же лица, надоевшие кипятильнички и бутерброды, шахматная доска, утренняя сигарета и болтовня о мелких новостях.

– Посмотришь программку? – заискивающе попросил Суздальцев, подсовывая Лыкову свою работу. Аркадий взял. Как он и ожидал, Суздальцев опять вовсе халтурил, не желая напрягать мозги и надеясь выкрутиться с чужой помощью. Но работать за него Аркадий не был намерен.

– Вот тут напортачил, – найдя ошибку, он ткнул пальцем в программку и вернул ее.

– Да бросьте вы эту программку, мужики. Слыхали новость? – спросил Никифоров.

– Какую? – сразу же отложил работу Суздальцев.

– Оперативники к нам приехали!

Аркадий хотел спросить, откуда это известно Никифорову, но почувствовал, что не может вымолвить ни слова – в горле словно застрял шершавый ком.

– Да? – живо заинтересовался Суздальцев. – А откуда?

– Думаю, с Петровки, – наслаждаясь произведенным эффектом, солидно пояснил Никифоров, которого Лыкову захотелось обозвать скотиной и треснуть по голове чем-нибудь тяжелым.

– Зачем? – наконец обрел он дар речи.

– Вот в этом-то, братцы мои, вся штука, – важно сощурился Никифоров. – Завхоза нашего привлекают.

– Куда привлекают? – не понял Суздальцев.

– К уголовной ответственности. Проворовался, голубчик. Попарится теперь в тюрьме, зато, наверное, есть, что вспомнить.

– Откуда ты знаешь? – подходя к окну и прикуривая, спросил Лыков.

– Афанасий жаловался в коридоре секретарю парткома, – наслаждаясь всеобщим вниманием, рассказывал Никифоров. – Я на «палубу» в туалет пошел: там попрличнее и бумагу дают для начальства, а они как раз около дверей остановились. Я поздоровался – и шмыг внутрь, но сам за дверью притих и слушаю. Секретарь вещал, что наш завхоз большие денежки спер. И куда ему, старому хрычу?

– У него трое детей, – вставил Суздальцев. – Может, для них старался? А то бывает, седина в бороду, а бес в ребро?..

– Думаешь, для детей? Афанасий толковал, что с моральным обликом слабовато не только у завхоза, – весело осклабился Никифоров.

– Кто знает? – повернувшись к нему, откликнулся Лыков. – Моралисты трудятся над искоренением злоупотреблений, а достоверно ли, что род людской способен усовершенствоваться? Да и есть ли существенная разница между нашими добродетелями и пороками?

– Ты прямо как по писаному, – засмеялся Суздальцев.

– Зря смеешься, это действительно писано Екатериной II в письме к графу Чернышеву. Книжки надо читать, Леня. А насчет завхоза? Вдруг ему действительно на прокорм троих детей не хватало? Зарплата у нас не разгуляешься. Болтать можно, а вот попробуй жить, когда не хватает...

– Совести у него не хватало! – махнул рукой Никифоров.

– Да? – обозлился Аркадий. – Наш бедный завхоз попался, и теперь все будут визжать о совести, нравственности, идеалах светлого будущего. А каждому приходится выбирать: быть лучше или жить лучше.

– Точно, выбирать приходится, – подтвердил Суздальцев и уточнил: – быть честным или воровать.

Аркадий набрал номер телефона Олега Кислова. Трубку долго не снимали, потом подошел сам Олег и сонным голосом сообщил, что все нормально – клиент никуда не шастал и вел себя как обычно.

Затем он набрал номер Жеда.

– Привет, это я. Завтра поедем ко второму, предупреди ребят – суббота будет, намылятся еще куда.

– Ладно, – вздохнул мастер по приему стеклотары и поинтересовался: – Кого наметил? Тощенького?

– Наоборот, – усмехнулся Аркадий, – толстенького.

Проснулся Лушин около половины девятого утра. Повернувшись на спину, увидел, что жена уже встала и, наверное, сейчас готовит ему завтрак. Варит кофе и овсяную кашу: привычка, перенятая в туристической поездке за рубеж, где все едят овсянку. Энергично потерев лицо ладонями, Лушин поднялся, подошел к стоявшему около окна трюмо и поглядел на свой отвисший живот – растет, будь он не ладен, даже овсянка не помогает.

Накинув на поросшие редкими волосами плечи махровый халат, Александр Петрович выплыл из спальни в коридор. Около кухни уже вертелся Сеня, ожидая завтрака.

– Доброе утро, – вежливо поздоровался он с Лушиным.

– Доброе, – ответил тот, вспоминая вчерашний разговор по телефону с Котеневым.

Уверял, подлец, что все решено наилучшим образом – договорился, мол, с людьми старшего компаньона, они дадут охрану, и можно более ничего не опасаться. Слушая его заверения, Александр Петрович поддакивал, а сам думал: дурака Мишку могли самого обмануть, но обещать с три короба, но ничего не сделать.

Закончив разговор, он закурил и начал мысленно перебирать знакомых, способных оказать ему действенную помощь в охране квартиры. Наконец, в памяти выплыло лицо дальнего родственника по линии жены – Сени. Здоровенный, как танк, занимался какими-то экзотическими видами борьбы. Весу в Сенечке больше центнера, зарядку делает с пудовыми гирями и, конечно, не откажет. А если дать денег, то уж точно будет готов на все. Не откладывая дела в долгий ящик, Александр Петрович разыскал по телефону Сению. И вот теперь он ночует здесь, и на душе стало немного спокойнее.

– Я пойду ванночку приму, – доверительно сообщил Сене хозяин и крикнул на кухню: – Маша! Ставь кофе, я скоро.
– Александр Петрович, – остановил его Сеня и, нахально глядя прямо в глаза, напомнил: – Денежки бы дали.
– Чего? – недовольно остановился Лушин. – Да, я помню. Подожди, сейчас приму ванночку...
– Суббота сегодня, – прижав дверь огромной ладонью, упрямо басил Сеня, – хочу на пляж съездить, а то вечером опять мимо развлечений. И жарко, а надо к вам приехать.

– Надо, – сокрушенно вздохнул Александр Петрович.

Лушин вернулся в спальню, достал из кармана пиджака, висевшего на спинке стула, бумажник и, порывшись в нем, протянул Сене двести рублей:

– Держи. Только вечером чтобы как штык был здесь.

– Железно! – Сеня спрятал деньги в карман брюк и распахнул перед Лушиным дверь ванной. Тот еще раз улыбнулся и, войдя, закрыл ее за собой. Вскоре донесся шум воды.

– Иди ешь, – позвала с кухни Маша. – Чегой-то ты повадился к нам? – ставя перед Семеном тарелку, спросила она.

– Это твой опасается, – прихлебывая чай, усмехнулся Сеня.

– Опасается? – Маша вытерла руки концом передника и присела напротив. – Чего ему опасаться?

– Рэкет кругом, – с набитым ртом пояснил родственник, ворочая челюстями и быстро уничтожая выставленные перед ним деликатесы, – в газетах только про это и пишут. А тут еще, говорил, на каких-то его знакомых напали.

– Господи, страсти какие, – прижала руки к груди Маша, сморщив доброе, полное лицо. – Это кого же так?

– Не знаю, – отмахнулся Сеня. Мысленно он был уже на пляже. – Говорил, туг живут, недалеко.

– Ой, не Котеневы ли? Надо Лидке позвонить, спросить.

– Так она тебе и расскажет, – весело заржал Сеня, вставая из-за стола. – Спасибо, накормила. С собой сделай пару бутербродиков с рыбой.

Заскочу пивка возьму – и на пляж.

– Жизнь пошла, – готовя ему бутерброды, причитала Маша, слушая, как из ванной доносится веселое пение мужа.

– Не бойсь, переночуем. Мерещится все твоему благоверному... Я открою. – Услышав звонок в передней, Сеня вышел в прихожую и открыл дверь.

В полумраке лестничной площадки стояли двое мужчин в белых халатах.

– Где больной? – делая шаг в прихожую, спросил первый.

– Какой больной? – загораживая дорогу, угрюмо спросил Сеня и выпихнул незваного гостя на площадку.

– Что вы себе позволяете? – разозлился мужчина в белом халате и вынул из кармана бумажку. – Это ваш адрес?

– Ну наш, и что дальше?

– «Скорую» вызывали?

– Нет, честное слово, нет, – Сеня успокоился: обычное дело, ошиблись или подшутили. Бывает.

– Пошли, чего там, – буркнул пожилой фельдшер, поудобнее перехватывая ручку чемоданчика, – развлекаются всякие, а в это время люди мучаются...

– А чего вы мне это говорите? – обиделся Сеня.

Захлопнув дверь, он накинул цепочку и, крикнув Маше, чтобы не волновалась, пошел в туалет. За тонкой перегородкой, весело похлопывая себя мокрыми ладонями по груди и животу, мылся Лушин, фальшиво распевая:

– «Я так хочу-у, чтобы лето не конча-алось!...»

– Бегемот, – спуская воду, беззлобно обозвал его Сеня, не зная, что повторяет слова неизвестного ему Михаила Павловича Котенева...

Вопреки сомнениям Лушина, охрана действительно была – во дворе стояли темные «Жигули», в которых курили четверо крепких парней, не спускавших глаз с подъезда дома.

– «Скорая» пришла, – скучно сообщил один.

– Думаешь, у них в чемодане автомат? – криво усмехнулся водитель.

Наблюдавший за подъездом молча вышел, не спеша направился к «скорой» и перебрисился несколькими словами с шофером санитарной машины. Вернувшись, сообщил:

– К нашему приехали. Морда у водилы паскудная.

Старший из парней задумался – выданные ему скупые приметы людей, приходивших на квартиру Котенева, вполне совпадали с приметами приехавших на машине «скорой» – врач молодой, подтянутый, фельдшер постарше, лысоватый.

– Пойдем? – повернулся к нему сидевший за рулем.

– Подождем, – протянул старший. – Пожалуй, проводим их, когда выйдут, поглядим, откуда они взялись. Потом вернемся...

Дождавшись, пока врач и фельдшер выйдут и сядут в машину, он приказал водителю:

– Давай следом, только не потеряй...

В другом углу большого двора дома Лушина стояли еще одни «Жигули», за рулем которых сидел Гришка Анашкин. Рядом с ним ерзал Олег, а сзади расположились Жедь и Аркадий Лыков. Когда к дому подрулила «скорая», Лыков напрягся, и, поглядев на часы, засек время.

– Вышли, – облегченно вздохнул Ворона. – Чисто.

– Ну, чего сидим? – взялся за ручку дверцы Кислов.

– Не торопись, – удержал его Аркадий.

– Все мудришь, – принимая в пепельнице окурок, ехидно прищурился Жедь. – То сантехника вызовешь, то «скорую» пригласишь.

– Думать надо головой, – постучал себя пальцем по лбу взвинченный Лыков. – Вдруг там засада?

Он никак не мог понять, что не дает ему покоя, – все по плану, все нормально, доктора вышли из квартиры беспрепятственно, но отчего так тревожно ноет сердце и душа не на месте? Может быть, отложить сегодняшнее мероприятие и приказать Анашкину вертеть руль в сторону дома, а там взять водки и закуски – благо, деньги есть, – отдохнуть, помозговать, прикинуть новые, более хитрые варианты выжимания денег из Александра Петровича Лушина?

– Тачка готова? – все еще не приняв окончательного решения, бросил Аркадий.

– Отгоняем эту и пересаживаемся, – заверил Анашкин.

– Пошли, – выдал из себя Аркадий и первым вылез из машины. – Я представляюсь, а остальные работают, как в прошлый раз. Гриша, – обратился он к Анашкину, – ты с нами. Лушин тебя не знает.

Ворона запер дверцы машины и поплелся следом за Жедем, одетым сегодня в штатское, к подъезду. Поднялись по ступенькам, хлопнула тяжелая входная дверь, пропуская в полумрак лестничной площадки. Олег, заранее изучивший расположение квартир, уверенно повел их вверх...

Маша прибрала со стола посуду и поставила на чистую салфетку любимую чашку мужа – большую, вмещавшую поллитра.

– Чао! – на кухню заглянул уже успевший накинуть куртку Сеня. – Не скучайте дорогие родственнички.

– Вечером придешь? – выходя следом за ним в прихожую, спросила Маша.

– Ага...

Семен не успел сделать и шаг, как раздался звонок в дверь.

– Иди, – бросил он Маше, – наверное, докторишки вернулись.

Предполагая увидеть перед собой врача и фельдшера с чемоданчиком, он сердито распахнул входную дверь.

– Здравствуйте, – в прихожую шагнул молодой человек. – Мы из милиции. – Он небрежно махнул перед носом опешившего Семена красной книжечкой и быстро спрятал ее в карман.

– «Я так хочу, чтобы лето не кончалось...» – ревел за дверью ванной весело плескавшийся Лушин.

Сеня хотел захлопнуть дверь, но в прихожую уже успел проскользнуть еще один человек – лысоватый, в мешковатом пиджачке, – а дверь не дал закрыть третий – рослый малый в джинсовой куртке. За его спиной мелькнуло лицо четвертого.

– Прикройте двери, – властно приказал первый из вошедших.

– Чего? – опомнился Сеня. – Ты кто такой? А?!

– У нас имеется постановление прокурора о производстве обыска, – терпеливо объяснил молодой человек, доставая бумагу.

Семен, словно поддавшись гипнозу, протянул руку и взял бланк. В глаза сразу бросился красный штампик в правом верхнем углу: Прокрутура. И желтая полоса, идущая поперек листа.

– Чего встали, – повернулся молодой человек к остальным, – приступайте к работе.

– Покажи удостоверение! – Семен набычился и скомкал ордер.

Он загородил дорогу в глубь квартиры, краем глаза успев заметить, что из кухни вышла Маша.

– Попрошу не тыкать, – обозлился молодой человек. – Вот удостоверение. Он полез в карман и раскрыл перед лицом Семена красную книжку.

– Иди, пока цел, – Сеня отпихнул его руку и слегка толкнул молодого человека плечом, отчего тот отлетел назад. – Детей этим будешь пугать! А ну!

Неожиданно одетый в джинсовую куртку парень ловко ударил Сеню в голову ногой, а представившийся милиционером успел больно стукнуть по голени носком ботинка. Сеня дико взревел и врезал «милиционеру». Тот охнул и осел на пол. Маша взвизгнула.

На плечи Семену прыгнул лысоватый. Но он оказался не слишком опытным бойцом – его удалось скинуть, а «джинсовый» уже снова атаковал, успев попасть ногой в пах. Сеня блокировал удар, но все же боль достала его, растекшись по всему телу. И тут «джинсовый» опять ударил в голову...

– Звони в милицию! – крикнул Сеня, надеясь, что Маша успеет, пока он задержит этих.

– Стреляй, – просипел стоявший на коленях «милиционер», и Сеня увидел в руке лысоватого наган.

Сумев вывернуться и превозмочь боль, он ударил его под руку. Грохнул выстрел, вдребезги разлетелась висевшая на стене ярко раскрашенная гипсовая маска. И тут же раздался еще один выстрел – палил «милиционер». Стоя на коленях, он вытянул из-под пиджака длинноствольный парабеллум. Еще выстрел.

Машу словно гвоздем вбило в стену. Лицо ее побледнело, губы слабо шевельнулись, и она тихо начала сползать вниз, слабеющей рукой пытаясь зажать рану на груди.

Страхнув с себя нападавших, Сеня бросился к ней, но пуля из нагана заставила его застыть на месте. Второй пули, ударившей его под лопатку, Сеня уже не почувствовал.

Не выпуская из рук оружия, Аркадий ползком подобрался к валявшемуся на полу забрызганному кровью «удостоверению» и сунул его в карман.

– Где ордер? – осипшим голосом, закричал он. – Ордер?!

– В машину давай, в машину! – тянул его сзади Жеда.

Кислов уже выскочил на лестничную площадку и кинулся вниз. Из спальни вывернулся Ворона, на ходу обшаривая карманы пиджака Лушина и суетливо засовывая за пазуху бумажник. Бросив пиджак, он запутался ногами в его рукавах и, зло матерясь, отшвырнул одежку прямо на убитого Сеню, словно прикрыв его. Метнувшись в открытую дверь другой комнаты, Гришка схватил шкатулку, стоявшую на полке серванта, и тоже выскочил из квартиры.

– Ордер! – сипел Лыков, но Жеда, не обращая внимания, тянул его к выходу...

Распахнув двери ванной, высунулся мокрый хозяин:

– Что тут?.. А-а-а!... – Увидев окровавленные тела, дико закричал он...

Оставляя на полу мокрые следы, Лушин кинулся к телефону. От волнения не попадая толстым пальцем по маленьким кнопочкам набора и судорожно всхлипывая, он, наконец, дозвонился:

– Скорее! – закричал Лушин в трубку. – Да перестаньте, тут убили! Адрес? Пишите...

– У вас сегодня был ложный вызов, – монотонным, скучным голосом ответила диспетчер. – Бригаду не буду отправлять без подтверждения отделения милиции....

Часть вторая МЕТАСТАЗЫ

Глава 1

Ночью Иван видел странный сон: будто он волк, поросший густой, чуть бурой зимней шерстью, с рыжеватыми подпалами на брюхе и в пахах. И идет по голому, выстуженному ветрами лесу и тянет его неудержимо к теплу человеческого жилья, сытным запахам съестного, хлебов, овчарен.

И вот перед ним поле, широко раскинувшееся за опушкой леса, а на краю его – заброшенное кладбище, состоящее из множества холмиков, припорошенных колючей, снежной крупой. Нет там деревянных крестов или табличек, на которых написаны имена, нет оград и засохших букетиков цветов, – только плоская, однообразная земля и безличные в своей страшной простоте холмики могил. А над ними – высокая, ясная, морозная голубизна, восполняющая красотой небес скудность убогой земли.

За полем лежала деревушка, и он, сторожко оглядываясь, потрусил к ней, оставляя ровную цепочку следов.

Предчувствие не обмануло – людей в деревне не оказалось. Сиротливо мерзнут заколоченные досками дома, уродливо торчат осколки выбитых стекол да плывет над головой тихий, погребальный звон старого колокола, раскачиваемого ветром на ветхой колоколенке церквушки. И никакого запаха жилья, хлебов, овчарен – только стылая земля...

Проснувшись, Иван долго лежал на верхней полке, чувствуя, как покачивает поезд и мерно стучат колеса на стыках. Лицо было мокрым – неужели он плакал во сне?

Впереди ждет чужой, неизвестный город, и каждый, кто бывал в командировках, знает, как грустно и тоскливо ощущаешь себя в незнакомом месте – не будут тебя встречать на вокзале близкие люди, не знаешь, как решится вопрос с жильем. Но это в командировке плохо, а если тебе предстоит, оставив по воле начальства родное гнездо, переселиться в другой город и работать?..

Новый министр, придя в кабинет, первым делом приказал выкинуть кресло прежнего руководителя ведомства и сел на простой стул. Через день в холлах и коридорах министерства стояло множество разнообразных кресел – нижестоящие начальники тоже пересели на стулья. Бедные, они не знали, что ждет их впереди – отставки, смена должностей, некоторых даже жесткие скамеечки в залах судов. Но, самое главное, они не знали, что для нового министра был специально заказан за рубежом кабинетный гарнитур с новым креслом.

Чехарда со стульями и прочей мебелью и разговоры вокруг этого отступили перед дальнейшими событиями. Специалистов начали разгонять, направляя на периферию. Сменялись и перемещались начальники отделов и других подразделений. Вскоре подошел черед Ивана. Он был вызван в обшитый темными деревянными панелями кабинет, где ему приказали выехать в заштатный курортный городок на должность начальника городского отдела.

Жена поехать с ним отказалась и после бурного объяснения подала на развод, что дало повод одному из новых высокопоставленных руководителей брезгливо заметить:

– Слишком большую должность дали... Он и в семье-то не может наладить порядок...

Мать обещала ждать, надеясь, что ему удастся со временем вернуться. Ведь бывало на ее памяти еще и не такое. Иван простился с друзьями и сел в поезд...

На вокзале его встретил старшина в мятой грязной шинели, помог донести сумки и чемоданы до машины.

– Приказано доставить к начальнику управления, а потом домой поедом. Квартирки еще нет, – негромко вещал старшина, приглядываясь к новому руководителю, – пока в гостинице устроим, а там видно будет. Начальство у нас часто меняется.

– Что так? – глядя на серые дома и громящие трамваи, спросил Иван. – Сложно работать? Преступлений много в городе?

– Да какой у нас город, – усмехнулся старшина, – одни санатории, пансионаты и дома отдыха. Переберут, бывает, отдыхающие и подерутся, а так тихо. Тут другое...

О начальнике управления области Иван слышал – прелюбопытная личность – умудрился пережить всех министров, к тому же самый старый генерал, до сего времени не отправленный в отставку.

Генерал встретил «столичную штучку» хитровой улыбкой, спрятавшейся в глубоких морщинах. Руки не подал, а только кивнул на кресло у стола – дерзкие глаза Ивана ему сразу не понравились. Перелистывая страницы личного дела, лежавшего перед ним, начальник областного управления поморщился:

– Приехали, стало быть, Иван Николаевич? И сразу в начальники горотдела... А у меня люди таких должностей годами ждут.

– Я к вам не просился, – тихо, но твердо ответил Иван. – И должность, которую я не по своей воле оставил, не в пример выше.

– Начальству виднее, – усмехнувшись, не стал обострять генерал, – они там решения принимают, а нам работать вместе. Как, будем работать?

– Затем и приехал. Вернее прислали.

– Ты учти, – сразу перешел на фамильярный тон начальник управления, – у меня тут не Союз, разгуляться негде и заумные штучки столичного сыщика лучше сразу оставь. Слышишь?

Разговор оставил у Ивана неприятное чувство – как будто он в чем-то провинился. Но в чем?

Городок, в котором теперь предстояло жить и работать, оказался чистеньким, светлым, похожим на расписную игрушку: зеленые сосны, чистейший свежий воздух, серо-синее море, неумолчно шумевшее днем и ночью, маленькие сувенирные магазинчики, оживленная толпа курортников – любителей отдыхать в Прибалтике. Преступность в городке и правда была не шибко угрожающей – время от времени воровали вещички в санаториях, по вечерам дрались в ресторанах, приставали к женщинам, потихоньку спекулировали спиртным – обычная жизнь курортного местечка.

Потекли однообразные будни – днем хлопоты на службе, вечером он возвращался в опостылевший номер гостиницы и садился к телефону: звонил матери, друзьям, знакомым.

Начальник управления, казалось, о нем забыл – только изредка, когда собирали на совещания в областном городе, небрежно кивал при встрече и шурлился, поглядывая на Ивана, словно говоря: ну как, обкатали сивку крутые горки?

...Это случилось летом, когда Иван выехал в прилегающий к городку район. Машина тряслась на ухабистой дороге, сквозь зубы ругался водитель, недобрыми словами поминая дорожников, – все привычно и обыденно, пока не проскочили мимо поворота, за которым наминалась приличная трасса.

– Погоди, – попросил шофера Иван, – что это за шоссе?

– Не стоит сворачивать, – неохотно ответил тот.

– Тогда поехали, поглядим, почему не стоит, – приказал новый начальник горотдела милиции. Шофер обреченно вздохнул и лихо развернул машину.

Дорога некоторое время петляла через лес, а потом уткнулась в глухие железные ворота. «Заповедник» – гласила облезлая жестяная вывеска над ними. Рядом стоял похоровец.

– Открывай ворота, – вышел из машины Иван.

– А вы кто? – Начальственный тон несколько смутил охранника, и он на всякий случай расправил складки гимнастерки.

– Начальник горотдела милиции майор Купцов.

– Приятно познакомиться, – усмехнулся вохровец, – но вам, товарищ начальник, сюда ходу нет. Не положено: спецобъект!

– Что еще за спецобъект на вверенной мне территории?

– Раз вам не говорят, стало быть, не слишком доверяют, – бросил вохровец и ушел в будку.

«Дача чья-нибудь? – подумал Иван. – Или так называемый «охотничий домик?» Видали такие под Москвой».

Вернувшись из поездки, Купцов зашел к своему заместителю, с которым успел перейти на «ты».

– Ты местный, объясни, что там такое, в чем дело?

– Не лазил бы ты лучше туда, Николаич, – отвел глаза тот. – Не то неприятностей не оберешься, да еще подцепишь невесту что... Могильник там, понимаешь? Спецмогильник для радиоактивных отходов. Многие знают и... молчат.

– Да тут же курорт рядом! – ахнул Иван. – Соображаешь?

– Соображаю, – уныло ответил зам, – а толку что?

Ночью Купцов почти не спал – мерещилась невидимая, неслышная, без вкуса и запаха, смерть, тихо крадущаяся к отдыхающим и ничего не подозревающим людям, приехавшим поправить здоровье у моря.

Утром Иван позвонил главному врачу одного из санаториев. Депутат и неугомонный человек, тот слыл правдолюбом и главой местных «зеленых». Через несколько дней в местной газете появилась наделавшая много шума статья главврача, общественность зашевелилась, областные власти не на шутку забеспокоились.

– Ты чего там людям отдыхать спокойно не даешь? – позвонил начальник областного управления. – Мало тебе? О таких вещах не стоит распространяться, а тут вы искались, экологи! – Последнее слово прозвучало как ругательство. – Ты еще сам не понимаешь, что затеял. И не оправдывайся, я знаю, что тебя туда носило, уже доложили.

– Я не отрицаю, что ездил туда, – признался Купцов.

– Ну чего тебя туда понесло? – простонал, словно у него болели зубы, генерал. – Знал бы – и помалкивал в тряпочку.

– Это непорядочно, – ответил Иван.

– Порядочный, – хмыкнул генерал. – Заварил кашу... Ну и характер у тебя, просто волчий, – возмутилось начальство, – злобный и нетерпимый. Тебя специально, что ли, ко мне прислали?

Опустив на рычаги телефонную трубку, Иван усмехнулся – все равно дело сделано: спецмогилишк ликвидируют и радиоактивные отходы вывезут. Но куда?..

Больше на совещаниях генерал ему не кивал и делал вид, что вообще не замечает «столичного майора». Жизнь продолжалась – съездил в отпуск, большую часть которого пришлось потратить на оформление развода: побывал в министерстве, где вовсю говорили, что скоро надо ждать перемен к лучшему и тогда можно будет попытаться решить вопрос об обратном переводе; вернулся к себе – и тут произошла вторая история...

Как-то утром раздался телефонный звонок. Сняв трубку, Иван услышал недовольно скрипевший голос начальника управления:

– Спишь там?

– Никак нет, давно на службе.

– А я говорю, спишь! – раздраженно повысил голос генерал. – А вот тот человек, который приехал к тебе отдыхать, не спит.

– Я гостей не принимаю, – холодно ответил Купцов, хотя сразу понял, что речь идет о высокопоставленном лице, занимавшем для отдыха с семьей большой особняк, окруженный высоким забором и бдительной охраной.

– Все отдыхающие – твои гости, – сообщил генерал.

– Не понимаю.

– Не понимаешь? Человек старый, уснуть не может, только забудется под утро, а тут скаженные вороны каркать начинают, будят. Немедленно прими меры!

– Я, товарищ генерал, воронами не команду.

– Придется научиться! Чтобы завтра тихо было. – И начальник управления бросил трубку.

Взбешенный Иван позвонил в Москву, знакомому журналисту. Он обещал помочь. Но обещания обещаниями, а как воевать с воронами? Купцов поехал к старому сторожу, с которым познакомился случайно, гуляя в один из вечеров по городку. Старик был язвительный, сильно покалеченный на войне, но правильный.

– Бона, – осторожно трогая пальцами глубокий шрам на лбу, говорил ему сторож, угощая рыбой, выловленной им в море, – это меня в сорок пятом под Берлином стукнуло. Помню, написал я нашему дорогому и любимому маршалу и орденоносцу: ты, мол, защищал на войне Малую землю, а я большую. Семнадцать лет пошел на войну добровольцем, четыре раза ранен, в двадцать один год от роду вышел из госпиталя инвалидом и получаю пенсию двенадцать рублей. Но он мне не ответил, зато местные власти по психушкам начали таскать, – мол, не беспокоят ли старые раны в голове? Жалко, ты не пьющий, а то выпили бы с тобой, Ванька, за то, что до наших дней дотянули...

Выслушав жалобы Купцова, старик крикнул:

– Допекли, значит, его вороны, а власти над ними нету? То-то, сами город загадили помойками... Но ты об это руки не марай. Мелкашку мне дашь? Тогда я помозгую...

Получив под расписку мелкокалиберную винтовку и десяток патронов к ней, сторож отправился на самую крупную помойку городка и настрелял там штук восемь ворон. Потом, взяв лестницу, развесил их вниз головами на деревьях, стоявших вокруг дачи высокопоставленного лица, охотно объясняя прохожим, что и почему он делает. На следующий день весь город знал об истории с воронами, а вскоре она докатилась до области и пошла гулять дальше, обрастая новыми подробностями. Высокопоставленное лицо вынуждено было прервать отпуск и немедленно уехать, а вороны, как ни странно, действительно исчезли.

Через некоторое время отдыхавший в городе чин был снят со всех постов и отправлен на пенсию, произошла долгожданная смена руководства в министерстве, а Иван все ждал и ждал. Только весной его вызвали в управление области.

– Я думаю, нам пора расстаться, – откинувшись на спинку кресла, сообщил генерал. – Много же ты мне крови попортил, Купцов, ой много. Знал бы, ни в жизнь тебя не взял бы. Одни вороны чего стоили.

– Не я был инициатором этой истории, – ответил Иван.

– Ладно, – отмахнулся начальник управления. – Министерство тебя пока не может взять, хотя я сам просил, а вот в столичное управление предлагают. Есть там такой Рогачев Алексей Семенович. Пойдешь?

– Я у него начинал, пойду. Здесь кого на мое место поставите?

– Найдем, – насутился генерал.

В начале лета Иван сдал дела, получил очередной отпуск и вернулся в родной город. Хотелось верить, что теперь навсегда.

– Тебя там держать – что компьютером гвозди заколачивать, – встретил его Рогачев. – Попотей теперь здесь, только, боюсь, недолго ты у меня задержишься, заберут в министерство.

– А я не тороплюсь, – улыбнулся Иван, отмечая, как сдал за последние годы Алексей Семенович. Оно и понятно – не легкая работа в уголовном розыске.

– Ты всегда не торопишься, – проворчал Рогачев, – за тебя могут поторопиться. В общем, раскочиваться нечего, давай включайся, работать надо, обстановка в городе сложная.

Разбойное нападение на квартиру Лушина было первым делом, по которому начал работать Иван Купцов, вернувшись в Москву...

Когда Купцов и оперуполномоченный из его группы – огромный немногословный Саша Бондарев – приехали на место происшествия, следственно-оперативная группа районного управления была уже там. У подъезда толпились вездесущие старухи, судачившие о случившемся, и всезнающие пенсионеры.

Взбежав по ступенькам подъезда, Иван посторонился, пропуская санитаров выносивших Машу. Следом за носилками, просительно заглядывая в лицо озабоченного врача, семенил Лушин – жировые складки его огромного живота обвисли, голос жалобно дрожал:

– Жить будет? – как заклинание, повторил он.

Шлепанцы соскакивали с его босых ног, наскоро натянутые пижамные брюки съезжали, но он не обращал на это внимания.

– Пропустите, – раздвинул кучку зевак молодой доктор и прикрикнул на санитаров с носилками – Осторожнее!
– Вам лучше вернуться в квартиру, – безошибочно определив в Александре Петровиче потерпевшего, взял его под руку Бондарев.
Лушин потерянно глядел на отъезжающую машину «скорой», потом повернулся и послушно поплелся к своей квартире.

...Щелкали затворы фотоаппаратов криминалистов: над лежавшим на полу телом Семена склонился судмедэксперт. Войдя, Лушин боком протиснулся в приоткрытую дверь спальни и обессиленно рухнул в кресло.

– Господи-и-и... И за что же мне все это? За что? – обхватив голову руками, он начал раскачиваться.

Оставив его на попечении Бондарева, Иван направился к экспертам и остановился за спиной судебного медика, кивнув знакомому следователю, писавшему протокол. Руки медика, затянутые в тонкие резиновые перчатки, осторожно скользнули под труп и выудили смятый, покрытый пятнами крови листок.

На лестничной площадке тихонько переговаривались уже прибывшие санитары с носилками, готовые забрать тело. Медик выпрямился, оглянулся на Купцова:

– Две пули. Обе в спину.

– Можно забирать? – спросил следователь.

Санитары быстро и привычно положили тело Семена

на носилки и, прикрыв пожелтевшей простыней, вынесли. На полу остался меловой силуэт, повторявший контуры тела.

– Похоже, бумажку мяли, – убирая ее пинцетом в пакет, заметил криминалист.

Медик не ответил. Он вышел на площадку и, проводив глазами спускавшихся вниз санитаров, закурил.

– Видишь, поверху пальнул, – показал на стену эксперт-криминалист. – Маску пулей раскололо вдребезги.

– Пугал или стрелять не умеет? – спросил Купцов.

– Поймаешь – спросишь, – буркнул эксперт.

– Похоже, в маску тоже из нагана, – предположил следователь. – А гильзы другие нашли, скорее всего, от парабеллума.

– По картотеке проверят, – заглядывая в другую комнату, где эксперты искали на полированной мебели пальцевые отпечатки, сказал Иван. – Из стены удастся пулю извлечь?

– Попробуем, – пообещал криминалист.

Купцов зашел в спальню. Сжавшийся в кресле Лушин уже несколько успокоился и пытался отвечать на вопросы Бондарева:

– Вы видели преступников?

– Я мылся... – Александр Петрович вздрогнул, вспомнив момент, когда он открыл дверь ванной. Сморщив лицо, он всхлипнул и скомканным носовым платком вытер выступившие на глазах слезы:

– Как обухом по затылку! Двое детей ведь у нас, понимаете, двое. Хорошо, что они с тещей на даче, а то бы...

– Молодой человек, находившийся в вашей квартире, – задал вопрос Иван, – кем он вам приходится? Родственник?

– Да... Племянник жены.

– Как он оказался у вас?

– Был в гостях... Заночевал... Господи, как же все нехорошо, глупо!.. – Лушин опять обхватил голову руками.

«Мало от него сейчас толку, – выходя, подумал Купцов. – Пока отойдет от случившегося, пока сможет нормально разговаривать, пройдет время. А время сейчас самый главный фактор. В городе вооруженная банда, не останавливающаяся перед убийством. Кто они, где прячутся, почему пришли сюда? Почему именно к Лушину? Случайность? Или кто-то навел?»

Во дворе работали местные оперативники, опрашивая возможных очевидцев. Остановившись у подъезда, Купцов закурил и прислушался к разговорам.

Модно одетый мужчина средних лет, державший на руках маленькую собачку, нервно говорил оперативнику:

– Я все видел, от начала и до конца.

– Что вы видели? – усталый сотрудник из местного отделения отвел мужчину с собачкой в сторону.

– Как это что? Преступников! Они меня чуть не задавили машиной. Мы с Мосей гуляли, – он ласково потрепал собачонку за ухом, – а тут вылетает машина. На такой скорости, скажу я вам...

– Какая машина?

– Какая? «Жигули» последней модели. Отличная машина, я вам доложу!

– Давайте попроще, без доклада, – потихоньку начал сатанеть замотанный оперативник. – Точнее можете?

– Да, простите великодушно... Так вот, я уже говорил, что они нас чуть было не задавили. В машине было трое, или нет, даже четверо. И на такой скорости...

– Приметы можете указать?

– Извините, я их толком не разглядел.

– Номер машины заметили? – пряча в карман блокнот, уже на всякий случай спросил оперативник.

– Номер? – наморщил лоб мужчина. – Счастливый такой, знаете? Ну, какие в ГАИ по блату получают. То ли ноль восемь восемьдесят, то ли наоборот. Но что ноли и восьмерки – я ручаюсь.

Обрадованный оперативник снова быстро вытащил блокнот:

– А буквы? Буквы не помните?

– Право, не обратил внимания. А машина цвета «белая ночь».

Когда оперативник закончил разговор, Иван попросил его срочно проверить данные о машине. Возвращаясь в квартиру Пуцина, он подумал, что надежд на успех практически нет – если и существует в природе выданный ГАИ «счастливый» номер и «жигуленок» цвета «белая ночь», то где гарантия, что номер принадлежит именно этой машине, а если и совпадает, то автомобиль может числиться в розыске, как угнанный или похищенный. Редко кто отправляется «на дело» на своей машине и со своими номерами.

И вообще, дело неприятное, придется с ним повозиться – следов преступников пока не обнаружили, никто их толком не видел, зацепка с вызовом «скорой» слаба. Правда, стоит проверить – возможно, переговоры диспетчеров записывают на пленку и удастся услышать голос преступника? В том, что «скорую» вызывал именно преступник, чтобы проверить квартиру Лушина, Иван был уверен...

С телефоном у Лушина творилась какая-то чертовщина – подходили совершенно незнакомые люди, чего-то выпытывали и, потратив несколько двусшек, Михаил Павлович решил сам заехать к Сашке.

Въехав во двор его дома, он сразу же увидел толпу зевак у подъезда, милицейские машины, снующих среди собравшихся крепких парней, одетых, несмотря на жару, в пиджаки и куртки. Сердце сжало предчувствие беды: что произошло? Черт бы побрал этого бегемота Лушина?! Неужели у него тоже были и случилось непоправимое?

Притормозив, Михаил Павлович опустил стекло и, улыбнувшись, спросил у проходившей мимо старушки:

- Бабуся! Пожар, что ли? Чего собрались?
- Не, милай, жильцов поубивали, – перекрестилась та.
- Да что вы? – Сердце дернулось и, казалось, ухнуло вниз.
- Как есть всю семейку из тридцать второй порешили...

«Куда гнать, домой? Неужели действительно убили Сашку и его жену? Кто? Те, что приходили недавно к нему на квартиру вроде как с обыском? Где же обещанная охрана?» Развернувшись, Михаил Павлович поехал к Александриды – пусть примет меры, уладит все. Хотя, если Сашка уже труп, то чего тут можно уладить?

Лука был дома. Впустив Котенева в прихожую, он закрыл за ним дверь и, предвзято его упрёки, выставил перед собой ладони:

- Знаю! Все знаю! Уже приняты меры.
- Какие? – угрожающе надвинувшись на него, хриплым шепотом спросил Котенев. – Где ваша пресловутая охрана? Где?
- Успокойтесь, – потянул его к креслу Александриды. – Охрана была на месте, но налетчики сумели ее обмануть.
- Как?

– Они вызвали «скорую», – отойдя к окну, монотонным голосом начал рассказывать грек. – Наши люди решили, что это замаскированные налетчики, и поехали за санитарной машиной, а когда вернулись, все было кончено. В следующий раз они от нас не уйдут.

– Успокоили, – горько засмеялся Котенев. – А Лушина пристукнули прямо в собственной квартире.

– Лушин жив и даже не ранен, – сообщил Лука. – Это мне известно совершенно точно. Убит его родственник и тяжело ранена жена. Сейчас она в больнице. Будем надеяться, все обойдется.

– Маша? – поднял на него глаза Михаил Павлович. – Скажите, там стреляли или...

– Стреляли, – не стал скрывать Александриды. – Сейчас уже организовано круглосуточное дежурство около вашего дома и дома Хомчика. Мы не менее вас обеспокоены, – дипломатично продолжил Лука. – Сергей Владимирович тоже в курсе. Он выразил сожаление...

– Да?! – взорвался Котенев, заставив Александриды испуганно отшатнуться. – Сожаление?! К нему не приходят вечером с обыском уголовники. Сожалеет он, видите ли! А обо мне вы подумали? Начнут рыть и доберутся до меня, а потом и до вас. Куда тогда прятаться? Или прикажете перейти на нелегальное положение?...

После вспышки наступила противная слабость, тело словно налилось свинцом. Тупо заболело в затылке, к горлу подкатила тошнота. Котенев обмяк и зло буркнул, г

– Чего молчите? Нечего сказать?

– А чего говорить, если тебя не хотят слышать? – примирительно улыбнулся Александриды. – Но я все же попробую вам объяснить. На милицию тоже есть уздечки, а вас мы в обиду не дадим. Ни вас, ни Лушина, ни Хомчика, а до остальных им пока не добраться. Примем меры, чтобы не добрались. Ни разбойники, ни милиция. Может быть, вам стоит взять отпуск и уехать?

– Спасибо, – издевательски поклонился Михаил Павлович. – Мавр сделал свое дело?

– Зачем вы так? – мягко укорил Лука. – Не стоит портить отношения. Я понимаю, вы сейчас возбуждены, расстроены, но надо держаться. Все расходы мы берем на себя.

– Еще бы, – фыркнул Котенев. Когда Куров и компания не видят выгоды, они и пальцем не шевельнут. Бизнес есть бизнес – слабый обречен, а кланы дельцов воюют друг с другом без жалости и действительно стоит крепко держаться за сильного.

– Поезжайте домой, – посоветовал Александриды. – Примите душ, успокойтесь, выпейте снотворное. Если вдруг вам позвонят милиционеры или приедут, не забудьте записать беседу. Потом мы ее прослушаем и посоветуемся. И, главное, не бойтесь. Разбойники к вам больше не заявятся. Меня беспокоит одно: если это залетные бандюги, то как они смогли вас вычислить? – Он вопросительно поглядел на Михаила Павловича.

«Сказать? – подумал тот. – Все же просто как божий день! Сидит в колонии братец моей супруги и треплет языком, отдыхая на нарах. У Луки наверняка есть связи и в уголовном мире, выяснят все в колонии, найдут того обормота, с которым я встречался в Сокольниках. Но как сейчас об этом говорить? Спросят, где я был раньше, когда только произошла встреча, почему не сказал, не предупредил? Господи, вот западня-то...»

– Не знаю, – отводя в сторону взгляд, промямлил Котенев.

Александриды проводил его до дверей, пожал на прощание руку и, ласково погладив по плечу, заверил, что все обзавестся...

Закрыв за гостем дверь, Лука вернулся в комнату. Набрав номер телефона Полозова, он сообщил о визите.

– Я уже слышал, – лениво зевнув, откликнулся Виктор Иванович. – Главное, не упустите нашего друга Мишу. Даже если дела будут оборачиваться не самым лучшим образом, хотелось бы стать его полноправными наследниками. В крайнем случае, пусть едет на дачу. Организуете?

– Конечно, конечно, – заверил Александриды...

Выйдя от грека, Михаил Павлович отыскал телефонную будку. Опустив двужку, набрал номер Хомчика.

– Привет. Слышал, что случилось у Саши?

– А что? – Хомчик, видимо, ужинал и говорил с набитым ртом.

– Гости были, Маша в больницу попала, – «доходчиво» объяснил Котенев. – Сегодня все случилось. Я только что от наших знакомых, они уверяют, что подобное не повторится. Алло, Рафаил, ты чего молчишь?

– Какие тут могут быть слова? – тусклым голосом произнес Хомчик.

– Я подумал, – тихо сказал Михаил Павлович, – и решил, что лучше всего тебе уехать. Не волнуйся, друг друга не потеряем.

– Все так серьезно? – Хомчик совсем сник.

– Как быстро ты можешь подняться? – вопросом на вопрос ответил Котенев.

– Дня два-три надо.

– Не тяни. Я специально звоню из автомата, чтобы из дома не базарить. Куда отправишься, сообщишь только мне. Лушину не звони и не заезжай.

– А он? – помедлив, решился спросить Хомчик. – Живой?

– Кроме испуга, ничего существенного. Родственник у него там был, вот тот и... На квартире милиции полно, я проезжал мимо, видел. Нечего тебе там светиться. Все...

Хомчик теперь смоеется, как ошпаренный, улетит, это точно. Хотя, если вдуматься, нет хуже без добра – Рафаил хитер и осторожен, найдет приличное место, а старые связи сразу рвать не будет. Отчего бы не поехать за ним следом, туда, где он начнет снова разворачиваться? Деньги есть, свой человек в лице Хомчика будет, зато не будет разбойничков и Курова с его компанией. И Татьяну можно взять с собой, уже в качестве жены. Мысль?

Ровно гудел мотор автомобиля, ложилась под колеса бесконечная и неровная лента московского асфальта, и Михаилу Павловичу начало казаться, что все не так страшно. Важно выбрать правильный путь и не поддаваться обстоятельствам. Надо будет потихоньку предупредить

Татьяну, чтобы готовилась к переезду. А Лиде пока ничего говорить не стоит – ни про случившееся с Лушиным, ни про Хомчика, ни про свои мысли об отъезде.

Ночью Ивану опять привиделся сон, странно похожий на тот, давний, приснившийся в поезде, увозившем его из родного города, – низкое, серое небушко, колючие, снежинки и заброшенный деревенский погост...

«Дед, что ли, о себе напоминает? – проснувшись, подумал Купцов. – Давно у него на могилке не бывал: дела, заботы, вертись, как заводной, целыми днями в бегах».

Завтракал он в одиночестве – родители на пенсии, зачем по утрам беспокоить стариков, давно уже отработавших свое, но все еще продолжающих «работать» днем в очередях: за мылом, мясом, сахаром. Помешивая ложечкой в чашке, Иван мысленно уже включился в служебные заботы, вновь вернувшись к мучившему его вопросу: почему напали на квартиру Александра Петровича?

Лушин, – человек, связанный с торговлей, кооперацией и снабжением. Прямо скажем, букет специальностей просто лакомый для нападавших, надевавшихся серьезно пожить. Потерпевший, правда, утверждает, что ничего не успели взять, только схватили первое попавшееся, по мелочи. Но для каждого мелочи тоже разные – одному копейка мелочь, а другому и сто рублей не деньги.

Как бы изловчиться и навести справки о финансовом положении Лушиных – квартира у них богатая, но это еще ни о чем не говорит. Если Александр Петрович нечист на руку в своих торгово-кооперативно-снабженческих операциях, то многое прояснится. Еще в годы застоя группы грабителей, мошенников и прочей уголовной братии стали «ориентироваться» на людей, связанных с подпольным бизнесом, или, как впоследствии стали говорить, – «воротил теневой экономики», стремившихся сколотить на махинациях и изъятиях из государственного бюджета крупные состояния. Да, они не могли до поры пустить эти деньги в оборот и легализовать их, но широко использовали средства для закупки сырья, аренды помещений, оборудования, транспортных средств, сбыта неучтенной продукции и получения привилегий, увеличили расходы на взятки должностным лицам. Кто даст гарантию, что Лушин не из этой когорты, в настоящем успешно «отмывающей» свои денежки через кооперацию?

Конечно, не секрет, что многочисленные конфликты и «мирные договоры» между «бизнесменами» и уголовниками породили страшный криминальный симбиоз. Появились весьма устойчивые сообщества преступников, имеющие определенную иерархию и создающие, с помощью коррупции, системы собственной безопасности.

Если Лушин связан с подпольным бизнесом, то ясно, почему он стал жертвой преступников, – в среде теневой экономики сильно конкуренция, кланы враждуют между собой и делят сферы влияния, причем дележ не всегда обходится без трупов и крови. Самое обидное, если найдешь тех, кто стрелял в квартире Лушиных и их будут судить, то привлечь к ответственности пославших их туда не удастся – даже статьи в уголовном кодексе нет.

Впрочем, у милиции много чего нет – нет современных машин с усиленными двигателями, нет новейших зарубежных раций, которыми пользуются преступники, нет миниатюрных средств видео-звукзаписи, а если и удастся сделать такую запись, то она не принимается судом в качестве доказательства...

По дороге в управление Иван вспомнил, как к ним приезжала делегация американской полиции и заокеанские профессионалы ходили и слушали с открытыми ртами, удивляясь, как удастся нашим парням противостоять преступному миру при почти полном отсутствии современных технических средств?

Начать хотя бы с формы – у какой еще полиции мира есть огромные валенки с галошами и такие невзрачные мундиры цвета затоптанного асфальта? Кто еще парится в летнюю жару в шерстяных брюках, кто еще имеет на вооружении такие неудобные пистолеты и кобуры вместо давно разработанных и принятых в других странах «косых» кобур, из которых так удобно выхватывать оружие? А уж если пришлось применить оружие, то держись! Сначала сумей быстро расстегнуть кобуру, потом дослать патрон в патронник, поскольку иметь патрон в стволе строго запрещено. Попытайся обратиться к нападающему со словесным предупреждением, затем выстрел в воздух... Если же все это сделал и тебя не успели убить, то можешь стрелять на поражение... Потом прокуратура скрупулезно выяснит: не нарушил ли предписанную процедуру?

Да что там оружие! Нет электронно-вычислительных машин последнего поколения, персональных компьютеров и хороших автомобилей; до сего времени криминалисты, выехав на происшествие, ползают с кисточками, а прибор для отыскания и фиксации пальцевых отпечатков остается мечтой.

Откуда все идет? Да от бюджета! Наконец-то стало известно, что наш милиционер «стоит» налогоплательщикам всего восемь рублей, в то время как американский полицейский – сто долларов. Не будем затруднять себя пересчетом по официальному валютному курсу, тем более по ценам рынка. И так все ясно. И горько.

Усевшись на диван в кабинете Рогачева, Купцов заставил потесниться Сашу Бондарева.

– Третий из вашей группы в отпуске? – поднял очки на лоб Алексей Семенович. – Тогда надо, ребята, поднатужиться вдвоем. Конечно, помолсем, и следовательно вас не оставит своими поручениями... Машину проверили? – Рогачев поглядел на Сашу.

– Угнана, – пробасил тот. – Нашли на Кудринской. Группа выезжала на осмотр, похоже что отпечатков пальцев не получим: ручки дверей протерты, баранка чистая.

– Старательные, – усмехнулся Алексей Семенович. – Нагло работают. Пострадавшая что?

– Пока в реанимации, – ответил Иван. – Если все будет нормально, то в конце недели удастся с ней поговорить.

– Долго, – вздохнул Рогачев.

– Характерно, что смертельные выстрелы были произведены из парабеллума. Гильзы проверяли, по картотекам они не проходят. И вообще, мрак какой-то кругом: никто ничего не видел, никто ничего не знает. Сам Лушин и вся его семья по месту жительства характеризуются положительно, но я на всякий случай заглянул к коллегам из БХСС, просил навести справки. Все-таки в торговле человек столько лет проработал.

– Думаешь, разбор? Работать надо быстро, не мне вам объяснять, – Рогачев достал из ящика стола стеклянную трубочку и кинул под язык таблетку. – А знаем пока до невозможности мало.

– Да, дальше живут драконы... – бросил Иван.

– Чего? – не понял Алексей Семенович. – Какие драконы?

– На географических картах так писали в раннем средневековье, – пояснил Купцов. – Очерчивали то, что доподлинно известно, а там, где еще никто не бывал, рисовали на пергаменте разных монстров и писали: дальше живут драконы. Там кончался человеческий круг и начинался круг чудовищ.

– Вот как? Неплохо... Пожалуй, тогда и назовем с твоей легкой руки это дело «Драконами». Подходяще будет по их жестокости. Тебе и карты в руки, возглавляй группу, но имей в виду: я тебя с собой на «ковер» к начальству брать буду... Да, этот ордерок на обыск, который под убитым нашли, фальшивка?

– Точно, – Саша открыл блокнот, сверяясь с записями. – Но сделан мастерски, от настоящего трудно отличить. Рисованный под типографский бланк, текст отшлепали на портативной пишущей машинке, печать самодельная, но тоже очень похожа на настоящую.

– Веселые ребята, с размахом, – посасывая валидол, заметил Алексей Семенович. – Кстати, кто из вас помнит гастроль итальянской оперы?

– Ла-Скала? – уточнил Иван.

– Да. Тогда фальшивые билетки продавали с рук.

– Давно было, – покрутил головой Бондарев, – много лет прошло. А ловкача того мы так и не нашли.

– А я вот нашел эксперта, который фальшивыми билетками занимался, – сообщил Рогачев. – На пенсии уже, но вспомнил это дело, согласился на фальшивый ордер поглядеть.

– И что? – заинтересовался Иван.

– А то, что билетки были рисованы так же, как и фальшивый ордер на обыск. Один почерк.

– Значит, жив курилка? – заерзал Бондарев. – Тогда от нас ушел, но дела своего не бросил. И кто-то из драконов его знает.

– Вот-вот, пометь это себе как одну из версий, – посоветовал Рогачев. – Знаете что, ребяташки, очень охота мне на этого дракона с парабеллумом поглядеть. И не дает покой вопрос: почему они пришли именно к Лушину?

– Загадка, – вздохнул Иван. – Есть мыслишка, что разгоны могли быть совершены не у одного Лушина, но заявлений не поступало, я справлялся.

– М-да, попотеем еще, – согласился Алексей Семенович. – Все, давайте, приступайте...

Если вспомнить прошедшие годы, то одной из примет конца шестидесятых – начала семидесятых были длинноволосые парни и девицы, называвшие себя хиппарями. Сколько хлопот доставили они народным дружинникам, милиции, собственным родителям, школе и комсомолу, пока это «движение» не пережило неизбежный естественный кризис и не трансформировалось в некую «систему», ставшую весьма занятным явлением современной жизни. У этой неформальной системы нет официального названия, нет организаторов, клубов, четких символов или программы.

Купцов вплотную столкнулся с «системой», работая в маленьком курортном городке, когда ему пришлось заниматься делом, связанным с жестоким избиением водителями-дальнобойщиками – так именуют на жаргоне шоферов междугородных перевозок – «плечевой бабы». Неискушенные люди тут же спросят – а что это за баба такая? Может быть, это нечто особенное? Или так называют женщин на своеобразном сленге шоферской братии, рожденном в долгих поездках по грязным, разбитым российским дорогам? Один конец своего маршрута дальнобойщики обычно именуют «плечом». Отсюда и «плечевая баба» – женщина, готовая отправиться с водителем или водителями в нелегкий и долгий рейс, расплачиваясь за доставку в нужный ей пункт «любовью» в зарослях запыленных кустов на обочинах или в пропахших бензином кабинках тяжело груженных фургонов. Некоторые «попутчицы» проводят в рейсах долгие месяцы, с удивительной легкостью меняя экипажи фургонов, маршруты, республики, края и области.

Американский писатель Джек Лондон описывал дорогу – протянувшуюся по Штатам железнодорожные пути и путешествовавших по ним в конце прошлого – начале нынешнего века бродяг. У нас еще никто не решился описать трассу, по которой днем и ночью гонят машины водители, везущие в кабинках «фур», подобных лондонским бродяг и бродяжеч, причисляющих себя к «системе», унаследовавшей многие приметы хиппи. Они, эти бродяги, так и говорят: ушел на трассу, пошел по трассе, сошел с трассы.

Путь «на трассу» обычно начинается с попрошайничества, чтобы набрать определенную сумму денег, хотя «системщики» почти в них не нуждаются. Питание они добывают в забегаловках и кафе, употребляя в пищу «ништячки» – различные объедки, за которые поварам и буфетчикам и денег-то спросить стыдно. Одежду «системщики» носят самую разнообразную – чаще всего то, что добегается бесплатно, подобрано по случаю или выменяно друг у друга. Одни едут на юг, и им ни к чему теплые вещи, другие мигрируют к северу – и им не нужны старые, разношенные сандалеты и грязные расписные майки. Меняющимся нет никакого дела, что вещи давно не стираны, не имеет никакого значения размер, женская это вещь или мужская. Главное – функциональная необходимость вещи в данный конкретный момент. Сделка заключается, и оба счастливы, получив сандалии и майку в обмен на дырявый свитер.

Если «системщик», выходящий на трассу, курит, то сигареты никогда не покупает, а предпочитает «стрелять». Если хочет читать, то меняется книгами с такими же, как он, бродягами, подобно обмену одеждой. Воровать запрещено моралью трассы, разве что пищу.

– Поймите, я не воровка, – размазывая по лицу грязь, слезы и кровь из разбитого носа, плакала избитая водителями «плечевая баба», жалуясь Купцову на несправедливость, приключившуюся с ней на трассе. – Я их вещей и пальцем не тронула, а взяла только помидоры и хлеб, понимаете? У нас никто не крадет!

Впоследствии, вновь и вновь сталкиваясь с бродягами трассы, Иван полностью убедился в правоте ее слов. Кстати, вещи, в краже которых шоферы обвинили избитую ими девочку, потом нашли у другого водителя.

А деньги, зачем ни тем, кто питается «ништячками», носит чужое тряпье и не имеет никакого багажа? Оказывается, на них покупают «колеса», – так именуются на жаргоне различные таблетки, используемые как заменитель наркотика.

Катят на фурах по трассам парни с длинными волосами, одетые в пеструю одежду, расплачиваясь с водителями рассказами о своем житье-бытье и анекдотами, а девушки – «плечевые бабы» – расплачиваются собой. Что же до кодекса чести трассовых бродяг, то известны случаи, когда они, передавая друг другу, довозили через всю страну посылки, отправленные по случаю кому-нибудь из них сердобольными родителями или родственниками. Хотите, считайте это явление странным, хотите нет, но ни одна вещь никогда не пропадала.

К весне трассовые бродяги, как они выражаются, «схи-пают на юга», преимущественно в Крым, где ласковое солнце, теплое море, богатые базары и, главное, фрукты, до которых они очень охочи. Сбившись в случайные компании, иногда весьма многочисленные, они целыми днями лежат на пляже, тщетно пытаясь обмануть извечное чувство голода. Иные поют под гитару на набережных или отправляются подработать на плантациях – правда, ненадолго.

Другим местом «летнего отдыха» бродяг с трассы является Прибалтика, где мягкий климат, мелкое море, песчаные дюны и туристы, не жалеющие денег – они легко бросают мелочь в просительно протянутую грязную ладонь.

Когда на небе сгущаются тяжелые облака и начинает моросить нудный дождь, бродяги скучнеют и компании распадаются, чтобы вновь собраться на следующее лето. Опытный бродяга достает из своего «ксивника» – джинсовой сумы, висющей на шее, – самую большую ценность, какая у него есть: пухлую и потрепанную записную книжку, в которой каждая страничка плотно испещрена «вписками» – адресами совершенно незнакомых людей в различных городах, где можно рассчитывать на помощь и приют. Там адреса гостиниц в сторожках и отелей в подвалах, турбах на чердаках и постоянных дворов в дворничках. Поэтому высшим проявлением благорасположения друг к другу у членов «системы» является бескорыстный обмен «вписками».

Грязный палец скользит по строчкам, глаза разбирают торопливые каракули, и наконец принимается решение – куда «схипать» на зиму. Выход на трассу, призывно поднятая рука и...

Однако многим ехать некуда. В отличие от тех, кто любит называть себя «системщиками» и будет проводить время до тепла в «тусовках» по различным городам или сам придет сдаваться в венерологический диспансер, или заляжет в «психушку» – полечиться и заодно скоротать время

до новой трассы на юга, – «беспредельщики» уже никуда не едут. Как правило, они поселяются поблизости от теплых или людных мест, образуя специфические общины наркоманов, алкоголиков, проституток с трассы. Убогие, увечные люди, опустошенные морально и физически.

Есть и такие, кто на всю жизнь остается верен джинсовому рванью, «толстовским» теориям и теплым воспоминаниям о «системе» и трассе, но отходит от них, словно переболев, как неизбежной детской болезнью, вроде кори или коклюша. Многие из них пополняют ряды околбогемной публики, избрета «свои» направления в искусстве.

К такому человеку, переболевшему «системой», и отправился Купцов пасмурным летним днем. Путь его лежал к границам бывшего Камер-Коллежского вала, теперь уже прочно забытого москвичами, которых среди жителей огромной, перенаселенной столицы осталось не так много. Я имею в виду коренных москвичей. Вскоре на высоком берегу реки неподалеку от Новоспасского моста ему открылся вид на мощные белые стены с бойницами и сторожевыми башнями – бывший мужской Новоспасский монастырь.

На его широком дворе некогда гулял архимандрит Никон, впоследствии возведенный в сан патриарха и оставшийся в истории как реформатор церкви. Это он отправил в ссылку мятежного попа Аввакума. К своему счастью, Никон теперь не может увидеть, во что стараниями последующих поколений превратилась некогда грозная обитель монахов-воителей – всюду грязь, мусор и мерзость запустения. Впрочем, разве только этот монастырь в таком состоянии? По подсчетам ученых, в целом по стране утрачивается три памятника ежедневно! И около сорока тысяч уникальных творений находятся в абсолютно аварийном состоянии и не смогут простоять более десятка лет.

Тяжело вздохнув – как-то безотрадно, когда душит дефицит во всем, даже в памяти, – Купцов свернул в сторону от шумной Таганской площади. Отыскав старый кинотеатр, предъявил пожилой билетерше удостоверение и прошел через фойе к неприметной двери, ведущей в подвал. Шагнув за порог, он начал спускаться вниз, в. сырую темноту.

Внизу на крохотной площадке оказалась еще одна дверь, сквозь щели которой пробивался слабый, мигающий свет. Открыв ее, Иван очутился в полумраке, разорванном светом проектора. Нескладный, заросший до глаз волосами человек, копошился около афиши, усердно маля на ней огромной кистью.

– Кто там? – недовольно обернулся лохматый.

– Это я, Баня, – проходя в комнату, откликнулся Иван.

– Никак гражданин Купцов? – выключая проектор и зажигая верхний свет, ошарашенно пробормотал Буня. – Призрак отца Гамлета... Вас же, говорили, усадили куда-то из белокаменной?

Хозяин мастерской смахнул со стула пыль, постелил на него свежую газету и широким жестом предложил гостю сесть.

– Нет, – присаживаясь, улыбнулся Купцов, – я не призрак. Можешь пощупать. Принимаешь гостя?

– Ну, смотря какого, – буркнул хозяин.

– А ты, стало быть, окончательно порвал с «системой» и на трассу больше ни ногой? – осматривая мастерскую, протянул Иван. – Решил вернуться к старому ремеслу?

– Так и вы свое ремесло не забываете, – усмехнулся Буня.

– Сыск не ремесло, – назидательно заметил Купцов. – Сыск – это искусство.

– Может пивка? – скрывая охватившее его беспокойство, предложил хозяин.

– Спасибо, – отказался Купцов, – я не употребляю.

– Вы счастливый, воля есть, а я вот балуюсь... Сразу хочу сказать, – решился Буня, – нет больше Буни. Остался гражданин Носов Николай Кузьмич, вернее, товарищ Носов. Вот так... Я теперь полностью чистый перед вами, работаю.

– Вижу, – согласился Иван, доставая сигареты. – У тебя курят? Ну и как, нравится работать?

– Ничего... – протянул Носов. – Правда, платят маловато, но я еще подрабатываю. Главное – мастерская здесь, писать можно. Это все так, ерундовина. – Он пренебрежительно кивнул на незаконченную афишу.

– А для души? – прищурился Купцов.

Буня стрельнул в него недоверчивым взглядом, потом, немного поколебавшись, полез за грудой афиш и старых досок. Достал небольшое полотно и поставил на стол.

Иван всмотрелся. Разбитое окно, керосиновая лампа на деревянном подоконнике, а в глубине отражается в зеленоватом мутном зеркале женская фигура.

– «Ожидание», – явно надеясь на похвалу, сказал Носов.

– Ничего, – скупко похвалил Купцов, уловивший в картине явное подражание Константину Васильеву.

– «Ничего», – скорчив гримасу, обиженно передразнил Буня, – со временем лучшие картинные галереи мира будут оспаривать право выставить мои полотна!..

– Ладно, не обижайся, – примирительно заметил Купцов. – В картинах я действительно не очень разбираюсь, а вот другие твои произведения я ценю, как знаток. Помнишь, рисованные фальшивочки?

– Что было, то прошло.

– Прошло ли? – подался вперед Иван. – Тут недавно проскочила одна штучка. Уж не ты ли, дорогой, за старое взялся?

– Мало ли спесов по этой части? – отводя в сторону глаза, промямлил Буня. «Господи, неужели с появлением этого знакомого сыщика начинается прежний кошмар?»

– Мало, дорогой гражданин Носов, мало. Билетики на Ла-Скала ты рисовал? Может, по молодости лет соблазнился? Сознавайся, все одно – дело прошлое, чего уж теперь темнить?

– Не-е, это не я, – хозяин мастерской выставил перед собой ладони, выпачканные краской. – Но тоже классная работа.

– Откуда знаешь? – насторожился Купцов.

– Говорили, – равнодушно пожал плечами Носов. – А кто, не помню, давно все было и бьельем поросло. Я вот жениться собираюсь.

– Может статься так, что придется подождать с женитьбой, – вздохнул Иван, сокрушенно разведя руками. – Есть у меня подозрение, что ты, по просьбе неких друзей, сделал одну фальшивочку. Не возражай, – предупреждая поднял он руку, – дело там слишком серьезно повернулось.

– Не делал я ничего!

– Ты мне это докажи, – вкрадчиво предложил Иван. И Буне стало страшно от его спокойного, почти ласкового голоса.

– Вы о презумпции невиновности слышали? – сделал он робкую попытку вырваться из ловушки.

– Приходилось, – усмехнулся Купцов, – но я тебя не нарами пугаю.

– Да? – воскликнул Носов. – Просто пришел и поговорил, да? Только и всего, что напомнил ненароком о прошлом?

– Ну-у, милый, прошлое ты сам для себя сковал, не я его тебе таким сделал. Давай-ка лучше по-хорошему...

– Это как?

– Ты ведь меня знаешь? – спокойно начал Иван. – Помогал я тебе, когда ты собирался нормальным человеком стать и тусовался в «системе»? Помог и ты мне.

– В стукачи зовешь? Прикажешь выпить с корешками, потолковать по душам, а потом заложить их со всеми потрохами?

– Слушай, – поднялся Купцов, где ты корешков нашел? Среди блатных? Раз становишься человеком, так и будь им.

– Господи, да чего тебе надо? – сморщившись, простонал Буня. – Не любоваться же ты на меня приперся?

– Это точно, не любоваться. Знать мне надо, кто фальшивые билетки на итальянскую оперу делал.

– Зачем? Зачем знать? – проведя ладонями по лицу, словно сдирая с него налипшую паутину, прошипел Носов. – Сам сказал: дело прошлое!

– А прошлое за сегодняшний день цепляет, вроде как у тебя, – уже от дверей обернулся Купцов. – Тот, кто билеты рисовал, сделал недавно фальшивый бланк. Через это одного человека уже убили и тяжело ранили мать двоих детей, которая сейчас лежит в реанимации, и неизвестно, выживет ли. А те, кто убил, гуляют на воле и могут натворить новых дел. Думаешь, Ване Купцову тебя надо придавить и застрашать? Нет, Носов, я потому к тебе пришел, что навел справки и поверил, что Буня умер и похоронен.

– погоди, – шагнул к нему хозяин мастерской, – откуда известно, что рисовал один и тот же человек?

– Экспертиза установила. Поможешь? – прямо спросил Купцов.

– Попробую. Загляни через несколько дней. Но только железный уговор: если узнаю, не допытывайся, где и у кого...

Прикрыв дверь, Иван снова очутился в полумраке. Почти ошупью отыскав первую ступеньку лестницы, начал подниматься вверх...

Глава 2

Жирная рыжая крыса лениво шествовала от помойки к пищеблоку, высокомерно не обращая внимания на проходивших поблизости людей и только слегка припуская рысцой, когда они слишком приближались. Добравшись до отдушины в фундаменте здания, она не спеша нырнула в темноту подвала и скрылась.

Заинтересованный Бондарев приостановился – давно такого не приходилось видеть в самом центре города, да еще на больницы территории. Хотя живут же крысы на всех московских овощехранилищах – и ничего, не помирают от нитратов. Отчего бы не жить крысам и здесь, на зеленом пятачке, зажатом с одной стороны шумным проспектом, а с другой – старым, заросшим парком. Вздохнув, Бондарев направился к желтоватым больничным корпусам.

Отыскав отделение хирургии, он получил короткий, не по росту халатик и поднялся в ординаторскую. Врач, заранее предупрежденный по телефону, встретил его приветливо.

– Долго, пожалуйста, не говорите, – украдкой подтянув зеленые хирургические штаны, попросил он Бондарева. – Она слабая еще. Боюсь ухудшения. Ну, пошли?

«Совсем мальчишка, – выходя следом за ним в коридор, подумал Саша, – даже штаны по-мальчишески подтягивает, а поди же ты, вытащил Лушину с того света».

– Вы, пожалуйста, не говорите ей о племяннике, – приостановившись перед дверью палаты, напомнил Бондареву врач.

– Минут десять мне дадите?

– Постарайтесь все же покороче.

Заверив, что он не собирается утомлять больную, Бондарев вошел следом за хирургом в палату, сразу словно окунувшись в полумрак и запахи лекарств. На высокой кровати, опутанная проводами датчиков и трубочками капельниц, лежала Лушина.

– Вот, гости к вам, – привычно взяв ее запястье проверяя пульс, улыбнулся врач. – Как у нас сегодня?

Маша слабо улыбнулась в ответ, и Бондарев поспешил представиться:

– Я из милиции. Александр Алексеевич...

– Присаживайтесь, – подал ему белую больничную табуретку хирург. – Загляните потом ко мне?

– Обязательно, – благодарно кивнул Саша и повернулся к больной. – Нам надо восстановить картину произошедшего в вашей квартире.

Сколько их было?

– Четверо, – слабо шевельнулись губы Маши.

– Молодые, старые? Какого возраста?

– Трое молодые... Один не очень...

– Кто стрелял?

– Молодой... И постарше, лысый.

«Лысый – это уже кое-что, – немного оживился Саша, – примета, которую просто так не спрячешь».

– Кто-нибудь из них был одет в форму милиции?

– Нет... – Она прикрыла глаза, и Бондарев понял, что ей очень тяжело вспоминать то утро, когда раздался роковой звонок в дверь квартиры. – Сеня как? – Маша открыла глаза.

– В реанимации. – Бондареву стоило труда солгать и он поспешил перевести разговор на другую тему. – Почему они пришли к вам?

– Не знаю... Вроде мы как все. Сеня говорил, у Котеневых тоже были.

– Откуда он узнал? – заерзал на табурете Саша. – И кто эти Котеневы?

– Он работал с мужем... Давно. А Сене вроде муж сказал.

В приоткрытую дверь палаты заглянул врач и сделал Бондареву знак, что пора заканчивать разговор.

– Выздоровливайте, – Саша встал, и тут же в палату вошел хирург. – До свидания... Кстати, где живут Котеневы?

– Недалеко от нас, – едва прошептала Маша, а хирург потянул Бондарева за полу халата к выходу.

– Вы и так говорили с ней двадцать минут, – недовольно буркнул он, прикрывая дверь реанимационной палаты.

– Простите. Когда еще разрешите прийти?

– Не знаю. Муж хочет перевести ее в другую клинику, как только можно будет транспортировать.

– Чем же плоха больница? – усмехнулся Саша. – Впрочем, любая больница...

– Да, у нас еще не самая плохая. Кормят, правда, скудно – вздохнул хирург, – лекарств многих нет. А больному надо хорошо питаться. Хорошо, если такие, как Машин муж, икру таскают сумками...

– Икру, говорите, таскает сумками? – покачал голо вой Бондарев. – Заботливый... И в другую клинику неплохо, конечно. Крысу я у вас во дворе видел, у помойки. Много их тут?

– Травим, – устало откликнулся хирург. – Общепит в парке, у нас пищеблок, город грязный, в каждом доме тараканы, в подвалах комары плодятся, санитарная служба слабая. В общем, проблем масса, и, когда они будут разрешены, я, например, не знаю.

– Я тоже, – вынужден был признаться Саша. – У нас их не меньше...

Прикуривав, он побрел к выходу из больничного садика, размышляя о не слишком веселой жизни обыкновенного сыщика. Следовательно, сыщик, адвокат – герои многих детективных фильмов и ... Порой они «расследуют» преступления, не выходя из кабинета. В жизни далеко не так. В условиях всеобщего «телефонного права», несовершенства законодательства, дефицита, аппаратных методов руководства, у них почти круглосуточная работа, зачастую с риском для жизни, и зарплата нищенская.

Разве только милиция в бедственном положении? Так же обстоят дела и в прокуратуре, и суде. Убогие здания, плохо подготовленные кадры, процветающий протекционизм. И все это, как ни странно, устраивало верхний эшелон. Во времена застоя эти деятели прекрасно понимали – стоит только укрепиться профессионалам, как немедленно начнется переоценка ценностей. Профессионализм в милиции – главное качество. Однако должным образом он не ценится. Разве, что коллегами...

Да, чего только не вытворяли раньше с милицией. Однажды, еще в середине пятидесятых годов, загнали курсантов средней школы милиции на трибуны недавно построенного стадиона в Лужниках и приказали топтать сапогами что есть мочи, желая проверить: не обрушатся ли перекрытия? При этом те, кто отдал приказ, предусмотрительно стояли на середине футбольного поля. Курсанты топтать ногами отказались – разве для этого они надели милицмейскую форму? Многие и сейчас напоминают этот кошмарный, в своем идиотизме, случай...

Проснулся Зуев ближе к обеду. Поглядев на часы, вскочил и заметался по комнате – единственной в квартире. Ему же сегодня во вторую смену! Наскоро выпив чаю на кухне и не ощутив вкуса бутербродов, вылетел на улицу.

Родной таксопарк стоял там, где ему и положено. Кивнув «вратарю» – так водители именовали вахтера, – Зуев прошел на территорию и, получив необходимые для выезда на линию бумаги, уселся в машину. «Волга» была старая, погода сегодня дрянь. Заберешься с каким-нибудь клиентом в пригород, и не выползешь. В общем, работать не хотелось...

Наконец, он решился. Включил зажигание и медленно тронул с места. И тут же, словно подкараулив, начал сеять мелкий дождичек, черня асфальт двора и сделав рябым лобовое стекло. Аккуратно вырвав между машин, ожидавших своей очереди на мойку, Зуев чуть увеличил скорость и подкатил к воротам. Он хотел лихо проскочить на скорости мимо «вратаря», как вдруг заметил до жути знакомую фигуру, мокнущую под дождем посреди дороги. Человек в плаще с поднятым воротником стоял, широко расставив ноги, словно врос в асфальт. Таксист рванул ворот рубахи и в каком-то шальном, помутившем разум отчаянии надавил на педаль акселератора. Машина прыгнула вперед – раздавить, смять этого человека! Казалось, он не сможет спать, есть, жить и дышать спокойно, пока жив тот, кто встал на его пути.

Знакомая фигура в мокром плаще стремительно приближалась, словно вырастая перед капотом. Увидев несущийся на него автомобиль, человек на дороге не изменил позы, не вытащил рук из карманов плаща, не заметался, не отпрыгнул в сторону – и нервы Зуева не выдержали. Дико закричав, он ударил по тормозам, и его старенькая лайба, судорожно дернувшись, развернулась и застыла в полуметре от стоящего на дороге человека...

Обессиленно закрыв глаза, Зуев откинулся на спинку сиденья. Он слышал, как открылась дверь машины. Человек в плаще сел рядом с ним, Принес в салон запах дождя и городской пыли, и спокойно произнес:

- Нервы сдают? Валерианку пей на ночь, говорят, помогает.
- Чего тебе надо, Купцов? – не открывая глаз, сиплым шепетом спросил Зуев. – Чего?!
- Трогай! – Иван легко толкнул Зуева в плечо.

Открыв глаза, Зуев послушно включил зажигание.

Затылок у него ломило, как перед грозой, когда начинаются перепады давления, руки подрагивали – он только сейчас понял, что действительно чуть было не отправил оперативника на тот свет.

- Счетчик-то включи, – миролюбиво напомнил Купцов, доставая мятую пачку сигарет.
- Чего тебе надо? – повторил Зуев.
- Потолковать, – Иван прикурил, помолчал, глядя на мутные дождевые капли, стекающие по лобовому стеклу.
- Не о чем нам толковать, – хмуро ответил Зуев. – Если ты пассажир, то говори, куда ехать.
- Тогда вези к метро. К тому, которое поближе.

Купцов сосредоточенно курил, глядя прямо перед собой. Скосив на него глаза, Зуев отметил, что Иван Николаевич постарел – прибавилось седина на висках, около глаз появились морщинки. Да, и его время не пощадило, но хватка у него прежняя.

– Чего молчишь? – не выдержал Зуев. – Пришел про старое напоминать? Как чуть чего, так по прежним адресам? Тяжелый ты человек, Иван Николаевич.

– Это не я тяжелый, – приоткрыв окно, откликнулся Купцов. – Работа у меня тяжелая. Проблем много. Вот и подумал: не навесить ли Игорю Зуева? Глядишь, посоветует чего?

- Я тебе не советчик, – фыркнул Зуев. – Тоже мне, нашел гадалку. Вон твое метро!

Он выключил счетчик и, довольный собой, повернулся к Ивану. Тот полез в карман и вытащил из него сломанную отвертку:

- Твоя? Вроде именно такой ты двери у машин открывал?
- Не моя, – отвернулся Игорь. – Не бери на понт.
- Есть такое понятие – почерк преступника, – убирая отвертку и выгребая из кармана горсть мелочи, спокойно ответил Купцов.
- А в одном очень скверном случае почерк твой. И отверточка нашлась...

Рассуждая, он неспешно отсчитывал на ладони медяки, складывая их стопочками на «торпеду». Заерзав, Зуев съязвил:

- На папери, что ли, стоял? Или зарплату вам теперь медью дают, чтобы больше казалось?
- Ага, – беззлобно согласился Иван, – угадал, именно чтобы больше. Так вот, узнаешь отверточку? А ею машинку открыли, угнали, совершили тяжкое преступление и бросили. Дай, думаю, у старого знакомого спрошу, не его ли отверточка там осталась?
- Не его, – сгребая мелочь, зло ответил Зуев. – Не пришьешь мне. Прошло время, когда одни кругом были правы!
- Прошло, это ты правильно сказал. А вот кто под Игорю Зуева работает, надеясь его вместо себя на нары отправить?
- Вот ты о чем? – присвистнул таксист. – Решил, значит, моими руками свои делишки обдывать?
- Зачем же твоими? – обиделся Иван. – Просто потолковать хотел, посоветоваться, а ты машиной давить, фыркать, злиться. Честно говоря, я надеялся через тебя быстрее до того умельца добраться, но, наверное, не получится. Бывай.

Открыв дверь, он вышел и, привычно засунув руки в карманы плаща, пошел к станции метро.

- Погоди! – приоткрыв окно, окликнул его Игорь. – У тебя там что, действительно серьезное?
- Серьезней не бывает, – криво усмехнулся Купцов.
- Я подумую, – нахмурился Зуев. – А ты зла на меня не держи. Как тебя увидел, в глазах потемнело: ведь ты же меня крепко засадил...
- Дело прошлое, – поеживаясь от холодного ветра, ответил Иван. – Каждый из нас делал свое. Ты не хочешь мне дать ответ на вопрос? Но я все равно найду этого друга. Только будет несколько дольше. Вот так. Людей мне жалко, Зуев, потому и поехал к тебе по старой памяти.
- Подумую, – повторил таксист. – Телефон оставь на всякий случай. Видеть мне тебя противно, а позвонить, может, и позвоню.

Глядя вслед уходившему Купцову, он решил все же заглянуть в гаражи, где обосновался Свекольный, – тот всегда все про всех знает: кто откинулся из зоны после срока, кто недавно залетел, кто на гастролях и кто завязал.

С другой стороны, Купцов просто так не объявится, он мелочевкой не занимается, и, если кто-то на самом деле работает под Игоря Зуева, то надо спасать собственную шкуру...

Рогачев пил чай и читал бумаги, подшитые в жестких картонных корочках. Поглядев поверх очков на вошедшего Купцова, он захлопнул папку и отставил недопитый стакан.

– Присаживайся. Какие новости?

– Разные... – Иван присел на диван, вытащил из кармана блокнот. – Навестил старых знакомых. Один по фальшивочкам проходил, а другой машины вскрывал виртуозно. Поговорили, но результатов надо подождать, если вообще будут. Публика известная... В общем, работаем, – вздохнул Купцов. – Саша был в больнице у потерпевшей. Привез интересные сведения: она говорит, что подобное нападение было на знакомого Лушина, некоего Котенева.

– Установили его? – заинтересовался Алексей Семенович.

– Нашли. Думаю, надо к нему Бондарева отправить, пусть побеседует.

– Атака в лоб?

– Котенев наверняка полагает, что нам неизвестно о нападении, – улыбнулся Иван. – Можно застать его врасплох.

– Если нападение было, – заметил Алексей Семенович, – но его могло и не быть. Может, сведения неверные. Ведь он не заявлял? А почему молчит? Не знаешь? И я не знаю, а надо бы нам знать. Раненая ссылается на убитого родственника, а того уже ни о чем не спросить. Любезный Александр Петрович Лушин сделает круглые глаза, как и его знакомый Котенев, если даже к нему и приходили с самочинным обыском. Что тогда? Думать надо, Иван, думать. Отчего Лушин молчит о произошедшем у Котенева, какая между ними связь, какие отношения? Как, наконец, могут быть связаны нападения на Котенева и Лушина, если на Котенева действительно нападали? Видишь, сколько вопросов? А ты на авось...

– Я не упрощаю, – слегка надулся Купцов. – Перед визитом к Котеневу поработаем, узнаем, как и где пересекались его жизненные пути с Лушиным. И потом, у Котенева есть жена. С ней стоит побеседовать.

– Стоит, – согласился Рогачев. Ему нравится деловой настрой Ивана и не нравилось, что в деле пока нет никакой ясности.

Могли у Котенева и Лушина потребовать дани, зная об их темных делах? А те ответили вымогателям отказом. Ну, и завертелось – начали с угроз, а дошло до стрельбы. Могли прижать дельцов конкуренты, а пострадавшие не заинтересованы в разглашении своих дел, чтобы не связываться с органами милиции и не объяснять, откуда у них такие средства. Иван рассказывал, что убитый родственник Лушина был весьма крепким физически человеком – не пригласил ли его Александр Петрович для обороны от возможного нападения? Но тогда получается, что Лушин знал, что к нему могут прийти. Откуда он мог узнать, от кого? Только от Котенева, если у того уже были «визитеры».

Затрещал телефон. Сняв трубку, Алексей Семенович привычно назвал и ответил, подавляя раздражение:

– Пока ничем порадовать не могу. Работаем, – сделав знак Купцову, чтобы он задержался, продолжил: – Нет... Я все прекрасно понимаю. Но поймите и вы. В стране каждые полчаса совершается умышленное убийство, а мы работаем все в том же составе. Нет, я называю среднестатистические данные, а не конкретно по городу. Я доложу, как только появятся обнадеживающие результаты. – Положив трубку, он повернулся к Ивану: – Слышал? Звонят с самых верхов, погоняют. Как будто я не понимаю: время идет – результатов нет.

Вернувшись в свой кабинет, Иван открыл фрамугу, сел за стол и, с удовольствием закулив, открыл блокнот. Перелистывая странички, Купцов размышлял, не заметив, что от конкретной ситуации мысли перескочили на проблему преступности вообще. Усилилось в людях негативное отношение к социальным институтам, государственным организациям, включая милицию, возросла агрессивность, при которой даже временные трудности толкают на противоправные действия. Но разве этот синдром возник только сейчас, разве он не зрел подспудно долгие годы? Еще не в столь давние времена большинство социальных болезней предпочитали лечить, как неопытные терапевты: то лекарством от глистов, то – от приступов грудной жабы, робко надеясь, что наконец найдено радикальное средство и больному полегчает. Но ничего не получалось, поскольку не поставлен правильный диагноз.

Конечно, справедливости ради стоит сказать, что проблемы преступности и борьбы с ней начали замалчивать значительно раньше, чем в период застоя. О существовании преступных профессий было не принято писать и говорить еще в конце двадцатых годов. Тогда же ученым было приказано прекратить изучение профессионального преступного мира «в виду отсутствия такового».

Однако Купцов прекрасно знал, что если в двадцатые годы насчитывалось около сотни преступных профессий, то сейчас их уже несколько сот, причем, на отечественной ниве выросли такие профессионалы уголовного мира, которых не знала царская Россия и не ведает известный своей разнузданной преступностью капиталистический мир! Итак, что мы имеем в профессиональном преступном мире? Мошенники, карточные шуллеры, карманные воры – все, как один, профессионалы. Причем, каждая из этих специальностей имеет массу «подвидов» или «узких специализаций» по изъятию денег у частных лиц и государства. Например, среди карманников есть «ширмачи», крадущие только под прикрытием, «щипачи» – вытягивающие добычу пальцами, «хирурги» – действующие пинцетами, и множество других. Но искать среди них «драконов», видимо, не имеет смысла – не та публика, не станут они связываться с вооруженными нападениями и «мокрыми» делами.

Тогда подумаем о процветающих ныне карточных шулерах. К примеру, «катранчики», содержащие законспирированные игорные дома и притоны. Сами они вряд ли решатся на такое, а вот их охранники, так называемые «жуки», вполне могут по указке пойти на ограбление дельцов теневой экономики. Кстати, не забыть бы про ростовщиков и перекупщиков долгов – там тоже существует своя система охраны и выбивания денег из клиентов. Ну а такую разновидность шулеров и мошенников, как «гусары» и «покрышкики», можно пока отставить. Не их профиль.

Не стоит забывать о грабителях и разбойниках – каждый третий из них тоже профессионал. Жаль, что никто из потерпевших не может дать примет преступников, рассказать об их поведении, жаргоне, татуировках. Преступный жаргон мог бы дать крепкую ниточку в поиске, как и татуировки. Если, к примеру, у кого-либо из напавших на квартиру Лушина была «вышита» восьмиконечная звезда, то это профессиональный вор; если вытатуировано сердце, пронзенное кинжалом, – вор в законе; паук в паутине означает наркомана, а жук-долгоносик – карманного вора. Татуировки многообразны и несут смысловую нагрузку, позволяя уголовникам узнавать друг друга и оценивать положение в преступном мире. Причем, присвоение чужих татуировок не поощряется и даже наказывается. Но сведений о татуировках нет.

Так, за поддельный ордер на обыск он уже уцепился. Хотя что там фальшивка, если делают документы на право владения автомобилем, вырезают практически любые печати. Расширилась сфера применения технических приспособлений, способных сделать честь многим современным предприятиям, – преступниками изобретены и применяются портативные газосварочные аппараты; домкраты, развивающие усилия в десятки тонн и помещающиеся в портфелях; бесшумные, скоростные электродрели со сменными насадками и многое другое.

Итак, отмечаем: надо проверить, не связан ли Лушин с какой-нибудь профессиональной проституткой, контролируемой дельцами подпольного бизнеса, не имел ли долгов, которые могли перекупить, не увлеклся ли картишками?

Когда только успеть проверить версии – сутки не резиновые, начинается наваливаться усталость, а даже маленького успеха пока не удастся достичь...

Собрались у Олега Кислова, родители которого жили на даче. Аркадий пришел, когда все уже были в сборе. Лысоватый Витек занимался маникюром, Анашкин курил, сидя в продавленном кресле, а хозяин нервно ходил из угла в угол, явно не зная, куда девать руки: он то потирал их, то складывал за спиной.

«Задержался, – взглянув на него, сразу определил Аркадий. – Давить на них надо, убеждать, что все нормально и останавливаться на половине пути глупо и опасно».

– Привет, – поздоровался Аркадий и присел напротив Вороны. – В тот день суетно было и недосуг, а сегодня я вспомнил, – повернулся он к Гришке, – ты вроде успел хапнуть у Лушина бумажник и коробку?

– Шкатулку, – расхаживая из угла в угол, уточнил Олег.

– Какая разница? – зло оборвал его Аркадий. – Где она?

Ворона прищурил глаза и сделал вид оскорбленной невинности. После того, как разбежались в разные стороны, он первым делом поглядел на добычу – из бумажника удалось выгребсти больше трех тысяч разными купюрами, а всякие записочки, визитные карточки и прочую дребедень Гришка порвал и спустил в унитаз. Про деньги он смолчал, решив, если спросят, отдать не больше тысячи, а остальное припрятал. В шкатулке нашлись золотые вещички, часы какой-то иностранной марки на массивном браслете, бусы из жемчуга. Все это, с точки зрения Вороны, не стоило внимания – реально ценны только деньги. Поэтому Анашкин за шкатулку не держался, но для вида огрызнулся:

– Сам бы брал, а то только спрашивать: где?

– Давай сюда! – приказал Лыков. Ворона нехотя поднялся и пошел в смежную комнату. Вынес шкатулку и пачку денег, бросив их на колени Аркадия:

– На!

Тот первым делом пересчитал сотенные бумажки. Наблюдая как быстро и ловко работают его пальцы, Ворона пожалел, что не отначил еще хотя бы сотню-другую – кто бы его проверил? Тем более, открыли дурачки стрельбу, и было им не до чего, кроме собственного спасения. Сначала он тоже испугался, а потом успокоился – никто не приходит, не ловит, вроде обошлось.

– Есть у них денежки, есть, – приговаривал довольный Аркадий, вынимая из шкатулки кольца, бусы, часы. – Осечка произошла, а то бы взяли больше.

– Этот? – сглотнув набежавшую слюну, осевшим голосом спросил Кислов, – малый этот... жив? И баба?

– Не знаю, – отмахнулся Лыков. – Главное, охрана в квартире была. Хорошо!

Жедь выбросил в форточку окурок и недоуменно поглядел на инженера: заговаривается что ли, чего же хорошего?

– Не сечете? – поймав его взгляд, усмехнулся тот. – Добро свое они охраняют, ясно? А если нет ничего, зачем охрана?

– Я о другом думаю, – протянул Жедь. – В следующий раз нас тоже могут встретить людишки со стволами. Кончились игры в обыски и милиционеров.

Он не стал говорить, что давно сжег форменную рубашку, купленную им в магазине «Железнодорожник» и разорвал старый милицкий китель и брюки. Весело горело тряпье, облитое бензином, отполыхал маленький костерчик во дворе приемного пункта стеклотары, и на душе у Жедя стало немного легче. Золото, взятое у Котенева, он положил в стеклянную банку и зарыл – пусть лежит до поры. Он не выдаст места, где зарыта заветная баночка, даже если будут «гладить» уютном.

– Не встретят, – уверенно ответил Аркадий. – Меитам Лушин не помощник, поскольку за себя боится и Котенева им не выдаст, а своих боевиков у них нет. Иначе уже ждали бы.

– Ну, не знаю, – отвернулся Жедь.

– Витек прав, – торопливо заговорил Кислов. – Надо переждать, затаиться. Кто знает, что происходит сейчас там, у Лушина? Не, я пока никуда ни ногой.

– Дурак! – захлопнув шкатулку, засмеялся Аркадий. – Знаешь, на сколько это тянет? – Он покачал резную коробочку на ладони, словно взвешивая. – Надо действовать, наступать, пока они не опомнились. Наступающий всегда побеждает, а вы зовете к обороне? Пропить добытое, купить шмотки, видео, стерео, балдеть и страдать, что не решился еще раз, не пошел к их казначею? Ведь есть у них казначей, есть! Наверняка это Рафаил! Григорий, ты машину новую присмотрел?

Анашкин кивнул. Машина действительно подобрана, стоит у одного дурачка в гараже. Ездит он редко, а замочек плевый, открыть – и ты опять на колесах. Интересно, чего сегодня решат: временно бросить дело или опять идти, но уже к третьему?

– Да пойми ты! Опасно бить без конца в одну точку, – не выдержал Олег. – Они повязаны друг с другом. Если это не так, то у Лушина не оказался бы тот бугай. Котенев ему все рассказал, предупредил. Могли предупредить и Рафаила, даже наверняка предупредили. Витя прав, нас там могут ждать!

– Ты лучше скажи, облигации на деньги поменял? – перебил его Аркадий. – Нет еще? Чего ждешь, меняй. И готовьтесь, будем брать Хомчика. Прямо в квартире, тепленького, но уже без выкрутасов. Жестко, напористо, быстро! А потом конец! Стволы – в речку, деньги делим и ведем жизнь советских обывателей.

В комнате повисла тишина. Кислов прислонился плечом к стене и вспоминал тот день, когда они с Аркадием потрошили здесь похмельного Гришку, рассказывавшего о подпольном миллионере. Кажется, так давно это было, а уже сколько наворочали.

Жедь размял сигарету и прикидывал – сколько он еще положит в заветную баночку, если случится удача у Хомчика? Рафаил мужичок хлипкий, по внешности сразу видать, что трусоватый и» семейственный, а такие все отдадут, если детишкам к головенке приставить наган.

Ворона не думал ни о чем. Просто хотелось, чтобы скорее заканчивали говорильню и приступали к распитию – он заранее сбежал в магазин и купил водки. Чего лясы точить, тем более Лыков твердо обещает, что возьмут у этого Рафика куш и лягут в тину.

Вспомнился вдруг Свекольный, суетившийся в гаражах, сшибающий деньжата с автолюбителей. А за ним мысль привела к спившемуся старому знакомому с ипподрома. Нет, ни таким, как Мясо, ни таким, как Свекольный, становиться не хотелось.

– Готовьтесь, – вставая, приказал Лыков. – Скоро пойдем к Хомчику...

Глава 3

Выйдя из метро, Саша сразу увидел дом, где размещалось учреждение Котенева – современный небоскреб из стекла и бетона. Поднявшись на лифте, Бондарев прошел длинным коридором, неслышно ступая по ворсистым паласам, затягивавшим пол. Отыскав на дверях нужную табличку, поправил галстук и вошел в приемную.

Подложив под себя стопку книг, неумело печатала на машинке ярко накрашенная девица.

– Вы к Михаилу Павловичу? Нельзя без доклада.

– Вот как? – улыбнулся Саша. – Тогда скажите, что пришел Александр Алексеевич.

– Подождите, – секретарша исчезла за дверью.

Потоптавшись, Бондарев подошел к столику и взглянул на лист, вставленный в машинку, – девица перепечатывала сонник.

– Пройдите, – секретарша вышла из кабинета и предупредительно придержала дверь, пропуская посетителя.

Котенев оказался моложавым мужчиной приятной наружности. Он вышел из-за стола и подал крепкую руку:

– Александр Алексеевич? – Не смущаясь, сверил имя-отчество по заранее приготовленной бумажке. – Очень приятно...

Он подвел Бондарева к стоявшим около журнального столика креслам, отодвинул одно из них, ухаживая за гостем. Лицо Котенева сохраняло радушно-равнодушное выражение, и Саша подумал, что разговаривать с этим человеком будет непросто.

– Чем могу? – возвращаясь к своему столу и собирая разложенные на нем бумаги, поинтересовался Михаил Павлович.

– Не хотелось вас приглашать к себе, – негромко начал Саша. – Я полагаю, мы вполне свободно можем поговорить здесь?

– Несомненно, – тут же согласился Котенев и, нажав клавишу селектора, наклонился к нему: – Люся! Меня нет на месте, ни с кем не соединяй и... Чай, кофе? – Он вопросительно поглядел на Бондарева, но тот в ответ лишь пожал плечами. – ... И два кофе, – закончил Котенев.

– У вас хороший кабинет, – не желая начинать серьезный разговор до того, как секретарша подаст кофе, заметил Саша.

– Министерство! – многозначительно поднял палец Михаил Павлович. – Что ни говорите, а министерства сыграли свою положительную роль, особенно в годы индустриализации, войны и при восстановлении народного хозяйства. Думаю, и сейчас они сумеют обеспечить слаженную работу отраслей, стимулировать рост и качество продукции, чтобы выйти на мировой рынок.

«Чешет, как по писанному, – наблюдая за ним, отметил Бондарев. – Поднаторел, видно, на докладах. Скользкий тип».

Открылась дверь. Секретарша внесла поднос с кофейником, маленькими чашечками и вазочкой печенья. Ко-тенеv достал коньяк.

– Вы знакомы с Александром Петровичем Лушиным? – задал вопрос Саша. Рука Михаила Павловича, державшая чашечку с кофе, не дрогнула.

– Не только с ним, но и с его семьей, – отпив из чашки, спокойно ответил Котенев. – Вы, наверное, пришли в связи с постигшим их несчастьем? Кошмарный случай.

– Когда вы узнали о том, что у них произошло?

– Трудно сказать, – Котенев, раздумывая над ответом, кусал нижнюю губу. Затем легко поднялся и подошел к столу. Наклонившись, перелистал настольный календарь. – Кажется, через день или два? А от кого, право, не припомню.

Михаил Павлович вернулся к журнальному столику и опустился в кресло. Пригубил рюмочку с коньяком и закурил сигарету. Бондарев тоже достал свои сигареты. У него возникло ощущение, что Котенев опутывает его словами, как паук муху в паутине.

– Боюсь, дорогой Александр Алексеевич, мало чем смогу быть вам полезным, – развел руками Михаил Павлович.

– У нас есть данные, что подобная история произошла и с вами, – поглядел ему в глаза Саша.

– Что? Фантазмагория! – засмеялся Котенев. – Вас просто мистифицируют или умышленно вводят в заблуждение. Что вы?!

– А все-таки? – решил не отставать Саша.

– Seriously, я даже не представляю, кто вам мог подобное сморозить, чтобы не сказать более резко, – откинулся на спинку кресла Котенев, всем своим видом показывая, как он возмущен. – Впрочем, когда имеешь много знакомых и волей-неволей обсуждаешь с каждым случившееся у Лушиных, может, и скажешь что-нибудь такое, что превратно истолкуют.

– Значит, ничего ни с вами лично, ни с членами вашей семьи, не случилось? – поднялся Бондарев. Застегивая пиджак, он подумал, что в следующий раз, если конечно он будет, с этим человеком надо говорить по другому.

– Что вы! – вскочил Михаил Павлович. – Просто вы поневоле стали жертвой слухов. Впрочем, первая жертва я сам.

– Всего доброго, – пожав на прощание руку хозяину, откланялся гость, а Михаил Павлович любезно проводил его до дверей...

Внизу в вестибюле, Бондарев увидел телефон-автомат.

– Иван? Это я... Котенев молчит. Говорлив, но не по делу. Понял? По моему, редкий хитрован. Я сейчас в местное отделение, а потом в контору...

Проводив визитера с Петровки, Котенев вернулся за свой стол и, выдвинув ящик, достал диктофон. Выключив его, поглядел на счетчик: прилично наболтали. Разговор с сыщиком напугал и успокоил – если они и вцепятся, добра не жди. Ладно бы, если только по поводу Лушина, но прямо задает вопросы о нем самом. Кто им мог сболтнуть, не сам же Сашка Лушин? Сняв трубку телефона, он набрал номер Александриды. Дождавшись ответа, негромко сказал:

– Есть новости. Хотелось бы поведаться...

Купцов шел на работу к жене Котенева. Нырнув в тень подворотни, он прошел мимо сладко посапывающей над вязанием бабки-вахтерши и поднялся по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж. Отыскав десятый кабинет, Иван постучал и, не услышав ответа, вошел. Сидевшая за столом женщина средних лет – крашеная блондинка, одетая подчеркнуто модно и ярко, – сделала жест рукой, показав ему на свободные стулья.

– Я, как увидела, обомлела, – кричала она в телефонную трубку, одновременно разглядывая вошедшего. – Где, говорю, брала? Такая вещь в валютном не меньше шестисот тянула. Да, «Березки» вырубил, зато «Калинки» выросли...

Иван присел к свободному столу и осмотрелся – стеллажи с канцелярскими папками, пять столов.

– Осуждаете? – Дама положила трубку и повернулась к Ивану.

– Разве можно осуждать женщину? – улыбнулся он в ответ.

– Конечно. – Блондинка встала и, не спрашивая согласия Ивана, поставила перед ним стакан с чаем, – Пейте, – предложила она. – Вам кто нужен?

– Лида Котенева, – не стал скрывать Иван.

– А-а... – многозначительно усмехнулась дама, прищурив подкрашенные глаза. – Лидочка скоро придет. Подождете?

– Обязательно, – заверил Купцов и решил перевести разговор на более интересовавшую его тему: – Вы вместе работаете?

– Скорее отсживаем. Разве это работа? И постоянно треплют нервы обещаниями сократить, слить, упразднить. Хотя Лидке что, ее муж всегда обеспечит, а вот нам грешным как?

– Такой состоятельный? – живо заинтересовался Иван.

– Ну, я чужих денег не считала, но все у нее есть. Даже то, чего в магазинах никогда нет. Одних шапок!... Из ондатры, пыжика, норки, песца. Машина, стерео да видео, а уж про сапоги, дубленки, кофты, юбки и золотые побрякушки и говорить нечего.

– Бог мой, да разве в этом счастье? – стряхивая пепел в щербатое блюдечко, примирительно заметил Купцов.

– Вы тысячу раз правы. Не в этом. К тому же детей нет. – Она закатила глаза. – Вот у меня двое. А Лида бесится: все у нее есть, а детей нет. Брата своего холила и лелеяла, а тот взял да и сел.

– А за что?

– За что? Лидку послушать, так он, бедняжка, ни в чем не виноват. Уж так распишет, что слезами умоешься над несчастным, – ехидно усмехнулась блондинка, – а на самом деле он валютой торговал.

Это было нечто новенькое – родной братец жены Котенева находился в заключении?

– И давно это было? Когда посадили ее брата?

– Да года два, наверное. Я здесь тогда еще не работала, мне девочки рассказывали. А что вы ею интересуетесь?

– Скоро она придет? – Иван сделал вид, что не слышал вопроса. – У вас что, обеденный перерыв?

– Вон она, – блондинка кивнула за окно, и Купцов, привстав, выглянул во двор. Там, сгибаясь под тяжестью огромной хозяйственной сумки, шла знакомая ему по фотографии жена Михаила Павловича Котенева – Лида.

– И что ей столько внимания? – пожала плечами дама. – Даже интересные мужчины заходят. – Она игриво улыбнулась Ивану и, обернувшись к открытой двери, почти пропела: – Лидочка, вас тут кавалер дожидается.

– Здрасьте... – Котенева поставила сумку на пол и вопросительно взглянула на Купцова. – Вы ко мне?

– Да. Поговорить нам надо.

– Говорите, – направляясь к двери, милостиво разрешила дама. – Я пока схожу в другой отдел.

В коридоре дама преобразилась – старательно простучав каблуками к лестнице, ведущей на первый этаж, она приостановилась и внимательно прислушалась – никого, обеденный перерыв, все ушли в столовую или по магазинам. Скинув туфли, дама неслышно прокралась обратно к двери кабинета и застыла, вслушиваясь в разговор незнакомца с Лидой Котеневой, – ведь интересно, к тому же будет о чем посудачить.

Разговор оказался безумно занимательным. Правда, слышно не очень хорошо, но главное было ясно. И от услышанного захватывало дух...

Выждав, пока затихнут в коридоре шаги разговорчивой дамы, Иван достал удостоверение:

Я из уголовного розыска. Зовут Иваном Николаевичем.

Брови Лиды удивленно поползли вверх, она насмешливо улыбнулась:

– Вы не ошиблись, случаем, уважаемый Иван Николаевич? Я не совсем понимаю, по какому поводу.

– По поводу самочинного обыска, который был в вашей квартире, – пряча в карман удостоверение, не стал скрывать Купцов.

– Вы что-то путаете. – Лида улыбнулась, показав ровные, красивые зубы.

– Разве? – в свою очередь, изобразил на лице удивление Купцов. – Подумайте хорошенько, постарайтесь вспомнить.

Под столом ему было видно, как она качает ногой, надев изящную туфельку на кончики пальцев, После его вопроса и напоминания, нога дернулась, чуть было не уронив туфельку, и Купцов понял, что Котенева не железная.

– Между прочим, мать двоих детей тяжело ранена, а ее родственник убит. Совсем еще молодой человек.

– Вы о ком, о Пушиных? – подняла на него глаза Лида. – Кошмарная история, страшно становится, особенно, когда муж задерживается на работе и остаешься одна в квартире.

– У нас есть основания полагать, что на квартире Лушиных совершили нападение те же лица, которые приходили к вам, – не отставал Иван. – К сожалению, преступники до сего времени на свободе, а они вооружены. Понимаете, что это значит? Может быть, вы их боитесь?

– А если боюсь? – с вызовом ответила Котенева, убирая со лба прядь волос – Могу я просто, по-бабьи, бояться и никому не доверять, а? Или в нашей стране живут только герои, не ведающие страха и упрека? Тогда вы пришли не по адресу. Я – простая обывательница. Не ожидали, уважаемый Иван Николаевич? Думали, все только и ждут, как бы вам настучать, то есть, помочь следствию? А кто нам поможет? Вы? Милиция приходит, когда все кончено. Вспомните Лушиных.

– Но все же?

– Что «все же»? – Она непонимающе поглядела на Купцова. – Хотите предложить мне личную охрану? Многие уже вечером боятся выходить, приучают собак справлять нужду на унитазе.

– Будем охранять, не будем... Разве сейчас о том речь? – примирительно начал Иван. – Видимо, лучший выход сдать нам под охрану преступников, и тогда они уже больше ничего не натворят.

– Прекрасно, – язвительно усмехнулась Лида. – Все я понимаю. Но есть маленькое обстоятельство, которого вы не учитываете: я все понимаю теоретически. И ничем не смогу помочь уважаемому ведомству. Разве, что посочувствовать...

– Как ваша девичья фамилия? – неожиданно спросил Купцов.

– Моя? – Лида чуть не поперхнулась. – При чем здесь моя девичья фамилия? Ну, если хотите, Манакова. И что?

– Ваш брат за что осужден?

– Виталик? – она с нескрываемым испугом поглядела на Ивана, явно не зная, как себя вести и что отвечать.

– Я жду, – поторопил Купцов. – Или вы не хотите говорить на эту тему? Но мы и без вас можем проверить.

– Виталик? – беспомощно повторила Лида. – Он ни в чем не виноват, поверьте. Молодой, глупый, его втянули...

– Во что втянули?

– Ну, в это... Торговать валютой, – неохотно ответила Котенева, опуская голову. – Мне действительно тяжело говорить об этом. И так дома...

– Я понимаю, – заверил Иван. Кажется в глухой обороне наметился слабый участок? – Так, что дома?

– Дома? Вам интересны наши семейные склоки? Извольте, если хотите. Чего уж теперь... Муж ругает брата, считает, что он опозорил семью, а для меня Виталик все равно родной, где бы и кем бы он ни был. Разве я могу его предать?

– Кто втянул вашего брата в незаконные операции с валютой?

Лида зябко повела плечами, словно ей вдруг стало холодно.

– Боже мой! Да я толком ничего не знаю... Говорили на суде, что он вступил в преступный сговор с неким Зозулей, так того тоже судили.

– Ладно, давайте начистоту, – предложил Купцов. – Ведь они у вас были, приходили под видом обыска. Когда?

– За несколько дней до того, как пришли к Луши-ным, – после долгой паузы почти шепотом ответила Лида. – Вечером... Сначала в дверь позвонил слесарь из жилищной конторы. Муж открыл, а потом снова позвонили и дверь пошла открывать я. Мы полагали, что вернулся слесарь.

– Сколько их было?

– Трое. Один в форме милиционера, лысоватый такой.

– В каком звании? – уточнил Иван.

– Я не разбираюсь в ваших звездочках, – закрыв лицо ладонями, глухо ответила Лида, – и до того ли нам было?

– А двое других?

– В штатском. Молодые, прилично одетые, чистенькие.

– Много взяли? – Купцов все еще не мог поверить, что ему, наконец, удалось выйти на след преступников, разговорить Лиду, заставить ее довериться ему.

– Искали что-то, рылись в лицах. Сначала предлагали сдать добровольно ценности, а потом забрали деньги, облигации, кое-что из моих украшений и ушли. У меня до сих пор все дрожит внутри, как только вспомню, а уж стоит подумать о том, как поступили с Путиными, так вообще сердце обрывается.

– Можете описать внешность преступников? – делая торопливые пометки в блокноте, бросал вопрос за вопросом Иван. – Как они выглядели, во что одеты, как называли друг друга, нет ли у них татуировок, особых примет? Ну, к примеру, шрам, зубов не хватает?

– Описать я, конечно, попробую, – Котенева немного успокоилась и голос ее стал звучать ровнее. – Хотя труд но, но было время их разглядеть, пока они у нас все обшаривали. Про лысого я уже говорила, а молодые – один лет тридцати, а второму не больше двадцати трех – двадцати двух лет, рослые, подтянутые, вином от них не пахло. Называть друг друга по имени они избегали. Или я просто не обратила внимания?

– Номера облигаций не помните?

– Зачем запоминать? – горько усмехнулась Лида. – Они у нас все переписаны.

– И... записка с номерами сохранилась? – еще не веря в такую удачу, спросил Купцов.

– Сохранилась, – подтвердила она. – Вам нужно? Я дам.

– Прекрасно, просто подарок судьбы. Скажите, Лида, а почему вы сразу не заявили? Они вам угрожали, предупредили, чтобы молчали?

– Нет, не угрожали, – нехотя откликнулась Котенева.

– Наоборот, вели себя предельно вежливо. Я все время думала, что они действительно из милиции, по старым Виталькиным грехам. А муж... Он у меня вообще такой мнительный и щепетильный. Когда они ушли, Миша приказал никому ни о чем не рассказывать. Не хватает нам еще, сказал, по судам да милициям таскаться, хватит, говорит, того, что твой братец сидит.

– Понятно, – протянул Иван, – Вы не могли бы отпроситься и поехать со мной в управление? Там поговорим подробнее и можете фотороботы преступников составить.

– Хорошо, если надо, я попробую. Только сейчас мужу позвоню и предупрежу, чтобы он не волновался.

Она сняла трубку телефона и набрала номер. На том конце провода ответила секретарша Михаила Павловича. Помня распоряжение Котенева ни с кем не соединять, она с удовольствием ответила «мымре» своего шефа, что тот отсутствует.

– Ну что же, – положив трубку, вздохнула Лида. – Подождите минут пять, я схожу отпрошусь...

Блондинка успела вовремя отскочить от двери и отбежать в сторону. Изобразив на лице любезно-безразличную улыбку, она сделала вид, что сию минуту появилась в коридоре, и окликнула шедшую из дверей Лиду.

– Вы уже поговорили?

– Да, конечно, спасибо, Тамара.

– Откуда этот интересный мужчина? – пустила пробный шар блондинка.

– Это по делу, – сухо ответила Котенева.

«Знаем мы теперь ваши дела», – про себя усмехнулась Тамара и вошла в комнату.

– Ну как? – садясь на свое место, спросила она. Может быть, этот, из милиции, окажется более разговорчивым? – Уже уходите?

– Да, собираюсь, – встал Купцов, увидев, что Лида вернулась и – в ответ на вопросительный взгляд – чуть заметно кивнула. – Разрешите я вам помогу, – он взял у нее сумку, – мне тоже к метро.

– Лидочка, если позвонит ваш супруг, что ему сказать? – пропела Тамара.

– Я ему позвоню, – уже от дверей откликнулась Котенева.

– До завтра, – ласково ответила Тамара.

... Зазвонил телефон. Сняв трубку, Тамара услышала знакомый голос Котенева:

– Здравствуйте. Это Тамара? Лида моя на месте?

– Здравствуйте, Миша, – на правах знакомой назвав его по имени, ласково – торжественно приветствовала его дама. – А вашей Лидочки нет. Она пошла в милицию...

– В милицию? – неподдельно удивился Котенев. – Зачем?

– А за ней пришел молодой человек оттуда, – пытаясь скрыть злорадство, делано безразличным тоном пояснила Тамара. – Говорят, вас обокрали? Какой ужас, я вам искренне сочувствую.

– Господи, какая ерунда! – не выдержав, взорвался Котенев. – Это просто недоразумение, понятно?!

Зло хлопнув трубку на рычаги и даже не попрощавшись с Тамарой, он с силой выдохнул скопившийся в груди воздух:

– Дура!

Неужели Лидка попалась на крючок операм, занимающимся делом Лушина? Если эта крашенная мартышка не врет – а врать ей не имеет смысла, – то дела приобретают новый, весьма неприятный оборот...

Глава 4

...Дорогой молчали, раздумывая каждый о своем. Рогачев вновь и вновь возвращался к мыслям об истинном лице Лушина и Котенева – кто они на самом деле? Случайные жертвы преступников или темные дельцы, успешно скрывающие от окружающих свои «левые» доходы и «высчитанные» конкурентами или уголовниками?

Вопросы, вопросы... и пока никакой ясности. Что может сделать милиция, когда тяжело больна экономика? Давно перестали говорить «купил» или «продается» – эти слова сменились другими: «добыл», «достал», даже «отгрыз», а про товар говорят «выкинули», «выбросили»... Деньги уже вроде и не деньги. Хронический дефицит способствовал образованию «черного рынка» товаров и услуг, где огромные суммы в виде переплаты за дефицит кочуют из одних рук в другие, иногда по несколько раз на день меняя владельцев.

Коль скоро есть теневая экономика, то в ней существуют и свои «лидеры», умело использующие ситуации с дефицитом и всеми силами старающиеся его приумножить. Трудно точно подсчитать обороты средств теневой экономики, но еще труднее высчитать тот ущерб, который она ежегодно наносит экономике страны.

Система теневой экономики поставила перед преступным миром задачу создания специальных теневых структур управления подпольным хозяйством. И они, зачастую действуя параллельно с легальными, государственными, имеют над ними приоритет, а то и вступают с таковыми в «родство». Как только это удастся, «теневые люди» начинают диктовать свои правила игры – возникает система теневого налогообложения: преступники «отстегивают» часть прибыли своему предводителю, а тот, соблюдая принятые в темном царстве законы, – преподносит ее «крестному отцу». Целые пирамиды теневых иерархий. А там уже подтянуты и другие «законы» – хочешь на должность, заплати по «тарифу», заплати за награду, за льготы, загранкомандировку, устройство детей сначала в престижный вуз, а потом на «теплое» местечко...

Купцов уже успел навести справки о Виталии Манакове и его знакомом Зозуле и теперь прикидывал – не пошли ли разбойнички по следам валюты, которую рьяно скупал для Зозули осужденный Манаков? Вполне вероятно. И, самое главное, не надо более ломать голову. Вот только при раскладе с валютой что-то не очень «вписывается» Лушин. Ну, Котенев, понятно – женат на единственной сестре Манакова и вполне мог стать хранителем ценностей, добытых Виталием. Или Лида, не вводя мужа в курс своих дел, взялась помочь братцу. Вероятно? Вполне! Жаль, что мысль пришла в голову только сейчас и не додумался спросить об этом Лиду, когда она была в управлении. Если Виталий незадолго до ареста оставил ей что-либо – неважно что, главное оставил – то версия подтвердится.

... Машина проскочила Селезневку и выехала к перекрестку, на котором, спрятанная за длинным домом с универмагом на первом этаже, располагалась мрачная громада из красного кирпича, – тюремная цитадель, прозванная в народе Бутыркой. Здание следственного управления размещалось рядом, и, предъявив удостоверения, Рогачев и Купцов вошли внутрь.

Окно кабинета следователя Кудинова выходило прямо на Бутырскую тюрьму. Сам Кудинов – пожилой, в мешковатом штатском костюме и очках с толстыми стеклами, – сидел за столом, навалившись на край столешницы объемистым животом.

– Дайте на фоторобот поглядеть. Привезли?

Иван подал ему изготовленные с помощью Лиды Котеновой портреты «драконов».

– Молодые... Один только постарше, – Кудинов щелкнул ногтем по фотороботу лысого человека. – Этот, что ли, милицейскую формочку надевал?

– Этот, – вздохнул Рогачев.

– Манаков... – Купцов подал следователю фотографию Виталия.

– Ну-ка, ну-ка, – Кудинов разложил карточки в ряд. – В первом случае они пришли вдвоем, а во втором – четверо. Так? Кто помог сделать четвертого?

– Лушина, – объяснил Иван. – Съездили к ней в больницу.

– Молодцы, – скупко похвалил Кудинов, – но почему к Котеневу пришли трое, а к Лушину четверо? И сколько их вообще? Манаков не в счет – он пока на воле гулять не может. Как этот юноша попал в поле вашего зрения?

Следователь снова взял в руки фото Виталия Манакова. На карточке, – Купцов раздобыл его любительский снимок, – Манаков улыбался. Модно одетый, веселый, еще не знающий, что ждет впереди, как далеко забросит его от дома бездумная и легкая жизнь. Он стоял, облокотившись на крыло собственной машины, с теннисной ракеткой в руке – явно позировал.

– УБХСС заинтересовалось неким Зозулей, – начал Иван. – Он бешено скупал валюту, видимо надеясь выехать за границу и там остаться. Среди близких связей Зозули оказался Манаков, оказывавший дельцу различные услуги. Задержали их с поличным. Сначала Манаков вел себя вызывающе, отказывался отвечать на вопросы, а потом скис, на суде был подавлен, из следственного изолятора на волю передавать ничего не пытался. Но адвокат у него был хороший, сестра наняла. Ранее Манаков характеризовался положительно.

– Знаю я цену этим характеристикам, – недовольно заворчал Кудинов, вытряхивая из мятой пачки беломорину. – По бумажкам, которые сердобольная родня и адвокаты выклянчивают на работе и по месту жительства, разве человека поймешь? Читаешь характеристики, и прямо слеза умиленья пришибает: не в тюрьму надо отправлять, а представлять к ордену.

– Ребятышки мои постарались, – прервал рассуждения Кудинова Алексей Семенович, – знакомых Котенева и Лушина искали и вышли на некоего Хомчика. Представь себе, Юра, – по старой дружбе обратился он к следователю по имени, – оба знают этого Хомчика: Котенев и Лушин. А к уважаемому Рафаилу Яковлевичу Хомчику начали, независимо от нас, приглядываться товарищи из БХСС.

– И чего углядели? – заинтересованно спросил следователь.

– Пока ничего, – развел руками Рогачев, – Есть данные, что существует группа хорошо законспирированных дельцов, которой руководит некое лицо по кличке Тятя. Продают камушки-бриллианты, вкладывают денежки в кооперацию, строительство, индустрию развлечений. Якобы к этой группе имеет прямое отношение Рафаил Хомчик.

– А Тятя кто?

– Не установили, Юрий Сергеевич, – ответил Иван. – Не удалось пока. Жулики опытные, хорошо законспирировались. Если Котенев связан с Тятей и Хомчиком, тогда вполне понятно, отчего он молчал про самочинный обыск.

– Интересное предположение, – согласился следователь. – Но пока это предположение, и только! Факты нужны. Нельзя предъявлять обвинение на основании предположений. Факт знакомства Лушина и Котенева пока ничего не дает. Нельзя на основании того, что люди здороваются друг с другом, делать далеко идущие выводы. В чем обвинять и подозревать Котенева и Лушина, если они для нас пока только потерпевшие? В первую очередь, нужны бандюги с пистолетами, драконы ваши чертовы.

– Слушай, Юра, – сказал Алексей Семенович, – может быть, пойти от противного?

– Ну-ну? – настороженно повернулся к нему Кудинов. – Ты хочешь сказать, что...

– Вот именно, – улыбнулся Рогачев. Если одни запустили лапу в государственный карман, а другие, неизвестным нам путем, узнали об этом?

А тут еще Хомчик с его страстью к камушкам.

– Чем не ниточка? – напомнил о себе Купцов. – Если наши предположения верны, должно последовать новое нападение. Смотрите: у Котенева они могли искать камушки или валюту, но не нашли. Тогда отправляются к Лушину, но там их ждет телохранитель, и они вынуждены уйти практически ни с чем. Если им известен Хомчик, то обязательно проверят и его квартиру.

– В том случае, если они ищут камни, – заметил Рогачев. – Но как «драконы» могли выйти на Лушина и, тем более, как они вычислят Хомчика?

– Мог проговориться в местах заключения Манаков? – предположил следователь. – Может быть, он знал о многом, но молчал на следствии и на суде, ожидая помощи от родни и поделников? А не получив ее, озлобился и рассказал на нарах кому-нибудь о своем родственнике.

– Я уже предусмотрел командировку – на свидание с Манаковым, – сообщил Иван.

– Надо съездить, – согласился Кудинов. – У преступников одна дорожка, а у нас сотня, и необходимо везде их ждать. Давайте определимся насчет засад.

– Да, – устало потер глаза Рогачев, – наступать надо, а то мы, как пожарные, приезжаем тушить, а следует успевать раньше, пока не загорелось.

Часть третья ПЕРЕСПАЛИ НОЧЬ С БЕДОЙ

Глава 1

У Михаила Павловича едва хватило сил дожидаться конца рабочего дня.

Выждав немного – не хотелось столкнуться нос к носу около лифта с руководством или собственной секретаршей, – Михаил Павлович вышел из кабинета. Спустившись вниз, сел в машину и, не прогрев мотор, сразу тронул с места, торопясь домой.

Достав ключи, он вошел, разулся и, не надевая тапочек, прошел по всем комнатам – на душе было тревожно, и свербил мысль, что в отсутствии хозяина в квартире мог кто-то побывать. Однако ничего вызывающего подозрение не обнаружилось.

Усевшись в кресло, Михаил Павлович закурил и начал ждать. Время тянулось до безобразия медленно, а внутреннее нервное напряжение все нарастало, заставляя вскакивать с кресла, метаться по пустым комнатам. Он пошел на кухню и залпом выпил полстакана коньяку. Спиртное немного сняло напряжение, приглушило возникшую головную боль, мысли прекратили бешеный бег, и Михаил Павлович сумел взять себя в руки: вдруг это и есть последняя капля, которой ему так не хватало для окончательного решения?

Ухмыльнувшись, он направился в спальню и открыл шкаф. Так, где чемодан? Откроем и покидаем туда костюмы, рубашки, бритву, носки, белье, галстуки... Чемодан распух и с трудом закрылся. Все!

Услышав, как заскрежетал в передней ключ, вставленный в замок, Котенев быстро пробежал в комнату и уселся напротив часов, придав лицу озабоченное выражение.

– Заждался? – войдя в комнату, ласково спросила Лида.

– Пора бы уже, – Михаил Павлович выразительно поглядел на часы, – где ты так задерживаешься?

– Миша, в магазинах очереди. – Она тоже взглянула на циферблат, но тут же отвернулась.

– Не лги! – Котенев вскочил с кресла и нервно заходил по комнате. – Зачем ты обманываешь?

– Значит, ты знаешь? – Лида опустила на диван. Михаил Павлович остановился перед ней, засунув руки в карманы брюк.

– Знаю. – Он издевательски поклонился. – Могла бы позвонить, сказать супругу, куда и зачем направляешься. Что они от тебя хотели?

– Спрашивали про обыск.
– И... что ты им там ответила? – вкрадчиво спросил Котенев.
– Рассказала, как было.
– Боже мой! – Михаил Павлович схватился руками за голову. – Какая же ты дура! Даже не представляешь, какая дура. Беспробудная, дикая!.. – Он горестно застонал.

– А что мне оставалось? – Лида решила сама перейти в атаку. – Хорошо тебе обзывать и изголяться, считать себя самым умным и хитрым. А если они сами ко мне пришли? Я возвращаюсь с обеда, а в моей комнате сидит этот, из милиции.

– С кем я живу?! – патетически подняв руки к потолку, словно призывая приведение в свидетели, закричал Котенев. – С кем?! Шурин вор и валютчик, собственная жена подалась в сексоты на Петровку. Или как это там у вас называется?

– Миша! – Она поднялась и подошла к нему вплотную, пристально заглянула в его побелевшие от злости глаза. – Извинись и перестань паясничать! Как тебе не стыдно?! И потом, я просто не понимаю, что здесь такого? Ты просил никому не говорить, и я молчала, но они сами все знают без меня.

Но Котенев уже успел взвинтить себя и не желал потерять ощущение неудержимого гнева. Он казался сам себе предельно язвительным и уничтожающе надменным.

– Ты что, действительно такая дура? – вопрошал он свистящим шепотом. – Или просто ловко прикидываешься, как прикидывалась всю жизнь? Не можешь уразуметь своими куриными мозгами, что ты наделала?

– Знаешь что... – Лида даже задохнулась от негодования и едва сдержалась, чтобы не вlepить мужу пощечину. – Я тебе не наемная прачка и не домработница. Сам далеко не святой. Поэтому либо извинись и все объясни, либо...

– А что либо? – зло ухмыльнулся Котенев и, повысив голос заорал на всю квартиру. – Что? Отвечай!

– Хватит! – тоже закричала Лида. – Извинись, или я уйду!

– Ах вот как? – отступил на шаг Михаил Павлович, смерив жену презрительным взглядом. – Она, видите ли, уйдет! Хорошо!

Он сорвал с себя рубашку и начал снимать брюки. Ничего не понимающая Лида с изумлением смотрела, как он отшвырнул одежду в угол и голый побежал в спальню.

Через минуту он вернулся одетый и с чемоданом в руке. Встав в дверях, обвел глазами комнату:

– Все тебе! Возьму только машину.

– Миша?! Ты что? – Лида прижала ладони к губам, не в силах поверить в реальность происходящего.

– Что «Миша», что?! – подбросив в руке чемодан, откликнулся Котенев усталым, слегка осевшим голосом. – Не понимаешь? Это я уйду! Хватит с меня!..

Оставив машину около подъезда дома Александриды, Михаил Павлович закурил – надо было обдумать ситуацию.

Докурив, Михаил Павлович принимал окурки в пепельнице и, вытащив из салона чемодан, – торопясь уехать из дома, просто забросил его на заднее сиденье, – переложил его в багажник, предварительно вынув из чемодана и спрятав в карман маленький пистолет. Он решил теперь постоянно ходить с оружием, особенно после случившегося у Сашки Лушина. Оружие Михаил Павлович приобрел по случаю давно. Когда произошла неприятность с братом Лиды, он хотел утопить пистолет в Яузе или закопать, но потом передумал и спрятал в квартире.

Поднялся на лифте и позвонил в дверь. Открыл сам грек. Впустив в прихожую, тщательно заперев за гостем дверь, провел того в гостиную. Там, уютно устроившись в кресле, сидел импозантный седой человек.

– Наш консультант, Виктор Иванович, – представил его Лука и предложил: – Располагайтесь. Можно без церемоний.

Михаил Павлович присел, настороженно поглядывая на невестку откуда появившегося консультанта. Мужчина солидный, с располагающей внешностью и барскими повадками. Грек, чувствуется, считается с ним.

– Сергей Владимирович говорил мне о возникших осложнениях, – играя позолоченной зажигалкой, мягко улыбнулся Виктор Иванович Полозов. – Я просил бы вас еще раз подробно рассказать все с самого начала.

Полозов слушал не перебивая, только время от времени что-то записывал своим бисерным почерком. Вытянув шею, Котенев поглядел в листочек, лежавший на столике перед консультантом, и увидел столбец цифр, рядом с ним – малопонятные слова.

– Записать разговор моей жены с сыщиком, естественно, не удалось, а запись своего разговора с представителем уголовного розыска я привез, – закончил Михаил Павлович.

– Чудесно, – усмехнулся Полозов. – Скажите, что вы знаете о приходившем к вашей жене милиционере? Сколько ему лет, какое звание, как выглядит?

– Ничего, – развел руками Котенев. – Я же там не присутствовал. О приходившем ко мне могу рассказать. Рослый, даже большой по всем параметрам мужчина. Бондарев Александр Алексеевич. Должности и звания не знаю. Но судя по одежде и обуви, человек среднего достатка.

– Да... – Александриды поставил на столик поднос, налил в чашки кофе. – Кстати, Михаил Павлович, – уже собравшись отнести посуду на кухню, неожиданно сказал Лука, – нам сообщили, что вы вышли из дома с чемоданом. Собирались уезжать? Куда, если не секрет?

«Они действительно следят за нами, – понял Котенев. – Иначе откуда ему знать про чемодан? Или видел в окно, когда я его перекладывал в багажник?»

Медленно поднявшись, он подошел к окну, вроде раздумывая над ответом. Взглянул на улицу через тюлевую занавеску – окна выходили на улицу и, судя по расположению дверей, окна других комнат и кухни тоже. Значит, около его дома действительно выставлена охрана, наблюдающая за квартирой? Не станет же Александриды торчать у окна лестничной площадки, ожидая приезда гостя?

– Я ушел от жены, – не оборачиваясь, глухо ответил Михаил Павлович.

– И где теперь намереваетесь жить?

– У знакомой, – обернулся Котенев. – Дать адрес?

– Не надо, – усмехнулся Александриды, – я думаю, вы достаточно постоянны в своих привязанностях. Есть телефон. Я вам звонил туда.

– Да, помню, – согласился Михаил Павлович, вспомнив, как впервые услышал голос Александриды, позвонившего по телефону Тани Ставич. Ушлые ребята.

– Как Лушин? – поинтересовался Полозов. – Держится? Молодец. Надо подумать, как его подпереть в этой ситуации: все-таки несчастье с женой. А Хомчик?

«Ну, о Рафаиле я тебе никакой информации не выдам, – усмехнулся Котенев. – Самому пригодится».

– Хомчик? – переспросил он. – Трясется. Его тоже охраняют?

– Несомненно, – с любезной улыбкой заверил Полозов.

– Вы уже отдыхали в этом году? – словно невзначай поинтересовался Лука.

– Еще нет, – ответил Котенев. – До отпуска ли было?

– Зря, надо отдохнуть, – веско сказал Полозов. – Сейчас самое разумное – исчезнуть на некоторое время, хотя бы под предлогом отпуска. Можете быстро оформиться?

– Попробую, – пообещал Михаил Павлович.

– Поможем, – заверил Виктор Иванович, аккуратно складывая листочек с записями и пряча его в карман пиджака.

«Встреча близится к завершению, – понял Котенев. – Посмотрим, что предложат напоследок».

– Поедете с Лукой, – начальственным тоном распорядился Полозов. – Есть место, где можно хорошо отдохнуть. К тому же там будет обеспечена полная безопасность.

– Хорошо. – Котенев встал, поняв, что беседа закончена.

Александриди проводил его до дверей, ласково и успокаивающе поглаживая по плечу и всячески выражая участие.

Пожав его вялую ладонь, Котенев вышел из квартиры. Развернув во дворе машину, погнал по шоссе за город, настороженно поглядывая в зеркальце – не тянется ли кто за ним? Примерно через час пути он свернул с шоссе на проселок. Еще минут десять – пятнадцать – и он въехал на усадьбу старого деревенского дома – заколоченный, с давно заросшим лебедой и полынью огородом, он стоял на краю единственной улочки. Потрогав поржавевший замок на дверях, Михаил Павлович открыл его и вошел.

За порогом дома пахло сыростью давно не топленного помещения и пылью, мохнатым серым налетом покрывшей убогую обстановку. Отыскав огарок свечи, Михаил Павлович зажег его и открыл крышку подпола. Осторожно спустился вниз по ветхим ступенькам. Небрежно откинув в сторону всякий хлам, освободил угол земляного пола погреба. Скинув пиджак, он поплевал на ладони и начал копать. Через полчаса лопата заскрежетала по металлу. Встав на колени, Михаил Павлович разгреб руками землю и вынул небольшой железный ящичек с ручкой. Достав из кармана связку ключей выбрал один и вставил в замочную скважину ящичка, повернул и чуть приоткрыл стальную крышку – все на месте. Заперев ящичек, он отнес его к машине и бережно спрятал в «дипломат» с наборным замком...

Уже поздно ночью он позвонил в двери Ставич. Открыв, она ахнула:

– Господи! Ты не пьян ли? Весь в глине, в грязи!

– Потом, все потом, – отстраняя ее, пробормотал Котенев, внося в прихожую чемодан и тяжелый «дипломат». – Грязь – ерунда, отчистим. Главное, я к тебе перебираюсь насовсем...

Слушая запись разговора Бондарева с Котеневым, консультант фирмы Виктор Иванович потягивал сваренный Александриди кофе и морщился от неудовольствия. Сидевший напротив грек, заметив это, спросил:

– Не нравится кофе?

– Не нравится разговор, – вздохнул Виктор Иванович. – Они идут по следу, а наш недоумок распинается.

– Плохо, – согласно покивал грек, достав пилку для ногтей и занявшись маникюром. Полозов сердито заметил:

– Брось ты... Закажи билеты на самолет. Пора его убирать отсюда. Глаз не спускай, влезай ему в душу, вытягивай остальные деловые связи, о которых он пока молчит. Пересидите пока, а там станет видно.

– Охрану снять?

– Успеется, – буркнул Полозов и приказал: – Картотеку!

Лука быстро вскочил, снял с полки книжного шкафа несколько томов и, запустив руку в тайник, вытащил узкий длинный ящичек. Принес, поставил на стол перед Полозовым. Тот надел очки и начал перебирать холеными пальцами карточки.

– Не то, опять не то, – тихонько приговаривал он до тех пор, пока одна из карточек не привлекла его внимание. Вытащив ее, он прочитал текст и бросил ее на стол перед собой: – Вот это и есть наш основной противник!

– Купцов Иван Николаевич, – прочитал Лука. – Полагаете?

– Больше никому, – криво усмехнулся Полозов. – Он работает у Рогачева, мечтающего со временем передать ему отдел. Сам Иван Николаевич крепкий профессионал, служил в центральном аппарате, потом был направлен в Прибалтику, но при первой возможности вернулся сюда.

– А Бондарев? Он у нас появлялся в двух случаях, – щурясь от дыма зажатой в углу рта сигареты, заметил грек.

– Купцов пока старается держаться в тени, – объяснил Виктор Иванович. – Бондарев служит с ним в одном отделе и тоже работает по этому делу. Сейчас в первую очередь надо нейтрализовать самого Купцова. Доставай корки!

Лука принес скоросшиватель, приготовил ручку и бумагу.

– Пиши на корках, как всегда, – велел Виктор Иванович. Лука старательно вывел на обложке скоросшивателя: «Купцов И.Н. – парализация активности».

– Бомбить анонимками? – деловито спросил грек.

– Нет, – поморщился Полозов, – тут надо чего потоньше. Сейчас необходимо дело у него забрать, чтобы получить передышку. Купцов, как я понимаю, не только бандюгами интересуется, а начал лезть в частные дела Котенева и Лушина. Вот что страшно!

– А если дело отдадут Бондареву?

– Найдем и на него управу, – отмахнулся Полозов. – Посмотри, кажется, Купцов разведенный? Очень хорошо. В каком он там городишке в Прибалтике сшивался? Срочно найди человека, связанного с теми местами. Понял? Срочно! И добывай любые компрометирующие материалы на Бондарева и Рогачева. Как только ударим по Купцову, все должно быть готово и для этих. Рой им яму, Лука, только поглубже. Надо успеть до отъезда Котенева. Его дело должно летать, как волан над сеткой, от одного исполнителя к другому. Сторожу скажи, что гонорар за бандитов, вставших нам поперек дороги, удваивается. Но хотя бы одного из них надо взять живым. Хочу послушать, как они Михаила Павловича высчитали.

Александриди вытянул из ящичка карточки на Рогачева и Бондарева, начал переписывать их данные. Виктор Иванович встал, прошелся по ковру.

– Кстати, – обратился он к греку, – когда привезешь клиента на отдых, проследи, чтобы он никому не звонил и не писал.

Лука согласно кивнул и снял трубку зазвонившего телефона. Выслушав то, что ему сообщили, он положил трубку и сказал:

– Котенев ездил за город. Наши за ним не потащились, а подождали на шоссе. Проселок слишком безлюдный. Сейчас он приехал к Ставич. Кроме чемодана, который взял из дома, привез «дипломат» с цифровым замком.

– Сокровища вырыл, – довольно потирая руки, засмеялся Полозов. – Хочет и нам хвостом вильнуть? Не позволим!..

Глава 2

Потный лысоватый Жедь в линялом синем халате, надетом на голое тело, брезгливо оттопырив нижнюю губу, принимал банки от старушки, привычно именовавшей его Витьком. Для всех жителей микрорайона приемщик давным-давно стал Витьком и Жедь совершенно не обижался.

– Эти не возьму, – отодвинув по отполированному локтями клиентов прилавку несколько банок, не терпящим возражений тоном сказал он и начал отсчитывать бабке медяки.

– Как же? – удивленно уставилась на него старуха. – Давеча обещал принять. Али запамятовал?

– Тары нет. – Витек высыпал на прилавок мелочь. – Завтра, мать, приходи. Или даже лучше послезавтра. Тогда точно приму.

– Креста на тебе, Витек, нету, – рассердилась бабка, – опять обнадежишь, а принесть – силов не хватает. Таш-шу, а ты не берешь.

– А чего я могу? – сделал Витек обиженное лицо. – Нету ведь тары!

Он опустил заслонку окна приема. Поставив принятую посуду в ящик, Жеда вышел через заднюю дверь во двор. Там потный Ворона таскал ящики, выстраивая пирамиду из пустой тары, которой якобы нет, около глухого забора. В стороне, устроившись на обрубке бревна, сидел Олег Кислов, наблюдая за Гришкой, уже умаявшимся от непривычного усердия.

– Кончай! – скомандовал Витек, вынося из подсобки бутылку водки и арбуз. – Шабаш на сегодня.

– Пора бы, наломались, как папы Карлы, – привычно ставя в теньке ящик и накрывая его газеткой, согласился Ворона. Давай, Олег, – предложил он Кислову, – присаживайся, закусим чем бог послал.

Жеда с хрустом разрезал арбуз, нарубил его большими ломтями. Олег принес стаканы, Ворона открыл бутылку и разлил. Выпив и насытившись, Гришка закурил, мурлыча под нос:

– А деньги советские крупными пачками с полок глядели на нас...

Жеда покосился на него и усмехнулся. Аккуратно выковыривая ножом косточки, он закусывал не спеша, продлевая удовольствие. Олег пить отказался.

– Опять пикник?

Ворона оглянулся – сзади стоял Лыков. Сделав шаг вперед, он протянул руку и ловко ухватил бутылку за горлышко:

– Водочка? И не стыдно по такой жаре?

– А что? Выпить нельзя? – окрысился Гришка. – Уговору такого не было, чтобы запрещать.

– Раньше, милый мой, – оставляя в стороне бутылку и присаживаясь на свободный ящик, пояснил Лыков, – ты был кем? Простым угонщиком транспортных средств. Не исключаю, что близорукие следователи и судьи не разглядели в тебе вора и осудили по другой статье, которая, впрочем, ничем от воровства не отличается. Угнал, продал... А теперь? Теперь ты занялся более серьезными делами, которые любой юрист квалифицирует как соучастие в разбойном нападении и преднамеренном убийстве.

– Ладно тебе, – миролюбиво оборвал его Жеда и, взяв недопитую бутылку, к удовольствию Вороны, разлил остатки по стаканам. – Взялся тут, понимаешь. Лучше скажи, когда пойдем?

– Наш миллионер в милицию не ходил? – выбрав себе ломоть арбуза, поглядел ему в глаза Лыков.

– Нет. – Витек выпил и вытер рукой рот. – А у второго менты все облазили. Третий, как мышь, притаился, носа на улицу не высовывает.

– Малый тот не помер? – подрагивающим голосом спросил Кислов.

– А ты сам как думаешь? – выплевывая косточки, скривился Аркадий.

– Дай бог, чтобы живой был, – вздохнул Олег.

– Дурак! – взорвался Лыков. – Его уже похоронили давно. Можешь цветочки отнести на могилку.

Кислов, ломая спички, прикурил и обессиленно привалился спиной к забору. Ворона опустил руку с зажатой в ней арбузной коркой и, обведя сидевших вокруг ящика побелевшими глазами, предложил:

– Может, оборвемся? Все, разом...

– «Оборвемся», – передразнил его Витек. – Куда, дурья башка?

– А чего, он прав, – неожиданно засмеялся Аркадий. – Уматывать надо, но... за границу! Здесь нечего делать, но и за кордоном с теми бабками, которые у нас сейчас есть, тоже не рай. Вот возьмем их казначая, гражданина Хомчика, разживемся камушками, валютой и золотишком, тогда и двинем...

Гришка живо представил себе, как он вскрывает какой-нибудь роскошный кадиллак, а в него, не спросив фамилии, начинает палить из кольта ихний полицейский. Это не наши родные постовые – те ребята серьезные, враз укатают. А если угонишь там тачку, то кому продать? Лыков грозит ехать уже с деньгами, но ведь и деньги могут отнять? Нет, пора, Гриша, плести тебе лапотки.

– Котенев из дому ушел, – сворачивая газету с остатками пиршества, сообщил Жеда.

– Как? – Новость поразила Лыкова. – Чего же ты... Когда ушел, куда?

– На днях. К своей бабе подался, – выбрасывая огрызки в стоявшее у порога грязное ведро, пояснил Витек. – Но...

– Что еще? – вскинулся Аркадий. – Ну, не тяни!

– Не нравится мне это, – возвращаясь на свое место, закончил Жеда.

– А я ее видал, – осклабился Ворона, – ничего бабеч, подходящая. Сам бы у нее пожил, если бы пустила.

– Адрес ее есть? – повернулся Аркадий к Жеду.

– Знаем. Только неспроста он из дому умотал, пакость какую-нибудь затекает, – вздохнул Витек и выжидательно уставился на Аркадия.

– Тебе больше нравится в новых районах бутылки по дешевке принимать? – обозлился Лыков. – Я же запрещал, а вы опять ездите! Всех денег не сшибете, а вляпаться можете – и прощай дело на самом интересном месте.

– Так ведь... – попытался оправдаться Жеда, но Аркадий оборвал его:

– Сейчас важнее другое! У нас остался гражданин Хомчик? Хватит ждать, пойдем к нему. Будет отнекиваться, погреем пятки, но без денег и ценностей не уйдем,

– А вдруг не он казначей? И у него нету ничего? – мрачно спросил Кислов. Мысль об убитом в квартире Лушина парне не отпускала его. Что теперь с ними будет, если попадутся?

– Если они пустые, то Котенев уже давно бы все пороги в ментовке обил, я же вам объяснял, – терпеливо повторил Лыков. Нельзя сейчас, перед решающим моментом, дать приятелям расслабиться. – Искали мы плохо, поторопились. Не найдем у Хомчика, опять направимся к Мишке-миллионеру. Все перевернем, но отыщем: либо у него дома, либо у его бабы. Не найдем? – выкрикнул Аркадий. – Тогда тебя повесим, но не за шею! Ведь это ты нам про миллионы байку принес. Или забыл? – Глаза у Лыкова налились кровью, щеки нервно вздрагивали.

– Тихо, мужички, тихо! – загрохивая собой Анаш-кина, примирительно сказал Витек.

Аркадий немного успокоился и, знаком отозвав в сторону Жеду, отошел с ним к калитке. Посопев, он зашептал:

– Надежды на них мало, Витя. Пойдут, но повернуть на другую дорожку могут. Ты Гришку от себя не отпускай далеко...

Таксист позвонил, когда Иван уже почти не надеялся.

– Вот. Перехрюкали тут кое с кем, по старой памяти. Отверточку можешь выбросить, на мне нет грехов. Съезди в новые гаражи, поищи там Свекольного. Он тебе полную раскладку даст. А меня больше не беспокой, я тебя христом-богом прошу. Нервы не выдержат в следующий раз...

Поехали вдвоем с Бондаревым. Остановив торопливо пробежавшего мимо автолюбителя с выхлопной трубой в руках, Кулцов спросил у него, где найти Свекольного.

– Сто второй, там, по-моему.

– Я, пожалуй, зайду, а ты погуляй пока у дверей, – по дороге к боксу предложил Иван.

Двери сто второго бокса оказались приоткрытыми. За ними слышался непонятный шум и весело распевавший хрипловатый басок:

– Вот билет на балет, на трамвай билета нет...

Иван шагнул за порог. Там стоял ободранный старенький «Москвич» без колес и стекол. Полный мужчина в дырявой майке ловко орудовал паяльной лампой – жаркое пламя жадно лизало потемневшее железо помятого крыла. Заметив тень в проеме двери, он повернул к вошедшему лицо, действительно напоминавшее цветом вареную свеклу.

– Привет, – не отрываясь от своего занятия, буркнул

Свекольный. – В чем дело?

– Перетолковать надо, – подмигнул ему Иван.

– Щас не могу. Видишь, занят.

– Лучше сейчас, – улыбнулся Купцов.

– Давай, – неожиданно согласился Свекольный, переходя ближе к капоту и заставляя Ивана отодвинуться. Тот втиснулся между ободраным «Москвичом» и стеной.

– Ты говори, я слушаю. – Свекольный свободной рукой почесал живот и настороженно стрельнул глазами на дверь

– Я из уголовного розыска, – сказал Иван. – Меня интересует «специалист» по машинам, который сейчас «работает» в городе.

Свекольный неожиданно поднял лампу и, резко увеличив длину пламени, повел им перед собой, как огненным мечом. Иван успел отпрянуть и спрятаться за корпусом «Москвича».

– Кто послал? – свистящим шепотом спросил ремонтник.

– Брось, дядя! – раздался сзади повелительный голос, и Свекольный обернулся.

Этого мгновения Ивану оказалось достаточно – метнувшись вперед, он выбил лампу из рук Свекольного и ударом ноги отбросил ее в сторону. Свекольный, прижавшись спиной к стене, медленно двинулся вдоль нее к лежавшей на полу лампе, настороженно переводя глаза с вошедшего в бокс Бондарева на Купцова.

– Брось, дядя, – повторил Саша. – Чего это ты?

Прижав могучей рукой ремонтника к стене, он с трудом протиснулся мимо него и, наклонившись, выключил лампу.

Свекольный дрожащей рукой вытер пот со лба и снова зыркнул глазами на дверь – выход перекрывал Иван. Жалко скривив губы, ремонтник попытался изобразить улыбку:

– Парни, может, миром поладим, а?

– Зачем же нам воевать? – потирая ушибленное колено, удивился Купцов. – Или мы похожи на рэкетиров?

Свекольный угодливо хихикнул, но глаза его оставались встревоженно-серьезными. Оглаживая себя ладонями по животу, он облизывал языком пересохшие от волнения губы.

– Нас никто не посылал, – начал втолковывать ему Иван. – Мы действительно из уголовного розыска.

– Кто сейчас из специалистов по машинам работает в городе? Отверточкой любят открывать дверцы, – уточнил Бондарев.

– Не знаю, – прошептал Свекольный. – Вот вам крест святой, не знаю. Кто бы вы на самом деле ни были, нечего мне сказать.

– Обидно, – протянул Купцов. – В такую даль ехали, искали, лампу отнимали. Может, вспомните?

– Не знаю. Тут как-то забегал один, денег просил займы, а откуда у меня деньги? – Свекольный старался разжалобить незваных гостей, до сих пор не веря, что они милиционеры. Зачем бы вдруг милиции, да еще уголовному розыску, приходило к нему и интересоваться теми, кто угоняет чужой транспорт? Прислали бы местного участкового. С чего это у всех такой интерес к ребятам, угоняющим тачки? Сначала появился Ворона и выспрашивал, а когда уже начал забывать про него, вдруг выплыл знакомый таксист по кличке Мастер и тоже начал вытягивать жилы, а теперь вот заявились два бугая.

– Кто приходил? – напомнил о себе Бондарев.

Свекольный опустил взгляд – подумаешь, показали красную книжку: слепить фальшивую милицейскую ксиву не велика проблема. И тут как просветлело в мозгах – Ворона им нужен! Все на нем сходило: расспросы Мастера, упоминание об отвертке, которой Гришка работал просто виртуозно, домагательства насчет угонщиков. Не иначе пошли разборы с Гриней. Видно, прокололся где-то, а теперь хотят его найти и посчитаться. Стоит ли молчать о нем – ведь не отвяжутся, а то и самого начнут жарить лампой...

– Ворона приходил, – глухо ответил Свекольный. – Гришка Ворона. Он откинулся недавно, весной или в начале лета.

– Фамилия его как? – приоткрывая дверь, чтобы было больше света, поинтересовался Купцов.

– А-а?.. Фамилии не знаю, право слово, не знаю. Зачем мне его фамилия?

– Все? – протискиваясь к выходу, бросил Саша.

– Как на духу! – перекрестился перепуганный Свекольный.

Когда нежданно посетители вышли, он обессиленно опустился на пол и, привалившись спиной к стене, устало прикрыл глаза – пронесло! Может, и вправду были милиционеры, если даже по морде не дали за шутки с паяльной лампой?..

Ближе к вечеру, когда день угасал, Иван уже многое знал о человеке, прозванном за разлапистую походочку Вороной.

«Григорий Елизарович Анашкин», – прочел он в справке и обратился к сидящему напротив Бондареву:

– Знаешь, он отбывал наказание в одном исправительно-трудовом учреждении с Виталием Манаковым.

– Думаешь, выпотрошили Виталика на нарах? А потом здесь Анашкин продал информацию более серьезным людям? Тогда я за его жизнь не дам и полушки.

– Да нет, – задумчиво протянул Иван, – продать-то он, может, и продал информацию. Но, судя по всему, сам тоже участвует в деле. Погляди.

Купцов положил рядом фоторобот одного из «драконов», приходивших к Лушиным, и фотографию Анашки-на.

– М-да, – крикнул Бондарев. – Вот и первый «дракончик». Выходит, нитка тянется из зоны?

– Выходит, – согласился Купцов. – Но кто остальные? Собирайся, Саша, надо срочно лететь к Манакову...

... Лязгнула замком дверь, пропуская Бондарева на территорию зоны. «На свободу с чистой совестью» – бросился в глаза безнадежный, но вечный призыв, старательно выписанный белым по красному местным художником.

Один из офицеров провел Сашу в заранее приготовленный кабинет, предложил располагаться за столом, подал пепельницу, предупредительно приоткрыв форточку.

– Может, сначала с нашим оперативником поговорите? – уходя, спросил офицер.

– Нет, с ним после, – отказался Бондарев и, оставшись один, поглядел за окно, забранное частой решеткой: бараки, асфальт двора, а в промежутках между строениями назойливо лезет в глаза колючка, протянутая поверх высокого, глухого забора. В коридоре слышались шаги тяжело обутых ног. «Ведут», – понял Саша.

Манакова он узнал с трудом – похудевший, осунувшийся, в черной робе, висевшей на костлявых плечах, с глубокими тенями, залегшими под глазами, Виталий выглядел много старше, чем на фотографиях, сделанных до осуждения. Пробухав по доскам чисто вымытого пола, заключенный остановился рядом с табуретом, не решаясь присесть без разрешения.

– Я пока не нужен? – спросил доставивший Манакова контролер и, козырнув, вышел.

– Присядьте, – предложил Бондарев. – Меня зовут Александр Алексеевич. Курите...

Огрубевшими пальцами с обломанными ногтями Виталий вытащил из пачки папиросу и, достав из кармана спецовки спички, прикурил. Молчал, ожидая продолжения. Судя по костюму и напечатанной на гильзе папиросы марке табачной фабрики «Ява», гражданин начальник пожаловал из столицы.

– Как тут живется-можется? О старых грехах я расспрашивать не собираюсь, – заверил Бондарев.

– О чем тогда говорить? – вскинул на него глаза Манаков.

– Валюту скупали по чьей просьбе?

– Зозули. Я на следствии и суде все честно сказал, – нервно дернул головой Виталий, – добавить нечего.

– Родственник ваш, Михаил Павлович Котенев, в валютных операциях участвовал? Или, может быть, знал о них?

– Мишка? – Манаков прищурился и криво усмехнулся. Сразу вспомнился лохотен, предельно осторожный и скрытный муж сестры, предостерегавший от связи с Зозулей и потом бросивший Виталия на произвол судьбы. Сдать его этому громадному начальнику со всеми потрохами, и дело с концом? Пусть роют под проклятого Мишку, чтобы и он наконец узнал, как сладко спать на нарах.

Но тут мелькнула другая мысль – не случилось ли чего в Москве, если оттуда притащился в эту даль обличенный властью человек? Вдруг Котенев уже сам парится в предварилке?

– Мишка? – повторил Виталий, выгадывая время для обдумывания ответа. – Нет, он не знал и не участвовал. Не хочу напраслину на него возводить. Если на мне грех, то я за это и в ответе. Котенев сам себе ответчик. У него что, серьезные неприятности?

– Сестре писали отсюда? Честно!

– Только на общих основаниях переписки, – помолчав, ответил заключенный.

А сердце у него нехорошо сжалось, заныло в тягостном предчувствии беды. Губы у Виталия стали непослушными и холодными – еще слово, и спазмы перехватят горло. Что же произошло в Москве? Неужели что-то случилось с сестрой?

– Только на общих основаниях писали? И все? – Саша взял графин, налил воды и подал стакан Виталию. Не сумев сдержаться, тот схватил его и жадно выпил.

– С кем передавали сестре или зятю записку на волю? – поставив на место стакан, повернулся к нему Бондарев. – Или, может быть, на словах просили передать о себе?

– Что вы, гражданин начальник! – Манаков прижал руки к груди и привстал с табурета. – Я никогда режим не нарушаю.

– В чем другом, может, и не нарушаешь, – прищурился Саша, – а в этом нарушил!

Он шел практически на ощупь, вслух высказывая родившиеся у него мысли. Сейчас нужно дожать Манакова. Дать ему понять, что приезшему из столицы известно много больше, чем он говорит. Ведь знал Ворона о Котеневе, знал! Откуда? Только от заключенного Манакова, с которым отбывал наказание в одной колонии, в одном отряде и даже в одной бригаде. Раньше их жизненные пути нигде не пересекались – это установлено абсолютно точно.

– Да-да, – продолжил Саша, глядя собеседнику в глаза, пытаюсь не дать тому отвести взгляд, – нарушил!

– Не пойман – не вор, – скривил губы Виталий. – Доказательств у вас нет. А слова... Они и есть слова!

– Вот ты и шепнул несколько слов уходящему за ворота, – улыбнулся Бондарев. – Так?

– Нет... – Манаков опять опустил голову и устался в пол.

– Котенев от Лиды ушел, – выдержав паузу, негромко сообщил Саша. – Она тебе, наверное, не писала?

У Манакова снова нехорошо сжалось сердце – как же там теперь Лида? Посвятила всю жизнь этому сытому высокомерному мужику, а тот взял и... Но почему? Неужели именно Ворона послужил причиной?

– Почему ушел? – кривясь от сжимавшей его внутри боли, почти прошептал Виталий. – Почему?

– Я не должен говорить, но скажу. – Бондарев достал новую папиросу из пачки, не спеша прикурил. – Посылали вы весточку о себе с Анашкиным. Так? Пока не знаю точно, что и как получилось там у него с Котеневым, но спустя некоторое время после освобождения Анашкина на квартире вашей сестры произведен самочинный обыск, короче – разгон. А потом преступники пришли на квартиру Лушиных. Известные вам люди? Там получилось еще хуже...

– Этого не может быть! – Манаков закрыл лицо руками.

– Зачем бы мне тогда сюда приезжать из столицы? Кстати, Анашкии объявлен в розыск.

– Боже! – простонал Виталий. – Вы правду говорите?

– Правду, – вздохнул Бондарев, – и хочу того же от вас.

– Лида жива? – впился в него глазами заключенный.

– Да. Вы говорили перед освобождением с Анашкиным?

– Говорил, – глухо ответил Манаков. – Просил позвонить Михаилу Котеневу и напомнить обо мне.

– Котенев обещал вам помочь? – уточнил Бондарев.

– Он мог помочь! Но ничего не сделал.

– Что он за человек? – спросил Саша. – Что в нем главное?

– Главное? – Виталий ненадолго задумался, жадно затягиваясь папиросой. – Деньги!

– Он их так любит?

– Он их имеет, – горько улыбнулся Манаков. – Не спрашивайте, почему я это знаю, не спрашивайте, откуда у него деньги, но он их имеет. Много денег и хорошие связи. И, пожалуй, добавлю, что он способен на любую подлость.

– Ну, это, положим, в вас обида говорит.

– Обида? – вскинул подбородок Виталий. – Нет! Это прозрение! Я был бы рад увидеть его здесь, в зоне, рядом с собой, на нарах! Ему здесь самое место. Ищите, гражданин начальник, вам карты в руки. Как я понял, там, в Москве, дела завернулись круто? Ищите, но и про моего бывшего родственника не забудьте...

Стоя у окна, Бондарев проводил взглядом уходившего под конвоем контролера Манакова.

Глава 3

Когда Иван вошел в кабинет начальника отдела, Рогачев говорил по телефону:

– Это я сам знаю, не вчера, слава богу, родился. Видел кое-что на своем веку... Хорошо, вот так будет лучше. – Бросив трубку, он поглядел на Ивана: – Как там у Бондарева дела? Вернулся? Почему не заходит?

Рассказав о результатах командировки в колонию, где отбывает наказание Манаков, Иван закончил:

– Сразу по приезде Саша отправился по всем адресам, где может находиться Анашкин, но его нигде нет.

– Понятно. Значит, все же поговорил с ним по душам Манаков. Но где теперь сам Ворона? И что Лушин?

– Ничего, – развел руками Купцов. – Бегаешь к жене в больницу, кстати, он перевел ее в другую клинику, носит передачи. Почти ни с кем не встречается.

– Чай будешь? – доставая из сейфа кипятильник, спросил Рогачев. – С Лушиным почти ясно. Котенев?

– С этим интереснее, – улыбнулся Иван. – Вдруг ушел от жены, а теперь оформил отпуск на работе.

– Что странного в желании человека отдохнуть летом? – поставив перед Купцовым стакан с чаем, усмехнулся Рогачев. – Это вполне естественно. Тем более он, как мне доложили, ушел жить к своей пассии. Ставич, кажется?

– Да, Татьяна Ставич. Но она отпуска не оформляла. Мне не нравится это совпадение: посещение женой Котенева милиции и его уход из дома, затем и отпуск.

– Есть много, друг Горацио... – нахмурился Рогачев и неожиданно спросил: – Тебе фамилия Саранина знакома?

– Саранина? – наморщив лоб, переспросил Иван. – Нет, не припомню. Может, напомним?

– Напомню. – Вздыхнув, Рогачев полез в сейф и достал тоненькую папочку в синих корочках. Вынув из нее лист бумаги, протянул Купцову: – На вот, ознакомься.

Иван взял, пробежал глазами по строкам и неожиданно наткнулся на свою фамилию. Совершенно неизвестная ему Марина Владимировна Саранина, проживающая в том курортном городке, где Купцов был начальником городского отдела милиции, излагала трогательную историю знакомства с приехавшим из столицы Иваном Николаевичем Купцовым, с которым она намеревалась создать семью. Означенный Купцов красиво ухаживал за ней, бывал дома – это могут подтвердить соседи, по площадке, – оставался ночевать. Цветы и майорские погоны вкупе с высокой для их города должностью вскружили голову бедной Марине Владимировне, и она, забыв про мужское коварство, позволила себе поверить Купцову. Когда же опомнилась – того и след простыл. Теперь бедная Саранина – мать-одиночка. Мало того, что Купцов совершенно не интересуется ребенком, он еще уклоняется от уплаты алиментов. С великим трудом ей удалось разыскать майора милиции Ивана Николаевича Купцова по его новому месту службы, и она просит принять к нему необходимые меры.

Строчки запрыгали перед глазами Ивана, он потер глаза – что за чушь, кто эта Саранина, какие дети?

– Чушь, – возвращая бумагу, только и сказал он.

– И это все? – дернул под столом ногой Рогачев. – Объясняй, оправдывайся!

– Я же сказал: чушь! – повторил Иван. – Никогда в жизни не был знаком с Сараниной, не говоря уже об остальном.

– «Чушь», – передразнил Рогачев, – заладил, как попугай.

Он вытянул из кармана носовой платок и вытер лоб и шею:

– Как в бане, право слово... Ты мне давай факты, аргументы, как в той известной газете, – пряча платок, буркнул Алексей Семенович, – чтобы я мог ими оперировать на должном уровне. Не маленький, сам понимаю, что ты успел кому-то перца с солью на хвост насыпать, но вот кому?! Теперь будешь оправдываться в политчасти.

– Оправдаюсь, – глухо ответил Иван. – Не все же на свете подлецы... Есть и приличные люди.

– Ага, есть, – согласился Рогачев, – даже много, но редко попадают на нашем жизненном пути. А ты еще ершистый, кланяться не умеешь, в баню с нужными людьми не ходишь.

– При чем тут баня? – огрызнулся Купцов.

– При том, – отрезал Алексей Семенович, складывая бумаги в папку, – не умеешь карьеру строить, все горбом норовишь добыть. Я тебя за это уважаю и ценю, но не все такие, как я. – Бросив папку в сейф, он захлопнул тяжелую дверцу и вздохнул: – Эх, Ваня, заварили для тебя крутую кашку...

Вспомнилось, как ему самому досталось по первое число, когда на похоронах одного из сотрудников он сказал на панихиде, что нужно беречь людей и не гробить их раньше времени. Чихвостили тогда у руководства и по партийной линии. Правда, те времена теперь окрестили «застоем», но ведь до сих пор помнится. А недоверия к собственным сотрудникам еще хватает.

– Давай конкретные предложения, где и когда ставить засады на «драконов», – давая понять, что разговор закончен, приказал Рогачев. – Иди работай, разберемся с этой бодягой...

От этого обещания у Ивана болезненно сжалось сердце – он прекрасно понимал, что разбираться будет совсем не Рогачев. Отчего же у нас человек, призванный по должности и по велению собственного сердца защищать других людей, сам столь часто оказывается беззащитным?..

Хомчик уныло вздохнул и начал взбивать пену в маленькой чашке для бритья. Мысли его прервала жена.

– Рафаил! Где твой синий костюм? – крикнула она из комнаты, где занималась сборами и укладыванием вещей.

– Посмотри как следует в шкаф.

– Я уже смотрела. – Она встала в дверях ванной, поправляя съехавшие с потной переносицы очки.

– Бог мой, – не прекращая своего занятия, чуть повысил голос хозяин дома, – ну, посмотри еще.

Жена дернула плечом и ушла, а Хомчик подпер щеку языком, осторожно повел бритвой сверху вниз, выбривая жесткую щетину.

М-да, как все смешалось и закрутилось после звонка Котенева, прямо предупредившего о необходимости отъезда. Хорошо Михаилу говорить о быстром отъезде, когда у него нет детей и больной тещи на руках. А потом, кто сказал, что можно ехать даже к лучшим друзьям, не предупредив их заблаговременно о своем прибытии? Где жить, когда приедешь, куда пристраивать детей учиться? Нельзя же месяцами стеснять давших тебе приют знакомых. Они тоже люди, у них есть конец терпению и свои дела. Пришлось созваниваться, просить, договариваться, слать телеграммы и денежные переводы, утрясать множество бытовых вопросов, чтобы был готов и стол, и дом.

– Рафаил!

Это опять жена. Кажется, костюм нашла, а теперь что?

– Ты узнавал, там есть английская школа?

– Школа? – держа бритву в отставленной в сторону руке, переспросил Хомчик. – Кажется, есть. В конце концов отдадим мальчика в испанскую. Сейчас Латинская Америка бурно развивается. Так что пригодится и этот язык.

– А где будет учиться наша девочка, ты подумал?

– «Подумал» – беззлбно передразнил жену Хомчик. – Там прекрасный университет, и пока еще никто не требует говорить только на местном языке. Не волнуйся.

Звонок в дверь заставил Хомчика вздрогнуть, и проклятая бритва рассекла кожу. В дверях ванной немедленно возникла враз побледневшая жена. Ее глаза, увеличенные сильными линзами очков, с тревогой уставились на супруга.

– Звонят, – зловеющим шепотом сообщила она.

– Слышу, – так же шепотом ответил Рафаил, как будто его могли услышать стоявшие за дверью. Схватив полотенце и прижав его к кровоточащему порезу, он прокрался к входным дверям.

– Не открывай! – испуганно взвизгнула жена.

Сердито обернувшись, он сделал ей знак молчать и осторожно сдвинул заслонку дверного глазка...

Нервно поглаживая рукоять парабеллума, Аркадий неотрывно смотрел на подъезд Хомчика – сегодня многое должно решиться, и хотелось по-прежнему верить в удачу и свою счастливую звезду. Скоро идти туда, подниматься по ступенькам, нажимать кнопку звонка и переступать порог чужой квартиры. Уже возникло знакомое нетерпение, появилась тонкая нервная дрожь внутри и одновременно небывалая собранность, готовность мгновенно отреагировать на любую неожиданность. Впрочем, все рассчитано точно, и неожиданностей просто не должно быть.

– Кончай гулять, – не оборачиваясь, бросил Лыков пристроившемуся на заднем сиденье Олегу. – Много тратишь!

Кислов промолчал. Жадно досасывая сигарету, он осматривал двор – песочница, детишки качаются на скрипучих качелях, сидят бабки на лавках, гуляют старички с собачками, читают газеты пенсионеры, считает медяки компания выпивох.

Подошел Витек Жедь, открыл дверцу, тяжело плюхнулся рядом с Олегом.

– Ну? – повернулся к нему Аркадий.

– Нормально, – отдуваясь, ответил Витек. – Вызывать я никого не стал, за дверями тихо.

– Почему сегодня никого не вызвали? – завозился сидевший за рулем Ворона. – Вляпаемся, ей богу вляпаемся.

– Не каркай, – оборвал его Аркадий. – Нельзя без конца разыгрывать одну и ту же карту, понял? Комбинировать надо, новое изобретать.

Кстати, скажи-ка лучше, где ты раздобыл такой рыдван?

Он похлопал ладонью по обтянутому самодельным чехлом сиденью и презрительно двинул коленом по облезлой дверце. Машина и вправду имела неприглядный вид – старенькая, давно не крашенная, с продавленными сиденьями.

– Зато на ходу зверь, – осклабился Анашкин. – Хозяин ее лижет, сам движок перебрал. На этой тачке фору любой «волжанке» дадим. Разве плохо докатили?

– Не хватятся? – зевнув, спросил Жедь.

– Нет, – небрежно отмахнулся Ворона.

– Сегодня пойдем втроем, – поправляя оружие за поясом брюк, распорядился Лыков. – Жедь остается в машине и ждет нас. После дела отгоняем тачку и немедленно пересаживаемся... Двор, где ее брали, хорошо помнишь?

– Не заплутаем, – заверил Витек. – Только не копайтесь там, быстрее поворачивайтесь.

– Не зуди под руку, – огрызнулся Лыков, открывая дверцу.

...Осторожно сдвинув заслонку дверного глазка, Хомчик приткнулся к отверстию, напряженно разглядывая стоявшего у дверей человека.

– Кто там? – свистящим шепотом спросила за спиной жена.

– Участковый, – прикрыв глазок ладонью, обернулся Рафаил. – Чего ему надо?

– Не открывай!

– Участковый! – покрутив пальцем у виска, укоризненно поглядел на нее муж. – Как узнаешь, что ему надо, если не откроешь? Не откроешь сейчас, так он придет снова.

– Нас дома нет! – Она сдернула с носа очки и, забрав из рук мужа полотенце, вытерла потное лицо. – Может нас не быть дома? А если с ним эти?

– С участковым? – Рафаил Яковлевич опять приткнулся к дверному глазку. – Тогда это просто кошмар.

– Вспомни фильм про милицию, – настойчиво бубнила за спиной жена, – там тоже представлялись милиционерами, и у Лушина...

– Кто там? – не выдержал Хомчик, когда снова позвонили.

– Рафаил Яковлевич? – донеслось из-за двери. – Это я, ваш участковый, Бойко. – Открывайте, не беспокойтесь.

– Вот видишь. – Немного поколебавшись, Хомчик открыл дверь.

К его удивлению, вместе с участковым в прихожую вошли еще несколько человек в штатском.

– Товарищи из уголовного розыска, – успокоил Бойко.

– Да, пожалуйста, проходите, – сделал слабый жест хозяин, указывая на двери, ведущие внутрь квартиры. – Только прошу извинить, мы готовимся к отъезду.

Бойко успокаивающе улыбнулся, а у Хомчика кошки скребли на душе – неожиданный визит показался ему вдруг еще более страшным, чем внезапное появление бандитов.

– Давайте поговорим? – устроившись на табурете, предложил Купцов.

– Давайте, – согласился Хомчик и присел на чемодан. – А что, собственно, случилось?

– У нас есть данные, что на вашу квартиру может быть совершено разбойное нападение. Поэтому мы здесь, – объяснил Иван.

– На нас? – сумел почти искренне изумиться хозяин. – Помилуйте, но с чего вы взяли? Хотелось бы, знатели, услышать некоторые разъяснения. Тем более у нас сегодня вечером поезд. Вы хотите провести все время до отъезда вместе с нами? Очень мило с вашей стороны.

– Не надо, Рафаил Яковлевич, – чуть поморщился Купцов. – Вы же умный человек и все прекрасно понимаете. Знаете, что случилось у Котенева, знаете, какие события произошли в квартире Лушина, и потому собрались в отъезд, Давайте, как говорится, сядем рядком и поговорим ладком о том, что и на новом месте вас могут отыскать. – Иван грустно улыбнулся. – Вот какая незадача получается. Они обязательно придут, и вам надо выбрать между нами, то есть законом, и ими...

Заметив приближающегося к машине наблюдателя, старший охраны, дежуривший по приказу Александриды около дома Хомчика, приглушил звук магнитофона и опустил оконное стекло. Свой неприметный «жигуль» он загнал в угол ДБора, откуда был хорошо виден выставленный напротив подъезда наблюдатель. Второй должен торчать с пенсионерами на лавке и страховать первого во избежание досадной осечки, случившейся у Лушиных.

– Что? – нетерпеливо спросил старший.

– Легавые, – шепотом сообщил тот, – Местный участковый привел. Я его узнал, специально интересовался. Просочились грамотно, по одному, а потом скопились у дверей квартиры. Хомчик им открыл.

Старший задумался, выбивая пальцами дробь по баранке, – кто мог предположить, что события повернутся столь неожиданным образом? Появление милиционеров никак не входило в их расчеты.

– Обложили! Видимо, клиенту пришли кранты. А залетные, похоже, прибыли.

– Точно? – вскинул на него глаза старший. – Ну денек сегодня, сюрприз за сюрпризом!

– Похоже, да. На стареньком «москвичонке» четверо. Приметы сходятся. Один вылезал и шлялся по двору, а потом нырнул в подъезд. Проверял, наверное.

– Легавые их засекли? – Старший достал сигареты и прикурил. Дым показался горьким и отдавал лекарством.

– По-моему, нет. – Наблюдатель поймал взгляд старшего, но тот отвел глаза. Что ему сказать? Ситуация не из простых. Сейчас бы немедленно линять отсюда, пока не поздно, но потом неприятностей от хозяев не оберешься. Придется как-то выкручиваться, уповая на то, что залетные и легавые перебьют друг друга.

– Чего делать будем? Уходим?

Не ответив, старший открыл перчаточное отделение и вынул портативную японскую рацию. Включил, повертел верньер настройки, но, кроме помех, в эфире была тишина.

– Молчат, подлецы, – кивнул он на прибор. – Хотел послушать, что там менты друг другу передают. Раз они и во дворе ошиваются, должны иметь связь со своими в квартире. В общем, так: я сейчас позвоню и доложусь, а ты слушай.

Сунув в руку наблюдателя рацию, он шустро побежал к автомату и набрал знакомый номер. Быстро переговорив, вернулся.

– Призвали к вниманию, – доложил наблюдатель.

– Готовятся, – ухмыльнулся старший. – Иди к ребятам, скажи, пусть одну машину отгонят на улицу. Если залетные будут уходить, чтобы прилипли к ним и не отпускали. Упустят – башку оторву! Главное, знать, кто они и откуда, а разборы пойдут потом, не сейчас. Тут им менты разгуляться не позволят. Вторую тачку пусть поставят за моей. И пока ни во что не вмешиваться!

Наблюдатель кивнул и повернулся, чтобы уйти. И в этот момент во дворе грохнул выстрел...

– Поверьте, я абсолютно ни при чем. – Хомчик молитвенно сложил руки на груди. – Каждый обязан отвечать сам за себя. В конце концов меня принудили.

– Кто? – разглядывая станок для огранки камней, бросил Бондарев.

– Котенев, – с готовностью ответил Рафаил. – Все он! Я чистосердечно. И еще Рогожин. Он всем заправлял.

– Рогожин? – поднял брови Иван. Новость! Откуда вдруг выплывает новая фамилия? Нет, не зря он решил потолковать по душам с Хомчиком: тот сразу понял, что пахнет жареным и лучше спасать то, что остается, чем покрывать Котенева. – Когда вы его видели в последний раз?

Справедливо решив не раскрывать перед хозяином квартиры своей неосведомленности относительно Рогожина, он вел разговор как об их общем знакомом.

– А я его вообще не видел, – осторожно трогая кончиками пальцев свежий порез на щеке, неожиданно заявил Хомчик.

– Тогда почему Котенев требовал денег от его имени? Ведь вы нам рассказали, что он предложил организовать снабжение вашего кооператива через Лушина и дать охрану, а за это требовал часть выручки, которая якобы должна поступать стоящему над ним Рогожину. Правильно? А потом произошли неприятности с Котеневым и Лушиным. Так?

– Совершенно верно, – подтвердил хозяин.

– И вы приняли все условия, ни разу не видев Рогожина?

– А как было не принять? – развел руками Хомчик. – Интересно, что бы вы делали на моем месте, а?

– Хорошо. Письма или открытки вы от Рогожина получали? Может быть, разговаривали с ним по телефону? – продолжал допытываться Купцов.

– Нет, что вы! Никогда ничего, – выставил перед собой ладони Рафаил Яковлевич. – От имени Рогожина всегда командовал Котенев.

Он обхватил голову руками и застыл в позе убитого горем человека.

«Переживает немного, – решил наблюдавший за ним Купцов, – темнит, уводит в сторону и для этого жертвует малым, отдает нам Котенева, видимо зная, что мы его не получим, и потому безбоязненно валит на него».

– Саша, – отозвав в сторону Бондарева, обратился к нему Иван. – Свяжись с ребятами из БХСС, и немедленно займитесь Котеневым. Отыщите его на квартире Ставич или где бы он ни был, пригласите в управление и начинайте разговор. Думаю, что про Рогожина Михаил Павлович нам расскажет подробнее. Если тот вообще существует, а не является самим Котеневым.

– Первый! Я Четвертый. К подъезду идут трое мужчин, – проскрипела рация, висевшая на плече Ивана. – Один остался в машине. Приметы сходятся.

– Четвертый! – нажав клавишу рации, откликнулся Купцов. – Всем постам готовность!

– Отставим пока Котенева, – проверяя оружие сказал Саша.

– Бог мой! Идут... – побледнел услышавший переговоры по рации Хомчик.

– Идите к жене, – обернулся к нему Иван. – К дверям и окнам не подходить. Когда позвонят, мы откроем сами. Телефон тоже не трогайте...

Хлопнули дверцы машины, и Витек остался в салоне один. Приятели медленно пошли к подъезду дома Хомчика. У Лыкова прямая напряженная спина и рука тянется к поясу, где спрятан парабеллум, а ноги словно прилипают к асфальту, Ворона двигается своей обычной разлапистой походочкой, чуть бочком, будто хочет, но никак не решается обогнать идущего впереди Аркадия. Позади тащится Олег, ссутулив широкие плечи и засунув руки в карманы куртки.

«Ну чего тянетесь, как на похороны?» – мысленно поторопил их Жеда, сожалея, что нельзя крикнуть, подбодрить, подхлестнуть их. Сунув в рот сигарету, он на всякий случай повернул ключ зажигания, прогревая мотор.

У машины крутились ребятишки – по возрасту явно дошколята или первоклашки. Один малец, подбежав к ним, закричал:

– Ребя! Там шпион!

Мальчишки загалдели, обступив сообщившего про шпиона, а тот, гордый вниманием, громко рассказывал, захлебываясь словами:

– Точно! У него в кармане радио пищит и говорит с кем-то.

Витек насторожился – у обычного человека в кармане пищать нечему. А современные ребята не могли перепутать рацию с транзистором. Отбросив недокуренную сигарету, он быстро obeжал глазами двор – парни с сеткой пустых бутылок? Это нам знакомо, и не очень-то похожи они на присяжных алкашей, к тому же слишком долго собирают деньги.

Ага, молодой человек оживленно беседует с мамашей, качающей колясочку. Пожалуй, не то. Хотя кто может поручиться за этих ментов – иногда вроде человек человеком, а оказывается, из милиции.

Жеда беспокойно заерзал и поглядел, далеко ли успели уйти его приятели. Они как раз подходили к подъезду – осталось всего шагов пять...

Витек еще раз оглядел двор – солидный дядя в беседке читает газету, недалеко от подъезда двое сидят в холодке на лавке, поглядывая по сторонам. А пацаны бегут именно туда, к беседке.

«Засекли, – пронзила мысль, – ждут!»

Механически выжал педаль сцепления, и «москвичок» потихоньку поехал вперед. Фыкнул мотор, и Витек, не зная, как еще предупредить подельников, нажал на клаксон – би-и-и-п!..

– Первый! Пошла машина, слышите?! Машина пошла! – раздалось из динамика рации.

«Что там еще? – чертыхнулся Иван. – Почему вдруг пошла машина, если это действительно прибыли «драконы»? Они же должны идти в подъезд».

Времени на долгие раздумья не было – ситуация мгновенно изменялась, требуя таких же моментальных решений. Нажав клавишу переговорного устройства, Купцов приказал:

– Группу захвата в подъезд! ГАИ передать сигнал на перекрытие трассы. Будем брать...

Фигуры Лыкова, Олега Кислова и Вороны приближались. Рванув баранку в сторону, Витек свернул, выровнял машину и бросил взгляд по сторонам. Так и есть, накрыли их – парни с авоськой пустых бутылок забыли про свою тару, дядька в беседке отбросил газетку, а сидевшие на лавочке встали. Точно и слаженно они начали смещаться к подъезду, сжимая кольцо.

«Не уйдем!» – запаниковал Витек.

– Назад! – открывая дверь «москвичонка», крикнул он. – Назад! В тачку!

Ударив по тормозам, он остановил машину рядом с Лыковым, и тот, сразу все поняв, нырнул в салон, вытаскивая парабеллум.

– Брось! – заорал Жеда.

Но было поздно. Грохнул выстрел. Пуля ударила в стену дома, брызнувшую розовой кирпичной крошкой. Никто еще не успел ничего понять, а на заднее сиденье уже рухнул бледный Олег Кислов, неудобно подвернув длинные ноги, чтобы дать место замешавшемуся Вороне, бестолково метавшемуся около автомобиля.

Лыков снова выстрелил, целясь в оперативников, оказавшихся рядом с подъездом, но промахнулся.

– Скорее! – дико взвыл Витек, отыскивая глазами щель в западне, куда может протиснуться их «Москвич».

Аркадий выстрелил еще, и тут-же в ответ ударили выстрелы милиционеров – Ворона охнул и повис на дверце машины. По его светлой штанине быстро расплзлось кровавое пятно. Олег успел ухватить обмякшего Анашкина за воротник и рывком втянул в машину, а Жеда уже дал газ.

Машина подпрыгнула, перескочив через бордюрный камень, отделявший проезжую часть двора от газона с беседкой и песочницей. В зеркало Жеда видел, как один из милиционеров в штатском припал на колено и, держа пистолет двумя руками, прицелился по колесам их «Москвича». Рывок баранки в сторону, вопль раненого Гришки, похожий на визг зверя... Выстрел – рывок баранки в обратную сторону. Не попали!

Разлетелись в щепки фанерные щиты с наляпанными на них плакатами и объявлениями, от удара лопнуло стекло левой фары, и машина переехала газон. Еще рывок баранки, поворот в тоннель подворотни... Черт бы побрал коммунальщиков, понаставят где не надо мусорных контейнеров – задела один, ободрав бок машины, но зато впереди чисто. Никто и подумать не мог, что они рванут этим путем – через газоны, контейнеры и щиты – к подворотне.

– Больно, – застонал Ворона.

– Терпи! – не оборачиваясь, бросил через плечо Лыков. Жеда вырулил на полосу встречного движения и погнал к перекрестку, заставляя редкие встречные машины испуганно шароахаться в стороны.

– Не бросайте, – прошептал Анашкин, от жуткой боли не имея сил, чтобы закричать во весь голос.

– Не бросим, не скули! – оборвал Аркадий раненого и, схватив Жеда за плечо, заорал: – Сворачивай! Менты!

Впереди, пересекая проезжую часть, выскочил канареечный «жигуленок» ГАИ, намереваясь загородить дорогу. Витек, закусив губы, крутанул руль. Машину занесло. Взвизгнув покрывками, она развернулась и, проскочив через разделительную полосу, прибавила скорость, уходя к лабиринту запутанных переулков.

– Давай! – кричал Олег.

И Витек давал – в зеркале он видел синий маячок машины ГАИ и готов был на все, чтобы этот огонек погас, растворился, исчез. «Москвич» свернул в переулок и юркнул в подворотню. Взлетели напуганные голуби, посыпались картонные ящики, выстроенные в пирамиды у задних дверей хозяйственного магазина, покатились по асфальту сбита жестяная урна, а машина уже выскочила в другой переулок. Колеса запрыгали на брусчатке трамвайных путей, за окнами мелькнули тревожно мигавшие желтым светом светофоры на перекрестке, а Жеда опять вертел баранку, на скорости сворачивая под знак, запрещающий проезд.

– А-у-у! – без остановки выл Ворона.

– Проскочим? – озабоченно спросил Лыков.

Жеда не ответил. Он хотел сейчас одного – чтобы не появился сзади синий огонек мигалки. Если милиционеры не выскочат следом в этот переулок еще в течение минуты-другой, то спасение близко. Надо только повернуть, проехать пару кварталов, снова свернуть и – знакомый двор, где их трудно будет прищучить.

– Проскочим?! – теперь уже орал Аркадий.

– Да! Да! – повернул к нему потное лицо Жеда. – Должны!

Вот и нужный двор. Синяя мигалка не появилась. Скорее развернуть «москвичок» и подать задом в подворотню – там стоит их «жигуленок».

Надо успеть до него добежать. А там...

– У-у-у, – подвывал Гришка.

– Зажми ему рот! – зло велел Олегу Лыков.

Пятясь, машина вползла в колодец двора, где, казалось, негде повернуться и тем более разьеааться двум автомобилям. Но именно здесь, в глубине тупика, в узкой щели между глухими стенами двух домов, хитроумный частник устроил себе гараж.

Увидев, что их «жигуленок» на месте, Жеда облегченно выдохнул и вымученно усмехнулся:

– Здесь!..

Неожиданный звонок Александриды опять нарушил устоявшееся, вырвал из сонного покоя уютной Таниной квартирки.

– Чемоданчик собрали? – даже не поздоровавшись, спросил грек. – Если нет, то даю пятнадцать минут на сборы и жду внизу. Мы уезжаем на отдых.

– Раньше не могли позвонить? – огрызнулся недовольный Котенев. – Почему такая спешка?

– Потом объясню, – понизил голос Лука. – У вашего приятеля Хомчика серьезные неприятности. Ясно?

Положив трубку, Михаил Павлович в сердцах выругался и пошел в комнату.

Татьяна всполошилась, достала чемодан, начала аккуратно складывать рубашки, чтобы не помялись в дороге, но Котенев отстранил ее и, свалив одежду в кучу, надавил коленом на крышку чемодана.

– По приезде разберу. Бритва там? А зубная щетка? Ну, пожалуй, все. Полно, полно, не на век растаемся!

Он привлек Татьяну к себе, погладил по вздрагивающей спине, немного отстранив от себя, заглянул в глаза:

– Будешь ждать? Обещаешь? Я думаю, это ненадолго.

– Как знать? – Она поморгала, скрывая набежавшие вдруг слезы, и прижалась щекой к его плечу. – Тревожно мне что-то.

– Глупости, – вынося в прихожую чемодан, отрезал Котенев. – Вот устроюсь на отдыхе, обживусь немного, и приедешь ко мне. Я позволю по междугородному, жди.

– Хорошо. Ты все взял? Деньги, документы?

– Все. – Он бросил взгляд на чемодан и стоявший рядом с ним заветный «дипломат», в котором был стальной ящичек, вырытый в подвале деревенского дома. – Давай здесь и попрощаемся. Не надо меня провожать. – Чмокнув ее в щеку, он подхватил вещи и двинулся к двери. Татьяна помахала ему рукой:

– Позвони!

Котенев кивнул и вошел в лифт. Заперев дверь, Ставич побрела к окну, приложив руку к тревожно бьющемуся сердцу. Отодвинув занавеску, она глядела в окно – вот Миша вышел из подъезда, подошел к машине. Из нее вылез пожилой мужчина и открыл багажник, помогая поставить в него чемодан, а «дипломат» Михаил оставил при себе. Неужели ее любимый не поглядит вверх, не пошлет ей прощального приветика?

Нет, смотрит на окна, улыбается, машет рукой. Она тоже помахала в ответ и, будучи не в силах сдержать внезапно подступившие рыдания, отбежала от окна. Он уехал, уехал!

Вечером Сергей Владимирович Куров сам заехал к Полозову. Дверь открыла экономка, проводила в кабинет. Хозяин сидел в мягком глубоком кресле перед телевизором и смотрел новый видеофильм на религиозные темы, одновременно со вкусом поедая спелый, источавший аромат арбуз, нарезанный тонкими ломтиками. Обернувшись на звук открывшейся двери, он приветственно кивнул Курову и предложил:

– Арбузика хочешь?

– Какой арбуз? – зло буркнул Сергей Владимирович, приглушая звук телевизора и усаживаясь в свободное кресло рядом с консультантом фирмы.

– Астраханский, – хмыкнул Полозов, выплевывая косточки, – спелый. Погоди, сейчас будет очень любопытный момент. – Он ткнул ножом в сторону экрана.

– Момент!.. – фыркнул Куров. – Я тебе просто удивляюсь. В сложившейся обстановке ты способен тратить золотое время на какие-то пустые развлечения. – Он подошел к телевизору и выключил его, снова сел в кресло и, закутив, поглядел на Полозова:

– Ну?

– Чего «ну»? – продолжая спокойно заниматься арбузом, усмехнулся тот. – Не нервничай, ничего страшного не произошло. Постреляли, разъехались, наши все целы и здоровы, никто не пострадал, и обстановка, кстати, прояснилась.

– Вот как? – с сарказмом спросил Сергей Владимирович. – Прояснилась? Ты, случаем, не отравился нитратами?

– Перестань, – поморщился Виктор Иванович, – не надо паниковать. Котенева уже отправили из города, и никто его не отыщет, далее милиция. И вообще, надо рубить концы, кончать с ним возиться. Принимаем дело в наследство, на его бывших хозяевах ставим крест, а залетные бандюги теперь без нашей помощи сломают себе голову.

Куров сгорбился в кресле и, опустив между колен руки с набухшими венами, глухо спросил:

– Ты готов поставить точку?

– Информация в милицию запущена, – вытирая руки, откликнулся Полозов. – Залетные после открытого столкновения с милицией обречены. Котенева сопровождает Лука, а попозже я выдам нужный звонок. Только и делов. Больше волнуют наследственные вопросы.

– Их полностью беру на себя, – немедленно отреагировал Куров. – Кроме тех, которые связаны с отъездом Котенева. Помнишь его прогулку за город?

– А как же, – хищно оскалился Виктор Иванович. – Некоторые потери все равно неизбежны, да что ж поделать? Езжай спокойно домой и отдыхай. Надо беречь нервную систему. Выбрось из головы Хомчика, Лушина и уехавшего Котенева.

– Их будут тягать, – откинув голову на спинку кресла, заметил Сергей Владимирович, – и дело посыпется, как карточный домик. Что мы тогда унаследуем, разбитое корыто?

– Все не рассыплется! – возразил Полозов. – И у нас есть голова на плечах. Все их связи приберем к рукам, но не сразу. Сначала поглядим, как будет дело поворачиваться. Давай, Сережа, поезжай, я хочу фильм досмотреть. Не переживай, я тебе обещаю полный хэппи-энд.

– Звони, – поднялся Куров.

– Обязательно. Не забудь включить мне телевизор, будь так любезен, – ядовито напомнил Полозов. Сергей Владимирович послушно двинулся к телевизору.

– Зря ты не смотришь такие фильмы, – в спину Курову сказал хозяин, – история имеет свойство повторяться.

Досмотрев фильм, Полозов взял телефон и набрал по автоматической междугородной связи номер знакомого человека, которого он за образ жизни и занимаемое положение частенько любил именовать «пришельцем из будущего».

– Слушаю, – наконец ответили на том конце провода. Голос снявшего трубку был низким, гортанным, с заметным восточным акцентом.

– Привет, – не обращая по имени, поздоровался Виктор Иванович, будучи уверен, что его должны сразу узнать. Так и получилось.

– Рад слышать, уважаемый, – не замедлил откликнуться обладатель гортанного голоса. – Салам!

– Встретили? Разместили?

– Да, не беспокойся, пожалуйста.

– Я не хочу тебя торопить, но приготовь все, что может потребоваться в случае моего неожиданного визита. Договорились?

– Конечно, уважаемый. Только одна просьба: позвони, когда вылетишь, – ласково попросил гортанный голос. – А то я должен ненадолго отлучиться.

– Обещаю, – заверил Виктор Иванович и повесил трубку.

Глава 4

Сумка была страшно тяжелой и неудобной, поэтому Ленчик постоянно перебрасывал ее из одной руки в другую, заставляя сынишку метаться рядом с ним то туда, то сюда, чтобы сумка не стучала ему по голым ногам, обутым в стоптанные сандалеты. И чего только Аня напихала в сумки? Весь дом, что ли решила тащить с собой на дачу?

Приостановившись, Ленчик поставил сумку и, сняв очки, вытер мокрый лоб платком – жарко, день только-только начинается, а солнце уже немилосердно печет, духота. Запарись, пока доберешься, а на даче придется срочно открывать окна и двери, поскольку их курятник наверняка так прокалило солнцем, что не продохнуть. Кстати, где Анна? Ага, вон, тянется, тащит в обеих руках по набитой сумке, за ручки которых держатся дочери Света и Оля – трехлетние близняшки, одетые в одинаковые китайские платица.

– Пап, а пап! Мы сегодня на речку пойдём? – дернул за руку Ленчика сынишка, от нетерпения приплясывавший на месте.

– Пойдем, пойдем, – рассеянно ответил отец и строго напомнил: – Не болтай бидон, молоко расплескаешь!

Подхватив сумку, он подождал, пока жена подойдет поближе, и спросил:

– Кастрюльку не забыла?

– Нет, – сдувая со лба прилипшую мокрую прядь волос, ответила она. – Света! Оля! Перестаньте баловаться! Наказание какое-то!

– Пап, а пап! Картошку вечером печь будем? – не унимался сынишка.

– Пойдем и картошку печь, – со вздохом согласился Ленчик, прикидывая, сколько раз ему еще придется поменять руку, пока он дотащит эту проклятую сумку до гаража, где стоит машина. Слава богу, уже недалеко, а там станет легче, когда все запихнешь в багажник и, рассадив детей, выедешь со двора. С гаражами ох как нелегко, и просто счастье, что ему удалось втихаря выстроить себе гараж-конуру недалеко от дома. Утром он хотел один отправиться за машиной, но Аня воспротивилась – не чего, мол, терять время, пойдем все вместе.

Правильно сказал какой-то восточный мудрец – послушай совет женщины и поступи наоборот. Последовал бы он совету мудреца, не тащил бы сейчас по этакому пеклу тяжеленную сумку.

– А удочки? – напомнил сын, ковыряя носком сандалии трещину в асфальте.

– Не ковыряй! – немедленно отреагировала Аня, а девочки прыснули, одинаково сморщив веснушчатые носики.

Ленчик подбрисил висевший на спине рюкзак, как норовистая лошадь подбрасывает неумелого седока, и, не ответив сынишке, заторопился к гаражу – скорее бы дотащить эти тяжелые сумки.

Подгоняя сына и поминутно проверяя, идут ли рядом дочери, жена заторопилась следом, привычно кряхтя от тяжести груза, – что делать, с продуктами и в городе тяжело, а уж с детьми, да еще на даче, и вовсе не побегаешь по магазинам. И какие там магазины, в их захолустье, за сотню верст от столицы? Если хлеб пару раз в неделю завезут, и то счастье. Приняли постановление о многодетных семьях, выдали в исполкоме книжку, прикрепили к магазину, а толку?..

Войдя в тень подворотни, Ленчик остановился, опустил сумку на асфальт и, прислонившись рюкзаком к стене, чтобы меньше давила на спину тяжесть, достал сигареты.

– Потом покуришь! – прикрикнула на него Анна.

Послушно сунув сигарету обратно в пачку – не хватало еще сейчас, поддавшись раздражению, вступить в перепалку. – Ленчик поплелся к гаражу, доставая ключи.

В голове уже вертелись мысли о том, что надо бы вечером пригласить на рыбалку соседа, дядьку Ефрема. У него непременно в бурьяне на задах припрятана бутылка самогонки, поскольку выпить ему дома спокойно не даст жена – тетка Настасья. Они разопьют бутылочку на природе, вдалеке от своих законных супругов, а если удастся рыбки наловить, то будет отличная закуска. Не забыть бы только взять котелок для ущицы. Ах, если бы наловить раков, да сварить, да к ним свеженького холодного пивка! Но откуда в испорченной химией воде раки? И где взять в деревне пиво? Но все равно – тихая зорька, легкий ветерок, прохлада кустов над речкой, костерок...

– Стойте тут, – обернувшись, велел он семейству. – Сейчас открою и выкачу. Сумки уложим и...

Скинув с плеч рюкзак, он открыл замок и распахнул створки ворот гаража. Что за чертовщина, почему разбита фара?!

Присев, Ленчик заглянул под машину. Пятна масла, а колеса, любовно вымытые им, грязные, с налипшей землей, да и капот покрыт пылью. Да что же это такое, а?

Бочком протиснувшись между стеной и машиной, он заглянул через окно внутрь салона – там, уставив на него остекленевшие, остановившиеся глаза, жутко скалил зубы посиневший мертвец с запекшейся кровью на лице. Словно устроившись отдохнуть, он раскинул руки на спинке заднего сиденья.

Как ошпаренный Ленчик выскочил обратно – на солнышко, к семье. Он стучал зубами от страха, будучи не в силах вымолвить ни слова.

– Чего? – прикрываясь ладонью от бьющего в глаза солнца, недовольно спросила Анна.

– Там!.. – только и сумел сказать Ленчик.

– О господи! – опуская сумки, горестно вздохнула жена. – Опять не так что-нибудь?

Решительно отстранив мужа, она сама полезла в гараж, досадливо оттолкнув руку Ленчика, пытавшегося ее удержать. Буквально через секунду она выскочила обратно и, в ужасе прижав ладони к щекам, прошептала:

– Детей увести надо... Звони в милицию, чего встал!..

– Это Анашкин, – отходя от машины и уступая место эксперту, сказал Иван Рогачеву, – кличка Ворона.

– Первый из «драконов», – посасывая валидол, глухо констатировал Алексей Семенович.

«Москвич» уже выкатили из гаража, вокруг было полно людей – эксперты, судебный медик, оперативники из местного отделения, приехали следователь и районный прокурор.

– Серьезные ребята, – отходя в сторону, чтобы не мешать экспертам, заметил Рогачев. – Машину надо было раньше разыскать, а не ждать, пока хозяин в гараж придет.

– Номера фальшивые поставили, – вяло начал оправдываться Купцов. Он хотел спать, голова болела от постоянного нервного напряжения, а тут опять неприятности. Только что приехал Саша Бондарев с дурными вестями: Котенев уехал из Москвы в неизвестном направлении. Где его теперь искать?

Сутуля плечи, Рогачев стоял и смотрел, как эксперты возятся около машины, отыскивая пальцевые отпечатки и стреляную гильзу – ведь Ворону добила выстрелом в упор, всадив пулю прямо в сердце.

– Как думаешь, из какого ствола выпустили пульку в Ворону? – скосил он глаза на Ивана.

– Из парабеллума, – без промедления ответил тот.

Рогачев промолчал – чего говорить, если они с Купцовым и думают, пожалуй, уже одинаково, только опыт у них разный, и трудно сказать, у кого он теперь богаче. Если Алексей Семенович многое видит через призму прожитого и пережитого, то Иван от этого свободен, не боится ошибок, смело выдвигает версии, и не довлеет над ним прежний страх – страх минувших лет. И сейчас он прав. Скорее всего, пуля, оборвавшая жизнь Анашкина, от парабеллума. Кто с ним ходит, с этим оружием давно минувшей войны? Кто вновь почистил и смазал парабеллум, чтобы без колебаний направить на человека?

– Увидим, – помолчав, протянул Алексей Семенович. – Опять мы с тобой после пожара приехали. Порядка маловато у нас, Иван! Искали, искали Анашкина, проверяли его связи, а он испарился, потерялся в городе. И вон как нашелся.

– Текучка заедает, – отвел глаза Купцов. – Людей не хватает, сами знаете.

– Ты это им объясни, – взяв его за плечи, Рогачев повернул Купцова лицом к подворотне, где толпились любопытные. – Пойди и объясни, что заедает текучка, не хватает людей, техники, машин, денег. Между прочим, среди собравшихся там вряд ли есть милиционеры. Они сами живут не ахти как зажиточно, но нас с тобой содержат: поят, кормят, одевают, вооружают. И вправе за это с нас спросить! А что мы ответим?

Иван закаменел лицом. С одной стороны, Рогачев прав. А с другой? Уж так ли хорошо их содержат: обувают, одевают, учат и вооружают? И что они получают взамен отданного здоровья, а порой и жизни? Разбитые семьи, ' кучу болезней к сорока годам, ранения и три медали «за песок», то бишь за выслугу лет. Сейчас не первые годы Советской власти, когда с наганом в руке и на пролетарской сознательности боролись с бандами. А получается, что многое из тех лет незаметно перекочевало в сегодняшний день. Пожалуй, только спрос с сотрудника органов внутренних дел значительно возрос.

– Почему-то никому не приходит в голову, что нам тоже давно стоило бы забастовать. – Слова Ивана прозвучали продолжением мыслей.

– Ну, ты это брось, – покосился на него Рогачев. – Проморгал Котенева, а теперь хочешь все свести к трудностям?

– При чем тут трудности? – сплюнул Купцов. – Драгоценный наш Михаил Павлович Котенев до самого последнего времени был только потерпевшим. На основании какой статьи, какого кодекса я мог к нему применять превентивные меры? Например, просить следователя отобрать подписку о невыезде? Нет такого закона!

Алексей Семенович вытащил из кармана трубочку с валидомом и кинул под язык таблетку – жара, асфальт плавится, спишь плохо, а тут еще все наперекосяк. И Купцова можно понять: не дают покоя по жалобе Сараниной, преследуют неудачи, как будто заколдованный круг образовался с этими «драконами». Начальство вроде бы понимает – или делает вид, что понимает, – все сложности, но жмут «наверху», торопят.

Из салона машины вытащили тело Вороны, положили на носилки и, прикрыв простыней, вынесли со двора. К вечеру можно будет получить данные о пуле – вот и посмотрим тогда, прав ли Иван насчет парабеллума? Оперативники из местного отделения уже пошли по квартирам, надеясь установить тех, кто мог что-либо видеть или слышать выстрел. Вдруг кто заметил ту машину, в которую пересели преступники? В том, что вторая машина была и ждала их неподалеку, Рогачев был уверен.

– Хомчик рассказал о Рогожине? – катая под языком таблетку, обратился он к Ивану.

– Мало толку, – устало откликнулся Купцов. – Проверяли. Игнатий Романович Рогожин, тысяча девятьсот десятого года рождения, скончался в Очамчиры в восьмидесятом году. Справочка имеется. Котенев наверняка знал этого дельца и валил все на него. Ловко придумал себе прикрытие.

– Действительно, ловкий тип, – поморщился от колющей боли в области сердца Рогачев. – Что твой художник говорит?

– Не видел его еще, не успел, а сам он не звонил.

– Вот-вот, – опять не удержался Алексей Семенович, – а они, – он кивнул на машину, около которой сустились эксперты, – успели. Грохнули Анашкина – и концы в воду.

– Знаете, товарищ полковник, – обозлился Купцов, – если с вас там, «наверху»...

– Знаю, знаю, – примирительно похлопал его по плечу Рогачев. – И разве в начальстве дело? Мы народ охранять поставлены, перед ним в ответе... Понимаешь?

– Понимаю. Хорошо бы, если бы это начальники понимали.

Алексей Семенович повернулся и пошел к подворотне, стараясь держаться в тени.

– Теперь надо не только «драконов», но и Котенева искать, – вслед ему сказал Купцов.

– Почему? – не оборачиваясь, замедлил шаг Рогачев.

– Одной веревкой они связаны, – пояснил Иван, – не отступятся от него, пока своего не получат. Найдя его, найду их, найдя «драконов», узнаю, где скрылся Котенев.

– Давай действуй, – согласился Алексей Семенович и, немного подумав, посоветовал: – Съезди к его подружке. Ставив, кажется? Попробуй поговорить.

– Съезжу. Но сначала повидаяюсь с Буней...

Буню он увидел сразу – художник сидел на лавочке в чахлом скверике около кинотеатра и рассматривал свои стоптанные, давно потерявшие первоначальный цвет импортные туфли. Подойдя, Купцов сел рядом, блаженно вытянув ноги, – хорошо в тени, можно немного расслабиться.

– Здравствуй, – сказал Иван. – Ждал твоего звонка, но не дождался и решил сам прийти.

– Вот ты пришел, – задумчиво начал художник-оформитель, – чтобы узнать, что тебя интересует. А я, если не желаю неприятностей, должен тебе сказать нечто относительно другого человека, у которого после этого обязательно будут неприятности. Ты же не оставишь его в покое, пока не узнаешь нечто другое, тебя интересующее?

– Допустим. И что? – заинтересованно взглянул на него Иван. – Ну, давай дальше, не стесняйся, чего уж там.

– Кто буду я после этого? – Буня сплюнул. – Как бы хотелось жить, чтобы не было вас на свете – тех, кто приходит и спрашивает или забирает по ночам. Скажи, Купцов, ты же приличный мужик, неужели тебе не противно заниматься малопочтенным полицейским делом, заставлять одних клепать на других, мешать людям жить, не давать им покоя и лишать их свободы?

– О какой свободе ты говоришь? – Иван переменял позу. Ему больше не хотелось расслабляться. – О свободе грабить, убивать, воровать чужое имущество? По-моему, подавляющее большинство людей предпочитают жить в обществе, не имеющем подобных «свобод». К тому же задолго до тебя пытались разобраться, где грань между тривиальным доносом и гражданским долгом.

– И смешили эти понятия, – желчно заметил Буня, – возводя донос в ранг государственной добропорядочности.

– Бывало, – вздохнув, согласился Купцов. – Но в одном ты ошибаешься: мне не доставляет удовольствия заниматься раскрытием преступлений. Но если они совершаются одними людьми, то другие должны отыскивать преступников, защищая общество.

– Чего ты ждал? Ну, не звоню я, так приказал бы в участок отвести, там бы и пообщался. Еще Хлебников говорил, что участок великая штука: место встречи поэта с государством.

– Ты не поэт, и тем более не чета Хлебникову, – парировал Иван. – К тому же говорил он про царскую полицию.

– Умеешь языком работать, – буркнул художник.

– Я тебе лозунги повторять не буду – они немногочисленны и стоят без дела. Болтовня всем давно надоела, делом надо заниматься. У меня тоже есть свое дело, и я хочу его делать хорошо. Ты желаешь видеть в моих противниках несчастных, а я вижу людей, но преступивших закон! Если я их вовремя останавливаю, то попробую перетащить из лагеря противников в свой. Поэтому давай сразу решим: не хочешь – не говори. Я все равно своего добьюсь! Но если те, кого мне надо найти, будут продолжать убивать, их жертвы и на твоей совести.

– «Кабул» знаешь? – после паузы спросил художник.

– Бар с видиками? – уточнил Купцов.

– Он самый, – подтвердил Буня. – Там часто бывает человек по кличке Карла. Как зовут и как его фамилия, не знаю. Его и ищи. Он тебе про фальшивки все рассказать может.

– Спасибо.

– Не за что, – художник повернулся к Ивану спиной и глухо, словно разговаривая сам с собой, добавил: – Совість-то псе же хочеться чистой иметь...

Рогачев, безразлично оттопырив нижнюю губу, слушал инструктора политчасти, рассуждавшего о прискорбном падении нравов вообще и среди сотрудников милиции в частности. Разглагольствования этого молодявого майора, совсем недавно надевшего милиционерскую форму, но успевшего уже стать старшим офицером, раздражали Алексея Семеновича. Но он сдерживал себя, боялся сорваться и наговорить резких слов, прекрасно понимая, что этим он только навредит Купцову, о котором шла речь.

– Все как-то складывается одно к одному, – пригладив ладшкой редкие волосы, тихо говорил майор. – Заявление гражданки Сараниной, медицинские справочки о родах, показания свидетелей. Вы меня понимаете? А Иван Николаевич ведет себя, прямо скажем, несколько странно: не хочет открыться, все отрицает.

– Чего же странно? – не выдержав, прервал его Рогачев. – Неужели вы не допускаете мысли, что он с ней действительно никогда не был знаком?

– Возможно, – уводя в сторону глаза, вздохнул майор, – но как увязать многочисленные совпадения фактов биографии Купцова с фактами, изложенными в заявлении? А Иван Николаевич иронизирует, я даже не побоюсь сказать, издевается над нами.

Алексей Семенович уставился в пол, покрытый красной ковровой дорожкой. А инструктор гнул свое, видимо уже все решив, согласовав «наверху» и признав Ивана виновным.

Рогачеву вдруг вспомнилось, как он недоумевал, когда услышал о создании политчастей: зачем, для чего? Не лучше ли увеличить численность действительно работающих людей? В милиции служат преимущественно преданные делу люди, особенно в оперативных подразделениях. Неужели им настолько не доверяют? И уж коли возникла нужда в создании подобных подразделений, не лучше ли, чтобы политработник был по совместительству оперативником? Есть, конечно, весьма толковые парни среди инструкторов, на своем горбу испытывшие все тяготы милицмейской службы, но таких немного.

– Не понимаете друг друга, – подняв глаза, сказал Алексей Семенович. – Вам никогда не приходило в голову, что за иронией Купцова скрывается нечеловеческое напряжение, связанное с раскрытием преступлений, а тут еще этот пасквиль...

– Мудрецы они там все в розыске, любят играть в оперативные игры-игрушки, тень на плетень наводить, – отозвался инструктор. – Погулял голубчик, а теперь не хочет сознаваться. Может, ему желают помочь? Разобраться во всем.

– Давайте разберемся, – согласился Рогачев. – Купцов работает по запутанному и сложному делу. У меня складывается впечатление, что кому-то крайне необходимо убрать его, хотя бы на время, поскольку он нащупал верный след и стал опасен им. Пока мы сами еще не разобрались, в чем тут дело, но разберемся. И вот появляется заявление гражданки Сараниной, в котором все уж больно подозрительно складно. Вас настораживает, что все одно к одному? И меня тоже. Только совсем по другому поводу. Поэтому давайте не будем торопиться.

– Хорошо, – решив закончить тяготивший его разговор, согласился инструктор. – Я доложу руководству...

Выйдя из кабинета, Рогачев чуть не столкнулся с Купцовым, проходившим мимо по коридору. Ему вдруг стало почему-то стыдно, что Иван увидел его выходящим из дверей политчасти, – черт те что может подумать.

– Подслушивал, что ли? – пытаюсь скрыть неловкость, буркнул Рогачев.

– Зачем? – пожал плечами Иван. – У меня интуиция.

Чувствую, как нечто варится за моей спиной.

– Экстрасенс, – хмыкнул полковник, беря Купцова под руку. – А дела-то, Ваня, действительно не очень. Гражданка Саранина долбит заявлениями, провалилась на прием в политчасть. Оказывается, у нее и свидетели имеются, старички-соседи.

– Глупости, – фыркнул Купцов.

– Нет, не глупости. Придется доказывать, Иван, что ты тут ни при чем, – вздохнул Алексей Семенович.

– Буду настаивать на экспертизе, – заявил Иван.

– Воля твоя, – опять тяжело вздохнул Рогачев. – Где Котенев, нашел?

– Не успел, – огрызнулся Купцов. – Объяснения готовил, по поводу заявления Сараниной.

– Ага, – усмехнулся Алексей Семенович. – Именно на это они и рассчитывают, те, кто ее прислал. С «драконами» как?

– Все также, – уже спокойнее ответил Иван. – Собираюсь к Ставич, надо поговорить.

Войдя в спой кабинет, он уселся за стол и, закури, начал листать блокнот – где тут записаны адресок и телефон гражданки Ставич? Мелькнула мысль – а не взять ли кого-нибудь с собой в качестве свидетеля? А то, не ровен час, последует еще одно заявление относительно поведения майора милиции Купцова.

Отыскав в блокноте телефон Ставич, Иван бросил недокуренную сигарету в пепельницу и придвинул поближе аппарат – сейчас он позвонит, узнает, дома ли она, а если нет, то позвонит на работу и договорится о встрече. Потом отправится в известное заведение, получившее среди приклатненной публики прозвание «Кабул», и поищет там неизвестного пока Карлу, который, если верить Буле, должен знать о фальшивых ордерочках па обыски. В «Кабул» он пойдет с Сашей Бондаревым, а вот с кем поехать к Ставич? Протянул руку, чтобы снять телефонную трубку, и вздрогнул от резкого звонка.

– Привет, – раздался в наушнике голос доброго приятеля и сослуживца Сереги Тихонова.

– Привет, – не слишком любезно буркнул Иван.

– Ты ориентировочку давал? Тут задержали одну даму с облигациями. Номера совпадают с похищенными.

– Не отпускай ни в коем случае! – закричал Купцов. Так, все отменяется. Потом Ставич, потом поездка в «Кабул», где бывает неизвестный Карла. Сейчас туда, где появилась живая нитка к неуловимым «драконам». – Не отпускай ее!..

Тихонов, как и обещал, ждал Ивана в своем кабинете – темноватом закутке на втором этаже старого здания, занимаемого отделением милиции.

– Как ты тут? – пожимая руку Тихонова, поинтересовался Иван и, не дожидаясь ответа, спросил: – Где дама с облигациями?

– В дежурке. – Тихонов сдавленно зевнул, прикрывая рот ладонью. – Погода, давление падает, в сон клонит... Пришла она, понимаешь, в Сбербанк менять облигации, а номера у них как раз те, что по сводке проходят. Девушка-кассира ей сказала, что надо, мол, деньги из сейфа взять, а сама нам позвонила.

– И кто эта дама?

– Сокина Любовь Дмитриевна, – заглянул в лежавшую перед ним записку Серега. – Официантка. Рассказывает: клиенту не хватило денег расплатиться, и он уговорил ее взять облигациями.

«Одно предположение может подтвердиться, – подумал Иван, – возможно, дама получила облигации непосредственно от кого-то из «драконов». Вряд ли они доверятся чужим и попросят обменять облигации в Сбербанке, а вот ход с расплатой в ресторане или кафе вполне реален. Только кто расплатился? А если Анашкин? Опять обрыв нити, долгие поиски и бессонные ночи? М-да, а насчет официанток как-то упустил из виду: думал, облигации могут попасть в руки случайной проститутки, появятся где-нибудь на Рижском рынке или выплывут уже обезличенными, пройдя через многие руки. Впрочем, нет гарантий, что за ними и сейчас «конкретное лицо». Сможет ли официантка точно указать, от кого, где и когда она получила облигации, взятые преступниками на квартире у Лушина? Где и когда получила, она, конечно, скажет, а вот от кого?

– Найдешь мне кабинетик, чтобы с ней пообщаться? – попросил Купцов.

– Найдём, – пообещал Тихонов. Перебрав связку ключей, он протянул один Купцову: – Иди в десятую комнату, а я распоряжусь, чтобы Сокину к тебе направили из дежурки.

Купцов пошел. Едва успел расположиться за столом в такой же, как у Сереги, темноватой и насквозь пропахшей табаком комнатке, как помощник дежурного привел задержанную. Любовь Дмитриевна оказалась моложавой полной женщиной, одетой дорого, но безвкусно.

– Присаживайтесь, – показал ей на стул Иван. – Побеседуем?

– А чего еще говорить? – неожиданно высоким для ее комплекции голосом недовольно спросила Сокина. – Я уже все рассказала. У меня дела есть, кроме как по милициям сидеть. Чтоб этому придурку, который мне облигации всучил, повылазило со всех сторон! Я ему как человеку поверила, взяла, а теперь меня муж со свету сживет, когда узнает. И так кругом одни неприятности, а тут еще...

– Какие неприятности? – участливо поинтересовался Иван. – Вы не волнуйтесь, к вам мы пока никаких претензий не имеем.

– Вот именно, пока, – поджала накрашенные губы официантка. – А потом начнут таскать. Мне уже ваш начальник тут говорил, что к следователю вызовут.

– Поглядите, – разложив на столе фотографии, Купцов показал их Сокиной. – Нет ли здесь знакомых?

– Э тот, – ткнула пальцем в один из фотороботов официантка. – Я уже вашему показывала на него. Молодой, а подлый! Он у нас часто бывает, примелькался.

Она неожиданно всхлипнула и достала из сумочки платок. Приложила к глазам, промокая выступившие слезы.

– Думаете, официантка, так обязательно ворует и денег невпроворот? Как же, к концу смены ноги отваливаются и руки болят, а дома опять стирать да готовить. А как выручку не сдать, не свои же кровные вкладывать за этого бугая? Вот и взяла.

На фотороботе, в который ткнула пальцем Сокина, был молодой парень интеллигентного вида.

«Слава богу, не Анашкин, – убирая карточку, подумал Иван. – Сейчас надо получить данные для его задержания, это главное!»

– Говорите, часто бывает? – наливая из графина стакан воды для официантки, переспросил Купцов. – Что же его так привлекает в вашем заведении?

– Ансамбль модный играет, – выпив воды, ответила Любовь Дмитриевна. – А он все с девушками приходит, как не увижу, так опять с другой. Шикует! Не скажу, чтобы особо выпивал, но поломаться под музыку любит. И ростом под притолоку.

– Когда он в последний раз у вас был?

– Дня три назад. Пришел с девкой. Денег расплатиться не хватило, вот и сунул мне эти чертовы облигации. Они что, краденые?

– Вроде того, – уклонился от прямого ответа Иван. – Нам надо с этим парнем потолковать. Сможете позвонить мне, когда он снова придет? Я дам телефон.

– Чего не позвонить? У нас рядом с раздачей телефон стоит, – пряча платок в сумочку, согласилась Сокина. – Пусть сам вам отвечает, я за него париться не желаю, раз он гад такой... Только у нас на раздаче всегда народу полно, уши развесят.

– А вы ничего такого не говорите. Ну, к примеру, спросите Ваню и скажите, что звонит Люба, просит зайти. Идет?

– Ваня это вы, значит? – Она игриво повела глазами. – Ладно, попробую. А чего насчет милиции говорить, если спросят?

– Отвечайте, что недоразумение произошло, извинились и отпустили. Вы что, вместе с кем-то из своих сотрудниц ходили в Сбербанк или знакомые видели, как вас сажали в машину?

– Нет, но мало ли... Живешь, годами никого не видишь, а когда тебе не надо, обязательно на глаза попадешься.

– Будем надеяться, что спрашивать никто не станет, а самой лучше не говорить. Ясно? Вот только придет ли наш приятель вновь?

– Придет, – уверенно заявила Сокина. Она уже немного успокоилась и ждала, когда ее отпустят. – Обязательно придет.

– Почему вы так уверены? – недоверчиво переспросил Купцов.

– Чего не прийти? Он за собой никакой вины не чувствует, я же ему не сообщала, что в Сбербанк пойду. Придет, верьте моему слову. Только бы в мою смену попал. А уж я его, голубчика...

Статья сорок седьмая Кодекса о браке и семье РСФСР гласит: «Происхождение ребенка от родителей, состоящих в браке, удостоверяется записью о браке родителей». Как не признать подобный анонимный правовой перл верхом «юридической мудрости»? Несмотря на четкий адресат книги, содержащей эту «мудрость», ее подлинного автора найти непросто. Для этого понадобилось бы форменное расследование. Хорошо писать законы, когда с тебя за это никто не спросит!

И вот современный Одиссей отправляется в длительную командировку или по каким иным причинам отсутствует, а в это время его жена производит на свет потомство. По возвращении муж, естественно, задается справедливым вопросом: как могло получиться, что после его полугодового отсутствия рожденный его женой ребенок носит фамилию весьма гипотетического отца и считается его наследником?

Если этот вопрос не разрешается сам собой, то в суде возникает так называемое «корзинное» дело, с истцами и ответчиками, выбиванием алиментов и жаркими прениями сторон. Такое же «корзинное» дело возникло в отношении Купцова, отказывавшегося признавать свое отцовство. Гражданка Саранина успела подать исковое заявление в народный суд.

Получив в суде назначение на проведение экспертизы, Иван поехал на метро к станции «Электровзаводская», где на площади Журавлева размещалось бюро судебно-медицинской экспертизы Главного управления здравоохранения Мосгорисполкома и куда суд направил все необходимые бумаги для проведения экспертизы так называемой группы, должной состоять из самого Ивана, гражданки Сараниной и рожденного ею ребенка. Путешествие, прямо скажем, не из самых приятных. Заранее наведя справки, Купцов узнал, что у него должны взять анализ крови и слюны для проведения «биологической» экспертизы. В лучшем случае, результаты анализов позволят или не позволят исключить его из числа возможных отцов ребенка.

Многоопытный приятель, к которому он обратился за консультацией, уныло сообщил, что экспертиза, к несчастью Ивана, весьма несовершенна из-за хронической нехватки необходимых реактивов.

– И тут дефицит? – горько усмехнулся Купцов.

– И тут, – тяжело вздохнул приятель. – Кстати, когда будут брать кровь, гляди, чтобы не внесли чего.

– Успокойся, ничего не скажешь, – разозлился Иван.

Второй приятель сначала обрадовал:

– Ерунда, давно существует метод «генной дактилоскопии». Во всех странах Запада его применяют. Например, в Англии.

– Прикажешь просить визу? – саркастически хмыкнул Иван.

– Зачем визу, – обиделся приятель, – у нас в институте молекулярной биологии ребята работают над этим.

– И... могут определить на сто процентов? – обрадовался Купцов.

Но ответ приятеля словно окатил его холодным душем:

– Не могут, потому что очередь на три года вперед. Здесь тебе не Англия! Пора привыкнуть к очередям. И скажи-ка мне, ребеночка на тебя уже записали?

– По-моему, еще нет. А в чем дело?

– Если ребенка зарегистрировали, то запись можно оспорить только в течение года. Ты не знал, да? А еще юрист.

– У нас узкая специализация, – обозлился Иван. – Ты же не лезешь в стоматологи или в гинекологи? Так и у нас – есть уголовное право, уголовно-процессуальное, семейное, земельное, колхозное, исправительно-трудовое...

– Стоп! – оборвал его приятель. – Дальше не надо. А вообще бейся, Ваня, до последнего!

И вот Купцов пришел биться. В мрачном коридорчике бюро экспертиз сидели несколько женщин с детьми примерно годовалого возраста и какие-то потерянно-пришибленные мужчины.

«Интересно, кто из них Саранина?» – подумал Иван, занимая очередь. Заявительницы об его отцовстве он еще не видел, всячески избегая личных встреч. Тем более если он себя считает полиостью непричастным к этому делу. И вот сегодня, здесь, они должны встретиться, поскольку в суде он ее тоже не видел – гражданка Саранина умудрялась посещать суд в другие дни и часы.

Ожидание тянулось медленно, «группы» входили в дверь кабинета и находились там подолгу. Купцов, с тревогой поглядывая на часы, прикидывал, успеет ли сегодня сделать все намеченное: побывать у Ставич, переговорить с ней и съездить с Бондаревым в пресловутый «Кабул».

Наконец подошла его очередь, он вошел в кабинет, назвался и в ожидании оглянулся на дверь: вот сейчас войдет и она, Саранина. Но следом за ним никто не вошел.

– Вы что, один? – подняла на него глаза медрегистратор. – А где мать и ребенок?

– Наверное, там. – Он неуверенно кивнул в сторону двери.

– Позовите!

– Лучше уж вы сами, – зябко поежился Купцов.

– Саранина! Здесь Саранина?! – открыв дверь, громко прокричала пожилая регистраторша, но никто не отозвался.

– Приходите на следующей неделе, – возвращая Купцову направление, велела она.

Выйдя на улицу, Иван закурил с облегчением – передышка еще на неделю. Но хорошо ли это? Изведешься, пожалуй.

Однако, где же гражданка Саранина? Почему она вдруг не пришла, почему резко снизилась ее активность?..

Глава 5

Дорогой Лыков ерзал на сиденье, беспокойно вертя головой. Как все осложнилось, повернуло на кровавую колею, когда пришлось добить Гришку Анашкина. Нельзя же было оставлять его раненым, а тем более тащить за собой на квартиру к Олегу или к себе домой. К Жедю тоже не отправишь, не говоря уже о тетке Гришки. Пришлось бы вызывать врача, а любой доктор тут же настучал бы в уголкову, едва увидев ногу Гришки. Теперь Анашкин замолк напеки, и никто не сможет от него добиться ни слова.

Олег не мог избавиться от мыслей, вспоминая то страшное, что произошло в тесном дворике. Пусть Анашкин тупица, пусть скотина, но нельзя же так! И вообще, после убийства Гришки в душе поселился страх перед всем и всеми: он начал не на шутку опасаться Аркадия, Витьки Жедя, любого встречного милиционера, случайных прохожих, подозревая в каждом переодетого сотрудника уголовного розыска; боялся телефонных звонков, стука в дверь, шума машин, проезжавших ночью под окнами. Жизнь стала какой-то липкой, тягучей, словно тина в зловонном болоте. И нет никаких сил выбраться на твердую почву. От постоянного страха помогли избавиться выпивка, оглушающая музыка и девки – каждый раз новые. Олег пристрастился ходить по кабакам – лишь бы не сидеть вечерами дома.

Жедь не смотрел на своих подельников – он сидел за рулем. Развитие событий не повергало его в уныние – только росла досада на постоянно возникающие препятствия на пути к большим деньгам. Их бы только получить, а там Витек Жедь найдет, как с ними поступить, как распорядиться. Воспоминания об Анашкине его не тревожили – главное, все решилось быстро, и ушли удачно. А Гришке просто не повезло. Чего теперь рвать сердце воспоминаниями? Все там будем, каждый в свой срок. Опять же, при удаче один выпадает из дележа.

– Дома она? – принимая в пепельнице очередную недокуренную сигарету, спросил Аркадий.

– Должна, – нехотя откликнулся Олег. Чего Лыков без конца спрашивает об одном и том же? Уже тысячу раз объяснял ему, что Ставич обычно приходит домой в одно и то же время и вечерами почти не выходит из квартиры.

– Вон туда. – Витька Жедь кивнул на длинный светлый дом, растянувшийся почти на квартал. – Я со двора заеду?

– Поставь тачку с улицы, – распорядился Лыков, – а то во дворе еще запрет какой дурак проезд, и потом не выберемся. Пойдем все вместе.

– Когда позвону, около двери не торчите, – шагая к подъезду, наставлял Аркадий. – Откроет, я вхожу, и сразу вы за мной. Если увидит троих, может испугаться, ясно? А потом ей, голубушке, деваться будет некуда.

Молча вошли в подъезд, поднялись по лестнице. На площадке Лыков уверенно подошел к двери квартиры Ставич и позвонил. Витек и Олег встали сбоку, чтобы их не было видно в глазок.

– Кто там? – спросили из-за двери.

– Милиция, – чуть дрогнувшим голосом ответил Аркадий.

Щелкнул замок, приоткрылась дверь на цепочке, Татьяна настороженно выглянула. Лыков достал красную книжечку и издала показал ее. Звякнула скнутая цепочка, и он, нажав на дверь, вошел, а следом за ним ввалились в тесную прихожую Олег и Жедь.

– Что вам надо? – вскрикнула Ставич. – Я закричу!

– Я тебе закричу! – Шагнув вперед, Витек резко ударил ее кулаком в лицо – она упала.

Лыков запер дверь и приказал:

– Тащите ее в комнату. Олег, срежь бельевую веревку на кухне.

Татьяну перетаскивали в комнату, посадили на стул. Олег принес веревку, связал хозяйке руки и ноги. Лыков закурил и начал бить Ставич по щекам, приводя в чувство. Наконец она застонала и открыла полные ужаса глаза.

– Закричишь – приедем! – мрачно пообещал ей Жедь.

– Не будем терять времени, – взяв свободный стул и присев на него, начал допрос Лыков. – Таких женщин, как вы, просто так не оставляют. Это понимаем и мы, и вы. Где сейчас находится Михаил Котенев? Быстро отвечайте.

– Я не знаю. – Она испуганно переводила взгляд с одного мужчины на другого, но ни в ком не находила и тени сочувствия.

– Придется повозиться, – заметил Лыков, затягиваясь сигаретой. – Сейчас прижму маленько, тогда, может, вспомните...

Знаком приказав Жедю подать лежавшую на столе салфетку с кружевами, он скомкал ее и запихал в рот женщине.

– Вот так, теперь не заорешь. – Рванув за ворот халат Татьяны, он обнажил ей грудь. – Жалко портить, – взяв горящую сигарету, с сожалением сказал он и прижал ее к груди Татьяны.

Она дернулась, замычала, извиваясь от боли, запахло паленым. Олег, не выдержав, отвернулся, а Жедь хищно осклабилсся, нетерпеливо переступая ногами.

– Еще, давай еще, – толкнул он Аркадия, – скажет, курва!

Лыков поглядел в глаза Ставич и чуть вытащил из ее рта салфетку, заменявшую кляп.

– Ну, не передумали?

Татьяна глухо застонала, запрокидывая голову.

– Поищи кипятильник, – повернувшись к Олегу, распорядился Аркадий. – Вставим кое-куда, тогда сразу ста нет сговорчивее. Живей, не копайся!

Кислов начал выдвигать ящики буфета, выбрасывая их содержимое на пол, открывал шкафы. Не найдя кипятильника, метнулся на кухню. Оттуда послышался звон посуды, что-то упало.

– Помогите ему, – кивнул Жеда гварьер и обратился к Ставич: – Зря упрямитесь. Стоит только сказать, и мы тут же уйдем.

– Нету кипятильника, – потный от усердия Жеда вбежал в комнату, – у нее плита газовая, давай на кухню.

Не дожидаясь согласия Аркадия, он спихнул Татьяну со стула и потащил. Лыков бросился ему помогать. На кухне, отстранив Олега, Жеда открыл крышку духовки и засунул в нее голову пленницы. Удерживая за шею, свободной рукой повернул кран газа, приговаривая:

– Скажешь, скажешь! А то спичку поднесу! Говори, сука!

Татьяна замычала, задержалась, пытаясь освободиться и задыхаясь. Дернув ее за веревку назад, Жеда посадил женщину на пол и ногой захлопнул крышку духовки.

Ставич жадно хватала ртом воздух. Голова ее разламывалась от боли, и не осталось сил терпеть этот кошмар. У нее же ребенок, надо думать о дочери, оставшейся у родителей.

Аркадий выдернул у нее изо рта салфетку. Ухватив сильными пальцами за лицо, повернул его к себе:

– Где он?!

– Я скажу, – едва слышно произнесла Татьяна. – Скажу...

– Если обманешь... – угрожающе начал Жеда, но Лыков остановил его:

– погоди, пусть говорит, а мы проверим. Если обманет, сама понимает, что с ней будет. Говори!

Запинаясь и едва ворочая языком, Ставич назвала адрес и, словно отдав вместе с ним последние силы, закатила глаза. Лыков тут же плеснул ей в лицо воды из кувшина.

– Откуда знаешь адрес?

– Он мне звонил... Сказал...

Аркадий тщательно занес адрес в записную книжку. Запихав опять в рот салфетку, вышел из кухни, знаком приказав Олегу и Витьку следовать за собой. В прихожей остановился и, понизив голос, распорядился:

– Сейчас уходим. Большого от нее все равно не добиться. Олег, задержишь и кончи. Свидетелей оставлять нельзя.

– Как? – поблел Кислов.

– Головой в духовку и кран открой, – отпирая дверь, посоветовал Жеда. – Или сделай петельку на веревке.

– Не вздумай стрелять! – бросил Аркадий и шагнул за порог. – Ждем в машине, не тяни!

Олег обессиленно прислонился спиной к стене прихожей, чувствуя, как предательски дрожат колени и сухо во рту: неужели он, Олег Кислов, должен убить связанную, истерзанную женщину?

На лестничной площадке прогудел лифт, опуская вниз Жеда и Лыкова, потом гулко хлопнула дверь подъезда. Олег чуть не застонал от свалившегося на него – ну почему Аркадий не велел сделать это Витьку, ведь тому все равно?! Почему должен убивать он, Олег?!

Дрожащими руками вытянув из кармана пачку сигарет, он закурил и, с трудом переставляя ноги, поплелся на кухню. Сколько случилось смертей после того, как он встретил, на свое несчастье, в дешевом кабаке проклятого Гришку! Убили парня на квартире Лушина, Лыков застрелил Гришку, раненного милиционерами у подъезда Хомчика, а теперь и...

Ставич лежала на полу. Она была без сознания. Глаз запыл, на закушенной губе запеклась кровь, полы халата откинулись, обнажив ноги, в которые врезалась бельевая веревка, волосы рассыпались по полу.

Вдруг в прихожей раздался звонок. Олег застыл, напуганный этим, таким мирным, звуком. Что это – телефон или звонят в дверь? На цыпочках, стараясь не шуметь, Кислов прокрался в переднюю, настороженно прислушиваясь. Посмотреть в дверной глазок? Нет, нельзя – в прихожей горит свет, и стоящий по ту сторону двери увидит тень. Что делать?

Снова позвонили, и звонок этот – показалось Олегу – предвещал конец. Увидев, как дернули ручку двери, он похолодел – сейчас войдут, увидят его! О том, что под курткой спрятан пистолет, о том, что ему велел сделать Лыков, Олег совершенно забыл: до того ли сейчас?!

Метнувшись, он с трудом втиснул свое большое тело между шкафом и стеной. Затаил дыхание – дверь открывалась! Хорошо еще, что, распахиваясь, она прикрывала его собой.

– Татьяна Васильевна? – позвал от порога чей-то низкий голос, явно принадлежащий молодому мужчине. Олег старался не дышать.

Послышались тяжелые, уверенные шаги – неизвестный посетитель прошел в комнату. Решившись, Кислов тихонько вылез из своего убежища и выскользнул на лестничную площадку, успев заметить плотного мужчину, стоявшего к нему спиной посреди комнаты.

На лифт? Услышат, погонятся. Бочком пробравшись вдоль стены, Олег начал спускаться по лестнице. Вот и площадка следующего этажа. Сдерживая желание припустить бегом, он потихоньку спустился еще ниже и только после этого побежал, перепрыгивая сразу через несколько ступенек...

Плхнувшись на сиденье рядом с Аркадием, он, с трудом переводя дыхание, выкрикнул:

– Гони! Чего стоишь?!

– Поехали. – Покосившись на него и удовлетворенно усмехнувшись, Аркадий дотронулся до плеча сидевшего за рулем Жеда. Помолчав, спросил: – Все сделал?

– Все, – буркнул Олег и, боясь дальнейших расспросов, отвернулся к окну, показывая, что более говорить на эту тему не намерен.

– Нормально, – подытожил Лыков и засвистел мотивчик модного шлягера.

– Чего свистишь? – поймал его взгляд в зеркале Жеда. Недовольно поморщившись, пояснил: – Примета плохая, еще моя бабка говорила: у свистунов денег не бывает. Кончай свистеть.

– Не бойся, Витек, – засмеялся Аркадий. – У нас теперь все будет, и деньги тоже...

Вместе с новыми песнями и музыкой к ним пришли и новые развлечения – на современном техническом уровне.

Имей пару рублей – и тебе откроются двери «Кабула», одного из множества таких видеосалонов, с баром и танцевальной площадкой. Название у него, естественно, совершенно иное, но любители полупорнухи и фильмов типа «Коммандос» прозвали этот салон «Кабулом». Именно туда отправлялись Купцов и Бондарев, надеясь отыскать Карлу.

Дорогой Иван жаловался Саше на затянувшуюся тягбу с Сараниной:

– Везде требуют справки, а те, кто их выдает, почему-то работают в одно время со мной. Когда я свободен, их уже нет на месте. Как хочешь, так и успевай. В бюро экспертиз тоже порадовали: результаты приблизительные, а впереди – суд. Дожил я до седых волос, а веры к себе не нашел. Уйти, что ли, в постовые?..

В дверях «Кабула» стоял один из давних знакомых Купцова, с которым он когда-то вместе занимался спортом.

– Здорово, – оценивающим взглядом окинув массивную фигуру Саши Бондарева, приветливо кивнул Ивану знакомец. – Пришел полюбопытствовать? Заходи.

– Получи, – протянул ему деньги Купцов.

– Перестань, – отстранил его руку знакомый, – со своих не берем. Ты правда хочешь посмотреть или по делу? У нас все законно. Сегодня даем «Аллигатора».

– Честно говоря, мы по делу, – признался Иван, пропуская стайку ребят-подростков, торопившихся к началу просмотра. – Ты, значит, теперь здесь обосновался?

– Надо же где-то, – зевнул знакомый. – Тепло, видик работает. Может, в баре посидим? Там сейчас свободно.

Бондарев и Купцов прошли в пустой бар, отделанный пластиковыми панелями, имитировавшими дерево, присели к столику.

– Это кто? – кивнув в сторону дверей, поинтересовался Саша.

– Знакомый, – объяснил Иван. – Тренировались когда-то вместе, а потом он сломался и бросил спорт, а я пошел учиться и тоже бросил. Нормальный малый, да все ищет, где можно без хлопот и без трудов побольше заработать. Но с законом старается жить в ладу. Видимся время от времени.

Минут через пять пришел знакомый, подав Бондареву руку, представился:

– Борис, будем знакомы. Сок выпьете? Фирма угощает.

– Сок потом, – отказался Купцов. – Ты тут кем трудишься?

– Сразу на многих должностях, – улыбнулся Борис, – билетки продаю, подметаю, по телефону отвечаю...

– Нравится? – поинтересовался Бондарев.

– Ничего, – пожал плечами бывший спортсмен, – все лучше, чем на заводе или официантом в забегаловке. А вы чего, пришли мою биографию уточнять? Я слыхал, ты из Москвы уехал? – повернулся он к Ивану. – Проштрафился, что ли?

– Как видишь, вернулся, – ушел тот от прямого ответа. – Давно ты здесь обосновался?

– Ваня, не крути мне, как кату... Если чего надо, так и скажи. Накапали на нас, желаешь документацию проверить? Сразу предупреждаю, что я отвечаю только за видик.

– Брось, Боря, я же не БХСС, – успокоил его Иван. – Ты мне лучше скажи: Карлу знаешь? Говорили, он любит у вас бывать.

– Любил, – подняв глаза к потолку, поправил Борис, – В нашем подвале много кто бывал и бывает, А зачем тебе Карла?

– Поговорить, – ответил за приятеля Бондарев. – Где его сыскать? Сегодня придет?

– Нет. И поговорить с ним даже вы не сумеете, – криво усмехнулся бывший спортсмен, – Помер Карла!

– Шутишь? – даже привстал от изумления Купцов. Он мог ожидать чего угодно, но только не этого. – Отчего помер, убили?

– Почему убили? – недоуменно вытаращился на него Борис. – Сам помер, он же старый был, лет под семьдесят, если не больше. Сморчок такой, небось от выпивки вся печень гнилая, рассыпалась на ходу. Кому надо его убивать?

– Дела, – протянул Бондарев, доставая папиросы. – А чего его сюда тянуло? Тут же больше молодежь гуляет, даже прозвание для вашего подвала придумали.

– «Кабул»? – засмеялся Борис. – Знаем, романтика влечет, ну и пусть, мне дела нету. А Карла жил рядом, выпить заходил, денежки у него водились. Иногда примет граммулку – и в зал, видик глядеть, да так и уснет под пальбу на экране. Фильм кончится, я его вежливо так в плечико потолкаю, а он зенки протрет и опять в бар, добавить. Но рисовал классно, он нам стены расписал.

– Рисовал? – оживился Иван. – Он что, художник?

– Говорят, был гравером, потом оформителем витрин, в какой-то газете работал, не помню где, – отмахнулся Борис.

– Он с кем-нибудь здесь встречался? Где жил, знаешь?

– Жил тут, рядом. Как из нашего подвала поднимитесь, так прямо по переулку, в доме с молочной. Я как-то раз его провожал, чтобы он не свалился. Он часто приговаривал: «Как папа Карла». За это и кликуху приклеили. Насчет встреч не скажу: тут по вечерам народу много шьется, за всеми разве углядишь, да и ни к чему мне, я же не милиция, – Борис подмигнул и хрипловато рассмеялся, но вдруг посерьезнел: – Вспомнил! К нему весной, кажется, один мужик приходил. Лысый такой, средних лет. Выпили они, пошептались, а потом Карла был как убитый, всем жаловался, что шила в мешке не утаить. Поддал он прилично и все про итальянскую оперу болтал.

– Этот приходил? – Повинуясь внезапно возникшей догадке, Иван достал фоторобот одного из «драконов» и показал карточку Борису. Тот взял, повертел в толстых пальцах, рассматривая со всех сторон. Наконец его лицо расплылось в улыбке:

– Похожий! Только тут покрасивше. Он, Витек!

– Откуда знаешь его имя? – насторожился Купцов.

– Карла говорил, – объяснил бывший спортсмен. – А чего? Он, когда пьяный, языком как помелом работал. Хвастался, что этот Витек ему клевою работенку по художественной части предложил и обещал прилично заплатить. А потом жаловался, что обманули его, работу забрали, а денег обещанных не заплатили.

– Понятно, – протянул Иван.

– Заходи, – провожая их до дверей, пригласил Борис, – фильмец поглядишь, вечером в баре девок полно.

– Я пока не по этой части, – поскущнул Иван, сразу вспомнив про Саранину.

На улице он остановился и, взяв Сашу под руку, предложил:

– Сходил бы ты в ЖЭК по поводу Карлы, проверил, а я к Ставич поеду. Жалко время терять.

– Думаешь, фальшивые билетки на «Ла скала» в свое время Карла слепил? – усмехнулся Бондарев.

– Думаю, – не стал скрывать Иван. – А потом другие фальшивки делал. Видимо, этот Витек знал о билетах и сумел уговорить или заставил поработать на себя. Как точно было, мы теперь узнаем, когда возьмем Витьку и всю его компанию...

Ставич жила на другом конце города, и Купцов решил поехать на метро – о множестве оперативных машин, как это любят показывать в кино, пока приходится только мечтать.

В вагоне метро было тесно. Пристроившись рядом с лохматым парнем, развернувшим газету, Иван решил воспользоваться чужой информацией. Городские новости поражали разнообразием: соединили линиями метро две новые станции: «Ясенево» и «Битцевский парк», начали открытый прием абитуриентов в ранее «закрытый» вуз – Институт стран Азии и Африки при МГУ им. Ломоносова; вновь работает старый цирк на Цветном бульваре; в Московской соборной мечети торжественное богослужение; на вокзалах наконец-то упразднены депутатские залы.

«Надолго ли?» – недоверчиво усмехнулся Купцов.

Оторвавшись от газетных новостей, Иван стал размышлять над предстоящим разговором со Ставич. Ох, нелегко с ней будет общаться, вытягивать клещами словесных ловушек и уговоров адрес, где скрывается «отдыхающий» Михаил Павлович Котенев.

Поднявшись наверх, он пошел пешком. Но что-то тревожило, подгоняло, и поддавшись дурным предчувствиям, Купцов тяжело сел в троллейбус. Вот за широким окном показался дом любовницы Котенева. Пора выходить.

Двор оказался обычным. Помойка, бродячие кошки у мусорных баков, пустой в этот час стол для доминошников. Войдя в подъезд, Иван поднялся на лифте и позвонил в дверь квартиры. В прихожей горел свет – это он видел через глазок, – но никто не открывал. Почудилось, что за дверью раздался слабый шорох. Или только почудилось?

Купцов снова нажал на кнопку звонка. Немного подождал и толкнул дверь, к его удивлению, она открылась. Поколебавшись немного и настороженно прислушиваясь, он нерешительно шагнул за порог, быстро обжевав глазами пустую прихожую.

– Татьяна Васильевна? – позвал Иван.

Тишина. Слегка попахивает газом, и такое ощущение, что рядом неведомая опасность. Сунув руку под пиджак, Купцов проверил, легко ли вынимается из кобуры оружие, и на всякий случай сдвинул предохранитель.

– Татьяна Васильевна! – позвал он громче.

Тишина. Ни шороха, ни стука. Что тут могло произойти, почему она не откликается? Нет дома? Но тогда как же оставила открытой входную дверь? Ушла к соседке и сейчас вернется?

Иван попытался заглянуть в комнату, потом сделал осторожный шаг. Ничего не произошло. Тогда, немного осмелев, он вошел и увидел разбросанные по полу вещи, выдвинутые ящики, опрокинутый стул.

Услышав легкий скрип входной двери, он резко обернулся, сунув руку под пиджак, чтобы быть готовым отразить нападение. Дверь медленно закрывалась...

Выхватив оружие, Купцов метнулся в прихожую, ударом ноги распахнул дверь – никого! Выглянул на площадку – тоже никого. Сквозняк, что ли?

Он хотел, прикрыв дверь, побежать вниз, догнать, посмотреть или убедиться, что с ним играет дурные шутки сквозняк и собственное воображение, но в этот момент с кухни донесся слабый стон. Глухой, болезненный. Иван пошел туда.

В луже воды на полу лежала связанная бельевой веревкой Татьяна Ставич. Убрав оружие, Купцов наклонился над ней, – слава богу, жива! Размотав стягивающие ее руки и ноги веревочные петли, он быстро подхватил женщину на руки, отнес в комнату.

– Я скажу ... – простонала Ставич.

– Что? Что скажете? – наклонился над ней Иван.

– Он уехал ... С греком. – Она открыла мутные глаза и шепотом назвала адрес.

– Кто тут был? – пытаюсь привести ее в чувство, спросил Купцов, но Татьяна опять потеряла сознание.

Сняв трубку телефона, Иван позвонил дежурному по городу и в «скорую»...

Когда Купцов вернулся в управление, Бондарев уже был там. Покуривая казавшуюся маленькой в его толстенных пальцах папиросу, он сидел за столом, перелистывая бумаги. За окнами уже сгустились сумерки, уютно горела настольная лампа, и Ивану на миг почудилось, что случившееся недавно в квартире Ставич просто страшный сон или кадры из очередного боевика ужасов, вроде тех, что крутят в подвальчике, прозванном «Кабулом». Но, к сожалению, это не было ни сном, ни фильмом.

– Они были у Ставич, – опускаясь на диван, сообщил Иван. – Выбывали из пес адрес Котенева.

– Выбили?

– Скорее всего, да! В квартире разгром, хозяйку пытали и били. Вызвал ребят из местного отделения и «скорую».

– Адрес? – подался вперед Саша.

– Адрес знаю, – вздохнул Иван. – Назвала. Сейчас свяжемся, попросим проверить: действительно ли он там? Видишь, как дела поворачиваются? Успели опросить местных старух и соседей, вроде бы видели там машину и троих, по приметам схожих с «драконами».

– Весело, – покрутил головой Бондарев. – Надо было там засаду оставить.

– Куда уж веселее! Опять они нас опередили и ушли. Когда я входил в квартиру, у меня было ощущение, что там кто-то прячется. Жаль, что нам пришлось расстаться, а то бы ты пригодился – контролировал бы вход.

– Может, примерещилось?

– Откуда я знаю? – нахмурился Купцов. – Мало нас, понимаешь, мало! Техники не хватает, людей опытных, времени. И кто бы нам разрешил у нее засаду устраивать?

– Перестань себя мучить. Кстати, твой знакомый, Борис из видеобара, не обманул.

– Да? – оживился Иван. – Ты проверил?

– Проверил, помер Карла, то есть гражданин Дубов Артем Иванович. Все сходится.

– Опять обрыв ниточки? Нашли Ворону, но поздно, его успели убрать. Нашли Карлу, но тоже поздно – успел помереть, – горько засмеялся Купцов. – Кто следующий? Уж не Котенев ли?

Услышав телефонный звонок, он поднялся с дивана и, подойдя к столу, снял трубку:

– Слушаю, Купцов!

– Ваня? – услышал он женский голос. – Привет, это Люба говорит.

– Какая Люба? – не сразу понял Иван.

– Из ресторана, помнишь? Заехать ко мне обещался, так я жду.

– Пришел? – еще не веря в удачу и боясь ее спугнуть, выдохнул Купцов. – Пришел или нет?

– Здесь... – Она засмеялась. Вместе с ее голосом долетали шум оркестра, звон посуды и сердитые женские голоса. – Я с кухни тебе звоню, не задерживайся.

– Сейчас буду, жди.

Положив трубку, Иван поглядел на Бондарева:

– Звонила Сокина. Официантка, которую задержали с облигациями, украденными на квартире Котеневых. Тот, кто с ней расплатился этими облигациями сейчас сидит в кафе.

– Едем. – Бондарев встал, открыл сейф. Убрал бумаги и достал из него кобуру с пистолетом...

– Я к Рогачеву. Надо взять машину, а ты позвони в отделение, пусть дадут ребят. Да предупреди, что он может быть вооружен, жилеты пусть наденут. И нам бы не мешало, да только где их сейчас возьмешь, на ночь-то глядя?..

Лыков заявился к Жедю в тот момент, когда Витек, пропустив стаканчик, с урчанием закусывал. Выйдя на звонок в прихожую и открыв дверь, он с удивлением посмотрел на Аркадия.

– Ты? – выковыривая пальцем застрявшее между зубов мясо, уставился на него Витек. – Случилось чего?

– Один? – заглянул в открытую дверь комнаты, вместо ответа поинтересовался Лыков. – Доедай и собирайся, – не терпящим возражений тоном велел он. – Я сейчас заезжал к Олегу, а его, дурака, нет дома. То ли загулял, то ли уже загремел. Давай пошевеливайся. И не лупай глазами, время не ждет.

Витек увидел в руках Аркадия разбухшую сумку. – Это чего? – кивнул он на нее.

– Жратвы на дорогу в Таганском купил, – проходя в комнату, объяснил Лыков, – хорошо еще, стали ночные магазины открывать. А до этого на работу мотался.

– После всех дел? – недоверчиво прищурился Жеда. – И охота тебе на работу гонять?

– Охота, – усаживаясь в кресло, буркнул Аркадий.

Хватит, поиграли, – решил он, – теперь выход на финишную прямую – либо пан, либо пропал! Вещи упакованы, лежат в сумке, там же парабеллум, патроны, деньги и продукты. Документы в кармане, квартиру запер, ключи взял, свет и газ выключил. Заехал по дороге к Витьку, на квартиру к Олегу Кислому, но того не оказалось дома.

«Ну и черт с ним, – спускаясь вниз, подумал Аркадий, – обойдемся без него. Времени в обрез, надо добывать Котеневу».

– Куда поедем? – жадно доедая и набив полный рот, невнятно спросил Витек.

– К Мишке Котсней, – усмехнулся Лыков.

– Чего? – Жеда с трудом проглотил последний кусок и ошарашенно выпучил глаза. – Соображаешь, чего буровишь? Какие поездки за тыщи верст?

– На машине. Выведешь свою лайбу – и покатаем. На чужой нельзя, засекут по дороге.

Витек сразу потерял аппетит. Он лихорадочно прикидывал, как бы половчее отказаться от поездки.

– Куда же на ночь глядя? – надеясь отговорить приятеля от бредовой затеи, промямлил Жеда.

– Зато трасса свободна. За пару-тройку дней управимся, еще поспеешь вернуться до приезда своих. Работа у тебя все равно не бей лежачего, по пути вывесишь табличку, что на базе.

И все дела! – как о давно решенном и обдуманном, ответил Лыков.

– Так я выпил! – сделал еще одну попытку Витек.

– Ночь на дворе, – нетерпеливо вздернул подбородок Аркадий. – Кому нужно проверять тебя? Потом проветришься.

– Может, самолетом? – прибирая со стола, несмело предложил Жеда. – Быстрее, а за бабки билеты перекупим в аэропорту. Ну, перекантуемся часа три, и улетим, а?

– С этой дурой? – Лыков, приоткрыв сумку, показал парабеллум. – Там же нас, как миленьких, повяжут, а у Мишки Котенева без стволов делать нечего. Надо его потрошить, понял? У него все, иначе не уехал бы. Живей, Витя, поворачивайся. За ночь сколько отмахать успеем!

Жеда бесполое закружился по комнате, хватая то одно, то другое. Выезжал он из города редко – разве что к родне в деревню, – но то совсем другое дело. Тут же едешь в неизвестность, и хорошо, если действительно уложишься в три дня, как обещает Аркашка. Но можно и не уложиться. Что брать: бритву, деньги, паспорт, старый тренировочный костюм, на всякий случай тапочки, запасную рубашку. Прихватить из холодильника пару пива?

– Сумка где? – не выдержав, Лыков начал помогать ему собираться. – Кидай навалом, потом разберем.

Заметив выставленные Витьком из холодильника бутылки с пивом, он взял одну, зубами открыл пробку и, запрокинув голову, жадно припал губами к горлышку.

– Пересохло в глотке, – отставив бутылку, пояснил он Жеде, – как от Таньки уехали, так и мотаюсь без передышки. Ключи от машины не забудь, возвращаться плохая примета.

Витек прыгал на одной ноге, не попадая в штанину. Наконец, он оделся, вышел на кухню, погремел там посудой и вернулся, держа в руках наган.

– Вообще, я его в приемном пункте прячу, – убирая в сумку оружие, сказал он, – а сегодня не заехал. «Жигуленка» куда девать? Он тут стоит, в переулочке.

– Доедем на нем до твоего гаража, – быстро сообразил Лыков, – там и бросим. Не бойсь, когда нашего миллионера выпотрошим, у тебя «мерседес» будет. Собрался? Пошли!..

– Щас, записку своим оставлю, – роясь в буфете в надежде отыскать карандаш и бумагу, откликнулся Жеда.

– Брось, сам раньше вернешься, – остановил его Аркадий.

– Тогда присядем на дорожку.

Присели. Уходить Витьку не хотелось, и он в оставшиеся минуты все еще старался придумать что-то такое, что заставило бы Лыкова отказаться от поездки. Но как назло в голове вертелись обрывки пустых мыслей о недопитом пиве, испорченном ужине и запропастившемся куда-то Олеге – хорошо, если тот действительно загулял, а вдруг повязали? Хотя когда его могли успеть повязать мильтоны? Да и на чем бы ему сгореть за короткое время, прошедшее после визита на квартиру Ставим? Втроем, конечно, поехать веселее, и Жеда предложил:

– Может, заедем еще разок к Кислому?

– Некогда, – отрубил Аркадий.

Пользовавшийся широкой популярностью в молодежной среде рестораничек, в который повадился ходить обладатель украденных на квартире Котенева облигаций, Ивану никогда не нравился: шумный, бесполовый, похожий на зал ожидания вокзала, зажатый с двух сторон стеклянными стенами, он всегда был полон. Здесь часто затевались скандалы, а то и драки – милиция давно и, надо сказать, без особых успехов пыталась навести там порядок. Участковые называли его с презрительностью «гадюшником». Случалось, там приторговывали наркотиками, предлагали на ночь «девочек» или прижимали в углу приезжего простака и обирали до нитки.

Днем там обычно сонно и тихо, подают комплексные обеды, а вечером зажигаются разноцветные фонарики над эстрадой, гремит оркестр, распаренные официантки разносят вино и мороженое, жмутся в «танце» пары, часто однополые, звенят бокалы... На улице у входа, даже в трескучие морозы не убывает очередь желающих попасть сюда. Еще бы, известное место, в центре, на широком, продуваемом всеми ветрами проспекте, условная респектабельность которого соответствовала эпохе застоя.

Купцов знал, что известный проспект имеет этажи не только над землей, но и под ней – вниз уходили лестницы, ведущие во мрак длинных коридоров, облицованных серой бетонной плиткой, разорванной воротами складов, подсобных помещений, холодильников для продуктов. В этих коридорах-тоннелях, пробитых для хозяйственных нужд, свободно могли развезти два грузовика, а вдоль бетонных стен тянулись узенькие тротуарчики, на которых не разойтись и двум пешеходам. Когда смолкал шум наверху, оживали тоннели, принимая машины с товарами, продуктами, выпуская из своего чрева тяжело груженные мусоровозы – проспект готовился к новому дню – светному, колготному.

Однажды Ивану пришлось заниматься делом, связанным с торговлей наркотиками, и он никак не мог понять, почему не удается взять с полчищем дельцов наркобизнеса, облюбовавших себе в качестве рынка один из ресторанов на проспекте? Не мог понять до тех пор, пока не изучил все закоулки над землей и под ней. Система уловок, применявшихся наркоторговцами, оказалась простой и сложной одновременно: они находили покупателя, договаривались с ним о цене и исчезали, а потом появлялись вновь, и происходил обмен по известной схеме товар – деньги. Как выяснилось, торговцы подобрали ключи к дверям черного хода нескольких ресторанов и распределили роли – одни искали покупателей, а другие сидели с «товаром» в соседнем кафе. Договорившись о сделке, кто-то из наркоторговцев незаметно спускался к лестнице черного хода, открывал ее своим ключом и, пройдя пару пролетов вниз, оказывался в бетонном коридоре-тоннеле. Шел до другой двери, ведущей наверх, в соседнее кафе, где его ждали приятели. Отперев дверь, он поднимался в зал и брал у них порцию зелья, а потом проделывал обратный путь.

Сейчас предстояло задержание в известном значном месте на проспекте, и Купцов попросил двух оперативников из местного отделения спуститься вниз, в тоннель, и занять позицию у двери черного хода – когда имеешь дело с «драконом», такая предосторожность не лишняя.

К дверягл «гадюшника» подошли вчетвером. Швейцар, узнав «начальство», приоткрыл дверь, окриками отгоняя рванувшихся в образовавшуюся щель страждущих из очереди:

– Осади! Мест нету!

Оперативники вошли в вестибюль. Около пустой вешалки курили две молоденькие девицы, другие толпились у дверей женского туалета. Нижний зал не работал – за стеклянными дверями темнота, время к полуночи – скоро закроют и верхний зал.

Ключ от выхода через нижний зал у тебя? – обернулся Иван к местному оперативнику. – Выводить лучше оттуда.

– Ключ есть.

– Хорошо. Передай по рации, чтобы машину подогнали со двора и подожди нас.

Поднялись на второй этаж, в верхний зал, – который почему-то именовался «красным». Еще у дверей уши заложило от децибелл оркестра – казалось, чем ближе час закрытия, тем громче он играет, словно подхлестывая публику...

Чуть поморщившись, – он не переносил громкой музыки, – Иван пропустил вперед Бондарева. Саша сразу направился к стойке бара, оттуда прекрасно просматривался весь зал: те, кто сидел за столиками и кто танцевал. Купцов, лавируя между сновавших с подносами официанток, начал пробираться к кухне.

Любу он заметил сразу – она стояла около декоративной стенки, скрывавшей раздаточную, и напряженно всматривалась в каждого входившего.

– Здесь? – подойдя к ней спросил Купцов. Люба замешкалась с ответом буквально на секунду, но Иван успел подумать, что они опять опоздали. Вдруг он посидел да ушел?

– Да, – выдохнула Сокина, и лицо ее пошло красными пятнами от волнения. – Только я вас очень прошу, чтобы потом мне никаких неприятностей. Знаете, как бывает? Поможешь, а тебя начнут таскать по судам.

– Таскать не будут, – успокоил Иван. – Где?

Люба показала глазами на столик около стеклянной стены. Иван медленно обернулся.

В компании с двумя девицами за столиком сидел рослый, широкоплечий парень в модной куртке бежевого цвета. Ничем не примечательное, обычное лицо, даже симпатичное, без следов «злодейства» – скорее, усталое, несколько равнодушное, с легкой улыбкой на полных губах. Но это лицо Купцов был способен узнать среди тысяч других. Лицо Котенева отлично описала его – фоторобот, лежавший в кармане Ивана, был удивительно схож с оригиналом.

Поблагодарив Любу, Иван подошел к бару. Встав рядом с Сашей спиной к залу, он объяснил ему, где сидит «дракон».

– Девицы мешаются, – шепнул Бондарев, поглядев на парня в бежевой куртке. – А он, кстати, выглядит трезвым.

– Сухое пьют, – потягивая из стакана минералку, откликнулся Купцов. – Вместе пойдем, или я один?

– Давай, как договорились, – расстегивая пиджак, ответил Саша, – я прикрою выход, тяни его ко мне и смотри за руками.

– Ладно, – поставив на стойку стакан, Иван направился к столику, за которым расположился Киотов, не зная, что тот уже обратил внимание на Сокину и беседовавшего с ней мужчину.

Опасность Олег почувствовал в тот момент, когда незнакомец, расставшись с официанткой, направился к стойке бара – почувдилось нечто знакомое в его манере держать спину, повороте головы: он его уже где-то видел, причем, не так давно. Но где? Эти широкие, чуть сутулые плечи... И словно ударило! Когда он выбирался из квартиры Ставич, этот человек стоял спиной к нему в комнате!

«Продала сука, торговая падаль!» – ожгла мысль.

Сразу все встало на свои места – наверняка официантка попалась с облигациями, ее допросили и велели позвонить, когда он придет. И она позвонила! Надо же было сделать такую глупость – снова придти в этот проклятый кабак!

Мысль работала лихорадочно... Так... На лестницу не прорваться – недалеко от выхода стоит второй милиционер, а эдакого громилу не сбить с ног и не отпихнуть в сторону. Бросаться в окно? Безумие, – стекло толстенное, его не выбить, а внизу асфальт. Да и там, видимо, засада. Стрелять!? Пистолет под курткой, но что это даст? Захватить, в качестве заложницы, одну из подсевших к его столику проституток и попытаться пробиться к выходу?

Пытаясь сообразить, как вырваться из западни, Олег медленно поднялся из-за стола, не обращая внимания на недоуменные взгляды девиц.

– Ты чего? – спросила одна, хватая его за руку.

Мужчина, которого он видел в квартире Ставич, неумоимо приближался. Его глаза, казалось, совершенно не смотрели на Кислова, но тот готов был поклясться, что незнакомец чутко сторожит каждое его движение.

Захотелось завять от очаяния. Так глупо попался! Дрожь внутри, которая не оставляла его после поездки к любовнице Котенева, сейчас охватила все его тело. Неужели конец? И тут вспомнилось, что за кухней есть лестница, ведущая вниз, а в конце ее стеклянная дверь в дюралевом переплете, за которой подвалы. А там по тоннелям снуют грузовики. Можно уцепиться за кузов и выбраться на улицу. Там – свобода!..

Толкнув развалившуюся на стуле проститутку, наступив ей на ноги и не слушая рассерженных воплей, Кислов рванул и побежал через зал к декоративной стенке, скрывавшей прилавок раздачи. Опрокидывая стулья и не слыша криков за спиной, он устремился к спасительной двери. Скорее!!!

Сбив с ног официантку, выносившую в зал уставленный бутылками тяжелый поднос, он перемахнул через стойку раздачи и бросился бежать – мимо огромных, пышущих жаром плит, кипящих котлов, мимо женщин и мужчин в белых поварских куртках, мимо разделочных столов с горками нарубленных овощей, мимо, мимо...

Оглянувшись, он увидел, что тот, из квартиры Ставич, бежит следом, а с другой стороны, пытаясь отрезать от черного хода, – с удивительной для его комплекции быстротой, – продвигается второй милиционер.

Развернувшись, Олег подпрыгнул и ударил йогой по огромному котлу, в котором шипело и булькало какое-то варево. Котел грохнулся на выложенный керамической плиткой пол. Ударил вверх струя пара, тут же превратившаяся в душное облако, расплескалась горячая жижа, и Купцов едва успел отпрянуть в сторону.

А Олег уже понесся дальше, все опрокидывая на пути, топча помидоры и мясо, осклизаясь на капусте и картофельном пюре, перепрыгивая через котлы с водой и колоды для рубки туш.

Бондарев заторопился к кухне, поняв, что Иван не успеет перехватить рванувшего к черному ходу «дракона». Публика в зале еще не поняла, что происходит, а с кухни уже доносились крики и грохот разбитой посуды.

Саша видел, как Купцов, вынырнув из молочно-белого облака пара, перепрыгнул через лужу кипятка и побежал вдоль стены, стремясь опередить «Дракона» и раньше него оказаться у лестницы, ведущей к черному ходу: если преступник затеряется в тоннелях-коридорах, сумеет обмануть или устранить со своего пути местных оперативников, то поиск значительно усложнится да и затянется – суток не хватит, чтобы обшарить лабиринты подвалов. И Саша рванул вперед.

И все же Бондарев не успел – когда он подбежал к лестнице, бежевая куртка уже мелькнула вниз и донесся дробный стук каблучков по ступеням. В один прыжок преодолев расстояние до нижней площадки, Бондарев увидел беглеца около двери из толстого матового стекла, перекрещенного полосами дюрала. Затравленно оглянувшись, тот отступил на шаг, намереваясь плечом высадить стекло.

Саша рывком бросил вперед свое сильное большое тело и ногами сбил парня на пол. Навалившись на него, Бондарев перехватил запястье, вывернул руку и надел браслет наручника. Подтянул другую руку, зашелкнул замок и рывком поставил «дракона» на ноги. Обыскал. Удивился, обнаружив под курткой пистолет ТТ, – ожидал увидеть парабеллум.

Подбежал запыхавшийся Иван. Отпер дверь черного хода:

– Выводи к машине, а я поднимусь. Там на кухне еще разобраться надо. Без меня не уезжайте...

Домой Купцов возвращался под утро. В машине укачивало, глаза слипались и клонило ко сну. В приоткрытый ветровичок врывался холодный ветер – казалось, еще недавно были такие теплые ночи, а уже засвежело, хотя дни стоят погожие – хоть загорай.

Но похоже, это прощальная теплынь лета – скоро подступят ненастные дни, набегут на город холодные ветры, заморосит дождь... Быстро промелькнет бабье лето, отпылают пурпуром калины и клены, упадет жухлый лист, набрякнут от дождей проселки, водостоины на лугах и лесных тропках. Надо бы до дождей выбрать время и побывать на могилке у деда, а то мучает безотвязно все тот же сон.

Иван устало откинул голову на высокую спинку сиденья – сегодня, он, пожалуй, сделал все, что мог. Теперь известны фамилии и адреса «драконов» – у них, как у всех обычных людей есть и то, и другое, – дежурные оперативные группы выехали на задержание. Конец банде, конец делу, и дай Бог, чтобы не было такого следующего. Как хочется подремать, но в ушах стоит истеричный, надрывный крик задержанного:

– Не убивал! Не убивал я!..

Как он кричал! И крик долго не затихал в глубине по ночному пустынным коридорам Петровки...

Глава 6

Хорошо поставленный, чуть осипший от напряжения голос, солидно вещал через мегафон:

– Дорогие гости столицы! Вас приглашают на экскурсию по достопримечательным местам нашего прекрасного города. Автобус подвезет вас к Ваганьковскому кладбищу, где вы сможете посетить могилы Высоцкого и Сергея Есенина, а потом мы отправимся на Новодевичье кладбище, где вам покажут могилы Хрущева и других известных деятелей. Автобус отходит через полчаса.

Проходя мимо красного «Икаруса», Иван поглядел на мужчину с мегафоном – к его изумлению, им оказался негр, одетый в потрепанные джинсы и отечественную курточку.

– После экскурсии обедаем в нашем кооперативном кафе, – подмигнув Ивану, сообщил негр.

«Ба, да он еще и кооператор, – усмехнулся Купцов. – На чем только не делают бизнес».

В зале аэропорта, как всегда, многолюдно – пассажиры получали багаж, толпились у окошечка справочной и у стоек регистрации. Иван остановился, высматривая Бондарева. Мимо, впереди живописной группы клерков, важно шествовал полный мужчина в дорогом костюме. За ним несли коробки с «Шарпами» и «Тошибами». Его потное узкоглазое лицо недовольно морщилось.

– Не могли машину подать к трапу, – выговаривал он сопровождающим – все-таки начальник прилетел.

– Да-да, неприятная заминка получилась, – угодливо соглашался семенивший рядом с ним человек. – Как поездочка, Джума Юиусович?

– Нормально... – важно ответил толстяк и вышел в предупредительно открытые перед ним двери.

Заметив Сашу, возвышавшегося над толпой, Иван заторопился к нему. Зарегистрировались и вышли на поле через служебный коридор. Смеркалось, зажгли прожектора, осветившие бетон взлетных полос и самолеты, готовые подняться в небо. От света голубоватых прожекторных лучей сумерки загустели, особенно там, где летное поле обрамлял редкий лесок...

Их места оказались в хвосте. Пристегнулись, стюардесса закрыла люк, прошла по салону, сообщила, кто пилотирует самолет и сколько времени займет полет. Потом машина начала выруливать на полосу, разгоняться, двигатели заревели, и Купцов почувствовал, что оторвались от земли.

– Нас встретят? – вспомнив толстяка и сопровождавших его клерков, спросил он у Бондарева.

– Обещали, – устраиваясь поудобнее, буркнул тот. – Надеюсь, мы раньше Лыкова и Жедея прибудем.

– Надеяться мало. Надо успевать, – заключил Иван.

Задержание Олега Кислова позволило многое выяснить – стала понятна роль погибшего Анашкина, известны состав и число преступников, входивших в группу. Но оперативные работники, выехавшие по адресам Жедея и Лыкова, вернулись ни с чем – Витек и Аркадий исчезли. На следующий день соседка Жедея по лестничной площадке рассказала, что, вынося мусор, видела, как поздно вечером приходил молодой человек. Позвонил у дверей квартиры Жедея и вошел. Судя по ее описанию, это мог быть только Лыков. Все та же соседка, оказавшаяся кладезем информации, сообщила, что, возвращаясь с пустым ведром к подъезду, она видела, как Жедей и незнакомец садились в светлые «Жигули». Номер, конечно, не запомнила – ей это ни к чему, – а вот, что они были с сумками, заметила.

– Интересно, – помолчав, Иван снова обратился к Бондареву, погрузившемуся в чтение толстой книги, – почему Котенев поехал именно туда, а не в другое место?

– Узнаем, – прикрыв книгу, зевнул Саша. – Ставич не говорила?

– Она, похоже, ничего не знает о его делах. Рассказывала, что он обещал уйти от жены, да все никак не решался, а потом вдруг приехал с чемоданом и портфелем. С ними же и убыл на отдых.

– Как у нее состояние, ничего?

– Врачи сказали, опасности нет. Не исчез бы только наш любезный Михаил Павлович.

– За ним местные товарищи приглядывают. От «драконов» всего можно ожидать, не зря же они отправились на машине. Видимо, не могли на самолете. Боялись контроля.

Иван не ответил – прикрыв глаза, он думал о том, что разговор с Котеневым теперь будет другой, – интересно, какотреагирует Михаил Павлович на показания Хомчи-ка? Но больше беспокоили Лыков и Жедей... Он уже видел их фотографии. Лысоватый, одевавшийся в милицескую форму и есть Виктор Жедей, а главарь, выдававший себя за следователя, – Аркадий Лыков. Ориентировка об их задержании дана, но задержат ли их на пути к убежищу Котенева?..

Дом, куда привез его хитроумный грек, Котеневу понравился – двухэтажный, просторный, с двумя верандами, большим холлом и глубоким подвалом, полным припасов. Вокруг тенистый сад с прохладным чистым ручьем. И комнаты удобные – с окнами во всю стену, отделанными деревом потолками и резными дверями. На полу красивые ковры, удобная мебель, приличная библиотека, не говоря уже о магнитофонах, телевизорах японского производства и видео. Наслаждайся: отдыхай, вкушай яства, приготовленные приходившей помогать по хозяйству старухой, похожей на старую ведьму.

Старухину стряпню он попробовал с опаской и недоверием, но ведьма оказалась великолепной кухаркой – так вкусно Котенев давно не ел. Какая у нее получалась рыба – одобренная специями, ароматная, нежная, тающая во рту; а какое было мясо – что жареное, что тушеное с

овощами. Каждый день новые блюда, прекрасные напитки, полные фруктов хрустальные вазы стояли на столах. Через неделю Михаил Павлович заметил, что брюки стали сходиться на поясе с трудом, и начал бегать по утрам. Впрочем, была и другая причина для пробежек.

В первые же дни он понял, что «гостеприимный» дом – не что иное, как роскошная тюрьма, – Лука не отходил от него ни на шаг. Когда же Котенев решил прогуляться, мягко, но очень настойчиво посоветовал не делать этого, особенно в одиночестве. Прогулки следовало совершать только в компании Александриды и по избранному им маршрутам. О том, чтобы дать Татьяне телеграмму или позвонить, – нечего и думать. Телефон в доме был, но стоял в комнате грека, которую тот запирает на ключ, а по приезде Лука сразу же предупредил: никаких звонков, писем, телеграмм, никто не должен знать, где проводит отпуск Котенев.

– Так надо, – многозначительно сказал он.

Пришлось, скрепя сердце, согласиться. Заветный кейс Михаил Павлович засунул в шкаф, а пистолет носил при себе, на ночь пряча оружие под матрас. Рубашки и костюмы он развесил на плечиках, а из портмоне выгреб мелочь, завязал ее в узелок из носового платка и спрятал тяжелую «колбаску» в плавки.

Утром он выбежал в трусах на участок и пригласил уже поднявшегося Луку пробежаться. Лука вставал на удивление рано, хотя почти ночи напролет читал или смотрел видео, болтал с кем-то по телефону то на русском, то на каком-то непонятном гортанном языке. А утром выйдешь в холл – он уже там, свеженький, чисто выбритый, приветливо улыбающийся, пахнувший дорогим одеколоном. Иногда у Михаила Павловича появлялась мысль о двойниках – один Лука спит, а другой в это время бодрствует. Но двойника не было.

– Бегать? – критически осматривая экипировку Котенева, усмехнулся грек. – Нет, увольте. А вы, если хотите, пожалуйста. Только не далеко и не долго. За участком есть приличная дорога, можете порезвиться там.

Михаил Павлович кивнул и выскочил за калитку. Он был в трусах и кроссовках – даже без майки, – а на голове легкая велосипедная кепочка. Лука проводил его взглядом и остался ждать возвращения «гостя» на веранде. Котенев был более чем уверен, что Александрида засек время, чтобы определить, сколько продолжалась пробежка. В том, что он поднадзорный, Михаил Павлович уже не сомневался.

«Ну и пусть, – припуская по дороге, подумал он. – Пока наши планы совпадают, я готов подчиняться. Мне надо пересидеть в тиши смутное время, а потом посмотрим. Если я захочу уйти, то не велика преграда этот Лука, отодвинем».

Побежав, он свернул в проулок между домами и, выбравшись на проезжую дорогу, остановил местного смуглого парня. Узнав, где находится почта и можно ли оттуда позвонить в Москву, Михаил Павлович побегал еще с полчаса и, вернувшись, сразу отправился в душ. Наслаждаясь под струями теплой воды, он усмехался. Да, понервничал Лука, вышагивая из угла в угол веранды. Беспокоится... А может, боится упустить «гостя»? Ничего, пусть нервничает, ему полезно...

День прошел, как обычно, а на следующее утро Котенев снова выскочил за калитку в трусах, уже не спрашивая разрешения грека. Припустив по дороге до знакомого переулочка, он быстренько отыскал почту и позвонил Татьяне. Успел сказать свой адрес, что любит и соскучился, посоветовал взять отпуск и пока поехать к родителям, обещал позвонить еще. Как выяснилось, звонок он сделал вовремя. Когда вернулся, во дворе стояла машина, а потные парни выгружали какие-то железки, обернутые в промасленную бумагу. Покосившись на них, Михаил Павлович поспешил в душ. Потом завтракали, а после кофе и фруктов Лука повел его в сад и показал полностью оборудованную спортивную площадку.

– Я исправил упущение, – взяв под руку Котенева, ворковал грек. – Спортивные занятия полезны, но все же вам не следует маячить в городке и мозолить чужим глаза, тем более в трусах. Здесь это не принято. Можете пользоваться тренажерами, а пробежки придется прекратить.

Михаилу Павловичу захотелось дать греку в ухо, но он сдержался:

– Я вам так благодарен. Конечно, вы, как всегда, правы.

«А позвонить я успел, – ехидно подумал он, возвращаясь в дом. – И ты голубчик, не уследил. Нет, не уследил».

На душе стало весело. Не так уж все плохо и страшно, стоит, наверное, сделать вид, что все принимаешь и со всем согласен, отдохнуть, набраться сил, а потом уйти, когда придет время. А оно придет! Захотелось запеть, как в детстве: я от дедушки ушел, я от бабушки ушел...

– Чего это вы развеселились? – подозрительно покосился на него Александрида. – Радуетесь? Чему?

– Прекрасные тренажеры, – улыбнулся Михаил Павлович. Ну, а рыбалку устроите? Знаете, с ночевкой, костром, душистой ухой. Отдыхать, так отдыхать. Или, даже лучше, охоту. Здесь есть на кого охотиться?

– Есть, – буркнул грек, – на кого охотиться везде есть. Я подумаю, посоветуюсь.

«С кем?» – чуть не вырвалось у Котенева, но он вовремя сообразил, что лучше промолчать.

– И еще хорошо бы купаться.

– Не устраивает душ? – недовольно проскрипел Лука.

– Хочется живой воды, – устраиваясь в кресле, ответил Михаил Павлович.

– За дорогой, сзади дома, есть озеро, – включая телевизор сообщил Александрида. – Думаю, можно купаться. Вы когда хотите, утром или вечером?

– Лучше утром.

Посмотрели американскую музыкальную комедию о похождениях двух братьев-джазменов, старавшихся заработать деньги для воспитавшего их приюта. Потом обедали на другой веранде, где закутанная в черное ведьма накрыла стол. Отобедав, немного соснули в своих комнатах; поднялись, попили чаю, поиграли в нарды, до которых Александрида был большой охотник, – играя, он «заводился», пыхтел, лицо у него краснело, и каждый проигрыш огорчал так, словно он отдавал выигравшему последнее.

Гулять пошли вместе – жара немного спала, воздух, казалось, напоен ароматами, и грек сам отвел Котенева к озеру.

Вернулись к ужину. Поели, покурили, поболтали о пустяках, посмотрели телевизор и разошлись по комнатам. Михаил Павлович разделся и, задернув противомоскитный полог, зажег бра над изголовьем – решил почитать перед сном. Но отложив книгу, подумал: странно, что в таком доме не держат сторожевой собаки. Не похоже, чтобы здесь постоянно жили, хотя все содержится в образцовом порядке. Может быть, когда нет гостей, здесь постоянно живет сторож и у него есть собака? Тогда где он сейчас? Ведь его «друзья» не могут не охранять этот райский уголок. Он решил, что охрана все же есть, только не видная глазу.

За стеной, в комнате Александриды, тихо зазвонил телефон. Послышался приглушенный голос грека.

«Опять докладывает, – лениво поворачиваясь на другой бок, подумал Михаил Павлович, – дисциплинированный».

Вскоре глухо прозвучали по коврам шаги Луки. Он без стука вошел в комнату Котенева, присел на край постели. Лицо у грека было озабоченным.

– Что читаете? – оттягивая начало неприятного разговора, он близоруко сощурился, разглядывая обложку книги. – История инквизиции? Охота забивать на ночь глядя себе голову? В наше время своих проблем хватает.

– Ладно, не крутите, – приподнялся на локте Котенев. – Выкладывайте, что там еще приключилось?

– Так, – отвернулся грек. – Завтра мы должны уехать.

– Куда? – Михаил Павлович сел, опустив босые ноги на пол.

– Недалеко, – уклончиво ответил Александрида. – Однако, надо заранее собраться, приготовить вещи и машину.

– Вещи готовлю я, а машину вы? – Котенев вспомнил, что когда они прилетели, их никто не встречал, но у здания аэропорта стояли «Жигули»: новенькие, с полным баком и документами в перчаточном отделении. Открыв багажник, грек вытащил из него ключи и, погрузив вещи, по-хозяйски уселся за руль. Привез гостя в этот дом, а машину поставил в гараж.

– Вы готовите и собираете свои вещи, – поднялся Александриди. – Завтракаем и выезжаем.

– Что случилось, вы можете мне, наконец, сказать? – Не давая ему уйти, Котенев ухватил грека за руку.

– Сами подвели себя, – высвободившись, ответил тот. – Звонили в Москву? Я же просил этого не делать! После вашего отъезда мы сняли охрану, и преступникам удалось узнать у Ставич адрес, где мы находимся. Они могут появиться здесь, а следом за ними и милиция, серьезно взявшая их в оборот. Вы же не хотите встретиться с московским уголовным розыском или БХСС?

– Нет, – помотал головой ошарашенный Михаил Павлович. Ну и система оповещения у Курова!

– И я не хочу, – снова встал Лука. – Поэтому перебазировемся и продолжим наш отдых, но... без фокусов! Ваша безопасность зависит от нас. Понятно?

– Вполне, – заваливаясь на кровать, мрачно ответил Михаил Павлович. – Можете не сомневаться...

Заросший щетиной Витек устало крутил баранку, напряженно вглядываясь через лобовое стекло – где тут особняк, в котором обосновался Котенев? Пора бы уже ему показаться, но вдоль шоссе тянутся сады, глухие заборы, журчат арыки с несвежей водой, поднимается над дорогой и тянется за машиной тонкая, как пудра, красноватая пыль, оседающая на листьях придорожных кустов. Солнце светит высоко, хотя еще рано и припекает просто спасу нет, а внутри салона – как в парилке.

Сзади, разморенный жарой, полудремал Аркадий, откинув голову на спинку сиденья – сменяя друг друга, они гнали машину почти без остановок. И вот цель, кажется, близка.

– Вон, гляди, – едва шевеля пересохшими губами, просипел Витек.

Лыков встрепенулся, потер кулаками слезившиеся глаза и поглядел вперед. Там, утопая в зелени, стоял двухэтажный дом с застекленными верандами.

– Точно? – растирая щеки ладонями, чтобы окончательно прогнать сон, с сомнением переспросил Аркадий.

– Улица, номер дома, все сходится, – ответил Жеда.

– Не останавливайся! – зашипел Лыков. – Езжай вперед.

Витек послушно прибавил скорость и, чуть повернув голову, с недоумением спросил:

– Передумал, что ли? Зачем тогда в такую даль тащились?

– У нас номера московские, – почти прилипнув к стеклу и внимательно рассматривая дом, где скрывается Михаил Павлович, объяснил Лыков. – Увидеть могут, а нужна внезапность. Он ведь полагает, что никто до него здесь не доберется. Давай вдоль улицы, до первого поворота – и сворачиваем. Поглядим, может, удастся подобраться с задворок? Только бы собаки не было.

– Вроде, будки не видно.

– Черт их знает, это тебе не подмосковная деревня, – продолжая рассматривать дом уже через заднее стекло, откликнулся Аркадий, – у них все по другому. И вдруг он там не один?

Пропылив по длинной улице, свернули, и машина, рискуя завалиться в канаву, подпрыгивая на колдобинах и комьях засохшей глины, покатила по узкому проулку. На перекрестке с грунтовой дорогой – узкой, покрытой толстым слоем пыли, – Жеда притормозил и, обернувшись, предложил:

– Хочу дальше вперед проехать. Там, похоже, есть спуск к кустам. Оставим машину – и пешком.

– Валяй, – согласился Лыков.

Через пять минут остановились среди зарослей. Жеда вышел из машины и достал из багажника сумки, подав их Аркадию. Тот вынул из сумок оружие.

– Пойдем снизу, – пряча парабеллум под курткой и засовывая запасную обойму в карман, распорядился он. – Поднимемся по тропинке и перемахнем через забор. Если собака, ты в нее стреляй, а я сразу в дом. Все, пошли.

– Перекусить бы не мешало, – запирая дверцы машины, напомнил Витек. – Десять минут или полчаса дела не решат.

– Потом перекусим, – обрвал его дрожащий от нервного возбуждения Лыков. – Перекусим по дороге, когда уберемся отсюда. Тогда, после дела, и пищеварение лучше. Пошли, не тянись!

Вздыхнув, Жеда поплелся следом за Аркадием к тропке, ведущей к домам. Шли молча, стараясь держаться в тени. Сверху, казалось, падали не солнечные лучи, а раскаленный металл, от тяжести которого трескалась серо-красноватая земля. Не дойдя несколько шагов до дороги, Лыков остановился.

– Видишь? – прошептал он, как будто кто-то их мог услышать.

– Чего? – не понял Жеда.

– Да не туда смотришь, – повернул его голову Аркадий. – Тачка у забора стоит. До других домов далеко, если стрелять в собаку, не услышат.

Гляди, мужик около машины вертится.

– Это не Котенев, – определил Витек.

– В общем, так, – приказал Лыков, – идем к дому и перелезаем через забор. Я беру на себя этого мужика, а ты собаку. Потом сразу в дом.

Подтолкнув Жеда вперед, он следом за ним, чуть пригнувшись, чтобы не заметили раньше времени, перебежал через дорогу и, отдышавшись в кустах около забора, перемахнул через него. Рядом тяжело спрыгнул Витек и настороженно прислушался: не раздастся ли злобный собачий лай?

– Похоже, нет собачки? – растянув в улыбке рот, Жеда облегченно смахнул пот со лба.

– Заходи справа, – выхватив оружие, велел Лыков, – пока я не появлюсь у него за спиной, не высовывайся. Давай!

Витек, стараясь не шуметь, полез через кусты. Аркадий крадучись пробирался ближе к машине. В доме не раздавалось никаких шумов, и это его успокаивало. Возившийся у «Жигулей» мужчина тоже не проявлял беспокойства – повернувшись спиной к Лыкову, он ставил в открытый багажник тяжелую сумку. Незнакомец – седоватый, одетый в светлые брюки и рубашку, с коротким рукавом, – поднял руку, намереваясь захлопнуть крышку багажника, и в этот момент Аркадий, одним прыжком преодолев разделявшее их расстояние, приставил к его спине ствол парабеллума:

– Не двигайся!

Незнакомец застыл. Пальцы руки, лежавшей на крышке багажника, чуть заметно вздрогнули.

– Что вам нужно? – глухо спросил он.

– Кто в доме? – спросил Аркадий. Он ждал появления Жеда. Где этот лысый придурок, заблудился что ли?

– Никого. Я могу опустить руки?

– Стой так! – На всякий случай Лыков провел свободной рукой по одежде незнакомца – оружия у того не оказалось.

– Где Котенев?

– Его нет, – ответил незнакомец, и в это время перед капотом машины наконец-то появился Витек с наганом в руке.

– Лихо! – присвистнул незнакомец и попробовал обернуться.

Аркадий рубанул его рукояткой пистолета по шее и, подхватив обмякшее тело, прикрикнул на Жедю:

– Веревку давай!

Тот суетливо вытянул из брюк ремень и протянул его Лыкову. Связав незнакомцу руки, они запихали его в салон «Жигулей», захлопнули дверцы.

– В дом! – Лыков бросился к особняку. Сзади, тяжело топая по плитам дорожки, бежал Витек.

Ударом ноги распахнув дверь, Аркадий ворвался на веранду – никого. Лыков метнулся в комнату – открытые дверцы шкафов, неубранная постель, чемодан у кресла. Он побежал в другую комнату – там тоже никого, но стоит еще одна кровать. Значит, их всего двое – незнакомец, возившийся около машины, и Котенев? Но где драгоценный Михаил Павлович?

Жедей уже успел сбегать на второй этаж и подергать запертую дверь подвала. Вернувшись на веранду, он зло сплюнул и рухнул в кресло, жалобно скрипнувшее под его тяжестью.

– Провалился, зараза! – имея в виду Котенева, сказал Витек в ответ на вопросительный взгляд Аркадия и налил себе воды из сифона. Жадно выпил и, широко размахнувшись, грохнул хрустальный стакан об стенку.

Лыков нервно дернул плечом и, широко расставив ноги, уставился в окно – ухоженный сад, бегущий по камушкам ручеек, гнущиеся под тяжестью плодов ветви, уютный гамак в тенечке, кажущаяся неправдоподобно яркой в этом зное трава на лужайке, чисто подметенные дорожки, выложенные каменными плитками. Но где же Котенев?!

В комнатах две смятые, неубранные постели, незнакомец явно готовил машину к поездке, укладывая в багажник сумки, на полу одной из комнат стоит закрытый чемодан... Куда же скрылся Котенев, черт бы его побрал? Неужели все зря – риск, нападение на квартиры, перестрелка с милицией, убийство Анашкина, пытки Ставич, гонка за Котеневым сюда?..

Проведя рукой по небритой щеке, Аркадий поймал себя на мысли, что он может не выдержать новой гонки за сокровищами, как по чьей-то дьявольской воле постоянно ускользающими от него вместе с Котеневым. Силы уже на пределе. Но надо собраться, подавить в себе нервную дрожь, спокойно проанализировать ситуацию: подумаем, где теперь искать Котенева.

И тут Аркадий понял, что не в силах заставить себя успокоиться, не в силах избавиться от дрожи, от непроходящей тошноты – хочется с разбегу удариться об стену головой и завывть от отчаяния! Котенев опять ушел!

Сзади раздался грохот. Лыков обернулся – Жедей выпил еще один стакан воды и запустил им в стену.

– Перестань, – брезгливо поморщился Аркадий.

– Пожгу все тут, – плюнув на роскошный ковер, мрачно пообещал Витек. – Оболью бензином и подожгу.

«Правда, подожжет», – отстранению подумал Лыков, отворачиваясь к окну и бездумно скользя взглядом по пышной зелени.

И тут сердце его радостно дрогнуло и забилося быстрее – на дорожке, ведущей к дому, показалась знакомая фигура с полотенцем через плечо. Неужели?

– К двери!.. – свистящим шепотом приказал он Жедю. – Скорее! Он идет сюда!..

– Там что-то происходит, – опустив бинокль, смуглый парень обернулся к напарнику, сидевшему в глубине комнаты.

Напарник поднялся, подошел к окну, и, взяв бинокль, поглядел на особняк, стоявший на другой стороне улицы. Наблюдать мешала пыльная зелень и другие дома, но сильная оптика приблизила веранду и мелькавшие за опущенными занавесками тени.

– Двое, – не опуская бинокля, отмстил напарник.

– Да, но Котенев ушел купаться, – возразил первый наблюдатель, и еще не возвращался. Откуда появился второй?

Напарник опустил бинокль и потер кончиками пальцев усталые веки – солнце било в глаза, вызывая слезы. Действительно, откуда на веранде появился еще один человек?

– Может, старуха? – помолчав, предположил он.

– Она сегодня еще не приходила. Я с дома глаз не спускал, – заверил первый наблюдатель.

Напарник отдал ему бинокль и, отойдя от окна, взял лежавшую на столе рацию. Нажав на клавишу переговорного устройства, поднес микрофон ближе к губам:

– Гора! Гора! Я – Долина! Гора, ответьте!

Но рация молчала.

– Батареи сели? – предположил первый наблюдатель.

– Возможно, – нервно щелкая тумблером переключателя, откликнулся напарник. – Техника называется... Старье, списывать пора, а новой нет. Гора! Гора!

– Мы только теряем время, – подошел к нему первый наблюдатель. – Рация молчит, телефона здесь нет. Придется сбегать позвонить. Иди, я продолжу наблюдение. Скажешь, что вдруг появились новые люди, а хозяин утром вывел из гаража машину. Пусть примут меры.

– Хоп! – откладывая рацию, согласился напарник и вышел.

Первый наблюдатель вернулся к окну и, взяв бинокль, вглядывался в неясно мелькающие на веранде тени...

Утром Александриды зашел в комнату к Михаилу Павловичу:

– Пора, – без стеснения позевывая и прикрывая рот ладонью, сообщил грек, – поднимайтесь, перекусим и поедем.

Котенев бросил взгляд на часы, висевшие на стене, – пять утра, хочется поспать. Но за окнами уже вовсю светило яркое солнце, обещаая знойный день.

– Поднимайтесь, поднимайтесь... – Лука снова зевнул.

Михаил Павлович встал, накинул легкий халат, вышел на веранду. На столике был приготовлен завтрак: сок и бутерброды.

Вяло пожевав бутерброд с колченой колбасой и запив его соком, Котенев поглядел за окно – Лука вывел из гаража автомобиль и заботливо протирал стекла мягкой ветошью. Куда же они сегодня отправятся?

Вернувшись в комнату, Михаил Павлович устало присел на край кровати. Голова болела, руки и ноги как ватные, а надо куда-то ехать, собирать вещи, отвечать на вопросы Луки. Послать бы его к чертям и снова завалиться спать, но ведь не даст покоя, он вообще назойлив. Придется пока уступить, не стоит связываться. Тем более есть и его вина в том, что приходится уезжать из этого прелестного уголка.

Сунув руку под матрас, Котенев вытащил кобур с браунингом – по его просьбе один знакомый сделал ее, взял за образец картинку в зарубежном полицейском журнале. Кобура пристегивалась к ноге, и оружие можно было легко достать, если чуть поднять брючину. Вздохнув – как ему все надоело, – Михаил Павлович пристегнул к левой ноге кобур и надел легкие спортивные брюки. Проверив, в порядке ли оружие, вложил его в кобур и попрыгал, проверяя, хорошо ли держится. Взял полотенце и спустился в сад.

Куда это вы? – оторвался от своего занятия Лука.

– Сбегаю на озеро, – подавляя вновь возникшее раздражение, как можно безразличнее ответил Михаил Павлович. – Не проснусь никак. Ополоснусь холодной водичкой – и сразу обратно.

– Не задерживайтесь, – буркнул грек, скрываясь в гараже.

Выйдя за калитку, Котенев задумался – сбежать на почту и позвонить Татьяне? А что он ей скажет? Сообщит, что переезжает по не известному пока адресу, что жив, здоров и скучает? Стоит ли? Может быть, лучше позвонить потом, с нового места?

Побродив немного вокруг озера, берега которого в этот ранний час были пустынные, он решил вернуться – не стоит злить Луку и заставлять его лишний раз волноваться. Еще вместе жить, и он здесь единственный знакомый человек, не говоря уже о том, что только через него осуществляется связь с Куровым.

Возвращался Котенев в мерзком настроении. Купаться не стал – не захотелось отстегивать кобуру. Еще только подойдя к калитке, он стал глазами искать Александриды. Наверное, уже все собрал, уложил, приготовил машину и сидит на веранде в кресле, сердито барабанив пальцами по подлокотникам в нетерпеливом ожидании. Он огляделся: ворота гаража закрыты, машина стоит чисто вытертая, и рядом с ней грека нет.

Поднимаясь по ступенькам веранды, Михаил Павлович представил себе недовольное лицо Александриды и приготовился извиниться. Шагнув за порог он, с улыбкой, начал:

– Извините, кажется немного задержался... – И тут ему в бок ткнулось что-то твердое.

– Ничего, главное, что ты пришел! – услышал Котенев.

Рядом, уперев ему в бок ствол нагана, стоял лысоватый бандит, растянув в довольной ухмылке щербатый рот, а в кресле, вместо Александриды, сидел другой бандит, командовавший в тот памятный вечер обыском в квартире Михаила Павловича.

– Не двигайся! – заметив, как дернулся от неожиданности Котенев, приказал Лыков. – Если будешь благоразумен, с тобой ничего не случится.

– Пошел! – Лысоватый бандит подтолкнул оторопевшего Михаил Павловича стволом нагана. – Не стой в дверях.

«Где Лука?» – терялся в догадках Котенев. Чувствуя, как деревенеют от страха ноги, он сделал несколько шагов и остановился. Лысый встал сбоку, не отпуская оружия. Обретя способность четко соображать и немного справившись с испугом, Михаил Павлович заметил, что в руках сидевшего в кресле бандита угрожающе поблескивает парабеллум.

– Что вам надо? – свой голос Котенев услышал как бы со стороны и мысленно приказал себе встряхнуться, не паниковать. Александриды где-то рядом, он выручит.

– То, что мы искали у тебя дома, – ответил на его вопрос сидевший в кресле и бросил лысому: – Обыщи!

Жесть ошупал замершего Михаила Павловича. Обыскивать он явно не умел и не додумался проверить ноги ниже колен. Обрадовавшись этому, Котенев решил, что не все потеряно, и украдкой перевел дух.

– Пустой! – Витек отступил на шаг назад.

– Твой приятель не поможет, – усмехнулся Аркадий, наслаждаясь произведенным впечатлением. Теперь Котенев полностью в его власти. Он не сомневался, что из двух компонентов в известной формуле «жизнь или кошелек» Михаил Павлович выберет первое. Не дурак же он в самом деле? Должен понять, что выбора у него нет, вернее, есть, но сделан не им.

– Что вы с ним сделали? – тиская в руках полотенце, спросил Котенев.

– Не бойся, живой твой придурок, – засмеялся Жесть. – Мы не кровожадные, если с нами по-людски.

– Кончай болтать, – оборвал его Лыков. – Нам нужны деньги и ценности. Отдашь – и можешь катиться на все четыре стороны. Советую быть благоразумным и не заставлять нас вытягивать из тебя добро силой. Жадность фраера сгубила...

– Слыхал, – чуть усмехнулся Котенев.

На Луку рассчитывать не приходится. Видимо, его так же застали врасплох, и что с ними теперь будет? Можно ли верить бандитам, что Александриды жив? В любом случае, стоит рассчитывать только на себя, на собственную изворотливость, хитрость и припрятанный браунинг. Пусть это не наган и не парабеллум, но для самообороны в пределах комнаты вполне достаточно. Тем более, бандиты не подозревают, что он вооружен.

– Где хозяин дома? – решив потянуть время, спросил он.

– Отдыхает в машине, – Аркадий поднялся и подошел ближе к Михаилу Павловичу. – У нас мало времени. Если здравый смысл тебе изменяет, то сейчас найдем утюг или кипятильник. Для такого дела подойдет и паяльник.

Поглядев ему в глаза, Котенев понял, что это отнюдь не пустые угрозы. Уронив полотенце, он нагнулся за ним, проверяя, как на это отреагируют бандиты. Выпрямившись, увидел, что оба ствола направлены на него. Нет, так ничего не выйдет, надо что-то придумать, чтобы хоть один из них выпустил из рук оружие – тогда появиться реальный шанс на спасение. Но что придумать?

– Вы должны понимать, я не таскаю всего с собой, – пробормотал он, лихорадочно подстегивая мысль, – должен, должен быть выход... Думай, думай...

– Понимаем, – с нехорошей улыбкой заверил Лыков. – Живей телись, я же сказал: нам некогда.

– Хорошо, вы получите все, что хотите, – решившись, согласился Котенев.

– Сколько? – слизывая языком капли пота, спроси Жесть.

– Точно не считал, но внукам останется, – скосил на него глаза Михаил Павлович. – Камни, валюта, золото, советские деньги. Все в подвале.

– Тут? – топнув ногой по коврику, переспросил Аркадий.

– Да, в подвале этого дома, в железном ящике.

– Веди, – оживился Витек, – да не вздумай шутить!

– Какие же тут шутки? – криво усмехнулся Котенев. – Я могу пойти первым?

– Первым пойдет он, – Лыков показал стволом парабеллума на Жесть, – а ты будешь идти следом и показывать, куда спрятал.

Михаил Павлович согласно кивнул. Знаком показав, что надо пройти в угол веранды, он подождал, пока туда направится Жесть, и пошел следом за ним. Отстав на пару шагов, как конвоир, за его спиной вышагивал Лыков, не выпуская из рук парабеллум.

Узкая лесенка привела их к закрытой двери кладовой. Жесть подергал ее ручку и недоуменно оглянулся:

– Заперто?!

– Где ключ? – ткнул стволом в спину пленника Лыков.

– Посмотрите справа, у косяка, – сказал Котенев и попросил: – Вы могли бы не тыкать в спину своим пистолетом? Я боюсь случайного выстрела, а без меня вам ничего не найти.

– Ладно, ладно, – согласился Аркадий. Пусть этот поганый миллионер только все отдаст, а там... Хорошо, что он ведет в подвал. Не придется потом возиться с трупом.

Жесть отыскал ключ и отпер дверь. Распахнув ее настежь и оставив ключ в замочной скважине снаружи, что не укрылось от внимательно наблюдавшего за ним Михаила Павловича, он первым вошел в подвал.

Прохладный полумрак разрывали лучи света, падавшие из низких окошек-отдушин, пробитых в фундаменте дома. Остановившись посреди подвала, Витек ковырнул носком ботинка плотно утрамбованный земляной пол:

– Здесь, что ли?

– В стороне, – пояснил Михаил Павлович. – Надо отодвинуть кадку и рыть.

– Чем? – подозрительно уставился на него Аркадий.

– Лопатой, – издевательские улыбнувшись, ответил Котенев.

– Рой!

– Я отказываюсь, – скрестил руки на груди Михаил Павлович, следя за реакцией бандитов и опасаясь «пережать». – Инструмент в гараже. Кадка и стальной ящик с ценностями, зарытый под ней, перед вами.

– Ты мне в зубах принесешь! – угрожающе придвинулся к нему Жеда, но Аркадий знаком остановил его.

– Погоди, – охладил он пыл Витька, – успеется. Вдруг обманул, а? Смотри, – повернулся Лыков к Котеневу, – потом не обрадуешься! Пригляди за ним, Витя, а я сбегаю за лопатой.

Дождавшись, пока Аркадий выйдет из подвала, Михаил Павлович подошел к кадке и попытался сдвинуть ее.

– Чего стоишь, помоги, – прикрикнул он на Жеда. – Придержи сверху.

ПокOLEбавшись, Витек подошел. Упершись руками в край кадки, кивнул:

– Давай.

Наклонившись, словно для того, чтобы ухватиться ближе к дну, Михаил Павлович быстро вытащил из прикрепленной к ноге кабуры браунинг, и, резко распрямившись, выстрелил Жедю в голову. Тот рухнул на кадку, пятная ее кровью.

Небрежно отпихнув тело, Котенев подобрал выпавший из руки убитого наган и забросил его в угол подвала. Прислушавшись, прокрался к двери и вытащил из нее ключ, встав сбоку от косяка.

Вскоре на лестнице раздались шаги Аркадия, звякнула задевшая об ступеньку лопата. Торопясь, Лыков быстро сбежал вниз и похолодел – из-за кадки виднелись ноги Жеды, а сбоку, направив на него пистолет, стоял Котенев.

– Брось парабеллум, – приказал он. – И подальше кинь.

Медленно, опасаясь получить пулю и лечь рядом с Витьком, Аркадий разжал пальцы. Парабеллум глухо стукнул об пол.

– Непослушный, – отметил Михаил Павлович, – ногой отбрось!

Лыков повиновался и отшвырнул ногой пистолет.

– Теперь рой! – приказал Котенев.

– Зачем? – прыгающими губами едва смог вымолвить Аркадий.

– Дружка зароешь. А потом получишь пулю в затылок и ляжешь с ним. Рой! Я тоже тороплюсь! Ну!

– Я же тебе жизнь обещал! – побледневший Аркадий заискивающе поглядел в глаза Михаилу Павловичу.

– Хорошо, – неожиданно согласился тот, – я зарю тебя живым. Согласен?

Закаменев лицом, Лыков воткнул штык лопаты в земляной пол. Или дрожали руки, или ослаб от нервного перенапряжения, но только и смог, что сковырнуть небольшой пласт слежавшейся земли.

– Потарапливайся! – прикрикнул Котенев.

Перехватив поудобнее лопату, Аркадий резко взмахнул ею, метя штыком в бок Михаила Павловича. Тот отпрыгнул и ловко выбил лопату из рук Аркадия. Не удержав равновесия, упал. Не давая противнику опомниться, Лыков прыгнул на него, навалился, пытаясь отобрать оружие.

Тяжело сопя, кусая друг друга, упираясь лбами и пихаясь коленями, они покатались по полу, обдирая спины о стойки с бутылками, кадки, разбивая банки с маринадами. Аркадию удалось добраться зубами до плеча Котенева, и он зацепился в него...

– О-у! – дико взвыл Михаил Павлович. От боли, что ли, вдруг появились силы. Он сумел выдернуть руку и, извернувшись, ударил Аркадия рукояткой браунинга по голове – раз, другой, третий... Наконец, почувствовал, как ослабла хватка противника, и увидел, что тот, хрипя и закатывая глаза, отвалился в сторону.

С трудом подтянув ноги, Михаил Павлович уперся ими в Лыкова отпихнул его. Потом поднялся и, придерживая рукой за стену подвала, поплелся к двери, ощупывая рану на прокушенном плече.

«Кусался, стервец», – почти беззлобно подумал он, оглянувшись на валявшегося без признаков жизни Аркадия. Плечо заметно припухло, кровоточило и нестерпимо болело. Заперев снаружи дверь подвала, Михаил Павлович поднялся вверх, отыскал домашнюю аптечку и залил рану йодом. Потом, морщась от боли, залепил ее бактерицидным пластырем. Прихватив чемодан и заветный «дипломат», побрел во двор. У дверей остановился и спрятал браунинг в кабуру на ноге.

С трудом дотащив поклажу до машины, открыл дверцу и увидел Луку, корчившегося в бесплодных попытках освободиться.

– Скорее! – просипел тот, – помоги!

Развязав стягивающий его запястье ремень, Котенев помог греку сесть за руль, бросил чемодан и «дипломат» на заднее сиденье. И в этот момент на дороге перед домом показались несколько машин.

– Милиция, – дрожащими, непослушными руками включая зажигание, безошибочно определил Александриди.

– Успеем? – оглянувшись на мчавшиеся к их участку милицейские машины, обеспокоенно спросил Михаил Павлович.

– Уйдем!

И туг грохнул выстрел. Пуля ударила в ствол дерева, стоявшего рядом с «Жигулями».

– Живой, подлец! – выругался Котенев. – Из отдушин бьет!

– Я уж думал, все, – торопливо вырывая к задним воротам, сказал Лука. – Пригнись!

Машина выскочила на грунтовую дорогу и, чуть не сбив бросившегося к ней смуглого парня, помчалась прочь от особняка...

Лыков пришел в себя от жгучей боли в затылке. Открыв глаза, он сквозь багровый туман с трудом различил над собой низкий сводчатый потолок. Пахло землей, пряностями и кровью; в спину упиралось что-то твердое, неудобное, прибавлявшее боли и мешавшее опять соскользнуть в темноту забытья.

Пошарив вокруг себя руками в поисках опоры, он с трудом сел – к горлу сразу подкатила тошнота, перед глазами заплывали разноцветные светляки. Застонав от боли, Аркадий ощупал себя слабыми руками – проклятый Котенев, сильно разбил голову: на ладонях осталась кровь. Вытерев ее об джинсы, Лыков встал на четвереньки. Теперь понятно, что давило в спину – лопата, которой он хотел открыть клад, а потом убить Михаила Павловича.

Добравшись до стены, Аркадий подобрал парабеллум и пополз к двери – с Жедем все ясно, пусть остается в этом подвале, а ему надо выбираться наверх и гнаться за Котеневым. Да, не прост оказался миллионер. Цепко держится за свои сокровища. Крепко обманул их. Попались на приманку, спустились в подвал... Но где проклятый Мишка прятал пистолет?

Доковыляв до двери, Лыков поднялся на ноги и всей тяжестью тела налег на нее. Дверь не поддавалась – сколоченная из толстых, плотно пригнанных друг другу досок, усиленная металлическими полосами, она была заперта на ключ с той стороны. Приставив ствол к замочной скважине, он нажал на курок. Стукнул выстрел, но дверь опять не открылась.

Шатаясь и с трудом подавляя приступы тошноты, Аркадий пробрался к отдушине – может быть, удастся пролезть в нее? Однако отверстие оказалось настолько мало, что в него не просунуть и голову. Выглянув наружу, он увидел Котенева, помогавшего пожилому незнакомцу сесть за руль «Жигулей». На заднее сиденье машины Михаил Павлович бросил «дипломат».

«Вот где деньги!» – понял Лыков и застонал от запоздалой догадки. Что стоило, когда осматривал комнаты, сразу обратить на него внимание и взять?!

Просунув в отдушину ствол парабеллума, Аркадий тщательно прицелился и выстрелил, метаясь в автомобиль. Мимо! Мешали заросли, и пуля засела в стволе дерева.

«Спокойно, – приказал себе Лыков. В голове гудело, руки дрожали, но нельзя упустить Котенева. Надо заставить его и водителя «Жигулей» остановиться. – Спокойно, целясь, спускай курок плавно».

Еще один выстрел. Опять мимо, а машина уже вылетела за ворота и, подняв облако пыли, понеслась по дороге.

Аркадий дико завыл и, забыв про боль в голове, метнулся к другой отдушине, надеясь оттуда достать беглецов пулей. Однако увиденное повергло Лыкова в ужас перед домом остановились милицейские машины, из них, сноровисто изготовившись к бою, высыпали люди в пуленепробиваемых жилетах и касках, с автоматами в руках. Развернулись цепью, охватывая участок и особняк.

– Вот вам, вот! – в испуге закричал Лыков, выпуская пулю за пулей в этих ненавистных ему людей. Он уже почти не соображал, его захлестнула ненависть, злоба и страх. Главное, страх – если они наденут на него наручники – это смерть!

Глава 7

– Вот он, парабеллум! – прислушиваясь к звукам выстрелов, определил Иван. – Здесь «драконы», здесь!

Выскочив из машины, он следом за Бондаревым поспешил к особняку. Впереди рассыпались в цепь ребята из группы захвата. Скоро они замкнут кольцо – и преступнику, засевшему в подвале, некуда будет деться.

Добежав до каменных столбов ограды, Купцов и Бондарев встали за ними, прячась от пуль. Подоспел начальник местного уголовного розыска. Вытащил из кармана форменных брюк с выпоротым кантом носовой платок и, вытирая мокрое лицо, сообщил:

– Ушел ваш Котенев. Во дворе наготове «Жигули» стояли. Наш сотрудник пытался задержать, но не удалось. А когда подошла наша машина, то из «Жигулей» начали стрелять по скатам, пробили, собаки, и ушли. Рация подвела, – прислушиваясь к доносившимся со стороны особняка выстрелам, оправдывался он, – техника старая... Один из наблюдавших за дачей побежал звонить, а потом занял позицию позади дома. Тут и мы подъехали...

– Значит, в подвале кто-то из «драконов», – заключил Бондарев. – И, судя по всему, заперт.

Иван считал выстрелы парабеллума – когда счет дойдет до восьми, надо ловить момент – преступник будет менять обойму, и за эти секунды ребята смогут подтянуться почти вплотную.

– Дороги перекрыты? – загибая для верности пальцы, чтобы не сбиться при подсчете выстрелов, уточнил он.

– Обязательно, – подтвердил начальник розыска, – городок маленький, отыщем, а выехать не смогут, попадутся.

Купцов осторожно выглянул – стрельба из подвала прекратилась, парни в бронежилетах моментально пришли в движение и перебежали ближе к дому, а двое успели подняться на веранду.

В узком окошечке отдушины мелькнул огонек, хлопнул выстрел, и пуля ударила в столб ограды, выбив облачко розовой, кирпичной пыли.

– Предлагаю сдать! – закричал в мегафон начальник розыска. – Вы окружены, сопротивление бесполезно!

В ответ щелкнул выстрел, потом еще один.

– Не сдастся, – прикуривая, буркнул Бондарев. – Жилетика на мой размер не найдется?

– Нет, вы гости! – отрезал начальник розыска.

– «Черемуху» давай, – решил Иван. – Пора!

Словно услышав его, один из милиционеров группы захвата забросил в отдушину патрон со спецсредством. Купцов представил, как по подвалу растекается удушливый, вызывающий неужимые слезы, перехватывающий дыхание газ. Теперь надо подождать минуту-другую – и выползет задыхающий, кашляющий «дракон».

Еще оставались патроны, еще где-то в глубине души тлела надежда на чудо, на внезапное избавление, на потайные ходы, прорытые хитрым Мишкой-милиционером, на помощь бога или дьявола, который принесет ему главное богатство – свободу!

Трясущимися руками Аркадий достал запасную обойму и вставил в рукоятку парабеллума новый магазин. Ладони саднило, болела голова, перед глазами все плыло, подкатывала тошнота. Эх, Витек, вдвоем было бы легче! По крайней мере, можно было бы рискнуть и разыграть спектакль, сделав вид, что сдаешься, – выслать вверх безотказного Жедя, а там уж как кривая вывезет. Приникнув к отдушине, он оглядел пространство перед домом. Милиционеров много, на всех патронов не хватит...

Прежняя жизнь и работа в институте теперь казались ему недостижимым, неоцененным счастьем. Он готов был терпеть надоевших сослуживцев, их бутерброды, разговоры, игру в шахматы, мелкие страсти. Как прекрасно было давиться на распродажах и скидываться на пиво в дни получек и авансов. Он представил, как удивятся в институте узнав, что приключилось с Лыковым. Почему-то теперь ему казалось важным, что и кто будет говорить о нем. Хотя понимал, что говорить будут недолго – и забудут! И никто не вспомнит об Аркадии. Может, сестра?

Выстрелив в милиционера, он перебежал к другой отдушине. Найти бы наган Витька, но времени нет, надо все время держать их на мушке... Внезапно Аркадием овладела апатия – он понял, что времени у него нет вообще, какая, собственно, разница, когда наступит развязка: минутой раньше, минутой позже? Они придут, отнимут оружие, наденут наручники, повезут в тюрьму, потом будет суд и приговор. Долгое разбирательство, никчемные речи адвоката, обвинения прокурора, кассационные жалобы... и отказ сохранить осужденному жизнь.

Сев на пол, он привалился спиной к стене, ощущая затылком приятную прохладу камня, который не смогло прогреть и палящее солнце. Устало вытянув ноги, прикрыл глаза, ощущая, как уходит боль, – хорошо ли ему было до того, как родился, до того, как узнал мир, в который пришел? Может быть, так же будет и после конца?

Что-то глухо стукнуло об пол. Открыв глаза, Лыков увидел вертевшийся в углу подвала патрон из серебристо-зеленоватого металла. Повалил белесый дым, пахнуло чем-то едким, готовым разорвать кашлем легкие, заставить согнуться от удушья.

«Конец?» – подумал он, удивляясь собственному спокойствию. Сейчас они будут здесь. Пожалуй, не стоит продлять агонию – суд, приговор... Все ясно. Он проиграл. На усиленный мегафоном голос, призывающий его сдать, Аркадий не обратил внимания. Глаза уже начало щипать, и было ужасно жалко себя, такого маленького, беспомощного, не сумевшего переломить судьбу. А так хотелось быть свободным, независимым, богатым. Зачем-то обтерев ладонью срез ствола парабеллума, он сунул его в рот и нажал на курок...

Стараясь не смотреть на тело Лыкова, распростертое у стены подвала, Иван прошел туда, где за кадками и ящиками с яблоками обнаружили убитого Жеда.

– Значит, тот – Лыков? – полуутвердительно спросил Бондарев, зажимая нос платком. В подвале еще не выветрился запах «черемухи», и на глаза набегали слезы, мешая смотреть.

– Да, – кивнул Купцов и направился к выходу. Что здесь делать? Все кончено. Теперь надо искать Котенева и того, кто был с ним в доме.

Лука гнал по закоулкам городка, не снижая скорости, только взвизгивали покрышки на резких поворотах. Бормоча под нос ругательства на непонятном языке, грек ловко крутил баранку.

Михаил Павлович, прямо через заднее стекло метко выстреливший из браунинга по колесам милицейского «уазика», тревожно оглядывался, боясь снова увидеть позади погоню. Но дорога была муста – их не преследовали.

Свернули в узкий проулок, и Александриды посигналили у ворот дома, спрятавшегося за высоким забором. Ворота немедленно распахнулись, и «Жигули» влетели во двор. С крыльца навстречу гостям спускался пожилой человек в европейском летнем костюме и расшитой тюбетейке. Его загорелое лицо светилось радушием, но темные глаза, прятавшиеся под набрякшими веками, глядели озабоченно.

– Нехорошо у нас получилось, Саттар, – протягивая ему руки, прищелкнул языком Лука. – На тебя надежда, дорогой!

– Слышал уже, слышал, – по очереди пожимая руку каждому гостю, откликнулся хозяин. – Правда, нехорошо. Но я все для вас сделаю, все. Проходите в дом!

Он распахнул двери, ввел их в просторную комнату, показал на растеленные на полу ковры с мягкими подушками:

– Отдохните здесь, я на минуту отлучусь.

Александриды, скинув обувь, повалились на ковер и, схватив с подноса бутылку «Пепси», жадно припал губами к горлышку.

Михаил Павлович тоже снял обувь и, тяжело ступая по ворсистым коврам, подошел к окну, выходившему во двор. Там, около «Жигулей», на которых они только что приехали, стояли хозяин дома и двое молодых мужчин в спортивных костюмах – в руках они держали ящички с инструментами. Разговор был коротким. Достав инструмент, «спортсмены» стали сноровисто разбирать машину.

На глазах изумленного Котенева они подвели под нее домкраты, сняли колеса, вынули лобовое стекло, потом заднее и занялись дверями. Саттар немного постоял, наблюдая за их работой, и вернулся в дом.

– Через час-два машины не будет, – заверил он. – В первую очередь будут искать кого? Машину!

– Не «кого», а «что»! – поправил его Лука. Он, видимо, почувствовал себя в полной безопасности и успокоился.

– Правильно, дорогой, – ничуть не обидевшись, согласился Саттар и ласково улыбнулся греку. Налив себе чаю, он, скрестив ноги, уселся неподалеку от Александриды на ковре.

– Ты у нас ученый человек, – мелкими глотками прихлебывая чай, продолжил он, – все знаешь. Машины не будет – вас не будет. Машина что? Куча железа. Человека труднее прятать.

– Скажи своим, – приподнялся на локте Александриды, – чтобы не вздумали тащить детали на базар.

– Хоп, – заулыбался Саттар, хлопнув ладошкой по колену.

– Так и будет, да.

Он допил чай и, обтерев руки полотенцем, вынул из кармана пиджака длинный костяной мундштук с резьбой. Вставил в него сигарету и прикурил. Михаил Павлович, по примеру грека растянувшийся на ковре, только молча покосился на небрежно брошенную хозяином пачку «Мальборо».

Лука погладил себя по животу и, глядя в потолок, расписанный восточными узорами, буркнул:

– Мы не завтракали. Распорядись и приготовь нам комнаты. И еще, я хочу позвонить.

Хозяин вновь закивал, заулыбался, выражая полную готовность всем, чем только может, услужить гостям.

Котенев задумался: сколько тут просидит – день, неделю, а потом что? Ведь надо же будет когда-то вылезать из убежища и отправляться обратно в Москву, выходить на работу после отпуска. А как появиться в Москве, когда милиция идет по следу, и еще неизвестно, что там, в оставленном доме, где их захватили бандиты. Вдруг кого из милиционеров подстрелили?

– Пойду узнаю, как дела в вашем доме, – словно подслушав его мысли, поднялся Саттар, – завтрак сейчас подадут.

– Гнусная история, – дождавшись, пока за ним закроется дверь, повернулся к Котеневу Лука. – Нам только этих разбойников не хватало для полноты ощущений. Кстати, вы намерены и дальше таскать с собой пушку? Может быть, лучше сдать ее хозяину?

– Если бы ее не таскал, вы сейчас давали бы объяснения милиционерам, – огрызнулся Михаил Павлович.

– Не злитесь, – примирительно ответил грек, – нам еще многое предстоит сделать вместе. Зачем портить отношения?

– Чем пытаться меня разоружить, скажите-ка, что будем делать дальше?

Завтракать, – усмехнулся грек, увидев входящего в комнату хозяина, следом за которым две женщины внесли подносы с шашлыками, зеленью и фруктами. Поставив их на низкий столик, они поклонились и, не сказав ни слова, ушли.

– Кушайте, кушайте, – устраиваясь рядом, начал угощать гостей Саттар, – сейчас барашка режут, на обед плов будет. Кушайте.

Александриды взяли шампур и впились зубами в сочное мясо. Его примеру последовал и Михаил Павлович. Перебираясь поближе к подносам, он словно ненароком выглянул в окно – от машины остался только кузов, безобразно выставив голое нутро. Вокруг него прохаживались мужчины в спортивных костюмах, о чем-то негромко совещаясь. «Лихо они управились», – подумал Котенев.

– Всех убили, – открывая бутылку коньяка, буднично сообщил Саттар.

– А милиция? – насторожился грек, перестав жевать.

– О, милиция! – усмехнувшись, поднял руки к потолку хозяин.

– Слава аллаху, милиция, как всегда, оказалась на высоте. У них никто не пострадал. Преступников было двое.

– И... что, оба? – спросил Михаил Павлович.

– Пей, дорогой, – поднял рюмку Саттар. Выбрав сочный персик, с наслаждением вонзил в него зубы и, посмеиваясь, хитро взглянул на Котенева. – Оба убиты, дорогой, оба. Отдыхай.

– Значит, у вас, как у Адылова, есть свои люди в милиции? – закусывая, продолжал расспрашивать Михаил Павлович.

– Мы давно тут живем, – уклонился от прямого ответа хозяин, – все вместе живем. И будем дальше жить. Адылова вспомнил? Большой был человек, у него никто не безобразничал, умел с народом управляться. Разное теперь пишут, но кто может знать правду? Только Аллах!

«Не прост старичок, – откидываясь на подушки, подумал Котенев, – вон как заворачивает, а у самого, небось, тоже где-нибудь потайная яма с решетками есть. И послушные люди, готовые на все. Как же, отдам я ему на хранение браунинг, нашли дурака!

Он покосился на «дипломат», брошенный на ковер в углу комнаты, – и на сердце полегчало. Надо думать, что делать дальше. Стоит, наверное, переждать здесь несколько дней, пока не уляжется шум, вызванный перестрелкой в особняке, а потом выбираться на волю. Купить билет на самолет или на поезд и отвалить туда, где все говорят на родном языке и ты не заметен среди местного населения. Для начала он отправится к родителям Татьяны, а там видно будет. С такими деньгами, как у него, можно все купить, не только новые документы. А работа? Да шут с ней – стоит там появиться, как тут же угодишь в руки милиции.

Выпили еще по чарочке коньяка, поболтали, но вяло, явно тяготясь присутствием друг друга, и Саттар повел их показать комнаты. Михаилу Павловичу отвели угловую, с окнами во двор, который был уже пуст – от стоявшей там машины не осталось и следа. К его удовольствию, комната оказалась меблированной на европейский манер. Сунув «дипломат» под диван, Котенев разобрал чемодан и аккуратно развесил пиджаки и рубашки в платяном шкафу. Закурив, повертел ручку настройки приемника, поймал музыкальную передачу и завалился отдохнуть. Незаметно он задремал. Проснулся оттого, что в комнату кто-то пошел. Открыв глаза, Михаил Павлович увидел Алксандриди в длинном шелковом халате.

– Скоро обед, – проходя в глубь комнаты, сказал грек.

Котенев сел, потер ладонями лицо – сколько же он проспал?

Солнце стоит высоко, в воздухе дрожит знойное марево, и обедать, честно говоря, совершенно не хочется.

– Я говорил с Москвой, – присев к столу и выключив приемник, сообщил Лука. – Приятная новость: завтра здесь будет Виктор Иванович, наш консультант.

– Проконсультирует? – желчно усмехнулся Михаил Павлович.

– Зря иронизируете, – поджал губы Алксандриди.

– А что еще остается в нашем положении, тем более в моем? Из одной клетки в другую, да еще со стрельбой, – горько посмеялся Котенев. – Вот она, жизнь состоятельного человека.

– Перестаньте, – поморщился грек, – все будет нормально. Сергей Владимирович лично справлялся о вас, передавал привет. Если приезжает Виктор Иванович, то дела наладятся, вот увидите...

В Москве, сидя в рабочем кресле у стола, Полозов настойчиво набирал номер междугородней связи, дозваниваясь до «пришельца из будущего». После звонка Алксандриди и его подробного доклада о произошедших 'событиях Виктор Иванович уже успел повидаться с Куровым и обсудить создавшееся положение. Его предложения относительно дальнейших действий были одобрены. Вернувшись домой, он начал звонить.

– Это я, привет! – услышав в трубке знакомый гортанный голос, поздоровался Полозов. – Пришло время повидаться. Чтобы к моему приезду все было готово...

– Будет, – заверил невидимый собеседник.

Виктор Иванович сказал еще несколько слов, отдав малопонятные посторонним распоряжения, и повесил трубку. Пора собираться в дорогу.

Вечером в комнате Саттара зазвонил телефон. Отложив арабскую книгу, хозяин дома снял трубку:

– Слушаю.

– Как гости? – не удостоив его приветствием, спросил властный гортанный голос.

– Отдыхают, – лаконично ответил Саттар.

– Звонили наши друзья, – цедил голос на другом конце провода, – они недовольны старой, жесткой бараниной. Чем ты кормишь гостей?

– Понял, – заверил хозяин дома, – к завтраку будет только молодая.

– Хоп! – В трубке раздались короткие гудки.

Вздыхая и бормоча молитвы, Саттар положил трубку и прошаркал домашними туфлями к лестнице, ведущей к выходу во двор. По дороге он заглянул в комнату на первом этаже, где ужинали двое мужчин, утром разобравших машину гостей. Сейчас они были одеты в легкие брюки и майки с короткими рукавами. Поманив пальцем одного из них, хозяин дома пошептал ему на ухо и, тяжело отдуваясь, поднялся по лестнице наверх. Остановившись перед дверью комнаты Луки, хозяин постучал и, дождавшись разрешения, вошел.

Алксандриди сидел перед телевизором. Обернувшись, он поверх спинки кресла поглядел на Саттара:

– Тебе чего? Хочешь, чтобы я разрешил продать на рынке хотя бы колеса? Ах ты, старый жулик, не жадничай!

– Ах, – укоризненно покачал головой хозяин, – у меня душа болит, потому и зашел. Хотел узнать, всем ли ты доволен?

– Да, нормально, иди, – милостиво разрешил грек.

– Не откажи в просьбе, – заискивающе прогундел Саттар.

– Какие просьбы? – досадливо дернул плечом Лука.

– Гость большой приезжает, сам знаешь. Волнуюсь я, душа болит, места не находит...

– Короче давай.

– Погляди, все ли я так сделал, – попросил хозяин. – Ты лучше меня знаешь привычки Виктора Ивановича, может, подскажешь чего, а я в долгу не останусь.

– Ладно, – протянув руку, грек взял рубашку и, накинув ее на плечи, пошел к двери. – Мишка что делает?

– Лежит, думает, – торопливо забега вперёд и распахивая перед Алксандриди дверь, сообщил Саттар.

Он показал Луке комнаты, приготовленные для гостя, а потом повел во двор – смотреть барана. Грек откровенно зевал, слушая болтовню старика и стремясь поскорее отвязаться от него и вернуться к телевизору.

– Сюда, – открывая дверь хозяйственной пристройки, пропустил гостя вперед хозяин.

Алксандриди шагнул за порог и почувствовал, что шею ему захлестнула тонкая прочная петля. Он хотел закричать, вырваться, но горло сдавило, а в спину сзади уперлись коленом, затягивая витую шелковую петлю все туже. Последнее, что увидел в своей жизни хитроумный грек, было ласковое лицо Саттара – забежав вперед, он внимательно, с жадным любопытством заглядывал в глаза теряющего сознание гостя.

– Готов... – Мускулистый мужчина в майке опустил тело грека на земляной пол и снял удавку. – Куда его?

– Обыщи и в раствор – распорядился хозяин. – Вещи уберите из комнаты.

Мужчина вытащил длинный деревянный ящик, поставил на козлы и налил в него цементный раствор. Наклонившись, легко поднял тело Луки и опустил в раствор. Потом начал заливать его цементом сверху, старательно распределяя густую кашицу по всей длине ящика. Вынутое из карманов удушенного он свалил в угол, на расстеленный цветастый платок.

Закончив работу, мужчина ополоснул руки и, завязав платок в узел, вышел из сарая, погасив свет...

Когда Саттар поднялся в комнату Луки, там уже было чисто прибрано. Сердито ворча, старик подошел к работающему телевизору и выключил его. Возвращаясь к себе, он на минутку задержался у комнаты Котенева, прислушиваясь, что делается за ее дверями. Там тихо мурлыкал приемник, из щели тянуло запахом табака и поскрипывали пружины дивана под тяжестью тела ворочавшегося с боку на бок Михаила Павловича.

Удовлетворенно усмехнувшись, хозяин тихо побрел к себе, благодаря аллаха за прожитый день и прося его милостей на завтра.

Проснулся Михаил Павлович рано – за окнами голубовато-серое предрассветное небо, чуть отливающее перламутром, щебечут беззаботные птицы в саду и слышится шум поды из шланга поливальщика, работающего во дворе.

Уставившись в потолок, Котенев задумался, как ему выбраться отсюда. Вдруг дико захотелось домой, в шумную пыльную Москву, так раздражавшую прежде. Там, дома, в родном городе, все так привычно и знакомо, но как гуда попасть?

Надеяться на помощь хитроумного грека? Ведь он вывез его сюда, вовремя предупредил об опасности. Если бы не бандиты, то из гостеприимного особняка Лука увез бы Котенева без особых осложнений. Дать ему денег, попросить достать билет на поезд, где, слава богу, пока пассажиров не регистрируют, и исчезнуть отсюда. Или подождать, пока придет консультант фирмы Виктор Иванович и послушать, что он станет предлагать? Ежели Курок и компания взялись за дело, так пусть доводят его до конца...

Поднявшись с дивана, Михаил Павлович подошел к окну, приоткрыл его и выглянул во двор – двое вчерашних мужчин деловито свеживали барана.

Мысли о вчерашних событиях не оставляли его, настроение испортилось: если раньше, до того, как он выстрелил по милицмейской машине, можно было бы посмеиваться в ответ на вопросы следствия, рассчитывая на ловкость адвокатов и собственную удачливую неуязвимость, то теперь дело осложняется. Хотя кто докажет, что стрелял именно он? Особенно, если выбросить пистолет. С другой стороны – если выбросишь, останешься голеньким и беззащитным.

В углу двора были свалены длинные бетонные блоки. Скользнув по ним безразличным взглядом, Михаил Павлович отошел от окна и начал одеваться. Кобуру с браунингом он пристроил на прежнее место.

В дверь тихонько постучали, и в комнату просунулась покрытая тюбетейкой голова Саттара. Лицо хозяина сморщилось в улыбку:

– Гость уже встал? Ай, как рано. Как спали, хорошо?

– Спасибо, нормально, – поблагодарил Михаил Павлович.

– Завтрак сейчас готов будет – сделав приглашающий жест в сторону двери, сообщил Саттар. – Умыться подадут.

Спустившись вниз, Котенев увидел сидящего на ковре Виктора Ивановича – подложив под себя множество подушек, он восседал, как падишах во дворце.

«Быстро он, однако – подумал Михаил Павлович. – Видно, ситуация настолько осложнилась, что бросил все дела и примчался. А где Александриды, почему его не видно?»

– О, какие люди собрались в этом доме, да будет благословенна его крыша, как говорит наш хозяин, – засмеялся Полозов, пытаясь привстать и поздороваться с Котеневым. Но это ему не удалось, и он с извиняющейся улыбкой просто протянул руку, не вставая с подушек. – Как настроены после приключений?

– Среднее, – не стал скрывать Михаил Павлович. – Где Лука?

– Уехал по делам, – закрывая двери за женщинами, приготовившими стол для завтрака, ответил Саттар.

– Так рано? – удивился Котенев.

– Еще ночью, – доверительно улыбнулся хозяин. – Он занятой человек, а вы крепко спали, и нам не хотелось нарушать ваш отдых.

– Почудили вы тут, – снимая с шампура мясо, усмехнулся Полозов, – пошумели, постреляли...

– Это не мы, – наливая сок, заметил Михаил Павлович.

Виктор Иванович метнул на него быстрый взгляд из-под нависших бровей: ершится, бравирует, а у самого, небось, на душе кошки скребут? Вспомнилось, как закаменел лицом Куров, узнав о случившемся здесь, – он начинает новое, большое дело, которое может серьезно осложниться из-за досадного происшествия.

– Луке и Саттару дашь долю, – процедил тогда Куров, не поднимая потемневших глаз на своего друга и советника, – какую заслужили. Если Саттар говорит, что ценности при Мишке, то слетай сам, проследи. И не медли, Виктор!...

И вот он здесь, сидит за низким столиком в компании улыбчивого Саттара и Мишки Котенева, а Александриды лежит замурованный в бетон – его доля уже взвешена и отмерена: слишком многое знал хитроумный Лука.

– Не будем ворошить то, что прошло, – примирительно сказал Полозов, вытирая губы салфеткой. – Разве когда-нибудь предприимчивый, свободный, яркий человек, непохожий на других, не подвергался у нас гонениям? Да во все времена! И кто только его не гонял, особенно, если у такого человека водятся деньги. Чиновничьей посредственности и завистливым обывателям такого вынести просто невозможно. Они начинают буквально задыхаться от «неприличия» его поведения и пытаются засунуть делового человека в прокрустово ложе собственных мерок. А он, к их огорчению, не вменяется. Не вписывается в обстановку! По прошествии времени мы ломаем головы над вопросом: почему яркая личность всегда имеет трагическую судьбу? Лицемеры. Сейчас надо хорошо думать, как избежать трагедии. Согласны?

– Наверное, – пожал плечами Котенев. – В моем положении остается уповать на вашу помощь.

– Сергей Владимирович не зря просил меня лично приехать, не надеясь только на Алксандриды, – веско сказал Полозов.

– Как поживает уважаемый Сергей Владимирович? – заулыбался Саттар, вставляя в мундштук сигарету.

– Он сейчас занят созданием совместного предприятия, – отвалился на подушки консультант. – Здесь трудно становится реализовывать деньги, надо думать о контактах с Западом.

«Вот так, – мысленно усмехнулся Котенев, – они уже думают о контактах с Западом!»

– Да, – заметив на губах Михаила Павловича тень улыбки, и не поняв ее истинного значения, – подтвердил Виктор Иванович.

– Системе становится тесно в рамках страны.

– Какой системе? – переспросил Котенев.

– Системе «теневого» перераспределения благ, – засмеялся Полозов. – Ведь все мы привыкли делить людей на «своих» и «чужих». Помните, как в детстве, когда враждуешь с ребятами из соседнего двора или микрорайона? Каждый мальчишка проходит через это. Там тоже «свои» и «чужие». Человек вообще очень быстро усваивает такие понятия и принимает условия круговой поруки. И вот теперь, когда мальчики и девочки подросли, обосновались в сфере торговли и материального производства, в сельском хозяйстве и научных учреждениях, вступили в творческие союзы и добились признания в искусстве, они тянутся к системе! Но войти в нее сможет только тот, от кого реально зависит нечто!

– Прекрасно, и что же дальше?

– А дальше действует известный принцип: от каждого по способностям, каждому по труду, – осклабился Виктор Иванович.

Глядя на него, подобострастно заулыбался Саттар. – Один способен достать, устроить, пробить и, в зависимости от того, как и что он делает, ему перепадает от системы, способной удовлетворить практически любые потребности: все пробить, достать, устроить, кого угодно и куда угодно. Система уже создала свое право и неукоснительно блюдет его, регламентируя даже контакты и родственные связи: дочь заместителя министра выходит замуж только за сына заместителя министра, сын министра женится на дочери другого. После смерти начальственная элита тоже не смешивается с простолюдинами, а отправляется на свой, начальственный, погост, как это предписано системой – великой и всемогущей, никого не отпускающей от себя! Если оступился или предал систему и входящих в нее, то против тебя пустят в ход все возможные средства – информационные, правовые, физического воздействия – и смонут, уничтожат. Свое элитарное общество, своя мораль, своя среда общения и обитания. Ей, системе, тесно, поскольку в нее входит множество богатых и супербогатых людей. Деньги, друзья мои, деньги! Они хотят делать новые деньги и выходить с ними на мировой рынок, получая свободно конвертируемую валюту... Э, да что это вы зеваете, Михаил Павлович? Не выспались или неинтересно? Простите, увлекся.

– Я сделаю кофе, – докурив, поднялся Саттар. – Вы будете?

– Приноси, посмотрим, – небрежно отмахнулся Полозов и повернулся опять к Котеневу: – Хотите уехать?

– Конечно.

– Решим, как лучше это сделать. Здесь тоже страшные дела творились, – погрузился Виктор Иванович, – сколько людей пропало, сколько светлых умов. Хорошо, что остались такие, как наш хозяин.

– Да, – опять зевнул Михаил Павлович.

Саттар принес поднос с кофейником и чашками, разлил по ним ароматный кофе. Котенев взял чашку, пригубил – по телу сразу пошла теплая волна, ко потом она подобралась к сердцу, которое вдруг стало биться редко и неровно, отказываясь гнать кровь по жилам, распространилась до головы, сделав ее пустой и странно легкой, а веки совсем тяжелыми.

– М-м-м, – с трудом открывая глаза, промычал Михаил Павлович.

– Что ты ему дал? – прикурив, спросил Полозов у Саттара.

– Клофелин, – буркнул тот. – Слушай, лошадиную дозу выпил, а никак не свалится.

Привстав, хозяин дома подполз по ковру на четвереньках ближе к гостю, заглянул ему в глаза.

Михаилу Павловичу показалось, что зрачки Саттара невообразимо расширяются и становятся похожими на темные тоннели, куда его влечет неведомая сила, которой нет возможности сопротивляться. И он, повинаясь, сделал шаг в один из тоннелей... Сразу стало легко и свободно, как будто с плеч упала неимоверная тяжесть, живительный свежий воздух проник в легкие. И где-то там, далеко, все уменьшаясь в размерах, оставались у входа в тоннель Виктор Иванович и хозяин дома. Но тут Саттар – маленький, уже почти неразличимый из-за разделявшего их расстояния – взмахнул рукой и набросил на него темное покрывало. И сразу стало нечем дышать...

– Все, – закрывая веки Котенева, отполз назад Саттар. – Можно убирать?

– Он что?... Э-э... – испуганно выпучил глаза Полозов.

– Без сознания, – усмехнулся хозяин.

Он хлопнул в ладоши, и в комнату вошли прислужники, подняли бесчувственного Котенева и потащили к выходу. Глухо стукнул какой-то предмет, упав на застланный коврами пол. Саттар шустро подполз и поднял маленький браунинг.

– Не надо, – брезгливо поморщился Виктор Иванович. – Зачем это?

Хозяин быстро догнал выходивших мужчин и сунул одному из них браунинг. Тот, взяв ноги Котенева подмышку, спрятал оружие в карман брюк.

Полозов подошел к окну. Через пару минут через двор пронесли спеленутый в старые простыни длинный тюк, и мужчины-носильщики скрылись со своей страшной ношей в дверях сарая. Сейчас там поставят на кошлы очередной ящик, уложат в него тело и зальют раствором, а завтра новый блок появится среди таких же бетонных блоков, сваленных в углу двора.

– Тебе не страшно жить, имея во дворе собственное кладбище? – не оборачиваясь, спросил Виктор Иванович...

– Все в руках Аллаха, – проводя ладонями по подбородку, – ответил Саттар, – человек приходит на свет голым и голым уходит. Его встречают и провожают руки других людей, за них и надо молиться.

– Где его вещи? – отходя от окна, поинтересовался Полозов.

– Все наверху. Принести?

– Не надо, пойдем посмотрим. Ключи от чемоданов у тебя?

– Вот, – хозяин дома показал связку ключей на тонкой цепочке, которую он успел вытянуть из кармана Котенева.

Поднялись наверх, вошли в комнату, еще хранившую запахи ушедшего навсегда Михаила Павловича. Саттар нагнулся и вытащил из-под дивана «дипломат», подал его консультанту, предварительно обтерев несуществующую пыль рукавом светлого пиджака. И этот жест как-то умиллил Виктора Ивановича и заставил на минутку пожалеть старика.

Взяв ключи, он начал возиться с замком «дипломата», но хитрый цифровой набор не поддавался. Обозлившись, Полозов плюнул и приказал:

– Кислоту давай, в замок капнем.

– Не надо, не надо, – замахал на него сухими ладошками хозяин. – Я инструмент принесу, откроем.

Он ушел и вернулся с ящичком инструментов, скинул пиджак и начал ковылять с замком. Полозов, напряженно сопя, курил у него за спиной, заглядывая через плечо. Наконец, крышка «дипломата» откинулась. Увидев содержимое, Виктор Иванович быстро опустил ее:

– Получишь свой процент, – буркнул он Саттару, собиравшему инструменты...

Вечером, отдыхая в своей комнате, Полозов раздумывал. Доллары, золото, камни – все собирал покойный Котеилов. Виктор Иванович зябко передернул плечами, представив себе, как еще живого, но находящегося без сознания Михаила Павловича замуровали в бетонный раствор.

Наследником покойного стали Куров и его команда. Хомчик ничего о них не сможет рассказать, впрочем, как и Лушин, – все проверено, и осечки не произойдет. Оставшихся после провала дела Котенева предпринимателей возьмет под свою руку Сергей Владимирович. Конечно, милиционеры там порезвятся, разломают отлаженный механизм бизнеса, разорвут связи предпринимателей с поставщиками и сбытчиками, многих посадят на скамью подсудимых. А все из-за чего – из-за глупости, из-за вшивого придурка, сколотившего банду и решившего взять свой банчок в игре сильных. Как же он не к месту вылез со своими инициативами, уголовник проклятый! Спутал карты, поломал планы, а как было бы славно оставить дело в руках Мишки и постоянно сосать с него деньги, вкладывая новые средства и имея приличные дивиденды.

Теперь фирма Михаила больше не существует – уцелевшие обломки поглотят другие, а ценности пойдут в кассу сильного. Таковы правила игры – переспи ночь с бедой и встречай новый день!

Сняв трубку телефона, Виктор Иванович набрал местный номер.

– Джума Юнусович? Это я, привет.

– Салам, – ответил ему знакомый гортанный голос.

– Хочу завтра улететь, дела закопчены. Осталось не многое. Поможешь?

– Обязательно, – заверил Джума. – Как тебе у нас?

– Нормально. Проследи, чтобы завтра не задержались с отправкой.

– Хоп! – и короткие гудки в трубке...

Ближе к полудню следующего дня в ворота усадьбы Саттара втиснулся грузовик с краном. Сам хозяин, стоя во дворе, отсчитал водителю деньги и попросил:

– Сбрось, дорогой, где-нибудь эти блоки, – сухая рука Саттара показала на громоздившиеся в углу бетонные параллелепипеды.

– Одни расходы, слушай! Хотел строиться, да не пригодились, а теперь мешают. Лучше отвези туда, где дорожная стройка. Пусть пригодятся людям. Неудобно, понимаешь, – понизив голос, он взял водителя под руку и заглянул ему в глаза, – я старый человек, за деньги их мне достали, а если все увидят, скажут Саттар совести лишился и ума, то покупает, то выбрасывает...

– Сделаем, – успокоил его водитель и, забравшись в кабину, развернул стрелу крана.

Двое мужчин в грязных тренировочных костюмах помогли зацепить крюк крана за толстую стальную скобу, вмурованную в бетон, и первый блок, покачиваясь в воздухе, поплыл к кузову. За ним последовал второй, третий, четвертый... Теперь уже никто не мог бы с точностью сказать – даже сам хозяин и его верные слуги, – в каком из блоков лежит Лука, а в каком Котенев.

– Спасибо тебе, спасибо, – провожая выезжавшую со двора машину, кланялся и благодарил Саттар.

Водитель вырулил на дорогу и погнал к окраине. Через полчаса пути машина притормозила у заброшенной стройки. Надев рукавицы, водитель развернул стрелу крана и зацепил крюк за скобу первого блока. Заскрипели тросы лебедки, блок закачался в воздухе и рухнул в бурьян. За ним последовали остальные.

Здесь, никому не видимые под слоем бетона, нашли свой последний приют Михаил Котенев и Лука Александриды, бывшие еще совсем недавно частичками воспетой Полозовым системы, но отторгнутые ею за ненадобностью и уничтоженные, чтобы сохранить самое себя...

– Скоро придет машина, – укладывая вещи, сказал Саттару собравшийся уезжать Виктор Иванович.

– Добрый путь, – поклонился хозяин, открывая перед гостем дверь. – Не надо беспокоиться, чемодан отнесут.

– Ты всем доволен? – спускаясь по лестнице, приостановился Полозов. – Может быть, что-нибудь не так? Ты скажи, мы все-таки старые друзья.

– Все хорошо, все, – заулыбался Саттар.

– Тогда по рюмочке на прощание, – вытянул из заднего кармана брюк плоскую фляжку Виктор Иванович. – Так сказать, посошок на дорожку, по нашему обычаю.

– Я сейчас принесу приборы, – сделал движение хозяин, но гость удержал его:

– Не надо, выпьем из колпачка, по-походному. Ну!

Налив в колпачок фляжки коньяк, он протянул его Саттару. Тот принял и выпил, полез за сигаретами. Виктор Иванович запрокинул горлышко фляжки над широко открытым ртом. Обтерев губы ладонью, усмехнулся:

– Прости, иногда хочется нервы успокоить.

Хозяин понимающе кивнул и щелкнул зажигалкой, прикуривая сигарету. Спустились во двор, где уже ждала белая «Волга». Один из неразговорчивых мужчин уложил чемодан Полозова в багажник. Шофер открыл дверцу.

– Прощай, Саттар, – прижал старика к груди Виктор Иванович.

– Счастливого пути.

Усевшись на заднее сиденье и положив на колени «дипломат» Котенева, Полозов помахал рукой, и машина выехала за ворота.

Вернувшись к себе, Саттар достал новую сигарету, вставил ее в мундштук, и, прикурив, открыл окно. Когда он повернулся, чтобы направиться к сундуку и еще раз полюбоваться полученными от гостя ценностями – так и манил жемчуг, стояли перед глазами желто-красноватые кругляши золотых монет царской чеканки, – желудок вдруг пронзил острая боль. Старик согнулся, выронив мундштук и прижав ладони к животу. Боль не проходила, внутри словно жгло каленым железом.

– Шакал! – просипел Саттар, падая на колени. «Вот почему он пил из горлышка», – мелькнуло в туманящемся сознании.

С усилием добравшись до телефона, он снял трубку и непослушным, негнущимся пальцем едва попадая в дырки диска, набрал номер милиции – пусть он умрет, но этот шакал и его компания тоже не будут жить.

– Слушаю, дежурный...

Фамилии дежурного Саттар не услышал. Новый приступ дикой боли скрутил его и бросил на ковер. Изо рта старика хлынула темная кровь.

– Алло! Кто звонит? – понапрасну вопрошал голос в трубке, а потом раздался короткий гудки.

Вытянувшийся, как-будто ставший больше ростом, сухонький Саттар с перемазанным кровью лицом лежал на ковре.

Открылась дверь, и, неслышно ступая, в комнату вошел один из мужчин в спортивном костюме. Аккуратно загасив сигарету, упавшую рядом с покойным, он нажал на рычаг телефонного аппарата и, дождавшись гудка, набрал номер.

– Джума Юнусович? – услышав гортанный голос на том конце провода, уточнил он. – Случилось большое несчастье. Старый Саттар почувствовал себя плохо и умер.

– Это для всех нас большая потеря, – вздохнул Джума и, помолчав, распорядился: – Надо все сделать, как положено. То, что оставил ему гость, вечером привезете ко мне.

Положив трубку, мужчина обошел лежавшего на ковре Саттара и спустился вниз. Открыл дверь комнаты, в которой занимались стряпней женщины, он сказал:

– Старый хозяин умер. Вы можете оставаться жить в этом доме. Скоро тут будет новый хозяин...

Еще издали завидев взбирающийся по горному серпантину грузовик с краном, один из мужчин откинул клеенчатый фартук на коляске мотоцикла и достал из нее белый шлем инспектора ГАИ, жезл и куртку из искусственной кожи с милицейскими погонами. Он был, как положено, в галифе и сапогах. Второй мужчина помог ему натянуть куртку и подал шлем. Потом, взяв за руль мотоцикл, увел его за скалу.

Дождавшись появления грузовика, одетый в форму милиционера мужчина подал водителю знак остановиться.

– В чем дело? – высунувшись из кабины, закричал шофер.

– Куда ты так гонишь? – подходя ближе и похлопывая жезлом по сапогу, усмехнулся лжеинспектор ГАИ.

– А-а-а, знакомый, – расплылось в улыбке лицо водителя.

– Мы же с тобой встречались у старого Саттара. Помнишь?

– Помню, помню, – вставая на подножку, буркнул лжеинспектор, – мало ли кто с кем встречался и где.

– Слушай, я тогда и подумать не мог, что ты из ГАИ, – радуясь, что по знакомству отделается вместо штрафа разговорами, не унимался шофер. – А чего ты у старика делал?

– Помочь надо было человеку, – неохотно объяснил мужчина и открыл дверцу кабины. – Что там у тебя лежит?

– Где? – повернулся водитель, и в этот момент лжеинспектор всадил ему в спину нож – прямо под лопатку.

Сдвинув в сторону сивешего шофера, он, стоя на подножке, погнал машину к пропасти и, когда понял, что она уже не остановится, спрыгнул. Грузовик на мгновение приостановился на краю, потом его передние колеса словно нехотя перевалили в бездну, и, задрав кузов с краном, он нырнул в провал...

Подойдя к кромке обрыва, лжеинспектор заглянул вниз. От машины остались только искореженные обломки, уже успевшие заняться всепожирающим огнем. Повернувшись, он бегом направился к мотоциклу, на ходу стяги пая с себя куртку и снимая шлем...

Глава 8

– Встать, суд идет! – равнодушно произнесла привычную формулу молоденькая секретарша и обвела глазами почти пустой зал. Только на средних скамьях устроились Иван Купцов и, не пожелавший оставить его в такой день одного, Саша Бондарев.

– Слушается дело...

Опустившись на светлую жесткую скамью судебного зала, Иван оглянулся – где же гражданка Саранина? Сколько еще будет продолжаться эта малопонятная игра, выматывающая нервы, заставляющая не спать по ночам, с тревогой открывать почтовый ящик и ждать «душеспасительных» бесед в политчасти? Почему Саранина упорно исчезает в самые ответственные моменты, почему не пришла на экспертизу и сейчас не явилась в суд?

– Не вертись, – сердито шепнул Бондарев, – нет ее.

«Опять сегодня не поставят точку, – подумал Иван, – как пишут в журналах: «продолжение следует».

Явно невыспавшийся средних лет лысоватый судья скучающим голосом задал несколько вопросов секретарю и отложил слушание дела ввиду неявки истца – гражданки Сараниной.

Иван и Саша вышли из зала, спустились по гулкой лестнице вниз. Дождь на улице прекратился, но по небу тянулись тучи. У мусорного бака дрались из-за черствой, чуть позеленевшей горбушки хлеба воробьи, а в стороне, хитро поглядывая на них и выжидая момент, чтобы по праву сильного урвать свое, переваливаясь с боку на бок, прохаживалась серая ворона.

– Не переживай, – прикуривая, сказал Бондарев. – Она больше не объявится.

– Почему? – покосился на него Иван.

– Рогачев начал ею интересоваться, и она сразу же исчезла, – бросив сгоревшую спичку, пояснил Саша. – Алексей Семенович много лет оттрубил в розыске, разбирается, что почем. Не вешай носа. Саранина исчезла и даже адреса не оставила. Видимо, у тех, кому ты мешал, миновала надобность в скандале.

– Похоже, – зябко передернул плечами Купцов, хотя на улице было тепло, – только противно, когда не доверяют. Выходит, годен только для того, чтобы выполнять функциональные обязанности: сделай то, реши это, беги туда, помогай, спасай, раскрывай. А чуть что случится с тобой, помощи не жди. Хорошо, если не затопчут. Равнодушие губит, Саша, равнодушие к человеку! Почему всегда надо биться, ложиться костями, чтобы доказать собственную правоту?

– Сразу мир не переделать, – вздохнул Бондарев, – после стольких-то лет нравственной глухоты и слепоты.

– Ага, – согласился Иван, – не переделать сразу, но если ничего не делать, то он никогда не изменится.

Они медленно пошли к метро. Оглянувшись, Купцов увидел, как ворона, сделав стремительный бросок, завладела краюхой и, взмахнув крыльями, понесла ее к своему гнезду, а глупые воробьи бестолково заматались, но, поняв, что добыча упущена, тоже разлетелись кто куда.

– Тебе хотели в аттестацию эту историю записать, – проследив за его взглядом, сказал Саша, – но Рогачев не дал. Заявил, что аттестация не история болезни.

– К сожалению, он не последняя инстанция, – усмехнулся Иван, – если захотят, все равно впишут. Тем более, старику скоро уходить в отставку, а с точки зрения начальства – я не лучший преемник. Поэтому готовятся заранее, чтобы были веские основания отказать в назначении на его место. Погоди, вспомнят еще, что Котенев безвестно пропал, чуть ли не испарился вместе с тем человеком, с которым жил в особняке. Где-то они вынырнут? Или обоих уже нет в живых, и потому миновала надобность в скандале? Некого больше нам теребить, нет нитки, за которую можно потянуть? Кстати, Лушин и Хомчик начали отказываться от ранее данных ими показаний: я был у следователя, он жаловался, что все отрицают. Значит, неизвестными для нас путями они получили информацию, что ситуация изменилась, и можно теперь все валить на исчезнувшего Михаила Павловича. Нет, Саня, мафия сильна, мы ей еще корни не подрубили. Отдали они нам мелочевку и спрятали концы в воду. Задели мы их краем, побеспокоили, но не ликвидировали. А это целая система, целенаправленно работающая на развращение душ и вовлечение людей в преступную деятельность. Я думаю, что схема действий наших «драконов» выглядела примерно так: убитый Анашкин принес из колонии сведения о богатом человеке, и нашлись люди, готовые выбить из него деньги, не зная того, что за Котеневым и его приятелями стоят более могущественные силы. Если бы не мы, то эти силы сами смяли или поставили себе на службу Лыкова, Жеда и Кислова с Анашкиным. Им тоже нашлось бы местечко в ничем не брезгующей системе. А когда запахло жареным, когда могучие силы, опекавшие Котеневу или использовавшие его, поняли, что через него и до них могут добраться, тогда он бесследно исчез, а Лушин с Хомчиком начали путаться и изменять показания. Котенева наверняка нет в живых! Надо теперь искать его тело. А также искать тех, кто им руководил в системе. Вот они – настоящие «драконы»!

– Как же тогда Лыков, Жедь? Кислов плачется в следственном изоляторе, хочет прикинуться душевно больным, выставляет себя жертвой Лыкова.

– Жертва? – пожал плечами Иван и увлек Бондарева к лавочке на бульваре.

По аллеям бегала детвора, шумно играя в войну и строча из игрушечных автоматов, а в стороне, наблюдая за ними, медленно прохаживались бабушки, судача о житейских делах.

– Жертва? – раздумчиво повторил Иван. – Знаешь, я пытаюсь понять, почему он пошел на преступление. Но это непросто. Неудовлетворенность жизнью, своим социальным положением, зависть к преуспевающим и состоятельным людям, желание быстро, легко и без усилий достичь сразу всего?.. Можно долго перечислять причины, но все они не объясняют до конца, почему человек становится на преступный путь. Причем, далеко не каждый в сходных обстоятельствах. К тому же, здесь в одном лице жертва и преступник. Нельзя понять Лыкова и его компанию, не поняв Котенева и его поделщиков. Мне кажется, что здесь жертвы и преступники постоянно менялись местами: каждая жертва – преступник, и каждый преступник, в свою очередь, – жертва.

Игравшие на аллее дети убежали, заведя в конце бульвара выведенную на прогулку веселую собачонку. Проводив их глазами, Бондарев вздохнул:

– Привыкли все оправдывать бытием, и ты туда же? Украл – жертва системы, убил – тоже жертва? Не правда ли, удобно? Если ты жертва, то и все мы в какой-то мере жертвы, и перед нами кругом все в долгу: нас обманывали, и я обману! И кто меня осудит? Нам не дали, и я взял сам, мне не доплатили и я «добрал» до уровня. Так можно объяснить, а то и оправдать любую человеческую подлость. Вот смотри: Коренева нет, и вроде некого судить. Даже если точно известно, что его имущество нажито нечестным путем, ничего не изымешь. И деньги, происхождение которых всем прекрасно известно, останутся семье.

– Его жена убеждена, что он сбежал с любовницей, – горько усмехнулся Купцов, – а любовница уехала к родителям, сдав квартиру. Говорят, собирается рожать.

– Ладно, – взяв под руку Ивана, заглянул ему в лицо Бондарев, – ты лучше скажи, что собираешься делать?

– Что делать? Жить... Жить и работать. Если тебя интересует конкретное дело «драконов», то не стану скрывать: буду настаивать, чтобы дело Лыкова и компании выделили отдельным производством. Думаю, что Рогачев меня поддержит.

– Хорошо, а дальше? Ну, предположим, выделят дело о разбойных нападениях. А другие материалы?

– Другие? – протянул Иван и хитро прищурился. – По ним будем работать дальше. Надо докопаться до тех, кто стоял над Михаилом Павловичем Котеневым, Лушиным и Хомчиком. Надо найти настоящих «драконов»...

Ночью Ивану опять привиделся сон, будто он, в образе волка, вышел на опушку и, подняв лобастую голову к низкому, покрытому серыми тучами небу, тихонько завыл, глядя на медленно опускающиеся снежинки. Они выстилали поле белым ковром, пряча под своим холодным покрывалом комья мерзлой земли, остая проросших в давно испаханых бороздах стеблей полыни – горькой травы забвения. Волк брел через

бескрайнее поле, пятная его следами лап, вышел к заброшенной деревне и постоял, чутко прислушиваясь к шуму оставшегося сзади леса и свисту ветра, раскачивавшего колокол на покосившейся колоколенке старой церквушки, колокол, у которого лихие люди успели вырвать медный язык. И колокол не мог звонить, раскачиваясь от порывов резкого ветра, но только тихо стонал, щема душу печалью страданий и холодом запустения.

Ветер выжимал из глаз слезы, и они замерзали жемчужными комочками. И не было в том ветре знакомых запахов жилья и дыма растопленных печей, запаха свежего хлеба... Только холод и колющие снежинки.

Повернувшись к ветру боком, волк потрусил дальше, пробираясь меж покосившихся изб с заколоченными досками окнами к убогому деревенскому погосту. На бугре, посреди осевших могил, виднелась темная нора, и волк нырнул в нее.

И вот Иван уже не волк, но человек. Он пробирается по темному лазу туда, где слабо брезжит ему навстречу свет.

В сухой глинистой пещерке, где едва можно приподняться, его ожидал дед, одетый точно так, как он был снят на маленькой фронтовой карточке, ставшей от времени коричневой, – в потертую ушанку, стеганую фуфайку защитного цвета, подпоясанную брезентовым ремнем, ватные штаны и разбитые солдатские ботинки с обмотками.

Покурявая самокрутку, он лукаво щурился, поглядывая на внука и, дождавшись, пока тот взлезет в пещерку, заметил:

– Одинок ты Ваня? Как волк и рыщешь?

– Одинок, – откликнулся Иван, прислоняясь единой к жутко холодной, просто-таки ледяной глиняной стене.

– А чего, не надоело еще мучиться? Оставайся тут, со мной, – глядеть вместе станем. Отсюда далеко видно! А по весне послушаем, как травка растет...

– Нет! – почему-то испугавшись остаться здесь, в ледяном плену, попятился Иван, судорожно нащупывая за спиной выход на волю.

– Ну и ладно, – вдруг согласился дед, – тогда иди, не задерживайся, дел у тебя много. Повидались, и слава Богу...

Когда Иван открыл глаза, за окнами еще не рассвело, только пробивался сквозь плотные занавески призрачный свет уличных фонарей да шуршали шинами бегущие по магистрали машины. Привидевшийся сон оставил на душе тревожное чувство, а на щеке мокрый след непрошенных слез. Купцов понял, что больше не уснет, хотя время еще раннее. Укрывшись одеялом, он отдался мыслям. Мысли стали продолжением ночного разговора с дедом, воспоминанием о нем.

Дед ушел из жизни как-то неожиданно – недавно был здоров, весел, рассказывал анекдоты и вспоминал войны, на которых ему довелось побывать. Выпало ему на судьбу целых три войны – гражданская, финская и Отечественная. С гражданской, будучи совсем еще молодым парнем, он принес именные часы от командования и штыковое ранение, полученное под Бугульмой. С финской пришел с обмороженными ногами и долго потом мучился от болей, но, слава Богу, остался цел, а на последней был ранен в плечо и грудь, отмечен орденами и медалями, демобилизовался в звании капитана. Почти одновременно с дедом вернулся с войны отец, прихрамывая в родной дом на покалеченной ноге – задело осколком немецкого снаряда под Кенигсбергом.

Сначала все пошло вроде бы ничего, а потом отец женился, родился сын, но жить было не на что – нигде не принимали на работу покалеченного парня, умевшего только брать языка, метать гранаты, строчить из автомата и пулемета да командовать взводом. Мать с бабкой шили и вязали, продавая свои изделия на рынке. Тем и кормилась семья.

Деду тоже приходилось туго: недоучившийся художник, он брался за любую работу, только бы сын мог учиться, а внук успел встать на ноги. Потом деду повезло – удалось пристроиться декоратором в один из ведущих театров столицы. Все бы ничего. Да здоровье подвело. Пуля в груди, которую врачи отказались вынимать, опасаясь больше навредить, чем помочь, беспокоила. Дед слег, начал сильно кашлять и таять на глазах.

Отец, – к тому времени давно успевший закончить институт, зарекомендовать себя отличным специалистом, но не наживший ни каменных хоров, ни кучи добра, не занявший ни высоких постов, ни престижных должностей, – ходил по инстанциям, ругался, стуча об пол толстой тростью, с которой не расставался с сорок пятого. Его вежливо выслушивали и сочувственно кивали. Да, понимаем, участник трех войн, проливавший кровь на полях сражений, но... самим не хватает! Молодые, которым еще работать и работать, не могут получить того, что вы просите, а ваш – э-э-э, простите, отец? – конечно, прожил большую и яркую жизнь, но...

Деда положили в городскую больницу и вскоре перевели в реанимационное отделение. Бабушки уже не было в живых, а сын, внук и невестка металась по городу в поисках дефицитных лекарств.

Пытка неизвестностью тянулась две недели. Навсегда, до своего смертного часа, запомнил Иван последний разговор с дедом в больничной палате. Дед лежал тогда в терапевтическом отделении, поскольку подозрение на инфаркт не подтвердилось и семья уже готовилась вздохнуть с облегчением, надеясь, что, может быть, и на этот раз судьба смилостивится над старым солдатом и все обойдется.

– О теле думаем, – держа в ослабевших ладонях руку внука, тихо говорил дед, – а надо бы о душе! Всем надо о душе подумать, время такое пришло. Помнишь, как в сказке Шварца? Каждому надо убить в себе дракона... А то души стали глухонемые, цепные, лягавые, окаянные...

Под утро следующего дня деда не стало. Похороны лучше не вспоминать – мерзость и вымогательство, начиная с морга и кончая кладбищем...

Протрещал будильник. Тяжело вздохнув, Иван откинул одеяло и встал. Подошел к окну, отдернул занавеску – за окном, как на душе – серо, мутно. Идет дождь, пробегают под зонтами пешеходы, обходя лужи на тротуарах. Набухли сыростью, поникли и почернели уже начинающие желтеть листья лип, и висит дымка тумана между домами. Машины, дома, люди – словно река в городе.

Может быть, так оно и есть: улицы – реки, а переулки – ручейки, площади – запруды или озера; и по ним течет нескончаемый поток, олицетворяющий собой жизнь города, являясь одновременно и его кровью. Разве не люди дают городу жизнь? И от того, какие люди живут в этом городе и живут ли в них, в их душах «драконы», зависит и сам город, его лицо и здоровье.

Как же хочется, чтобы каждый город на земле был здоров...

Александр Гуров Профессиональная преступность Художественно-публицистическое эссе

1. ТЕОРИИ И ВЗГЛЯДЫ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ПРЕСТУПНОСТЬ ПОЯВЛЕНИЕ ТЕОРИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРЕСТУПНИКА Классификация преступников

После выхода в свет работ Ч. Ломброзо, явившихся по существу началом изучения личности преступника, в ряде стран стали проводиться исследования психологических свойств правонарушителя, в которых ученые пытались найти стержневую причину преступного поведения. Независимо от направлений и школ они стремились понять, почему человек совершает преступления, несмотря на тяжесть установленного наказания; почему не останавливается, испытав его; почему совершает корыстные преступления, не имея порой материальной нужды.

Несмотря на увлечение биологическими теориями, ученые не могли не обнаружить, что противоправная деятельность виновных по своему характеру и мотивам существенно различалась.

Накопленные эмпирические данные обусловили необходимость классификации представителей уголовного мира, выделения в нем наиболее опасного и злостного ядра преступников. Поэтому в 1897 году на Гейдельбергском съезде Международного союза криминалистов была принята следующая классификация:

- 1) преступники случайные, эпизодические;
- 2) преступники, обнаружившие серьезную неустойчивость в поведении или несколько раз совершившие преступления;
- 3) преступники упорные, или профессиональные.

Тип преступника-профессионала

Таким образом, ученые криминалисты конца XIX века выделили особый тип правонарушителя – профессиональный. Первоначально, как это видно из приведенной классификации, понятие «профессиональный» они связывали с признаком упорства, нежелания преступника отказываться от совершения преступлений.

Однако тип профессионального преступника и сам термин «профессиональный» в практике борьбы с преступностью появились гораздо раньше. Уже в конце XVIII века начальник парижской тайной полиции (точнее – резидент) Ф. Э. Видок называл профессиональными преступниками тех, кто систематически совершал кражи, мошенничества и другие преступления против собственности, характеризовался ловкостью и изощренностью в достижении криминальной цели. Таким образом, если обобщить взгляды ученых и практиков на понятие профессионального преступника, то можно выделить два основных его признака, с помощью которых он отграничивался от иных категорий правонарушителей, указанных в классификации: 1) сознательное избрание преступного занятия; 2) устойчивость (упорство) паразитических наклонностей. Несмотря на отдельные разногласия большинства занимавшихся этой проблемой, считали удачным термин «профессиональный» для обозначения лиц, чья деятельность отличалась устойчивостью и корыстной направленностью, т. е. приносила материальный доход. Как отмечал М. Геринг, «привычные» преступники не питают никакой склонности к работе и предпочитают добывать свой хлеб нечестным путем. Тем самым он определил эти преступления как источник средств существования.

Профессионалы «по страсти»

М. Герингом была выявлена и другая особенность в генезисе преступного поведения профессиональных уголовников – приобретение с течением времени привычки («страсти») к совершению преступления, которая трансформировалась у них в потребность, а противоправные действия начинали доставлять им при этом моральное удовлетворение. К преступникам «по страсти» он относил шулеров, браконьеров и контрабандистов, у которых корысть сочеталась с азартом. Надо заметить, что подобный стереотип в преступном поведении отдельных категорий преступников был установлен еще сторонниками антропологического направления. Карманные воры, например, по свидетельству Ч. Ломброзо, признавались, что у них возникает острая потребность украсть при одном лишь виде часов или денег, хотя они им в данный момент были не нужны.

Преступный опыт и специализация

Анализируя психологические свойства личности профессионального преступника, М. Геринг пытался дать соответствующую классификацию: он, например, дифференцировал мошенников на разные категории в зависимости от их «устойчивости» и преступного опыта. Однако особые навыки он отмечал лишь у карманных воров и лиц, совершавших кражи при размене денег («обманщики-менялы»).

Исследователи установили также один из важных признаков развития стойкой противоправной деятельности профессиональных преступников – «разделение труда», или специализацию.

Ядро преступного мира

Однако в целом какой-либо научной методики или системы изучения личности профессионального преступника у буржуазных ученых конца XIX – начала XX столетий не было. Не ставилась ими и проблема профессиональной преступности как самостоятельного вида преступности. К профессиональной преступности (определения которой не давалось) они относили отдельные виды имущественных преступлений, совершаемых преступниками-профессионалами. Судя по всему, ученые исходили из следующего: если есть профессиональный преступник, значит есть и профессиональная преступность. Вместе с тем криминалисты отмечали, что именно многократные рецидивисты и профессиональные преступники составляют ядро преступного мира, «его армию и штаб», но без оснований полагая, что от этого ядра зависит состояние преступности.

Последователи Робин Гуда или злой воли?

В литературе описываемого периода нередко можно встретить суждения о проявлении со стороны профессиональных преступников гуманности, сочувствия и даже благородства к обездоленным или своей жертве. Это создавало некий романтический образ уголовного-страдальца. Например, главарь шайки Картуш однажды заплатил долг за честного купца, а также возвращал памятные вещи обворованным жертвам. Он, говорились тогда, был идеалом вора и олицетворял парижскую бегему XVIII века. Подобное проявление гуманности со стороны наиболее злостных преступников нуждается в объяснении.

Из тех же литературных источников можно установить следующие причины такого поведения преступников-профессионалов:

во-первых, их деятельность нередко была направлена на завладение имуществом зажиточных сословий, обогащение которых происходило далеко не всегда правоммерным путем. Это, разумеется, не могло не вызывать положительного резонанса у бедных слоев населения;

во-вторых, располагая значительными суммами награбленных денег и ценностей, они для удовлетворения своего тщеславия могли раздавать мелкие подачки, тем самым создавая себе ореол благородства. Требовалось также и моральное оправдание преступного занятия;

в-третьих, раздавая подачки, они преследовали вполне определенную цель: подчинить себе людей и приобрести сообщников.

ПРОБЛЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВЕТСКОЙ КРИМИНОЛОГИИ

Понимание профессиональной преступности в 20-е годы

В нашей стране, как известно, в разное время существовали разные точки зрения на преступность. Длительное время отрицались ее причины, объявлялось о ликвидации профессиональной и организованной преступности. Одним словом, до недавнего времени тема эта относилась к числу запретных.

Известно, что сразу же после революции молодая Советская республика наряду с решением важнейших политических, экономических и социальных задач много внимания уделяла борьбе с преступностью.

Советское правительство не могло ограничиться только созданием правоохранительного аппарата нового типа. Рост преступности и интенсивные изменения ее качественной стороны в новых социальных условиях требовали глубокого изучения этого наследия царизма, его причин и условий с тем, чтобы за короткие сроки разработать эффективные формы и методы предупреждения преступности. Необходимость этого диктовалась разработкой нового законодательства и обуславливалась также малым опытом работы советских правоохранительных органов.

Наиболее широкое отражение в криминологической литературе того времени получили проблемы таких преступлений, как убийства, бандитизм, разбои, грабежи, кражи и мошенничество.

В этих условиях не могли остаться без внимания и вопросы профессиональной преступности. В отличие от дореволюционных криминалистов, которые лишь высказывали предположение относительно тесной связи профессионализма с корыстными преступлениями, советские ученые,

исходя из основного критерия – преступного дохода, пришли к твердому выводу, что имущественные преступления – это и есть по преимуществу область, порождающая профессионалов-преступников.

К главному критерию определения типа профессионального преступника ученые относили стремление лица к удовлетворению своих материальных потребностей с помощью противоправной деятельности. Это – очень важное, на наш взгляд, положение, поскольку преступная деятельность профессионала уже тогда не рассматривалась как единственный источник средств существования. Обоснованность его в том, что работа для профессионального преступника зачастую была средством маскировки.

Помимо указанных выше признаков учитывались и некоторые факультативные элементы профессионализации – владение техникой совершения преступлений и жаргоном, соблюдение неформальных норм поведения, установленных в среде профессиональных преступников, и т. п.

Следует отметить, что результаты первых криминологических исследований способствовали качественно новому подходу к организации борьбы с профессиональной преступностью. Наряду с совершенствованием уголовного законодательства осуществлялась перестройка органов внутренних дел. В частности, в подразделениях уголовного розыска и следствия была введена специализация в раскрытии и расследовании отдельных видов преступлений. По предложению ученых-криминалистов создавались специальные отделения (группы) по борьбе с карманными кражами, большинство которых в то время оставалось нераскрытыми, поскольку никто раскрытием их не занимался. Небезынтересно отметить, что эти отделения (группы) долгое время не могли эффективно выявлять и задерживать с поличным карманных воров и мошенников из-за отсутствия специальных навыков и опыта, в то время как борьба с другими преступлениями (разбой, грабеж) приносила успех с первых же дней создания уголовного розыска. Подобная специализация сотрудников уголовного розыска была ответной реакцией на проявления профессиональной преступности. Дифференцированный подход к профессиональным преступникам осуществлен в местах лишения свободы.

Последствия тезиса о ликвидации профессиональной преступности

В дальнейшем (1931—1932 гг.) под воздействием ряда субъективных и объективных причин криминологическое изучение преступности в СССР было практически прекращено. Вместе с тем было бы ошибочно считать, что борьба с преступностью велась вслепую, без каких-либо исходных обобщенных данных о ней. На местах, в ведомственной печати, как показывает изучение документов, поднимались достаточно серьезные проблемы, касающиеся перевоспитания осужденных, усиления борьбы с отдельными категориями преступников, в том числе и профессиональных, изменения стиля, форм и методов работы органов внутренних дел. В целом же, безусловно, отсутствие целенаправленного учения о причинах преступности, происходящих в ней изменениях и процессах отрицательно сказались на их объективном понимании и разработке мер предупреждения преступлений.

Период игнорирования криминологии как науки совпал как раз с периодом изменений в состоянии преступности, особенно корыстной, возникновением уголовных группировок рецидивистов. Лишь в начале 60-х годов криминология снова возрождается и, претерпевая определенные трудности научно-организационного становления, начинает изучать преступность и ее причины, но уже не затрагивая вопросов профессиональной преступности.

Таким образом, начиная с 30-х годов феномен профессиональной преступности не изучался. В советской литературе понятия «профессиональный преступник» и «профессиональная преступность» специально не разрабатывались. Этими терминами часто пользовались произвольно, применяя их для обозначения различных явлений.

Поэтому закономерно возникают вопросы: можно ли провести четкую границу между обычным, но злым преступником, и профессиональным; между рецидивистом, в том числе и особо опасным, и преступником-профессионалом? Есть ли у нас профессиональные преступники и что их отличает от профессионалов 20-х годов? Наконец, что такое профессиональная преступность, которая якобы ликвидирована у нас в стране вообще, и характерно ли данное явление для современной преступности в частности?

Ответов на эти вопросы в криминологической науке по существу нет, хотя, например, авторы учебника «Криминология» категорически и не утверждают, что профессиональная преступность полностью ликвидирована.

Это порождает другие, не менее актуальные вопросы, требующие научно обоснованных ответов: что, например, имелось в виду под профессиональной преступностью, которая «практически ликвидирована»; в какое время это произошло, что, наконец, от нее осталось? Научно обоснованных ответов пока что, к сожалению, нет даже в таком фундаментальном труде, как «Курс советской криминологии». В нем лишь констатируется факт уменьшения профессиональной и рецидивной преступности в период 1926—1936 гг.

Вместе с тем было бы неправильно утверждать, что криминологи совсем не видели и не касались вопросов, связанных с преступно-профессиональной деятельностью. Во многих работах в той или иной мере без употребления термина «профессиональный» исследователи выделяли и даже раскрывали признаки, характерные именно для рассматриваемого нами явления. Обращалось внимание на наличие в деятельности воров и особенно рецидивистов элементов, характерных для профессиональной преступности, – «специализации» и «квалификации». Исследовались жаргоны преступников и татуировки, клички, преступные доходы, воровские инструменты и «техника» совершения преступлений, традиции и «законы» уголовной среды.

В последние годы интерес к этой проблеме среди криминологов и практических работников заметно возрос, в связи с чем появились попытки найти и обосновать признаки профессиональной преступной деятельности, подойти к вопросу анализа самой профессиональной преступности.

ПОНЯТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Профессия и криминальное повеление

В социальном аспекте «профессия» предполагает полезное и официально разрешенное занятие. Поэтому термин «преступная профессия» внешне воспринимается с трудом, особенно если к этому примешивается определенный стереотип мышления во взглядах на преступность. Однако совершенно очевидно, что никто и никогда не имел в виду «профессию» преступника в социальном ее понимании.

Учитывая, что данная терминология в криминологической лексике сложилась исторически и имеет под собой определенную научную основу, полагаем возможным ее употребление и в наши дни. Одновременно представляется целесообразным ввести понятие «криминальный профессионализм» для обозначения особого вида преступной деятельности, признаки которого позволят лучше уяснить сущность и понятие профессиональной преступности. В данном случае имеется в виду не совершение конкретного преступления, а занятие, деятельность в более широком значении, поскольку в ее основе лежат устойчивость и продолжительность. В то же время термин «криминальный профессионализм» преследует цель обозначения лишь той устойчивой преступной деятельности, которая имеет признаки, присущие профессии.

Под профессией, как известно, понимается род трудовой деятельности (занятий), требующей определенной подготовки и являющейся источником существования. Из этого понятия усматриваются три признака профессии: род занятий, определенная подготовка и получение материального дохода. Однако профессия как деятельность человека не может находиться вне социальной сферы, поскольку в ней аккумулируется производственный опыт и содержится его преемственность. Поэтому она имеет также социальное содержание, носителем которого выступают конкретные люди. Они формируют микросреду, отношения в ней, поддерживают и развивают престижность своей профессии и коллектива, вырабатывают профессиональную лексику и этику поведения. Отсюда следует четвертый признак профессии – связь индивида с социально-профессиональной средой.

В рамках понятия профессии существуют и формируются такие категории, как «специальность» и «квалификация». Первая содержит комплекс теоретических знаний и практических навыков, создающих возможность заниматься какой-либо работой. Вторая определяет качество подготовки специалиста в целом.

Определив компоненты профессии, следует констатировать, что если они внешне проявляются в противоправной деятельности, то ее можно отнести к преступно-профессиональной, иными словами, к криминальному профессионализму. Под ним, на наш взгляд, понимается разновидность преступного занятия, являющегося для субъекта источником средств существования, требующего необходимых знаний и навыков для достижения конечной цели и обуславливающего определенные контакты с антиобщественной средой. Таким образом, данное определение содержит четыре признака профессионализма:

- 1) устойчивый вид преступного занятия (специализация);
- 2) определенные познания и навыки (квалификация);
- 3) преступления как источник средств существования;
- 4) связь с асоциальной средой.

Каждый из них содержит присущие ему элементы, через которые он проявляется в противоправной деятельности. Поскольку эти признаки связаны с практическими вопросами борьбы с преступностью, они нуждаются в теоретическом обосновании.

1. Вид устойчивого противоправного занятия (специализации) обуславливается систематическим совершением однородных преступлений, направленных на удовлетворение тех или иных потребностей лица, что вырабатывает у него определенную привычку, переходящую затем в норму поведения с четкой установкой на избранную им деятельность. В условиях существования преступности как относительно стойкого социального явления, с которым ведется борьба, такое противоправное поведение закономерно, поскольку оно связано с определенными мотивами, интересами и свойствами личности преступника.

Криминальный «стаж»

Неотвратимость наказания, как известно, зависит от многих обстоятельств и обеспечивается не всегда полно. В этой связи показатель специального рецидива не может быть единственным критерием анализируемого признака. Здесь следует учитывать, что преступниками высокой квалификации нередко являются лица, ранее не судимые и даже не состоящие на криминалистических учетах.

Наконец, нельзя не учитывать, что некоторые преступления, особенно в сфере экономики, долгое время остаются нераскрытыми или вообще не раскрываются, в связи с чем преступники продолжают заниматься ими безнаказанно. Речь, следовательно, может идти о стабильном виде противоправного занятия, когда лицо, не попадая в поле зрения правоохранительных органов, длительное время совершает однородные преступления. Важным показателем такого занятия выступает множественность совершаемых преступлений, иными словами – «криминальный стаж».

Работа – прикрытие профессионала

Неоднократно учеными высказывалось мнение о том, что профессиональным преступником может быть тот, кто совершает преступления и не занимается общественно полезным трудом. Подобная точка зрения в корне неверна. Во-первых, преступная деятельность запрещена, а потому преступник вынужден скрывать ее от общества, прибегая к различным ухищрениям, в том числе к созданию видимости трудовой активности. Во-вторых, отдельные виды преступлений нельзя совершить, не занимая определенной должности (например, хозяйственные преступления). В-третьих, и это самое главное, нельзя забывать, что преступник может и работать, и одновременно систематически совершать преступления в виде промысла.

2. Необходимые познания и практические навыки (квалификация).

Выбор профессии не делает человека специалистом. Для этого требуются определенные познания и навыки, соответствующая подготовка, которая позволяет выполнять ту или иную работу. Отмеченная особенность характерна и для устойчивой преступной деятельности. Повышение уровня знаний в обществе, технической оснащенности производства также влияет на содержание криминального профессионализма. Во-первых, потому, что преступник, являясь членом данного общества, не изолирован от происходящих в нем процессов. Во-вторых, при совершении преступлений ему неизбежно приходится сталкиваться с реалиями технического прогресса, например, преодолевать различные системы технической защиты, пользоваться современными видами транспорта и т.п.

Специальные приемы

Отдельные виды преступлений, такие, как карманные кражи, карточное мошенничество, мошенничество с помощью денежной или вещевой «куклы», размена денег, и некоторые другие вообще не могут быть совершены без использования специальных приемов, требующих не только «теоретических» знаний, но и практических навыков, причем отработанных до автоматизма. Помимо этого преступникам приходится также усваивать систему условных сигналов («маяков»), которые подаются жестами, движением головы, мимикой. С их помощью они опознают друг друга (если незнакомы), указывают места хранения денег, сообщают об удобном для совершения кражи моменте, подмене карты или «куклы», подают сигналы опасности и т.п. Нам установлено, что на приобретение необходимых навыков начинающий карманный вор затрачивает около 6 месяцев. В воровской среде имеются даже лица (на жаргоне – «шлифовщики»), занимающиеся обучением новичков.

Аргументируя необходимость второго признака профессионально-преступной деятельности, отметим, что, например, карточное мошенничество требует еще большей затраты времени на обучение, в течение которого лицо с соответствующим интеллектуальным развитием должно освоить правила различных видов карточной игры и добиться виртуозного исполнения шулерских приемов.

Подготовка преступника, с одной стороны, опирается на уже имеющийся криминальный опыт данной категории уголовных элементов, с другой – совершенствуется методом «проб и ошибок» применительно к современным социальным условиям, формам борьбы правоохранительных органов с данным видом преступления. Следовательно, преступные знания и навыки под воздействием ряда факторов (например, усиление, новые формы борьбы с преступностью, внедрение сигнализации), сохраняя свою основу, изменяются, дополняются и совершенствуются. Это один из способов выживания злостного типа преступника в условиях усиления социального контроля.

Разделение «труда»

В преступной деятельности так же, как и в любой иной, наблюдается профессиональное разделение труда, или специализация. Она возникает в силу двух причин. Во-первых, в групповой деятельности людей, а в данном случае – преступных групп, уровень которых в имущественных преступлениях всегда высок, разделение труда создает условия для оптимального достижения конечных целей. Во-вторых, приобретение специальных технических навыков и знаний, частое их применение на практике гарантируют преступнику большой успех и снижают степень риска.

Раскрывая содержание понятия преступной специализации, мы касались преимущественно традиционных видов профессиональных преступлений с тем, чтобы ярче отразить ее сущность. Однако специализация имеется и у других категорий преступников, что нередко обуславливает модификацию отдельных видов преступлений, в частности вымогательств, разбойных нападений, грабежей. При подготовке и совершении этих преступлений, сокрытии их следов также обнаруживается достаточно четкое разделение функций преступников.

3. Преступления как источник существования.

Источником средств существования признается определенная деятельность, приносящая доход в виде денег или материальных ценностей, на которые человек живет. Доход может быть как основным, так и дополнительным, и зависит от потребностей индивида.

Доход преступника имеет то же содержание и назначение. Разница состоит лишь в способе его получения. Поэтому допустимо говорить о преступном промысле и рассматривать его в качестве основного либо дополнительного источника средств существования. Вместе с тем преступная деятельность может являться и источником обогащения, накопительства.

Поэтому, основным источником средств существования следует признавать такую преступную деятельность, которая полностью обеспечивает жизненные потребности лица. Дополнительным – когда лишь часть дохода поступает от совершаемых преступлений и дает возможность улучшить материальное положение преступника. Исследование показало, что как основной, так и дополнительный противоправный доход лиц, специализирующихся на преступлениях, бывает весьма значительным.

4. Связи индивидуума с асоциальной средой.

Человек, вставший на путь совершения преступлений, отказывается тем самым от общепринятых, установленных в обществе социальных норм поведения и приобретает, усваивает совершенно новые модели, характерные для определенной антиобщественной группы (микросреды). При этом систематическое ведение антиобщественного образа жизни со всеми вытекающими отсюда последствиями вызывает у человека вполне естественную психологическую потребность в общении с той средой, которая близка к его собственным ориентациям и установкам. В то же время само существование этой среды нередко определяет его дальнейшее поведение. В ней он находит моральные стимулы, опыт и с ее помощью стремится обеспечить себе относительную безопасность.

Формы общения

В отличие от правопослушного поведения антиобщественное поведение всячески скрывается и поэтому внешне чаще проявляется на уровне микрогруппы. Таким образом, связь преступника с асоциальной средой ярче просматривается в формах его общения, соблюдения определенных неформальных норм. Он может состоять в преступной группе или принадлежать к уголовной группировке, посещать места сборищ антиобщественных элементов, поддерживать связь с отдельными рецидивистами, вносить средства в общую воровскую кассу и т. п. Причем организационно-структурные элементы связей подвижны и зависят от многих факторов.

Криминальные нормы отношений

Большую роль в установлении криминальных связей играют традиции, «законы» и иные неформальные нормы поведения профессиональных преступников, которые выступают своеобразными регуляторами применительно к отдельным микрогруппам и даже категориям преступников. Действие многих из таких «норм» может распространяться не только на ограниченные районы, но и на территорию всей страны. Существование неформальных правил поведения в уголовной среде обеспечивается особенностями противоправного образа жизни, требующего обязательной регуляции некоторых его сторон, особенно взаимоотношений отдельных лиц и микрогрупп. По существу они выполняют ту же роль, что и нормы поведения в правопослушных группах и коллективах, с той лишь разницей, что в силу своей антиобщественной направленности не могут широко афишироваться, иметь официальный характер. Их можно классифицировать на общие нормы, характерные для всех устойчивых преступников, независимо от криминальной направленности субъекта (вор, мошенник, вымогатель), нормы, характерные для определенной категории таких лиц, и внутри-групповые, типичные, например, для любой организованной группы. Существенное различие наблюдается по месту действия неформальных правил: одни, например, имеют силу только в местах лишения свободы, другие вне их. Некоторое различие норм обусловлено также национальными традициями и местными пережитками.

Блатная атрибутика

Важными дополнительными элементами анализируемого признака являются:

- а) знание преступниками специального жаргона;
- б) уголовные клички;
- в) уголовные татуировки.

Эти атрибуты в какой-то мере связаны с традициями, укоренившимися среди устойчивых преступников, и есть не что иное, как внешнее отражение внутренне обусловленной принадлежности человека к категории правонарушителей. Они проявляются по-разному, но в целом достаточно четко характеризуют отношение лица к определенным социальным ценностям. Следует учитывать, что эти элементы, вырабатываемые в преступной среде веками, – не просто внешний атрибут или своего рода «визитная карточка». Они имеют вполне определенное назначение и играют немаловажную роль в деятельности профессиональных преступников.

Жаргон и татуировки имеют неодинаковое значение для тех или иных групп преступников, в связи с чем жаргон, например, дифференцируется на три разновидности, каждой из которых присущи свои лексические и коммуникативные особенности:

- 1) общеуголовный жаргон, которым пользуются как обычные правонарушители, так и профессиональные преступники;
- 2) «тюремный» жаргон, типичный для мест лишения свободы;
- 3) специально-профессиональный жаргон, характерный только для преступников-профессионалов. Последний вид жаргона можно подразделить на несколько направлений в зависимости от категорий пользующихся им преступников (жаргон шулеров, карманных воров, распространителей наркотиков и т. п.).

Уголовные татуировки так же, как и жаргон, характеризуют внутренний мир преступника. Они свидетельствуют либо о принадлежности его к определенной категории правонарушителей, либо о тяготении к ней. Рисунки на теле преступника можно разделить на три основные группы: татуировки общего плана; татуировки-символы и татуировки криптографической направленности. Поэтому они представляют не только криминологический интерес в аспекте познания субкультуры преступников, но и интерес в криминалистическом, профилактическом и следственном аспектах.

Клички уголовников предназначены для сокрытия имен с целью обеспечения конспирации. Как правило, воровские клички являются производными от фамилий, физических или психических особенностей лица. Кличка – это своего рода краткая, но очень меткая характеристика личности преступника. Она остается за ним даже в случае, если он изменил фамилию и перешел на нелегальное положение.

Профессиональная преступность – вид преступности

Представляется, что в теоретическом аспекте профессиональную преступность следует отнести к виду преступности. Она имеет свои признаки, органически связана с существованием преступности как социального явления. С одной стороны, она воспроизводится посредством существования преступности вообще, с другой – развивается, оказывает негативное влияние на ее количественные и качественные стороны. Причем, если совокупность преступлений, совершенных профессиональными преступниками рассматривать диалектически, то она является особым по отношению к общему – преступности. Одновременно профессиональная преступность может быть общей по отношению к видам преступлений, ее признакам и элементам, в связи с чем можно говорить о структуре этого вида преступности. Таким образом, профессиональная преступность есть относительно самостоятельный вид преступности, включающий совокупность преступлений, совершаемых преступниками-профессионалами с целью извлечения основного или дополнительного источника доходов.

2. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

ПРЕСТУПНОСТЬ И ХАРАКТЕР ЕЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ И ПОСЛЕРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОДЫ

Зарождение профессиональной преступности

1. Преступность в России в отличие от Западной Европы складывалась в специфических социально-экономических условиях, наложивших на нее свои национальные особенности.

Во – первых, Россия была преимущественно аграрной страной с прочными патриархальными традициями и преобладающим сельским населением. Это не могло не влиять на структуру и динамику профессиональной преступности, поскольку многие виды имущественных преступлений были типичными именно для городов.

Во – вторых, Россия являлась крепостнической державой и по своему экономическому положению долгое время была одним из отсталых государств в Европе, что способствовало усилению эксплуатации народа и исключительному по своим формам беззаконию со стороны официальных властей.

Крайне тяжелое экономическое и правовое положение крепостных крестьян неизбежно влекло за собой рост преступности. Причем в народных воззрениях преступник часто отождествлялся с «несчастливым человеком», вызывая сочувствие. «Разбойники, гулявшие по юго-восточной Украине, – писал Л. Белогриц-Котляревский, – воплощали в себе идеал свободной жизни русского простолюдина XVII столетия: он тянулся к этому идеалу своим душевным миром, он его олицетворял и в известных образах, которые и запечатлел в народных песнях».

Поэтому несложно представить, как складывалась структура преступности дореформенной России и какие преступления в ней преобладали. Это прежде всего бродяжничество, самовольное проживание без документов («поручных записей») в городах и имущественные преступления, главным образом кражи.

В среднем, по подсчетам ученых, от помещиков ежегодно бежало свыше 200 тыс. крепостных.

В 1586 году был даже специально утвержден Тобольский разбойный приказ, который организовывал отправку беглых крестьян и уголовников в Сибирь на каторгу или в ссылку. Многие из них, особенно в зимнее время, оседали в городах, превращая преступления и милостыню в единственный источник существования. Анализируя историю воровства и касаясь причин этого распространенного явления, Белогриц-Котляревский пришел к выводу о том, что при скитальческой жизни вряд ли легко достать пропитание. Ненависть и это обстоятельство наталкивали беглого на разгульную жизнь, постепенно он погрязал в преступлениях и становился преступником. Не случайно в первой половине XVII столетия и в последующие годы Москва, по описанию ряда авторов, была пристанищем воров и разбойников, от которых «негде было деваться ни днем, ни ночью». Причем население всячески содействовало преступникам либо из-за страха перед расправой, либо из солидарности с ними, которая, по словам современников, доходила до того, что в Москве нельзя было положиться на собственных телохранителей.

На развитие преступности, в том числе профессиональной, крайне негативно отражались также и жестокость карательных мер. С одной стороны, на совершение противоправных деяний людей толкали нищета и произвол правящего класса, а с другой – невозможность возврата к прежней жизни, поскольку добровольная сдача властям (равно как и задержание ими) влекла за собой тяжкие физические наказания. Это, в свою очередь, не могло не способствовать сплоченности преступного мира: кражи и разбои большей частью носили групповой характер. Характерно, что в этот период получили распространение карманные кражи и игорное мошенничество.

Преступления в городах, особенно кражи, чаще всего совершали бродяги («пришлые люди»), которые перебивались в стрельцов и действовали под их видом. По сути это были уже профессиональные преступники, применявшие специальные воровские приемы и получавшие от краж средства к существованию. В больших городах имелись и специальные места концентрации преступников устойчивого типа («лихих людей»). В Москве, например, к таким районам относились Немецкая слобода, деревни за Серпуховской заставой и др. Обычным местом времяпрепровождения преступников являлись кружечные дома (пивные), в которых они отмечали свои успехи и пополняли шайки новыми людьми. Например, в Петербурге в начале XVIII столетия местом сбора воров, разбойников и бродяг были «кабаки, вольные дома, торговые бани, рынки, харчевни и проч.».

Многие виды преступлений, особенно против личности и имущественные, были распространенным явлением и среди господствующего класса. Так, подделка документов (подлоги) и мошенничество почти полностью относились к преступлениям «владельцев классов». Купцы, например, обращали обман в главное и единственное свое занятие. Что касается помещиков, то, совершая бесчисленные преступления против личности, они охотно занимались кражами, расхищением казенного имущества (казнокрадством), похищением людей с целью продажи и т. д. Уголовные деяния совершали и лица духовного сословия.

Однако в описываемый исторический период преобладали насильственные и корыстно-насильственные преступления с относительно примитивными способами их совершения. Не существовало и так называемого профессионального преступного мира с его «законами» и «моралью», с особым тайным языком, что обуславливалось рядом объективных социальных факторов.

В целом для совершения преступлений не требовалось ни большой квалификации, ни особой конспирации. Уголовный розыск в стране как сыскная государственная система был учрежден значительно позднее (с 1866 по 1901 год). Однако это не говорит о том, что в России вообще не существовало органов сыска. Истории, например, известна роль Разбойного приказа с его системой слежки и пыток. Правда, он большей частью действовал как аппарат политического сыска.

В царствование Петра I причины преступности значительно усугубились в связи с повышением налога для создания регулярной армии, резким нарушением привычного уклада жизни крестьян, связанным с многочисленными реформами и нововведениями, частыми войнами, серией неурожаев, мощных пожаров и опустошающих эпидемий, что в первую очередь отразилось на увеличении числа имущественных преступлений. Небезынтересно отметить, что именно с этого времени в России наблюдается постоянный рост преступности.

С созданием регулярной государственной полиции, имевшей широкий круг полномочий и методов их реализации, характер деятельности воров, грабителей, разбойников, бродяг и других категорий устойчивых преступников значительно усложнился и объективно вынуждал более тщательно ее конспирировать. К этому периоду относится, например, запрещение выхода из преступной шайки под угрозой смерти. С организацией сыска внутри преступного мира стали появляться провокаторы.

Знаменитости преступного мира

Наиболее ярко и достаточно убедительно отражает изменения качественной стороны преступности первой половины XVIII века биография знаменитого по тому времени вора Ивана Осипова по кличке «Ванька Каин».

Судьба Каина настолько нетипична, что его порой называют в современной литературе «русским Видоком», допуская при этом ошибку, так как франсуа Эжен Видок действовал гораздо позднее – конец XVIII – начало XIX столетий (скорее он французский «Каин»). Преступная деятельность Ваньки Каина приходится на 1731—1749 гг. В криминальную летопись он вошел как знаменитый доноситель сыска приказом, соединивший в себе как бы два типа – «сыщика-грабителя» и «народного мошенника пора». Причем склонность к воровству у Ваньки наблюдалась с раннего детства. Он ворует у барина и получает за это побои, ворует у матери, у соседей. Однажды барышники, которым он сбывал краденое, познакомили его с настоящими уголовниками. Одному из них – Петру Романову по кличке «Камчатка» он пожаловался на трудную жизнь, на побои, на то, что воровство ему с «рук не сходит». Результаты сказались незамедлительно. В ту же ночь Васькин барин, а

заодно и местный поп были обворованы. Вскоре под сводами Каменного моста в Москве состоялся обряд посвящения Каина в общество воров. Церемония состояла из двух частей: денежного взноса (пая) в шайку и произнесения одним из воров спича на воровском жаргоне.

Основной его специальностью были карманные кражи. Так, в письме на имя начальника сыска приказов он собственноручно писал: «Будучи на Москве и в прочих городах, мошенничал денно и ночно; будучи в церквах и в различных местах у господ и приказных людей, у купцов и всякого звания людей из карманов деньги, платки, всякие кошельки, часы, ножи и прочее вынимал». Но карманников и тогда, оказывается, ловили. На одной из проходивших ярмарок, после нескольких удачных краж, Ванька был пойман и закован в цепи. Однако тяжесть наказания ему испытать не пришлось благодаря «сотоварищам» по шайке. Тот же Камчатка передал ему в калачах ключи, которыми и были открыты замки оков. Обращает на себя внимание тот факт, что этому предшествовала записка на воровском жаргоне, который полиция не знала. В письме, например, говорилось: «Триошка качела, стромык сверлюк стракторило», что примерно означало: «Тут ключи в калаче для отпираения цепи».

После побега Каин снова ворует, состоя в нескольких шайках под началом разных главарей. В 1741 году по неизвестным причинам он решает изменить вора и поступает в полицию сыщиком. Так как Ванька «впал в раскаяние», то его охотно приняли и передали в распоряжение воинский отряд для борьбы с преступниками – 14 солдат и одного подьячего (писаря). В первую же ночь он задержал 32 вора. Затем в течение более двух лет в Москве Ванькой и его командой было поймано 109 мошенников, 37 воров, 50 укрывателей воров («становщиков»), 60 скупщиков краденого и 42 беглых солдата. Сыская работа Каина велась в притонах, ночлежках и других местах с помощью дозволенных и недозволенных методов.

Официально Ванька назывался доносителем Сыска приказов. Однако за оказанную услугу ему не дали ни наград, ни даже тех денег, которые он затратил на поиск преступников. Тогда Каин впадает в другую крайность. Он шантажирует своих бывших товарищей по воровским шайкам и берет с них взятки, занимается вымогательством. Не довольствуясь подачками воров, Ванька переносит свои поборы на купцов и обывателей (горожан), угрожая им для полной гарантии поджогами. Здесь отвлечемся и заметим, что когда мы сегодня спорим о времени и причинах зарождения рэкета, то забываем нашу историю, ведь этот вид деятельности существовал, оказывается, столетия тому назад.

В 1748 году в Москве действительно участились пожары, резко возросло число разбоев, грабежей и краж. Положение стало настолько опасным, что власти вынуждены были ввести в город войска. Всего, например, сгорело тогда около двух тыс. дворов, в которых погибло почти 100 человек. Наконец вдвойне преступная карьера Ваньки была пресечена новым полицмейстером Татищевым, арестовавшим его за похищение 15-летней девочки для насильственного сожительства.

Таким образом, из анализа материалов о преступной жизни Каина видно, что уже в первой половине XVIII века существовали правила приема в шайку, устойчивость воровских сообществ, взаимовыручка преступников, сформировавшийся жаргон, наличие уголовных кличек. Иными словами, довольно отчетливо просматривались все признаки, присущие преступной профессиональной деятельности. Вместе с тем «законы» преступного мира были еще слабы. Иначе чем можно объяснить безнаказанность Каина за прямое предательство и вред, причиненный своему «собратству»? В более поздний период подобные действия, как правило, жестоко карались.

Почти полстолетия спустя аналогичная судьба сложилась у Ф. Э. Видока, ставшего затем начальником тайной полиции Парижа и оставившего мемуары о преступной и противопреступной своей жизни. Правда, эта личность незаурядна и с Каином ее сравнивать нельзя, но, что любопытно, и Видок не испытывал возмездия за «предательство», наоборот, он внушал даже страх и уважение преступникам.

Однако для западных стран это был, пожалуй, единственный в своем роде случай. Во Франции, Италии, Англии и Германии, где консолидация преступного мира началась гораздо раньше, чем в России, отмечалось совершенно иное положение. Ярким тому примером служит уголовное дело Картуша, одного из квалифицированнейших и крайне жестоких преступных типов Франции XVIII века. Для сравнительного анализа коротко рассмотрим его биографию, тем более что криминальная деятельность Картуша началась почти одновременно (лишь на 10 лет раньше) с похождениями русского Каина. Картуш также начал с карманных краж, причем этому искусству он обучался в цыганской воровской школе и достиг в нем полнейшего совершенства. Он так же, как и Ванька Каин, бежал из дому с единственным желанием воровать. После службы в армии, куда он попал случайно и где познакомился с помощью воровского языка со многими бывшими преступниками, Картуш возвратился в Париж и организовал там профессиональную воровскую шайку более чем из 300 человек. По структуре она напоминала достаточно крупное армейское подразделение. Методы работы, конспирации были заимствованы у полиции. Небольшие группы возглавляли «сержанты» и «лейтенанты», а общее руководство осуществлял Картуш и его помощники. В шайке были «разведчики», доносители, специалисты по обучению молодого пополнения. Она имела место дислокации и зоны своего влияния, где другие банды действовать не имели права. Сообщество Картуша отличалось жесткой дисциплиной и исключительным внутренним порядком. При любом подозрении в измене Картуш, не дожидаясь подтверждения, убивал человека. Дело Картуша свидетельствует о существовании преступных организаций, имевших свою структуру, дисциплину, сферы влияния со «своей» полицией и даже свою школу по обучению карманных воров. Оно также показывает значительное отличие преступных шаяк Франции от аналогичных сообществ России, уголовная хроника которой подобного не зарегистрировала даже в более поздние периоды.

Русская блатная «музыка»

Формирование в преступном мире России стабильного ядра профессиональных преступников сопровождалось установлением специфических атрибутов их субкультуры, криминальных традиций и обычаев. В криминалистическом аспекте наибольший интерес представляет воровской жаргон (воровской язык).

Известно, что условным языком владели уже преступники Древней Греции, в русском государстве им пользовались первые волжские разбойники. В разных странах тайный язык преступников именовался по-разному (например, арг), хотя отражал одно и то же – особенности криминального образа жизни.

На Руси этот язык известен под названием «музыка». По словам В.И. Даля, эта «музыка» была разработана столичными мошенниками, карманниками и ворами разного промысла, конокрадами и барышниками. Однако это высказывание, по нашему мнению, далеко не полностью отражает характер возникновения жаргона.

Среди ученых нет единого мнения о времени зарождения жаргона русских преступников. Языковед А. Шор относил начало его возникновения к XVIII веку (в странах Западной Европы он появился уже в XIII веке). В. Трахтенберг утверждал, что жаргон и условный шрифт преступников произошли от условных обозначений офеней (торговцы-разносчики мелкого товара), слова которых им найдены в рукописях XVII века. Другие связывают зарождение жаргонизмов с появлением волжских разбойников. Представляется, что указанные точки зрения авторов скорее следует отнести не ко времени зарождения воровского жаргона, а к периоду его окончательного формирования в преступном мире России. Возникновение же тайного языка преступников относится к более раннему периоду, когда на Руси происходило деление общества на классы и, как следствие этого, наблюдалось появление и рост преступности. Выработка жаргона происходила, как отмечал языковед Б. А. Ларин, стихийно и диктовалась своего рода необходимостью, в связи с чем тайная речь воровской организации развивалась вместе с преступниками. Поэтому анализ жаргона позволяет сделать вывод о том, что уголовно-профессиональный язык отдельных категорий преступников, преимущественно воров, окончательно утвердился в России уже в первой половине XVIII века.

При этом отмечается интенсивное распространение воровского языка и пополнение его новыми жаргонизмами. Так, из польского языка в русский воровской жаргон перешли слова: «капать» – доносить, «коцать» – бить, «мент» – тюремный надзиратель; из украинского: «хавать» – есть, «хомка» – нож, «торбохват» – арестант; из цыганского: «чувиха» – проститутка, «марать» – убивать, «тырить» – воровать; из тюркского: «яманы» – плохой, «кича» – тюрьма.

Ученые прошлого (М. М. Фридман, Г. Н. Брейтман) и современные (М. Н. Грачев) отмечали, что общими для различных категорий жаргонов русского аргю явились многие элементы еврейской «блатной музыки». Это обуславливалось двумя причинами. Во-первых, некоторые группы еврейского населения дореволюционной России по роду своей деятельности стояли близко к преступному миру. Таковыми были содержатели игорных домов, питейных заведений («шинков»), домов терпимости, ростовщики, маклеры, торговцы и даже скупщики краденого. Специфика подобного рода занятий требовала нередко общения с уголовными элементами и известной конспирации, для чего использовался жаргон.

Во-вторых, у евреев имелся разговорный язык идиш, благодаря которому они общались между собой. Элементы идиша также нашли значительное распространение в русском жаргоне. В частности, «хавира» – воровской притон, «хевра» – группа карманников, «шайка» – от еврейского (chover) общество, содружество, «мусор» – агент сыскальной полиции (от евр. «доносчик»).

Значительное влияние на процесс развития русского аргю оказал также более «опытный» преступный мир стран Западной Европы особенно с развитием капитализма в России. Причем заимствование шло как из литературного языка, так и из профессионализированных жаргонов преступников. Например, из немецкого языка были заимствованы такие слова-жаргонизмы, как «фрайер» – общее название жертвы, «бур» – сообщник, «гутенморген» – утренняя кража; из французского: «шпана» – мелкий вор, «марьяжить» – завлекать, «алюра» – проститутка; из английского: «шоп» – магазинный вор, «шкет» – подросток; из венгерского: «хаза» – притон.

Жаргон, как правило, вырабатывался у каждой категории профессиональных преступников. С одной стороны, он носил универсальный характер, т. е. определенная часть терминов и слов являлась общей для всех правонарушителей, а с другой – был сугубо индивидуален для каждой группы. Наиболее развитым оказался специализированный жаргон карманных воров, карточных шулеров, взломщиков сейфов, бродяг и скупщиков краденого.

Профессионализация корысти

Конец XVIII и первая половина XIX веков знаменуются разложением крепостнических отношений и как следствие этого резким ростом бродяжничества, увеличением преступлений, хотя ее уровень в расчете на 100 тыс. населения был относительно небольшим (в 1853 году на полмиллиона населения С. – Петербурга приходилось всего 5 убийств, 6 грабежей и 1260 краж и мошенничеств).

В структуре преступности по-прежнему преобладали имущественные преступления, число насильственных деяний было незначительно. Это связано в определенной мере с общим процессом изменения качественной стороны преступности и устойчивой тенденцией перехода от насильственного завладения чужим имуществом к тайному его похищению.

История капитала – история грабежа

Рост капитализма в России знаменовал собой изменения во всех сферах социальных, экономических и правовых отношений общества, что обусловило качественно новый этап в развитии преступности, в том числе профессиональной.

С отменой крепостного права значительно снизилось (почти вдвое) бродяжничество, в то же время резко увеличилось число имущественных преступлений. Раскрепощение дало крестьянам личную свободу, одновременно ухудшив их материальное положение, поскольку большой выкуп за малый надел земли не давал возможности прокормить семью, а это приводило к разорению многих крестьянских дворов. Реформа 1861 года вызвала интенсивные миграционные процессы в стране, в связи с чем пореформенный период характеризуется также резким увеличением преступности в городах, где оседали разорившиеся крестьяне, прибывающие на заработки. Непривычные условия городской жизни, жестокая эксплуатация, недовольство «дарованной» свободой и нищенство толкали их на путь совершения преступлений.

Однако не все виновные совершали преступления из-за голода и нищеты. Например, подлоги кредитных бумаг, карманные кражи, карточное мошенничество, кражи под предлогом посещения богатых лиц (квартирные кражи), и другие совершались профессиональными преступниками, нередко выходцами из купеческого и дворянского сословий. Аналогичное замечание можно отнести и к проституции. Небезынтересно отметить, что английский ученый Вильям Бутс, проводя исследование преступности, в том числе проституции, обнаружил среди проституток лишь 2% женщин, вставших на этот путь из-за бедности. Основными мотивами оказались: соблазн – 33%, добровольный выбор – 24%, дурное общество (окружение) – 27%.

Не изменилась структура преступности России и в конце XIX столетия – периода наиболее интенсивных темпов развития капитализма.

Так, с 1868 года все виды преступлений почти при стабильном числе населения возросли в несколько раз. Например, убийства – более чем в 10 раз, кражи в 5 раз и т. п. Преступность в России в целом до конца столетия постоянно возрастала, опережая темпы роста населения. Ее увеличение происходило исключительно за счет имущественных преступлений, дела о которых составляли две трети от общего числа всех уголовных дел.

Сколько было профессиональных преступников?

Вызывает криминологический интерес также хотя бы примерное количество профессиональных преступников в дореволюционной России. Определить это очень сложно, поскольку раскрываемость преступлений в конце XIX – начале XX веков была низкой. Однако некоторое представление можно получить из ежегодных отчетов и обзоров полиции. В среднем за год полиция С. – Петербурга задерживала профессиональных бродяг до 200–300 человек; лиц без определенного места жительства и работы – до 20 тыс.; воров – свыше 1000 (из них четвертая часть ранее подвергалась судимости); нищих – до 19–20 тыс. человек. Если среди них и не было профессионалов высокой квалификации, то все же бесспорен был тот факт, что они существовали за счет противоправного занятия (бродяжничество и нищенство являлись преступлениями).

Кроме того, в антропометрическом отделении С. – Петербургской полиции на начало XX века хранилось учетных карточек на столичных преступников – 47437 единиц и на провинциальных – 10453. Если принять во внимание, что на учет ставились чаще преступники устойчивого типа, то значительная часть состоявших на учете, очевидно, могла быть отнесена к категории профессионалов. Вместе с тем «попытка установить число этих привычных или профессиональных преступников, специалистов и аристократов в преступном мире, – писал М. Гернет, – дают поразительно малые цифры». Отмечалось, что в Англии, Германии к 1907 году их насчитывалось не более 2–4 тыс. Не была, очевидно, исключением и Россия, если подходить к оценке профессионального преступника с позиций его квалификации и «аристократичности», в чем нас убеждает анализ контингента сахалинских каторжан, проведенный известным журналистом В.Дорошевичем. Если же исходить из признака существования за счет преступной деятельности, то показатели будут значительно выше.

Университеты преступности

На распространение профессиональной преступности существенное влияние оказывала сама пенитенциарная система России. По свидетельству многих зарубежных и отечественных авторов, места лишения свободы играли большую роль в повышении преступного «ремесла», а стало быть, профессионализации. В дореволюционной России длительное время не существовало разделения осужденных по режиму содержания, возрастным особенностям, а до начала XIX века во многих губернских тюрьмах вместе с мужчинами содержались также женщины и дети. Поэтому места лишения свободы превращались в своеобразные школы по обмену преступным опытом.

Дальнейший рост преступности

Переход российского капитализма к своей завершающей фазе развития – империализму, как известно, сопровождался дальнейшим усилением эксплуатации трудящихся масс, ухудшением их материального положения и физического состояния. Следствием этого, как и раньше, явился рост уголовной преступности.

Нельзя не отметить одну весьма важную особенность: такие преступления, как грабежи, разбои и кражи, в этот период нередко являлись своеобразным протестом рабочего класса против угнетения и несправедливости со стороны правящего сословия.

Однако преступность в России с 1889 по 1908 год в целом выросла незначительно, что можно объяснить следующими причинами. Во-первых, органы правопорядка были заняты преимущественно политическими делами в годы первой русской революции. Во-вторых, замедление темпов роста преступности произошло также в результате отвлечения мужского населения на службу в армии в связи с русско-японской войной. Но этот процесс длился недолго. Уже в 1906 году с подавлением русской буржуазной революции преступность снова растет. Наиболее интенсивно росло количество краж, грабежей и разбоев. Их постоянный рост отмечался вплоть до первой мировой войны.

Рост преступности обуславливался также крайне негативным моральным состоянием общества перед первой мировой войной. В этот период, отмечали многие ученые, регистрировалось самое большое количество уголовных посягательств, связанных с мошенничеством, подделкой документов и преступлениями против нравственности, распространением наркомании.

В целом ежегодно количество возбужденных уголовных дел составляло около 4 млн., из которых от 20 до 30% дел прекращалось по оправдательным мотивам. Однако перед самым началом войны преступность заметно снизилась.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРЕСТУПНИКИ И ИХ ПОЛОЖЕНИЕ В УГОЛОВНОМ МИРЕ РОССИИ Вторая жизнь каторги

В России конца XIX столетия с организацией тюремной системы и уголовного розыска при интенсивном росте преступности начинается формирование много мира преступников, деятельность которых в новых условиях нуждалась в определенной консолидации с целью обеспечения собственной безопасности. Наиболее активно этот процесс проходил в среде рецидивистов. Отмечалось, что все мошенники и воры делились на группы и классы, каждый со своей специальностью.

Преступный мир России, как и других капиталистических стран, был разнообразен не только по социальному составу лиц, их положению в криминогенной среде, но и по роду противоправной ориентации (воры, мошенники, грабители). К началу XX века в местах лишения свободы, преимущественно на каторге, сформировалась определенная иерархия осужденных. Ее составляли четыре касты преступников, объединенных по убеждению, криминальной квалификации, положению в уголовной среде и физическим особенностям. Эти, выражаясь современным языком, неформальные группы, по словам СВ. Максимова, распоряжались жизнями осужденных, были их судьями и законодателями. Они подразделялись на «Иванов», «храпов», «игроков» и «шпанку».

К «иванам» причисляли себя заключенные, которые занимались грабежами, терроризированием каторжан, стараясь утвердить свое влияние. «Храпы» стремились делать все чужими руками. Их еще называли «глотами», так как они способствовали возникновению ссор между каторжанами, во время которых принимали сторону сильных в расчете получить какую-то выгоду. «Игроки» – это каста, состоящая из профессиональных игроков в азартные игры, нередко карточных мошенников (шулеров). «Шпанка» представлялась низшим сословием каторжан, всеми эксплуатируемыми, забитыми и, как говорили о них, «от сохи на время».

Ознакомившись с бытом и нравами каст, В. Дорошевич писал, что они, кроме «шпанки» – «аристократы каторги и ее правящие классы». Однако это несколько преувеличенная оценка роли уголовных каст на каторге. Из данных самого же Дорошевича видно, что их члены не были связаны между собой уголовно-воровскими обязательствами, не имели каких-либо более или менее стабильных правил поведения, «законов» и т. п. Элементы дисциплины и власти наблюдались лишь у «игроков». Будучи, очевидно, образованнее и более развитыми по сравнению с другими заключенными, располагая определенными суммами денег, имея свое окружение и даже телохранителей, «игроки» действительно навязывали свою волю всей каторге, в том числе и администрации. Они имели далее своих «рабов» – каторжан, проигравших жизнь в азартной игре (под названием «три косточки»).

На сахалинской каторге среди заключенных были и другие категории. Например, «сухарники», которые за вознаграждение выполняли чужую работу или брали на себя преступления других лиц. Кстати, эта специфическая группа существовала и в других местах лишения свободы. Обычно ее составляли лица, осужденные к длительным срокам наказания. Чтобы выжить, они продавали себя.

Наиболее малочисленная неформальная группа включала тюремных ростовщиков или барышников (на жаргоне «асмадеи»). Большей частью этим занимались профессиональные бродяги, называемые в преступном мире (и полиции) «Иванами, не помнящими родства».

Уголовное «братство»

В условиях свободы такой дифференциации не существовало, за исключением деления воров на «урок» и «оребурок» (крупных и мелких преступников). Вместе с тем рецидивисты, например, объединялись в преступные сообщества («малины»), в каждом из которых консолидировалась определенная разновидность («масть») профессиональных преступников – карманные воры («ерши»), магазинные воры («городушники»), взломщики сейфов («медвежатники»), мошенники, использующие фальшивые украшения («фармазошники»), карточные шулера и т. п. Такие объединения имели главаря («пахана»), делились на мелкие группы («братства») по два – пять человек для непосредственного совершения преступлений.

В «малинах» устанавливались определенные неформальные нормы поведения, однако они не выходили за рамки данной микрогруппы. Нами не обнаружено случаев, когда бы блатные «законы» действовали на территории всей страны и были бы обязательны для какой-либо группировки преступников. Но бесспорно установлено пять профессионализированных категорий преступников, отличавшихся друг от друга противоправной направленностью. Рассмотрим их несколько подробнее.

1. Грабители – наиболее опасная, хотя и малочисленная группа преступников, специализирующихся на насильственном завладении имуществом (в уголовной среде они назывались «громилами»). Убийства ими чаще совершались при разбоях в помещениях (квартиры, лавки). Орудия преступления были самыми разнообразными (кисть, топор, веревка), однако в начале XX века, по свидетельству В. Лебедева, среди «громил» (не только) получили распространение финские ножи.

Уголовные традиции этой категории преступников соизмеряются веками. Жестокость способов совершения преступлений, вызывающая большой резонанс в обществе, тяжесть правовых последствий в случае разоблачения, специфика сбыта похищенного имущества обуславливали необходимость объединения грабителей в хорошо замаскированные сообщества, порой численностью до 100 и более человек. Например, в начале XX века Московским уголовно-розыскным отделением в результате длительной и очень хитроумно проведенной операции была обезврежена шайка «грабителей-убийц», в состав которой входило больше ста участников. Эта группа действовала на протяжении многих лет в районе Большой Грузинской дороги и имела разветвленные преступные связи среди местного населения. Жертв своих преступники, как правило, убивали и сбрасывали в пропасть, поэтому никаких следов преступления не оставалось.

По указанию центральных властей полиция направила в район действия грабителей опытного московского сыщика, который «после долгого путешествия по разным духанам, ресторанам и вертепам воровских пристанищ» напал на след шайки и внедрился в ее состав.

25 криминальных «профессий»

2. Профессиональные воры – самая многочисленная категория преступников, которая дифференцировалась на множество различных «специалистов» в зависимости от объекта, предметов и способов противоправного посягательства. Официально их насчитывалось 25 разновидностей, но на практике было гораздо больше, так как многие в это число почему-то не вошли.

Похитители денег из сейфов. В преступном мире России они стояли на первом месте по воровской квалификации, особому положению и независимости от иных категорий уголовников, что создавало им известный авторитет среди других преступников и даже полиции, где все они были на учете.

В зависимости от способа совершения преступлений они разделялись на **«медвежатников»** и **«шнифферов»**. Первые «работали» без взлома, открывали сейфы с помощью ключей, особых отверток и другого воровского инструмента (они имели специальный набор всевозможных приспособлений, который размещался в кожаном поясе). Вторые проникали в сейфы путем взлома замков, дверей^[1].

В начале XX века взломщики сейфов впервые применили при совершении преступлений газосварочный аппарат, что вызвало много споров среди криминалистов России и стран Западной Европы и лишний раз подтвердило мысль о том, что научно-технический прогресс никогда не был безразличен преступному миру.

«Медвежатники», как правило, не поддерживали связей с иными категориями преступников и не совершали иных преступлений, находясь даже в крайней нужде.

Железнодорожные воры

Они специализировались на кражах грузов из почтовых и багажных вагонов. У них была четкая, отработанная до деталей технология и инструментарий для совершения преступлений. По оценке полиции России и западных стран, железнодорожные воры составляли одну из опаснейших категорий преступников.

Магазинные воры. В уголовном мире России они назывались «городушниками» или «шоттенфеллерами». Предметами их посягательств были одежда, ювелирные изделия и другие вещи. Магазинные воры имели несколько разновидностей. Одни занимались хищением денег из касс, для чего оставались в помещении после закрытия магазина. Другие пользовались специальным инструментом (пластины, вымазанные клеем) для извлечения бумажных денег из прилавков. Третьи занимались похищением денег при размене крупных купюр у кассы – «менялы», или «вздержки». (В отдельных случаях этот вид преступления квалифицировался как мошенничество.) Четвертые специализировались на похищении вещей с витрин («витринные воры»).

Похитители грузов специализировались на кражах с ручных и гужевых тележек, на которых обычно развозились товары по магазинам и лавкам. Особенность их преступной деятельности заключалась в совершении краж группой соучастников.

Воры, кравшие с экипажей, – «поездушники».

Воры, занимавшиеся кражами из гостиниц. У них также имелось несколько более узких специальностей, обусловливаемых временем (день, ночь, утро) и способами совершения краж.

Квартирные воры («домушники»). По способу совершения преступлений они разделялись на квалифицированных и обычных. В обоих видах имелось по несколько самостоятельных воровских направлений. В качестве орудия преступления преступники использовали различный воровской инструмент – «фомки», «гусиные лапки», «вертуны» и т. п. Наиболее опытные рецидивисты имели «международный» воровской инструмент, получивший название «уистити». Менее опытные воры совершали кражи через форточку («форточники», «скокари»), либо с помощью прислуги, под видом должностных лиц или знакомых (кража по «тихой»). Всего насчитывалось 7 – 8 категорий квартирных воров. Однако профессиональными среди них, по мнению Г. Н. Брейтмана, были только взломщики. К остальным относилась «серая масса», которая жила по ночлежкам и была лишена своей общественной организации.

Конокрады – «скамеечники» (учитывались в одной графе со скотокрадами) – в то время одна из наиболее значимых категорий воров с вековыми уголовными традициями, специальным жаргоном, межгубернскими преступными связями, хорошо отработанными приемами конспирации. Организованность и сплоченность конокрадов вызывались спецификой совершения краж и сбыта похищенных лошадей. В их среде было много цыган, связанных со скупщиками («лошадными барышниками»). Кражи лошадей раскрывались редко, чему способствовали способы сокрытия следов преступлений. Лошадей, например, перекрашивали, изменяли у них форму копыт, подтачивали зубы и т. д. Данные преступления чаще всего совершались группами, которые с полным основанием можно отнести к преступным организациям, имевшим место дислокации, связь с полицией, свою «агентурную сеть» и жесткие неформальные правила поведения. Не случайно Г. Н. Брейтман писал, что первое место среди преступных обществ следует отдать обществу конокрадов, представляющему в некотором роде государство в государстве. Оно самое многочисленное и самое грозное. Иногда такое общество насчитывало несколько сот членов, и их, очевидно, можно отнести к проявлению организованной преступности в России.

Карманные воры. Они относились к высококвалифицированным уголовникам, однако по сравнению с другими категориями считались мелкими ворами и не пользовались большим авторитетом в преступном мире, особенно среди осужденных (исключение составляли международные карманники – «марвихеры»).

Наиболее распространенными были квалифицированные кражи, совершаемые под прикрытием («ширмой»), для чего служили плащи, наброшенные на руку, газеты, букеты цветов, портфели и другие предметы. К орудиям преступления относились пинцеты, крючки, щипцы для среза цепочек и часов, крошечные лезвия, вставленные в кольца или браслеты, и т. п. Приемы совершения краж были разнообразными. Воры действовали даже с помощью дрессированных собак.

В ряде источников отмечены исключительное мастерство и ловкость русских карманных воров, отличавшихся этим от карманников стран Западной Европы. Но дело здесь не во врожденных или национальных свойствах личности, как предполагал Ч. Ломброзо, а в условиях ведения преступного образа жизни и уголовно-воровских традициях. В Англии, Франции, например, существовали специальные школы, между тем в России карманники воспроизводились практикой поколений профессиональных преступников. И если небезызвестный Картуш пользовался только манекенами в обучении карманных воров, которых бил палкой по голове за каждую неудачную попытку, то, по словам Белогриц-Котляревского, на Руси «они (учителя. – А.Г.) показывали ученикам своим тут же на площади, с какой ловкостью надо это сделать: вынимали у проходящих из карманов табакерку, нюхали табак и клали ее снова в карман проходящему, а тот шел, ничего не замечая». Отмечалось, что карманные воры очень боялись попасть в места лишения свободы (очевидно, это связывалось с возможной потерей там воровских навыков) и игнорировали любые отношения с грабителями.

Иные категории воров. К ним относились более мелкие, но не менее опасные преступники, которые действовали в одиночку или небольшими группами. Воровским «авторитетом» они не пользовались в связи с низкой криминальной квалификацией. В основном эти воры действовали с помощью опаивания потерпевших снотворным («малинщики») и при участии профессиональных проституток («хипескики»). Сюда же можно отнести воров, кравших собак дорогой породы («собачники»), белье с чердака («голубятники»), шапки в прихожих («капорщики»), мешки у крестьян («торбовщики»), похищавших вещи во время пожара («пожарники»), похорон («мо-рушники») и других. В уголовной среде эту категорию презрительно именовали «портяночниками».

К последней группе относились преступники, стоящие на самой низкой ступени воровского профессионализма, – это обиратели пьяных, крадущие белье с веревки, продукты из сумок и корзин и т. п. Однако в отличие от воров стран Западной Европы у профессиональных воров

России, по мнению начальника уголовного сыска г. Москвы В. Лебедева, не наблюдалось большой дробности в специализации. Например, в Германии воры подразделялись на похитителей конских покрывал, птиц, зонтиков, костылей и т.д.

Характеристика уголовно-воровской среды не будет завершенной, если не показать другие категории преступников, без которых существование первых было бы значительно затруднено. К ним относились скупщики краденого («барыги»), укрыватели преступников («становишки»), содержатели воровских притонов («малин»).

Скупщики краденого представляли собой финансовую элиту преступного мира. Как правило, они имели стабильных поставщиков похищенного товара, а нередко и сами являлись организаторами преступлений. Некоторые скупщики становились купцами и открывали легальное дело. Аналогичное положение отмечалось в странах Западной Европы. Воровские притоны играли существенную роль в жизни профессиональных преступников. Там они укрывались от полиции, потребляли наркотики, знакомились с новыми членами воровских шаек, обсуждали многие вопросы своей деятельности. Содержателем притона чаще являлась женщина («воровская мама»).

Уголовная элита

3. Мошенники относились к третьей достаточно распространенной категории профессиональных преступников и составляли элиту уголовного мира, его высшую «аристократию».

По объекту посягательства они дифференцировались на две группы. Первая занималась преступлениями против государственной собственности – подлогами, подделкой векселей и других финансовых документов. Вторая, более многочисленная группа совершала преступления против частной собственности. Несмотря на множество специализаций и постоянную их модификацию, можно выделить следующие основные «профессии» мошенников: обман с помощью денежной и вещевой «куклы» («басманщики»), с использованием фальшивых драгоценностей («фармазонщики»), размена крупных купюр («вздержчики», «менялы»), под видом женитьбы («женихи»[^], сбора пожертвований («сборщики»), игорного обмана («золоторотцы»), под видом юридических чиновников («стряпчие»).

Среди всех способов уголовно наказуемого обмана особенно выделялось в России карточное мошенничество. Его так же, как и карманные кражи, следует отнести к «классическому» типу профессионального преступления, требующего специальной подготовки.

Карточные шулера по своему образу жизни, кастовости и материальному положению выделялись не только из общей массы профессиональных преступников, но и из среды мошенников. В начале XX века это была одна из устойчивых разновидностей профессиональных преступников, имевших вековые традиции, межгубернские преступные связи и могущих планировать целевые операции по обыгрыванию миллионеров.

Специфика шулерского обмана определяла групповой характер этого преступления. Состав группы не превышал трех – пяти человек. Типичными мошенническими способами при игре были метка карт, подрезание их краев, крапление, накладка с помощью иглы.

В зависимости от способа совершения преступлений и квалификации шулера делились на игроков высшего класса («червонные валеты» или «мастаки»), лиц, играющих подтасовкой, в заранее подготовленную колоду («складчики»), подглядывающих в чужие карты («сигнальщики») и др.

4. Фальшивомонетчики – относительно немногочисленная, но устойчивая, организованная и технически оснащенная категория профессиональных преступников. Фальшивомонетничеством занимались в специальных нелегально созданных на паях мастерских. Шайки обязательно имели главаря и жесткую дисциплину.

Фальшивомонетничество в России в отличие от стран Западной Европы было явлением достаточно распространенным, чему в значительной мере способствовала система многочисленных обособленных монастырей и раскольнических скитов, где обосновывались и укрывались фальшивомонетчики.

5. Не помнящие родства. Профессиональные нищие, как правило, – бродяги, добывавшие себе средства к существованию попрошайничеством. Это была самая многочисленная, наиболее социально деградировавшая категория правонарушителей, мощный резерв уголовного мира дореволюционной России. Бродяги-нищие прибегали ко всякого рода психологическим уловкам, чтобы получить подаяние: имитировали болезнь, вызывавшие сострадание у окружающих; выдавали себя за пострадавших на войне или пожаре (на каторге они были более обеспечены, чем другие заключенные).

Мир бродяг имел свой жаргон, свой «этикет», свои маршруты и даже свой «фольклор». Следует отметить, что данная категория лиц была относительно безопасна для населения, за счет которого она существовала.

Специалисты против специалистов

Полицейским органам европейских государств и России профессиональная преступность причиняла существенное беспокойство, посягая прежде всего на собственность имущих сословий. Поэтому борьба с профессиональными преступниками преследовала цель своевременного выявления и пресечения их преступной деятельности, для чего использовались специальные меры поискового характера. Такие меры, например, разработал и реализовал начальник тайной парижской полиции Ф. Э. Видок, что позволило за сравнительно короткий срок (18 лет) навести относительный правопорядок если не во всей Франции, то по крайней мере в самом Париже. К ним относились осведомительство, негласное наблюдение, организация притонов – «ловушек» и другие специальные меры. Насколько они были эффективны, можно судить по следующим данным. Ф. Э. Видок, имея в своем подчинении около 30 завербованных им агентов (так он называл уголовников-осведомителей), в течение 7 лет арестовал около 4 тысяч особо квалифицированных профессиональных преступников, которых обычная полиция разоблачить не могла.

В это же время Бертильон разработал и ввел новую систему регистрации преступников, что также положительно сказалось на результативности борьбы с профессиональной преступностью. По свидетельству современников, регистрация с целью опознания сильно действовала на профессионалов, заставив их искать более изощренные способы защиты от полиции. Аналогичные методы борьбы с профессиональными преступниками использовались в Германии и Англии.

Многие новшества в борьбе с преступностью нередко приписывают криминалистам из стран Западной Европы, что не совсем правильно. Еще задолго до Видока в Петербурге применялись достаточно эффективные способы уголовного сыска и предупреждения преступлений. Например, в 60-х годах XIX века в Петербурге была создана фотографическая картотека воров, систематически занимавшихся кражами. В течение года на учет ставилось до 5 тысяч устойчивых преступников.

Рост краж в Петербурге вызвал, например, необходимость специализации в III охранном отделении, в связи с чем 25 февраля 1843 года была принята Инструкция следственной комиссии, утвержденная для разбора пойманных особыми средствами воров и мошенников. Это явилось самостоятельным направлением в борьбе с одним из самых распространенных в России преступлений («особые средства» практически не отличались от методов Видока). Розыск и задержание бродяг, мошенников, воров, а также беглых каторжников осуществлялись с помощью узко специализированной деятельности нижних чинов полиции, которые маскировались под соответствующие категории преступников и вели розыскную работу в местах их возможного появления.

Особые трудности для полиции России и стран Западной Европы вызывало разоблачение международных преступников-профессионалов, преимущественно из числа карманных воров. В России их именовали «марвихерами», что означало – воры высшего класса, в Англии – «пиккететы» (дословно – «буравящие карман»). Многие из международных воров знали два-три языка, имели фальшивые документы, поэтому полиция разных стран координировала свои усилия в борьбе с ними, создавая специальные дактилоскопические картотеки.

Наряду с разработкой специальных полицейских мер в борьбе с профессиональной преступностью совершенствовалось также и уголовное законодательство, что особенно показательно на примере борьбы с карточным мошенничеством. Шулера высокой квалификации («червонные валеты») так же, как и карманные воровы – «марвихеры», относились к категории международных профессиональных преступников. Поэтому уже во второй половине XIX века законодатели многих стран для повышения эффективности борьбы с карточным мошенничеством стали дифференцировать участников азартных игр на простых игроков и игроков, обративших обман в своеобразный промысел, что позволило правоохранительным органам избирательно подходить к определению меры наказания виновным. В Норвегии, Австрии, Германии, например, стали воздерживаться от распространения уголовной репрессии на всякого игрока, как это было раньше, а переносили всю тяжесть на профессиональных мошенников.

3. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В СССР ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ПЕРИОД 1917—1960 гг.^[21] Преступный мир в действии

Великая Октябрьская социалистическая революция, поставив цель ликвидировать навсегда в нашей стране эксплуататорское общество, резко обнаружила все его социальные пороки и изъяны.

Особенно ярко в форме различного рода антиобщественных посягательств проявились они на первом этапе развития нашего государства. Если в предвоенные годы в Москве, по данным сыскной полиции, ежегодно совершалось приблизительно 2600—2700 краж, то лишь в первом квартале 1923 года их было зарегистрировано 5209. Аналогичное положение отмечалось и в группе корыстно-насильственных преступлений.

Рост преступности в переходный период от капитализма к социализму не являлся чем-то неожиданным и рассматривался большевиками как закономерное, вполне объяснимое явление.

Классовая ненависть буржуазии и ее союзников находила выход даже в малейшем причинении вреда новым общественным отношениям. Не удовлетворяясь активной антисоветской деятельностью многочисленных контрреволюционных организаций, они зачастую прибегали к услугам профессиональных преступников, стараясь создать в стране атмосферу хаоса и паники.

Одним из факторов роста преступности и особенно профессиональной явилось влияние идей анархизма, которые впоследствии трансформировались в чисто блатные нормы поведения. В сообществах этого так называемого политического течения чаще всего находили приют уголовные элементы, прикрывая преступную деятельность лозунгами борьбы за «идею». Под крышей вооруженных анархистов они чувствовали себя в безопасности.

Основными же причинами уголовных проявлений выступали голод, нищета и безработица. Обнищание народных масс усугублялось разграблением государства армиями интервентов, причинивших материальный ущерб на сумму 77 млрд. золотых рублей. Однако эти коренные причины в большей мере были общими для всей преступности. Основу профессиональной преступности составляла тогда детская беспризорность – результат гражданской войны и интервенции. Это явление достигало колоссальных размеров.

В последующие годы многие виды корыстных преступлений были связаны с нэпом. С одной стороны – преступления нередко совершали сами нэпманы, а с другой – они становились потенциальными жертвами, криминализирующими специфическую категорию уголовников, которые их обворовывали, грабили, вымогали у них деньги и ценности. При этом многие опасные преступники объясняли свои действия «идейными» соображениями, выдавая себя за борцов с буржуазией. Один из них – Мишка «Кульятный», участник 78 убийств, даже посвятил себе стихотворение, в котором поэтически воспевал идеал свободы и борьбы с «игром нэпмачей».

По профессии – убийца

Если говорить о профессиональных убийцах, то их число в 20-е и 30-е годы вопреки сложившемуся мнению было не столь велико. Суждение о распространенности такого рода убийств возникло по двум причинам. Во-первых, – в связи со значительным общим количеством убийств, в чем немалую роль сыграли последствия классовой борьбы и активное сопротивление контрреволюционных элементов.

Во-вторых, этому способствовало упрощенное толкование понятия личности профессионального преступника вообще и убийцы в частности. Достаточно было усмотреть жестокость или изощренность в способе совершения преступления, как виновного считали профессионалом.

К профессиональным убийцам 20-х годов можно в полной мере отнести таких преступников, как Петров-Комаров, ленинградские Леняка Пантелеев и Карл Юргенсон, члены банд Котова-Смириова и Мишки Кульятного. Петров-Комаров, например, совершил более 30 убийств (признался в 29). В его действиях обращает на себя внимание детально отработанная техника совершения преступлений, знание психологии своих жертв, которых он зазывал к себе домой и там за разговором убивал молотком.

Котовым-Смирновым (дореволюционный рецидивист) было совершено 116 убийств с целью ограбления. Все они отличались крайней жестокостью. В качестве орудий преступления использовались топор и молоток.

Уголовный бандитизм

К распространенным и опасным имущественным преступлениям первых лет становления Советской республики относились бандитизм, разбойные нападения и грабежи. При анализе уровня бандитизма следует иметь, в виду, что уголовное законодательство, а вслед за ним и юридическая литература тех лет считали групповой разбой бандитизмом. Если учесть, что разбойные нападения практически во всех случаях совершались группой лиц, то нетрудно понять, почему статистический показатель бандитизма был так велик.

Тем не менее бандитизм в нашем сегодняшнем его понимании был тогда явлением распространенным. От бандитских проявлений уголовного характера, имевших все признаки криминального профессионализма, необходимо отличать так называемый политический бандитизм, который преследовал цель ослабления и даже свержения Советской власти.

Однако уголовный бандитизм также характеризовался устойчивостью больших вооруженных групп, налетчиков, во главе которых нередко стояли профессиональные преступники с дореволюционным стажем. Во второй половине 1917 года только в Москве действовало около 30 таких банд. Аналогичное положение наблюдалось и в других крупных городах республики. В Петрограде, например, наводила страх на людей банда, возглавлявшаяся профессиональным убийцей Александровым по кличке «Мишка Паньч», на Псковщине в течение пяти лет действовала банда, насчитывавшая 165 человек, под командой Воробья. В Хабаровске орудовала шайка налетчиков под руководством Седлицкого, в Херсонском уезде – банда Абрамчика Лехера и т. п. Организованные банды, как правило, имели для большего устрашения таинственные названия. Например, «Черная маска», «Девятка смерти», «Бим-бом», «Руки на стенку», «Деньги ваши, будут наши», «Банда лесного дьявола» и др. Наибольшего роста уголовный бандитизм достиг в 1921—1922 гг., что совпало с начавшимся в стране голодом. Бандитизм того периода отличался не только совокупностью политических и уголовных мотивов, но и крайне жестокими формами насилия.

По мере того как в стране налаживалась нормальная жизнь, количество бандитских проявлений сокращалось. Если в 1922 году в Российской Федерации было возбуждено 2097 уголовных дел о бандитизме, то в первом полугодии 1927 года лишь 573.

Вспышка бандитизма отмечалась затем в период коллективизации. Причем мотивы политического характера весьма быстро приобретали типичную уголовную окраску, а банды превращались в профессионально организованные сообщества разбойников.

Профессиональные налетчики

О распространенности в тот период разбоев и грабежей говорят следующие данные. Согласно сведениям Центрослужбы, в 38 губерниях РСФСР в 1919 году было совершено 2816 грабежей и разбоев, а в 1920 году – 7319, что в массе всех преступлений составляло 5%. Около 95% всех разбойных нападений были вооруженными.

Характерен способ совершения большинства этих преступлений. Преступники устраняли всякую возможность противодействия со стороны жертвы и обычно использовали психологическое воздействие. Удельный вес разбоев с причинением телесных повреждений и лишением потерпевших жизни составлял лишь 11%.

Данное обстоятельство, если учесть, что почти все грабители и разбойники были вооружены, на первый взгляд кажется странным. Однако незначительную степень физического насилия можно объяснить двумя причинами: во-первых, уверенностью преступников в исходе дела, обусловленной четкостью подготовки и совершения преступлений; во-вторых, малым риском задержания милицией.

Если говорить о грабежах, то они в криминологическом аспекте мало чем отличались от разбойных нападений, совершались также группами, из которых лишь 15% относилось к устойчивым шайкам, возглавлявшимся профессиональными преступниками.

Мир воров

Особое место в структуре преступности 20-х годов занимали кражи, удельный вес которых среди всех преступлений составлял 23%, а среди имущественных – 73%.

Эти преступления, как и в дореволюционной России, являлись основной специальностью профессиональных преступников. Так, московский уголовный розыск (и не только он) дифференцировал воров на следующие основные категории: 1) взломщики; 2) «домушники»; 3) «монтеры», «прислуга» и т.п.; 4) «наниматели квартир», «посетители врачей, адвокатов» и пр.; 5) карманщики городские; 6) карманщики крупные, «марвихеры» высшей марки; 7) воры-отравители; 8) железнодорожные воры, крадущие на вокзалах; 9) похитители железнодорожных грузов; 10) воры велосипедов; 11) конокрады; 12) «церковники»; 13) «городушники» – похитители из магазинов; 14) «вздерщики», крадущие при размене денег; 15) «хипесники», обкрадывающие посетителей любовницы-проститутки; 16) скупщики краденого; 17) грабители; 18) «подкладчики»; 19) содержатели воровских притонов.

Однако эта установленная уголовным розыском классификация воровского преступного мира не исчерпывающа. Наиболее полное представление о профессиональном воровстве тех лет дает классификация воров, приведенная И. Н. Якимовым и содержащая 28 основных категорий, к которым автор относил «халтурщиков» (ворующих на похоронах), «банщиков» (похищающих ручную кладь на вокзалах), «голубятников» (кравших белье с чердаков) и т.п. По существу кражи мало чем отличались от аналогичных преступлений в царской России, а лица, их совершавшие, учитывались по жаргонным названиям.

Растратчики и продавцы воздуха

Говоря в целом о кражах 20-х годов, следует подчеркнуть, что воры специализировались преимущественно на тайном похищении частного имущества. Похищения государственного и общественного имущества тогда осуществлялись, как правило, в форме растрат и мошенничества. Однако с профессиональной преступностью были связаны не только растраты, но и спекуляция, которая превращалась в источник средств существования и наживы. Что касается растрат, то они возникали главным образом в кооперации.

Мошенничество характеризовали те же количественные и качественные изменения. Огромных размеров достигло тогда «нэпманское» (торговое) мошенничество. Оно заключалось в организации всевозможных фиктивных торговых ведомств, «продаже» несуществующих товаров («воздуха») и т.п.

Значительно возросло и число мошенничеств, совершаемых с целью завладения личным имуществом граждан. Несмотря на тяжелые экономические условия, появлялись не только новые виды краж, но и новые виды обмана. Особенно распространенными были «кукольное» и игорное мошенничество, а также продажа фальшивых драгоценностей под видом настоящих. Мошенничество тех лет создало классические формы обмана и типы различных дельцов, обративших его в источник своего существования.

Депрофессионализация преступности

В последующее десятилетие (1926—1936 гг.) индустриализации и коллективизации отмечалось последовательное позитивное изменение динамики и структуры преступности. Если в 1927 году число осужденных на 100 тыс. населения составляло 1010 человек, то в 1928 году – 980.

Снижение преступности закономерно приводило к изменению ее структуры. Перестали доминировать контрреволюционные преступления, бандитизм, значительно сократилось количество убийств и разбоев. И хотя корыстные преступления во многом определяли степень криминального профессионализма, нельзя не учесть, что 66, 3% преступности приходилось на сельскую местность. Между тем профессиональная преступность – явление в большей мере городское. Поэтому в начале 30-х годов в стране не случайно становится заметной тенденция снижения профессионализации преступников в целом, отход от преступной деятельности воров-рецидивистов с дореволюционным стажем. К этому времени произошли значительные сдвиги в борьбе с детской беспризорностью. Под воздействием социально-экономических и правовых факторов стали распадаться наиболее устойчивые, особенно бандитско-разбойные, союзы преступников, притоны и «блатхаты». Утратили значение центров преступного мира такие традиционно подвластные влиянию уголовных элементов места, как московские Хитров и Сенной рынки, Дерибасовская в Одессе и др. К середине 30-х годов исчезли некоторые разновидности профессиональных способов совершения карманных краж. Практически прекратило существование карточное мошенничество. Шулера в основном играли в притонах с крупными дельцами и иными преступниками.

Годы войны и послевоенный период охарактеризовались наличием многих социальных лишений, трудностей, тяжелыми условиями восстановительного периода и, конечно, так или иначе сказались на состоянии и структуре преступности в стране.

Если общее число осужденных в 1940 предвоенном году принять за 100%, то следует прийти к выводу, что через пять лет (в 1945 г.) этот показатель снизился до 63%; в 1950 году он составил 52, 5%; в 1955 году – 33%, а в 1962 году – 24, 6%. Таким образом, количество осужденных за эти годы сократилось более чем на 75%. В 1963—1965 гг. судимость оказалась самой низкой за последние 30 лет.

Следует отметить, что по отношению к 20-м годам преступность в стране с некоторыми колебаниями имела тенденцию снижения вплоть до середины 60-х годов. Однако к этому времени стало обнаруживаться заметное увеличение корыстных преступлений, стирание границ между сельской и городской преступностью, появление организованности преступников и негативных изменений в хозяйственной преступности.

ГРУППИРОВКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ И МЕРЫ БОРЬБЫ С НИМИ

Борьба в уголовном мире

Снижение динамики преступности начиная с середины 20-х и вплоть до середины 60-х годов явилось диалектически закономерным процессом для общества, устранившего коренные причины криминальных эксцессов. Но преступность развивается скачкообразно (это отмечает большинство криминологов) и зависит от многих социально-экономических и правовых факторов. Снижение количества преступлений на каком-то историческом отрезке времени развития государства вовсе не свидетельство начала отмирания преступности как социального явления. Поэтому даже в условиях сокращения количества преступлений, снижения степени их общественной опасности, в преступности могут возникать неблагоприятные тенденции и процессы. Поскольку в рассматриваемый период появились и активно действовали группировки профессиональных преступников, то анализ степени и характера профессионализации преступности в отрыве от этого явления был бы ошибкой.

Следует также учитывать, что вопрос о группировках рецидивистов в теории и практике борьбы с преступностью освещен недостаточно полно. Не случайно правоохранительные органы, столкнувшись в 80-е годы с аналогичным феноменом, оказались слабо подготовленными к эффективной борьбе с ним.

Появление группировок профессиональных преступников обусловлено рядом исторических, социальных факторов. Оно свидетельствует о том, что преступность не осталась и не могла остаться вне классовой борьбы. Активизация уголовных элементов после преждевременной амнистии, проведенной Временным правительством в марте 1917 года, была связана с тем, что большая часть выпущенных на свободу преступников была деклассированной массой, не способной понять и осознать происходящих в стране событий.

Кроме того, в первые после революции и последующие годы число уголовников интенсивно росло за счет мелкой буржуазии, анархистов, разорившихся нэпманов, участников банд и бывших белогвардейцев. Преступный мир становился неоднородным, и это приводило к возникновению в нем различных течений, противоречий, особенно в местах лишения свободы. Это объективно способствовало разделению его на две основные категории – профессиональных преступников с дореволюционным стажем и тех, кто встал на путь преступлений после революции. Последние в отличие от профессионалов не имели уголовной квалификации, не знали обычаев преступного мира, не располагали воровским инструментарием, посредниками и скупщиками краденого. Занявшись противоправной деятельностью, они в большинстве оказались в положении дилетантов.

Но стремление приспособиться, а для многих еще и навредить новому порядку заставляло их искать и устанавливать связи с опытными профессиональными преступниками («блатными»). В то же время новая категория преступников имела одно очень значимое преимущество. Многие из них, являясь выходцами из мелкобуржуазной среды, были грамотнее, хитрее и выше по своему интеллектуальному уровню, чем традиционные уголовники. Поэтому с течением времени банды, воровские шайки стали возглавлять лидеры из «новых». Появились так называемые авторитетные преступники, которые стали не только быстро перенимать традиции и законы старого преступного мира, но и интенсивно вносить свои порядки, близкие к их политическим убеждениям. Прежде всего это выражалось в том, что преступная деятельность расценивалась лидерами как форма социального протеста, в которой отчетливо проявлялись идеи анархизма. Не случайно эта первая группировка «авторитетов» называлась «идейной». Вместе с тем ее лидеры не имели достаточно прочных связей между собой, а шайки, как правило, действовали изолированно друг от друга. И лишь в лагерях они составляли одну группировку крайне выраженной антисоциальной направленности.

В конце 20-х – начале 30-х годов под давлением внешних факторов (укрепление могущества Советского государства, изменение законодательства, рост экономики) и внутренних (противоречия в уголовном мире) указанные выше преступные сообщества стали разлагаться. В среде преступников появилась новая лидирующая категория, именуемая «урками»^[3], которая также создавала свое окружение, но преимущественно из воров.

Между «жиганами» и «урками» в местах лишения свободы началась борьба за лидерство. Она нередко носила жестокий характер. Победили «урки». Однако впоследствии сами они растворились в увеличившейся массе воров, которые среди всех заключенных составляли около четверти. Внутри этой массы также шла борьба за лидерство. Среди воров выделялись свои «авторитеты». Модифицируя традиции уголовного мира дореволюционной России, они внешне проводили в лагерях «политику» справедливости, защиты обиженных. Этому еще способствовало и то, что в конце 20-х и первой половине 30-х годов охрана и некоторая часть административного аппарата набирались из среды заключенных. Многие вору с целью давления на заключенных проникали на эти должности и получали большую возможность утверждать свои «законы».

Появление «воров в законе»

Следует отметить, что воровская категория полностью освободилась от политической примеси, считая, что вор должен только воровать и не вмешиваться в дела государства. Те, кто стал придерживаться воровских правил поведения, назывались «ворами в законе».

Определить достоверно, когда (в каком году) возникла группировка и почему она стала называться «ворами в законе», достаточно сложно. В жаргоне дореволюционного преступного мира такой термин исследователями не зафиксирован. Можно сделать вывод, что «воры в законе» утвердились в начале 30-х годов. Это название как бы символизировало принадлежность к группировке рецидивистов, относя другие категории воров к среде, находящейся «вне закона».

Сведения в литературных источниках и нормативных актах МВД СССР о нормах поведения («законах») и преступной деятельности воровского сообщества крайне бедны и нередко противоречивы. В 50-х годах воровскую группировку посчитали за проявление организованной преступности в СССР и вуалировали ее название и «законы» под различные термины. В последующие годы эту группировку считали ликвидированной и попыток к ее изучению также не предпринималось. Результаты же опросов «воров в законе», проведенных некоторыми учеными и практическими работниками в середине 80-х годов нуждаются в тщательной оценке, хотя и не колеблют общих положений о сущности самой группировки. В этой связи описание ее «законов» дается нами с поправкой на данные обстоятельства.

«Вор в законе», по словам В. И. Монахова, – это особая категория преступников-рецидивистов, характеризующаяся двумя особенностями: 1) устойчивым «принципиальным» паразитизмом; 2) организованностью. Таковым мог считаться лишь преступник, имевший судимости, авторитет в уголовной среде и принятый в группировку на специально собранной сходке. Кандидат в группировку проходил испытание, всесторонне проверялся ворами, после чего ему давались устные и письменные рекомендации. Сходка являлась не просто формальным актом утверждения новичка. Главная ее цель состояла в определении надежности принимаемого лица, пропаганде воровских «идеалов» среди других категорий правонарушителей. Поэтому те, кто рекомендовал кандидата, несли перед сходкой ответственность за его дальнейшее поведение. Не случайно лица, попавшие в группировку, были исключительно ей преданы.

Воровская присяга

Кандидатам в группировку внушалась мысль об исключительной роли «законников», их особом положении, о предназначении устанавливать справедливость и порядок в преступном мире. Пополнение группировки осуществлялось вне зависимости от условий и мест нахождения «воров в законе», а процедура приема не допускала никаких отступлений от установленных правил.

Вот любопытный случай, описанный в литературе 50-х годов. В одной из транзитно-пересыльных отделений УИТК Красноярского края, где в 10 камерах содержались «воры в законе», прием осуществлялся следующим образом. Поскольку условия изоляции исключали сходку, вопрос обсуждался с помощью переписки. Рекомендующие вору направили по камерам записку («ксиву») в которой говорилось, что принимаемый («малютка») имеет определенные качества и заслуги. В частности, у него «поведение и стремления только воровские», он «длительное время нарушал дисциплину и почти не выходил из барака усиленного режима, несколько месяцев по поручению воров организовывал в одном из подразделений сбор денег с заключенных («блага воровское»)… Хотя он и молодой, но мысли у него только существенные и воровские, – писали поручители, – Мы рады, что к нам в семью прибывают новые вору».

Первая камера ответила: «Будет вору этот пацан. Бог ему навстречу!» Вторая камера также была не против, «если душа у него чистая». В таком же стиле выразили свое одобрение и другие камеры, после чего прием состоялся.

Прием в сообщество в условиях свободы облачался в рамки торжественности. По данным В. И. Монахова, существовала даже присяга, которую принимали публично «воры в законе». Текст ее был примерно такой: «Я, как пацан, встал на путь воровской жизни, клянусь перед ворами, которые находятся на сходке, быть достойным вору, не идти ни на какие аферы чекистов».

Рецидивисты, принятые в группировку, переходили в качественно новую криминальную категорию и должны были беспрекословно выполнять требования воровского «закона», представляющего собой совокупность выработанных преступным опытом норм поведения. Все постулаты «закона» направлялись исключительно на укрепление и сохранение данной группировки, на ее паразитическое существование не только в обществе, но и внутри антиобщественной среды. Устанавливаемые неформальные нормы поведения были не лишены психологического смысла, учета конкретной социальной и правовой обстановки. Высокая степень их общественной опасности заключалась в организующей роли воровских «законов» и заражении ими других правонарушителей.

Блатные «законы»

К основным «законам» сообщества рецидивистов можно отнести семь основных правил:

1. Главной обязанностью члена группировки являлась беззаветная поддержка «воровской идеи». Предательство, совершенное под пытками, в состоянии наркотического опьянения и даже расстройства психики, не могло считаться оправданием. Вору запрещалось также заниматься общественно полезной деятельностью, а на первоначальном этапе – иметь семью, поддерживать связь с родственниками. Например, встречавшаяся у рецидивистов 40-50-х годов татуировка «не забуду мать родную» имела в виду воровскую семью, ставшую для них как бы матерью.

2. Второе правило запрещало вору иметь какие-либо контакты с органами правопорядка, кроме случаев, связанных со следствием и судом. Оно было направлено против возможных случаев предательства интересов группировки. У воров существовала даже особая клятва – «легавым буду, если что-то...».

3. Третье требование «закона» предписывало членам сообщества быть честными по отношению друг к другу. Вор, например, не мог оскорбить или ударить соучастника, не имел права на него замахнуться. Что касается отношений к не членам касты, то здесь разрешалось делать все, что содействовало укреплению авторитета группировки. Не случайно «законники» считали себя «князьями» в преступной среде.

4. Четвертое правило обязывало «воров в законе» следить за порядком в зоне лагеря, устанавливать там полную власть воров. В противном случае они отвечали перед воровской сходкой.

5. Пятое положение «закона» требовало от воров вовлечения в свою среду новых членов, поэтому они вели активную работу среди молодежи, особенно несовершеннолетних. Система вовлечения, по словам воров, была достаточно эффективной. Новичков обольщали «воровской романтикой», «красивой жизнью», свободной от обязательств перед обществом, властью денег и культом насилия. Их приучали к водке, наркотикам, сводили с воровскими проститутками. С другой стороны, их били и шантажировали, заставляли брать на себя вину за преступления, совершенные ворами. Последнее было чуть ли не основным мотивом вовлечения молодежи.

В местах лишения свободы члены группировки использовали кандидатов («пацанов») для различных поручений – сбора средств для общей кассы («общака»), а нередко – в сексуальных целях. Таков был путь в воровское сообщество почти у каждого вора, что, несомненно, способствовало формированию у него цинизма, жестокости и презрения к нравственным социальным ценностям.

6. Шестое правило запрещало преступникам интересоваться вопросами политики, читать газеты, выступать в качестве потерпевших и свидетелей на следствии и в суде.

7. Самым «принципиальным» положением являлось обязательное умение члена группировки играть в азартные игры, что имело существенное значение. Игры помогали общению, установлению власти над другими заключенными, у которых вору выигрывали не только имущество, но и жизнь, создавая тем самым окружение смертников для выполнения особых поручений. Игры, в которых ставкой была жизнь, именовались «три звездочки» или «три косточки». Эта традиция сохранилась со времен царской сахалинской каторги.

Принадлежность к воровской группировке обозначалась татуировкой, изображавшей сердце, пронзенное кинжалом (в последующем это стали масти тузов внутри креста). Татуировки были не только средством самоутверждения, но и выполняли коммуникативную роль, так как с помощью их рецидивисты распознавали друг друга. Причем другие преступники знак «вора в законе» ж могли носить под страхом смерти.

Многие нормы воровского «закона» касались поведения рецидивистов в ИТУ. Как и в условиях свободы, им запрещалось трудиться. Они были обязаны помогать друг другу, в том числе материально. Этому способствовала специальная воровская касса, которая пополнялась с помощью систематических поборов с осужденных. В условиях свободы таких касс не было, каждый обязан был жить на добытые воровством средства.

Находясь в местах лишения свободы, «воры в законе» организовывали противодействие администрации, принуждая ее нередко идти на компромиссы. Отмечались случаи, когда администрация лагерей обращалась к помощи воров для наведения общего порядка, выполнения плана и т. д.

Блатные санкции

В основе сплоченности профессиональных преступников лежали их организованность и безальтернативные санкции за нарушение неформального «закона» (в середине 50-х годов выход из группировки, например, был разрешен лишь при наличии серьезных оснований – болезни, женитьбы). У воров существовало три вида наказания. Первое заключалось в публичной пощечине. Оно назначалось за мелкие провинности, чаще оскорбления. Второе – исключение из группировки («бить по ушам») или перевод в низшую категорию – так называемых мужиков. Третье, наиболее распространенное, – это смерть. Как отмечали очевидцы и ученые (В. И. Монахов, Ю. А. Вакутин), в случае нарушения основных требований «закона» вор не мог рассчитывать ни на какое снисхождение. Изменившего воровской «идее» рецидивиста группировка преследовала до тех пор, пока не приводила в исполнение решение сходки. Сходка определяла процедуру и орудия мести.

Организация и управление группировкой

«Воры в законе» не представляли собой какой-то цельной группы, действующей на определенной территории, имевшей руководителей, как это было и есть в мафии ряда капиталистических стран. В этом аспекте сообщество рецидивистов в целом несравнимо с известными нам формами объединений преступников, так как оно базировалось на основе неформального «закона», действовавшего на территории страны, преимущественно РСФСР. К тому же группировка не имела мест дислокации и зон своего влияния.

В местах лишения свободы «воры в законе» объединялись в «семьи», на свободе – в общины, которые были в любом населенном пункте, где имелось хотя бы несколько членов группировки. Общины делились (условно) на небольшие группы по два-три человека, каждая из которых занималась определенным видом преступлений. Например, одна состояла из карманников, другая – из квартирных воров, третья – из транспортных и т. п. Всего в группировке зарегистрировано десять таких специальностей или категорий преступников.

В группировке, как уже отмечалось, не было прямых руководителей. Организующим и контролирующим органом была воровская сходка. Собиралась она по требованию любого члена сообщества. Преимуществом на ней пользовались «авторитеты». Сходки подразделялись на местные и региональные. Региональные сходки, касающиеся вопросов сообщества в целом, собирались редко. Кроме прочих важных вопросов на таких собраниях судили «авторитетов», не подсудных общинным сходкам. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что среда «воров в законе» была неоднородна и делилась на две категории, одна из которых, очевидно, вела организационную деятельность. По данным В. И. Монахова, такие сходки проходили в московских «Сокольниках» (1947 г.), в Казани (1955 г.), в Краснодаре (1956 г.). Сходки собирали от 200 до 400 делегатов, при этом в Москве и Краснодаре было осуждено и убито несколько воров.

Возникновение противоречий

Возникновение противоречий в среде рецидивистов-«законников» началось в предвоенные и особенно послевоенные годы, когда сообщество интенсивно пополнялось новыми членами из числа беспризорных и осужденных за тяжкие преступления, характерные для военного времени. В этой связи, как отмечал В.И.Монахов, обычная воровская касса перестала удовлетворять потребности «воров в законе», вследствие чего они повысили размер взимаемых с осужденных дани с 1/3 до 2/3 их заработка. Усиление эксплуатации воров стало приводить к возмущению и открытому неповиновению основной массы осужденных («мужиков»).

Вторая причина противоречий, по мнению Ю. А. Вакутина, была связана с возникновением противоборствующей группировки осужденных. В военные и послевоенные годы в лагерях значительно увеличилось число осужденных за бандитизм, измену Родине и иные тяжкие преступления. Они стали объединяться и заимствовать у «воров в законе» неформальные нормы поведения, облагать осужденных данью. Такая группировка получила, как отмечает ряд авторов, название «отошедших» или «польских воров».

Между указанными группировками началась жестокая борьба за лидерство среди осужденных, за право обладания общей кассой, нередко она переходила в физическое истребление друг друга. «Отошедшие», по данным В. Ветлугина, отказывались входить в зону, где лидировали «воры в законе», говоря, что «воры их резали, жгли и гнули». Вместе с тем они стали быстро утверждаться, чему способствовала некоторая гибкость их поведения. С одной стороны, они не отказывались работать, вступать в контакт с администрацией ИТЛ и даже быть активистами, а с другой – придерживались выгодных для них воровских «законов». Поэтому администрация некоторых ИТЛ ошибочно посчитала «польских воров» позитивным формированием и оказывала им некоторое содействие в борьбе с «ворами в законе».

Усилению «отошедших» способствовали также противоречия непосредственно в самой группировке «законников». Они начались после принятия Указов Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. об усилении уголовной ответственности за хищения.

Указы, как справедливо отмечал В. И. Монахов, с одной стороны, усилили отход преступников от воровских традиций, а с другой – привели к значительной концентрации воров в местах лишения свободы. Оба эти обстоятельства способствовали усилению процесса разложения группировки и вражды между самими ворами, вызванной борьбой за право обирать заключенных. На воровских сходках в местах лишения свободы пересматривалось «правовое» положение членов группировки. Причем изгнанные из нее сразу же переходили к «отошедшим» и включались в борьбу против своих недавних собратьев по воровской «идее».

Распад группировки в середине 50-х годов сопровождался возникновением в местах лишения свободы более мелких сообществ заключенных. Появились неформальные группы под названием «ломом подпоясанный», «красная шапочка», «беспредел», «дери-бери», «один на льдине» и т. п. (всего свыше 10), которые считали себя независимыми и не примыкали ни к одной из враждующих сторон. В документах органов внутренних дел отмечалось, что совершенно иначе обстоит дело с другими известными (кроме «отошедших» и «воров в законе») группировками, такими, как «польские воры», «махновцы», «беспредельщики», «анархисты», «чугунки», «подводники» и т. п., поскольку они возникали в среде «отошедших» и между ними не было никаких существенных различий. Кроме того, все они в одинаковой степени провинились перед «ворами в законе». Подчеркивалось, что их образование – не что иное, как средство маскировки.

Борьба между двумя противоположными группировками усиливалась еще и потому, что до середины 50-х годов их участники содержались в одних и тех же лагерях. В 1955 году после подведения итогов борьбы с группировками было решено содержать этих лиц независимо от количества судимостей и состава преступления в специальных лагерных пунктах строгого режима. Запрещалось также переводить членов группировок из одного лагеря в другой.

«Законники» вне закона

Целенаправленная работа по разложению группировки «воров в законе» и производных от нее сообществ началась после выхода в 1956 году постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, направленного на улучшение работы Министерства внутренних дел СССР. Выполняя его требования, органы внутренних дел разработали и осуществили комплекс мер по ликвидации неформальных группировок уголовной направленности. Главная задача этих мер состояла в развенчании культа уголовно-воровских традиций. В этих целях был создан специальный лагерь, в который переводили «воров в законе» из других мест лишения свободы для проведения с ними индивидуальной работы. Там же создавался небольшой актив из числа «воров в законе», который готовил и рассылал обращения ко всем рецидивистам о необходимости отказа от занятия преступной деятельностью. О трудности этой работы говорит тот факт, что из 300 «законников» «экспериментальной» группы заявить об отказе от сообщества согласилось лишь несколько человек. Поэтому работники ИТЛ, пользуясь данным им правом, переводили наиболее злостных членов группировки на тюремное содержание.

Но было бы ошибочно полагать, что принимаемые меры преследовали только репрессивные цели, чего, прямо скажем, нельзя было совсем исключать в борьбе с «идейными» рецидивистами. В нее также включились средства массовой информации. Важное место в пропагандистской работе отводилось разоблачению культа ложной «честности» и «идейности» рецидивистов. Понимая, что многие осужденные верят группировке, а репрессии порой дают обратный эффект, администрация ИТУ стала предавать гласности факты отступления членов группировки от «закона», обворовывания и обмана ими заключенных. Опасения возможных убийств на этой почве не оправдались.

Использование компрометирующих данных оказывало сильное воздействие не только на «воров в законе», но и на другую часть осужденных. В этих же целях выявлялись факты сокрытия некоторыми ворами своей принадлежности к группировке, что сразу же влекло исключение из нее.

Следует отметить, что организация борьбы с группировками велась на основе их тщательного изучения практическими работниками, позволившего выявить ряд особенностей преступной деятельности, на которые и была затем направлена профилактическая работа.

4. СОВРЕМЕННАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КРИМИНАЛЬНЫЙ РОД ЗАНЯТИЙ Сферы криминальной специализации

Анализ преступности со времени изменения уголовного и уголовно-процессуального законодательства в СССР (1958—1960 гг.) свидетельствует об имевших место неблагоприятных тенденциях и изменениях в ее структуре и динамике, что наряду с другими причинами в значительной мере связано с повышением уровня криминального профессионализма.

Преступность за это время приобрела более выраженное корыстное содержание. В ней преобладают такие преступления, как кражи государственного имущества и личного имущества граждан. Начиная с 1958 года их количество увеличилось более чем в три раза. По существу кража сегодня – это каждое третье совершенное преступление.

Анализируемый исторический отрезок времени характеризуется не только ростом (в три, пять и даже десять раз) отдельных видов профессионализированных преступлений – краж, грабежей и разбоев с проникновением в жилище, нападений на водителей автотранспортных средств, похищений автомашин и т. д., модификацией старых, но и появлением «новых» уголовных посягательств. К ним можно отнести похищение людей с целью получения выкупа, различные виды игорного уголовно наказуемого обмана и др. Кроме того, в преступной деятельности определились самостоятельные направления противоправного обогащения, связанные со скупкой и сбытом культурных ценностей, нагрудных знаков, орденов и медалей, установлением контроля за каналами извлечения нетрудовых доходов определенными категориями лиц, ростовщичеством и сутенерством, наемной охраной и т. п. Таким образом, преступная деятельность приобрела характерные черты специализации.

Особенностью современной сферы криминальной специализации является значительное увеличение ее границ в связи с распространением хозяйственных и должностных преступлений. Правда, здесь наблюдается отличие от традиционного уголовного профессионализма как по характеру обогащения, так и по социальному положению личности преступника. Однако и в данной сфере криминального профессионализма наблюдается многообразие специализаций, о чем со всей очевидностью свидетельствуют сотни способов завладения социалистическим имуществом, каждый из которых включает более мелкую специализацию. Наиболее ярко преступная специализация присуща спекуляции, коммерческому посредничеству, частнопредпринимательской деятельности, хищениям в виде краж, присвоения и растрат.

В последние 15-20 лет в структуре хозяйственной преступности обнаружилась устойчивая тенденция распространения такой формы хищения, как выпуск неучтенной продукции, изготавливаемой в специально созданных нелегальных (а порой и в легальных) цехах. «Цеховое» хищение получило значительное распространение в южных регионах страны, в Средней Азии и Закавказье, Казахстане, Краснодарском крае, ряде областей Украины и Белоруссии. Оно также обнаружено в Москве и Московской области, Ленинграде, других городах.

Претерпела существенные изменения география распределения специализированной преступной деятельности по ее видам и характеру. В настоящее время их достаточно сложно дифференцировать на городские и сельские.

К одной из опасных тенденций имущественных преступлений относится возрастание числа разбойных нападений с проникновением в жилище и на водителей авто-мототранспорта. С начала 70-х годов они увеличились более чем в десять раз. Разбой с проникновением в жилище относится к группе специализированных преступлений, характерными особенностями которых являются организованное соучастие преступников, относительно высокая техническая оснащенность, а также активность преступных действий.

Отмечается также изменение характера насилия над потерпевшим и степени тяжести телесных повреждений. По данным нашего исследования, в 80-е годы в каждом третьем случае (в 20-е годы лишь в 11% случаев) жертвам причинялись тяжкие и менее тяжкие телесные повреждения, в 5% случаев они были убиты. Каждое пятое преступление было связано с пытками потерпевших, для чего преступники использовали электронагревающие приборы (паяльники, утюги), примусы; имитировалось повешение, вводилась под кожу вода, использовались наркотические вещества. Такие действия не являлись характерными для профессиональных преступников прошлых десятилетий. По существу так же характеризуются разбойные нападения на работников сберегательных касс и инкассаторов.

Изучение состояния корыстно-насильственной преступности позволяет прийти к выводу о наметившейся тенденции реставрации бандитизма.

В бандитских группах обнаружилась достаточно высокая степень профессионализма преступников, проявившаяся в их узкой специализации на объектах и предметах посягательства, способах совершения преступлений и технической оснащенности. Как и при разбоях, обращает на себя внимание крайняя жестокость по отношению к жертве. Во всех изученных нами уголовных делах преступникам инкриминировались убийства, причем двух и более лиц (так, бандой Османова, действовавшей на Северном Кавказе в начале 80-х годов, при нападении на кассира ресторана были убиты из автомата все 9 посетителей и сторож).

Структурные изменения преступности, связанные с устойчивостью криминальной деятельности и, как следствие этого, стабильностью отдельных видов преступлений, не могли не отразиться на характере групповой преступности. Большая часть групповых преступлений связана с посягательствами на социалистическую и личную собственность: в числе всех выявленных групповых преступлений их доля превышает 60%. При этом темпы роста корыстных групповых преступлений в полтора раза опережают аналогичный показатель по посягательствам на жизнь и здоровье граждан.

Рецидив как форма преступной специализации

За последние 30 лет в стране было осуждено 35 млн. человек, поэтому отмеченные выше изменения преступности – это лишь основные показатели рассматриваемой проблемы. К основным же критериям устойчивой специализированной деятельности относятся однородный рецидив и систематичность совершаемых преступлений, иными словами – «криминальный стаж».

Наряду с негативными количественными показателями рецидива выявлены неблагоприятные тенденции, характеризующие специализацию преступников на однородных преступлениях.

Первая – это значительное увеличение числа ранее судимых среди лиц, совершивших тяжкие преступления. Их совокупная доля возросла почти в два раза.

Вторая – это увеличение удельного веса ранее судимых лиц, повторно совершивших имущественные преступления в соучастии.

Третья – это рост специального рецидива. Показатели общего рецидива не идут ни в какое сравнение с данными об однородном рецидиве, что со всей очевидностью свидетельствует об устойчивости преступной деятельности целого ряда категорий преступников корыстной ориентации.

О наличии специализированной преступной деятельности свидетельствуют данные многократного специального рецидива. Например, среди квартирных воров 39% осужденных имели три и более судимостей только за кражу с проникновением в жилище. По данным нашего исследования, 70% карманных воров из числа рецидивистов были судимы три и более раз за совершение карманных краж. Среди лиц, совершавших разбой с проникновением в жилище, оказались судимыми два и более раз свыше 50%, в том числе за имущественные преступления – 70%.

Таким образом, в современной рецидивной преступности обнаруживается достаточно устойчивая тенденция к преобладанию специального (однородного) рецидива, отражающего степень профессионализации преступников.

Криминальный стаж взамен судимости

Специальный рецидив относится к очевидному показателю первого элемента криминального профессионализма. Однако среди профессиональных преступников значительно число лиц, систематически совершающих преступления в виде промысла, но не привлеченных по ряду причин к уголовной ответственности. В определении численности лиц данной категории имеются серьезные трудности, поскольку нет ни статистики, ни даже методики выборочных исследований. Однако нами установлено, что ранее не судимая категория профессионалов достаточно многочисленна среди карточных мошенников и «наперсточников», вымогателей, хозяйственных преступников, лиц, сбывающих наркотические вещества, и т. п. Но это далеко не полный список разновидностей профессиональных преступников. Н. Ф. Кузнецова справедливо дополняет его другими – торговыми мошенниками, злостными туеядцами-спекулянтами, многократными рецидивистами. Перечень этот можно продолжить, но важно другое – среди приведенных выше категорий профессиональных преступников значительна доля лиц, никогда не привлекавшихся к уголовной ответственности.

Криминальная профессионализация и туеядство

Криминологическим показателем устойчивости и систематичности преступной деятельности являются также данные о преступниках, не занятых общественно полезным трудом, что достаточно убедительно свидетельствует о явном наличии такого показателя, как удовлетворение ими материальных потребностей с помощью преступлений против собственности.

Среди воров личного имущества на момент ареста не работал каждый третий, причем 11, 6% из них были злостными туеядцами. По нашим данным, особенно высок удельный вес длительное время неработающих среди карманных воров (59, 6%), карточных мошенников (70%), лиц, совершающих разбой с проникновением в жилище (47%), квартирные кражи (39%), кражи из объектов потребкооперации (32, 2%). Оставшаяся же часть работавших преступников в подавляющем большинстве была занята неквалифицированным трудом или имела документы об

инвалидности. Характерно, что среди карманных воров, занятых в общественно полезной сфере деятельности, 64, 2% их постоянно гастролеровали и на работе появлялись периодически.

Вместе с тем такие категории преступников, как лица, занимающиеся кражами, скупкой и сбытом предметов старины и изобразительного искусства, несмотря на систематичность совершаемых ими преступлений, включали в себя лишь 8% неработающих. В то же время продолжительность их преступной деятельности в среднем составила более шести месяцев. Примерно то же можно сказать о многих видах мошенников.

В последние годы среди лиц, систематически совершающих корыстные преступления, обнаружилась тенденция к «легализации» антиобщественного образа жизни с помощью постановки на учет в психоневрологические диспансеры или приобретения за взятку документов о нетрудоспособности.

По данным выборочного исследования, 15, 9% из числа лиц, осужденных за разбой с проникновением в жилище, состояли на учете в психодиспансере, что в три раза превышает удельный вес неменяемых среди убийц. Аналогичное положение выявлено при изучении личности участников организованных групп. Как правило, на учете в психоневрологическом диспансере состоят так называемые боевики, деятельность которых связана с тяжкими преступлениями против личности и здоровья граждан, многие «авторитеты» и «воры в законе». Изучение личности «воров в законе», состоящих на учете в МВД Грузинской ССР, показало, что 50% из них являлись инвалидами II группы, что освобождало их от трудовой деятельности. При проверке оказывалось, что документы об инвалидности были получены за взятку или иным противоправным путем.

Профессионализм деклассированных

Говоря об устойчивости определенного рода преступной деятельности, нельзя не отразить еще одну сторону данного признака – удельный вес преступников-бродяг, которых с полным основанием можно отнести к деклассированной группе профессиональных преступников.

Бродяжничество – само по себе специфическое преступное деяние, поэтому может возникнуть вопрос: что же общего данная категория имеет с типом профессионального преступника? Во-первых, среди бродяг и попрошаек значительна доля профессиональных преступников, в том числе «дисквалифицированных». Во-вторых, само занятие бродяжничеством становится своеобразной профессией «свободного» человека. Для бродяг типичны противоправные способы существования, криминальная стратификация (иерархия), своя субкультура и даже «идеология». В-третьих, удельный вес квалифицированных преступников из числа бродяг (с учетом труднораскрываемых преступлений, совершаемых ими) относительно большой, среди воров он составляет до 4%, разбойников – свыше 5%, карманных воров – 22%. Таким образом, без преувеличения можно сказать, что мы имеем целую армию потенциальных преступников, живущих за счет общества.

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

Квалификация преступников – минимум риска

При выборе того или иного вида преступлений (кража, мошенничество, разбой, вымогательство) или универсальном их совмещении степень и характер знаний, подготовки преступника, его физические возможности обуславливают более узкую специализацию, определяя своеобразную квалификацию. Профессионально-преступная деятельность отличается от какой-либо другой противоправной деятельности тем, что вырабатывает у ее носителя определенные знания, практические навыки, нередко доведенные до автоматизма, обеспечивающие оптимальность достижения цели при наименьшем риске быть разоблаченным. Этим объясняются дифференциация и многообразие спецификаций в преступной деятельности, постоянное совершенствование ее криминальных приемов и способов. Кражи, например, как общий вид специализированной деятельности включают более 20 разновидностей, каждая из которых в свою очередь имеет более мелкие спецификации, связанные с криминальной подготовкой того или иного вора. Так, кражи с проникновением в жилище граждан насчитывают восемь основных способов их совершения, по которым осуществляется воровская специализация. Однако и это не может ограничивать более дробную спецификацию, вытекающую из необходимости разделения функций внутри группы преступников – одни занимаются воровской разведкой и контрразведкой, другие отключением систем технической защиты, третьи сбытом похищенного и т. п. В целом криминальная специализация внутри видов преступной деятельности у современных преступников представлена гораздо шире, чем в уголовном мире 20-х и 50-х годов, а степень их подготовки и технической оснащенности – значительно выше.

Вряд ли целесообразно перечислять здесь все разновидности преступной деятельности и категорий преступников. Следует, по-видимому, остановиться на анализе наиболее распространенных и опасных (в аспекте профессионализации) видов преступной деятельности. В настоящее время, по нашим данным, насчитывается свыше 100 криминальных специальностей только в среде преступников по линии уголовного розыска. Это почти в два раза больше, чем было в 20-е годы. Причем сохраняются практически все виды специализаций прошлых десятилетий и вырабатываются совершенно новые, обусловленные современными социально-экономическими, правовыми и иными формами.

Поскольку специализация и квалификация различны в зависимости от направленности преступной деятельности, их необходимо проанализировать применительно к категориям профессиональных воров, мошенников, преступников корыстно-насильственного типа и лиц, совершающих преступления в сфере экономики и хозяйственной деятельности. В каждой из них рассмотрим наиболее типичные квалификации.

Воровская квалификация

Наиболее ярко она выражена у карманных и квартирных воров, воров государственного имущества из магазинов самообслуживания и у некоторых других категорий преступников.

Карманники

Квалификация вора-карманника всегда считалась классическим выражением преступной «профессии» и сохранилась без существенных изменений до наших дней. Различается шесть основных специализаций и связанных с ними квалификаций^[4] по месту совершения преступлений: 1) на рынках и базарах («рыночники»); 2) в метро («кроты»); 3) на железнодорожном транспорте («майданчики»); 4) на городском транспорте («гончики» или «маршрутники»); 5) в магазинах и театрах («магазинные», «театральные»); 6) на улицах («уличные»).

По способу различается восемь воровских квалификаций:

а) совершение краж с помощью разреза одежды, сумок и портфелей специальными техническими приспособлениями (в среде карманников лица, совершающие кражи таким образом, называются «писаками» либо «технарями»); б) кражи под прикрытием рук различными предметами – плащами, сумками, букетами цветов и т. п. («ширмачи»); в) кражи из сумочек и карманов с помощью специально изготовленных крючков («рыболовы»); г) кражи с помощью пинцетов, особенно из труднодоступных потайных мест («хирурги»); д) кражи без технических средств и «ширмы» группой лиц при массовом скоплении народа («щипачи»); е) кражи с помощью выталкивания предметов точными и быстрыми движениями («трясуны»). Распространены среди глухонемых карманных воров; ж) кражи из всех видов дамских сумочек («сумочники»); з) похищение вещей из хозяйственных сумок (презрительно – «дубило» или «верхушечник»).

Среди карманников наибольшей популярностью и авторитетом пользуются воры, специализирующиеся на кражах с применением технических средств. На втором месте стоят «ширмачи» и «щипачи». Третью составляют «рыболовы» и «крючечники», четвертую – так называемая воровская чернь («сумочники» и «верхушечники», что соответствует «хламидникам» и «портяночникам» 20-х годов).

Однако указанным выше разделением воровская среда карманников не ограничивается. Существуют также более мелкие квалификации. Например: карманник, принимающий похищенное («пропальщик»), навыки которого заключаются в специальном приеме и хранении краденых предметов; вор, отвлекающий внимание жертвы («тырщик», «оттырщик») или обучающий навыкам краж новичков («козлятник»).

Чем выше криминальная квалификация, тем интенсивнее ведется преступная деятельность. В среднем карманный вор-профессионал в течение месяца совершает до 25 карманных краж.

Следует отметить, что квалификация карманного вора не отмирает, как полагают некоторые, а наоборот, имеет тенденцию к распространению.

Квалификация преступника самым тесным образом связана с показателями раскрытия совершаемых ими преступлений: чем она выше, тем ниже уровень раскрываемости. Раскрываемость карманных краж, по данным нашего исследования, не превышает 15%, а в городах-курортах она составляет не более 1 – 3%.

Домушники

К одной из воровских специальностей, пожалуй, самой распространенной в последние 20 лет, относятся кражи имущества граждан с проникновением в их жилище.

К основным криминальным специальностям квартирных воров относятся кражи, совершаемые:

а) с помощью воровского инструмента; б) с подбором ключей; в) путем взлома либо выбивания дверей и дверных коробок; г) через форточку; д) под видом посещения квартиры должностным лицом, оказания помощи и т. п.; е) с использованием виктимологического фактора (открытых дверей, окон).

Каждый из указанных способов имеет специфические приемы проникновения в жилище, на основании чего квартирных воров дифференцируют иногда на более мелкие виды.

В отличие от профессиональных карманных воров степень подготовки квартирного вора в большей мере связана не только с овладением тем или иным способом проникновения в жилище, сколько с предварительно осуществляемой «работой» до завладения имуществом. В нее входят воровская разведка, цель которой – обнаружение квартиры, имеющей ценности, и выяснение распорядка дня жильцов, времени нахождения их в отъезде (путем проверки показаний электросчетчика, состояния почтового ящика, непосредственного наблюдения, прозванивания по телефону, наведения справок через соседей и др.); изучение путей отхода с места происшествия; выбор технических средств или их изготовление в зависимости от конструкции запирающих устройств; подыскание скупщиков краденого и т. д. Характерно, что в настоящее время среди воров выделилась самостоятельная категория, которая занимается сбором необходимой информации, а затем «продает» полученные сведения (на жаргоне – «наводку») за 10 – 15% от суммы похищенного.

О высокой преступной квалификации квартирных воров свидетельствует и разработка в их среде методик совершения преступлений, например, под видом работников санэпидемстанции с предварительным письменным объявлением о проведении дезинфекционных работ, что позволяет беспрепятственно совершать кражи сразу в нескольких квартирах.

«Магазинники»

К третьей относительно новой воровской специальности можно отнести совершение краж из магазинов.

Здесь, так же как и у квартирных воров, квалификация определяется способом совершения преступления и подготовкой к нему. Воры специализируются в следующих направлениях преступной деятельности:

а) похищение одежды путем переодевания и оставления старой; б) кража путем одевания новой одежды под старую; в) кража обуви, предметов верхней одежды с помощью специально изготовленных сумок и баулов с двойным дном; г) кража вещей с использованием детей и подростков.

Профессиональные воры, как правило, действуют в составе групп, где роли распределены до деталей (имитация подозрительного поведения с целью отвлечь внимание продавца; непосредственное изъятие и вынос похищенных вещей; их сбыт). Сбыт похищенного осуществляется по предварительному заказу, а также через комиссионные магазины и ломбарды.

Воры автомашин

Поскольку кражи машин с целью сбыта в большинстве случаев совершаются группами, квалификация воров связана с разделением криминальных действий (операций), что в свою очередь зависит от физических и технических возможностей индивидуума. Выделяются следующие основные квалификации:

а) угонщик машины; б) лицо, занимающееся ее техническим переоборудованием и камуфляжем (перекраска, перебивка номеров на узлах и деталях и другие работы); в) подделыватель документов, технических паспортов, справок; г) сбытчик похищенного, который находит покупателя и договаривается с ним о цене (как правило, это делается еще до похищения автомашины); д) перегонщик автомашины (если сбыт осуществляется в другом городе или области).

Похитители антиквариата

Данное направление в специализации относится к противоправному обогащению, связанному с посягательством на культурные ценности. Здесь выступают не просто профессионалы-одиночки или преступные общества, а целые кооперации лиц и групп, действующих самостоятельно и в то же время связанных между собой. Это объясняется особой спецификой посягательств на культурные ценности и их сбыта, в связи с чем мы выделим направления специализации, в которых могут существовать (существуют) различные квалификации преступников:

а) воры, специализирующиеся на похищении культурных ценностей из музеев, частных коллекций и квартир (домов); б) скупщики («купцы»), занимающиеся скупкой предметов религиозного культа и изобразительного искусства; в) посредники, которые способствуют сбыту похищенных культурных ценностей коллекционерам, собирателям, спекулянтам и т. п.; г) оценщики («комиссионеры»), занимающиеся своеобразной экспертизой собираемых и сбываемых культурных ценностей. Они определяют их подлинность и устанавливают цены в соответствии с существующими расценками и конъюнктурой «черного» рынка; д) посредники, имеющие возможность выхода на международные преступные

связи через иностранных студентов, работников посольств и через других служащих; е) ростовщики, дающие в долг под процент определенные суммы денег и имеющие на связи специальную охрану («боевиков») для обеспечения выплаты долгов и личной безопасности.

Преступные связи и специализация указанных выше категорий лиц многочисленны. Многие из них имеют контакты с официальными государственными учреждениями (внешне не преступные), легализованы («крыша над головой») и хорошо подготовлены в области искусствоведческих и краеведческих познаний. По данным исследования, даже среди воров антиквариата каждый десятый обладал такими знаниями. Эти лица оснащены каталогами, литературой по искусству, планами расположения музеев и церквей на территории той или иной области. В их среде также имеются профессиональные наводчики и разработчики планов похищения тех или иных культурных ценностей, получающие соответствующее вознаграждение. Техническое их обеспечение значительно выше, чем у других категорий профессиональных преступников.

Квалификация мошенников

Она еще более разнообразна, чем воровская, и зависит от многих экономических факторов, психологии человека, его изобретательности. Сейчас только одних видов уголовного обмана существует более 40, каждый из которых содержит значительное число подвидов, или, иными словами, специальностей. При этом сохранились почти все виды обмана, характерные для 20-х годов, и появились новые их разновидности.

Рассмотрим коротко криминальные специальности внутри этих видов обмана.

Шулера

В настоящее время шулерская среда делится на пять основных групп:

1. Мошенники, обыгрывающие крупных спекулянтов, расхитителей, иных категорий правонарушителей, а также граждан в специально обустроенных местах (их называют «катранщиками»). Это наиболее элитарная часть преступников, находящихся на верхней ступени шулерской иерархии. 2. Шулера, обыгрывающие граждан в общественных местах («гусары»). Они подразделяются на три категории по месту совершения преступления: играющих в такси или иных машинах («гонщики»), в поездах («майданчики»), на пляжах. 3. Шулера, действующие в одиночку («паковщики»). Основная их специальность – обыгрывать приемом «катать в половину» – выиграть вначале все деньги, затем часть проиграть и прекратить игру. 4. Ростовщик, дающий в долг деньги, и перекупщик, скупающий долги под процент. 5. Лица, обеспечивающие блатные санкции («жуки») в отношении мошенников, занимающихся обманом внутри шулерской среды.

Указанные выше категории, за исключением жуков и ростовщиков, представлены следующими специалистами: а) по вовлечению граждан в азартную игру («шулер-подводчик»); б) по воздействию на жертву во время игры посредством специальных психологических приемов («сгонщик»); в) по управлению мошеннической игрой с помощью шулерских приемов – ложной тасовой карт, их крапления, подбора и т. п. («ковчик колоды»); г) по ведению разведки и обеспечению безопасности во время игры.

В последние годы в ряде крупных городов (Москва, Рига, Горький) шулера стали применять электронную технику для высвечивания карт противника, а также специальные импортные телеустановки в игорных притонах. В г. Кишиневе, например, при разоблачении шулерской группы был обнаружен «электронный» стол для игры в карты. С помощью вмонтированной в него аппаратуры высвечивались карты противника. Управление игрой вел соучастник, располагавшийся на балконе.

С целью повышения своего профессионального мастерства шулера устраивают между собой игры под названием «игра по шансу», где одним условием является обнаружение мошеннических приемов, которые здесь обязательны. Честная игра называется «лобовой».

О тщательной подготовке карточных мошенников свидетельствуют не только отработанные до автоматизма приемы и психологические методы воздействия на жертву, но и специальная тренировка пальцев рук. В целях повышения чувствительности пальцев преступники срезают (стачивают) верхний слой кожи (аналогичное наблюдается и у карманных воров).

«Наперсточники»

В настоящее время в игорном обмане выделились самостоятельные направления, получившие значительное распространение среди мошенников. Это игра в «наперсток» (отгадывание, под каким наперстком находится шарик), в рулетку, кости и игра на бильярде. Наиболее опасными и организованными здесь являются, конечно, «наперсточники» (их еще именуют «колиачниками»). В группах, разумеется, есть всякие специалисты – охранники, «крутящие» (это они манипулируют «наперстком» и кричат: «кручу, верчу, обманываю как хочу»), «застывающие», иными словами имитирующие выигрыши.

По неполным данным Главного управления уголовного розыска МВД СССР, в стране действует около 20 тыс. игорных мошенников, среди которых имеются сотни лиц, располагающих деньгами от 300 тыс. рублей и более.

Кукольники

Следующая традиционная разновидность мошеннической квалификации заключается в подмене вещей или денег специально изготовленными «куклами». Различают три разновидности профессионалов-«кукольников». Первая занимается обманом с помощью денежной «куклы», подбрасываемой в общественных местах заранее выбранной жертве. Вторая специализируется на вещевых «куклах», с помощью которых подменяет продаваемые гражданам дефицитные вещи. Обе эти специальности в последние годы стали заметно терять престижность в среде мошенников. Поэтому все большее распространение получает третья группа преступников, действующая посредством денежной «куклы» при так называемых сделках, например, при купле-продаже автомашин по цепам, превышающим комиссионные. К старейшей мошеннической квалификации относится также похищение денег при их размене (мошенники называются «ломщиками»).

Иные специалисты обмана

Четвертая группа мошеннических специальностей, пожалуй, самая многочисленная, поскольку связана с различными видами сделок. К наиболее квалифицированным профессиональным преступникам этой группы относятся следующие категории лиц:

а) совершающие обман при купле-продаже автомашин («разгонщики»); б) продающие поддельные железнодорожные и иные билеты; в) продающие фальшивые драгоценные металлы или изделия из них, поддельные картины, иконы, предметы антиквариата и т. п.; г) совершающие

обман под видом гадания и знахарства; д) сбывающие поддельные лотерейные билеты на выигрыш дефицитных товаров; е) действующие под видом жениха, продавца, лица, производящего обыск, и т. п.; ж) «работающие» от имени представителей государственных учреждений по сбору средств на какие-либо благотворительные нужды, предоставлению жилплощади и т. п.; з) выдающие себя за героев и участников гражданской и Отечественной войн.

Кроме того, существует свыше десяти специализаций «о завладении государственным имуществом, например, под предлогом перевозки товаров со складов и баз (используются фальшивые накладные), покупки вещей в кредит или взятие их на прокат, с помощью поддельных кассовых чеков и др.

Классификация грабителей

Среди преступников, специализирующихся на открытом похищении имущества (разбой, грабеж), выделились три основные категории: 1) совершающие захват денежных средств на объектах финансовой системы; 2) похищающие имущество граждан в их жилищах; 3) загладевающие автомашинами при нападении на их владельцев. В подавляющем большинстве преступники действуют в составе организованных групп. Степень их подготовки можно отнести к высокой, о чем свидетельствуют такие показатели, как наличие различного вида оружия, технических средств, средств маскировки, способы совершения преступлений. Оружие использовали (исключая бандитские сообщества) 80% разбойничьих групп, 40% грабительских. Преступники, совершавшие разбои, применяли средства маскировки в 40% случаев. У грабителей этого признака не обнаружено, зато в 40% случаев их группы действовали с использованием форм работников милиции, что в два раза превышает аналогичный показатель в сообществах разбойничьей «окраски».

Степень квалификации во многом зависит от подготовки к совершению преступлений, которая среди этих преступников оказалась достаточно высокой. Они, например, детально разрабатывали отдельные элементы действий на местности, ликвидировали раненых соучастников в случаях преследования милицией и т. п.

Некоторые особенности выявлены в способах нападения и воздействия на жертву. Например, при нападениях на инкассаторов, работников сбербанков преступники действовали максимально стремительно, затрачивая на преодоление препятствий и завладение денежными средствами в среднем по 4 – 6 минут. Аналогично действовали лица, совершавшие разбои в отношении водителей личного транспорта. В каждом шестом случае они применяли специальные удары для удушения жертвы.

Несколько иное положение наблюдалось у лиц, специализировавшихся на «квартирном» разбое. В 30% нападений преступники проникали в жилище под видом работников милиции, слесарей, почтальонов. Однако оружие использовали лишь в крайних случаях, вызванных активным сопротивлением потерпевших или вмешательством работников милиции; в 56% разбоев жертвы подвергались истязанию в целях «добровольной» выдачи материальных ценностей.

Последователи Ваньки Каина

К анализируемой категории насильственных преступников близко стоят по характеру деятельности и степени подготовки преступлений вымогатели. Их условно можно разделить на традиционных и «новых». К первой группе относятся лица, действующие с помощью угрозы уничтожения имущества, распространения порочащих жертву сведений. Ко второй – похитители детей с целью получения выкупа. Последние характеризуются высокой степенью подготовки и жестокости: при отказе или невозможности уплатить назначенные суммы денег детей, по данным В. А. Климова, убивали в каждом втором случае.

Еще одной, правда, несколько модифицированной квалификацией вымогателя является завладение деньгами под угрозой изобличения в преступной деятельности. Профессиональные вымогатели изучают образ жизни расхитителей или других лиц, собирают компрометирующие их данные, а затем предъявляют им свои условия. В последние годы вымогательство стало явлением достаточно распространенным и приобрело совершенно иное качественное содержание. Оно приблизилось вплотную к понятию рэкета, когда преступники облагают данью тех или иных лиц и получают от них деньги или материальные ценности постоянно, как бы находясь на их содержании. Взамен им гарантируют безопасность. Жертвами чаще всего являются в данном случае кооператоры или лица, занимающиеся индивидуальной трудовой деятельностью.

Надо сказать, что рэкетом, как правило, занимаются хорошо организованные группы преступников. Распространение этого вида уголовного посяательства ведет к обострению борьбы между группировками за сферы влияния, что не может не осложнять криминологическую ситуацию в крупных городах страны. Крайне опасным является и то, что рэкет становится все более «модным» преступлением, вовлекая в свою орбиту представителей разных слоев населения. Здесь мы можем встретить и профессиональных преступников, и школьников, и студентов, и бывших солдат, и даже, что уж совсем удивительно, самих кооператоров.

Квалификация расхитителей

Криминальную квалификацию при совершении хозяйственных преступлений есть все основания отнести к наиболее распространенной и многовидовой деятельности. Чтобы совершать длительное время эти преступления, расхитителям необходимо иметь в отличие от лиц воровской направленности две квалификации – по официально занимаемой должности и по преступной деятельности. Только в хищениях, совершаемых с использованием служебного положения, установлено свыше 200 распространенных и опасных способов, каждый из которых требует специальных познаний, навыков и подготовки преступников. Исследование преступной деятельности взяточников, спекулянтов, валютчиков, фальшивомонетчиков и иных категорий устойчивых расхитителей государственного имущества даст возможность выявить и описать не меньшее число криминальных квалификаций.

Квалификация в сфере криминальных «услуг»

Таковы основные направления и особенности преступных квалификаций, наблюдаемых в четырех видах противоправной деятельности. В целом же деятельность профессиональных преступников, зависящая от многих социальных факторов, совершенствуется, видоизменяется, порождая новые криминальные «профессии». Так, если в 60-х годах ростовщики были преимущественно в среде картонных мошенников и дельцов, то в 80-е годы они составили особую группу паразитирующих элементов уже в социальном аспекте: их услугами пользуются не только правонарушители, но и правопослушные члены общества. Появление ростовщиков в какой-то мере связано с распространением наемной охраны, а увеличение воровства – с возникновением квалифицированных информаторов-«наводчиков». Но особая роль в сфере «криминальных услуг» отводится профессиональным скупщикам похищенного.

Обучение преступному «ремеслу»

Криминальные познания и навыки приобретаются либо в процессе непосредственного обучения под руководством опытных профессионалов, что типично для картонных шулеров, карманных и квартирных воров и иных категорий преступников, либо методом «проб и ошибок». По степени распространенности и криминального эффекта доминирует первый. Только в местах лишения свободы получили необходимые противоправные познания и навыки до 40% карманных и квартирных воров, ранее попавших туда за другие преступления, в том числе за хулиганство. При изучении преступной деятельности организованных сообществ выявлена тенденция обучения не просто конкретному способу совершения преступления, а целой программе действий применительно к создаваемым ситуациям. При этом преступники использовали типичные методы педагогики – организовывали занятия, отрабатывали действия на мнимом объекте с применением для фиксации ошибок кинофотоаппаратуры. В целом ряде групп преступники пользовались услугами консультантов, литературой по правоведению, медицине, криминалистике и другим отраслям знаний.

Таким образом, вхождение в роль профессионального преступника приобретает все более организованный и целенаправленный характер. Нами установлено, что преступников интересуют не только способы совершения того или иного вида преступления, но и ошибки, приведшие к разоблачению. В настоящее время среди профессиональных преступников существует правило, согласно которому при разоблачении милицией преступной группы назначается специальная проверка («разбор») в отношении криминогенных лиц того района (города), где были задержаны гастролеры. Ее цель – выявить причины провала, среди которых первостепенное место отводится обнаружению источников информации.

Особенно тщательно ошибки анализируются в местах лишения свободы, где в обсуждении этих вопросов участвуют многие осужденные. Там же вырабатываются и соответствующие рекомендации, установки по избежанию ошибок в дальнейшей преступной деятельности.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК СРЕДСТВ СУЩЕСТВОВАНИЯ Преступный бизнес

Проведенные исследования свидетельствуют, что проблема нетрудовых доходов связана с целым рядом крайне негативных социальных явлений – коррупцией, взяточничеством, протекционизмом, барско-сиисходительным отношением к людям, не входящим в «элитарно-паразитический» круг, расслоением общества.

Паразитическое существование на средства, добываемые преступным путем, создает теневую экономику с миллиардными оборотами, извращает правовое сознание значительной части населения, в том числе и работников правоохранительных органов. Как это ни парадоксально, хищение в наши дни одной сотни рублей (даже одной-двух тысяч рублей) уже не вызывает общественного резонанса среди населения, что обуславливается «привычкой» видеть материальный ущерб, причиняемый государству и отдельным гражданам в значительно больших размерах. Поэтому не случайно сотни тысяч ежегодно совершаемых мелких хищений, которые в 50-е годы расценивались как преступления, в правовом сознании населения относятся к безобидным проступкам.

Суммы материального ущерба, причиненного поколением преступников той поры и причиняемого нынешним, просто не могут быть сопоставимы. Только в период с 1974 по 1983 год ущерб от всех видов краж личного имущества граждан увеличился в три раза и составил почти 170 руб. на одно преступление. Сумма эта, как видим, близка к средней месячной заработной плате рабочих и служащих. В целом можно без преувеличения констатировать, что материальный ущерб, причиненный преступной деятельностью, стал в 80-е годы огромным. Причем большая часть похищенных денег и ценностей остается у преступников.

Огромные суммы, оседающие в антиобщественной среде, способствовали появлению общих денежных фондов профессиональных преступников, установлению сбора дани с отдельных категорий лиц, распространению азартных игр. В свою очередь, жесткие сроки уплаты дани игорного долга стали выступать одной из причин совершения тяжких преступлений против социалистической собственности и личной собственности граждан.

Таким образом, показатели материального ущерба от преступлений со всей очевидностью свидетельствуют о возможности использования похищенных денег и ценностей в качестве основного или дополнительного источника существования определенных категорий правонарушителей.

Важно учитывать, что преступник, совершив одно преступление, может обеспечить себя суммой денег, равной не только месячному окладу рабочего или служащего, но нередко и годовой их зарплате (например, группа Сверчкова в течение 5 лет причинила посредством краж и разбоев материальный ущерб гражданам на сумму 1 млн. 137 тыс рублей).

«Доходы» профессиональных преступников

Бесспорно установлено, что многие категории преступников живут только на доходы, получаемые от преступлений. Причем они не просто существуют, а ведут престижный, респектабельный образ жизни, их материальная обеспеченность значительно превышает обеспеченность трудящегося человека. По данным исследования, карманный вор в среднем ежемесячно имеет от краж 500 рублей дохода, а в летние месяцы в городах-курортах – по несколько тысяч рублей.

Средний преступный доход от одной квартирной кражи превышает тысячу рублей, а от кражи, совершенной квалифицированным способом, – две тысячи; от одного карточного мошенничества он достигает 500—700 руб. Мошенники, занимающиеся «ломкой» чеков, имеют в день полторы тысячи рублей, игрой в «наперсток» – до нескольких тысяч. Что касается обогащения посредством краж, скупки и перепродажи культурных ценностей, автомашин, похищений людей с целью получения выкупа, то здесь каждое преступление связано с тысячами и десятками тысяч рублей^[5]. По данным В. А. Климова, средняя сумма выкупа, устанавливаемая похитителями детей, колеблется от 15 до 100 тыс руб. Ущерб, причиненный 126 изученными нами организованными группами, составил 3, 5 млн руб. В Узбекской ССР, где только в течение первого квартала 1985 года было ликвидировано 19 таких групп, совершивших более 300 преступлений, у преступников описано и изъято имущества и денег на сумму 1 млн. руб., наложен арест на 30 легковых автомобилей. Более того, у сообщников одного из главарей преступной организации г. Ташкента Осипянца и братьев Розенгауз при обыске изъято 4 млн. руб.

Профессиональные преступники «ворочают» суммами, не идущими с этими ни в какое сравнение. Именно наличием крупных сумм определяется авторитет современного лидера уголовной Среды. В процессе исследования были выявлены, в частности, факты своеобразного состязания профессиональных преступников в накопительстве денег и ценностей. Отдельные действия преступников вообще выходят за рамки понятия противоправного дохода, поскольку связаны с организацией крупного бизнеса.

«Сберегательные кассы» профессиональных преступников

За последние 15 лет в крупных городах страны и во многих ИТУ получила развитие профессиональная взаимопомощь преступников, имеющая довольно сложную систему сбора, хранения, использования денежных средств. Установлено, что подобная взаимопомощь осуществляется на основе создания общих денежных фондов, получивших название «общаковых касс». В отличие от прежних лет в последнее время кассы стали формироваться не только в ИТК, но и в условиях свободы и предназначены для: обеспечения лидеров уголовной среды и лиц из их ближайшего окружения, содержащихся в местах лишения свободы, но прежде всего в тюрьмах, штрафных изоляторах, на особом режиме и в республиканских больницах; оказания помощи семьям профессиональных преступников вплоть до назначения стабильных сумм, выплачиваемых в виде пенсии; подкупа должностных лиц; развития подпольного «цехового» производства; занятия ростовщичеством (известны случаи, когда уголовно-воровскими кассами пользовались расхитители).

Существуют три разновидности общих денежных касс преступников, обусловленные местом их создания и контингентом субъектов пользования:

1. Кассы, создаваемые из паевых взносов членов организованных сообществ преступников, занимающихся противоправной частнопредпринимательской деятельностью. В зависимости от размеров пая каждый из членов кассы получает в дальнейшем и соответствующую прибыль. В этих целях устанавливается стоимость одного процента «дела», выбирается кассир, который ведет дело производство. Деньги хранятся в оборудованных тайниках и систематически проверяются членами группы по документам (ревизуются).

2. Общие денежные кассы, создаваемые в местах лишения свободы. Их назначение несколько примитивнее, чем у расхитителей: ставки и расчеты в азартных играх, приобретение наркотиков, дефицитных продуктов питания, поддержание престижа лидера и его окружения. Они содержатся и пополняются из таких источников: а) поборы осужденных, организуемые по утвердившейся системе. По рекомендации лидирующих осужденных («зоновская семья»), куда входят авторитетные воры («хорошие парни», «бродяги», «паханы» и «подпаханники»), в каждом отряде

ИТК назначается от двух до пяти осужденных, ответственных за сбор материальных средств, а также старший, который отвечает перед «ворами в законе» за состояние кассы в отряде (на тюремном жаргоне она называется «шрифтом» отряда). Основной его обязанностью является сбор с осужденных денег, чая, продуктов питания, предметов ширпотреба и т. п. Каждый осужденный должен вносить в общую кассу один рубль с пяти рублей, на которые он приобретает вещи и продукты в магазине, отчислять 20% от суммы получаемого перевода или карточного выигрыша; б) добровольные вклады членов неформальных группировок отрицательной направленности; в) сбор налога от азартных игр. В данном случае с каждого кона («стука») игры в очко осужденные отчисляют один рубль. За одну ночь, таким образом, в кассу поступает от 200 до 300 рублей; г) поступления из общей воровской кассы, находящейся вне мест лишения свободы; д) отчисления от нелегального производства.

Следует отметить, что суммы общих касс в местах лишения свободы относительно небольшие – от 1 до 60 тыс. рублей.

3. Общие денежные кассы уголовных элементов, действующих в условиях свободы. Они образуются более сложным путем, чем в ИТУ. К основным источникам их формирования можно отнести: а) добровольные вклады различных категорий профессиональных преступников, преимущественно карманных и квартирных воров, мошенников, сбытчиков наркотиков, лиц, совершающих разбои и вымогательства. На добровольное пожертвование после предложения соответствующих организаторов кассы соглашается до 50% таких лиц; б) взимание дани с лиц, живущих на нетрудовые доходы, чаще – расхитителей социалистического имущества. В этих целях в 1979 году в г. Кисловодске на специальной сходке профессиональных преступников присутствовали представители делового мира расхитителей – «цеховики», которые согласились централизованно выплачивать по 10% от суммы получаемых доходов взамен гарантированной без – опасности. Там же были определены даты поступления денег и их сборщики; в) поборы с лиц, занимающихся различного рода противоправной деятельностью с целью извлечения нетрудовых доходов. В настоящее время насчитывается около 20 категорий таких лиц. Среди них – врачи, занимающиеся частной практикой; директора ресторанов; заведующие барами, кафе; спекулянты; работники вторсырья и другие; г) отчисления за различного рода услуги – юридическую помощь, обеспечение информацией, разрешение конфликтов, споров и т. п.

По данным большого числа изученных документов органов внутренних дел установлено, что сбор денег в общие кассы осуществлялся во многих городах страны. Денежный фонд касс колебался от 50 тыс. до 1 млн. руб. В 1987—1988 гг. органами внутренних дел из этих касс изъято и обращено в доход государства около 350 тыс. руб.

За обеспечение сохранности общих касс в условиях свободы отвечают до восьми – десяти человек, пользующихся наибольшим доверием (на жаргоне эта группа называется «сообщаковая братва»). Держатели воровских касс глубоко законспирированы («сидят в ямах»), имеют право выносить смертный приговор лицам, допустившим грубое нарушение финансовой дисциплины. Такой приговор нередко следует за сокрытие и присвоение сборщиками или иными лицами денег, предназначенных для воровских касс, а также за отказ от внесения денежных средств.

Вызывают интерес способы и места хранения общих денежных фондов. В ИТК они хранятся наличными у одного из осужденных, который отвечает за них под страхом смерти. Нередко им является внешне законопослушный осужденный. В условиях свободы в хранении денег нередко оказывают помощь лица, занимающие определенное положение в обществе (певец, музыкант), а главное – имеющие легальные формы дохода. У каждого члена «сообщаковой братвы» на связи несколько таких лиц, которые кладут определенные суммы денег в сберегательные банки на предъявителя: сберегательные книжки у них, талон – у преступника.

Кассы взаимопомощи преступников

Помимо описанных выше существует еще одна форма концентрации денежных средств – кассы взаимопомощи, которые используются для оказания разовой помощи преступникам, нуждающимся в деньгах. При получении денег обычно назначается срок уплаты или погашения задолженности. Деньги из такого рода касс используются также на различные организационные мероприятия – устройство сходов, встречи лидеров уголовной среды и организацию их досуга.

Думается, что сказанное избавляет нас от необходимости дискутировать по поводу того, могут ли преступники существовать только посредством совершения корыстных преступлений.

КАТЕГОРИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ НОРМЫ ИХ ПОВЕДЕНИЯ

Дно преступности

Для того чтобы лучше познать современную преступность «изнутри», определить ее качественные тенденции, необходимо изучить уголовно-профессиональную среду через существующую в ней субкультуру, иными словами – так называемую «вторую жизнь». Субкультура уголовной среды, включающая неформальные нормы поведения, установки, особый язык (жаргон), манеры, песни, татуировки, свойственное ей отношение к закону и т. п., выполняет те же функции, что и культура, однако во всем ей противоречит и являясь ее антиподом. Без знания этой субкультуры трудно иметь реальное представление о сплоченности профессиональных преступников, об изменении их психологии.

Современная уголовная среда представлена шестью основными категориями преступников, пять из которых составляют ее профессиональное ядро. К ним относятся «воры в законе», «авторитеты», «дельцы», «каталы», «шестерки» (к непрофессиональным – «мужики», «пацаны», «обиженные» и «опущенные»). Рассмотрим каждую категорию в отдельности.

«Воры в законе»

Это лица (как и в 50-е годы), получившие такое название на специальной воровской сходке, как правило, неоднократно судимые и глубоко усвоившие криминальную субкультуру. Они по-прежнему считаются «идейными» преступниками. Абсолютное их большинство судимо за корыстные, корыстно-насильственные преступления и сбыт наркотических веществ. Средний срок отбытого наказания в местах лишения свободы достигает, по нашим данным, 13 – 15 лет.

Как и раньше, вступление в сообщество ограничено и связано с соблюдением ряда формальностей. Основные требования к кандидатам следующие: преданность воровской «идее»; обладание организаторскими способностями и преступным опытом; знание воровских «законов»; отсутствие «компрометирующих» данных (служба в армии, работа в ДНД, членство в ВЛКСМ, государственные награды); наличие авторитета среди профессиональных преступников, письменные или устные рекомендации от них. Однако по неформальным нормам поведения нынешние «воры в законе» существенно отличаются от группировок рецидивистов 50-х годов.

Психология воров, особенно нового их поколения, претерпела существенные изменения, а вместе с тем модифицировались и сами «законы». При изучении личности 73 «воров в законе» оказалось, что 11 из них не имели судимости. Столь грубое отступление от воровских традиций было связано с тем, что прием осуществлялся за деньги. Подобные случаи вступления в сообщество «за взятку» стали распространенными и способствовали разделению преступников на «новых» и «старых».

Современные «воры в законе» в отличие от воров 50-х годов стараются тщательно маскировать свой антиобщественный образ жизни под внешне законопослушный. Изменилось и само понятие преступника данного типа. Во-первых, сам он уже не совершает преступлений, а делает это с помощью других лиц («пехоты»). Во-вторых, его деятельность связана преимущественно с решением организационных вопросов, нередко таких, за которые в 50-е годы сходка приговаривала к смерти. В частности, «вор в законе» стремится устанавливать контакты с работниками правоохранительных органов и иных административных учреждений, он может отступать от любых неформальных норм, лишь бы это шло на пользу ему и его окружению. В-третьих, он отходит даже от занятия кражами. Только четвертая часть изученных «воров в законе» имела косвенное отношение к тайному хищению чужого имущества. Остальная масса занималась организацией рэкета, азартных игр и преступлений,

связанных с наркоманией. Таким образом, можно сделать вывод, что понятие «вор в законе» трансформировалось и приобрело совершенно иную, более социально опасную криминальную окраску.

Тем не менее сегодня следует различать две категории «воров в законе»: лиц, жестко придерживающихся старых воровских традиций (они получили название «нэпманских воров»); и преступников, модифицирующих старые положения блатного «закона», устанавливающие новые неформальные нормы поведения применительно к изменившимся социальным условиям. Между ними ведется борьба, в основе которой стоит неприемлемость «старыми» новых воровских установок. Они обвиняют новое поколение «законников» во лжи, корысти, называют их «сторожами» расхитителей и пытаются подорвать их авторитет в среде уголовных элементов. «Новые» стремятся путем подкупа и угроз привлечь на свою сторону авторитетных представителей старой группировки, а нередко уничтожают их физически.

В целом для данной категории профессиональных преступников типичны следующие принципиальные неформальные нормы поведения, определяющие структуру группировки и некоторые ее функции: а) пропаганда преступного образа жизни, воровской «морали», «этики», «справедливости», активное расширение своего окружения путем вовлечения молодежи, усвоившей воровские обычаи и традиции; б) поддержание тесной связи с лидерами других организованных сообществ, оказание на них влияния, определение «воровской тактики» и формулирование новых неформальных норм поведения; в) организация общих денежных фондов и их пополнение; г) выявление расхитителей, мошенников, спекулянтов и иных лиц, живущих на нетрудовые доходы, с целью установления контроля за ними; д) оказание материальной помощи осужденным вора, их семьям и другим лицам из их окружения; е) принятие коллективных решений о проведении воровских сходок и по вопросам, рассматриваемым на них. Повестка сходки определяется в отличие от 50-х годов не одним вором, а группой лиц, («сообщаковой братвой»). Обсуждаемые вопросы предварительно вора не сообщаются, интересоваться ими не принято и считается подозрительным. Воровская сходка – это форма коллективного решения наиболее важных вопросов «воровской жизни», таких, например, как определение источников пополнения денежных фондов, ликвидация лиц, предавших интересы сообщества, разрешение каких-либо противоречий, возникающих в среде преступников, изменение форм и методов противоправной деятельности. Места сходок определяются заранее, для чего используются любые благоприятные легальные условия – свадьбы, крестины, именины и даже похороны. В условиях ИТУ сходки нередко организуются в областных, межреспубликанских и республиканских больницах для лечения осужденных; ж) ведение контрразведывательной работы в отношении действий сотрудников уголовного розыска, что нередко достигается с помощью коррумпированных связей; распространение ложных слухов, дезинформирующих главнейших соперничающих группировок; обеспечение безопасности лидеров уголовной среды; з) осуществление судебных функций по разрешению возникающих среди преступников конфликтов, рассмотрению совершенных ими проступков и нарушений норм воровской «морали», определение мер наказания виновных.

В исправительно-трудовых учреждениях эти особо опасные лидеры помимо названных выше неформальных установок придерживаются некоторых особых норм поведения, обусловленных спецификой условий нахождения осужденных в изоляции. Они должны: а) общаться только с лицами себе подобными, либо приближенными к воровской касте; б) все недозволенное в ИТУ делать через посредников, для чего иметь так называемую «пристажь» (своего рода слуг). Ее составляют лица, выполняющие за «вора» черновую работу, отдельные поручения («шестерки»), берущие его вину на себя («громоотводы»), выполняющие карательные функции («быки», «солдаты»); в) иметь нелегальный канал связи с внешним миром («дорогу»), по которому осуществляется доставка запрещенных предметов, денег и продуктов питания; г) руководить группировкой отрицательной направленности, которая по их заданию распространяет ложные слухи в отношении осужденных, вставших на путь исправления, «обрабатывает» вновь прибывших в зону осужденных, искаженно толкует советское исправительно-трудовое законодательство и т. п.; д) занимать наиболее удобные, лучшие места в общежитиях, камерах (около окон, в углах, на первых ярусах коек, нар), столовых, банях, клубах и т. п.; е) тактически уметь подрывать авторитет администрации и актива осужденных, используя допущенные ими ошибки и просчеты, при необходимости провоцировать отдельных сотрудников ИТУ и членов актива на допущение срывов, ошибок; выполнять указания администрации с выгодой для себя и приближенных осужденных, не давать работникам ИТУ никакой информации о внутренней жизни осужденных; ж) изыскивать возможность работать на престижных, легких работах (бригадами, нарядчиками, парикмахерами, банщиками), не участвовать в ремонте и строительстве инженерно-охранных сооружений, выполнять нормы выработки за счет других осужденных; з) активно выявлять среди работников ИТУ и военнослужащих охраны лиц, могущих вступить в противоправные контакты; и) носить по возможности форму не установленного образца, иметь широкий ассортимент предметов туалета.

«Авторитеты»

Это профессиональные преступники, занимающие определенное положение в уголовной среде, пользующиеся в силу разных причин и обстоятельств признанным авторитетом. Такие лица есть среди карманных и квартирных воров, мошенников, расхитителей, скупщиков и сбытчиков антиквариата и других преступников.

Эта категория дифференцируется на две группы. Первую условно можно отнести к приближенным «воров в законе», из них рекрутируется воровское сообщество. В зависимости от особенностей преступной деятельности и местных, региональных условий «авторитеты» получили разные жаргонные обозначения, что создало неправильное мнение о большом числе самостоятельных, обособленных группировок, имеющих якобы присущую им иерархию, – «фрайера», «kozyрные фрайера», «блатные», «свояки» и т. п.

Вторая группа преступников является независимой в силу своих материальных возможностей. Она имеет окружение, личную охрану, консультантов. Чаще всего в роли «авторитетов» выступают крупные шулера и вымогатели, с которыми «воры в законе» вынуждены считаться и идти на определенные компромиссы.

В целом анализируемая категория преступников придерживается правил поведения, характерных для «воров в законе», но в отличие от них не может: а) созывать воровские сходки, организовывать общие денежные фонды в местах лишения свободы или распоряжаться средствами созданных «касс»; б) участвовать в воровских сходках с правом решающего голоса, принимать решения, относящиеся к компетенции «воров в законе»; в) осуществлять судебские функции, за исключением права разрешать конфликты, возникшие в своем окружении.

Отдельных лиц из числа этой категории «воры в законе» назначают ответственными за определенный участок противоправной деятельности. Но может быть выдвинуто и другое лицо, которое сразу же занимает положение «авторитета» зоны; в отдельных случаях ему выдается документ («мандат»), подтверждающий полномочия. Более того, если в ИТУ того или иного региона нет «воров в законе», то «смотрителя зоны» назначают преступники, находящиеся на свободе.

«Дельцы», «цеховики»

К ним относятся лица, совершающие преступления в сфере экономики и хозяйствования. В числе «дельцов» – спекулянты, должностные преступники, расхитители, валютчики, «цеховики» – лица, занимающиеся противоправной частнопредпринимательской деятельностью, создавшие цеха по выпуску неучтенной продукции. Это очень многочисленная и разветвленная в масштабе страны группа профессиональных преступников, имеющая свои структурные образования и связи, «мораль», неформальные предписания и санкции. Причем многие атрибуты их субкультуры как наиболее оптимальные для современных условий были трансформированы в традиционную уголовную среду и ею приняты, в частности, это – создание денежных фондов в условиях свободы и третейских судов.

«Каталы»

Профессиональные преступники, занимающиеся азартными играми. Данная разновидность преступников возникла на основе преступной деятельности и субкультуры шулеров. Уголовные традиции шулеров гораздо глубже, чем обычаи «воров в законе». Организованная деятельность карточных мошенников сложилась в конце 60-х годов, когда «законники» маскировались под обычных правонарушителей («мужиков»), а многие из них выполняли функции охранников у крупных шулеров. Уже в то время «каты» собирались на специальные сходки («съезды»), делили сферы своего влияния, имели телохранителей.

В середине 70-х годов среди «катал» разрасталась за счет «переквалификации» многих правонарушителей, избравших своей новой «профессией» азартные игры, в том числе мошеннические. В настоящее время вокруг «игроков» формируются своеобразные объединения уголовных элементов, чему способствуют специальные игорные притоны – так называемые «катраны». Места для устройства азартных игр технически оснащены и глубоко законспирированы. У «катал» существуют многие виды азартных игр и различные правила, регулирующие порядок уплаты долга, размер пени за просроченный долг, причём действуют они на территории всей страны.

«Шестерки»

Категория преступников, стоящая на низшей ступени иерархии, занимающая как бы рядовое положение.

Преступная деятельность «шестерок» связана с непосредственным совершением преступлений, выполнением поручений лидеров уголовной среды. Они, например, выступают в роли «наводчиков», сбытчиков похищенного, посредников, связников, сборщиков денежных средств и т. п. В условиях свободы «шестерки» могут возглавлять преступные группы, иметь свое окружение, но при этом строго подчиняются уголовному «авторитету». В местах лишения свободы они составляют окружение лидеров, их прислугу.

«Мужики» и «пацаны» (молодежь переведенная из ВТК)

Это лица, осужденные, занимающие обособленное положение по отношению к другим неформальным объединениям осужденных. По своему составу и положению они неоднородны. Некоторая их часть, преимущественно молодежь («пацаны»), осужденная за разбои, грабежи и кражи, стремится примкнуть к «ворам в законе».

Для лиц, поддерживающих «воров в законе», типичны следующие особенности поведения: стремление быть независимыми, одобрение и выполнение общих неформальных норм, сложившихся в среде осужденных; обращение с жалобами к «ворам в законе» в случае ущемления их прав со стороны членов других группировок; уклонение от уборки мест общего пользования; стремление иметь запрещенные предметы.

Необходимо отметить, что среди «мужиков», содержащихся в колониях строгого, особого режимов и тюрьмах, в последнее время выделяется особая разновидность осужденных, именующих себя «бандитами». Действуют они и в условиях свободы. Их основная цель – противостоять, мстить «ворам в законе» и их пособникам. В отличие от основной массы «мужиков» эта категория представляет собой организованную часть осужденных, имеет своих лидеров, общую кассу. Они выявляют «законников», стремятся их скомпрометировать, в том числе посредством провокаций. В колониях, где авторитет «бандитов» высок, они совершают над «ворами» акты мужеложства («опускают»), после чего последние теряют авторитет даже среди своего окружения.

«Обиженные» или «опущенные»

Это осужденные, которые отвергнуты всеми другими. Данная категория формируется в процессе противоречий, возникающих между осужденными в СИЗО, ВТК, ИТК и тюрьмах из числа лиц, подвергнутых насильственному гомосексуализму, осужденных за пассивный гомосексуализм, развратные действия в отношении малолетних детей, изнасилование несовершеннолетних. Характерно, что эти лица крайне отрицательно относятся к «ворам» и их пособникам, но между ними как в местах лишения свободы, так и вне их отсутствует устойчивая связь (они не объединяются в группировки, не живут так называемыми «семьями»). После освобождения из ИТУ часть их пополняет ряды бродяг.

«Достойная» смена

Исследование показало, что аналогичные стратификационные процессы наблюдаются среди несовершеннолетних устойчивых преступников. Они также дифференцируются на категории, придерживающиеся уголовно-воровских традиций и занимающие определенное положение в криминальной среде. По данным Н. М. Якушина, в последние 15 лет выделились такие категории несовершеннолетних преступников, которые, будучи связаны неформальными нормами, получили название «воров в законе», «шерстяных», «борзых», «пацанов», «опущенных» и т. п. Это наблюдается как в условиях свободы, так и в целом ряде специальных школ для несовершеннолетних правонарушителей, в ВТК.

Типичным отражением уголовно-воровских традиций в поведении несовершеннолетних являются создаваемые ими группировки в г. Казани, Ульяновске, Йошкар-Оле, которые помимо всего прочего собирают средства для общих касс профессиональных преступников с целью оказания помощи осужденным, находящимся в местах лишения свободы.

Не попавшие в касту

Кроме перечисленных выше уголовно-профессиональных категорий существует значительное число преступников, формально в их состав не включенных, находящихся как бы за их рамками. Они имеются среди воров, мошенников, грабителей, вымогателей и достаточно полно усваивают статус профессионального преступника в среде уголовных элементов. Не случайно при распределении осужденных по производственным бригадам большинство из них стремится попасть в те коллективы, где есть лица, судимые за аналогичные преступления. То же самое отмечается в поведении профессиональных преступников, находящихся в условиях свободы.

Система криминальной информации

Важный элемент субкультуры профессиональных преступников – постоянное осуществление связи между ними и способы передачи информации. Эта система совершенствовалась многими поколениями профессионалов. Одним из основных способов является зашифрованная информация, передаваемая через связника, что чаще всего наблюдается в местах лишения свободы (к этому прибегал еще преступный мир дореволюционной России). Сведения шифруются цифрами на бумаге, материи либо в печатных изданиях (книгах, журналах) и обязательно подписываются составителем. У каждого «вора в законе», например, есть своя подпись, которая заранее известна адресату, указываются первые буквы имени и клички автора письма. Такого рода переписка называется в уголовной среде «ксивами» или «малаями». Если письма носят характер «инструкции», то их подписывает группа лиц, от имени которых они составлены.

Следует отметить, что такие письма являются своего рода охранными грамотами. Связника никто не имеет права обидеть, притеснить, наоборот, все уголовники обязаны оказывать ему содействие.

Информированность профессиональных преступников и способы передачи тех или иных сведений характеризуются исключительной оперативностью (быстротой). Так, при переводе осужденного из одной колонии в другую, не зная заранее, когда именно и куда его направляют, преступники через одну-две недели узнавали о его новом месте отбывания наказания и организовывали преследование, если он предал их интересы.

Небезынтересно отметить, что профессиональные преступники применяют не только современные коды, но и положения тарабарской грамоты феодальной России.

Блатные санкции

Особенностью субкультуры профессиональных преступников является ее непосредственная связь с поддержанием дисциплины и безопасности в их среде. Поэтому не случайно вводятся клятвы, устанавливаются санкции за допускаемые нарушения уголовно-воровских норм.

Однако на смену физическим мерам воздействия все чаще стали приходить меры материального характера. Особенно к ним тяготеют спекулянты, расхитители, карточные мошенники, сбытчики культурных ценностей. Штраф может назначаться за опоздание на деловую встречу (стоимость одной минуты колеблется от 25 до 100 рублей), за обман, за непроверенные сведения, невыполнение обязательств и т. п. Сумма штрафа определяется в зависимости от тяжести совершенного проступка.

С целью недопущения перерастания конфликтов в открытую борьбу, которая может привлечь внимание работников правоохранительных органов, а также восстановления «справедливости» профессиональные преступники имеют третейские суды. В роли судей выступают, как правило, «воры в законе» (у расхитителей – свои судьи), а при возникновении конфликта между двумя группировками из разных городов участвуют лица из третьего города. Что касается многочисленных споров, постоянно возникающих между преступниками, то они решаются на так называемых «разборах» и «правилках», на которых также имеется представительное лицо. От «суда» такие формы отличаются упрощенным порядком разрешения незначительных конфликтов. Однако именно здесь чаще всего возникают вооруженные столкновения.

Жаргон профессиональных преступников

Сопоставление словарей «блатной музыки», других работ по этой проблеме, изданных в дореволюционной России и 20-е годы, с современным жаргоном обнаружило существенные количественные и качественные лингвистические изменения и позволило сделать вывод о том, что уголовный жаргон, как самостоятельная часть субкультуры, имеет тенденцию к дальнейшему «совершенствованию». Криминальный жаргон современных преступников включает около 10 тыс. слов и выражений, что более чем в 2, 5 раза превышает количество жаргонизмов преступного мира царской России.

Установлено, что у карманных воров насчитывается более 400 специальных терминов, отражающих специфику их преступной деятельности, у карточных мошенников – 200, у воров антиквариата – около 100, у распространителей наркотических веществ – также около 100. Существует свой профессиональный жаргон у фарцовщиков, мошенников, «ломщиков» и «наперсточников». Полностью сформировался жаргон спекулянтов, валютчиков, расхитителей и иных групп преступников.

Существенное влияние на развитие жаргона преступников оказывает и «молодежный» жаргон, наполовину состоящий из словосочетаний и сокращений иностранных слов, преимущественно английских.

Татуировки – визитная карточка преступника

Татуировки уголовного характера свидетельствуют либо о принадлежности лица к определенной категории преступников (карманному, квартирному вору, наркоману, «вору в законе»), либо о тяготении к ней.

Татуировки преступников можно разделить на два вида – старые и новые. Первые характерны для рецидивистов, начавших совершать преступления в 30 – 50-е годы и поэтому хорошо знающих их символику. Новые рисунки связаны с изменением структуры уголовной среды, ее психологии и большей частью несут в себе сюжеты, «работающие» на эмоциональное восприятие. Однако при этом не исключается и символизирующее направление татуировок. Причем часть рисунков прошлого по-прежнему хорошо известна и современным преступникам, что лишний раз убеждает в преемственности уголовных традиций. Вывод о том, что татуировки по-прежнему сохраняют блатную символику, причем криптографического свойства, подтверждается исследованиями. Например, «паук в паутине» означает наркомана, «гладиатор» – хулигана, «крест» – карманного вора и т. д.

Кличка – второе имя

Клички преступников, с одной стороны, несут на себе печать традиционности, а с другой – выполняют чисто конспиративную функцию, так как многие профессионалы знают друг друга только по прозвищам. Уголовные клички имеет подавляющее большинство рецидивистов и лиц, длительное время, занимающихся преступной деятельностью, поэтому они существуют почти у всех карманных и квартирных воров, шулеров, сбытчиков наркотиков и других профессиональных преступников. Кличка – обязательный атрибут участника организованной группы.

Особенностью блатных кличек является их постоянство. Даже если преступник сменит фамилию и перейдет на нелегальное положение, для сообщников он по-прежнему останется «Япончиком» или «Бухариком».

Другая особенность клички заключается в отражении фамилии, физических или психологических черт и свойств ее носителя. Если, например, Кудрявый – то это в действительности, наоборот, лысый, если Шлеп-нога, – значит хромой, если Комар – то возможна фамилия Комаров.

С песней по жизни

В уголовной среде по-прежнему распространено так называемое блатное творчество – воровские песни, поговорки. Характерным здесь является замена сентиментальных сюжетов и образов на сцены насилия и жестокости. Особенно это типично для несовершеннолетних и молодых, которые посредством такого творчества самоутверждаются: затянет песню «Идет конвой» и вроде бы сразу предстает эдаким выдавшим виды «блатняком».

ОРГАНИЗОВАННЫЕ ФОРМЫ КРИМИНАЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛИЗМА

Криминальная консолидация – процесс объективный

При характеристике состояния и особенностей современного криминального профессионализма так или иначе затрагивались вопросы организованной деятельности профессиональных преступников: сходки, третейские суды, материальная база и другие элементы организации. Это объясняется тем, что специфика деятельности профессиональных преступников, их многочисленные связи и неформальные нормы поведения объективно создают ее организованные формы, способствующие относительной безопасности, регулирующие те или иные стороны противоправной жизни. Организованность преступников – явление опасное и пока что недостаточно изученное.

В настоящее время насчитывается 14 основных видов преступно-профессиональной деятельности, для которых типично организованное соучастие.

Для характеристики степени и характера организованности преступников представляется целесообразным отойти от традиционного метода описания каждой из категорий групп (воровская, грабительская и т. п.) и, выделив признаки организации, разработать типологию сообществ, показать их особенности.

Общими признаками организованности для обследованных сообществ явились: 1) соподчиненность участников; 2) устойчивость и общность целей; 3) наличие неформальных норм в межличностных отношениях и отношениях к самой деятельности; 4) организационно-тактический признак, включающий совокупность действий, обеспечивающих функционирование группы, – сбор информации, планирование преступлений, обеспечение конспирации и т. п.

Уголовные шайки – этап пройденный

К основным особенностям преступной деятельности организованных сообществ, отличающих их от шаек профессиональных преступников прошлых десятилетий, можно отнести: а) совершение нетрадиционных преступлений, типичных по форме для гангстерских организаций буржуазных стран – шантаж (рэкет), похищение детей с целью получения выкупа или достижения иных целей (киднэпнинг), участие на равных долях с расхитителями социалистического имущества в нелегальном производстве материальных ценностей, контроль нетрудовых доходов отдельных категорий граждан; б) конспирация преступной деятельности с помощью постановки на учет в психоневрологических диспансерах,

получения документов об инвалидности; в) маскировка поведения участников групп под правопослушных членов общества; г) стремление установить противоправные контакты с работниками правоохранительных органов и иных государственных учреждений; д) разделение сфер и территорий своего влияния, подавление мелких групп более крупными и организованными; е) универсальный характер деятельности, способствующий их мобильности и активности в достижении поставленных целей; ж) тенденция к игнорированию связей с лицами, ранее судимыми; з) появление новой формы руководства группой, когда ее управление осуществляется несколькими лицами («советом»); и) сращивание групп общеуголовного профиля с объединениями расхитителей социалистического имущества; к) повышение образовательного и интеллектуального уровня преступников; л) высокая техническая обеспеченность преступных групп нетрадиционными средствами – радиотехникой, боевым отравляющим газом типа Си-Эс и т. п.

Типология криминальных объединений

Указанные выше особенности преступной деятельности являются общими, но в конкретных сообществах они не всегда проявляются одинаково.

По нашему мнению, в основу типологии преступных сообществ целесообразно включить два основных критерия. Первый – это степень и характер соорганизованности. Второй критерий связан с направленностью действий организованного сообщества.

Организованная группа – это простейшая форма связи преступников для совместного совершения преступлений. В этих группах нет четко выраженного лидера, поскольку небольшой количественный состав (2-3 человека), общие интересы участников и их одинаковая криминальная квалификация не вызывают необходимости в более сложной структуре. В подобных группах роли распределены заранее, приемы совершения преступлений четко отработаны, поэтому речь может идти лишь о предварительном выборе объекта посягательства, определении места и времени действий. К организованным группам чаще всего относятся группы мошенников, карманных и квартирных воров, спекулянтов винно-водочными изделиями.

Организованные группировки – более устойчивые объединения лиц, имеющие определенную соподчиненность (иерархию). Во главе данной общности стоит признанный лидер, руководящий всеми ее действиями. Здесь соблюдается жесткий принцип единоначалия: главарь определяет направленность группировки, планирует и готовит преступления, распределяет роли между соучастниками. Однако это может согласовываться и с другими членами объединения.

Группировки возникают как в местах лишения свободы, так и вне их. В первом случае главарь группировки, как правило, подчиняется «вору в законе» или «пахану» зоны, во втором – действует самостоятельно. По численности группировка значительно превышает организованную группу и в среднем имеет семь-восемь активных членов. Преступная деятельность группировки чаще всего связана с совершением различных имущественных преступлений, поэтому сопряжена с определенными криминальными ролями соучастников – воровской разведкой, сбытом похищенного, техническим обеспечением. Именно данный фактор определяет большее число участников и создает достаточно обширную периферию, в результате чего они связаны со скупщиками краденого, сбытчиками наркотиков, поддельвателями документов, техническими работниками и т. п. В свою очередь это обстоятельство вызывает необходимость обеспечения мер конспирации, установления неформальных норм в межличностных отношениях и санкций за их нарушение. Главари группировок бывают осведомлены о других аналогичных сообществах, действующих в пределах города или региона.

Бандитские формирования – форма организованного соучастия, которая в уголовно-правовом понимании заключается в создании вооруженной группы с целью нападения на государственные или общественные предприятия, учреждения, организации либо на отдельных лиц. От группировки их отличает обязательность наличия оружия и преступная направленность – открытое нападение. В криминологической характеристике банд нами выявлены более жесткая подчиненность, высокая активность и исключительная безжалостность по отношению к жертве и соучастникам, нарушившим установленные главарем правила. В среднем на бандитскую группу приходилось 29-30 преступлений, количественный состав ее участников превышал 10 человек. В отличие от группировок банды не имели периферии и сохраняли своеобразную кастовость (замкнутость). Обращает на себя внимание также самый малый удельный вес ранее судимых лиц среди бандитов.

Почти половина главарей банд занимали определенные должности на предприятиях и в учреждениях, многие из них были связаны с работниками правоохранительных органов. Не случайно продолжительность времени действия в бандах оказалась больше, чем в организованных группах и группировках.

Преступные организации – это объединения лиц, степень организованности и характер деятельности которых несут в себе элементы организованной преступности в форме мафии.

Преступные организации имеют пять основных признаков, совокупность которых позволяет отграничить их от прочих организованных сообществ. К ним относятся: 1) наличие материальной базы, что проявляется в создании общих денежных фондов для взаимопомощи и подкупа должностных лиц; 2) коллегиальный орган руководства, при котором управление организацией осуществляется группой лиц, имеющих равное положение; 3) устав в форме неформальных норм поведения, традиций и законов, санкций за их нарушение (в двух из общего числа изученных нами организаций был письменный устав); 4) функционально-иерархическая система – разделение организации на составные группы, межрегиональные связи, наличие руководящего ядра, телохранителей, держателей касс, связников, «контролеров» и т. п.; 5) информационная база – сбор различного рода сведений, разведка и контрразведка.

Следует отметить, что в последние годы преступные организации распределяют сферы своего влияния как в географическом плане, так и по конкретным объектам, лицам. Происходит также заметная их специализация – одни контролируют азартные игры, другие занимаются вымогательством денег у расхитителей, третьи вкладывают средства в подпольные цеха и получают соответствующие прибыли.

Элементы мафии проявляются и в коррумпированных связях. Более того, нередко преступники стремятся проникнуть на работу в органы внутренних дел или с помощью изощренных мер привлечь к преступной деятельности отдельных служащих государственного аппарата.

Работники правоохранительных органов использовались ими для получения необходимой информации, документов, форменной одежды, сокрытия совершенных преступлений. Выявлены неединичные факты, когда такие лица от вспомогательной роли переходили к более активным действиям и занимали в преступной организации лидирующее положение.

В отличие от организаций расхитителей, имеющих те же признаки, но более сложные структуры, в сообществах общеуголовного профиля участники, как правило, знают друг друга. Однако в последнее время практика уголовного розыска стала регистрировать случаи, когда члены организаций оказывались неосведомленными о руководителях сообщества, что типично для многозвеньевых структурных образований с региональными связями.

Главари преступных организаций в подавляющем своем большинстве оказались лицами, ранее не судимыми. Они характеризовались как волевые, дерзкие и предприимчивые люди, обладающие организаторскими способностями, деловыми связями и материальными возможностями.

Преступные организации иногда бывают связаны с другими сообществами (исключая лишь банды), стремятся контролировать их преступную деятельность, подчинить их и заставить служить своим интересам. В этих целях имелись специально выделенные лица («бригадиры»), которые, например, у магазинов «Березка» выявляли «ломщиков» чеков и заставляли их платить дань в размере 30% дневного дохода. Аналогичное можно сказать и в отношении «наперсточников», проституток, сбытчиков наркотиков и т. д.

Кооперация «воров в законе» относится к особой форме объединения, не имеющего аналогов в мировой криминалистической практике. Она составляет касту профессиональных преступников-лидеров, имеет все признаки преступной организации и вместе с тем отличается от нее. Во-первых, – отсутствием территории и места своего нахождения. Во-вторых, – размытостью структуры, поскольку объединение основано на уголовных традициях и неформальных «законах». В-третьих, – практически равным положением состава лиц этой кооперации. В-четвертых, – разными течениями «законников», объединенных общей уголовной «идеей». Отличается данное общество и по криминальной направленности, о чем уже ранее говорилось. В иерархии организованных сообществ кооперация «воров в законе», пожалуй, самая устойчивая, гибкая и находится на верхней ее ступени. Это объединение стало приобретать некоторые политические оттенки. Последнее связано с оказанием организованного противодействия нормальной работе правоохранительных органов по наведению в стране должного правопорядка. Но еще большая опасность кроется в том, что в деятельности «воров в законе» стали появляться элементы международной преступности, о чем свидетельствует связь с некоторыми представителями преступного мира буржуазных стран, которые эмигрировали туда в начале и середине 70-х годов.

Количество «воров в законе» в стране пока достоверно не установлено, поскольку их выявление и учет начались лишь в конце 1985 года. Но уже на 1 января 1990 г. по далеко не полным данным органов внутренних дел насчитывалось более 500 «воров» и 2 тыс. лиц, придерживающихся воровских «законов». По экспертным оценкам, общее их число с учетом латентности составит около трех тысяч, т. е. приблизится к показателю 50-х годов. Однако было бы ошибочным исходить лишь из количественной стороны данного явления, тем более когда речь идет о совершенно замкнутой касте профессиональных преступников, стремящихся ограничить прием в сообщество и одновременно – расширить свое влияние в уголовной среде.

По структуре кооперация «законников», как уже отмечалось, отличается от всех иных организованных сообществ. В Грузии и среднеазиатских республиках в отдельном районе или городе «власть» этой кооперации представлена одним «вором в законе»; там он имеет свое окружение, ведет работу по сбору денег в общую кассу, пропагандирует воровские «идеи» и вовлекает в преступную деятельность новых лиц. Несмотря на свою независимость, «эmissары» подчиняются центральному звену – «сообщаковой братве». В настоящее время есть основания полагать, что среди «воров в законе» выделились наиболее опытные и авторитетные преступники, которые стремятся управлять сообществом в масштабе страны и определять его тактику.

Управление кооперацией осуществляется с помощью воровских сходок, а воздействие на уголовную среду – посредством специально выделенных лиц и воровских обращений.

Программа действий «воров»

В настоящее время в деятельности кооперации «воров в законе» четко обозначилась тенденция к сплочению этого сообщества; в нем стали заметны разногласия между различными течениями, определившимися главным образом по национальному признаку, например, – между грузинскими ворами (так называемой «пиковой мастью») и туркменскими, российскими. Этот вопрос стал активно обсуждаться на воровских сходках. Обобщение стоящих перед «законниками» проблем позволяет выделить следующие:

1. О прекращении именоваться «ворами» тем, кто не имеет отношения к «воровской семье», о сплоченности воровских рядов и устранении разногласий.
2. О распространении своего влияния на прибалтийские республики, где мало «воров в законе».
3. Об объявлении презрения и войны бродягам, хулиганам и насильникам, которые создают и формируют якобы неправильное мнение об уголовной среде.
4. О всяческой поддержке лиц, осужденных за кражи личного, государственного и общественного имущества.
5. Об использовании в своих интересах большого притока в ИТК расхитителей и молодежи.
6. О проявлении заботы о преступном мире, утверждении в ИТК веры в преступный мир.
7. О повышении грамотности «воров в законе», занятии их спортом.
8. О построении взаимоотношений с работниками правоохранительных органов.

Таким образом, мы столкнулись с целой программой действий, рассчитанных на перспективу и выживание кооперации «воров в законе». И это не просто слова. Это реальность, с которой нельзя не считаться. Она подтверждается и другими данными. В частности, органами внутренних дел разоблачена организация «воров в законе» под названием «Союз истинных арестантов», которая ставила своей целью активное противодействие администрации ИТУ, бойкотирование закона об уголовной ответственности за злостное нарушение правил внутреннего распорядка и режима содержания осужденных. В организации была своя программа, которая включала создание общей денежной кассы, оказание помощи осужденным профессиональным преступникам, ведение идеологической работы среди молодежи и т. д.

Поэтому не являются случайными меры конспирации и структурные образования «пятерок» в местах лишения свободы. К одной из реально существующих моделей такой пятерки относится следующая.

1. «Вор в законе» – единоличный лидер, имеющий в своем окружении осужденных с разными ролевыми функциями.
2. Хранитель общей кассы – он также имеет доверенных лиц, отвечающих за сбор «общака» в отрядах.
3. Телохранитель – лицо, обеспечивающее безопасность «вора в законе» и всей его пятерки.
4. «Советник» – лицо, хорошо ориентирующееся во внутренних вопросах ИТУ, помогающее «вору в законе» советами при решении спорных вопросов, с которыми к нему обращаются «рядовые» осужденные.
5. «Ученик» – кандидат на «вора в законе», проходящий обучение у лидера по всем вопросам воровской жизни (на случай замены).

К одной из опасных тенденций деятельности кооперации «воров в законе» относится организованная работа по установлению своего влияния на осужденных ИТУ. Делается это также с помощью обращений, подкупа, угроз, терроризирования осужденных и путем направления специальных эmissаров, которым выдаются мандаты с полномочиями.

«Законники» на службе у дельцов

Заслуживает интерес и другой аспект организованной роли «воров в законе» – сращивание их с расхитителями. Сейчас распространено мнение, что связь эта носит односторонний характер и выгодна только «законникам». Действительно, определенную власть над дельцами они имеют (таких «законников» называют «жуками») – вымогают деньги, насильственно становятся компаньонами и вкладывают в подпольное производство свои средства. Каждый такой «жук» распространяет свое влияние на отдельный регион и контролирует его с помощью приближенных лиц. Сейчас «воры в законе» аналогично действуют в отношении кооператоров.

Однако в большей мере подобная деятельность была характерна для первоначального этапа паразитирования за счет расхитителей. В последние годы отмечается другая тенденция – привлечение расхитителями «воров в законе» и других уголовных элементов к совместной деятельности. Пользуясь большими материальными возможностями, незаконными связями с работниками отдельных государственных учреждений, расхитители ведут достаточно планомерную и тонкую работу в этом направлении. Если вначале они выплачивали «ворам в законе» и другим «авторитетам» уголовной среды 10 – 15% от суммы доходов (что делается и сейчас), то в настоящее время все чаще привлекают их в качестве компаньонов, заставляя при этом нести охрану, сбыт продукции и выполнение различного рода поручений. Например, по указанию расхитителя Раджапова членами преступной организации Волошина был убит за вознаграждение в 30 тыс. руб. конкурент Мирзаев. Представляется, что процесс сращивания приобретает продуманную, рассчитанную на перспективу линию поведения расхитителей. Об этом же свидетельствуют факты их участия в воровских сходках.

ОТЛИЧИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ОТ ОРГАНИЗОВАННОЙ Что понимать под организованной преступностью?

Где, у нас в стране? Но, позвольте, скажет читатель, ведь организованная преступность давно ликвидирована и об этом не раз писали. Да, писали. Но никто из авторов и трибунов не задавался простым вопросом: а была ли она вообще в нашей стране? Ведь даже сейчас, когда факт ее

существования признан официально на Съезде народных депутатов СССР, когда в органах внутренних дел созданы подразделения по борьбе с ней и, наконец, когда обнародованы вопиющие факты связи уголовных элементов с представителями высших эшелонов власти, некоторые ученые и даже практики (как правило, из числа крупных руководителей) все же пытаются отрицать это явление, причем не прибегая к научным аргументам.

Для того чтобы подойти к пониманию и объяснению столь сложного феномена, возникшего в условиях нашего общества, нужно прежде всего объективно оценивать социальную и криминологическую ситуацию в стране. Наличие преступных организаций и кооперации «воров в законе», многомиллионных хищений государственного имущества, распространение рэкета, наркомании и проституции со всей очевидностью указывает на то, что общество столкнулось с чем-то большим и опасным, нежели профессиональная преступность. Уже сам термин «организованная преступность» предполагает такие преступления, которые совершаются устойчивыми объединениями лиц, носят планомерный характер. Сообществ такого типа правоохранительные органы разоблачают ежегодно не одну сотню. Однако этого недостаточно для признания организованной преступности в качестве самостоятельного вида преступности. Необходим еще один признак – коррупция, под которой понимаются не просто дача или получение взятки за оказание какой-либо услуги, а постоянная связь должностных лиц с организованными преступниками. Именно данный признак лежит в основе отграничения профессиональной преступности от организованной. Очевидно, не случайно и то обстоятельство, что удельный вес служащих среди участников организованных групп, по результатам нашего исследования, составил 26%. Как видим, общество столкнулось с еще одной проблемой – так называемыми «белыми воротничками» в преступности. Долгое время считалось, что это удел стран капитализма. К сожалению, коррупция, распространившаяся в нашем обществе, существенно изменила не только нравственные начала, но и саму преступность.

Надо заметить, что организованные преступники теперь редко используют случайные обстоятельства для установления коррумпированных связей, а чаще создают их сами, применяя не только подкуп, но и изощренные приемы шантажа и провокаций. Выявлены случаи, когда они с помощью проституток и наркотиков втягивали в притоны детей некоторых крупных должностных лиц, обыгрывали их там в карты, а затем, заставляя платить долг, склоняли к совершению преступлений, после чего шантажировали родителей. Действовало это безотказно.

Но было бы не совсем верно видеть в организованной преступности только непосредственную связь преступных групп с работниками административных органов. В последнее время обозначилась тенденция опосредованной связи, когда представители элитарной части уголовной среды, имея определенные контакты с должностными лицами, выступали посредниками в противоправных сделках. Это дает возможность организаторам групп не затрачивать усилий на поиск нужных им представителей власти, а решать возникшие вопросы через специальных лиц.

При оценке организованной преступности нужно принимать во внимание и такой факультативный признак, как виды преступной деятельности. Именно для нее типичны рэкет, похищение людей в корыстных целях, обогащение от проституции и сбыта наркотических веществ. Поэтому, не претендуя на бесспорность, можно дать следующее рабочее определение организованной преступности, под которой понимается относительно массовая распространенность устойчивых управляемых сообществ преступников, создающих систему своей безопасности с помощью коррумпированных связей и занимающихся преступлениями как профессией (бизнесом).

Уровни организованной преступности

Очень важно различать уровни этого явления. Их три. Первый включает устойчивые организованные группы, совершающие хищения государственного имущества в сфере экономики, а также занимающиеся мошенничеством, вымогательством, разбоями, грабежами и кражами. Второй уровень предполагает те же сообщества, но имеющие коррумпированные связи с представителями хозяйственных или административных органов. Третий уровень специфичен и выводит нас на прообраз мафии. Речь здесь идет об объединении ряда групп в одну преступную организацию, имеющую функционально-иерархическую систему управления. В западной литературе это получило название сетевой структуры организованной преступности. Как правило, руководят такой организацией несколько человек, образующих нечто вроде совета. Подобные структурные объединения имеют межрегиональные связи, объединяют как профессиональных преступников, так и «белых воротничков», создают свои денежные фонды и системы безопасности.

Сферы организованной преступности

Как вид преступности это явление целостное, но применительно к нашим социальным условиям оно имеет определенные особенности, поскольку включает две сферы приложения – экономическую и общеуголовную (блатную). Дифференциация сферы необходима для практики, так как в одном случае действуют органы БХСС, в другом – аппараты уголовного розыска. Надо сказать, что эти две сферы все более сужаются из-за происходящего сращивания экономических преступников и традиционно профессиональных. Процесс сращивания оказался довольно длительным и достаточно сложным для обеих категорий уголовных элементов. Но он был закономерен. В начале 60-х годов крупными расхитителями государственного имущества являлись, как правило, потенциальные жертвы блатных. Поэтому дельцов-расхитителей обыгрывали в карты, грабили, похищали у них детей, назначая огромные суммы выкупа. Но так бесконечно продолжаться не могло. Преступники от экономики стали привлекать блатных к выполнению отдельных поручений, например, для расправы над конкурентами, охраны и сбыта неучтенной продукции. Некоторые «авторитеты» стали переходить к ним на постоянную службу. Со временем была достигнута взаимовыгодная договоренность: «цеховики» обязывались отчислять блатным 10-15% от суммы противоправного дохода, а те, в свою очередь, должны были не только воздерживаться от каких-либо посягательств на их личность и имущество, но и охранять от нападений других групп. Так утвердился в нашей стране западный образец рэкета.

Отличия организованной преступности от шаек и банд

Нередко можно слышать, что организованная преступность – явление, возродившееся в недрах застойного периода. Конечно, самое легкое объяснение – это списать ее на застой в обществе. Думается, что будет правильнее говорить не о реставрации организованной преступности, а о ее рождении в период с 1966—1982 гг.

Разумеется, отрицать существование крупных шаек преступников в дореволюционной России и первые годы Советской власти никто не собирается. Может быть, для тех времен они и являли собой нечто вроде организованной преступности. Но можно ли шайки воров и грабителей, даже отдельные факты коррупции, отнести к организованной преступности, в понятие которой криминологи многих стран вкладывают совершенно определенный смысл? Очевидно, нет. Старая организованная преступность (назовем ее так условно), формируемая из шаек профессиональных уголовников, приобрела в современных социальных условиях совершенно иное качественное состояние, весьма схожее с аналогичным явлением развитых буржуазных стран. Во-первых, появилась сетевая структура организации, при которой стал возможен и даже неизбежен раздел сфер и территорий между группами. Во-вторых, произошло сращивание преступников общеуголовного профиля с расхитителями, тех и других – с представителями государственного аппарата. После того как в газете «Известия» в статье «Коррупция» рассказано о связи высших эшелонов власти с преступными группами, участников которых амнистировали за взятку, отрицать это попросту бессмысленно. Такое трудно найти даже во времена Гришки Распутина. В-третьих, организованные группы преступников проникли в экономику и даже политику. Последнее характерно только для организованной преступности.

В чем отличие «нашей» организованной преступности от буржуазной?

Было бы неверно говорить об идентичности этих видов преступности, поскольку разные общественные отношения лежат в их основе. Организованная преступность в нашем государстве сравнительно молода, а потому имеет менее прочные связи. В отличие от буржуазных стран

она не является формой полулегального бизнеса. Правда, случаи отмывания денег уже стали появляться с развитием кооперативного движения. Не имеет наша организованная преступность и транснациональных связей. В отличие от мафии она замкнута в рамках границ нашего государства. Но это пока и в целом. А в частности, уже появляются уголовные дела, в которых такая связь установлена, правда, на уровне отдельных участников групп.

Распространенность организованной преступности

Немаловажной проблемой является определение массовости и географии этого опасного явления. По данным проведенного исследования, удельный вес разноразмерных организованных групп колеблется в зависимости от региона от 4% до 26% к числу всех разоблаченных. Но это показатель видимый, он не отражает реальной картины, поскольку организованная преступность имеет высокую степень латентности[™]. Говоря образно, проценты отражают лишь верхнюю часть айсберга. В этой связи нельзя признать обоснованными установки, требующие, причем без соответствующей статистики и системы борьбы с организованной преступностью, математической точности ее измерения. Пока что поднят ее верхний пласт, нижние слои предстоит вскрыть специализированным подразделениям. Данные же предварительного исследования позволяют констатировать, что организованная преступность сформировалась в большинстве республиканских, краевых и областных центров, в Москве, Ленинграде.

Опасность организованной преступности и тенденции ее развития

Организованная преступность прежде всего угрожает государственному аппарату. Способствуя и порождая коррупцию, она подрывает экономику, активизирует уголовные элементы, вызывает у населения неверие в возможность создания правового государства. При этом к одной из наиболее опасных тенденций можно отнести вовлечение в ее орбиту молодежных группировок отрицательной направленности. Например, в г. Казани, Чебоксарах, Люберцах Московской области и др. выявлена определенная связь бандитствующих группировок молодежи (преимущественно несовершеннолетних) с организованными преступниками из так называемой высшей лиги. По указке лидеров уголовной среды члены молодежных группировок г. Казани, например, занимались рэкетом, сбором денежных средств для общих воровских касс, устраивали массовые беспорядки, отвлекали на себя силы правоохранительных органов.

В целом анализ практики и проводимые исследования указывают на то, что в ближайшие годы в развитии организованной преступности можно ожидать еще ряд негативных тенденций, которые необходимо учитывать при определении уголовной и правоприменительной политики в условиях демократизации общественных процессов. К основным из них относятся: 1) активное установление контроля над многими видами индивидуальной трудовой и кооперативной деятельности, особенно связанной с общественным питанием, бытовым обслуживанием населения, производством товаров народного потребления; 2) использование в целях личной наживы новых форм прямых договорных связей советских предприятий и организаций с зарубежными партнерами на основе валютного хозрасчета, что может привести к установлению транснациональных связей организованных преступников; 3) дальнейшее сплочение общеуголовной и хозяйственно-корыстной преступности, монополизация на базе подавления крупными преступными сообществами мелких групп, дальнейшее распространение рэкета, увеличение бандитских формирований; 4) разделение сфер влияния между организованными преступными сообществами, приводящее к осложнению криминологической обстановки в стране; 5) усиление противодействия правоохранительным органам, связь с националистическими элементами; 6) специализация преступных сообществ на бизнесе от азартных игр, проституции, сбыта наркотиков, рэкета и др.

Эти явления в преступности имеют самые серьезные социальные последствия для экономической и правовой ситуации в стране.

В настоящее время наметился процесс отрыва верхних звеньев организованной преступности, успевших «отмыть» деньги, и переход их в легальные сферы. В условиях перестройки хозяйственного механизма это можно сравнить со своеобразной диверсией, подрывающей базис общественных отношений. Ведь по существу происходит насильственное изъятие из государственной казны материальных фондов, укрепление позиций «теневой экономики».

Организованная преступность стимулирует, активизирует уголовные элементы, объединяя и контролируя их деятельность. В силу этих и иных обстоятельств она блокируется с «механизмом торможения» перестройки. Не случайно на Съезде народных депутатов СССР многие народные избранники с большой озабоченностью говорили о разрастающейся в стране организованной преступности, а в качестве опаснейших проявлений противопорядка называли коррупцию, мафию, вымогательство и взяточничество.